

ББК 63. 3 (5 Каз)
П 64

**Секция “История и этнография”
Государственной программы
“Культурное наследие”**

К. Н. Бурханов (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужиков

Составление тома и указателей,
транскрипция текстов, историографический очерк
К. Ш. Алимгазинова

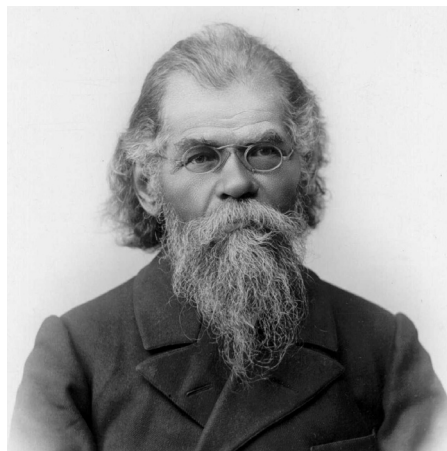
Научный редактор
И. В. Ерофеева

П $\frac{0503020905}{00 (05) - 06}$

ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 9965-798-26-5

© Алимгазинов К. Ш., сост., 2006
© Издательство “Дайк-Пресс”, оформление, 2006

Историко-этнографическое наследие Г. Н. Потанина

Научное наследие русского ученого-путешественника Г. Н. Потанина по праву занимает особое место в казахстанской исторической науке. В XIX веке Центральная Азия все еще оставалась малоисследованным европейскими учеными регионом. Богатый эмпирический материал, тщательно собранный Потаниным, дает читателю полную картину жизни, быта, обычаев племен и народов Центральной Азии. Стремление получить информацию из первых рук выступает исследовательским кредо ученого, осознающего актуальность и значимость для своего времени собираемых историко-этнографических материалов. Свидетельства стороннего наблюдателя тем более ценны, поскольку внимание акцентируется буквально на всем автохтонном, чуждом зрению европейского человека. Этим и объясняется историко-источниковедческая и историко-культурная ценность трудов Г. Н. Потанина. Не случайно вклад ученого в изучение народов Центральной Азии отмечается практически во всех академических изданиях (БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 20. С. 425; Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 472–473; Краткая географическая энциклопедия. М., 1966. Т. 5. С. 284; Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 275–276; и др.).

Григорий Николаевич Потанин родился 21 сентября 1835 года в поселке Ямышевском недалеко от Павлодара. Отец его, Николай Ильич Потанин, был офицером Сибирского казачьего войска при окружном приказе Баянаульского округа Омской области. Он известен не только как отец знаменитого ученого, но и как один из первых русских путешественников, проникших в Среднюю Азию.

В 1846 году Г. Н. Потанин поступил в Сибирский кадетский корпус в Омске, где познакомился с Ч. Ч. Валихановым. В 1852 году семнадцатилетний Потанин оканчивает корпус в чине хорунжего и направляется для прохождения службы в 8-й казачий полк в Семипалатинск. В конце 1853 года в составе 8-го казачьего полка Г. Н. Потанин участвует в основании крепости Верный. А в 1856 году он был переведен в Войсковое правление Омска. Именно здесь судьба сводит его с известным путешественником П. П. Семеновым-Тян-Шанским. Это знакомство определяет его дальнейшую жизнь: в 1858 году Г. Н. Потанин бросает военную службу и решает продолжить образование в университете. Получив рекомендации, он в марте 1859 года прибывает в Петербург и поступает вольнослушателем естественно-исторического отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Здесь, в тесном кругу студентов-сибиряков — Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шишков, Ф. Н. Усов и другие — зародилось сибирское областничество. Возникнув как кружок студентов-единомышленников для изучения родного края — Сибири, движение приобретает общественно-политическую направленность. В начале 60-х годов сторонники идеи за возрождение Сибири вступают в открытую борьбу за демократические реформы в России. В октябре 1861 года Г. Н. Потанин за участие в студенческих волнениях был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, откуда чуть позже, в том же году, был выслан на родину под надзор полиции. Только спустя четырнадцать лет, в 1874 году, ему разрешат вновь поселиться в Петербурге для подготовки к очередной экспедиции.

Одну из первых своих научных экскурсий Потанин совершил летом 1862 года на Урал. А уже в 1863 году он в качестве переводчика и натуралиста экспедиции астронома К. В. Струве отправляется к устью реки Кокбекты, впадающей в озеро Зайсан,

и затем, на следующий год, в сопровождении проводника Тана Тлемисова — к подножию гор Тарбагатай, к озеру Маркаколь. Обязанности среди ее членов были четко распределены: Струве вел маршрутную съемку, Потанин собирал гербарий. Главной целью экспедиции была съемка местности для составления подробных карт, но для Г. Н. Потанина эта экспедиция выразилась во всестороннем изучении края: в свой отчет о поездке он включил, как пишет сам, “массу любопытнейших сведений о быте казахов”, которые, к тому же, были дополнены ценными документальными данными из архивных хроник XVIII — начала XIX века из Омского архива. В силу ряда объективных факторов большая часть документального наследия того времени не дошла до наших дней и доступна исследователям Центральной Азии лишь благодаря тем обширным выпискам из архивных документов, которые проделал ученый. Особенно это касается приводимых в трудах Г. Н. Потанина архивных материалах, датированных первой половиной XVIII века. В этом отношении произведения Потанина дают исследователям уникальную возможность ознакомиться с частью несохранившихся документов по истории Казахстана и Центральной Азии. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что значение научной деятельности Потанина для более полного изучения истории казахского народа было отмечено уже в трудах казахской интеллигенции начала XX века.

Г. Н. Потанин, еще будучи казачьим офицером, много времени проводил в Омском архиве, изучая документы по истории Сибири. При изложении своих путевых заметок и отчетов по путешествиям исследователь довольно часто обращался к документальной базе материалов и архивных источников, с которыми ему довелось работать прежде. Безусловно, даже этот пласт архивного материала, присутствующий в трудах ученого, может стать объектом самостоятельного источниковедческого изучения. Поэтому помимо историографической ценности произведения Г. Н. Потанина несут историко-источниковедческую значимость, что и объясняет уникальность публикуемых в настоящем сборнике материалов.

Документальный пласт архивных материалов, собранный исследователем, использован практически во всех его трудах и путевых заметках. Отчет о поездке по Восточному Тарбагатаю летом

1864 года дополнен у Г. Н. Потанина “Известиями из архива правления области сибирских киргизов в Омске”, “Сведениями о торговле”, статистическими выписками из архивных документов и др. Характеристика взаимоотношений России с джунгарскими правителями выстроена ученым также на архивных материалах (см. статью “Наши сношения с джунгарскими владельцами”, напечатанную в “Сборнике историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах” в 1876 году и публикуемую в настоящем издании). В подборе и публикации документов Потанин придерживался определенной системы. Все его работы предельно насыщены архивными материалами. В работах, касающихся Казахстана, четко прослеживается цель — познакомить русское общество с историей и бытом казахского народа. И эта тенденция обнаруживается уже в ранних исследованиях и отчетах ученого о своих путешествиях.

В совместном труде “Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 года Карла Струве и Григория Потанина”, опубликованном в 1867 году, Г. Н. Потанин подробно рассказал о своей поездке в край. Благодаря его стараниям, многие страницы этой книги занимает описание быта казахов (кочевки на джайляу, пословицы и поговорки, загадки, песни, сказки). К отчету приложены обнаруженные в Омском архиве сведения о горах Заир и Иреньхабирга, материалы о торговле Семипалатинска в конце XVIII века. Добравшись до озера Маркаколь, он узнает, что расположенные в этом районе казахские аулы рода кожамбет имеют в Зайсанской долине небольшие посевы, а зимовки в горах, у озера. С интересом наблюдал Г. Н. Потанин каждый вечер рыбную ловлю. “Собиралось более 50 человек на быках. Это были поставщики от семейств; они привозили с собой два общественных невода — единственные у целого рода кожембет. Почти вся компания, состоящая из взрослых и детей, заезжает на быках в воду гораздо ниже истока и с криком и горящими головнями гонит рыбу вверх по Кальджиру; в самом выходе реки закидывается невод и вынимается, когда рыба скопится в нем. Вынутая рыба складывается в общую кучу на берегу; закидывание невода и пугание рыбы повторяются несколько раз, так что шум и крик не переставали на реке в течение целой ночи...”. Казаки, пишет путешественник, “отправляясь на ловлю, берут с собой несколько товаров из кокпектинских лавок и

выменивают их киргизам на рыбу, продукты скотоводства и даже земледелия. Таким образом, стан их у Бакланьего мыса имел вид ярмарки. Этот характер еще увеличивается приездом крестьян, которые пробираются сюда по Нижнему Иртышу из Усть-Каме-ногорска”.

Путешественник отмечает стремление казахов к оседлости. Он пишет: “Стремление к оседлости у местного кочевого населения очень заметно; многие киргизы и чоло-казаки подают прошения на отвод земель, все спешат поскорее занять место и обзавестись явочным актом на него; иногда подают прошение на одно и то же место разом”. Путешественник обращает внимание на распространение у местного населения русских орудий труда и предметов быта, появившихся в здешних краях в результате торгового обмена, и дополняет свои подтверждения обнаруженными им в архиве Областного правления сибирских киргизов “любопытными известиями” об этой торговле. Ряд фактов, которые приводит Г. Н. Потанин, заслуживают внимания в контексте исследовательского интереса к методам организации и характеру торговых отношений России и окраин. Стремление к выработке общей стратегии экономического поведения Российской империи по отношению к инородцам на местах приобретало формы попыток узурпации и перехвата экономических рычагов управления регионом русской администрацией у сложившейся административно-торговой верхушки населения, с одной стороны, и лоббирования частнособственнических интересов — с другой. Отмечая караванный характер торговли, путешественник пишет, что только “в некоторой степени в караванной торговле принимали участие и русские купцы”. Продолжительное пребывание русских купцов в регионе “отчасти происходило от тогдашней вялости ведения торговых дел; товары, завезенные в страну, могли быть проданы только в продолжительный срок; бухарские товары были завезены в Сибирь в последний раз в 1752 году и еще в 1760 году, т. е. через 8 лет вывозились из Тобольска в киргизскую степь. Также, вероятно, и привлекательная жизнь на теплом юге долго удерживала русских людей от выезда в Россию... Коменданты крепостей старались монополизировать торговлю за собой; директор Ямшевской таможни Бушуев жаловался в 1700 году, что комендант крепости св. Петра Лесток стесняет свободу торговли

в пользу своих дворовых людей”. В итоге это приводило к тому, что торговля приобретала бессистемный и бесконтрольный характер. “Контрабанда, т. е. продажа беспощинно недозволенных товаров и тайный ввоз и вывоз запрещенных товаров, достигла в Сибири значительных размеров”. В XVII столетии в руках среднеазиатских купцов была вся внутренняя торговля Сибири, отмечает исследователь. “Вести соперничество с ними русским почти невозможно, потому что для этого русским недостает единства религии с киргизами и возможности вступать с ними в родство; последнее обстоятельство весьма важно для торгового влияния и кредита в степи”.

Экспедиционные работы с целью изучения состояния озера Зайсан, жизни его обитателей в зимних условиях продолжались с начала 1864 года до лета. Кроме того, были обследованы верховья Иртыша, горная система Тарбагатая. Участие Потанина в составе экспедиции астронома К. В. Струве дало ему возможность изучить рыболовство на озере и собрать богатую ботаническую коллекцию. Ценный материал послужил основой для написания совместно с К. В. Струве отчета об экспедиции и двух статей.

Г. Н. Потанин одним из первых заговорил о взаимовлиянии русских крестьян и казахов. В “Заметках о Сибирском казачьем войске” он отмечает, что “казаки, живущие в станицах по Иртышу, более походят на мещан, чем на крестьян. Весь ряд иртышских станиц представляет рассеянный город. Причина такого развития заключается в соседстве инородцев и местности, более благоприятной для скотоводства, чем для земледелия; где эти условия были слабее, там и характер казаков ближе к крестьянскому, чем к городскому... Главную основу народной пищи составляют молоко и мясо ... Здешний казак — ловкий торговец, кулак и плохой работник. При домах содержатся наемные работники, почти все из киргизов; сами же казаки предпочитают проводить время в разъездах по аулам для сбора своих долгов. В наездничестве они не уступают киргизам. Киргизский язык не только не пренебрегается, но и считается разговорным; киргизские обычаи также многие усвоены: так, например, казаки охотно пьют кумыс и едят конину. Кража баранов из киргизских аулов, когда казаки находятся на годичной службе в киргизской степи, доведена у них до того же искусства, как и у самих киргизов, по пословице “С волками жить — по-вол-

чьи выть”. Самое сильное взаимодействие русского и киргизского народного духа происходит, как пишет Г. Н. Потанин, около Коряковской станицы: “Обе расы здесь отчасти смешались... Здесь много между казаками крещеных киргизов и даже киргизок, так что здесь можно встретить хоровод из смуглых и плоских лиц, и можно услышать песню, представляющую смесь киргизского языка с русским. Все окрестные киргизы сделали много заимствований из русской жизни, и даже многие живут в землянках, по крайней мере, в зимнее время; а казаки здешние, в свою очередь, подчиняются сильному влиянию киргизов, следуют в одежде их модам и в домашней жизни предпочитают киргизский язык своему. Это влияние видно также и на женщинах. Впрочем, влияние Востока отразилось и в остальной Сибири: русская женщина в сибирских городах переняла у татарок обыкновение накидывать халат на голову, выходя из дому, жевать листовничную серу, подпоясывать рубашки мальчиков под самые мышки, а не по середине туловища”.

В октябре 1864 года Потанин был прикомандирован к Томскому губернскому совету по крестьянским инородческим делам. С 1865 года он принимает активное участие в издании неофициальной части “Томских губернских ведомостей”.

Летом 1865 года Г. Н. Потанин был арестован вместе с Н. М. Ядринцевым за распространение радикальных идей и воззваний. Он был направлен в Омск в распоряжение следственной комиссии. Даже находясь в заточении, ученый продолжает работать с материалами местных архивов и в 1868 году издает “Материалы для истории Сибири”. В этот же год он был приговорен сенатом к 15 годам каторжных работ. Однако чуть позже, в том же году, приговор, вынесенный Г. Н. Потанину, был заменен ссылкой на каторжные работы на 5 лет в одну из крепостей Финляндии. И в 1868—1871 годах Потанин находился на каторжных работах в Свеаборгской крепости.

После помилования в 1874 году по ходатайству П. П. Семёнова-Тян-Шанского ученый до 1902 года проживал в Петербурге. В этот период он совершает несколько этнографических научных экспедиций в Среднюю Азию, Тибет, Монголию и Китай.

Весной 1876 года по поручению географического общества Г. Н. Потанин отправляется в Северо-Западную Монголию. Экс-

педиция в течение двух лет исследовала эту страну со всех сторон, причем были собраны богатые данные по всем направлениям географических знаний. За первой экспедицией вскоре последовала вторая (в 1879 году), имевшая целью изучение центральной части Монголии. Результаты поездок были обнародованы РГО в "Очерках Северо-Западной Монголии", вышедших в 1883 году. В ходе экспедиций Г. Н. Потанина были получены обширные сведения по географии до этого малоизвестных и неизученных областей Центральной Азии, собраны большой гербарий и зоологические коллекции. Работа ученого не ограничивалась лишь сбором и констатацией видов растений, произрастающих в этом регионе: ему удалось записать произношение названий этих растений и животных на местном наречии, проследить динамику географии объекта исследования и дать собственную интерпретацию происхождения этнических терминов.

Большую ценность представляют собранные Г. Н. Потаниным материалы по культуре, быту и народному творчеству многих тюркских и монгольских народов Сибири и Центральной Азии, а также тангутов, китайцев, дунган. Безусловно, многие труды ученого, написанные по материалам его путешествий, посвящены Монголии и Тибету. Однако несомненен тот факт, что в них содержится ценный и оригинальный материал о народах Российской империи, в частности о казахах. Желание изучить историю казахского народа проявилось у Потанина еще в юношеском возрасте, в годы учебы в Омском кадетском корпусе, когда он подружился с Ч. Ч. Валихановым. Их дружба продолжалась почти двадцать лет. Годы учебы выявили и закрепили интерес к географии и этнографии Казахстана. Сказались и семейные традиции: историей казахских степей увлекался отец исследователя — Н. И. Потанин.

Быту и культуре казахов посвящены многие труды Г. Н. Потанина. Исследователь старался проследить динамику развития народа на протяжении истории, подмечал новые черты в его жизни после вхождения территории Казахстана в состав Российской империи и в связи с влиянием русских крестьян на быт казахов.

Отчеты о путешествии по Северо-Западной Монголии содержат ценный материал по истории эпоса тюркских и монгольских народов. Особую значимость представляют собранные материа-

лы этнографического характера о племенах и народах, населяющих этот регион. Так, все население Северо-Западной Монголии по племенному составу Г. Н. Потанин разделяет на три группы: монгольскую, тюркскую и китайскую. К тюркской группе путешественник относит киргизов, занимающих южный склон Алтая к долине Черного Иртыша, урянхайцев, говорящих на турецком языке и занимающих котловину между Саянами и Тангнуолой, сартов, населяющих деревни в предгорьях Тянь-Шаня.

Ценный материал представляют сведения об этническом составе, расселении, хозяйстве, культуре и вероисповедовании тюркских племен: киргизов и торгоутов, занимающих южные склоны Алтая и Тарбагатая. Г. Н. Потанин заносил в свои дневники рассказы о происхождении этноса, киргизские названия пальцев, животных и растений, обозначения созвездий и небесных явлений, сказки и предания народа. Табличная форма представления собранной информации позволяет наглядно проследить наличие элементов заимствования легенд и поверий, этнонимов, слов и выражений из языков другого этноса. Путешественник к тому же в своих обширных примечаниях и пояснениях к каждому записанному этнониму и слову проводит параллели с культурной традицией европейских народов, обнаруживая много общего.

В своих изысканиях Г. Н. Потанин исходил из идеи, что развитие мировой культуры находится в синтезе азиатских и европейских форм и возрождении на этой основе народов Востока, посредническую же роль в этом процессе должна сыграть просвещенная Сибирь, ее народы. Этим проникнуты труды Потанина “Очерки Северо-Западной Монголии” (СПб., 1881–1883), “Тангуты-Тибетские окраины Китая и Центральная Монголия” (СПб., 1893). С 1893 года ученый занимается обработкой собранных материалов по этнографии и фольклору. Полученные результаты своих изысканий он обобщает в серии опубликованных трудов по истории и культуре народов Центральной Азии и Сибири. Особое место в его исследованиях занимает историко-сопоставительный анализ европейской и восточной культур.

Отчеты Г. Н. Потанина перед Императорским Русским географическим обществом, членом которого он был избран в 1862 году, отличались особенностью стиля научного изложения. Комплек-

сный характер обследования изучаемой территории — физико-географические характеристики региона, гидрометеорологические наблюдения, картографирование местности, сбор образцов флоры и фауны, этнографические наблюдения, запись фольклорных произведений — представлял собой разносторонний охват самого широкого спектра данных, скрупулезно собранных и систематизированных в рамках каждой его работы.

Его путевые заметки, дневники и отчеты, представленные перед членами ИРГО, получили высокую оценку со стороны научной общественности: Г. Н. Потанин становится известным как путешественник-исследователь, этнограф и фольклорист. За свои путешествия в 1886 году он был награжден Константиновской золотой медалью Императорского Русского географического общества, а в 1887 году ему была назначена пожизненная пенсия.

С осени 1902 года и до конца своих дней Г. Н. Потанин жил в Томске. Умер ученый в клинике Томского университета летом 1920 года в возрасте 85 лет.

Значительный интерес представляют ранее широко не публиковавшиеся материалы путешествий 1863—1864 годов, рецензии ученого на произведения других исследователей, аннотации и эссе, а также труды обобщающего характера, которые вошли в настоящий сборник. Большая часть публикуемых нами документальных источников труднодоступна для исследователей: она разбросана по разным архивам или же форма хранения документа носит пленочный характер (микрофильм), что значительно затрудняет работу с материалом источника. К числу таких материалов, вошедших в настоящий сборник, относится рецензия Г. Н. Потанина на рукопись капитана И. Г. Андреева. Следует отметить археографическую пунктуальность ученого. Потанин подробно описывает не только внутреннюю атрибутику источниковедческого материала, но и ее внешние признаки: форму сохранности, особенности почерка автора. Немаловажным фактом является раскрытие Г. Н. Потаниным природы происхождения источника. Он пишет, что рукопись была составлена Андреевым в 1785 году по поручению сибирского губернатора Якоби, для чего Андрееву была дана возможность проехать от Усть-Каменогорской крепости до Пресногорьской; автор жил в некоторых местах по 10 дней, расспрашивая знающих людей

и киргизских старшин. Сравнивая показания капитана Андреева с имеющимися у него статистическими данными, сведениями из других источников, Г. Н. Потанин прослеживает целый ряд изменений в социальном устройстве, бытовой жизни и обычаях народа. За 90 последних лет киргизы, заключает ученый, раздвинули свои пределы на 300 верст к востоку. Вообще русское господство на Иртыше, отмечает он далее, послужило в пользу киргизскому народу: он умножился и расселился. По мере того как русская военная линия развивалась к востоку, калмыки отступали перед ней, а оставленные ими места тотчас же занимали киргизы. Ценность наблюдений капитана Андреева Г. Н. Потанин видит и в обнаруженных автором записок изменениях в обрядах и праве казахов. Ряд положений обычного права казахов были новостью, как отмечает Г. Н. Потанин, и для знатоков традиций коренного населения: в случае убийства жены не только возвращение калыма от мужа, но и разделение остального его скота между родственниками тестя; преклонение колена перед султаном; протягивание через кибитку шнура, за который должна держаться роженица; издирание платья жениха за лишение невинности невесты до брачного обряда и т. д. Рекомендуя в печать труд И. Г. Андреева о казахах Среднего жуза, Г. Н. Потанин писал: «Желательно, чтобы рукопись Андреева как первый этнографический труд о киргизах, могущий служить для сравнения прежнего состояния степи с современным, была напечатана в «Записках» Общества по отделению этнографии. Этим Г. Н. Потанин открыл И. Г. Андреева как исследователя Центральной Азии перед научным сообществом своего времени.

Неоценим вклад Г. Н. Потанина в дело собирания, изучения и публикации устного поэтического творчества казахского народа. Ученый в своих трудах решительно выступает против расистских теорий о неполноценности духовной культуры ряда народов Центральной Азии. Изучение исторических корней устного народного творчества дало возможность исследователю предоставить ранее неизвестные сведения о характере и сущности мировоззрения кочевых народов Азии. Фольклорные изыскания ученого демонстрируют процесс осмысления Азии как особого культурного феномена. Материалом же, наиболее адекватным подобному исследованию,

выступает для ученого фольклор. Именно Г. Н. Потанину принадлежит заслуга введения в широкий научный оборот многих образцов казахского фольклора.

Свой вклад в изучение культуры Востока ученый видел в сборе, обработке, интерпретации именно азиатского фольклорного материала, восточных сюжетов и образов. Собранная уникальная коллекция историко-этнографического, фольклорного наследия Азии сегодня нуждается в специальном углубленном исследовании и прежде всего — в выявлении еще неопубликованных материалов.

Бесценный фактологический материал и уникальные сведения о быте, хозяйстве, социальной структуре казахского общества заслуживают самого пристального внимания как ученых-специалистов, так и широкого круга читателей, интересующихся прошлым нашего Отечества. Часть богатейшего научного наследия Г. Н. Потанина до сих пор остается малоизвестной научной общественности.

К. Ш. Алимгазинов

Литература

Сагалаев А. М., Крюков В. М. Г. Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991.

Письма Г. Н. Потанина в 3 томах. Иркутск, 1987, 1988, 1989.

Поборник дружбы // Алексеев Н. В. Хранители памяти. Алма-Ата, 1988. С. 94–104.

Г. Н. Потанин: идеологические основания региональной литературы // Серебренников Н. В. Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород, 2000. С. 9–22.

Шиловский М. В. Полнейшая самоотверженная преданность науке: Г. Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск, 2004.

Каташ С. С. Сибирский Прометей (о вкладе Григория Николаевича Потанина в фольклористическую науку) // Материалы портала <<http://www.informika.ru/>>

Новикова Е. Г. Г. Н. Потанин в Томске: филология, Сибирь, Восток и христианство // Материалы интернет-портала Томского государственного университета <<http://www.tsu.ru/>>

Пелих Г. И. Г. Н. Потанин о роли общины в истории человечества // Материалы интернет-портала Томского государственного университета <<http://www.tsu.ru>>

Потанин Г. Н. О нем // Материалы интернет-портала Томской библиотеки <<http://library.tomsk.ru>>

Паршукова Н. П. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин о городах Сибири // Материалы интернет-портала <<http://hist.dcn-asu.ru/>>

Потанин Г. Н. О нем // Материалы интернет-портала Томской областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина <<http://oblastnichestvo.lib.tomsk.ru>>

Имя в истории. Г. Н. Потанин // Материалы интернет-портала “Централизованная библиотечная система г. Иркутска” <<http://cbs.irkutsk.ru>>

Потанин Г. Н. О нем // Материалы интернет-портала “Альпинисты северной столицы” <<http://www.alpklubspb.ru/>>

Григорий Николаевич Потанин (1835–1920 гг.), путешественник, этнограф // Материалы веб-сайта Восточно-Казахстанской областной библиотеки им. А. С. Пушкина <<http://imena.pushkinlibrary.kz>>

Паршукова Н. П. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин о городах Сибири // Материалы веб-сайта <<http://new.hist.asu.ru/biblio/gorsib>>

Путешествие на озеро Зайсан и речную область Черного Иртыша до озера Маркакуль и горы Сарытау летом 1863 года Карла Струве и Григория Потанина

Исходной точкой нашего путешествия была русская колония Кокбекты, единственная на плоскогорье озера Зайсана. Кокбекты лежит в западном конце Зайсанской равнины, гораздо ближе к горам, ограничивающим равнину с запада, чем к озеру; куполообразная возвышенность Калмыктологой находится только в 11 верстах к северу от селения, а горы Уррентау, образующие южную окраину долины Кокбекты, лежат еще ближе. Пространство между горами есть степь, понижающаяся с обеих сторон к р. Кокбекты и так обильно поросшая кустарниками таволожника (*Spiraea hypericifolia*), что кустарники эти доставляют селению значительное количество топлива.

Вожаком нашей экскурсии был бий Тана Тлемисов, знаменитый во всей равнине Зайсана как у подданных, так и у неподданных киргизов своими познаниями в степном обычном праве и искусством в юридической практике. Прежде Тана кочевал в Южном Алтае в течение нескольких лет и потому был порядочно знаком с его географией; там он имел племянника Мухаммедсултана и многих других родственников и в это временное пребывание свое в Южном Алтае составил себе такую известность, что впоследствии, когда он возвратился в русские степи, из Южного Алтая к нему не переставали ездить киргизы для решения спорных дел. Все это давало надежду найти в нем незаменимого жоака по Южному Алтаю. Сверх того, он уже был раз проводником одного ученого-путешественника, горного инженера Влангали.

25 апреля мы выступили из Кокбектов и вечером, после небольшого перехода, остановились в урочище Коктерек, в ауле Таны, который вместе с прочими родичами своими, мурунами, двинулся

со своих зимовок у подошвы Тарбагатая от урочища Тюемуйнак, через жаркую долину Кокбекты, на прохладные вершины Караджал в Калбинском хребте.

По приезде мы были приглашены в юрту Таны, где ожидало нас обильное угощение чаем, кумысом и бараньим мясом. Тана пользовался в степи званием мирзы за знание обычаев и обязательств степного гостеприимства; потому, вероятно, прием, сделанный нам Таною, отличался образцовым выполнением степных приличий; но мы не описываем их, потому что они были уже раз описаны г-ном Влангали.

В юрте у Таны мы нашли много европейских вещей; Тана, кажется, выбрал между европейскими товарами все, что только подходило к кочевому быту; так, например, он перекочевывал со своих зимних пастбищ на летние и обратно в хорошем тарантасе, запряженном тройкой; погребцы его заключали все разнообразие русской чайной посуды и серебра; кумыс у него подавался в европейской фарфоровой вазе необыкновенно тонкой работы и разливался не самодельным деревянным “саптаяком”, а серебряной суповой ложкой. Русские железные щипцы для вынимания углей из печи также оказались очень приличными в юрте киргизского богача. Вообще Тана совершал свои перекочевки с таким комфортом, какой только может придумать для себя европейский путешественник по Средней Азии.

На другой день мы сделали небольшой переход и остановились у могилы Кичубая, возле рытвины, в которой нашли лужу воды, полугодной к употреблению. Рытвина эта служила продолжением Кокбекты, но река здесь теряет непрерывное течение и разбивается на маленькие озеринки; эти озеринки русские называют омутами, а киргизы — карасу. Карасу, на которой мы остановились, называлась по соседней могиле: Кичубайкарасу. Берега Карасу представляли глинистые незначительной высоты обрывы, на которых непосредственно начиналась степь, покрытая сверху щебнем и поросшая мелкими кустарниками таволги (*Sp. hypericifolia*) и караганы.

27 апреля мы разбили свои юрты в урочище Джусагач, против могилы Абакана. Джусагачем называется та часть течения все той же Кокбектинки, где снова в обилии выступает вода и вызывает не только разнообразную луговую, но и древесную растительность.

Название Кокбекгы только русские распространили на все течение этой реки от вершины до устья; киргизы же дают этой незначительной речке четыре названия. Горное течение ее до русского селения они называют Кендыкты, около селения — Кокбекты, ниже — Джусагач, и, наконец, устье ее называют Кы.

Поэтому-то Риттер и был введен в недоумение разногласием дневника Путимцева (1811) с русскими картами.

“Хотя южнее Букони, — говорит Риттер, — на русских картах обозначается р. Кокбекты (рус. пер. Риттера. Т. III. С. 15), которая, по-видимому, течет очень издалека, из киргизской степи в озеро с западной стороны, однако Путимцев, называя ее, тотчас же упоминает о незначительной Джусагач”. Риттер думал, что это рукав р. Кокбекты. Нет никакого сомнения, что Путимцев пересек течение р. Кокбекты в том месте, где она носит название Джусагач, и не слышал других ее имен. Поводом к такой многоименности, вероятно, послужила нецелность течения реки и разнохарактерность в образовании ее ложа и берегов.

Около русского селения река течет в невысоких глинистых берегах, и степь, поросшая кустарниками таволги, приближается почти к самой реке; но у нижнего конца селения побережье ее уже превращается в луг, оживленный разнообразною растительностью; кустарники жимолости, шиповника мешаются с высокими травами: *Clematis integrifolia*, разными крестоцветными, сложноцветными и другими. Близ воды цветут *Alisma Plantago*, а в самой воде — хары и конфервы (нимфей я не находил, хотя о них упоминает Влангали). Соседняя степь обращена в нивы; речка местами запружена мельничными плотинами, но большею частью разведена по ирригационным каналам.

В 5 верстах ниже селения река начинает уже разбиваться на отдельные озерины, но промежутки между ними незначительны, заросли травой и имеют сырую почву. Далее луговой характер прекращается; сухая степь, покрытая щебнем и таволгой, приближается к ручному ложу, а последнее имеет вид сухой рытвины, в которой местами лежат карасу с застаивающейся водой. В Кичубайкарасу уже в апреле месяце мы нашли воду, имевшую неприятный соленый вкус. Позже, в июле, вода до того испортилась, что во время обратного путешествия мы уже не могли сделать привала

на этой карасу. Кроме того, и число карасу в рытвине, вероятно, уменьшается: некоторые совсем высыхают, и расстояния между остальными становятся так значительны, что во время обратного путешествия мы от Джусагача до Кичубайкарасу не нашли даже и гнилой воды.

Окрестная степь пустынна; незначительные холмы, более высокие к югу от мнимого русла реки, только на вершинах своих образуют незначительные обнажения глинистого сланца, а пологие их скаты к реке закрыты наносом глины, который сверху присыпан щебнем сланца и порос таволгой (*Sp. hypericifolia*) и караганой (*Caragana frutescens*).

В низких местах долины, около карасу, появляется чий — знак, служащий неизбежным спутником подобных скоплений воды.

В урочище Джусагач исчезнувшая река внезапно выступает из почвы многими ключами свежей и чистой воды, которые текут параллельно один другому, сливаются, опять разъединяются, теряются, снова появляются и наконец образуют одну общую, не бедную водой речку Кылы. Урочище Джусагач состоит из широкой низменной площади, усеянной крупными валунами, в которых лежат спутанные линии старых сухих русел, углублений со стоячей водой и, наконец, текущих ключей; ложе представляет всевозможные стадии своей истории образования. Местами нагромождены кучи совершенно обнаженного галечника; между ними лежат омуты, поросшие камышом и конфервами; иногда углубления, содержавшие воду, совершенно высохли; на дне их, состоящем из мелкой дресвы, растет *Seratocephalus orthoceras* и *Asparagus*, а на обнаженных грядках валунов — толстые и неуклюжие пни тополей, корни которых врываются в сырую почву, лежащую под валунами, а тупые вершины пускают молодые ветви. Между их стволами возникает разнообразная кустарная растительность: жимолость, тал, черганак (*Ribes diacantha*, Pall.), на котором уже висели конические кисти цветов, боярышник и шиповник (черемухи, которую здесь находил Путимцев, я не заметил). Тополевый лес дал повод к названию урочища Джусагач — по-киргизски “сто деревьев”. В действительности их более, но нельзя назвать лес густым; стволы тополей так редко расставлены, что со стороны они не представляют сплошной массы, а между деревьями видны большие промежутки.

В этом лесу и животная жизнь была оживленнее, чем в степи; насекомые жужжали в кустарниках, на тополях сидели в бесчисленном количестве *Chrysomela tremulae*; внутри леса свистал соловей, в чаще скрывалось много зайцев.

Окрестная степь тем не менее сохраняет свой прежний пустынный характер; она только теряет холмистый вид и превращается в равнину с плотной глинистой почвой, прикрытой плотно прилегающим щебнем, и примыкающей к низменности Джусагача невысоким увалом, в котором весенние воды образовали неглубокие ложбины, не врезающиеся далеко в степь. В самой степи росла карагана, а в ложбинах — кусты таволги вместе с *Ixiolirion Ledebourii*, несущим красивые синие цветки. В этой степи около Джусагача впервые появилась замечательная порода птиц из семейства куриных *Syrhaptes paradoxus*, по-киргизски булдурук.

28 апреля мы спустились еще ниже по той же долине, вдоль течения р. Кылы. Почва долины здесь снова изменяется — гряды валунов сменяются глинистой почвой, сильно пропитанной солью; во многих местах были видны инкрустации последней в виде белых пятен. Тополевый лес со всей подчиненной ему флорой и фауной также сменен здесь камышами, которые широкой и непрерывной полосой тянутся до Зайсана и сливаются с камышами последнего. Внутри этой камышовой массы только воды р. Кылы, текущие в узком и глубоком ложе, делают узкую и кривую просеку. Не столько глубина, сколько отвесная крутизна берегов и ширина камышей допускают переход через речку только в двух местах, которые называются по-киргизски Караоткель и Чурчутоткель — “черным и китайским бродами”. Глубина Караоткель была ниже колена лошади; вода с удвоенной быстротой переливается здесь через мель или плотину, образовавшуюся из крупного песка. Берега здесь свободны от камышей. В местности, где Джусагач граничит с Кылы, т.е. где лес сменяется камышами, с севера приближается сухое русло, заваленное крупным галечником, и соединяется с руслом Джусагача; этот приток киргизы называют Тассай. С восточной стороны его сопровождает обрыв в несколько сажен высоты, состоящий из крупных валунов, смешанных с мелким песком. На вершине этого обрыва, по рассказам киргизов, прежде находились китайские постройки; это был, вероятно, пикет Гахчиханмододабуту, виденный

еще Сиверсом в 1793 г. (русский перевод “Землевед. Азии” Риттера. Т. III. С. 174) и потом оставленный китайцами.

Степь от Тассая также щербиста, но поросла одной полынью, изредка цвели на ней *Ixiolirion Ledebourii* и *Sisorzonera*.

На Тассая в первый раз нам встретилась красивая бледно-зеленая ящерица из отряда гекко, принадлежащая, как и *Synrhartes paradoxus*, к фауне только ближайших окрестностей Зайсана. Увал, образуемый этой степью над долиной Клы, постепенно понижается и против брода Караткель почти незаметно переходит в плоское солонцеватое побережье Зайсана.

Мы нарочно описали подробно течение этой незначительной речки, потому что, по нашему мнению, оно очень типично и встречается во многих других местах степи. Некоторое сходство с характером долины Кокбекты имеют низовья р. Аягуз, впадающей в Балхаш. Описанные нами явления ждут еще остроумного объяснителя; для нас всего удивительнее казалось появление крупных валунов на Джусагаче, после того как долина утратила характер речного ложа и степь со своими кустарниками до того завоевала ее, что в промежутке между карасу с левой стороны долины она прямо переходит в степь правой стороны, и путешествующий в этой части течения не может дать себе отчета, по правому или левому берегу реки он следует.

Между тем на Джусагаче река возрождается снова и притом с таким обширным руслом, что образование его можно приписать только большой иссякшей реке. Величина валунов также указывает на могучее течение, которое прежде существовало здесь. Вероятно, подобное строение ложа некогда существовало непрерывно до самых гор, но средняя часть его теперь погребена под позднейшими наносами. Объяснить же, почему обнаженная площадь валунов Джусагача также не покрыта наносом, очень трудно. Точно так же странно, каким образом Клы, текущая в каналообразном ложе, образует два брода посредством наноса песка.

Может быть, на произведение этих явлений имеет влияние степень падения ложа; на Джусагаче оно было значительнее, а выше — ничтожнее, и здесь пыльные степные ветры успели преодолеть сносящую нанос силу воды и образовали поверх ложа слой мелкой дресвы с глиной, менее проницаемый для воды, чем скрытый под

нею слой крупных валунов. Этому изменению и обеднению водой среднего течения способствовало, может быть, также земледелие, вероятно, издавна существовавшее в вершинах реки и разносившее воды ее из русла по обширной площади нив; вода должна была опускаться вертикально от той поверхности, которую она орошала, и в нижних слоях земли искать новых путей, чтоб достигнуть речного устья.

На карте Клапрота Кокбекты названа Абдараммодогол; китайские карты на месте нынешнего Джусагача назначали прежде пикет Абдармодогол; без сомнения, он находился там, где киргизы указывают следы пикета у Тассая. Этот же пикет был известен у киргизов, судя по дневнику Сиверса, под именем Джусагач. Клапрот распространил название Абдармодогол на все течение р. Кокбекты, но, кажется, название это относилось только к урочищу Джусагач.

В русских документах прошлого столетия, хранящихся в архиве Областного правления в Омске, сохранились известия о пограничных калмыцких караулах того времени, когда в котловине Зайсана кочевали дурбеты. Один караул постоянно указывается в 15 верстах к югу от Калмыктология, на р. Чебуляк. Это, очевидно, Чигилек, текущий от подошвы Калмыктология в Кокбекты. Однажды упоминается караул на Абдарамодун. Можно думать, что и в прошлом столетии река не носила общего имени: верхняя часть течения ее называлась Чебуляк, а нижняя, нынешний Джусагач, — Абдараммодогол. В тех же документах есть уже известие и об исчезании р. Кокбекты под наносом, именно в показании переводчика Текутьева, сделанном им в 1745 году: “Бывал он (Текутьев) по реке Иртышу от Семипалатинской крепости на обеих сторонах оного Иртыша по речке Царгурбану, а калмыки называют Гурбанцар, которая впадала в реку Иртыш вверх с правой стороны, а вершину имеет из горы Тальмытологою; расстоянием она река Царгурбан от устья до вершины, например, верст с 200, а ходу судами по ней нет, только ездят по ней купцы сухим путем верхами и на телегах, а лесу на помянутом Царгурбане, как обыкновенно степные мелкие леса разных званиями, также и травы имеются, а от вершины до Царгурбана расстоянием верст с 30 вершина из степи речки Бекончюбеляк, которая, не дошедши Нордзайсана, ушла в землю и по подземелью впадает в Нордзайсан”.

На переход от Клов к истоку Иртыша из озера мы употребили два дня; первый ночлег был на берегу Зайсана, в нескольких верстах от урочища Кендсуат (широкий водопад), а 1 мая мы остановились у самого истока Иртыша. Степь от ночлега на Клах по мере приближения к озеру переходит сначала из щебнистой в песчаную, а около самого озера — в солонцеватую. На щебенистой степи выходили первые листья какого-то зонтичного растения, которое киргизы называют майсасыр, выделяющийся сок его и употребляют для заживления ран. Впоследствии в половине лета я искал на этих местах взрослые экземпляры этого растения, но и следа их не нашел: вследствие большой засухи многие травы Зайсанского побережья погибли в самом начале своего развития. На песчаной полосе росли чингиль (*Halimodendron argenteum*), джингыл (*Tamarix*), *Orobanche* и *Eremostachys phlomoidea*; последнее растение киргизы называют чубурчун и клубни его курят из трубки от зубной боли, задерживая дым во рту.

На солено-глинистой почве цвела в это время *Zygophyllum Fabago*; впоследствии, в середине лета, мы нашли здесь еще *Statice* и *Nitraria Schoberi*.

Надобно заметить, что песок и солонцы, образующие характеристическое побережье Зайсана, как и всех степных озер, здесь, в промежутке между Клами и истоком Иртыша, очень мало развиты. Они образуют полосу вдоль его берега не более 5 верст шириной около Кы, 2 версты против Кендсуата, а к истоку Иртыша эта полоса суживается до того, что размеры ее приходится измерять числом шагов; в том месте, где были разбиты наши юрты, солено-глинистая почва с *Zygophyllum Fabago* образовала узенькую полосу и в 100 шагах у берега была ограничена уже невысоким песчаным уступом, не более 1 фута высоты, которым начиналась песчаная почва, вероятно, также мало развитая.

То же самое следует сказать и о камыше. Около Кы он растет широкой полосой, делающей берег недоступным, за исключением только двух мест: одно недалеко от устья Кы, другое на середине от Клов к Иртышу, известное под названием Кендсуат; в обеих этих местностях камыши образуют перерыв в несколько десятков сажень, и обе они служат удобнейшими осенними водопоями киргизских табунов. К истоку Иртыша ширина камышей уменьшается

ется, а у самого истока левый берег совершенно от них чист; по противоположному левому берегу они также тянутся недалеко, и также в виде узкой полосы, за которой тотчас начинается песчаная равнина, поросшая кустами *Halimodendron argenteum*. Наши юрты были расположены у самого выхода Иртыша из озера, где оканчивалась полоса камышей, и из дверей юрты мы могли видеть водную поверхность озера, расстилающуюся на юг до горизонта, на котором, как бы прямо из воды, восставали отдаленные вершины Тарбагатая и Манрака, еще значительно покрытые снегом.

В камышах в это время было очень много птиц; особенно близ Кендсуата долго в течение ночи раздавался в камыше крик гусей, уток, куликов и лебедей, вероятно, делавших здесь привал на пути к северу.

Ниже нашей стоянки, в 1,5 версте, при урочище Каракас (черная бровь), был рыболовный стан арендаторов, снявших войсковую рыбалку, т. е. все рыболовные места по Зайсану и Верхнему и Нижнему Иртышу, составляющие оброчную статью Сибирского казачьего войска. На Каракасе мы, впрочем, нашли одного только русского крестьянина, исполнявшего обязанность сторожа и хлебопека, и юрту с киргизским семейством. Сюда рабочие арендаторов спускались только в июне месяце; в настоящую же пору они производили лов в 20 верстах ниже при урочище Могилки²². Так как мы намерены были переправиться через Иртыш, чтоб идти по северному берегу Зайсана, то нам необходимо было спуститься до Могилок, где у арендаторов было несколько карбазов, которые мы могли бы употребить для переправы; казачий офицер Еремин, тогдашний смотритель войсковой рыбалки, приехавший к нам на Каракас, обещал оказать нам свое содействие.

Простояв на Каракасе четыре дня, 5 мая мы спустились по левому берегу до Могилок; на песчаной степи росли чингаль, какпэк и *Eremostaclys phlomoides*. К Иртышу эта степь образует невысокий увал, который у истока был едва заметен, но к северу начал возвышаться над лугом реки и уже на Каракасе имел несколько футов высоты, а еще ниже в одном месте образовал даже отвесный обрыв в четыре сажени высоты, состоящий из пропитанной солью

---

²² Название урочища русское.

глины со значительной примесью песка. В этом обрыве, исключительно в части его, обращенной к северу (так же, как и в обрыве Тассай на Кокбектинке), было много пар береговых ласточек. Неширокий луг Иртыша представляет сплошную чащу камыша, в которой скрывается крайне извилистое течение реки. Лесу нет по Иртышу до самого вступления его в горы, и рыболовы добывают таловые прутья для своих снарядов на Курчуме. Вообще берега Иртыша от озера до впадения рек Букони и Курчума неудобны для оседлых поселений; почва окрестной степи суха и бедна растительностью, низменность реки занята камышами, луговые травы укоренились на немногих местах. Но подобно тому, как на бесплодных низовьях р. Урала, здесь могут впоследствии возникнуть богатые селения рыболовов.

В половине июля одному из нас представился случай съездить на устье Букони. Степь от Каракаса до Букони представляет холмистую равнину с кустарниками *Spiraea hypericifolia* и *Saragana*; только ближе к Иртышу почва ее делается песчаною, и иногда песок образует заметные бугры, поросшие чингэлем и джузгуном (*Pterococcus soongoricus*).

Бугры эти, впрочем, расположены узким рядом вдоль берега; вообще до Букони не существует ни песчаных бугров, ни солончаков сильно развитых, но здесь они развиваются значительно на обоих берегах р. Иртыша; к северу от Букони видны значительные бугры песка, а на правом берегу Иртыша, против устья Букони, следовательно, в 6 верстах выше устья Курчума, простираются обширные солончаки, достигающие, кажется, западной оконечности Аркаула. Эта оконечность состоит, по словам офицера корпуса топографов Нифантьева, из незначительных рассеянных гранитных холмов, внутри которых находятся инкрустации соли. Вообще наибольшее развитие солончаков и значительных наносов песка в Зайсанской котловине замечается не в окрестностях самого озера, но при устьях рек; так, например, при устье Клы, Курчума и Черного Иртыша, как увидим ниже.

Около устья Букони пересекает долину Иртыша торговая дорога из Семипалатинска в Южный Алтай, из которого гонят много баранов; два парома служат для сообщения между берегами; один

из них принадлежал нашему спутнику и вожаку Тане; сведений о величине платы за перевоз нам не удалось добыть²³.

По всему берегу Иртыша, от озера до Букони, было расположено много киргизских зимовок; наружные стены этих зимовок были связаны из камыша. Все они были пусты, потому что обитатели их удалились на запад, в долины Калбинского хребта. Киргизов Зайсанской равнины следует считать полукочевым народом, потому что все они, безусловно, ведут кочевую жизнь только летом; зиму же проводят оседло в неподвижных, более или менее прочно устроенных жилищах. Различная степень прочности зависит от материала, из которого они строятся, а материал этот очень разнообразен, смотря по местности; так, на берегах Зайсана и Иртыша зимовки состоят из камыша и навоза, в долинах Южного Алтая — из кусков сланца, а иногда попадаются и деревянные избы, особенно в русской части степи. Самыми усердными нововводителями в этом отношении в степи служат чела-казаки, т. е. окиргизившиеся чужеземцы какого-нибудь турецкого племени, или наши русские татары или ташкентцы. В равнине Зайсана они основали на р. Букони две деревни, одну в 15 верстах от устья из 40 дворов, другую гораздо выше, из 17 дворов. Нижняя деревня известна в степи под названием Мечеть, потому что в ней построена мечеть. Верхняя находится очень близко от селения Кокбекты; в ней хотя нет мечети, но все-таки есть мулла; дома все деревянные; около этой деревни находился кожевенный завод одного русского купца, впрочем, находящийся в упадке. Берега Букони осенены высокими стволами ив и образуют луга с тучной травяной растительностью.

День 6 мая мы употребили на переправу через Иртыш, на его правый берег, где находился стан г-на Еремина. Стан этот состоял менее чем из десятка землянок, прикрытых камышом, одного довольно грязного коша, в котором жил сам Еремин, и палатки, или лучше паруса, натянутого в виде двускатной крыши. На берегу, под открытым небом, валялись посуда, кад для соления икры, сита, решета; тут же были устроены столы для пластания осетров; впрочем, пластание происходило при нас и просто на земле. Не-

---

²³ Лет 10 тому назад эту переправу содержал султан Нурали и брал с 200 овец одну овцу, а с каравана с трех верблюдов — одну дабу.

сколько выше, также под открытым небом, стояли ящики с солью. Словом, стан имел вид непостоянного жилища.

Во время кратковременного пребывания на Могилках мы, насколько было возможно, познакомились с русским рыболовством на Зайсане.

Все рыболовные места по Зайсану и по Нижнему Иртышу вниз до устья р. Нарыма и по Черному Иртышу вверх, докуда можно было достигнуть, известны под названием войсковой рыбалки и составляют оброчную статью Сибирского казачьего войска. Прежде (1836—1860) рыболовство производилось посредством наряда войсковых людей в виде внутренней войсковой службы, в 1860 г. войсковая рыбалка была сдана в аренду трем торговым казакам — Загвоздину, Мальцеву и Посникову.

Мы не застали арендаторов на Могилках; они ушли в устье Черного Иртыша, где в это время бывает ловля нельмы, поднимающейся из озера в реку; рыболовством у Могилок заведовал Еремин, который, кажется, в части с арендаторами и был им очень полезен своею опытностью, приобретенной во время семилетнего управления Зайсанским рыболовством, когда оно отправлялось на счет войсковой казны.

Во время нашего пребывания на Могилках мы не могли не заметить, с какой сердечной заботливостью хлопотал он на берегу Иртыша, надсматривая лично над распарыванием осетров и солением икры.

Статистические сведения, собранные нами здесь, мы сообщили уже в “Записках Географического общества” и здесь не считаем нужным повторять их.

7 мая мы оставили Могилки, сделали небольшой переход к Зайсану и остановились на самом его берегу, между Голодаевским и Вершининым мысами. На песчаной степи росли *Eremostachys phlomoides*, кокпек, полынь, *Ephedra*; вблизи Зайсана мы перешли несколько параллельных плоских песчаных валов, тянущихся в одном направлении с берегом Зайсана. Последний из них отделен от озера низменной полосой в 0,5 версты шириной, заросшей осокой и ближе к озеру узкой полосой камыша; он возвышается над низменностью на 10 футов; низменность не переходит непосредственно в настоящий берег Зайсана, а отделяется от него еще невысоким

песчаным валом; белизна песка этого вала резко отличается от песчаной почвы степи, песок которой смешан с глиной и оттого имеет грязно-желтый цвет. Впоследствии мы проследили этот береговой вал на востоке, далее возвышенности Чакыльмыс; он тянется в направлении, более соответствующем нынешней окраине воды, чем увал, которым оканчивается степь к Зайсану; а иногда прерывается на небольшие расстояния, отчего низменность, заключенная между увалом и прибрежным валом, снятая на план, имеет вид сухих гафов или лиманов. Камыш растет или на низменности за этим баром, или на самом баре, или, наконец, между баром и берегом Зайсана.

За этим песчаным баром, в нескольких только шагах, находится плоский песчаный сырой берег озера; вдоль его беспрестанно образуются в воде маленькие нерунги или пересыпи в 0,5 фута высоты, за которыми находятся гафы или лиманы глубиною не более четверти. Очертания их изменчивы, и там, где был такой гаф вчера, на другой день утром ничего не существует. Это явление мы также проследили по всему северному берегу озера — впрочем, на востоке оно было менее ясно.

Большой бар, подобно этим гафам, следует отнести к новейшим образованиям. Песок его не отличается от песка, из которого состоит дно озера; наибольшее развитие и постепенное исчезание его односторонны с таким же состоянием явления маленьких гафов. Но так как при своей нормальной высоте воды озера не достигают бара, то образование его следует, кажется, приписать прибою волн во время сильных юго-восточных бурь, дующих в котловине Зайсана, под названием Ибиджилъ, из замкнутой долины Чилик, открывающейся в равнину Зайсана узким ущельем. Подобный вал из мелкого щебня существует на озере Джеланашкуль, лежащем южнее Алакуля; г-н Голубев, заметивший это образование, приписывает его постоянным юго-восточным ветрам, дующим из долины Иби (Зап. Геогр. общ., 1863. Кн. 1, письмо г-на Голубева из Средней Азии).

Вечером 7 мая в наш караван пришел русский крестьянин; он принадлежал к одной из рыболовных артелей, состоящих на мысе Бархот, ходил за чем-то по поручению артели пешком на Могилки к Еремину и теперь возвращался на Бархот. Он шел уже второй день и пробирался все подле берега, камышами, чтобы не

наткнуться на партию киргизских воров; подошедши по камышу к нашему каравану, он не прежде решился показаться, как убедившись вполне, что в караване русские люди. Он очень обрадовался нам; мы его угостили ужином и поживились от него кое-какими сведениями о ловле рыбы на Бархоте, которые поместили в общем очерке зайсанского рыболовства.

8 мая мы продолжали путешествие по северному берегу Зайсана. Сначала мы шли по низменному прибрежью озера, между увалом и прибрежным песчаным баром; на песчаных местах этой низменности, которые не заросли осокой и камышом, росли чингиль — *Halimodendron argentum* и *Erysimum canescens*; в середине перехода мы миновали Вершинин мыс, по-киргизски Карагантюбек, и так как против него высокая степь делала входящий угол и пересекала узкую низменность, по которой мы шли, песчаными холмами, то мы и должны были подняться из низменности на эти холмы, перейти их и в направлении к востоку опять спуститься в низменность.

Холмы эти были оживлены кустарниками *Halimodendron argenteum*, между которыми цвел *Erysimum canescens*, между холмами, в наиболее углубленных местах, мы нашли три солончака, из которых один еще не высох и имел вид маленького соленого озера. От этих холмов на юг в озеро вдавалось большое пространство, заросшее камышами.

На холмах Вершинина мыса мы встретили сидевшими несколько экземпляров одного из видов птицы *Haliaetus*, водящегося на Зайсане и известного у киргизов под названием сексары; другой вид *Haliaetus*, которого киргизы называют кесгюйрюком (что значит "выемчатый хвост"), держится только на берегах Нижнего Иртыша, где он охотится за ящерицами и во множестве собирается около рыболовного стана на Могилках, чтоб ловить плавающие на поверхности воды выброшенные внутренности осетров.

В узком низменном прибрежье к востоку от Вершинина мыса заметно изменение: оно покрыто более крупным щебнем и притом красноватого цвета; прибрежный вал тянется, как и прежде, но состоит уже не из белого, а из красноватого песка; берег Зайсана также становится все крупнощебнистее, а увал все выше и круче; местами от вершины до подошвы, местами только в углублениях

весеннего стока воды он обильно покрыт травяной растительностью; тут же в смешении цвели и отцветали *Echinospermum* и другие *Borragineae*, *Tulipa Gesneriana*, *Solenanthus circinnatus*, *Adonis aestivalis*, и особенно много *Ixiolirion Ledebouri*. Там, где почва становилась песчаной, цвел только *Erysimum canescens* Roth.

В этот день мы остановились у восточной оконечности группы луговых озер Джаманкуль. Озера эти лежат в луговой низменности Зайсана; берега их поросли камышами, которые сливаются с камышами самого Зайсана; с увала было видно два больших озера и пять маленьких; здесь было необыкновенно много мелких птиц, производивших оживленный шум в камышах. Был слышен также голос выпи. Кроме этой значительного расширения береговой полосы камышей (впрочем, не более 1 версты в поперечнике) и расширения на Вершинином мысе, других подобных нам не встречалось, и хотя по всему берегу тянется узкая полоса камышей, но такая узкая (от 50 до 100 шагов шириной) и притом с такой сухой почвой, что берега Зайсана можно считать открытыми и вполне доступными.

На песчаном берегу Зайсана, особенно на стоянке 7 мая, наши казаки собирали и “морскую траву” — тамырдали по-киргизски (т. е. “дорогое лекарство”); ее очень уважают крестьяне Северного Алтая и местные киргизы; в деревнях Северного Алтая фунт этой травы можно продать за три колодки пчел (что равноценно 3 руб. сереб.). Ей приписывают одинаковые свойства с сассапарелью и употребляют против тех же болезней, а также в виде настоя; свежую настаивают 12 дней, старую, собранную сухой, после перезимовки под снегом на корне, — 6 дней; при употреблении ее не держат никакой диеты. Это растение покрывалось тогда только первыми листьями; по наружным чертам в нем можно было признать *Polygonum*, но видовое название его мне не удалось определить.

9 мая мы оставили низменное побережье и поднялись на возвышающуюся над ним с севера степь; впереди была видна гора Чакылмыс, лежащая на самом берегу озера, восточнее мыса Бархот; здесь степь быстро начинает возвышаться и в крутом своем скате к озеру образует обрывы и овраги; в особенности последние увеличиваются близ самой горы Чакылмыс; здесь весенние воды до того изрыли окраину степи, что образовали ряд ветвящихся

оврагов с узкими клинообразными промежутками между ними. Со дна оврагов можно было видеть разноцветные слои глины, из которых были составлены их стены; верхние слои были непременно серые; нижние или желтые, или ярко-красные; линия соприкосновения слоев имеет 10^0 падения от востока на запад. Дно оврагов, которое имело очень крутое падение, изрыто сухими руслами весенних потоков, имевшими вид рытвин в 1 фут глубиной; следы весенней воды слишком явственны, овраги ближе к озеру становятся шире; продолжения материка, вдающиеся между ними, суживаются, клинообразные оконечности их бывают оторваны от материка и имеют вид усеченных конусов или, при более продолжительном действии разрушительных сил, — вид конических фигур; иногда сухая рытвина весеннего потока уходит в подошву такого конуса, образует тоннель и выходит на дневной свет на другой стороне конуса; со временем свод этого тоннеля обрушивается, в конусе образуются прорезы, которыми отделяются от него второстепенные, по большей части кеглеобразные формы; в одном месте мы встретили целую группу подобных кеглей, окрашенных в ярко-красный цвет и притом ослепительно блестящих от покрывавшей их плевы высохшего раствора липкой глины, омывавшего их во время дождей или таяния снега.

Стены оврагов и дно их обнажены; выглаженные их лоснящиеся поверхности не дают возможности прицепиться к ним семенам растений; только на краях сухих рытвин, по которым текут весенние воды, растут кустарники *Tragopogon buxifolium*, да в верхних частях оврагов цвели в это время *Tulipa Gesneriana* и *Erythronium Dens canis*.

Несмотря, однако же, на это отсутствие органической жизни, живость красок, в которые была окрашена глина, и причудливость форм придают этим оврагам веселый вид.

Этим размывам киргизы дают название керчь, а русские рыболовы называют их глиной.

К западу обнажения глины встречаются уже спорадически, разьединенные промежутками, покрытыми растительностью; самое западное обнажение, называемое у русских рыболовов “первой глиной”, находится немного восточнее от озера Джаманкуль; оно состоит из серой глины с примесью слюды. В том месте, где берег

Зайсана переходит в западную береговую линию Бархота, находится другой, более значительный обрыв, состоящий из двух слоев глины; верхний слой серой глины издали резко отделяется от нижнего слоя темно-красной; линия соприкосновения слоев имела 2⁰ падения от востока на запад; при подошве этого обрыва мы нашли обломки гипса; собранные нами, они составили полный гипсовый кристалл. Но более гипса мы здесь не находили, хотя очень вероятно, что кристаллы его образуются в этой местности. К северу отсюда, как мы после узнали, находятся гипсовые холмы Борлытюбэ.

В то время как мы осматривали керчь, караван наш шел по высокой степи; кочевная дорога, которая тянется вдоль северного берега Зайсана, проходит по южному скату Чакыльмыса. Вместе с караваном и мы поднялись на Чакыльмыс. Степь, примыкавшая к нему с севера, была сверху покрыта валунами, между которыми было много гальки красного железняка. На севере эта степь была ограничена обрывами, которые один за другим тянулись с запада на восток и в которых издали были видны те же битые, желтые и красные цвета глины, как и в осмотренной нами керчи. Еще далее к северу, на равнине, виден был с Чакыльмыса саксауловый лес.

Чакыльмыс состоит из глинистого сланца, до того разрушенного на поверхности, что обнажения пластов изредка и на незначительных пространствах выступают из-под щебня; к восточному боку горы примыкает такая же керчь, как и к западному: и здесь мы также увидели размытые в конусы слои желтой и красной глины. Таким образом, эти наносы были привалены к Чакыльмысу с запада, севера и востока, и только с южной стороны воды Зайсана обнажили каменную массу от вершины до уровня озера и обнаружили внутреннее строение этой возвышенности; с озера можно было отлично видеть, как к обнаженному треугольному сланцевому стержню Чакыльмыса прилегали слева и справа слои глины.

В вершинах оврагов керчи, где разрушение степи только началось, слои серой глины заключали в себе выветривающиеся обломки глинистого сланца. Чакыльмыс лежит у самого берега Зайсана, в середине круглой бухты, образуемой двумя далеко вдающимися в озеро мысами: Бархотом, по-киргизски Джаланаштюбек, и Бакланьим. Бархот имеет 7 верст длины и считается самым длинным мысом на Зайсане. Оба они совершенно чисты от камышей и

состоят из валунов и песка. Г-н Струве со своими инструментами достиг самого конца Бархота и нашел, что узкая оконечность его внезапно принимает восточное направление. На оконечностях обоих мысов находились русские рыболовные станы.

Мы посетили два таких рыболовных стана, один у озера Джаманкуль, другой на Бархоте; оба они состояли из паруса, обращенного в палатку, и сушил, на которых сушатся лини и щуки. На Бархоте оставался караульщиком один старик; артель была на рыбной ловле; хотя рыбаки и жалуются на обиды от киргизов, но все они имеют вид мелких притеснений, а не выражение национальной вражды; рыбаки безбоязненно оставляют весь свой скарб и улов при одном караульщике. Притеснения заключаются только в том, что султаны и другие почетные киргизы слишком часто посещают рыболовов и требуют от них угощения и подарков рыбою; например, султан Чумат в прошлое лето приезжал до 6 раз на Бархот. Киргизы смотрят на озеро как на свою собственность, и эти подарки имеют вид нерегулярно взимаемой ими пошлины.

Посередине бухты находилась мель. Узкая берма между Чакыльмысом и озером была также свободна от камышей. За спокойною гладью озера прямо на юг возвышались перед нами горы Манрак и Савры: последние были покрыты вечным снегом; на западе поверхность озера упиралась в небосклон.

Скат Чакыльмыса к озеру крут и усыпан щебнем; небольшая лощинка, круто сбегаящая с горы, соединяла в себе всю флору Чакыльмыса, которая была уже маленьким заброшенным сюда отрывком горной флоры Южного Алтая. Тут мы нашли в цвету *Saragana frutescens*, *Rinderatetraspis* и др.

К востоку от Чакыльмыса, за обнажением глины, увал опять принял на небольшом расстоянии прежний характер; в некоторых местах он покрывался густой травяной растительностью, в которой цвел *Ixiolirion Ledebourii*.

В этот день мы остановились на берегу Зайсана, восточнее Бакланьего мыса; крутая окраина степи к этому месту значительно понизилась, камыши на берегу озера шире, чем прежде; песчаный прибрежный вал едва заметен.

10 мая мы продолжали путешествие по северному берегу Зайсана, большею частью невысокому и иногда переходившему из воз-

вышенной степи в низменное побережье озера. К северу от дороги лежала высота Карабирюк, строение которой одинаково с Чакыльмысом; издали было видно, что к каменистой вершине, состоящей из глинистых сланцов, прилегали слои яркого красного цвета.

Прибрежные камыши становятся здесь шире; с возвышенной степи было видно, что окраина их со стороны озера переходит в южное направление и затем в виде мыса вдаётся в озеро; это была дельта Черного Иртыша. Озеро образует к северу от его устья залив, зарастающий постепенно камышами, в которых рассеяно множество озер вроде Джаманкуля. Мы должны были обогнуть этот залив прежде, чем прийти на берег Черного Иртыша. Таким образом, наш путь вместо прежнего восточного принял юго-восточное направление. Миновав высоту Карабирюк, мы с небольших холмов, ряды которых пересекали степь, могли уже видеть вдали линию леса, обозначавшего течение Черного Иртыша.

На берегу Черного Иртыша нас уже ждал племянник Таны, Мухаммедсултан. К последнему от Таны был послан гонец еще, кажется, с Коктерека, с известием о нашем приближении. Мухаммедсултан и его мать (сестра Таны) были так внимательны к русским путешественникам, что отстали от своего поколения, укочевавшего в прохладные долины Южного Алтая, и дожидались нашего прихода на берегу Черного Иртыша.

Не доезжая несколько верст до реки, мы заметили впереди группу людей, которую Тана принял тотчас за будущих ваших амфитрионов, едущих сделать нам почетную встречу. Значение гостя в степи измеряется расстоянием от места встречи до юрты хозяина. Иногда хозяин выходит только на несколько шагов из юрты. А потому такой дальний выезд для встречи с нами предвещал хороший прием. В ожидании приближающихся Тана предложил нам поместиться на ближайшем холме и сойти с лошадей. Может быть, это требовалось приличиями или, может быть, это была хитрость опытного Таны заставить наших будущих знакомых прибавить нам лишнюю версту почета. Только когда можно уже было различить тучные фигуры и даже костюм султанов от бедного костюма и тощих фигур плебеев, Тана сел на лошадь и спустился с холма. Немного погодя и мы спустились; султаны, подъехавшие к нам, поочередно пожали нам руки, начиная, конечно, с начальника экс-

педиции г-на Струве; простые киргизы из свиты Мухамедсултана сходили с лошадей и пешие подавали г-ну Струве руку.

Через час или менее путешествия через песчаные бугры Чингильды мы были в гостеприимной юрте Мухамедсултана, поставленной на берегу незначительного рукава Черного Иртыша.

В юрте нас встретила мать Мухамедсултана, очень веселая и приятная старушка. Тана, чувствительный не только к собственному, но и к чужому достоинству, распределил по местам не только киргизов, но и членов экспедиции сообразно их значению, насколько он сам его понимал. Сам он завоевал себе самое почетное место и вообще первенствовал в течение всей церемонии угощения. По одну сторону сидели его племянники Мухамедсултан и Азретсултан, по другую — наш спутник, султан Улбаба, сопровождавший г-на Струве от самого Сергиополя.

Физиономия Таны очень резко отличалась от физиономий его соседей, трех султанов; цвет кожи у него был более темный, чем у султанов, в лице много было некиргизских черт, между прочим, прямой и высокий нос; общий вид лица Таны более напоминал тип семита, чем монгола или турка; гораздо более выдавались монгольские черты в лицах султанов, особенно у Улбабы. Давно уже кем-то сделано замечание, что киргизские султаны, считающие себя потомками Чингизхана, до сей поры сохранили чистый монгольский тип; это замечание находил справедливым и Чокан Валиханов.

Напротив, простой народ, “черная кость”, представляет необыкновенное смешение типов всех тех наций, которые где-либо соприкасались с этим народом или вошли в состав его.

Кроме угощения, которое было сделано в юрте Мухамедсултана, от него были присланы в подарок г-ну Струве кобыла, бык и несколько баранов. Такие подарки киргизы называют кунагасы; они зависят, разумеется, от богатства хозяина и от значения, какое он придаст гостю.

На другой день султанша отправилась к своему поколению, Мухамедсултан остался с нами и принял на себя обязанность проводить г-на Струве к устью Черного Иртыша. Так как его нельзя было достигнуть иначе как по реке, киргизский рыбовод Данияр Мендыбаич обещался привести на Чингильды одну из своих боль-

ших лодок. 13 мая г-н Струве отправился к устью Черного Иртыша и провел там два дня; остальной караван оставался на Чингильдах.

Урочище это, вероятно, получило свое название от растения чингэль, *Halimodendron argenteum*, во множестве покрывавшего значительную площадь песчаных холмов на правом берегу Черного Иртыша, которая, без сомнения, и есть та "страна Чингиль" Карла Риттера, о которой он упоминает по поводу дневника Путимцева, переходившего здесь реку вброд (Землевед. Азии. Т. III. С. 9). Песчаные холмы кроме чингиля поросли изредка *Elysimum canescens* *Dodartia orientalis* L.; между песчаными буграми и берегом реки расстился луг с бедной песчаной почвой, так что и он был покрыт только осокой. Недалеко от нашего каравана, у подошвы песчаных лугов, находилось кыстау, т. е. киргизское зимнее жилище; оно состояло из навозных стен, укрепленных снаружи и изнутри связанными пучками камыша; горизонтальная крыша, также составленная из камыша, покоилась на закоптившихся жердях, подпираемых столбиками. Постройка занимает углубление между двумя песчаными холмами, так что боками прислоняется к ним; в двух свободных стенах, над которыми крыша продолжается в виде навеса, устроены входы; оба эти входа ведут с разных сторон в один общий кривой коридор, разделяющий здание на две половины; в одной половине помещаются люди, в другой устроены два хлева для овец. В жилой половине в крыше сделано отверстие для прохода дыма; оно же заменяет и окно; против него на земле, посередине этого жилого отделения, были следы огня, который раскладывался зимой. Судя по толщине стен, которые имели 1,5 аршина толщины, должно быть, обитатели этой хижины значительно менее терпят от зимних морозов, чем те их соплеменники, которые еще не успели устроиться подобным образом. Навоз оказывает здесь двойную услугу человечеству: он служит и топливом, и строительным материалом. Помет домашних животных в Средней Азии играет важную роль в степном хозяйстве; во многих частях ее растительность не имеет крупных форм, удобных для употребления на постройки или топливо; в этих странах скот служит для переработки растительного материала в форму, более удобную; эти ходячие фабрики собирают своими зубами рассыпанное по степи в тысячах однолетних и многолетних трав топливо и прессуют его

в своих кишках до тех пор, пока не получится комок, состоящий из одних деревянистых частиц; потом некоторые, как лошади и коровы, разбрасывают его снова по степи, но уже в форме, более приспособленной к топливу, а другие, как овцы, складывают помет на скотных дворах и таким образом образуют около самых человеческих жилищ магазины топлива. Разбросанный помет коров и лошадей встречается повсюду — и на альпах Алтая и Гималаев, и в горячих песках равнины; как бы пустынна ни была местность в известную пору, путешественники всегда наверно могут рассчитывать найти вокруг своих палаток выветрившиеся экскременты различных форм, для которых в киргизском языке существует особая номенклатура. Именно коровьи лепешки по-киргизски называются джепа, крупные лошадиные шары — тезек, овечьи шарики — кумалак.

Слои овечьих кумалаков, скопившиеся в течение зимы, подвергаются потом еще человеческой обработке и составляют на многих зимовьях употребительнейшее топливо под названием ки. Чтобы сделать ки, помет складывается в одно место, поливается водой и топчется быками или лошадьми; в течение одного дня жидкое тесто плотно утаптывается; тогда его режут на кирпичи 1 аршин длиной, 0,5 аршина шириной и 3 вершка толщиной; кирпичи складывают в поленницы для просушки, вроде того как у нас складывается торф. Иногда в течение лета собирают также и джепу и складывают ее в кучи подле зимовок.

Это хозяйственное значение навоза имеет последствием сильное истребление его огнем, что, конечно, не остается без влияния и вообще на экономию природы.

17 мая после обеда мы оставили Черный Иртыш и пошли по направлению к Сартау; к северу от Чингилдов лежали уединенные возвышенности Карабирюк, Терткуль и Ушкара, состоящие из выступов глинистых сланцев из-под наносов глины, которые образуют ряды холмов, соединяющие эти высоты между собою; наш путь лежал в понижении между Терткулем и Ушкара; последние возвышения лежали восточнее, и обнажения их значительнее выступали из наносов; Терткуль, напротив, имел вид плоского возвышения, только на высших точках которого были незначительные обнажения каменной породы. Между этими возвышенностями и песками Чингильды лежит степь, заметно возвышающаяся на севере и име-

ющая характер, общий со степью, лежащую к северу от Зайсана; на ней мы в последний раз встречали бойких и многочисленных ящериц гекко.

При подошве Терткуля мы проехали небольшой солончак, около 300 шагов в окружности; глина, из которой он состоял, была красного цвета; он имел вид гладкой горизонтальной поверхности, лежавшей на 0,5 фута ниже уровня окружающей степи и совершенно лишенной растительности; от него на западе и на востоке отделялись узкие русла с таким же характером; по восточному руслу, очевидно, вода притекала к солончаку во время дождей, а по западному стекала далее: восточное русло удалялось по направлению к холмам, находившимся в середине между Терткулем и Ушкара, с которых издали были видны красные обнажения; последние при ближайшем исследовании оказались холмами сильно разрушающихся и выветривающихся конгломератов с железистым цементом, гряда этих холмов имела на севере более крутой свес, чем на юг; в некоторых частях ее состав породы выветрился в красную охру, которую киргизы называют джуса и употребляют для окраски своих деревянных изделий; в цементе кроме железа, обнаруживаемого цветом продуктов выветривания, содержится также известь; некоторые обломки цемента так тяжеловесны, что, вероятно, содержат в себе порядочное количество железа и могут служить для выделки его.

Из этих холмов, вероятно, почерпывает свой материал тот солончак, который лежит при подошве Терткуля; выветрившаяся из конгломератов глина, окрашенная железом, приносится к солончаку весенними потоками, и здесь из нее продолжают выделяться соли.

На обеих покатосях Терткуля, на южной и северной, мы нашли одну и ту же растительность; только на северной она была обильнее, выше ростом и в более раннем фазисе развития, чем на южной; в ложбинах между холмами росли кустарники *Spiraea hypericifolia* и *Saragana frutescens*, а ниже, на отлогих покатосях горы, — саксаул *Haloxylon Ammodendron* и *Tragoragum buxifolium*; саксаул растет здесь рассеянно, в виде небольших кустарников, не достигающих роста человека, несколько выше на северной стороне, чем на южной. К западу от Терткуля он становится чаще и образует значительный густой лес, который тянется на запад далее

Чакыльмыса, на расстоянии 15 верст от Зайсана, и виден с этой последней возвышенности.

Узкая долина Майчилик отделяет гряду Терткуля и Ушкара от хребта Буконбай, который находится уже в непосредственной связи с Алтаем, почему и можно южный свес этого хребта считать южной окраиной Алтая или северной окраиной равнины Зайсана; действительно, тут заканчивается степной характер страны, и только сюда доходят табуны куланов и сайги, которые пасутся на солонцах к северу от Зайсана. Перед приходом нашего каравана в долину Майчилик на ней паслось стадо сайги, которое, заметив нас, мгновенно исчезло; также мы видели здесь и кулана.

Мы ночевали в самом низком месте долины, на колодце Майчилик. Колодец состоял из ямы, выкопанной в почве, пропитанной солью; впрочем, воду еще можно было употреблять. Вокруг было небольшое болото. Подле воды, в сырой почве, росли *Glaux maritima*, *Potentilla anserina*, L. и на болоте *Triglochin*, вне болота, на более сухой почве, — *Iris biglumis*, I. *Guldenstadtiana*, *Ceratocephalus orthoceras*, *Saratocarpus arenarius* и чий, этот неизбежный спутник степных вод и даже таких мест, которые вода посещает только весною.

Майчилик, по этимологии наших спутников-киргизов, значит “жирный тал”. Они прибавляли к этому, что будто здесь прежде рос тал.

Ближайшее ознакомление с равниной Зайсана привело нас к заключению, что чиликами в этой равнине народ называет особый род местностей; так, кроме Майчилика мы посетили на южной стороне Зайсана Ойчилик и Кызылчилик; все они имеют очень много общего; сюда же, вероятно, следует причислить знаменитый Баллакчилик Сиверса, который тщетно отыскивал Мейер и который есть, кажется, испорченный Тулакчилик, находящийся, по свидетельству Мухаммедсултана, именно там, где Сиверс помещает свой Баллакчилик.

О чиликах мы скажем подробнее в своих путевых заметках по Тарбагатаю.

Буконбай, казавшийся нам с долины Майчилик длинною грядою каменных гор, пересекавшей наш путь под прямым углом, на самом деле оказался окраиной плоскогорья, по которому течет

р. Такыр, так что, поднявшись на него по одному проходу, мы не должны были так же глубоко спускаться по северной его стороне, как высоко поднялись с южной. Буконбай состоит из пластов глинистого сланца, наклоненных на юго-запад; в 1 версте ниже утеса Актас (где мы имели ночлег 18 мая) глинистый сланец переходит в тонкослойный аспид, пласты которого образуют значительный утес над р. Такыр. Название утеса Актас происходит от жил белого непрозрачного кварца, проникающего пласты сланца, что составляет обыкновенное явление в Калбинском хребте и часто встречалось и нам в Южном Алтае, только к западу от Сартау.

Флора Буконбая тождественна с флорой гор Аркаул и Долонкара, описанной г-ном Мейером. Крутой южный скат имеет дикий характер; отвесные черные скалы перемешаны только с осыпями щебня; ущелья не опущены кустарниками и безводны. Только возле прохода, по которому мы поднялись, в самой подошве Буконбая, из трещины сланцевого утеса струился чистый источник Аулиебулак (т. е. священный ключ); небогатые воды его, оттененные несколькими ивами, были отведены всецело на пашню; вообще вся местность, прилежавшая к Буконбаю около Аулиебулака, представляла следы старых пашен.

Поверхность северной покатости Буконбая можно разделить на следующие характерные части: 1) каменистые утесы и осыпи щебня, лишенные растительности, 2) слабовыпуклые возвышенности, почва которых состоит из чистого продукта выветривания глинистого сланца и так плотна, что при выкапывании корней ломается железо; на этой почве растет *Euphorbia* и другие растения зайсанских степей; наконец 3) лощины между этими возвышенностями с более рыхлой и сырой почвой, заросшие кустарниками *Spiraea hypericifolia* и *Caragana frutescens*, в тени которых цвели *Raeonia intermedia* и *Solenanthus circinnatus* и особенно многочисленно *Polygonum Laxmanni*; ближе к р. Такыр число кустарников стало увеличиваться: появились *Crataegus sanguinea* и *Lonicera tatarica*.

Река Такыр (на карте Клапрота Akharbach), на которой мы имели ночлег 18 мая, при утесе Актас²⁴, имела тут не более сажени ширины; по ней росли ивы и красная смородина.

²⁴ Белый камень по-киргизски.

Два следующих перехода мы сделали вверх по Тақыру, до урочища Джалпаккаин²⁵. Чем выше мы поднимались по Тақыру, тем холмистая местность принимала более мягкие формы, утесы стали не так велики, луг реки не так глубоко врезан, зато впереди к нам приближался высокий хребет Джимтау, тянувшийся с востока на запад, следовательно, поперек нашей дороги.

Растительность на этом пространстве, от Актаса до Джалпаккаина, сохраняет тот же характер, как и на Буконбае, только черты ее резче выражены; кустарники *Spiraea hypericifolia* и *Saragana frutescens* густо покрывают все лощины и утесы, обращенные на север; только самые высокие части холмов свободны от них; если на Буконбае 9/10 пространства было свободно от кустарников, то здесь половина пространства была занята ими, в их тени цвели *Raemonia intermedia* и *Polygonum Laxmani*; под утесами — *Corydalis carnoides*, *Leontice altaica*, *Adonis aestivalis* и другие.

На высоких местах на тощей почве без перегноя росли *Festuca ovina*, *Erysimum canescens*, *Rindera tetraspis* и др. На лугу Тақыра, который все более и более расширялся, — *Clematis integrifolia*, *Taraxacum corniculatum*, многие *Stellaria*, *Veronica*, *Cochlearia*, а также ивы и березы. Береза (*Betula alba*) появилась в первый раз немного выше утеса Актас. Эти деревья поднимаются из долины и в боковые ущелья.

На всем пути от Актаса до Джалпаккаина мы встречали в обнажениях глинистый сланец; окрестности же Джалпаккаина состоят из конгломератных холмов; конгломерат состоит из очень крупных валунов, иногда более чем вдвое человеческой головы. В цементе кислотой обнаружено присутствие извести.

На первом переходе от Актаса мы часто видели разбросанные по ущельям зимовки, складенные из сланца и иногда срубленные из дерева. Это были самые верхние зимовья в Южном Алтае.

Джалпаккаин (что по-киргизски значит “широкий березник”) называется широкий болотистый луг Тақыра, скудно поросший рассеянными березами. Здесь мы нашли аул торгогулов с матерью Мухаммедсултана и должны были отдать ей снова визит. Джалпаккаин — самый верхний пункт, которого мы достигли по долине

---

²⁵ Широкий березник по-киргизски.

Такыра; здесь мы должны были расстаться с этой долиной и направиться на восток. Впрочем, долина Такыра недалеко продолжается отсюда к северу; она упирается в хребет Джильтау. Хребет можно было хорошо рассматривать с Джалпаккаина; одна из высот его называется Салкынчоко; правее ее была видна вершина Сартау с отдельными пятнами снега. В нижней своей части, на некоторой высоте от подошвы, хребет Джильтау был опоясан грядой выступов гранита, которые с Джалпаккаина легко было принять за стадо баранов, если бы не было уверенности, что на таком расстоянии бараны не могут быть видимы.

Впоследствии на обратном пути с Сартау мы провели одну ночь в этих гранитных холмах.

22 мая мы перешли из долины Такыра в долину Кальджира, пересекши на пути р. Балакальджир²⁶. Течение Балакальджира в том месте, где мы его проходили, было стеснено небольшими холмами, покрытыми таволгами (*Spiraea*) и караганами; на узком лугу Балакальджира растут ивы и в тени их *Geum rivale*, *Trollius altaicus*, *Fragaria vesca*.

Между Балакальджиром и Улькункальджиром²⁷ лежит каменная цепь, западный конец которой значительно понижается к Балакальджиру, а восточный крутыми утесами оканчивается над Улькункальджиром.

Мы проложили свой путь к Улькункальджиру вплоть подле южной подошвы этой цепи, через высокую местность Бисбуун (пять узлов). Здесь из подошвы цепи вытекало несколько скудных ключей, которыми воспользовался какой-то земледелец для орошения своей пашни, примыкавшей к подошве горы; это была единственная пашня, встреченная нами внутри гор, и, вероятно, в этой части Южного Алтая самая высокая.

Бисбуун был покрыт сплошным, необыкновенно густым лесом таволг и караган; таволги достигали высоты лошади и так густо росли, что кочевная дорога распадалась в них на множество тропинок, в которых лошадям приходилось грудью раздвигать перемешавшиеся ветви кустарников. К югу эта местность необыкновенно быстро

²⁶ Малый Кальджир.

²⁷ Большой Кальджир.

понижалась к соединению Бала- и Улькункальджиров, и потому в эту сторону нам открывался обширный вид на горы, лежащие между Кальджирами, а также и на те горы, которые лежат ниже соединения их. Напротив с севера, над Бисбууном, возвышается дикая каменная гора, состоящая из обнаженных скал и осыпей.

Впоследствии с Сартау мы видели северную сторону этой горы — она от подошвы до вершины была покрыта лиственничным лесом. Вообще лиственница не показывается на южной стороне гор, ограничивающих трещину озера Марка с юга; впоследствии, восточнее Кальджира, в вершинах Алкабека мы поднялись по южной покато-сти гор из зоны спирей и караган прямо в альпийские поляны, не встретив ни одной лиственницы, а на северной покато-сти тех же гор от альпийских полян до дна ущелий росли леса лиственниц.

В этот день мы остановились в котловине у самого соединения Балакальджира с Улькункальджиром. Улькункальджир, немного выше этого места сжатый страшным ущельем, сохраняет и в месте слияния характер горной реки; ложе его состоит из валунов, и течение его быстро; напротив, Балакальджир за несколько верст до этого соединения утрачивает характер горного потока; в версте от соединения он имеет значительный луг, который мы видели с гор и который своей свежей зеленью составлял резкий контраст с серым цветом окрестной низменности, сопровождавшей реку; при соединении Балакаджир имел уже иловатое дно и тихое течение. Берега обоих поросли ивами, но берег Балакальджира сильнее; кроме ив здесь росли *Betula alba*, *Populus tremula*, *Primus Padus*, смородина, а в тени их цвели *Chelidonium majus*, *Thalictrum*, *Galium* и др.

Котловина, образуемая сливающимися реками, представляет ровную площадь с сухой почвою, поросшею редкими и низенькими кустарниками *Spiraea hypericifolia*; с севера эта площадка была ограничена крутым окончанием гор, сопровождающих Улькункальджир справа; это окончание состоит из крупнозернистого и сильно разрушающегося гранита с жилами диорита; на граните росли *Juniperus*, *Ephedra*, которая имела ствол в руку толщиной, и два вида *Hypericum*. Сухая площадь перед слиянием двух рек была изрезана ирригационными каналами старинных пашен. Когда мы, спустившись с Бисбууна на гранитные высоты, смотрели с них на

расстилавшиеся перед ним две долины Бала- и Улнккальджиров²⁸, Мухаммедсултан заметил нам, что здесь было бы всего удобнее устроить русское оседлое поселение. Действительно, из всех посещенных нами местностей в Южном Алтае эта местность представляла наиболее условий для колонизации.

По слиянии Кальджир опять входит в тесное ущелье; по свидетельству Мухамедсултана, за этим ущельем опять находится такая же глубокая небольшая котловина, за которой Кальджир снова входит в ущелье и только уже из этого последнего вырывается в равнину Черного Иртыша. По рассказам Данияра Мендыбаича, Кальджир заканчивает свое горное течение водопадом, который он образует на последнем уступе Буконбая; водопад так высок, что поднимающиеся весной тальмени не могут перепрыгнуть через него; в это время киргизы багрят их на лету.

В полуверсте выше соединения с Балакальджиром на Улькункальджире находится брод Караоткель, выше которого начинается дикое и недоступное ущелье, или, выражаясь по-сибирски, щеки, которые сжимают воды Кальджира. Эти щеки непрерывно идут вверх по течению реки до его выхода из озера Марка и так тесно и круто подходят к реке, что от озера до Караоткеля нет более бродов или, по крайней мере, мест, удобных для перехода караванов через реку.

Мы перешли здесь реку, поднялись на крутой левый ее берег, состоящий из сланцевых утесов, и продолжали путь по южной стороне горной цепи, сопровождающей левый берег Кальджира и потом восточный берег озера Марка. На южной покатости этой цепи берут начало немногие левые притоки Кальджира и источники Алкабека; по горам, густо поросшим спиреями и караганой, а также в более глубоких лощинах *Lonicera tatarica*, мы достигли притока Кальджира — Чанглыбулака. На дне его узкого ущелья растут ивы, осины и березы, а бока покрыты непроходимой чащей кустарников *Robinia*, *Lonicera tatarica*, *Prunus Padus* и *Daphne altaica*; последняя так пахуча, что, не будучи видима, издали обличает свое присутствие сильным жасминоподобным запахом; она извест-

---

²⁸ С этих же высот можно видеть и Сартау, вершина которой с пятнами снега торчит из-за каменистого хребта, при подошве которого лежит Бисбуун.

на у киргизов под названием уусойкы, и кора ее употребляется для успокоения зубной боли; на болотистом дне ущелья, в тени берез и ив, нами найдены были *Viburnum Opulus*, *Lamium album*, *Chelidonium majus*, *Myosotis* и другие растения, свойственные более высоким местностям. На пути от Кальджира к Чангыбулаку в обнажениях мы встречали только сланцы; горный компас в одном месте показал *гор. 6,3*.

24 мая мы продолжали путь в том же направлении; горы были сплошь покрыты кустарниками; *Robinia* здесь совершенно вытесняет карагану; *Lonicera tatarica* и *Daphne altaica* также умножаются; в тени этих кустарников росли *Raconia*, *Campanula*, *Geranium* и в первый раз здесь встретившийся *Iris ruthenica*. Более выдающиеся части, имеющие сухую крепкую почву, покрыты отдельными низкими кустарниками *Sp. hypericifolia*, *Echinopspermum*, *Hypericum*, *Egysimum canescens* и *Juniperus*.

Остановились в этот день в долине Бадпакбулака, одного из источников Алкабека. Долина была занята киргизами, и вечером во всех сторонах были видны огни, слышно было бляение овец и крики людей. Наш аул был расположен на лужайке Бадпакбулака, заросшей сплошным дерном из *Alchemilla vulgaris*, над которым торчали местами огненные шарики *Trollius altaicus* и сидели вилообразные пучки белой чемерицы (*Veratrum album*, h.). Ниже нашего аула Бадпакбулак входил в щеки, южные стороны которых были увенчаны множеством кустарников *Spiraea*, *Rosa*, *Robinia*; *Daphne*, *Lonicera tatarica* и *microphylla*; иногда кустарники были переплетены здешней лианой *Atragene alpina*, на северной стороне этих возвышенностей цвели *Iris flavissima* и *Draba algida*, указывавшие на значительную высоту, на которой мы находились. Действительно, мы находились теперь на рубеже двух зон; здесь мы должны были расстаться с *Spiraea hypericifolia* и другими ее спутниками и вступить в альпийские луга.

Мы находились недалеко от вершин тех альп, которые тянутся по юго-восточному берегу Марка, с южной их стороны. Нам оставалось недалеко до их вершин, с которых мы могли бы увидеть озеро. Не без некоторого волнения мы отправились в путь на другое утро. Мы ехали мягкими лугами, на которых росли *Alchemilla vulgaris* и *Iris flavissima*.

По берегам ключей часто попадались болота, на которых цвела *Galtha palustris*; *Veratrum album* также часто встречалась в более низких местах. Кустарники *Sp. hypericifolia*, *Daphne altaica*, *Lonicera* и др. с сопровождающей их травянистой флорой встречались уже только в виде оазисов на утесах, обращенных к югу, да и то только в начале перехода. Вскоре мы почувствовали по свежести воздуха, что приближаемся к самому высокому пункту; вместе с тем появились новые альпийские растения: *Paraver alpinum*, *Viola altaica*, *Pedicularis interrupta*, *Ophelia diluta*.

Возвышенности, лежавшие впереди нас, были покрыты пятнами снега; предоставив каравану спускаться к озеру более удобной дорогой, которая лежит ниже зоны *Paraver alpinum*, мы в сопровождении Мухаммедсултана поднялись на альпы; как только мы добрались до снежных пятен, перед нами открылся вид на обширное понижение гор, на дне которого лежали приятные голубые воды Марка²⁹; оно лежит в продольной долине, образуемой хребтом Курчумским и грядой гор, которые тянутся с юго-восточной стороны озера; в первом находилась вершина Сартау, во второй — Бисбуун; от юго-западного конца озера долина продолжается в направлении к юго-западу, между тем как Кальджир прокладывает себе дорогу более прямо на юг в поперечной долине, восточнее Бисбууна. За озером тянулась цепь высоких гор, в которой многие высоты сохраняли пятна снега; на востоке цепь эта оканчивалась мысом у восточного конца озера³⁰; еще восточнее, вдали от озера, была видна цепь альп Алтая, покрытая сплошной мантией вечного снега и известная у киргизов под именем Сарытарбагатай.

На карте Западной Сибири, изданной Военно-топографическим депо в 1848 г., этот хребет назван Конкайбаш; мы это название ни от кого не слышали; по объяснению г-на Валиханова это не есть название этого хребта, а неопределенное обозначение его под именем: “сначала хребта Хангай”.

²⁹ На карте Клапрота Vargas; в Большенарымской станице жил старик казак Бурнашев, от которого я слышал два названия озера: Маркакуль и Барханур. Последнее, очевидно, калмыцкое (Прим. Григ. Потанина).

³⁰ Эта цепь на картах топографов Западной Сибири обозначается под именем Курчумского хребта.

На западе цепь, лежавшая за озером, переходила в хребет, в котором находится Сартау; эту высоту мы также видели покрытою пятнами снега. Еще западнее была видна северная покатость той цепи, при южной подошве которой находится Бисбуун; эта покатость казалась мрачною от покрывающих ее лесов лиственницы. Цепь эта составляла западное продолжение тех альп, на которых мы стояли; несколько западнее нас целость этой цепи была разорвана ущельем, в котором проложил себе путь Кальджир. С Карауткуля мы видели это ущелье с юга, теперь его же видели с севера. Эта последняя цепь служит отдельной линией между флорой лиственничных лесов и флорой степных кустарников.

Нам было видно с горы, как с западного конца озера изливался Кальджир и делал излучину по зеленому лугу, расстилавшемуся между озером и подошвой гор.

На поверхности гор, на которых мы стояли, обращенной к озеру, росли лиственницы, почти от уровня нашего стояния до озера, но только на тех боках ущелий, которые обращены к северу; а так как к нам были обращены южные скаты ущелий, то мы видели только одни верхние ряды лиственниц, отчего вся расстилавшаяся горная площадь была исчерчена длинными кривыми, то параллельными, то разветвляющимися черными линиями лиственниц, обозначавшими направления ущелий.

Мы находились значительно выше области человеческой жизни. Аулы были видны только на половинном расстоянии между нами и озером; это давало нам, между прочим, повод заключить, насколько мы были выше вчерашнего ночлега на Бадпакбулаке, где мы находились на уровне аулов. Зато, впрочем, насколько хватало нашего зрения, мы видели ниже известной высоты все гребни и ущелья усеянными киргизскими аулами и табунами.

Отсюда мы начали спускаться частью мягкими зелеными лугами, по которым струились болотистые по краям ключи, поросшие *Caltha palustris* и *Veratrum album*; частью лесом лиственниц, постель под которыми была составлена не из мха, а из дерна цветочных растений: *Iris ruthenica et flavissima*, *Geranium*, *Stellaria*, *Trollius altaicus*; такими местами мы достигли кочевой дороги или уровня аулов; далее мы должны были спускаться в ущелье р. Ка-

инсу, которое могло вывести нас на долину Кальджира, несколько верст ниже его выхода из озера. Кочевая дорога была проложена к дну ущелья по ложу побочного горного ключа, засоренному огромными камнями и упавшими стволами лиственниц; по этой дороге нельзя было спускаться иначе как поодиночке, притом медленно и держась за хвост лошади; по крутизне своей этот спуск скорее походил на ступени каменной лестницы. На дне глубокого ущелья, в которое мы спустились, быстро струилась небольшая речка Каинсу (березовая); бока ущелья были почти отвесны и сближены между собой на 10—15 сажен; левый бок, обращенный к северу, был покрыт лесом лиственниц, под которыми дерн состоял из *Iris ruthenica*; напротив, правый бок, обращенный к югу, состоял по большей части из обнажений зеленого сланца, пласты которого ясно были видны во всю глубину ущелья; горный компас показал $\text{гор. } 9,5$, падение около 30^0 ; головы пластов были наклонены к вершине речки; на этих обнажениях росли спиреи и другие кустарники.

Из ущелья Каинсу мы выехали в долину Кальджира; это ущелье было гораздо просторнее Каинсу, но все-таки иногда с трудом можно было пробираться между берегом реки и утесами; левая стена ущелья Кальджир была оттенена лесом лиственниц, между которыми мы встретили только две сосны; правая стена, напротив, была безлесна и опущена кустарниками.

Река текла здесь быстро, но спокойно. Вода была прозрачна, и с берега видно было ходившую в ней рыбу. Лиственницы не спускались к самому берегу; берег сопровождала неширокая полоса, покрытая травянистой растительностью; только изредка березы попадались у самого берега.

Эта долина вывела нас на берег озера Марка. Зеленая поляна, которую мы видели с гор, оказалась состоящею наполовину из болот; впрочем, при истоке Кальджира почва на обоих его берегах крепка, на правом даже образует небольшой обрыв, на котором складена киргизская могила, но затем и берег озера, и правый берег Кальджира становятся болотистыми; впрочем, эти болота, кажется, образуют ничтожный поверхностный слой; где болото примыкает к озеру или реке, начинается каменистое дно. Берег озера Марка при истоке Кальджира плоский и усеян обломками камней, но дно в нескольких футах от берега становится песчаным.

Горы окружали озеро со всех сторон; направо, т. е. на восток, скалистый берег начинался в $1/4$ версты от истока Кальджира, на западе — гораздо далее; от этих точек скалы почти непрерывно сопровождают озеро с обеих сторон; только впадающие в озеро незначительные горные потоки образуют сырые болотистые луговины, заросшие березовым и осиновым лесом; такая незначительная низменность с лиственным лесом видна была за первым утесом на востоке и более значительная на расстоянии нескольких верст на западе.

Только на северо-восточном конце озера, где в него впадает р. Чумек, не видно было береговых скал; горы, идущие по правому и левому берегам озера, образуют, по-видимому, промежуток, с которого виднелись альпы Сарытарбагатай, лежащие к востоку от китайского пикета Чингистай.

Лиственные леса были видны на всех горах, окружающих озеро, но только на северных скатах; мы не заметили в них ни подлеска, ни подростка. Последнее обстоятельство, впрочем, может быть, следует приписать значительной высоте; субальпийские леса Швейцарии также лишены подростка. Кроме того, деревья стоят не густо и не образуют тайги. По прибрежным крутым скатам гор лиственницы спускались почти к самому берегу озера. Под их тенью образуется толстая подушка из мха, как, например, на самом берегу озера, в других местах из дерна ирисов и чернозема, под которым скрывается сильно разрушившийся сланец, заменивший свой зеленый цвет серо-желтым и распадающийся на мелкие пластинки от легкого давления. По прибрежным скалам, состоящим из сильно разрушающегося сланца и прикрытым толстой подушкой из мха, корней и чернозема, цвела в это время особая разновидность *Egythronium Dens canis* с яйцевидными к основанию удлинненными листьями, известная у здешних киргизов под названием бэк (обыкновенная разновидность известна у киргизов под именем кандык). По словам Мухаммедсултана, киргизы без вредных последствий едят луковицы этого растения сырые, а калмыки пекут их в золе и делают из них кашу; но у коров, которые едят это растение только во время неурожая других трав, пухнет вымя, и они умирают.

Осиновые и березовые леса, спускавшиеся к берегам озера вместе с ущельями, были во время нашего пребывания на озере еще не одеты зеленью, и потому в эту пору озеро много теряло в теплоте впечатления.

На низменности, на которой мы находились, зелень состояла из *Alchemilla vulgaris*, *Trollius altaicus* и *Veratrum album*.

К западу от истока Кальджира, у подошвы гор, было множество аулов рода кожембет; это горцы Южного Алтая, потому что они в своих передвижениях если и выходят на равнину Зайсана на свои пашни, то ненадолго, и, снявши хлеба, возвращаются в горы, так как их зимовки находятся высоко в горах; летом же они занимают самые верхние площади. Они беднее других и в течение летних месяцев надолго останавливаются на берегу озера Марка и занимаются рыболовством в истоке.

В Марка водится несколько видов форелей, которые во множестве держатся в истоке Кальджира; наши караванные киргизы достали у рыболовствовавших кожембетов несколько пород, а именно *Fario Marsiglii*, Heck. и разновидность этого же вида, отличающуюся от описанного в сочинении Геккеля и Кнера: *Susswasserfische der Oestreichischen Monarchie* зеленовато-серой спиной и тем, что книзу от средней линии она имеет белое брюхо; фиолетовых отливов на коже у нее нет; пятна не переходят ниже средней линии, немногочисленны, рассеяны и невелики сравнительно с обыкновенным видом.

Кроме того, нам принесли вид *Thymallus*, отличавшийся от *Th. vexillifer* Agas. красноватым цветом кожи и расположением чешуи не в шахматном порядке, а рядами, так что туловище рыбы от этого кажется полосатым.

Каждый вечер на истоке Кальджира происходила ловля; обыкновенно сюда собиралось более 50 человек на быках; это были поставщики от семейств; они привозили с собой два общественных невода — единственные у целого рода кожембет. Почти вся компания, состоящая из взрослых и детей, заезжает на быках в воду гораздо ниже истока и с криком и горящими головнями гонит рыбу вверх по Кальджиру; в самом выходе Кальджира закидывается невод и вынимается, когда рыба скопится в нем. Вынутая рыба складывается в общую кучу на берегу; закидывание невода и пугание рыбы повторяются несколько раз, так что шум и крик не переставали на реке в течение целой ночи. Кожембеты вместе с рыбами и сами сделались ночными животными. На рассвете ловля кончается; куча рыбы делится поровну между участника-

ми посредством следующей процедуры: все участники садятся на землю, каждый с раскрытым мешком в руке, и образуют около кучи замкнутый круг; возле самой кучи садятся два избранных делильщика спиной друг к другу; они разбрасывают по мешкам сначала крупный сорт рыбы, по две штуки каждому участнику, потом разбрасывают более мелкую рыбу, потом еще более мелкую, пока не разбросают все.

Кроме этой ночной общинной ловли днем тут же производится частный лов посредством остроги; киргизы или верхом на лошади разъезжали по реке, или, раздевшись донага, ходили по берегу и кололи рыбу. Острога состоит из двузубого железа, которое гвоздеобразным окончанием вставлено в деревянный стержень, конец которого обмотан веревочкой, чтобы железо крепче держалось в стержне.

Кожембеты в течение летних месяцев питаются исключительно рыбой, молоко же копят к зиме в консервах, известных вообще у киргизов под названием ирюмчюк и курт. У каждой юрты в это время непременно сбоку были устроены полати; циновки из чия были подняты на палках, и на них сушились эти киргизские сорта сыра в маленьких колобках.

Кроме остроги и невода другие роды ловли рыбы неизвестны кожембетам; сетей они не ставят, кажется, потому, что не имеют лодок. Это, к сожалению, делает недоступным для этого бедного народа внутреннее богатство озера, а ловля в истоке, кажется, грозит печальным последствием — истреблением рода форелей.

После спуска киргизов из трещины Марка в нижние долины Южного Алтая озеро посещается для рыбной ловли русскими крестьянами из деревень Солоновки, Александровки, Мьяконькой и Быковой, впрочем, не более 20 человек; они приходят с вьючными лошадьми, неводят в озере, солят наловленную рыбу прямо в переметные сумы и уводят с собой почти каждый по две вьючные лошади.

Озеро Марка нередко посещается и торговыми русскими людьми; казак Носонов из Чернорецкой станицы ходил торгом в прошлом году к кокнайманам, тортогулам и кожембетам и был в окрестностях Марка; купец Косаткин, торгующий в Кокбектах, также часто ходил к акнайманам. Преимущественно же торговля с этими

неверноподданными киргизами производится семипалатинскими татарами; впрочем, она так слаба, в особенности с кожейбетамы, что они всегда бывают необыкновенно рады приезду купца или просто случаю обменяться.

Когда русские рыболовы осенью поднимаются по Черному Иртышу вверх, берега этой реки бывают оживлены спустившимися на зимовки киргизами, с которыми обыкновенно и производят мену; отказ в мене вызывает со стороны киргизов насилие; бывали случаи, что киргизы начинали бросать в русских камнями, требуя торговли. С нами случилось нечто вроде этого; кожейбеты нахлынули к нам толпой, и, несмотря на все недружелюбие к нам, перебраниваясь с казаками, они вели с ними во все время нашего пребывания на озере оживленный торг; кожейбеты до того оказались нуждающимися в русских тканях, что казаки очень выгодно сбыли не только все свои рубахи и штаны, но и старые носовые платки, онучи и тряпицы и остались каждый только при одной смене нижнего белья; когда казакам было запрещено торговать, кожейбеты стали так резко выражать свое неудовольствие, что для успокоения их необходимо было дозволить продолжать мену. Рассказывают также, что киргизы прячут русских купцов и их товары при приближении китайских развозов, разбирая товары частями по сортам, и по удалении китайцев товары снова возвращают купцам — до такой степени они дорожат торговыми сношениями с Россией, до того недостаточны эти сношения. Впрочем, киргизы и сами ходят отсюда в Семипалатинск, и не только из ближних волостей, но даже и отдаленные киреи, кочующие в окрестностях озера Канас. Караваны их и табуны баранов обыкновенно плавают через Нижний Иртыш близ устья р. Букони, где наш спутник Тана Тлемисович, как уже выше было замечено, содержал три парома.

До какой степени выгодны торговые предприятия в этой стране, можно заключить из следующего обстоятельства: г-н Носонов в два лета ввез туда русских товаров на 10000 рублей, а вывез местных произведений на 20000.

В настоящее время заметно в купечестве Западной Сибири стремление отыскивать новые области для торговли, и именно по преимуществу в Южном Алтае; вероятно, оно не оставит без внимания и эту непочатую часть Южного Алтая; но более, чем втор-

жения в Южный Алтай русских торговых людей, мы желали бы ознакомления его обитателей со способами извлекать более выгод из своих промышленных занятий. Простое же умножение торговых сношений будет иметь вид передачи избытка местной производительности в руки купцов без особенной прибыли для народа. Мы еще будем иметь случай возвратиться к этому предмету и потому здесь более не распространяемся.

Во время нашего пребывания на озере Марка мы почувствовали, каким незаменимым вожаком мы владели в лице Тана Тлемисовича. Бедный род кожембетов был так напуган нашим военным конвоем, что никак не хотел объяснить наше посещение мирными целями науки. Из ближайших окрестностей собрались влиятельнейшие люди и в течение трех дней держали совет, сделать ли дружелюбный прием или выразить неудовольствие. Поэтому в течение трех дней наш аул был посещаем только толпою киргизской черни.

На четвертый день к нам стали являться почетные люди с изъявлением знаков радушия, т.е. с кунагасы, состоящими из кумыса и баранов; сначала прибыли не очень знатные лица, потом стали приезжать другие в порядке превосходства и степени значения. Кумысу привезли столько, что наш караван в день выпил по крайней мере целую бочку этого напитка.

После всех прибыли дети знаменитого умершего султана Кулике, значение которого было так велико в этом крае, что к его имени иногда прибавлялось почетное звание хан. Дети не унаследовали славы своего отца, но все-таки после султана Аджи, кочующего на Канасе, они были самые влиятельные на востоке от Марка. Тана столько значения придавал этому посещению, что достал из соседних аулов хорошую юрту для приличного помещения гостей. Старший потомок Кулике был человек лет за 40; он был высокого роста и необыкновенно тучен; говорили, что у него в табунах есть только одна лошадь, которая в состоянии переносить тяжесть этого человека; он был одет в синий халат, грудь которого была поперек обшита красными шнурками, как у венгерок; особенно темный цвет лица делал его фигуру еще более похожею на старинного венгерского магната.

На другой день Тана устроил для всех наших новых знакомых угощение в благодарность за их радушие. Известный по всей

Зайсанской равнине необыкновенными издержками на поминки по своему отцу, сразу доставившему ему громкую славу и звание мурзы, Тана искусно исполнил свою роль при этом торжественном обстоятельстве и сделал нас свидетелями оригинальной картины. На берегу Кальджира несколько баранов пало жертвою нашего примирения с кожембетами; Алтпыс, коренастый киргиз и добродушный старик, исполнявши всю дорогу обязанность собственного повара Таны, распорядился около котлов; когда мясо сварилось, несколько человек стали крошить его и раскладывать в деревянные блюда, которые были в изобилии принесены из соседних аулов; Тана лично распорядился распределением кусков, потому что при этом требовались очень сложные сопоставления вкуса кусков с значением лица, которому они предназначались. Когда все было готово, мясо понесли в юрту, где помещались сыновья Кулике и другие почетные лица. Около десяти человек несли блюда; они шли один за другим; впереди шел Момын, сарт, родившийся, впрочем, в степи, исполнявший у Таны обязанность муллы и русского переводчика; он нес на подносе подарки сыну Кулике — кусок красного сукна и еще какой-то материи и полголовы сахара; за ним шел Бердыкул с подарками для других лиц; все это было так разложено Таной, чтоб яркость и пестрота красок поразили толпу кожембетов, мимо которой шла процессия. За Момыном и Бердыкулом несли наконец блюда с мясом, курившиеся благовонным и соблазнительным паром.

Остальные дни Тана провел в разборе местных междоусобиц и тяжб из-за кочевьев; алтайские султаны и бии воспользовались благоприятным случаем прибытия Таны для решения старинных дел, остававшихся без изменения не столько, может быть, по имению собственных искусных судей, сколько за отсутствием в среде этих, последних таких лиц, которые бы были не заинтересованы в тяжбе. Тяжущиеся так дорожили знаниями и беспристрастием Таны, что не хотели его отпустить иначе как по разрешении споров и просили его остаться на озере, хотя наш караван не стал дожидаться окончания процесса. Тана должен был согласиться и догнал нас уже через два дня на Сартау.

31 мая мы оставили озеро. Мы поднялись из его глубокой трещины на запад от истока Кальджира; подъем был крут и высок;

верблюды падали на камни; в одном месте единственная тропинка была так глубоко выбита посреди остро высовывавшихся пластов сланца, что упавший верблюд запрудил своим телом дорогу; задние верблюды, которым негде было обойти, оторвались друг от друга, и чтоб они не были увлечены тяжестью вьюков в пропасть, необходимо было развьючить их и вещи нести на гору на руках до более просторной местности. По такому подъему мы сразу поднялись в зону *Paraver alpinum*, и отсюда нам открылся лучший вид на озеро как раз вдоль его продольной линии. Мы очутились чуть не на вершине тех высот, которые соединяют западную цепь Маркакуля с Сартау и которые от узла, в котором берет начало Курчум, через Сартау, до последних западных высот Аркаул на русских картах обозначаются общим именем Курчумского хребта.

Далее мы шли субальпийскими полями, на которых цвели *Paraver alpinum* и *Primula elatior*, а на обнажениях сланцев в этой же зоне — *Odontarrhena obovata*, влево мы имели постоянно в виду цепь, у южной подошвы которой находится Бисбуун и которая была отделена от нас глубокой продольной долиной. На пути мы должны были спускаться в долины горных потоков, кативших свои воды на юг и пересекавших дорогу под прямым углом; чем значительнее был поток, тем значительнее и наше углубление в нижнюю зону; первый значительный от озера поток, пройденный нами, был Таскайнадбулак; в его глубокой долине на утесах росли кустарники *Spiraea* и смородины, перевитые *Atragene alpina*. Лиственницы мы в этот день не встречали более, кроме той крутой покатости, по которой мы поднялись из озера; далее за Таскайнадбулаком лиственницы не было до речки Кулункеткена. Вероятно, ущелья эти так открыты на юг, что оба их бока подвергаются одинаковому действию палящих лучей солнца.

Ночевали в этот день в высокой зоне на безымянном ручье, между Таскайнадбулаком и Кулункеткеном — выше киргизских аулов; впрочем, на соседних зеленых лугах, поросших *Alchemilla vulgaris*, и горных покатостях, на которых цвели *Iris flavissima et ruthenica*, паслись табуны лошадей соседних кожембетовских аулов, и вечером на высотах, окружавших нашу стоянку, раздавались песни и ободряющие крики киргизских пастухов. Один из них оказался поэтом и почтил нас своей импровизацией, которая началась так:

“Бархатная шапочка с красной кистью”³¹.

Прежде не имел случая видеть русских, теперь увидел” и проч.

Импровизация, впрочем, отличалась более удачными рифмами, чем поэзией. Однако она привела в восторг всех наших спутников-киргизов, и из нашего аула послышались громкие поощрительные крики: бали!

На следующий день шли по таким же, как и вчера, высоким и безлесным местам до долины Кулункеткена; обнажения состояли из зеленых сланцев, которые были иногда необыкновенно изогнуты; на правом берегу Кулункеткена пласты имеют направление $\text{hor. } 9,0$ ст. падением в 15^0 ; головы пластов были наклонены на запад, к Сартау. Левый берег Кулункеткена состоял уже из гранитных холмов, одетых лесом лиственниц.

Кулункеткен отделяет сланцевую породу от гранитной массы, которая образует возвышенности отсюда до самого Сартау и составляет ее купол.

На пути мы встретили очень много аулов кожембетов; в особенности были оживлены стадами теплые долины горных потоков; некоторые аулы стояли на дне долин, другие помещались на возвышенных местах, третьи прятались в мрачной тени лиственниц. У каждой почти юрты были устроены подмости, на которых на чие сушился сыр.

Ночь провели к западу от Кулункеткена, в небольшом ущелье, замечательном по своей живописности; на одной его стороне гранитная масса заросла лиственничным лесом и была засыпана образовавшимся от него наносом, но другая состояла из обнаженных скал; гранит был разделен сильными трещинами на отдельные куски, лежавшие одни на других; причудливые формы, в которых они были нагромождены, привели нас на память рассказ Сиверса о подобной картине гораздо западнее, к западу от Сартау. Эта местность не имеет особого названия; вблизи ее где-то находится болото Джапрак.

Между Кулункеткеном и более западным потоком Аюкеткен, берущим, так же как и первый, начало на Сартау, гранитные воз-

---

³¹ Вероятно, описание костюма самого певца, заменяющее рекомендацию его особе.

вышения местами образуют обнаженные невысокие утесы, местами (на северных сторонах) замаскированы лесом лиственниц. Гранит местами содержал жилы диорита. Между возвышенностями часто попадались болота; на одном из гранитных утесов обитали красные горные утки, которых киргизы зовут атау и которые попадались нам только в горах. В первый раз мы встретили их на северной покатоности Буконбая, на Такаре, около Актаса. Потом видели их парами на озере Марка и на Кальджире.

Немного не доезжая до Аюкеткена, на ровной площади мы проехали мимо двух гранитных бюстов, врытых в землю. На них было заметно грубое изображение человеческого лица и рук, сложенных на поясе и держащих какую-то вещь.

В том месте, где мы вышли на Аюкеткен, долина его образуется из двух соединяющихся ущелий; одно, восточное, прямо вело к подошве Сартау, которая возвышалась на его заднем плане непосредственно со дна его на несколько тысяч футов сразу. Это ущелье мы оставили вправо и стали подниматься по западной ветви Аюкеткена. На протяжении нескольких верст мы поднимались исподволь, непосредственно по руслу этого потока, потому что русло его, несмотря на то, что оно завалено крупными валунами, все-таки представляет более удобств для путешествия, чем остальная часть дна ущелья, состоявшая из болота, иногда прерываемая мостовой из гранитных обломков. Чем выше, тем эти последние становились крупнее и многочисленнее. Лиственницы росли на боках ущелья и на самом берегу потока. По такой неудобной дороге мы вышли на площадь, с которой опять открылся вид на Сартау; продолжение ущелья Аюкеткен вело к ее подошве. Мы остановились у отверстия этого ущелья. Аюкеткен в этом месте был буквально погребен под гранитными обломками, достигавшими здесь 2—3 футов в поперечнике; линия этих обломков шириною иногда в 10 сажен обозначала направление потока, который совершенно скрывался под этими развалинами, и только подземный плеск вод давал знать о его существовании, да иногда неплотно сложенные камни оставляли отверстие, в которое можно было видеть мерцающую в темноте поверхность воды.

Здесь мы прожили несколько дней; когда мы пришли сюда, киргизы еще не поднялись до этой зоны, и мы были сначала единственными обитателями этой местности; только на другой уже день прикочевал сюда Мухамедсултан, и его мать поставила свои юрты на более 100 сажен ниже нас. Г-н Струве по степному обычаю послал пришедшему соседу приветственный подарок, который киргизы обозначают особенным термином. Этот подарок состоял из очень дорогой сабли. Делание подарков есть одна из основ киргизской жизни; нет, кажется, случая, к которому бы не приди-рался этот киргизский обычай; некоторые из них носят технические названия, многие известны под общим названием куремдук. Не-редко с подарком начиналась карьера бедняка и до того безвес-тного человека. Человек, щедрый на подарки, получает почетное прозвище мирзы и очень уважается народом. Действительно, для простого народа этот обычай имел благодетельное значение, и при существовании другого опустошительного обычая, баранты, это, может быть, была хотя и слабая реакция на это зло.

Но, к сожалению, некоторые из этих обычаев превратились в злоупотребления русских чиновников; так, например, в некоторых местах киргизы ввели обычай приветствовать назначение нового начальника куремдуком в 400—600 рублей.

Астроном Струве совершил пять восхождений на Сартау, г-н Потанин — два, из которых одно — пешком. Чтобы подняться на лошади, нужно обогнуть гору, потому что с северной стороны подъем на самую вершину легче; впрочем, вершина доступна со всех сторон и нигде не образует обрывов, за исключением двух обнажений, спорадически находящихся среди вообще мягких скатов.

Пределная линия лиственниц была выше нашего аула, так что при восхождении приходилось еще несколько времени сначала идти в зоне лиственницы; здесь цвели *Iris flavissima*, *Lamium album*, *Draba algida*, *Trollius altaicus*, *Leontopodium alpinum*, *Dracocepalum altaicense*, *Erythronium Dens canis* (по-киргизски бэк). Немного ранее последних лиственниц встретились *Ophelia diluta*, *Viola altaica* и *Pedicularis interrupta*; *Iris flavissima* и *Trollius altaicus* прекратились вместе с последними лиственницами.

Выше предельной линии лиственницы целые пространства усыпаны желтыми и синими фиалками (*Viola altaica*), от которых зависел общий тон цвета горы в это время года; внутри этих полей фиалок на грудах гранитных обломков, которых здесь становилось необыкновенно много, росли вереск (*Juniperus*) и *Berberis sibirica*, последний ниже в долине Аюкеткена не встречался, а первый раз был нами встречен на субальпах между Таскайнатбулаком и Кулункеткеном. На южной стороне Сартау мы не заметили *Paraver alpinum*, тогда как он попадался на всех альпах к востоку от Кулункеткена, но люди из топографической партии, поднимавшиеся в тот же год на Сартау с севера, на северной ее покатости находили это растение.

Выше появляются новые альпийские растения: *Gentiana altaica*, *Saxifraga sibirica* и *Ranunculus altaicus*.

Последний, вместе с *Odontarrhena obovata*, растет там, где по долгу лежит снег и где гранитные кусочки и выветрившаяся почва в короткое время своего обнаженного состояния не успевают покрыться перегноем и дерном; все места, где цвел *Ranunc. Altaicus*, были еще мокры от недавно стаявшего снега.

Вереск прекращается несколько ниже вершины, но *Gentiana altaica*, *Viola altaica*, *Pedicularis interrupta* и *Saxifraga sibirica* достигают вершины, а на самой вершине к ним присоединяются *Umbilicus platyphyllus* и *Lloydia serotina*.

Несмотря на значительную высоту, флора Сартау все-таки не включает в себе ни одного представителя из родов *Andromeda*, *Vaccinium*, *Rhododendron*, *Dryas* и других, растущих близ снежной линии в Северном Алтае.

Снег лежал только на немногих местах, обращенных к северу; он сильно таял, и скат горы вниз от его окраины был покрыт единственным растением *Ranunc altaicus*. Этим растением 3 июня начинается здесь весна.

Южная покатость Сартау представляла следы великого разрушения, какое потерпела вершина этой горы в неизвестное, отдаленное время. Она была покрыта бесчисленными наваленными рядами, обломками гранита; ряды эти избегают вниз параллельными линиями и на нижних концах своих или образуют утолщения вроде

того, какие делает смола, текущая по стволу дерева, или загибаются дугообразно, или два ряда соединяются внизу посредством дугообразного вала в виде конечной морены ледников; как нижние утолщения прямых рядов, так и нижние части дугообразных валов круче со стороны подошвы горы, чем со стороны вершины; самые высокие из них поднимаются только на 1 фут выше поверхности альпийского дерна, но контуры их, в особенности нижние, резко выступают из его зелени. Некоторые из этих морен лежат в ровиках, углубленных в дерне и черно-земной почве; слой дерна после образования этих морен достиг такой толщины, что его поверхность возвышается над мореной, которая сама, однако же, еще не завоевана деятельною растительностью. Это дает повод думать, что и те морены, которые выступают из дерна, может быть, более чем наполовину замаскированы последним. На этих моренах растут вереск и *Saxifraga sibirica*.

Вид с вершины Сартау благодаря ее удаленному от других равных высот положению очень обширен, хотя и не так, как он показался Сиверсу, который думал, что с этой горы видит все источники и притоки Черного Иртыша (Риттер. Землевед. Азии. Русск. пер. Т. III. С. 10). На севере была видна узкая и глубокая долина Курчума с Нарымским хребтом за ней, в середине которого возвышалась пирамида Джайдак с пятнами снега. На востоке озеро Марка и за ним Сарытарбагатай; на юге, за окраиной нижайших ступеней Южного Алтая, широкая желтеющая долина Черного Иртыша, а за нею низко покрытый вечным снегом Сауры с низким восточным своим продолжением Манрак.

На вершине Сартау при ясном состоянии неба погода была очень сносна, но часто и кряду на несколько суток свирепствуют здесь бураны и в июне месяце; в это время даже там, где стоял наш аул (т.е. при отверстии верхней половины ущелья Аюкеткена), приходилось надевать шубы и греться у огня: даже однажды и в нашем ауле шел снег.

Несмотря, однако же, на этот суровый климат, в нем проводят киргизы все свое лето; вскоре после нашего прихода к подошве Сартау все окрестности были наполнены аулами и стадами; впрочем, аул Мухаммедсултана бывает всегда самый верхний, так что мы стояли, значит, на предельной линии киргизских аулов, но кон-

ные табуны Мухаммедсултана в середине лета пасутся на самой верхушки Сартау, следовательно, на высоте около 9000 футов³².

Почти все лето киргизы проводят в умеренном климате; ранее первых чисел мая оставляют они жаркую равнину Черного Иртыша и Зайсана, когда еще на берегах последнего не успеют отцвести самые ранние весенние цветы, как, например, *Erythronium Dens canis* и *Tulipa Gesneriana*, и с постепенным увеличением зноя в низших слоях воздуха они перемещаются в холодные верхние слои и середину лета проводят в таких высотах, где, собственно, лета не бывает, где весна непосредственно переходит в осень; они приходят на альпы тогда, когда *Erythronium Dens canis* (бэк) только начинает отцветать, так что аулы, можно сказать, во время своего странствования постоянно пребывают в средней температуре, соответствующей отцветанию этого растения.

6 июня мы оставили Сартау и спустились в этот день до р. Балакальджир; сначала до р. Карагаш около 8 верст мы шли по гранитным обнажениям, поросшим на северных скатах лиственничным и еловым лесом³³, который спускался до уровня реки; с правой стороны к Карагашу прилегали обнажения сланцевой породы, так что река течет между гранитными массивами Западного Сартау и прилегающими к нам сланцами, подобно тому, как на восточной стороне Сартау в подобной же трещине между сланцами и гранитом течет Кулункеткен. Сначала порода, составляющая правый берег Карагаша, имеет порфириновидное строение и включает в себе неправильно рассеянные зерна кварца; присутствие слюды в этой породе очень заметно, но немного далее кварцевые зерна располагаются рядами и образуют искривленные слои, отчего порода

---

³² В Швейцарии верхняя предельная линия стад рогатого скота 6500 футов. На южной стороне Монрозы стада достигают высоты 7500 футов; овцы поднимаются выше, вообще до высоты 7000 футов, но часто и выше, а на Монрозе — до 9000 футов. В Южном же Алтае, напротив, стада овец и рогатого скота остаются вблизи аулов, следовательно, на 1000 и более футов ниже, выше же поднимаются конные табуны.

³³ Ель в долине Карагаша составляет значительный процент хвойного леса; кроме этой долины мы ее, однако же, нигде не встречали, и все леса Южного Алтая на пройденном нами пути состоят исключительно из лиственниц.

получает полосатый вид; явственные следы слюды здесь уже исчезают; еще западнее обнажения эти стали выше и обратились в слои зеленоватого, жирноблестящего тонкослоистого слюдистого сланца с простираем $\text{гор. } 4,4$ и падением 12^0 ; головы слоев наклонены по направлению к Сартау.

Из высоколежащей долины Карагаша, мрачной от хвойных лесов, мы перевалили через гребень невысоких гор в более теплую и веселую долину одного из левых притоков Балакальджира; левый бок этой долины был одет хвойным лесом, в котором цвели *Raeonia* и *Trollius*, другой состоял из сланцевых обнажений, поросших кустами *Lonicera tatarica* и *L. microphylla* и *Spiraea*, перевитыми *Atragene alpina*. По этой тесной долине мы вышли на довольно открытую местность, образуемую соединением долины, по которой мы шли, с долиной Балакальджира. Над этим расширением, более обширным, чем то, которое мы описали при соединении Балакальджира с Ульконкальджиром, возвышается на востоке значительная гора Салкынчочу как восточное продолжение Сартау. На юг тянется западное значительно пониженное продолжение хребта, южную подошву которого образует Бисбуун и который с юга ограничивает ту продольную долину Южного Алтая, вдоль которой мы шли от самого озера Марка.

На берегах Балакальджира растут здесь ивы; в ущелье левого его притока, по которому мы спустились, растет береза, встретившаяся не далее как за версту до выхода из ущелья. В противоположность Северному Алтаю здесь береза относительно не поднимается так высоко, и верхняя предельная линия ее лежит гораздо ближе к нижней предельной линии лиственниц, чем к верхней. Наша стоянка на Балакальджире может быть принята за нижнюю предельную линию лиственниц, так как отсюда роцци лиственниц если еще попадают на северной покатости высот, сопровождающих продольную долину с юга, то не иначе как на значительной высоте от подошвы и недалеко к западу от нашей стоянки совершенно прекращаются.

Мы продолжали свое путешествие по западному продолжению все той же продольной долины, образуемой здесь хребтом Джильтау с севера и невысокими холмами с юга, которые сначала, как

замечено было, покрыты были роццами листовнищ, а потом одним травянистым ковром, что и скрывало сначала от нас породу, составляющую их, но западнее, у р. Калгутты, обнаружилось, что они состояли из гранита; еще западнее гранит был замечен сланцами.

Долина здесь имеет странный вид узкого уступа (бермы) на южной покатости Джильтау; имея около 20 верст длины от Балакальджира до западного конца, она не расширяется нигде более одной версты; холмы, ограничивающие ее на юге и со стороны долины имеющие незначительную высоту, с южной стороны образуют очень высокую стену; реки, как Балакальджир, Такыр, Калгутты и другие мелкие потоки, берущие начало в ущельях Джильтау, текут поперек этой долины, прорывают южную цепь холмов и низвергаются в низшую террасу, лежащую при их подошве. С гранитных холмов около Калгутты мы могли рассматривать все это плоскогорье до крайнего южного Буконбая, как ландкарту со всеми его потоками и долинами; прямо на юге находился Джалпаккаин с его конгломератами. Эти гранитные холмы, на которых мы теперь стояли, и были нам видны с Джалпаккаина, когда мы их приняли за юрты.

Горные потоки, пересекающие этот узкий и длинный уступ, текут по нему в плоских берегах; по берегам их растут ивы, иногда разрастающиеся в большие рощи. На граните у Калгутты растет береза; тут же растут разные кустарники и *Dictamnus Fraxinella*; по самому уступу — *Spiraea hircicifolia*, к которой западнее Калгутты присоединяются значительные рощи *Amygdalus napa*, на котором в это время были уже белые мохнатые орехи; в ущельях Джильтау встречается *Cotoneaster vulgaris*.

Салкынчоку в истоках Калгутты состоит из черновато-зеленого слайда, проникнутого жилами белого кварца, иногда пересекающими одна другую; у подошвы Салкынчоку много встречается обломков прозрачного синеватого кварца.

К западу от Калгутты нам указали киргизы на встречающееся, кажется, и в других частях степи явление: посередине совершенно твердой почвы выступает грязь из желтоватой глины; длинная палка свободно идет вглубь, и, по словам киргизов, дно ямы не достигнуто ими; поверхность грязи несколько выступает за поверхность окружающей почвы; отверстие, занятое грязью, имеет около 2 футов в

поперечнике; в температуре ее мы не заметили ничего особенного.

С верхней узкой террасы было видно также западное очертание нижней террасы, в которой находятся средние течения Тақыра и Калгутты, имеющие юго-западное направление. Эта западная окраина нижней террасы несколько ниже того места, где в нее низвергается с верхнего уступа р. Калгутты, примыкает к подошве Джильтау, так что здесь мы спустились из верхней террасы непосредственно в равнину Зайсана по широкой кочевой дороге, проложенной по ущелью, вверху совершенно сухому, но в нижней части орошенному болотистым ключом. По выходе из ущелья, на равнине, мы нашли целую группу киргизских зимовок, сложенных из местного сланца.

На равнине росли чий, *Glycyrrhiza glabra* и *Sophora alopecuroides*.

К югу от гор, с которых мы спустились, на равнине, мы пересекли ряд незначительных гранитных возвышений, сильно разрушившихся; гранитные холмы были так погружены в выветрившуюся из них сухую песчаную почву, что из нее торчали только верхушки прежних гор, как острова из водной поверхности. Выветрившаяся почва частью поросла чием, но в чашеобразных углублениях между холмами была обнажена и находилась в дальнейшем фазисе выветривания; почва этих углублений была покрыта налетом соли.

К ночи 8-го дня мы достигли опять берега р. Калгутты (на карте Клапрота *Khaliotou*), текущей здесь в мягких ровных берегах, образуя широкий луг, в котором торчало из почвы много корней ив, но лесу уже не было; луг был покрыт сочной, но невысокой луговой растительностью. На равнине между рекой и утесистой окраиной гор много чудских могил и следов пашен, не засеянных в этот год, вероятно, вследствие засухи. У подошвы Карачоку (западное продолжение Джильтау) была также группа киргизских сланцевых зимовок.

9-го дня мы сделали усиленный переход в 60 верст, с Калгутты у Карачоку на Иртыш у Могилок. Мы сделали привал на половине дороги у колодца с соленой водой, в совершенно безжизненной пустыне и потом продолжали путь до полуночи.

До колодца мы шли степью с глинистой почвой; чем далее к западу, тем чаще попадались солончаки в виде спорадических

пятен с рыхлой почвой, на которой растут галофиты; окружность солончаков резко была отмечена произрастающим на ней одним из видов *Stative*. Не доходя 8 верст до колодца, мы миновали холмы гипса, Барлытюбе (“гипсовые холмы” по-киргизски); один киргиз доставил нам из них кристалл; казаки Кокбектинской станицы ломали этот гипс для своей церкви. К северо-западу от колодца, при подошве гор Аркаул, умножающиеся солончаки образуют соленое озеро Турангыкул, на котором киргизы осенью берут землю и вываривают из нее соль. Солончаки на северной равнине Зайсана развиты значительно только у южной подошвы Долонкара и Аркаул; собственные же берега Зайсана, как выше было замечено, имеют незначительные солончаки только на западном берегу.

Эти солонцы обитаемы стадами куланов и сайги. Мы ничего не могли узнать об их перекочевках.

Мы нашли в архиве Управления области сибирских киргизов интересные указания на распространение куланов в половине XVIII столетия гораздо севернее нынешней их предельной линии, которые и приводим здесь.

Поручик Красильников купил в Усть-Каменогорске 6 диких лошадей, которые были отправлены в Петербург ко двору для зверинца; дорогой к ним еще была присоединена одна кобылка, пойманная около Ямышева (указ Сибирской канцелярии 10 сентября 1740 г.).

В январе 1745 года из Черлаковского форпоста казаки ездили в степь по сакме открыть, какие люди проехали; оказалось, что это были киргизы, которые ездили по степи для звериного промысла и за степными дикими лошадьми.

19 марта того же года приехали в Семиярскую станицу киргиз-кайсаков десять человек и о себе объявили, что ездили они стрелять диких лошадей.

14 марта того же года близ станицы Спуску на здешней стороне Иртыша увидели киргиз-кайсаков 25 человек, которые о себе объявили, что переехали на здешнюю (правую) сторону Иртыша для промысла диких лошадей.

В течение февраля месяца между крепостями Железенской, Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской киргизы

почти повседневно переезжали для звериного промысла на нагорную сторону Иртыша партиями по три, пять, десять и пятнадцать человек вместе.

В ноябре месяце 1746 года Семиярского форпоста и Долонка-рагайского станка прошли через Иртыш 30 киргизов кирейского рода для промысла диких лошадей и на спрос объявили, что на их стороне диких лошадей ныне не имеется и питаться им нечем. Их воротили от Сиверного бора за 100 верст от Семиярска.

В феврале 1747 года мимо Осмарыжского форпоста проехало через Иртыш до 30 киргизов, которые сказали встретившимся драгунам: “У вас в степи дичинных лошадей много, а у них нет, и кормиться якобы им, киргизам, нечем”.

20 декабря того года около Чернорецкого форпоста найден был след, по которому догнаны были киргизы с вьючным верблюдом; на спрос они отвечали, что переехали на правую сторону Иртыша для промысла степных лошадей на пищу.

В ноябре месяце 1750 года близ Семиярска проехали через Иртыш 5 киргизов Уваккирейской волости для битья степных лошадей на свое пропитание.

В августе 1752 года около Пресногорьковской крепости видели 6 киргизов, которые объявили, “что де мы ищем буханых и тарпан — по-русскому диких лошадей и лосей”.

Вечером, уже в сумерки, мы проходили, кажется, той степью, которую описывает Мейер как поросшую *Peucedanum elatum* и *paniculatum*. Но мы видели эту степь в особенном состоянии: за-суха, от которой терпела растительность на всей котловине Зайсана, извратила растительный характер страны; многие пашни за недостатком воды вовсе не были распаханы киргизами; некоторые растения были убиты в то время, как они развили только свои корневые листья. Напротив, солончаки находились в цветущем состоянии, и мы, может быть, встречали налеты соли там, где их в обыкновенные года не бывает; *Peucedanum* также, вероятно, погиб в своих ранних всходах, и степь была покрыта только прошлогодними высохшими стволами, которые еще стояли в почве, но от незначительного гнета ноги валились и ломались.

Ночью уже вступили в песчаную степь, которая образует у Иртыша с обеих сторон песчаные холмы, у которых мы и ночевали;

холмы эти, как оказалось на другой день, были покрыты цветущими кустами *Halimodendron argenteum*. Впрочем, здесь (около урочища Могилки) песчаные холмы тянулись вдоль Иртыша очень узкой полосой и были незначительны (около 10 футов высоты).

Как выше замечено, они более развиты ниже, к устью Букони и Курчума, а у истока Иртыша из Зайсана едва заметны.

На другой день мы перешли на Каракас, к истоку Иртыша. И отсюда были видны довольно ясно покрытые снегом вершины Сарытарбагатая, именно западнее Аркаула.

13-го перешли на Кы, почти подле самого озера; солонцы с рыхлой почвой хотя встречались очень часто, но отдельными пятнами, на них в это время цвела *Nitraria Schoberi*. С Клов, через Джусагач, мы возвратились в Кокбекты.

Записки ИРГО. СПб., 1867. Т. 1. С. 363–429.

Зимняя поездка на озеро Зайсан (зимой 1863—1864 гг.) Григория Потанина

Около 10 января 1864 года я выехал из Усть-Каменогорска в Кокбекты, несмотря на бурную ночь. Я спешил, потому что в Усть-Каменогорске узнал, что зимний лов на Зайсане приходил уже к концу, и я рисковал никого не застать на озере. После бесплодной борьбы с бурей мы принуждены были возвратиться в город, чтобы на другой день снова выехать. Когда при ясной погоде следующего дня я увидел, какую картину представлял северный скат Калбинского хребта в эту пору года, мне перестало казаться удивительным, что накануне в течение трех часов мы едва ли отъехали от города более 8 верст. Все долины были забиты снегом до такой степени, что относительная высота возвышенностей совершенно изменилась — долины казались не очень глубокими, гребни не сильно выдавались. Верстовые столбы были занесены по самые верхушки. Темные пятна каминных обнажений были редки на преобладающем белом фоне снежного покрова.

Но за Сабинским пикетом все было наоборот: белая поверхность была испещрена обнаженными скалами, да и там, где лежал снег, он был не глубок; по нему ходили стада баранов и доставали из-под него свой корм. Такое бесснежье простиралось по всему нагорью Калбы до Караджальского пикета, последнего к Кокбектам.

Я без приключений доехал до Кокбектов, но это следует считать за большое счастье, потому что на Калбинском нагорье беспрестанно дуют сильные ветры, и здесь часто случается сидеть по целым неделям на каком-нибудь пикете в ожидании прекращения бури. Кто же не послушается здравого смысла и не согласится скрепя сердце испытать одиночество в течение нескольких дней, тот рискует жизнью; в эту же зиму два офицера, наскучив сидением на пикете, выехали и едва не замерзли у Калмыктология; но

чтобы вытерпеть пикетную скуку, нужно иметь почтенный характер, в особенности если придется засесть на холодном пикете, а таких в киргизской степи немало. Самый суровый пикет по дороге в Кокбекты — Сенташский, потому что тут свирепствуют самые сильные и частые бураны.

Неприятности еще усиливаются от дурного содержания почтовых экипажей и лошадей, что, разумеется, прекратится с ожидаемой отдачей степных станций с торгов вместо нынешнего содержания их от Сибирского казачьего войска. Пустынный характер этой пикетной дороги мог бы быть смягчен позволением русским семействам селиться у пикетов; на Себинском пикете живет в настоящее время урядник Лаптев, который третий год уже нанимается на пикетную службу и имеет тут собственный дом и хозяйство; он ставит здесь много сена, которое сбывает на почтовую станцию; в огороде у него хорошо вызревают арбузы и небольшие дыни. Вообще местность Себинского пикета, так же, как и Урунхайского, удобна для поселения; окрестность Себинского пикета служит в настоящее время зимовками сарджумартам; они сеют здесь пшеницу, ячмень, просо и овес; последний сбывают на соседние прииски. Они не сеют озимей, а между тем рожь могла бы хорошо родиться на мягких местах в Аблайкитских горах. Недалеко от пикета находятся две хорошие пасеки, одна золотопромышленника Перфильева, другая усть-каменогорского меццанина Генина; у первого до 200 колодок. По Урунхайке до 6 пасек, хозяева которых — жители правого берега Иртыша — приходят сюда только на лето. В Себинке водятся тальмени и хайрузы, и немного заходит из Иртыша красной рыбы, особенно после больших снегов, когда бывает большая вода.

Поселение по 10 семейств на пикете оживило бы эту дорогу, и обозы находили бы тогда на пикетах и теплый угол, и достаточный корм, тогда как теперь они принуждены останавливаться под открытым небом, а овес везти с собой с линии. Особенного стеснения для киргизов не может быть, потому что под нынешние пикеты отведены такие сенные участки, что пикетные казаки, как, например, на Караджальском пикете, большое количество сена вывозят на продажу в Кокбектинскую станицу.

По дороге я видел много обозов; одни шли из Кокбектов с рыбой, другие в Кокбекты с овсом и мукой. В числе первых по-

падались кокбектинские казаки, которые мне с живою радостью рассказывали о перемене, совершившейся в кокбектинской жизни вследствие уничтожения монополии торговли зайсанской рыбой. Дело в том, что осенью начальством Западной Сибири был разрешен свободный вывоз рыбы с озера Зайсан на линию, так как к этому времени кончился срок трехлетнего оброчного содержания войсковой рыбалки компаниею Загвоздина. Кокбектинские казаки так были обрадованы этим известием, что собрались в здании своего станичного управления и после публичного чтения правительственного объявления об этом огласили восторженными криками тесную залу своих собраний, пропитанную запахом табака низшего сорта.

До этой эпохи дорога в Кокбекты зимой была совершенно безжизненна; нынешнюю же зиму обозы так часто ходили в Кокбекты, что на рыночной площади в середине селения, обыкновенно пустынной до половины января, а может быть, и далее, образовался ежедневный базар около крестьянских возов; это обстоятельство привело казаков в восхищение; им казалось, что их селение стало походить на город, как они сами выражались.

Действительно, вслед за мной, 16 января, пришел в Кокбекты обоз крестьян с овсом в 50 возов, а вечером пришел другой.

По приезде в Кокбекты я узнал, к великому своему сожалению, что первый зимний лов на Зайсане кончился и все рыболовы возвратились домой; мне оставалось собрать сведения о лове в Кокбектах.

Зимой рыба ловится обильнее тотчас после ледостава, потом она попадает в сети и на крючки все менее и менее, но перед ледоколом опять начинается хороший лов. Потому кокбектинцы ездят на озеро два раза в зиму — с начала зимы и в конце зимы (на первой неделе Великого поста). В первом случае первые партии отправляются на озеро еще до ледостава и начинают лов еще по тонкому льду. В это время лед часто с треском разрывается, особенно ночью, и часто наставленные сети погибают.

Прежде кокбектинские казаки производили лов не далее Волчьего мыса, и только в зимы 1862—1863 и 1863—1864 гг. они проникли со своими сетями едва не до устья Черного Иртыша. В последнюю зиму они начали ставить сети от западного конца

озера, испытывая улов, и прошли до Бакланьего мыса, у которого и остановились, так как его местность к востоку от него оказалась самой выгодной и почти исключительно одна доставила весь нынешний улов кокбектинских казаков.

Во время этого шествия с запада на восток они делали промеры глубины и, по их показанию, не нашли ее нигде более 6 аршин; но большею частью было 4 аршина; только против истока Нижнего Иртыша находится яма в 1 версту шириной, 5 верст длиной (длина совпадает с продольной линией озера), глубиной 12 аршин. Ниже этой ямы бывает всегда полынья, которая в озеро вдаётся на 6 верст, а вниз по Нижнему Иртышу простирается до Могилок, так что, если это только правда, она имеет около 25 верст. Здесь зимуют утки и лебеди. Прежде в этой полынье Мендыбай со своими детьми ставил самоловы в течение всей зимы.

Орудиями для ловли кокбектинцам служат одни сети, которые они ставят и поперек, и вдоль озера.

Весь улов в первую половину этой зимы простирался до 1441 пуда красной рыбы, 1344,5 пуда нельмины и тальменины и 383,5 пуда мелкой белой рыбы, да сверх того 157 пудов последнего сорта куплено у киргизов.

На рыбной ловле участвовало до 300 человек, которые помещались в кошах, по несколько человек в одном. Всего кошей насчитывали до 70. Все эти коши стояли начиная от Бакланьего мыса к востоку, по направлению к устью Черного Иртыша.

Одновременно с казаками производят на озере лов и киргизы как северного, так и южного берега; число их значительно превосходит число русских (одни показывают до 1000, другие — до 2000), но улов их едва ли равняется улову кокбектинцев, потому что они ловят рыбу преимущественно крючками на отдельных поводках, и сетей у них мало; так, на всем южном берегу я нашел сети только у двух киргизов: у одного — две, у другого — пять. Притом эти сети были куплены у русских уже старые, негодные к употреблению.

Казаки, отправляясь на ловлю, берут с собой несколько товаров из кокбектинских лавок и променивают их киргизам на рыбу, продукты скотоводства и даже земледелия. Таким образом, стан их у Бакланьего мыса имел вид ярмарки. Этот характер еще увели-

чивался приездом крестьян, которые пробираются сюда по Нижнему Иртышу из Усть-Каменогорска; впрочем, последние едва ли доезжают до этого отдаленного пункта, потому что, вероятно, им удастся наполнить свои возы рыбой, купленной у киргизов, кочующих по Нижнему Иртышу, от устья Курчума до истока.

Благодаря неопытности и малому знакомству здешних киргизов с русскими произведениями эта мелкая торговля доставляет хорошие барыши казакам, не гнушающимся и разными злоупотреблениями. Старую сеть променивают они здесь на 2,5 пуда разной рыбы, что будет стоить около 2 руб. 90 коп., по ценам, существовавшим в нынешнюю зиму на озере Зайсан³⁴. Это гораздо дороже цены новых сетей в Кокбектах, потому что крестьяне продавали ныне казакам новые сети по 1 руб. 40 коп. сереб. (впрочем, до приезда крестьянских обозов цена на новые сети в Кокбектах была 3 руб. сереб.).

Чугунный чайник стоит здесь 2,5 пуда белой рыбы, т. е. 1 руб. 50 коп. сереб. казан в 11 четвертей в окружности с таганом — 3 барана, тесе (железный топор) — три хорошие овчины. Муку казаки выменивали на плохой товар так, что пуд приходился в 25 коп. сереб., в Кокбектах же самая низкая цена была 1 руб. 30 коп. асс. Какой-то казак за серебряный четвертак купил на Зайсане козловые шаровары, которые в Кокбектах стоят 4 руб. 25 коп. серебром.

Такие спекуляции могут удаваться только при хорошем знании киргизского языка и при умении отличать человека, знакомого с русской жизнью, от совершенного дикаря с берегов Канаса. Я был свидетелем, как один казак продавал старую сеть и так искусно скрывал ее саженные дыры, что продал за целую. Бывают более крупные надувательства, как, например, сбывание медной монеты, натертой ртутью, амальгамой с зеркала или неаполитанской мазью, за чистую серебряную. Если случится, что киргиз вздумает попробовать зубом достоинство металла, казак приходит в ужас от такой дерзости — “брать в

³⁴ Предполагаем, что в 2,5 пуда был пуд красной рыбы — 1 руб. 80 коп. сереб. по зайсанским ценам, пуд нельмы — 80 коп. сереб. и 0,5 пуда щучины — 80 коп. сереб., всего 2 руб. 90 коп. сереб.

рот царский чекан”, и киргиз в неподдельном испуге возвращает фальшивую монету назад.

Торговля эта может развиться до более значительных размеров, если, во-первых, будут улучшены сообщения с этим краем. Правда, от Усть-Каменогорска до озера зимой образуется отличная естественная дорога по льду Иртыша, но от станицы Красные Ярки до озера, а также между Усть-Каменогорском и Бухтармой крестьяне, едущие на озеро за рыбой, не находят теплых дворов и овса для лошадей. Во-вторых, важнее всего, если киргизы научатся большему искусству извлекать выгоды из своих вод, пастбищ и нив. Они очень много теряют от неумения вязать сети — на Зайсане единственный киргиз, умеющий вязать сети, — это Данияр Мендыбаич. В особенности в жалком положении находится земледелие — не от недостатка прилежания у киргизов, а от общественных условий, о чем мы будем еще иметь случай говорить.

Хотя озеро и опустело, тем не менее я решился посетить его, чтоб познакомиться, по крайней мере, с искусством киргизских рыболовов. К 19 января приготовления мои к поездке были окончены, и я выехал из Кокбектов.

Самый громоздкий предмет нашего дорожного запаса было, конечно, сено — мы везли с собой целый воз его, потому что на озере ни сена, ни подножного корма нет. Другой наш экипаж состоял из легкой и уютной кошевой, стены которой снаружи были вооружены разными дорожными орудиями: лопатой для разгребания снега под ночлег, пешней для делания проруби во льду для воды, котлом для приготовления пищи, торбами для лошадей — словом, вооружение было рассчитано на всякий непредвиденный случай и на ночлег в пустыне во время бури и напоминало, конечно, в очень умеренных размерах, полярное путешествие; ни у меня, ни у казаков не было никакого оружия. Так как мы выехали не рано, то к ночи успели доехать только до Джусагача. Здесь казаки очистили внутри густого камыша небольшую площадку, так что мы в ней все удобно поместились вокруг огня, между тем окружавший камыш защищал нас от ветра. Здесь с нами встретились три киргиза, ехавшие в муруны; они ехали целый день голодом; запас их заключался в

небольшом количестве сыра (курта), завязанного в пояс; все они были бедны и одеты в шубы на голое тело, потому что они не имели рубашек; один из них притом совсем не застегивал своей шубы, и голая грудь его была выставлена действиям атмосферы. Мы им дали сухарей, и они ночевали вместе с нами.

На другой день мы продолжали путь. Дорогой нам встретился караван из 20 верблюдов с кожами (на Ирбитскую ярмарку) и довольно значительный обоз с рыбой Данияра Мендыбаева, который сам шел с обозом в Кокбекты. Сначала мы ехали по той самой дороге, по которой шел летом К. В. Струве, т. е. по северной стороне долины Кылы, но против брода Карауткуль дорога спускается в речку Кылы и вместе с ее изгибами вьется по ее льду в тесной аллее камышей. Устье Кылы кокбектинские казаки называют Малыми воротами, потому что тут дорога из тесной аллеи выходит в просторный залив Зайсана, северный и южный берега которого тянутся еще далеко на запад параллельно один другому; правый, т. е. южный берег, материчный, а северный принадлежит острову. От устья Кылы были уже видны впереди Большие ворота, т. е. выход из залива в озеро. У Малых ворот мы ночевали другую ночь. Южный берег здесь возвышался над уровнем воды отвесным обрывом в рост человека, состоявшим из слоев намытого песка, проросшим корнями камыша. В этом обрыве часто встречаются вдающиеся в материк углубления, выверченные водой. Такие углубления всегда избираются рыболовами для ночлегов. Мы также нашли два такие углубления, близко один от другого; в одном, полукруглом, более открытом, поместились наши лошади, другое, подковообразное, заняли мы сами. Здесь камыш составлял уже единственное наше топливо, потому что на всем южном берегу Зайсана нет леса; только на Тополевом мысе встречаются пни тополей, остатки прежней древесной растительности. Камыш очень хорошо греет, пока пылает, потому что плотно укладываемые в костер стволы образуют дружное большое пламя.

У Малых ворот мы встретились еще с обозом; казаки вместе с рыбой везли пять штук кабанов. Кабаны водятся на южном берегу Зайсана от Джусагача до Черного Иртыша и выше. Прежде казаки чаще занимались охотой на кабанов, но ныне,

с уменьшением зверя, число охотников уменьшилось. Впрочем, и теперь кокбектинские кабанчики доезжают до Черного Иртыша, где сталкиваются с подобными промышленниками, калмыками, служащими на ближайшем китайском пикете Манитугатул. На мысе Актюбек в нынешнюю зиму один казак убил 11 кабанов. Перед моим отъездом из Кокбектов на кабаньей промысел, на Клы, отправились люди от 5 семей.

Обозные сообщили нам сведения о состоянии дороги по озеру. До января лед Зайсана не был покрыт снегом, и вся его поверхность имела вид гладкого блестящего стекла; падавший снег не мог прикрепиться к этой полированной поверхности и сметался ветрами в прибрежные камыши; такой обнаженный лед называют в Сибири яснецом; по яснецу невозможно ехать на неподкованных лошадях, особенно во время ветра. Отправляясь из Кокбектов, я ожидал найти озеро в этом оригинальном состоянии. Но обозные сообщили нам, что недавно в одну ночь по всей поверхности озера села кухта, и затем первый павший снег засел в эту кухту, и ветры уже не могли его сдуть.

21 числа мы достигли к вечеру урочища Актюбек на южном берегу Зайсана, миновав Волчий мыс. Вот киргизские названия мысов на южном берегу, начиная от Клов:

Чубсуат (травянистый водопой).

Кызылджингыл (красное божье дерево) — у русских Волчий.

Ултарак (так называется по имени киргиза Ултарака, который кочует тут осенью).

Джилыбулак (теплый ключ) и Актюбек.

Тююк (крепкий) — у русских Песчаный.

Бэсчана (пять саней; когда-то один киргиз добыл тут 5 саней рыбы) или Джангызагач — у русских Гольый.

Тугул — у русских Тополевый.

На северном берегу Зайсана:

Курджунтюбек — у русских Голодаевский.

Карагандытюбек (от карагана, *Saragana frutescens*) — у русских Вершинин.

Джеланаштюбек (голый) — у русских Бархот.

(?) — Бакланий.

На Актюбеке зимуют уже неверноподданные киргизы рода таукэ. Один гостеприимный таукэ Мокыш принял нас в свою юрту; Мокыш летом занимается хлебопашеством, а зимой — рыбной ловлей, которая и привлекала его сюда на зимовку. Я не нашел здесь прочно устроенных зимовок вроде тех, какие встречаются у подошвы Южного Алтая и на Нижнем Иртыше. Все здешние киргизы зимуют еще в юртах, немного приспособленных к зиме, — снаружи они обставлены камышом; к дверям изнутри к боковым косякам привязаны пучки камыша; этим приспособление, впрочем, и кончается. Кроме того, юрты ставятся внутри камышей, в низких местах, так что с озера едва видны их верхушки. Впрочем, здешние киргизы поговаривают о постройке прочных избушек; и, по всей вероятности, так оно и будет. Если они еще до сей поры не обзавелись прочными зимовками, так потому, что недавно только южный берег Зайсана стал привлекать постоянное зимнее население; наш знакомец Мокыш зимует здесь только третий год, а другой, Чакчай, у которого мы обедали, — только второй год. На северном берегу акнайманы с более давнего времени занимаются рыболовством.

На южном берегу, теперь кажется, единственная избушка находится в 5 верстах от Актюбека, она построена киргизами для муллы, который учит до 10 мальчиков. Радушие Мокыша и его соседей, приветливость, с какою обращались с нами местные дамы, нисколько не напоминали, что мы находимся у неподданных киргизов, и нам не приходилось сожалеть, что мы не взяли с собой оружия. Мокыш распорядился приготовить нам ужин; обыкновенно киргизы на зиму готовят копченое баранье мясо — сюр по-киргизски; но Мокыш не делал сюр, потому что, как он говорил, дым от камыша не способен для этого. Он нас угостил простым бараньим мясом, значительный запас которого хранился у него в бараньей шкуре в замороженном виде. Мокыш был уже порядочный старик, но дети у него были маленькие — вероятно, он женился поздно. Самым взрослым девочкам, Алимэ и Калимэ, было не более 7 и 6 лет; они постоянно торчали у огня, грели руки и оживляли юрту своими криками; на них не было другого одеяния, кроме шубок, которые они нарочно распахивали, чтоб огонь, разложен-

ный под котлом, грел их нагое тело; иногда одна из них уходила из юрты и, возвратившись, становилась задом к матери, приподнимала свою шубу на голову, нагибалась и молча с прежним любопытством рассматривала нас, пока опрятная мать уничтожала следы путешествия.

Утром я мог здесь видеть киргизское рыболовство. От Волчьего мыса до Голого (и вероятно, на восток) тянулся непрерывный ряд невысоких торозов, т.е. нагромождений ледяных обломков; эти тороза отделяли мелкий берег от глубокой середины озера; между торозами и берегом лед лежал непосредственно на песчаном дне озера, так что киргизы для приготовления пищи кололи лед и таяли его, а скот гоняли поить за тороза, за которыми только начиналась глубь и вода. Тороза эти тянулись местами в 2 в 3 верстах и только против самых выдающихся частей материка в 1 версте. Эти береговые груды торозов не имели высоты более 2 или 3 футов. После, на середине озера, мы нашли тороза гораздо значительнее. Они, вероятно, произошли от напора плававшего льда в мелкое побережье.

За этими торозами киргизы выдолбили свои проруби, в которые они спускают свои крючки; проруби, принадлежащие одному хозяину, от 5 до 10, по числу крючков, образуют круг; в каждую опускается крючок — по-киргизски кармак — на пеньковом поводке. Крючки по роду рыб бывают различной величины; самая меньшая форма для чебаков называется ине-гармак или джутмагармак; для щук называется сукок. Из русских слов я встретил только одно — бабашкэ; этим именем здешние киргизы называют стремок у сетей, т.е. ту палку, которая кладется поперек проруби и поддерживает одно из звеньев сети. Впрочем, далее на восток и для этого предмета есть собственно киргизское название — калткэ.

Рыболов должен целый день сидеть у своих прорубей и беспрестанно обзирать их, не заметно ли в которой-нибудь движения поводка, который привязан к пруту, косвенно воткнутому в кучу ледяных обломков.

Во время моего посещения киргизам не попадалось никакой рыбы, кроме окуня.

Киргизам не очень нравятся зимние нашествия на озеро кокбектинских казаков, но они не делают никаких серьезных пре-

пятствий этим вторжениям; иногда, впрочем, садятся они поперек дороги в одну линию человек до 50, чтобы отрезать путь казакам, едущим на Бакланый мыс; они рассчитывают при этом на драку, которую может затеять казак, но казаки объезжают эту баррикаду, и остроумный план остается без последствий. Несмотря, однако же, на эту слабость сопротивления чуждым вторжениям, можно и теперь предвидеть, что впоследствии киргизы очутятся единственными хозяевами озера, если они выучатся плести сети и если класс киргизских рыболовов получит более независимое положение от богачей-скотоводов.

С Актюбека мы поехали далее и, доехавши до Голого мыса, повернули прямо на север, к Чакыльмысу. В версте от мыса мы переехали через линию береговых торозов, а часам к трем достигли другой гряды.

Эта гряда тянулась посередине озера, от востока к западу.

Она имела в самых значительных нагромождениях до 20 футов высоты. Против Чакыльмыса был восточный конец этой гряды.

Между торозами скрывался кош одного киргизского рыболова, у которого мы и остановились, чтобы напиться чаю. Рыболова звали Байджуман, он был кирей, но родился в вырос в агнайманах. Это был еще молодой парень. Обстановка его была очень незавидна; кош был совершенно пустой; корыто и деревянный ковш составляли единственную утварь; камыш для топлива Байджуману доставляли родные с северного берега, из-за Бакланьего мыса; он был у него на исходе, и потому Байджуман жег его только в случаях крайней необходимости, вследствие чего не мог нам больше предложить, как сколько было нужно, чтобы вскипятить воду в чайнике.

Мы его угостили чаем и сделали ему приличный подарок. У него невдалеке от торозов было выдолблено до 7 прорубей, в которых опущены были крючки, и, кроме того, была поставлена сеть.

Подле самых торозов, с южной стороны, я нашел небольшое пространство льда-яснеца, не занесенного снегом, но покрытого перовидными кристаллами льда. Это защищенное от всех ветров место сохранило тот вид озера, покрытого кухтой, какой оно имело несколько дней назад. Кристаллы, или, правильнее, агрегаты, имели вид очень тонких пластинок, которые, однако же, имели сложное перовидное строение; нижним концом центрального

стержня они были прикреплены к поверхности льда; центральный стержень имел до 1,5 парижского дюйма длины; эти пластинки были наклонены к поверхности льда; хотя они были прикреплены в беспорядке, но плоскости всех их были параллельны между собою, и все они были наклонены под одним углом. Эта кристаллизация придала поверхности озера вид, будто она покрылась маленькими растениями из льда, которые волшебным образом выросли в одну ночь. Этот-то кристаллический покров доставил первому упавшему снегу достаточно опоры, чтобы удержаться на месте.

От коша Байджумана на север к Чакыльмысу видно было много кошей вдали, а ближе много кругов прорубей, и при каждом круге сидел киргиз. Мы подъехали к ближайшему из этих кругов. Рыбаки были агнайманы. К сожалению, мои проводники отказались везти меня дальше, уверяя, что продолжать путешествие между этими кошами, вдали от аулов, опасно, потому что киргизам очень может прийти мысль ограбить нас безнаказанно. Отсюда мы возвратились опять на Песчаный мыс к нашему приятелю Мокышу, а на другой день были уже на Волчьем, где также жили киргизские рыбаки. Мы остановились в юрте муруна Чакчая.

Чакчай, подобно Мокышу, также егинчи, т.е. земледелец; летом он занимается хлебопашеством и только на зиму приходит на озеро для рыболовства. Большинство здешних рыбаков принадлежит, кажется, к этому бедному классу. Чакчай кортомит землю у поколения таукэ на р. Чорге и за пространство под посев двух мешков платит по барану. По отзыву Чакчая, на Чорге самое лучшее и обширное хлебопашество из всех хлебопахотных оазисов в равнине Зайсана.

Я собрал следующие краткие сведения о здешнем хлебопашестве. Хлебопахотные оазисы находятся у выхода из гор следующих рек: Кальджира, Курчума, Каинды, Букони, Кокбекты, Базара, Карабуги, Дебискэ, Ласты и Чорги. Незначительные отрывки разбросаны по всем остальным речкам, вытекающим на равнину Зайсана из Алтая, Калбы и Тарбагатая.

На Курчуме, по сведениям, доставленным мне агнайманским бием Сабазом, находится 9 тогамов³⁵, начиная сверху:

---

³⁵ Ирригационный канал.

1. Стабан, принадлежит кожембетам
2. Карабас
3. Сарыбаласы
4. Чомат
5. Тай-сары агнайнанам
6. Кой-сары
7. Бай-сары утеям
8. Нуралы-султан
9. Джандели

Каждый тогам питает водой от 10 до 15 арыков, второстепенных каналов; на каждый арык приходится по хозяину. Следовательно, на Курчуме хлебопашеством занимаются до 112 егинчей.

На Чорге, по словам Чакчая, 27 тогамов, в том числе 13 тогамов поколения тауко, 5 тогамов — сайбулат и 2 тогама — айбеке. На Ласты, по показанию Чакчая, — 15, по показанию Моқыша, — только 7.

На каждый тогам можно посеять до 30 мешков; всего, следовательно, на Чорге и Ласты сеется приблизительно около 1260 мешков; полагая по 2 мешка на егинчи, на этих двух реках занимаются хлебопашеством до 630 семей егинчей.

Значительное (относительно, разумеется) хлебопашество существует по системе р. Базар, на землях, принадлежащих мурунам, но мне не удалось собрать о нем сведений. По рассказам, муруны сами мало занимаются хлебопашеством, а отдают свои земли в аренду егинчам других поколений; сами же занимаются преимущественно скотоводством; прежде, когда баранта в степи не была стеснена, муруны своими набегами успели составить себе богатство в табунах различного скота и потому при наступлении более мирного времени очутились богатыми скотоводами и владельцами больших земель, и пастбищных, и хлебопахотных.

По р. Кокбекты и ее притоку Чигилеку лежат пашни Кокбектинской станицы. По сведениям станичного правления, здесь в 1861 году было:

	Посеяно	Собрано
Ярицы	85 четв.	170 четв.
Пшеницы	411 четв.	822 четв.
Проса	1 четв.	2 четв.

Овса	396 четв.	793 четв.
Ячменя	37 четв.	75 четв.
Картофеля	27 четв.	54 четв.
Гороха	13 четв.	27 четв.
Льна	13 четв.	26 четв.

Всего, за исключением льна и картофеля, посеяно 943 четверти и собрано 1889 четвертей.

На Букони вероятно тоже значительное хлебопашество; но нам не удалось получить сведений как о Букони, так и о Кальджире. Если предположим, что на неприведенных нами в известность оазисах, на Букони, Каинды, Кальджире, Базаре, Карабуге, Дебискэ и на множестве остальных мелких речек засеивается если не больше, то столько же, как на остальных, то для всего зайсанского хлебопашества получим цифру в 6540 пудов для засеиваемых разных сортов хлеба, что при обыкновенном урожае сам 15 дает 98000 пудов.

Киргизы сеют пшеницу, ячмень, просо, кунак и горох. У пшеницы отличают две породы: одна называется токал, другая, более ценящаяся, носит три названия: тэкенэк, аккут и сан (татары произносят шан, может быть, из Сирии). Зерна этих хлебов по большей части толкут женщины в деревянных ступах, называемых по-киргизски кэли; из толченых зерен варят коджиу. Просо, чтобы освободить от шелухи, варят предварительно в воде, потом сушат на огне в казане и потом уже толкут. Таким образом приготовленное просо едят без дальнейшего приготовления. Также зерна пшеницы жарят в бараньем сале, а рыбаки — на стерляжьем жире, это блюдо называется курмач.

Часть зерна превращается в муку. Для этого устроены большою частью татарами водяные мельницы самого простейшего устройства, на р. Аксуат, впадающей в Карабугу, таких мельниц 8. Мелят они не более трех кабов, или мешков, в день, т.е. 15 пудов, а есть и такие, которые мелят только по одному кабу и весь аппарат которых так невелик, что скрывается под одним куском войлока.

К сожалению, мне не удалось собрать сведений о способе раздела пахотных земель, что было бы очень кстати теперь, когда начальство в киргизских степях обратило внимание на условия, препятствующие развитию земледелия у киргизов. Я только знаю, что земледелием занимается самый бедный класс киргизского на-

рода не на правах собственников, а кортомщиков, егинчей; землевладельцем считается поколение. Поколение общими силами проводит тогамы и корчует поля, т.е. вообще производит те обширные работы, которые превосходят собственные силы егинчей. Егинчи, если принадлежат к чужому поколению, снимают участки за арендную плату, если к своему, то вступают с богатыми скотоводами в союз из-полу; в том и другом случае они являются только работниками богатых скотоводов; общий доход от аренды, разумеется, не распределяется по членам поколения поровну, как бы следовало, а остается в руках влиятельных лиц поколения; одни приведенные мною названия курчумских тогамов, которые суть не что иное, как собственные имена султанов и других почетных лиц, уже показывают, что последние рассматривают их как свою собственность и, вероятно, собирают с земледельцев пошлину по личному усмотрению, причем, конечно, никакие правила не стесняют их корыстолюбия. Чтобы можно было судить, до какой степени в степи еще остается неразвитым уважение к собственности бедняков, приводим следующие факты: плакатные деньги за транспортировку сухарей на верблюдах, часто случающиеся в степи в виде земской повинности, не доходят до хозяев верблюдов, а обыкновенно остаются в руках старших. Лошади, выставляемые киргизами на дороги для проезда начальников, поступают в собственность старшин; если чиновник загонит такую лошадь, то деньги берет себе старшина. От этого подводчики при этих лошадях не имеют к ним никакого сожаления; особенно плачевна участь лошадей, поставляемых на земские почтовые станции, где они заведены (как, например, в Кокбектинском округе); каждая лошадь, назначенная на такую станцию, присуждена к преждевременной и близкой смерти.

При таких порядках значительная часть дохода от земледелия попадает незаконным образом в руки богатых скотоводов.

Поэтому егинчам трудно и думать об улучшении своего быта и об усовершенствовании своих орудий; кроме тягостной платы в пользу скотоводов мешает улучшению земледелия их бродячая жизнь — успехи земледелия не совместимы с бродячей жизнью; егинчи много бы выиграли, сделавшись оседлыми, но, как можно видеть из предыдущего, это для них при теперешнем способе пользования землей невозможно. Егинчи-арендаторы (по всей

вероятности, самые богатые между егинчами) — народ бродячий по свойству своего промысла; они не знают, где будут пахать землю на будущий год; егинчи-половники таскаются вместе с теми скотоводами, с которыми стоят в половине, потому что летние труды их не покрывают зимних расходов, а уступив скотоводу половину хлеба, чтобы не остаться самым голодными, они должны у того же скотовода наняться на зиму в пастухи или работники.

Эта бродячесть мешает ему, во-первых, завести хорошие, но тяжёлые земледельческие орудия (и также принуждает иметь вместо дешевой глиняной посуды дорогой чугунный котел — обыкновенно самая ценная вещь в юрте егинчи, немало трудов ему стоящая и влекущая за собой как необходимое последствие однообразия в пище, ибо в одном котле два блюда не приготовить). Во-вторых, она делает ему в тягость его собственный урожай; егинчи не в состоянии перевозить свой хлеб на зимовки и потому излишек продает мельникам чала-казакам, которые потом ему же, когда он свой запас съест, продают этот хлеб уже за более дорогую цену. Недостаточность собранных мною сведений не дает мне права сделать какое-либо заключение о мерах, которые могли бы изменить экономическое положение егинчей. Одно только неопровержимо и при этих данных, что для этого их необходимо освободить от экономической зависимости от скотоводов. Вопрос этот обратил внимание оренбургского начальства³⁶; желательно было бы, если им собраны

---

³⁶ В №266 “СПб. ведомостей”, 1865 г., помещена следующая корреспонденция из форта Перовского: “Из слов начальника (генерал-губернатора Крыжановского) видно, что заботы об устройстве Туркестанской области стоят у него на первом плане. Вот его предположения: посредством раздела земли между киргизами развить между ними земледелие на совершенно новых началах, нежели на каких оно существует ныне. Теперь богатый киргиз спиной и руками байгуша увеличивает свое состояние, не вознаграждая за это работника ничем, кроме скудной пищи, потому что с размножением этих пролетариев спрос труда превышает предложение (наоборот)? Кроме того, кто богаче, тот занимает более земли — совершенно безданно, беспошлинно, как единственный владелец ее, а бедный, хотя те же права имеет на землю, не может обрабатывать ее по недостатку средств. Раздел земли уничтожит захваты земли; бедные, которые не в состоянии обрабатывать ее сами, будут отдавать в аренду богатым и тем самым хоть мало-мальски будут привыкать к выгодам — иметь собственность. Здесь нельзя обойти вниманием и то об-

какие-нибудь материалы по этому предмету, чтобы оно обнаружало их и этим поддало бы руку помощи и восточной степи, где земледелие находится в одинаковых стесненных обстоятельствах.

Хлебопашество на Зайсане, вероятно, гораздо древнее первых наших исторических известий о нем, которые относятся к XVII столетию. Именно русский посол в Китае Федор Байков уже нашел хлебопашество на Карабуге. Здесь он нашел ургу калмыцкого тайши Аблая; здесь жили бухарцы в глиняных избах и сеяли ячмень, просо и горох. Позже, в половине прошлого столетия, на этом же самом месте жили таранчи, бухарцы или хотоны, и возделывали пашни.

Набеги диких соседей, киргизов и, может быть, урянхаев, более всего мешавшие успехам земледелия, были устранены частью победоносным походом джунгар на киргизского султана Аблая в 1740 году, после чего он не смел более делать набегов, частью учреждением пограничных караулов по всей северо-западной границе Джунгарии; этим джунгарское правительство обеспечило своим земледельцам спокойное занятие своим промыслом. В отчетах русских людей, посылаемых в прошлом столетии для разведывания состояния Джунгарии, часто встречается фраза: "В Зенгорской земле спокойно, пашни пашут против прежнего". Нойоны старались пригласить на земли своих поколений бухарцев из Восточного Туркестана и строили каменные здания; так, Байков рассказывает, что Аблай строил две каменные палаты на р. Бескэ (Дебискэ) посредством каменщиков, выписанных им из Китая, Цзеван-арабдан строил город, т.е. собственно земледельческое селение в урочище Кобокзаур (у южной подошвы хребта Сауры)³⁷; он же выписывал из Сибири свиней и индюшек³⁸.

Галдан-цэрен доставал из Китая и России рудоискателей и мастеров, которые отыскивали золотые, серебряные и медные руды и плавил их; швед Арегат, плененный под Полтавой, лил ему пушки.

стоятельство, что с постепенным умиротворением степи, с устройством в ней наших фортов в киргизах выразилось желание вести оседлую жизнь: теперь в каждом форте имеется по несколько домов, принадлежащих киргизам". Мы удерживаемся от собственных проектирований об этом предмете.

³⁷ Фишер. Сиб. ист.

³⁸ Там же.

Но последовавшие после смерти Галдан-церепа смуты положили конец этим зачаткам мирной культуры.

Киргизы и урянхай возобновили свои набеги; калмыцкие поколения оставались на месте только в течение зимы, а летом, сгруппировавшись в большие массы, производили значительные переходы, стараясь избежать встречи с китайскими войсками. Земледелие было совершенно покинуто. Наконец китайские генералы, раздраженные упорным сопротивлением калмыков, решились на меру, ничем не извинительную для обширного и могущественного их государства; они решились подавить самостоятельность джунгарского народа его поголовным истреблением и, как говорит Риттер, пощадили один только род — дурбэт. Остальные были убиваемы, хотя бы и не оказывали никакого сопротивления, жены и дети были уводимы в рабство. Уцелевшая часть отока обид, кочевавшего в Тарбагатае, бежала на Иртыш и была переселена на Волгу; окрестности Зайсана опустели, пока их не заняли придвинувшиеся с запада киргизы. И, может быть, только после полустолетнего промежутка возникли здесь снова попытки к земледельческой культуре, уничтоженные джунгарской революцией. Теперь как будто опять наступило в долине Зайсана переходное время от бродячего пастушеского образа жизни к земледельческому: летние переходы укоротились против прежнего времени, образовался многочисленный класс егинчей, появились прочные зимовки, и, наконец, некоторые значительные по влиянию киргизы начинают хлопотать об основании из егинчей оседлых деревень.

Древность культуры на Азиатском материке позволяет предполагать, что земледелие существовало в долине Зайсана до калмыков; и, может быть, не один раз развитие его было надолго оставляемо благодаря шаткой политической жизни, существовавшей в Средней Азии, пока не заняли ее Китай и Россия. Теперь зайсанское земледелие вступает в новый период: прежде его судьба зависела от местных беспокойств в степях, теперь же — от воззрений чуждых обладателей Средней Азии, от того, дадут ли последние возможность степным жителям воспользоваться благодетельными условиями мира.

Нам остается только пожелать, чтобы возникающее здесь земледелие обратило на себя внимание и чтобы ему была оказана надлежащая помощь. Не оспаривая мнения таких писателей, как

г-н Венюков, что киргизская степь предназначена преимущественно для скотоводства, я думаю, однако же, что к существующему в степи земледелию, хотя и спорадическому, следует отнести как к законному экономическому явлению и поощрять одно скотоводство или с умыслом оставлять земледелие вне покровительства законов было бы неправильно. А недавно было так: говорили об исключительном предназначении степи для скотоводства и о том, что киргизы могут быть полезны для России только в диком кочевом состоянии как потребители наших хлебных продуктов и мануфактурных изделий и как производители кож и другого сырья. Генерал-адъютант Сухтелен³⁹ положил это ошибочное мнение в основание русской политики в степи и настаивал, что должно удерживать киргизов в их диком состоянии. Только известный Генс был способен не согласиться с таким узким взглядом. Тем не менее эта система господствовала в степи в течение 30 лет, и только теперь, как видно из приведенной выше корреспонденции из форта Перовского, степное начальство начинает изменять ей. Во всяком случае, в степи, при мирном состоянии ее, разовьется значительное хлебопашество, хотя и не такое, чтобы оно образовало отпускную статью киргизской торговли, но такое, которое значительно ослабит ввоз в степь русского хлеба. Развитие хлебопашества в степи желательно и в видах развития скотоводства, потому что не может скотоводство киргизское оставаться на настоящей первобытной степени, и дальнейшая его судьба связана с введением в степи травосеяния.

25 января я возвратился в Кокбекты и застал еще здесь Данияра Мендыбаича, который сообщил мне еще несколько сведений о своем промысле.

Нельма поднимается в Черный Иртыш после ледокола, и к Петрову дню (29 июня) подъем ее кончается; осенью она катится вниз за 17 дней до шуги. В это время киргизы устраивают запор через весь Иртыш и выше запора ловят неводом до самой шуги; иногда случается, что при мелкой шуге продолжают неводить еще в течение трех дней; при этом у рыбы подле запора происходит такая давка, что много ее задыхается; потом шуга ломает запор и тем освобождает уцелевшую рыбу.

---

³⁹ Мейер. Киргизская степь. Оренбург. Ведомства, 1865 г.

Красная рыба поднимается в Черный Иртыш после ледокола до Петрова дня, а через 15 дней после Петрова дня идет назад в озеро.

Около Петрова дня поднимается линь, несколько ранее его — щука. Караси также поднимаются, заходят в луговые озера и если не тесно, то тут остаются и на зиму; киргизы в это время много бьют рыбы палками на мелких местах. Тут очень легко наблюдать нерест, и Данияр передавал мне сделанные им самим наблюдения над оплодотворением икры у щук, которые не противоречат данным европейской науки.

Во время большей воды Данияр вколачивает в устье Черного Иртыша кол, на котором сделаны зарубки на расстоянии вершка одна от другой; когда воды сбудут на вершок ниже *maximum'a* своей прежней высоты, начинает катиться щука; при понижении воды на 4 вершка Данияр городит в рукавах запоры и ставит морды, по-киргизски — кода.

Ускуп редко попадает в Черном Иртыше, по мнению Данияра, он спускается сюда из озера Марка.

Тальмени из Черного Иртыша поднимаются по Кальджиру, но только до порога, находящегося близ выхода этой реки из гор на равнину, но не могут перепрыгнуть через порог, причем их киргизы багрят на лету в воздухе.

Во время пребывания на озере мне не удалось достать загадочных стерлядей, ни головашек, ни зайсанок. По рассказам Данияра, зайсанки не встречаются никогда ни с икрой, ни с молоками; так как, по общему признанию здешних рыбаков, зайсанки в наружном своем виде соединяют формы осетра и стерляди, то можно догадываться, что это бастарды. Что касается головашек, то под этим именем, кажется, известны обыкновенные стерляди с необыкновенно развитой головой; по уверению рыбаков, этот макроцефализм встречается и у других пород рыб; действительно, на кокбектинском рынке я купил щуку-макроцефала.

Соль зайсанские киргизы получают с озера Карабаса, которое находится на восток от Иртыша против станицы Долонской, близ устья р. Чаган, почему она на Зайсане иногда называется чаганской; вообще она известна у киргизов под названием каратуз (черная соль). Муруны, далее всех из зайсанских обитателей углубляющиеся летом на север, добывают ее на месте и потом зимой продают на Зайсане; кусок соли величиной с чугунный чайник

(около 0,5 пуда) стоит здесь железное ведро пшеницы (0,5 пуда пшеницы); таким образом, пуд соли обходится около 60 коп. асс., следовательно, дешевле казенной (коряковской)⁴⁰. Но так как прежде зайсанское рыболовство ежегодно потребляло до 2000 пудов коряковской соли, которая отпускалась от казны войску по низкой цене (2 коп. сереб.), то с уничтожением этой привилегии при новой организации лова должен увеличиться на Зайсане запрос чаганской соли и цена ее должна подняться.

Кроме чаганской в орде продается еще соль, употребляемая киргизами в пищу; ее добывают акнайманы из солонца Турунгукуль у южной подошвы Аркаула, на северной стороне Зайсана. Эту соль называют киргизы актуз (белая соль). О способе ее добычи я не мог разузнать — вываривается она или нет. Она очень грязна на вид и, вероятно, много содержит посторонних солей.

Относительно географии Черного Иртыша я узнал следующее: от устья Черного Иртыша до Кабы 7 дней ходу карбазом, от Кабы до Бурчума — 3 дня.

Каба впадает в Иртыш двумя устьями, между которыми 7 верст расстояния. Нижнее устье ничтожное, верхнее больше; дельта называется Косарал.

Кран меньше Белезека; южная подошва Алтая здесь не дальше 5 верст.

Ниже Кабы на Иртыше находится порог Когодай. Ниже его — Красный Яр, на правом берегу Иртыша.

За Бурчумом находится соленое озеро Курты; озеро от Иртыша в 3 верстах. Соль похожа на чаганскую⁴¹. На левой стороне Черного Иртыша, между горами Сауры, Манрак и Кызыгундеген, находится долина Чилик; почва состоит из солонцов и болот; долина замечательна тем, что на ней всегда есть обитатели — летом и осенью кочуют киргизские поколения, а зимой пасутся коровы, потому что снег здесь сдувается сильными ветрами, дующими по долине с горы Кузгундеген и известными у киргизов под названием Ибинынджил.

Данияр передал мне еще интересный рассказ о пребывании на

⁴⁰ Продажная цена коряковской соли в Кокбектах 60 коп. серебром.

⁴¹ Очень легко было бы снарядить от войска экспедицию для исследования этого озера, не годится ли его соль для соления зайсанской рыбы.

Черном Иртыше черкесов, бежавших с нерчинских заводов. Он назвал их серкешами. Из 70 дошло их до Черного Иртыша только около 30; они жили долго на Черном Иртыше у гор Ачудасты; здесь они ковали для киргизских султанов сабли, кинжалы, ружья и замки из местной руды; все перебрались в Кокан. Держали себя независимо от киргизов и дружно между собою.

В Кокбектах я также узнал, что в Усть-Каменогорске кончились торги на войсковую рыбалку и ее судьба решена на следующие три года.

Результаты этих торгов были следующие: берега озера и Иртыша были разделены на несколько участков и сданы в аренду по частям; кокбектинское общество составило складчину и сняло два мыса в озерах Бакланий и Тополевый, общество Бухтарминской станицы сняло берега Нижнего Иртыша от устья Нарыма до Могилок. Остальные урочища были сняты артелями из деревень Прапорщиковой и Глубокой.

Проезжая потом через деревни Прапорщикову и Глубокую, я нашел в них приготовления к зайсанскому рыболовству в гораздо больших размерах, чем ожидал сообразно со сведениями, полученными мною в Усть-Каменогорске о торгах. Именно, на торгах было от крестьян только две артели Будрина в 12 человек и Сорокина в 9 человек, которые удержали за собой участки. На самом же деле в Прапорщиковой и Глубокой деревнях готовилось к выходу на Зайсан с первыми весенними днями гораздо более людей.

Это объяснилось следующим образом. На торги артель могла явиться не иначе, как с залогом или со свидетельством бийской земской полиции. Крестьяне, ходящие на Зайсан, по своей бедности не могли ни того ни другого предъявить на торгах, почему они на торги вовсе и не являлись. Под артелями же, явившимися на торги, следует разуметь не рабочих, а артели богатых крестьян, которые сами не пойдут на Зайсан, а каждый артельщик должен поставить вместо себя работников или за плату, или на тяжелом условии половничества. Вот почему вместо двух артелей, явившихся на торги, готовилось тогда столько же артелей, как и в прошлом году.

И в среде артели богатых крестьян не все равноправны. Неизбежность залога выдвигает одного из них — именно того, который внесет свои деньги при заключении договора. Остальные впоследствии, при разделе добычи, обязаны дать ему полтора суховых

пая, т. е. если артель состоит из 15 человек, то добыча делится не на 15 частей, а на 16 с половиной, из которых 2,5 части идут тому, кто вложил деньги. Таким образом, требование залога дает случай богатому человеку приобрести барыш за то только, что он имеет деньги. Все эти барыши богатых крестьян ложатся несправедливым налогом на действительные рыболовные артели.

В лучшие условия сумели поставить себя кокбектинские казаки. Они сняли свой участок целым обществом; сначала они собрали по 3 руб. с каждой души, потом, так как бедные в этой складчине не приняли участия, с последних сделали другой уменьшенный сбор по 1,5 руб.; таким образом составила сумма в 500 руб. сереб. С этими деньгами были отправлены выборные в Усть-Каменогорск с наставлением удержать за собой Тополевый и Бакланий мысы, хотя бы и дороже 500 руб. сереб.; в последнем случае общество хотело устроить третий сбор.

В Глубокой встретил я одного крестьянина, Александра Ляпунова, который ходил однажды на Кабу промыслять бобров и убил там две выдры (*Lutra vulgaris*, Егх.) и 12 бобров (*Castor fiber*, L.); из каждого бобра вынул по 40 золотников струи (по-киргизски кундузкаир), которую продал по 1 руб. сереб. за золотник⁴². По его словам, на Кабе зимует крестьянин-эмигрант из деревни Зевакиной, Давыдко, который в прошлое лето встречался с русскими рыболовами на озере и рассказывал, что в зиму 1862—1863 года киргизы убили на Кабе 15 бобров, но не умели достать струю и звали Ляпунова научить их этому искусству.

Выдра более бобра распространена в долине на Зайсане; в особенном обилии она встречается у устья Черного Иртыша; однажды один татарин нашел гнездо выдры на Букони и вынул из него 6 выдр. На Клах также был один случай охоты за выдрой; сначала ее следили киргизы в течение трех дней и оставили, после того ее поймали кокбектинские казаки и продали за 25 руб. сереб. После того выдры на Клах не встречались.

---

⁴² Обыкновенно один бобр доставляет 6—12 лотов струи, но иногда и до 1 фунта; лот в продаже стоит 3—7, а лучший сорт, баварский, — 20—30 талеров, так что один бобр может доставить струи на 36—84, а иногда и на 200 талеров (*Leunis, s Synopsis der Naturgeschichte des Thierreiches*).

Приложения

I. Справка из дел Войсковой канцелярии о доходах войсковой бухтарминской рыбалки

В каких годах	Денег ассигнациями	
	Рубли	Копейки
1803	761	57
1804	881	91 ¹ / ₄
1805	1426	37 ¹ / ₄
1806	2330	15 ¹ / ₂
1807	4053	48 ¹ / ₂
1808	6008	59
1809	1631	25
1810	2461	77
1811	2466	35
1812	3208	40
1813	2500	37 ¹ / ₂
1814	5737	50
1815	4146	76 ¹ / ₂
1816	10682	66
1817	10355	10
1818	11472	1
1819	11684	75
1820	10142	25
1821	10602	13 ¹ / ₂
1822	29613	49 ³ / ₄
1823	23449	5
1824	15503	96
1825	10163	39 ¹ / ₄

Промысел рыбы производился вольнопромышленниками, с которых получалась в войско одна только пошлина.

В сих годах по распоряжению генерала Капцевича войско производило промысел своим заводом и получало с вольнопромышленников пошлину.

Получало только с рыбопромышленников пошлину, а войсковой завод уничтожен был по положению областного совета.

1826	9443	63
1827	11072	75
1828	9711	-
1829	8337	55
1830	7295	25
1831	5562	50
1832	6639	51 $\frac{1}{2}$
1833	8808	60
1834	10313	35
1835	13615	4 $\frac{1}{4}$
1836	22780	96
1837	25785	48
1838	25224	72
1839	23920	93 $\frac{3}{4}$
1840	16895	69 $\frac{3}{4}$
1841	20500	48 $\frac{1}{2}$
1850	11369	11 $\frac{3}{4}$
1851	9904	2
1852	9511	14 $\frac{1}{2}$
1853	8285	47
1854	11462	59
1855		
1858	8068	81
1859	6275	13 $\frac{1}{2}$
1860	8752	51

Получалась с рыбопромышленников пошлина и часть была войскового завода.

В сих годах ловилась рыба увеличенным войсковым заводом и собиралась пошлина с рыбопромышленников.

**II. Справка о количестве рыбы,
добытой в 1837 и 1840 годах**

1837 год	Денег ассигнациями	
	Рубли	Копейки
Красной рыбы добыто войсковым заводом 20842 штуки, полагая по четыре штуки в пуд 2605 пудов, по 10 руб. за пуд	26050	—
Добыто вольнопромышленниками 20072 штуки, полагая по 4 штуки в пуд в круглом весе, а по распластке выходит 2509 пудов, по 10 руб. за пуд	25090	—
Нельмы добыто провеслой 1988 пудов, полагая по средней цене по 4 руб. за пуд	7952	—
Нельмы сырой 7353 штуки — 3676 пудов по 7 руб. за пуд	25732	—
Щучины провеслой 1800 пудов — по 3 руб. за пуд	5400	—
Щучины сырой 901 пуд — по 4 руб. за пуд	3604	—
1840 год	Денег ассигнациями	
	Рубли	Копейки
Красной рыбы добыто войсковым заводом 8606 штук, удов из оной 1075 пудов — по 12 руб. за пуд	12900	—
Нельмы 5996 штук весом 749 пудов — по 7 руб. за пуд	5243	—
Красной рыбы, добытой вольнопромышленниками, 5957 штук весом 749 пудов — по 12 руб. за пуд	8988	—
Нельмы провеслой 1150 пудов — по 4 руб. за пуд	4600	—
Нельмы сырой 184 пуда — по 8 руб. за пуд	1472	—
Щучины сырой 2244 пуда — по 4 руб. за пуд	8976	—

**III. Справка о количестве рыбы,
добытой с 1853 по 1856 год**

Добыто рыб- ных припасов	1853 г.		1854 г.		1855 г.		1856 г.	
	Пуд	Фунт	Пуд	Фунт	Пуд	Фунт	Пуд	Фунт
Рыбы крас- ной, осетров, стерлядей	887	27	1706	36	2467	—	1537	10
Тешек	110	6	109	26	94	8	91	12
Голов осетро- вых	89	6	95	36	79	38	77	29
Балыков	68	29	60	21	51	9	57	18
Нельмины	2374	36	2170	7	1360	27	1148	22
Тальменей	133	25	80	3	54	13	8	25
Икры паюс- ной	44	13	70	—	84	27	45	30
зернистой	35	10	47	13	64	25	37	27
башечной	11	4	11	39 ¹ / ₄	11	—	11	—
нельминной	266	16	162	20	106	34	93	37
Клею рыбьего	2	31	3	24	5	—	2	30
Вязиги	1	19 ³ / ₄	2	17	3	19	1	28
Жиру	34	5 ¹ / ₂	42	5	41	20	32	21

**IV. Справка о количестве рыбы,
добытой в трехлетие (1858–1860 гг.)**

Добыто рыбных припасов	1858 г.		1859 г.		1860 г.		Итого	
	Пуд	Фунт	Пуд	Фунт	Пуд	Фунт	Пуд	Фунт
Рыбы красной	1212	13	1826	33	1177	18	4216	24
свежей	35	16	26	17 1/2	—	—	61	33 1/2
нельмины сырой	1306	4	819	32 1/4	853	20	2979	16 1/2
сухой	191	1	106	22	457	35	755	18
красной сухой	—	—	—	36	—	33	1	29
Тешек осетровых	106	30	123	26	99	13	329	29
Голов со срезками	97	17	104	18	99	39	301	34
Балыков	60	20	66	39 1/2	59	13 1/2	196	33 1/4
Тальмени- ны сырой	496	18	14	—	13	25	524	3
сухой	5	20	1	16	10	35	17	21
Язей	11	27	13	30	9	10	34	27
Линей, ка- расей, щук сухих	28	13	20	4	50	39	99	16
Линей, карасей круглых	5	30	34	33	13	20	54	3
Щук круг- лых	12	—	26	—	183	28	221	28
Икры нельмин- ной	50	14	42	28	49	—	142	2
паюсной	41	15	75	5	48	34	165	14
зернистой	20	38	25	35	11	30	58	23
башечной	10	25	9	23	8	5	38	13

Продолжение

Клею рыбьего	3	10	2	20	2	28	8	18
Вязиги	2	3	1	23	1	23	5	9
Жиру рыбьего	34	32	—	18	44	—	79	10

Записки ИРГО. СПб., 1867. Т. 1. С. 429–461.

Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 года Карла Струве и Григория Потанина

Летом 1864 года мы начали свое путешествие из Урджарской станицы, которая находится при южной подошве Тарбагатая. 14 июня мы совершили переход на ключи Муканчи, у восточной подошвы каменистой возвышенности Джайтюбэ, лежащей уединенно в Алакульской равнине, в 30 верстах от подошвы Тарбагатая. Муканчи лежат к юго-востоку от Урджарской станицы на зимнем пути из этой станицы в китайский город Чугучак. Степь была уже выжжена жарой, и цвело только одно растение: *Convolvulus pseudo-cantabrica*; *Harporhyllum latifolium*, очень распространенный в этой степи, был уже с плодами. Нанос, окружающий подошву Джайтюбэ, покрыт низкими кустиками *Hulthimia berberifolia*, на которой также зрели плоды. Здесь же мы встретили несколько экземпляров отцветших *Eremostachys phlomoides*, что указывало, что от Джайтюбэ к югу непосредственно начинается низменность озера Алакуль. На каменистой вершине Джайтюбэ растут спиреи и *Statice callicoma*. К востоку от Джайтюбэ, в одной версте, находятся ключи Муканчи, образующие зеленый и влажный оазис посреди высохшей и сожженной равнины Алакуля. Ключи, выступая из почвы, образуют лужи с соленой грязью по краям, имеющие сток в русло р. Катынсу, которое в это время года было уже без воды. Вода была разведена по пашням гораздо выше этого места. Нижние части стоков Муканчей образуют саз — болото. Как кажется, Муканчи принадлежит к ряду тех болотистых образований, которые бывают неизбежным явлением у тех речек, вода которых без остатка разводится по ирригационным каналам. Название Муканчи встречается еще несколько раз в Западной Джунгарии²².

---

²² К югу от озера Алакуль Шренк собирал некоторые растения в урочище Маканчи; в архиве Правления области сибирских киргизов сохранилось известие об Махачи, урочище на р. Или, где находилась урга джунгарского хана и была слобода бухарских земледельцев; это последнее урочище может быть тождественно с упоминаемыми у Риттера Махацин — долина в Тянь-Шане (Риттер. 11. С. 160) и Маци — станция на Тянь-Шане во время похода Гулагу.

На зеленом лугу Муқанчей чоло-казак Ахмет Баймуратов основывает деревню в 50 дворов: он уже выстроил себе дом из воздушного кирпича и завел здесь пашню на 10 десятинах и огород, а также приобрел семена китайской кормовой травы муис (по-китайски мусюй) и хочет заняться травосеянием. К зиме для отопления дома у него заказано 4000 кирпичей навозных дров. Со временем Ахмет намерен устроить здесь водяную мельницу. Несколько восточнее, на Катынсу, старшина волости Гума устраивает другую деревню в 50 дворов из своих егинчей. Положение места на зимней дороге в Чугучак, без сомнения, упрочит благосостояние этих новых колоний.

Стремление к оседлости у местного кочевого населения очень заметно; многие киргизы и чоло-казаки подают прошения на отвод земель, все спешат поскорее занять место и обзавестись явочным актом на него; иногда подают прошение на одно и то же место разом; так, на земли, заявленные Ахметом Баймуратовым, уже есть какой-то претендент-киргиз. Передовыми людьми в этом деле являются богатые киргизы, старшины волостей и чоло-казаки — мельники или мелкие торговцы. Это вообще люди, предвидящие упрочение русской власти в будущем в этой стране, и потому Ахмет Баймуратов не только обзавелся правительственным актом на дозволение поселиться на Муқанчах, но хотел бы иметь подробный план своей деревни, утвержденный губернатором. Большинство же кочевого населения и смутно не предчувствует, какую цену будут иметь впоследствии эти правительственные акты, и не обращает пока внимания на возникающие среди него поземельные права. Ахмет Баймуратов сетовал пред нами, что киргизы не имеют никакого понятия о законах собственности и выпускают свой скот на его луга, несмотря на предъявления им бумаги, прописанной губернатором.

Но как человек, умеющий смотреть в будущее, по крайней мере, на 40 лет, Ахмет Баймуратов решился терпеливо сносить невежество киргизов относительно поземельных прав, пока они не воспитаются в новых воззрениях.

К востоку от Джайтубе до гор Бакты холмистая местность была покрыта выгоравшей от солнца растительностью. Во множестве встречались *Ephedra*, *Hulthemia berberifolia*, *Spiraea* и *Caragana frutescens*; в одном месте мы встретили куст *Alhagi Kirghisorum*; нигде более мы этот кустарник не встречали. На пути мы иногда встречали оставленные китайские хутора; первый из них находился

между реками Катынсу и Лайбулак; на реках Ласты мы миновали хутор, в котором были и обитатели; около оставленных хуторов было много сухих арыков, по краям которых росла *Sophora alopecuroides*; это растение и чий вообще растут, хотя и на сухой глинистой почве, но всегда в таких местах, где весной была большая влага; потому мы часто встречали их или близ копаней с водой, но не на самом берегу, а на таком расстоянии, где почва уже совершенно суха, или подле русл, совершенно уже высохших к половине лета. Между реками Бакты и Ласты мы должны были перевалить через значительную возвышенность, служащую связью между каменной сопкой Бакты и хребтом Тарбагатай. Бакты также сильно вдаются на юг от Тарбагатая, как и Джайтубэ, но гораздо значительно последней по высоте и менее, кажется, уединенной, потому что соединяется с Тарбагатаем посредством вышеупомянутого высокого перешейка. Название этой горы, кажется, испорченное киргизами китайское название Богдо. Две речки, текущие с Тарбагатая, омывают ее подошву, одна — Бакты, с западной стороны, другая — Ласты, с восточной. С высокого перешейка, на который мы должны были подняться, мы ясно могли видеть на равнине, расстилавшейся к востоку от горы Бакты, город Чугучак; можно было даже различить белешую церковь русской фактории от других зданий.

Река Ласты берет начало в ущелье Тарбагатая, в котором находятся китайские каменноугольные копи и по которому также проходит караванная дорога из Чугучака через Тарбагатай, в котловину Зайсана, через горный проход Хабарасу. Спустившись к р. Ласты, мы поднялись подле нее в ее ущелье и, миновав каменноугольные копи, остановились в русском отряде, стоявшем при проходе Хабарасу, на довольно значительной абсолютной высоте. Отряд был расположен на гребне гор, поднимавшихся на западной стороне долины речки Казыкты или Чимырсык, которая, кажется, сливается с р. Ласты. Возле отряда, несмотря на высоту, цвели некоторые растения, свойственные равнине; здесь, например, цвела *Sophora alopecuroides*. В тенистом ущелье р. Казыкты было соединено почти все богатство тарбагатайской флоры; кустарники *Crataegus*, *Lonicera tatarica*, *Berberis heteropoda*, *Amygdalus nana*, *Cotoneaster vulgaris*, ивы и тополи оттеняли иногда болотистые берега речки Казыкты; тут же была собрана разнообразная однолетняя флора: *Epilobium angustifolium*, *Chelidonium majus*,

Veronica, *Agrimonia*, *Lavatera thuringiaca*, *Hypericum hyssopifolium* и *H. scabrum*, *Silene viscosa*, *Patrinia intermedia*, *Atragene macropetala*, *Hedysarum polymorphum* и, наконец, в необыкновенном изобилии *Urtica cannabina*. Исключительно на обнаженном наносе речных валунов цвели *Mugicaria alorescuoides*, по-киргизски балгын и *Verbascum Thapsus*. Оба последние растения мы встретили здесь в первый раз; может быть, впрочем, они растут в глубине и других южных долин Тарбагатая, но на равнине, примыкающей с юга к Тарбагатаю, мы не встречали ни того, ни другого, а вместо того в большом изобилии *Verbascum soongoricum*. Подобно последнему и *Astragalus Sieversianus*, по-киргизски тюлькютассак, растущий в изобилии вне ущелий Тарбагатая от Урджара до Бакты, изредка встречается в южных его долинах.

20 июня мы посетили каменноугольные копи, которые находятся на восточном берегу речки Каракитэт (кажется, киргизское название р. Ласты или особое название горного течения этой речки). Пласт каменного угля лежит между наклоненными пластами песчаника и вырабатывается китайскими рабочими в виде тоннеля. В одной из лощин, лежащей между песчаниковыми холмами, мы нашли несколько окаменелых раковин — единственная наша палеонтологическая находка в Тарбагатае. Окаменелости эти переданы путешествовавшему одновременно с нами по Тарбагатаю горному инженеру Татарининову. В 0,5 версты выше копей, по той же р. Каракитэт, находится китайский пикет, где живет китайский офицер; пикет этот принадлежит пикетной линии, которая идет от Чугучака до Черного Иртыша, сначала вдоль южной подошвы хребта Тарбагатая, потом через горный проход Боргуссутай, поперек долины Кызылчилик, через горную массу Манрак и, наконец, пересекая равнину Черного Иртыша, до того места на этой реке, против которого с севера впадает р. Кальджир.

Того же числа вечером мы поднялись на Хабар и скоро достигли зоны *Perauer alpinum*. Дорога идет по верхним окраинам глубоких ущелий, которые крутизною своих боков напоминали ущелье Алет. Сколько мы видели южных ущелий Тарбагатая (Алет, Казыкты, Кульдененсу, Сарчиганак), все они характеризуются в сравнении с северными своей глубиной и крутизной боков, потому что они падают в глубокую равнину Алакуля. Мы ехали по верх-

ним окраинам ущелий, дно которых было уже покрыто вечерней мглой; еще до сумерек мы успели подняться на такую высоту, что могли видеть южную равнину Алакуля, ограниченную на юге хребтом Барлык, на востоке — Учкачар, а на севере — предгорьями Тарбагатая — Ачудастаны и Бакты.

В сумерках мы были на вершине прохода Хабар и миновали небольшой караван-сарай, построенный одним торгующим киргизом для проезжающих зимой купцов. Здание это было необитаемо, построено из сланца и могло вместить не более 20 человек. Это здание, свидетельствующее о расположении киргизов покровительствовать торговле, оказывает немаловажную ей услугу, потому что во время зимы на Хабаре бывают сильные выюги. Хабар теперь утратил большую часть своего значения, но в предшествующие века этот проход служил воротами обширных международных сношений; ни один из проходов Тарбагатая, несмотря на большие удобства, как, например, Боргоссутай, по которому можно переезжать в колесных экипажах, не пользовался такой известностью, как Хабар. В половине прошлого столетия, когда в Тарбагатае кочевало дурбэтское поколение калмыцкого народа, Хабарасу был уже известен русским под именем Хамартабан; по нему провозились все товары, которыми обменивались древние города китайского Туркестана с Сибирью. Об этих торговых сношениях чрез Хабар в киргизской орде сохранилось предание и до настоящего времени; один из наших спутников, мурун Джетпыс, сообщил нам, что в прежние времена через Хабарасу ходили татары тобулдык-тюмень (вероятно, тобольские и тюменские) на телегах, близ каменной вершины прохода завьючивали товары на верблюдов, а телеги провозили пустыми. По историческим документам последнее известие, однако же, не оправдывается, и Хабар считался всегда непроходимым для телег. В архиве Областного правления сибирских киргизов сохранились любопытные известия об этой торговле; о южной части караванного пути, впрочем, точных известий нет, можно, однако, заключить, по некоторым данным, что дорога, исходя из городов Яркенда и Кашгара, проходила мимо урги джунгарского хана, которая летом находилась на реке Текесе, при северной подошве Хан-Тэнгри; оттуда она шла через Боротала и Шарахулусун на Хамартабан. Северная половина дороги может

быть нанесена с точностью на карту: с Хамартабана караван спускался в равнину озера Зайсан и шел через реки Карабуга, Базар и Чегуляк к камню Калмыктологой, здесь пересекал хребет Калма (по-нынешнему Калба), спускался вниз по течению Царгурбана и выходил на Иртыш против устья р. Убы, здесь переправлялся на правый берег этой реки, половина каравана шла через Касмалу в город Томск, а другая продолжала путь вдоль правого берега Иртыша до Такмыцкой слободы, отсюда по левому берегу до Тобольска, а отсюда на Ирбитскую ярмарку. Нынешний путь по низменности Балхаша в предшествующее столетие избегался до того, что одно калмыцкое поколение, кочевавшее до 1758 года на Таласе и решившееся выйти в Россию, предпочло путь через реки Емилъ, Хамартабан и Калмыктологой. Можно догадываться, что Хамартабан не только в прошлом столетии, но и несколько веков ранее служил путем сообщения Центральной Азии с северными и западными странами. В половине XVII столетия караваны из Яркенда уже приходили на озеро Ямыш, и отсюда татарин Ширип Яриов с товарищем в 1652 и 1653 гг. привозили в Томск яркендские товары, именно: зендени (до 400 шт.), азямы зенденные, ремень и овчинные тулупы. Яркендские караваны ходили уже, вероятно, к Ямышеву задолго до прихода русских в Сибирь; летопись сохранила известие о том, как Ермак отправился навстречу бухарскому каравану, который шел с вершин Иртыша; до Петра Великого русские совсем почти не знали южной части этой караванной дороги; им была только известна северная часть пути, по Иртышу, а потому и случилось, что при Петре еще города Яркенд и Кашгар ставили в вершинах р. Иртыш, и Петр Великий сослал полковника Лихарева с флотилией вверх по Иртышу с приказанием достигнуть золотоносной р. Яркендаря. Подобно этому и ранее города Камбалу и Грустинец, из которых выходили караваны на Иртыш, также ставились на вершине к этой реки; под именем Камбалу, оказалось, известен был у монголов Пекин; под Грустинцем следует, кажется, искать Яркенд или Кашгар, а не еуштинских татар, как делают некоторые.

Уклонение караванов от прямого пути, вероятно, было обусловлено обитанием в Арало-Балхашской низменности беспокойных орд, занимавшихся грабежом; с усмирением этих орд и с про-

никновением цивилизации в глубь этих степей дороги караванов сокращаются — они начинают безопасно пересекать степи поперек; современный караванный путь из Семиречинского края через Уйгенташ, мимо могилы Кузу-курпеч или на Петропавловск короче пути прошлого столетия на 460 верст, если бы и нынешний путь продолжить до Ирбити.

Самый удлинённый путь с запада в Центральную Азию совершил толмач Салам в 846—847 гг. Он ехал туда через Армению, земли аланов и страну Бесгерг (Башкирию); от последней шли 10 дней по обширной черной стране, по которой расстилался пар с таким отвратительным запахом, что путешественники должны были постоянно употреблять благовония. Это может быть болотистая Ишимско-Барабинская степь с сероводородными миазмами. Потом, после месячного путешествия по пустыням Салам, достиг государства Адкаш, лежавшего у подошвы хребта Кокайна, который Риттер принимает за Тянь-Шань.

Караваны приходили на Иртыш осенью, в августе, сентябре, а иногда и в начале декабря. Путь от ханской урги при р.Текес они совершали в 60 дней; от урги нойона Саинбелека, который кочевал в окрестностях нынешнего города Копала, — в 40 дней и от урги Даваца на р. Имели — в 16 дней. По выходе на Иртыш караван иногда делился на две части: одна шла вниз по Иртышу в Тобольск и Ирбит, другая — в Томск. Эта бифуркация каравана происходила или по выходе на Иртыш, при устье Убы, или не доходя до Иртыша, с р. Колгуты (?). Караваны приходили в Россию от имени какого-нибудь влиятельного лица, или от самого хана, или от Калбутана-ламы, а также от нойонов. Торговлю производили преимущественно жители Восточного Туркестана, бухарцы, из которых многие поселились в сибирских городах: Тобольске, Тюмени, Таре и Томске и образовали в них бухарские фактории. Они назывались в прошлом столетии тобольскими и пр. юртовскими бухаретинами. Потомки этих выходцев составляют бухарскую волость в Томске, в которой теперь считается 307 детей обоего пола.

В некоторой степени в караванной торговле принимали участие и русские купцы. В половине прошлого столетия, по сказке вышедшего из Джунгарии в 1746 году купца Алексея Верхотурова, в Джунгарии проживал для сбора долгов русских купцов 21 человек,

да, кроме того, в подданство Галдан-церепа вступили 23 мужчины и 2 женщины, которые в разных городах — Урге, Еркенде, Кушкаре, в деревне аксуского акимбека Гульбаки и других местах. По разным известиям, собранным тогдашним пограничным начальством, в Джунгарии жили: из города Устюга Иван Шубин с племянником и Терентий Судаков, из города Гороховца дворовый человек и приказчик Ширяева Иван Михайлов, из города Симбирска Илья Твердышев, Вологженин, приказчик купца Шапкина Иван Мильников, из Екатеринбурга Нефед Бурин, тобольские Федор Плотников, Иван Евсевьев, Иван Серебряков, Федор Сыхторов и Иван Васильев, тарские Иван Панов, Яков Лоскутов, Кузьма Сумин, Герасим и Федор Кузнецовы и работник умершего купца Бабушкина Григорий Жулистов; томские Михайло Треченин и татарин Трапан Пьянков, из Малышевой слободы с Оби Федор Малышев и из Иркутска Иван Литвинцев. Кроме того, из Джунгарии вышли в 1745 году тарский разночинец Иван Ушаков и тарский казак Семен Ушаков, разночинец Пономарев, устюжский купец Лука Журавин и приказчик томского купца Мельникова Иван Брюхов да в 1746 году купец Алексей Верхотуров. Русские купцы жили в Джунгарии по 6, 7 и 8 лет; они разъезжали по Джунгарии от урги на Текесе до Яркенда и продолжали торговлю; такое продолжительное пребывание в Джунгарии отчасти происходило от тогдашней вялости ведения торговых дел; товары, завезенные в страну, могли быть проданы только в продолжительный срок; бухарские товары были завезены в Сибирь в последний раз в 1752 году и еще в 1760 году, т. е. через 8 лет вывозились из Тобольска в киргизскую степь. Также, вероятно, и привлекательная жизнь на теплом юге долго удерживала русских людей от выезда в Россию. На требования русского пограничного начальства не задерживать русских купцов калмыки отвечали: “Находящим там (в Джунгарии) российским купецким людям имеется свобода, и кто похочет обратно ехать, тем задержания не чинится, а есть из тех русских и такие, что товары свои пропили и проиграли и пьянствуют там и другие непотребные дела чинят, и затем иные ехать оттоль обратно вскоре сами не желают, а другим без товаров всяких, яко не с чем и ехать стыдно”.

Эти торговые сношения встречали тогда большие препятствия; в степи караваны должны были избегать встречи с киргизами, ко-

торые были так смелы в своих набегах, что нападали на бухарские караваны даже тогда, когда они скрывались в надолбы русских редутов; так, например, в октябре 1752 года киргизы преследовали бухарский караван до Пресного редута, а в феврале киргизы напали на тот же караван при крепости Становой и отбили 15 верблюдов, 42 лошади и взяли в плен 7 бухарцев. Караван этот шел, кажется, прямо степью в Троицк; этот путь в то время был рискованный, и едва ли много караванов решались избирать его. Кроме этих путевых неприятностей караванная торговля была стеснена таможенными заставами и монополией; торговля ревенем была государственной монополией как в России, так и в Джунгарии; в России и Сибири частная торговля этим растением была запрещена под страхом смертной казни. Караван, шедший в Томск, при переправе при устье Убы подвергся осмотру таможенной заставы, а в деревне Касмале его осматривал дворянин, высланный из Кузнецка. Некоторые товары были запрещены к вывозу по неуместному страху; так, например, по распоряжению генерала Киндермана была запрещена продажа киргизам всяких железных вещей, кроме чугунных котлов, из опасения, чтобы обитатели степей не перековали их на оружие. О готовом оружии нечего и говорить, что оно было также запрещено, между тем беды от этого нечего было ожидать, потому что киргизы по своей бедности много оружия купить и теперь не в состоянии. Меры предосторожности военного начальства простирались до того, что бухарских купцов зимой не впускали в крепости в избы обогреться. Бухарцам не позволяли отлучаться от крепостей в киргизские улусы для покупки на пищу баранов, почему они принуждены были покупать баранов у киргизов тайно. Коменданты крепостей старались монополизировать торговлю за собой; директор Ямышевской таможни Бушуев жаловался в 1700 году, что комендант крепости св. Петра Лесток стесняет свободу торговли в пользу своих дворовых людей.

В 1745 году бухарским купцам был запрещен проезд внутрь Сибири в города и слободы; торговля с бухарцами была ограничена двумя таможнями — Семипалатинской и Ямышевской. Сначала правительство предложило такую меру, удовлетворяя желание Галдан-цзерепа: с русских купцов в Джунгарии не брать пошлин, а равно и с бухарских не брать в Сибири, но русский посланник

Угрюмов, бывший в Урге в 1733 году, предлагая этот договор, требовал, чтобы бухарские купцы все-таки объявляли и давали осматривать свои товары; это нужно было потому, что русское правительство, избавляя бухарских купцов от пошлины, хотело в соответствующем размере наложить их на русских купцов при покупке бухарских товаров и продаже русских. Но первый же пришедший после этого договора бухарский караван воспротивился осмотру и только в Тобольске после долгих усилий допустил осмотр. Поэтому Сибирская губернская канцелярия придумала ограничить торговлю с бухарцами крепостями Семипалатинской и Ямышевской, и здесь ни пошлин не брать, ни товаров не осматривать, а в Тобольск и другие города караванов не пропускать. Только для собственных товаров джунгарского хана сделано было исключение, и было дозволено пропускать их в Тобольск. Этим начальство думало положить конец обширной контрабанде, а также избавиться от частых посещений бухарских купцов, которые разъезжали по всей Сибири, даже до Иркутска, жили по 8 и более лет в сибирских городах и деревнях, составляли при них многолюдные фактории, и, по признанию самого сибирского начальства, отлично знали состояние Сибири; Галдан-церен умел ими пользоваться, употреблял их для посольства и, без сомнения, знал Сибирь лучше, чем пограничный генерал Киндерман, его современник, знал о состоянии Джунгарии. Редко выезжавшие русские купцы подавали сказки, так мало знакомившие с тогдашним состоянием Джунгарии, что восстание Давацы и Амурсаны и все другие события в Джунгарии были неожиданностью для сибирского начальства. Контрабанда, т. е. продажа беспошлинно недозволенных товаров и тайный ввоз и вывоз запрещенных товаров, достигла в Сибири значительных размеров; бухарцы сами разъезжались по сибирским деревням и вели розничную торговлю; усмотреть за ними не было никакой возможности, поэтому они всегда вывозили из Сибири на гораздо большую сумму, чем ввозили. Они не только господствовали в торговле бухарскими товарами, но даже наряду с русскими купцами были посредниками в торговле русскими товарами между сибирскими городами. В XVII столетии в их руках была даже вся внутренняя торговля Сибири, как это было, вероятно, до прихода русских в Сибирь; было нужно целое столетие, чтобы русские куп-

цы отняли от них эту монополию. Сибирское губернское начальство, сознавая необходимость ввести новое положение торговли в Сибири, думало достигнуть этого посредством учреждения Семипалатинской и Ямышевской таможен; в своем проекте об этой мере оно высказывало, что от того русским купцам не только не будет убытка, потому что русские купцы в Джунгарию сами ездят мало, но даже будет выгодно, потому что при централизации всего торгова в двух только местах русские купцы будут здесь ровнее приобретать бухарские товары.

Вместе с запрещением въезда бухарским купцам в Сибирь был запрещен и русским купцам въезд в Джунгарию, и тем был положен конец их смелым попыткам соперничать с бухарцами в сердце Средней Азии. Правда, тогда русские купцы далеко уступали своим соперникам и в искусстве, и в энергии, большею частью отправляли в Джунгарию свои товары с приказчиками из бухарцев и без приказчиков-бухарцев не смели ехать в Джунгарию и в Джунгарии не умели себя вести, впадали в южные пороки в проматывали свое богатство; тем не менее нельзя не пожалеть, что тогдашнее начальство Сибири уничтожило эти зачатки русских факторий в Средней Азии, вместо того чтобы поощрить эти дальние странствия, которые были плодотворны во многих отношениях; они распространяли в народе географические сведения и воспитывали торговое сословие в смелости и предприимчивости; все это было убито учреждением Семипалатинской и Ямышевской таможен.

Бухарские караваны привозили из Джунгарии бумажные ткани, известные тогда в Сибири под общим названием иркетчины, как-то: хамы, выбойки, зендени, чалдары и бязи.

В Семипалатинск и Ямышев было привезено иркецкого товара:

в 1747 г.	749	тюков, в которых	79700	голов
-//- 1748 г.	1736	-//-	-//- 113500	-//-
-//- 1749 г.		-//-	-//- 19200	-//-
-//- 1750 г.		-//-	-//- 16900	-//-
-//- 1752 г.		-//-	-//- 15000	-//-

Из мягкой рухляди из Джунгарии привозили волков, лисиц и корсаков, а также овчины и тулупы. Было привезено в Ямышев и Семипалатинск:

	1748 г.	1749 г.	1750 г.	1752 г.
Волков	—	300	300	269
Лисиц	251	300	200	300
Овчин	на 7 лошадях	—	—	—
Мерлушек	—	—	400	105
Тулупов	—	200	—	254
Рысей	—	—	—	4

Иногда караваны привозили корень ревеня. В 1744 году было привезено послом Ламой-Дашей 300 пудов, в 1747 году Юсуп-ходжа привез 286 пудов 17 фунтов. Ревень составлял предмет монополии как русского, так и джунгарского правительства; ремень, привезенный Юсуп-ходжой, принадлежал самому джунгарскому хану и был прислан на собственных ханских 300 верблюдах; в России частная торговля ременем была запрещена под страхом смертной казни, и ремень назывался “секретным товаром, корнем-ременем”.

Нашатыря, который был известен в Сибири под названием бухарского и, вероятно, добывался из многочисленных сольфатар Джунгарии, было привезено в 1747 году 10 фунтов и в 1752 году — 15 гинов.

Серебра было выменено в казну в 1750 году 9 пудов 8 золотников и в 1752 году — 150 — рупей. Золота в 1750 году — 13 золотников.

Однажды была привезена хлопчатая бумага. В 1752 году в Семипалатинск привезено 20 бикчей китайского табака.

О продаже рабов сведений за 1745—1752 годы нет. Но, вероятно, торговля рабами существовала, только при приходе каравана на Иртыш у бухарцев не было обыкновения объявлять о рабах, приведенных на продажу. С одной стороны, о торговле ясырями, или рабами, у Ямыш-озера упоминается уже в начале XVII столетия; с другой стороны, рабы поставлены в 1794 году в списке среднеазиатских товаров, составленном для описания Колыван-

ского наместничества, который мы печатаем в приложении. У нас, впрочем, есть сведения о ценах на людей в 1757 году. Именно тарский юртовский татарин Мирзали Шихов купил у вышедших из Джунгарии в Сибирь калмыков 20 человек холопов; цены, данные им, были следующие: баба 40 лет — 12 руб., бурутка 7 лет — 6 руб., киргизка 40 лет — 1 мерин и две желтые зендени; бухарец 15 лет — 12 руб., дивна 25 лет — серый сермяжный зипун. Коменданты крепостей очень хлопотали о приобретении пленных; рвение их в этом простиралось до того, что они смотрели благосклонно на набеги казаков на киргизов, которые приводили пленных из степи; коменданты, офицеры и чиновники разбирали их в услужение и тотчас крестили, чтоб они не могли быть возвращены в степь. Иногда соседние инородцы продавали сирот и детей во время голода; так много холопов и холопок было продано алтайскими теленгитами русским чиновникам после разорения Джунгарии китайцами.

О вывозе из Сибири сохранились известия за 1750 и 1752 годы. В эти два года были вывезены следующие товары:

	1750 г.	1752 г.
Юфтей	1009 штук	28072 штук
Сукна василькового, кармазинного, голландского, коркового	209 аршин	572 аршина
Епанчей и кафтанов васильковых	—	24 штуки
Сахара	19 пудов 10 фунтов	60 голов
Чая кирпичного ²³	93 кирпича	11326 кирпичей
Выдр	55 штук	837 штук
Бобров немецких		700 штук
русских	205 штук	

²³ В последние годы управления Галдан-Церена отношения Джунгарии к Китаю сделались дурны, и китайцы запретили торговлю с Джунгарией. Вследствие этого китайские товары, преимущественно чай, в Джунгарию привозились в течение некоторого времени из Сибири чрез Кяхту, Томск и Ямышев.

Краски кубовой	4 пуда	—
Киновари	20 фунтов	—
Перца	3 пуда 20 фунтов	—
Мишуры	400 цевок	14300 цевок
Румян	20 листов	3300 листов
Зеркал	187 штук	4200 штук
Олова в торелях	10 фунтов	—
Ящиков	—	13 штук
Котлов медных	—	9 штук
Игол	—	7000 штук

Вот сведения о числе людей и вьючных животных, которые были заняты этой торговлей.

Пришло в Ямышев и Семипалатинск:

	1747 г.	1748 г.	1749 г.	1750 г.	1751 г.
Бухарцев	350	348	118	261	599
Калмыков	34	—	—	54	30
Киргизов (в Кашеварах)	—	2	—	—	—
Зверей (т. е. верблюдов)	552	760	97	155	629
Лошадей	494	537	152	744	764

Рогатый скот пригоняли в Семипалатинск и в особенности в Усть-Каменогорск из ближайших калмыцких улусов.

Коров и быков было пригнано в Семипалатинскую, Усть-Каменогорскую и Бикатунскую крепости и Чакырский рудник:

в 1747 г. 31 голова
 -///- 1748 г. 114 -///-
 -///- 1750 г. 376 -///-
 -///- 1752 г. 5690 -///-

Овец в те же места:

в 1747 г. 10 голов
 -///- 1750 г. 327 -///-
 -///- 1752 г. 960 -///-

В 1752 году начались смуты в Джунгарии, и караванное движение прекратилось; когда же оно возобновилось, нам неизвестно. В июне 1760 года в первый раз приехали 4 кашгарца в крепость св. Петра на Ишиме, которые променяли до 30 лошадей, до 75 лисиц, корсаков и волков и 20 золотников серебра, но не нашли нужных для них товаров: кармазинного сукна, бархата, немецких бобров, черных лисиц, выдр, кубовой краски, канцелярского семени и проч. От Ямышевской таможи сделана публикация по сибирским городам ехать в крепость св. Петра с товарами на бухарскую руку, но повторили ли бухарцы попытку основать торговлю в крепости св. Петра, мы не знаем. В Ямышеве же и Семипалатинске до 1760 года и, может быть, гораздо позднее не являлось бухарских купцов и в таком незначительном числе.

Темная ночь застала нас на Хабаре, прежде чем мы достигли места, на котором должны были ночевать. В то же время мы поднялись на ту высоту, на которой летуют киргизы обеих равнин, — Зайсанской и Алакульской; 6 дней мы прошли, не видя киргизских аулов, за исключением одного, гнездившегося в одной из лощин Бакты; после молчаливой равнины мы были обрадованы необыкновенною оживленностью этих высот; во всех сторонах вблизи и вдали замелькали огни, то ясные, если были разложены на открытом воздухе, то матовые, если это был свет, выходивший через верхнее отверстие юрты (тюндюк); ночь была так темна, что более ничего не было видно, и только разнообразные звуки свидетельствовали о разнообразии и многочисленности обитавшего здесь животного мира: лай собак, ржание лошадей, блеяние овец, гайкание пастухов, песни девиц, перекрикивания людей с одного бока долины на другой.

Мы ночевали в зоне *Viola altaica*; утром пал иней и особенно долго держался на листьях *Alchemilla vulgaris*.

21 июня мы поднялись на сопку Сарычеку, одну из значительнейших высот Восточного Тарбагатая (эту высоту не следует смешивать с другой Сарычеку, которая находится у горного прохода Алет и упоминается Шренком). Сарычеку очень плоска и некамениста; на вершине ее только небольшое пространство было занято обнажениями глинистого сланца, на которых произрастали *Stellaria petraea*, *Odontarrhena obovata*, *Oxytropis argentata*, *Potentilla*

ораса, *Draba incana* и *Dracoscephalum stamineum*; вокруг же обнажений, на почве более или менее рыхлой, состоящей из смеси выветрившейся породы с перегноем, цвели *Potentilla orasa*, *Potentilla cinerea*, *Umbilicus platyphyllus*, *Lloydia serotina*, *Thalictrum alpinum*, *Leontopodium alpinum*, *Gnaphalium luteoalbum*, *Myosotis sylvatica*, *Androsace Chamaejasme*, *Androsace septentrionalis*, *Eritrichium villosum*, а в углублениях на той же почве, где она посырее, — *Viola altaica* и *Papaver alpinum*.

Пробыв несколько часов на Сарычеку, мы спустились с нее на запад, в аул богатого сарта Биджи, в 10 верстах от Сарычеку, в урочище Акджал. Биджи — самый богатейший сарт, кочующий в Тарбагатае, князь здешней торговли. Он торгует с Чугучаком и Семипалатинском, все сарты и чоло-казаки, живущие в Тарбагатае, находятся в большей или меньшей зависимости от Биджи. Влияние Биджи в орде равняется влиянию киргизских родоначальников. Чтобы усилить свое значение, Биджи старается вступить с родоначальниками в родство. Впрочем, он имеет сильного врага в лице одного богатого скотом и смелого киргиза Тюлюгуна, который кочует не далее 20 верст от Акджала, в глубокой лощине Ойджайлуу. Биджи находится в очень тесных отношениях с поколением тогас, которое дает ему на своих землях место и для летовок, и для зимовок, а также уступает и участок хлебопахотной земли; за это Биджи обязан нести один за всех тогасов квартирную повинность, т. е. принимать в своей юрте и кормить сергиопольского заседателя с его конвоем, когда он приезжает к тогасам за ясаком. Нам говорили, что и на Сауры, в каракиреях, живет подобный сарт-купец. Таким образом, киргизские роды и хребты разделены на участки монополистов-сартов. Вести соперничество с ними русским почти невозможно, потому что для этого русским недостает единства религии с киргизами и возможности вступать с ними в родство; последнее обстоятельство весьма важно для торгового влияния и кредита в степи, поэтому не только Биджи, но и его приказчики, как например, Момын, постарались составить себе приличную партию с туземками.

Из аула Биджи мы спустились северной долиной р. Кайчи (ножницы) в равнину Зайсана; ночлег наш находился при самом выходе из ущелья Кайчи на равнину, при подошве горы Сарто-

логой, у небольшой возвышенности Кайчитюбэ, на которой была сложена оба (древняя могила, состоящая из насыпи камней). Речка Кайчи течет перерывами; сначала, когда мы спустились в ее долину с Акджала, в ней не было совсем воды, потом появилась вода; дно долины образует небольшой, но роскошный луг, а берега самой речки красиво окаймлены зубчатой листвою *Sanguisorba alpina*²⁴, вверх по долине это растение достигает нижней линии *Paraver alpinum*, *Alchemilla vulgaris* и *Stellaria dichotoma*, вниз по долине оно простирается до самого выхода на равнину.

Северный склон Тарбагатая можно разделить на две зоны — верхнюю, или альпийскую, и нижнюю; за нижний предел первой зоны можно принять нижнюю предельную линию *Alchemilla vulgaris*, которой почти соответствует верхняя линия *Sanguisorba alpina*; судя по пометке под этим последним растением во Флора Россика Ледебера, оно характеризует нижнюю зону и в других северных долинах, как, например, в горном проходе Сайасу²⁵; к флоре этой нижней зоны принадлежат кроме *Sanguisorba alpina* следующие растения: *Polygonum soongoricum*, *Sideritis montana*, *Leonurus tataricus*, *Clematis soongorica*, *Rheum Rhaponticum*, *Iris Guldenstadtiana*, *Urtica cannabina*, *Hordeum pratense*, *Triticum cristatum*, *Potentilla pensylvanica*, *Potentilla bifurca*, *Potent. dealbata* и *P. anserina*. На возвышенных местах и крутых скатах Сартологоя растет *Caragana frutescens*, а на вершине этой горы — *Patrinia intermedia*, *Hedysarum scoparium*, *Thesium longifolium* и *Berberis sibirica*. Кустарной растительности, подобной той, какую мы видели в долине Казыкты, ни на Кайчи, ни на Тамырсыке (другой посещенной нами северной долине Тарбагатая) нет.

Сартологой образует заметную высоту на северной окраине Тарбагатая, между долинами рек Кайчи и Дебискэ. Рядом с ним, на западе, находятся горы Ргайлы (ргаевые, ргай — *Cotoneaster*), а на востоке — две горы: Джаксы и Джаманарганаты (*Argalintou* на карте Клапрота); Сартологой имеет вид сухой обнаженной горной

²⁴ У подошвы Сарычеку при нашей стоянке 1 июля *S. alpina* встречается с одной только листвою, без цветков.

²⁵ Fl. Ross. T. II. С. 28; in rupestribus subalpinis m. Tarbagatai ad margines rivulorum loco "Saja-Assu" dicto.

массы; скаты его бедно покрыты растительностью, ущелья безводны и дики; в этих пустынных ущельях водятся архары (*Ovis Argali*) и рябчики киклик.

25 июня мы спустились еще ниже в равнину Зайсана, до урочища Ойчилик (низкий чилик). Степь между Сартологоем и Ойчиликом совершенно ровная и сильно понижается в северу; растительность уже выгорела от жары; только мелкая щетка с отсохшими верхушками стеблей покрывала степь, не образуя сплошного дерна; поперек степи от долины Кайчи тянется сухая рытвина, потому что р. Кайчи у самого выхода из долины почти мгновенно иссыкает.

Под названием Ойчилик известны солонцы, прилегающие с востока к р. Дебискэ или Тебискэ. Здесь находятся пашни киргизского поколения Тогас; на Ойчиликке мы нашли аул из юрт, принадлежащих чоло-казакам и бедным киргизам, которые по имению скота не могут подняться с юртами на горы. В числе чоло-казаков, проводящих здесь лето, находился и наш старый знакомый Момын, который уже сопутствовал нам в прошлое лето во время поездки в Южный Алтай.

Ойчилик поражает своей аналогией с Майчиликом, находящимся к северу от Зайсана при подошве Буконбая.

На соленой грязи около ключа Карабулак, который здесь выступает из почвы, растут, как и на Майчиликке, *Triglochin maritimum*, *Tr. palustre*, *Ranunculus natans*, *Ranunc. radicans*, *Glauх maritima* и *Plantago minima*. На сухой окрестности около ключа и вообще на местности, находящейся под ближайшим влиянием испарений этого небольшого источника воды, — *Potentilla anserina*, *Potent. dealbata*, *Lepidium crassifolium*, *Hordeum pratense*, *Jris Guldenstadtiana*, *Atriplex lacinata*, *Atriplex crassifolia* и *Senecio sibiricus*. На голой степи с солено-глинистой почвой, прикрытой слоем щебня и составляющей отдаленную окрестность ключа Карабулак, растут *Anabasis aphylla* и *Dodartia orientalis*. На той же степи, обращенной под пашни, в виде сорных трав — *Stipa capillata*, *Eremostachys phlomooides*, *Orobanche cernua*, *Donstostemon dentatus* и другие крестоцветные.

Наконец на сухих и рыхлых солончаковых пятнах, рассеянных посреди этой глинистой степи, — *Nitraria Schoberi* и *Halimodendron argenteum*, оба изредка; кроме того, *Salsola brachiata*, *Aeluropus littoralis* и *Elymus lanuginosus*.

С Ойчилика непосредственно, без всяких переходов, начиналась область призайсанской флоры, подобно тому, как на юге же Тарбагатая, уединенные Джайтубэ находятся на границе приалакульской растительной области; к сожалению, в настоящее время у нас нет под рукой данных о различии в абсолютной высоте Джайтубэ и Ойчилика; но так как известно, что равнина Зайсана значительно выше равнины Алакуля, что заметно и для глаз, если смотреть, например, с Сарычеку, то северная подошва Тарбагатая должна находиться на большей абсолютной высоте, чем южная; между тем уже при подошве Сартологоя, несмотря на значительную высоту этой местности, нас удивила высокая температура воздуха; на Ойчилике было так же жарко, как у Джайтубэ, вообще сухость и температура воздуха, как кажется, неодинаково распределены на склонах Тарбагатая; северные долины страдают большею сухостью воздуха, чем южные, что, вероятно, происходит оттого, что с северной стороны к Тарбагатаю прилежит плоскогорье, а с южной — низменность. Это обстоятельство влечет за собой следующую разницу в формах северных и южных долин: в северных долинах дно ближе к их верхним окраинам, кроме того, длина этих долин меньше; поперечный разрез северных долин образует более тупой угол, чем у южных. Отсюда, вероятно, происходит недостаток влажности в северных долинах, отчего тем из них, которые принадлежат к чисто поперечным, вовсе недостает той кустарной растительности, какою отделены берега рек южных долин, именно — ив, тополей, *Berberis*, *Cotoneaster*, *Crataegus*, наконец, *Rugus*. Оттого же равнинные растения на северной стороне поднимаются выше, а также здесь выше и нижняя предельная линия *Alchemilla vulgaris*. Для сравнения количества вод, орошающих Тарбагатай, мы не имеем достаточных данных; можем только заметить, что на северной стороне Тарбагатая потоки берут начало выше, чем на южной, и вообще, кажется, на южной стороне верхняя зона бедна водой, а нижняя богата, на северной же наоборот. В этом мы убедились, посетив истоки рек Базара, Нарына (текущего с северной покатости Тастау) и Терсайрыка; пятна вечного снега лежат только на северной стороне тарбагатайских альп, что и обогащает водой на северной стороне альпийскую зону.

Ключ Карабулак находится только в 3 верстах от р. Дебискэ. Почти все это пространство занято пашнями поколения тогас.

Воды в речке Дебискэ в это время не было; она была выше отведена на пашню; русло реки было покрыто только листьями *Urtica cannabina*, да боковые скаты ложбины, в которой лежало русло, поросли *Saragana frutescens*; эти два растения отличали флору русла от флоры окружающей степи. Другую бы картину представляла река, если бы человек не отнял у нее влагу; на всем пространстве, на котором тянутся пашни, Дебискэ безводна, и только ниже пашен, подобно тому, как у Катынсу на Муканчах образуется саз — болото, которое вновь собирает рассеянную в почве пашен влагу и вводит в естественное русло, здесь только растительность и развивается. Подобные сазы образуются в определенных местах, т. е. ниже пашен, и на других речках, текущих с северной покатости Тарбагатай, от Дебискэ на запад следуют один за другим сазы Кумгуль, Кызылкаин, Карабуга, Аксуат. На востоке, на р. Чорга, можно догадываться, под именем урочища Джитыузун следует разуметь подобное же явление. Мы уже, кажется, раз проводили параллель между этими сазами при северной подошве Тарбагатай с подобными же сазами при северной подошве Заилийского Алатау, что, по нашему мнению, наводит на мысль о происхождении этих сазов от местных обыкновений культуры почвы.

На Ойчилеке много кочует киргизов осенью; потому-то, может быть, здесь много могил. В особенности их много сгруппировано на одном месте на западном берегу р. Дебискэ, отчего и место это получило название Кобмола (множество могил). Вблизи же ключа Карабулак, в том месте, где стоял аул бедных киргизов, было довольно оба, т. е. старинных могил, из которых киргизы вырывают золотые вещи.

28 июня мы поднялись снова на Сарычеку по долине р. Тамырсык (китайский караул *Dzimerzek* на карте Клапрота; ныне здесь нет караула, и вообще не существует всей той пикетной линии, которая нанесена у Клапрота на карту, от Чугучака, до устья Черги). Долина эта совершенно похожа на долину Кайчи; то же отсутствие прибрежных кустарников; также и здесь *Sanguisorba alpina*, *Sang. officinalis* и *Polygonum soogoricum* украшают берега Тамырсыка, а из кустарников только *Saragana frutescens et rugmaea*, *Belberis sibirica* и *Spiraea* попадают на скатах в малом количестве.

2 июля мы отправились от Сарычеку на восток по гребню хребта Тарбагатай и достигли в этот день гранитных гор Коджур.

Невдалеке от Сарычеку мы миновали вершины южной долины р. Казыкты, которая казалось безводною, затем группу 5 небольших озер, на которых стояли в это время 15 аулов джумуков, возвращавшихся из бегства к своим соплеменникам, с которыми они поссорились из-за решения какого-то уголовного дела. Еще восточнее миновали вершины Караунгура, принадлежащего системе Емиля, и Ласты, принадлежащей системе Зайсана; в правой стороне осталась от нас глубокая котловина Ойджайляу (низкая летовка), ограниченная с юга горами Ашудас, а с севера — центральной цепью Тарбагатая.

Как дно этой долины ни было низко, на ней было видно сверху большое число юрт, среди которых можно было отличить белую и большую юрту Тюлюгуна. Это, кажется, одна из самых низких летовок внутри Тарбагатая; все аулы стояли в это время года не ниже 5000 футов над уровнем океана, и только на Ойджайляу и в долине Терсайрыка мы видели аулы, стоявшие ниже нижней линии *Alchemilla vulgaris*. Мы узнали, что Тюлюгун, принимая нас за друга своего соперника Биджи, собрал около себя до 300 своих единомышленников, опасаясь нашего вмешательства в его распрю с Биджи. Он даже подослал к нам человека, на которого мы обратили внимание не раньше, как проехав половину перехода. Господин этот был одет франтом; вообще соумышленники Тюлюгуна одеваются богато и имеют хороших лошадей и богатый седельный убор. Это отличие, кажется, и выдало нам его лазутчика. Но так как мы спокойно прошли по гребню гор мимо аула Тюлюгуна, то и он счел за лучшее не трогать нас, а придумал собранное войско употребить против самого Биджи.

Дорога от Сарычеку до Коджура была гладкая и даже удобная для проезда экипажей и только в горах Коджур затрудняется громадными обломками гранита; во время пути нам постоянно был открыт вид или на южную, или на северную равнину, а иногда и на обе разом; налево были видны горы Джеман и Джаксы — Арганаты и Манрак, а за ними на равнине зеленая площадь пашен на р. Черге; направо — Ашудас и на горизонте колоссальный, но, впрочем, не достигавший снежной линии Барлы. Наш аул расположился на Коджуре возле каменного столба Сынтас. Столб этот, по-видимому, вытесан из местного гранита и имеет вид че-

тырехгранной призмы до 8 футов высоты, вертикально врытой в землю; на одной стороне, кажется, были письменные знаки, но они совершенно стерлись; западнее этого столба, в нескольких верстах, близ западной границы площади гранитных обнажений находится другой подобный столб меньшей величины. Синтас поставлен в таком месте Коджура, с которого открывается на восток вид на болотистую седловину, отделяющую Коджур от зубчатой цепи гор Итыкчи (сапожник).

Горы Коджур состоят из гранитных выступов, кажется, единственных, которые лежат на оси Тарбагатая. Коджур по-киргизски значит шероховатый, и это название прилично для них, потому что скаты и седловины были усеяны гранитными обломками. На поверхности гранита здесь так же, как и на Койтасе, в вершинах Базара встречаются часто чашеобразные углубления, в которых скопляется дождевая вода; в $1/2$ версты от Синтаса к западу нам показали в гранитной плите, близ дороги, подобное углубление, принявшее кувшинообразную форму известных исполиновых горшков (*Riesentöpfe*), оно было наполнено грязной водой и прикрыто камнем; киргизы называют его Аумесу и бросают в него овечий сыр в виде жертвоприношений.

На гранитных скалах Коджура цвели в пазах между гранитными обломками *Stellaria petraea*, *Paraver alpinum*, *Dracosephalum altaense*, *Dracosephalum imberbe*, *Silene derressa*, *Berberis sibirica*, *Sedum quadrifidum*, *Sedum gelidum*, а в темных нишах под гранитными обломками — *Cortusa Matthioli*, *Aquilegia glandulosa*, *Gymnandra Pallasii*, *Delphinium laxiflorum*, *Oxuria reniformis*, *Rumex acetosa*, *Rumex crispus* и *Saxifraga sibirica*. Кроме того, скалы сильно поросли можжевельником; по свидетельству киргизов, это драгоценное дерево растет здесь только в южных ущельях; в северных его вовсе нет, и киргизы, кочующие летом по вершинам Тарбагатая, по преимуществу по вершинам речек, текущих на севере, ездят за можжевельновыми дровами в южные ущелья. Только по Коджуру это дерево распространяется и в немногие северные ущелья. Благовонная и красивая древесина этого дерева служит единственным топливом в безлесных высотах Тарбагатая; киргизы с трудом достают это дерево из ущелий, возят в аулы на верблюдах и потому истребляют его экономно. Когда мы были в гостях у одного кир-

гиза на Сарычеку, то заметили, как хозяйка берегла свои можжевеловые дрова; она хотела угостить нас чаем и развела огонь под чайником, но как только вода в нем вскипела, она тотчас же потушила огонь, обколотила головни и спрятала их в маленькую можжевеловую поленницу, помещавшуюся внутри юрты, несмотря на ее громоздкость (дерево необыкновенно кривое, потому что ствол его стелется и принимает изгибы каменных скал).

На Коджуре мимо нас снова прошли те 15 аулов джумуков, которых мы видели расположившимися на 5 озерах близ Сарычеку. Женщины вели завьюченных верблюдов, другие на передней луке везли люльки с детьми; маленькие дети ехали верхом, привязанные к седлам; девицы и молодые жены были разряжены в красные халаты и шаровары; мужчины были различно вооружены; один витязь вздел серп на трость и вооружился этим атрибутом земледельческой культуры за неимением, вероятно, более воинственного оружия. Некоторые везли на руке орлов. Рядом гнали табуны лошадей и овец; быки были так же завьючены, как и верблюды, но шли не связанные, а только при погонщике; дети гнали овец и козлов. Медленное движение этой толпы давало нам случай долго любоваться на эту картину.

Седловина между Коджуром и Итыкчи покрыта болотом, покрывающим гранитную почву; болото это дает начало р. Терсайрык; 3 июля вечером мы перешли на вершины этой речки. Коджур в это время был густо населен аулами, и оба ночлега наши в этих горах были окружены множеством аулов. В вершинах Терсайрыка мы застали двух джунганей, китайских мусульман, везших на быке пшеницу своим товарищам-золотопромышленникам, работавшим на Терсайрыке; один из них сидел верхом, другой шел пешком и нес пику. Момун, наш спутник, с трудом уговорил пехотинца зайти в наш караван; несмело, но не из страха перед русским оружием, а из страха перед приличиями он приблизился к нам, за десять шагов бросил свою пику на землю; Момун руководил им в отдавании приветствий по русскому обычаю. Джунгань должен был сначала подать руку начальнику экспедиции, а потом и другим членам ее. Под конец китаец сделался более развязным и признался, что хотел быстро удалиться из аула потому только, что боялся встретиться с большим чиновником, который всегда бывает капризен

и взыскателен в приличиях, и что в Китае генералы не пускают к себе так близко простых людей.

От выступа гранита на Коджуре Тарбагатай разделяется на две ветви — южную центральную и северную побочную, которая в разных местах носит следующие названия, начиная с запада: Кызылчоку, Карачоку и Киттынгара; эти ветви образуют продольную долину, в которой течет р. Терсайрык. Выступ гранитов находится также и в вершинах р. Базсуг, где центральная цепь Тарбагатай и побочная Обкеты также образуют продольную долину.

Терсайрык, получив начало в общей гранитной колыбели с р. Ласты²⁶, в болотах Коджура, течет сначала в продольной долине на восток; потом у Киттынгара выходит в обширную котловину Кызылчилик, в которую с востока стекают воды снежного хребта Сауры и образуют р. Кандысу; от Киттынгара Терсайрык течет на север, сливается с Кандысу в северо-западном углу Кызылчилика и под именем Черги изливается чрез узкое дефиле между Карачоку и Манраком в равнину Зайсана.

Продольная долина Терсайрыка по характеру своему может быть разделена на три части: верхнюю широкую часть, среднюю тесную, в которой находятся китайские золотые промыслы, и, наконец, нижнюю, снова расширяющуюся, хотя и незначительно. Верхняя часть долины носит название Хотонащи; значение слова “хотон” нам неизвестно, ащи по-киргизски значит горький или соленый; оно в названиях урочищ заменяет калмыцкое гуджир и придается часто таким из них, почва которых содержит натриевую соль; Хотонащи, несмотря на свою абсолютную высоту, только в верхней половине покрыта *Alchemilla vulgaris*, а с половины начинается другая флора, почва пропитана солью, которая часто выступает в виде накипи на почве и образует солончаковую грязь или болото; на сухих местах встречаются растения, которые растут только на равнине Зайсана, на Ойчиликке, как, например, *Eurotia ceratoides*. Кустарников здесь нет. Долина Хотонащи очень просторна; дно ее ровно, поэтому на ней устраивают иногда скачки; подобно Ойджайяу, здесь также было много аулов, вероятно, благодаря содержанию солей в почве. Река течет в невысоких глинистых берегах. Характер почвы

²⁶ Северной, текущей в Зайсан.

Хотонащи, хотя и в малых размерах, напоминает высокие степи, которых немало в Алтае по вершинам рек, как, например, Чарыша, Чуи и других.

Солонцеватость почвы появляется в хребтах Джунгарии при всяком расширении долины, на какой бы абсолютной высоте она ни лежала; это явление следует, вероятно, приписать медленному стеканию вод и сильному испарению, что должно характеризовать такие местности. И не только солонцы этих возвышенных степей, но и степей глубоких азиатских низменностей следует с большею осторожностью, чем обыкновенно это делается, приписывать к остаткам древних морей. В некоторых случаях, как, например, на Хотонащи, а также на солончаковой котловине Кызылчилик, с которой впоследствии мы познакомим читателя, появление солончаков можно отнести только к ныне действующим силам, да и в низменных степях значение современных сил могущественнее, чем обыкновенно думают; образование солончаков в степях происходит вследствие особенной судьбы растительных трупов; под влиянием особых климатических условий среднеазиатские степи с половины июля уже лишены растений: все они сожжены солнцем, обращены в труху и развеяны ветром по степи, эти развеянные останки под влиянием высокой температуры и сухости воздуха подвергаются совсем другому круговороту сравнительно с растениями лесных стран; здесь почти вся влажность испаряется из растений в атмосферу, когда растение еще не кончило своей жизни; измельченные в порошок, трупы их продолжают терять влажность до дождя, и тогда вместе с быстрым испарением дождевой лужи быстро происходит отделение газообразных составных частей от минеральных; этот процесс более походит на горение, чем на гниение, газообразные части поступают в атмосферу, минеральные остаются на почве, здесь не образуется таких аммиачных солей, которые оставались бы в почве и, накапливаясь с годами, могли бы образовать плодородную почву; напротив, на поверхности накапливаются только минеральные части растений, которые посредством своих корней все более и более переносят с глубины почвы на ее дневную поверхность. Если прибавить, сколько органических извержений, идущих в других странах в состав почвы, сжигается здесь, сколько солей приносится на поверхность почвы с уриной домашнего скота и ан-

тилоп, обитающих в степях, то одно участие органического мира в образовании степных солончаков окажется заслуживающим внимания; к солям, принесенным этим путем, присоединяются соли, выветривающиеся непосредственно из почвы; гранитные обнажения, кажется, в особенности дают случай к образованию соляных выцветов; мы привели один такой случай в описании поездки в Южный Алтай; солонцы Хотонащи также, может быть, обязаны своим происхождением гранитам Коджура. Конечно, глинистое дно бывшего моря дает еще более вероятия к образованию солонцов, и потому солонцы Арало-Каспийской, Балхашской и Алакульской низменностей можно считать за свидетельства некогда существовавшего здесь море; но солонцы высоких азиатских плоскогорий, а также солонцы зайсанских чиликов (Май, Ой и Кызыл), а может быть, и солонцов в низовьях Курмула, следует принимать исключительно современно действующим выветриваниям горных пород, окружающих котловины гор.

За Хотонащи Терсайрык вступает в тесное ущелье; берега реки здесь образованы из отвесных утесов песчаника, весьма легко разрушающегося; пласты поставлены почти отвесно; направление их преимущественно $\text{гор. } 5,0$. Но иногда они поставлены почти под прямым углом к главному направлению; определение пластов у самых восточных галерей золотопромышленников дало следующие результаты:

Верхний утес под Терсайрыком	$\text{гор. } 5,1$, пад. 2^0
Позади него, в боковой лощине	$\text{гор. } 6,4$, пад. 8^0
Нижний утес над Терсайрыком	
по другую сторону лощины	$\text{гор. } 5,0$, пад. 6^0
Позади него, в лощине	$\text{гор. } 10,0$, пад. 3^0

Эти слои образуют скалы в 30 футов высоты; если река течет параллельно направлению пластов, то они образуют над ней отвесную широкую гладкую стену, если разрывать их поперек, то слои выкрашиваются, и скала образует вид широких досок, поставленных вертикально с трещинами между ними в $\frac{1}{2}$ фута шириной и глубиной до самого уровня воды. Эти скалы так стесняют долину Терсайрыка, что по ней не может быть совсем проезда.

На этих пластах песчаника на обеих сторонах долины, от начала ущелья до его конца, навален нанос красноватой глины с галькой,

содержащей в себе золото; он образует толщу, равную высоте слоев песчаника; русло Терсайрыка засыпано этим же наносом. Стоки вод образовали в этом наносе и в пластах песчаника поперечные лощины с большим падением, которые так часты, что разбивают нанос на множество холмов; почти в каждой лощине берет начало ключ или лежит небольшое болотце. Около этих вод развивается разнообразная зелень, тогда как остальная поверхность холмов остается обнаженной, и красноватый цвет ее издали заметен. В этих лощинах цвели *Gentiana decumbens*, *Senecio* sp., распространяющийся вниз до устья Терсайрыка только в сырых местах; в ключах — *Ranunculus natans*. В глубине ущелья флора еще богаче, и появляются даже кустарники и ивы. На сухой поверхности золотоносного наноса — *Clematis soongorica*, *Thermopsis lanceolata*, *Patrinia intermedia*, *Stipa orientalis* и койджуа, который мы не успели точно определить; кажется, это *Allium Stellerianum*.

Разработка золотоносного пласта производится посредством штолен, которые расположены в подошве золотоносного пласта, так что верхняя поверхность песчаника служит полом штолен. Мы описываем ниже эти штольни по самым восточным промыслам, которые уже оставлены китайцами. Каждый холм прорыт этими штольнями с трех сторон: со стороны поперечной лощины, которая находится выше холма, со стороны р. Терсайрык и со стороны нижней лощины, так что в плане штольни внедряются в холм радиусами от окружности к центру; штольни выведены без стоек, и только там, где штольня разветвляется, отверстие в старую штольню закладывается крупными гальками. Высота просвета немного больше человеческого роста; рядом со штольней были устроены пещеровидные жилища, иногда с отдельным входом снаружи горы и сообщавшиеся со штольней посредством небольшого оконного отверстия, иногда же с общим входом; в одном из таких жилищ мы нашли печь с круглым отверстием для котла. Из отвалов образованы перед входом в штольню барбеты с горизонтальной площадкой; если судить только по величине барбетов, холмы не очень выработаны. Во всяком случае, простенки между штольнями еще не выбраны, что можно было бы сделать, завалив штольни. Дно Терсайрыка, кажется, разработано все; видны следы насильственного перемещения русла реки. Нанос, лежащий в русле, разрабаты-

вали шурфами, которые под землей разрабатывались в штольни с отверстиями для воздуха; много таких штолен найдено было нами разрушившимися.

От этих нижних промыслов золотопромышленники поднимаются выше, и нам за неимением хорошего вожака не удалось видеть самих китайцев, почему мы не можем сообщить и сведения о ходе работ, орудиях и величине добычи. По рассказам киргизов, добычей золота здесь занимается до 100 человек.

От нижних промыслов долина Терсайрыка принимает опять новый характер; на северной стороне долины находится Киттынгара, которая состоит из другого видоизменения песчаника, более черного и неслоистого, но также сильно разрушающегося, как и песчаник под золотоносным пластом; на южной стороне долину ограничивали низкие предгорья центральной цепи Тарбагатая. Берега реки здесь глинисты, иногда образующие на северной стороне высокие глинистые обрывы, но каменных обнажений близ реки уже не встречается; этот глинистый нанос и здесь наполнен галькой, но общий цвет наноса серый, а не красный, и следов золотопромышленных поисков не видно. Только на значительной высоте, в каменистых ущельях Киттынгара, видны были уединенно лежавшие холмы красноватого и белого цвета, которые можно было признать издали за отрывок золотоносной россыпи, занесенный во время образования россыпи на значительное расстояние впереди от общего ее ложа. В этой части течения реку сопровождает великолепный луг, и растет небольшая ива, а также *Muricaria alopecuroides*, *Polygonum soongoricum*, *Glaucium squamigerum*, *Chelidonium majus*, *Sanguisorba alpina*, *Ribes cuneatum*, *Thermopsis lanceolata*, *Chamaerodos altaica*, *Urtica cannabina* и *Clematis soongorica*.

Близ нашей стоянки у Киттынгара почти на самом берегу Терсайрыка выступал ключ с необыкновенно холодной водой; против него в каменной массе Киттынгара находится пещера в виде ниши, кажется, почитаемая у киргизов священной, о чем можно заключить по палке, стоящей внутри этой пещеры и увешанной волосами и бараньими черепами. Стены пещеры и воздух нам показались сырыми. Подошва горы в этом месте, как и в большей части других, завалена обломками разрушившейся породы; несмотря на наружную сухость этих россыпей, на них росли *Urtica cannabina* и

Chelidonium majus; тут же мы нашли *Thalictrum foetidum*, *Leonurus lanatus* и *Clematis songorica*.

6-го числа мы вышли на обширную высокую равнину Кызылчилик и пересекли ее до речки Кандысу; на другой день спустились по этой речке до ее слияния с Терсайрыком. Потом снова поднялись по Кандысу до впадения в нее р. Чиликты, а отсюда 10 июля перешли к югу на горный проход Боргоссутай.

Высокая котловина Кызылчилик со всех сторон окружена горами: с севера — Манрак, с востока — Сауры и Сайкан, с юга — Кузгунь или Боргоссутай, с запада — Кыттынгара и Кызылчоку. Манрак и Кызылчоку образуют узкое ущелье Исык, которое соединяет котловину Кызылчилик с равниной Зайсана.

Линия от устья Чиликты до Боргоссутая делит котловину Кызылчилик на две половины: западную, более высокую, и восточную, низменную. Западная состоит из глинистой почвы, поросшей *Anabasis aphylla*, *Stipa orientalis*, *St. capillata*, *Lepidium cordatum*, *Dodartia orientalis*; к р. Кандысу равнина спускается рядом небольших возвышенностей Койтас Кокена. Эта часть отличается от восточной сухостью; на западной ее окраине у самой подошвы гор лежит русло Терсайрыка, которое, однако же, кажется, было совсем без воды; по крайней мере, при соединении его с Кандысу воды в нем мы не нашли, да и близ Кыттынгары было воды в Терсайрыке уже очень мало.

Восточная часть Кызылчилика орошена двумя реками — Чиликты и Кандысу, которые стекают с западного склона снежного хребта Сауры и в 15 верстах от Исыка соединяются в одно русло, а при Исыке соединяются с Терсайрыком.

В этой части Кызылчилика почва солено-глинистая; вдоль границы, которая отделяет западную половину от восточной, мы встретили несколько озер, поросших *Arundo phragmites* и *Scirpus*. На солонцах здесь растут растения, которые нам ранее не встречались: *Plangato maritima*, *Saussurea amara*, а также *Statice decipiens*, *Statice speciosa*, *Anabasis aphylla*, *Kalidium foliatum*, *Kochia prostrata*, *Eurotia ceratoides* и *Salsola brachiata*.

Здесь же растет странное растение, принадлежащее к семейству *Rhizanteae*, куда также относится известная своим трупным запахом рафлезия, растущая на о. Цейлоне. Это растение встречается также в Балхашской низменности на песках близ Или, против Илийского

пикета. На Или киргизы зовут это растение шайтан кутак (чертовы гениталии), здесь же оно носит название каир — струя²⁷. Растение состоит из подземного клубня, от которого поднимается над почвой толщиной $1/2$ вершка в поперечнике мясистый ствол, усеянный от самого основания коричневыми цветами. Кызыкчиликский каир отличается от илийского отсутствием запаха, тогда как последний необыкновенно вонюч. Здешние киргизы приписывают каиру большие целительные свойства.

Растительность мягких лугов близ озер и Кандысу составляют *Potentilla anserina*, *P. dealbata*, *Triglochin maritimum*, *Hordeum pratense*, *Callianthemum n. sp.*, *Senecio soongoricus*, *Cirsium acaule*. Чий также встречается на более сухой почве близ водных местилещ.

Солонцеватая почва сопровождает берега Кандысу почти до слияния ее с Терсайрыком. Кандысу от устья Чиликты течет в плоских и мягких берегах, русло ее врезано на 2 фута в луговую почву; края русла крутые, как всегда бывает, если река прокладывает русло в почве, состоящей из толстого слоя дерна.

Не доходя 2 или 3 версты до соединения с Терсайрыком, характер берегов и дна ее изменяется; здесь она вступает в сухую глинистую степь; иловатое дно сменяется каменистым, по которому она течет с шумом; по берегам растут невысокие тополя, которые сопровождают все течение Терсайрыка от Киттынгары до Исыка; вместе с тополями на Кандысу распространяется и травяная флора Терсайрыка, как-то: *Clematis soongorica*, *Potentilla viscosa* и *Sentiana decumbens*. Впрочем, сухое русло Терсайрыка все-таки имеет более разнообразную флору; из числа кустарников здесь были роза, *Lonicera tatarica*, *L. coerulea*; на сухом русле, состоявшем из обнаженных галек, росли *Muticaria alopecuroides* и *Glaucium squamigerum*(?).

Местность эта замечательна в ботаническом отношении еще и тем, что здесь мы встретили несколько растений, которых нельзя было ожидать среди таких степей, именно: *Orchis latifolia* (это был единственный представитель семейства орхидейных, найденный нами во всей южноалтайской и тарбагатайской флоре), *Parnassia palustris*, *Rhinanthus Crista galli*, а также черемуха и *Sanguisorba*

²⁷ Бобровая струя называется по-киргизски кундус-каир.

officinalis. Эти растения указывали нам на близость колоссального Сауры, ребра которого, как мы могли различить с устья Чиликты, покрыты хвойным лесом, а вершины — вечными снегами, и в лесной, и в альпийской флоре которого можно надеяться найти более представителей севера, чем на Сартау и Тарбагатае, которые оба не покрыты вечными снегами, а последний, кроме того, не имеет ни одного хвойного дерева.

В отношении к куриному семейству северный склон Тарбагатая можно разделить на три пояса: улара, киклика и буддурука (*Syrhaptus paradoxus*).

Улар (*Perdix saxatilis*?) водится на альпах Тарбагатая; табуны их встречаются на горах Алтуайт, Сарычоку, Тастау, Найзагара, Бийсимас; последняя высота есть, кажется, самый западный пункт распространения улара, как Алтуайт — самый восточный. Улар не спускается в Тарбагатае летом ниже 7000 футов, но зимой спускается к подошве Тарбагатая, на Сартологой, и зимующие здесь киргизы часто ловят его живым в капканы, приманивая на солонец. Улар очень походит на *Steinhühner* Швейцарских Альп.

У улара те же мощные формы и то же оперение, только экземпляры самца и самки, которые мы получили на Ақджале, не имели белого пятна на горле и груди. Киргизы считают мясо улара деликатнейшим, и по свойственной этому народу склонности к разнообразным выражениям дружелюбия, братства и всяких симпатий киргизы считают долгом, застрелив улара, собрать своих знакомых и разделить с ними вкусное блюдо.

В одной зоне с уларом живет альпийский ворон (*Corvus graculus*); он распространяется от Алтуайта до Алета и спускается в долины до 5000 футов, тогда как в Швейцарских Альпах он не спускается ниже 7000 футов²⁸.

Ниже нижней предельной линии *Alchemilla vulgaris* в предгорьях Тарбагатая, как, например, на Сартологое и скалистом течении Терсайрыка, водится рябчик киклик, которого в Кокане приручают и бой которого составляет любимое зрелище сартов. Жители Тарбагатая часто ловят кикликов живыми; они очень скоро ручнеют и несут в неволе яйца, число которых простирается до 30.

²⁸ Мы встречали его на Ақджале, к западу от Сарычеку.

Наконец на солонцах Ойчилика и Кызылчилика водится третий вид куриных: бульдурук (*Syrhaptes paradoxus*). Этот рябчик питается семенами *Lepidium ruderale* и койджуа.

На Чиликтах летало много гусей, куликов, а также были утки (*Anas crecca*) и чайки (*Sterna hirundo*).

Горную утку — атау, которую мы встречали в Южном Алтае за первыми предгорьями, в Тарбагатае мы видели только в нескольких экземплярах на 5 озерах, около Сарычеку, следовательно, на высоте около 7000 футов. Драхвы водятся на Ойчиликке и на Кандысу. По киргизским преданиям, на Чиликтах водился прежде фазан.

На Чилике изредка встречается сайга, но куланов вовсе нет. Архаров мы видели на Сартологое; их более водится в горах Аркарлы, которые лежат западнее Сартологая.

На альпах Тарбагатая водятся медведи и сурки; последних особенно часто мы встречали на Алтуайте.

В водах Кандысу водятся щуки, чебаки, голяны и пескари, а также османы (небольшая рыба из породы сомовых).

Койджуа, *Allium*, видовое название которого мы не успели определить, составляет любимый корм овец и обуславливает порядок кочеваний здешних киргизских волостей. Койджуа растет по сухим холмам от Хотонаши вниз по Терсайрыку, по всей западной половине кызылчиликской котловины до устья Чиликты и по всему Манраку; предгорья Сауры славятся обилием этого растения. Это зимняя пища овец, и потому по всему этому пространству от Хотонаши до Кокенова Койтаса у Кандысу мы нашли много зимовок, тогда как в летнее время это пространство безлюдно. Манрак летом совершенно безлюден, но зато служит зимовищем для множества киргизских волостей, чем он обязан, вероятно, койджуа²⁹. Вообще зону *Alchemilla vulgaris* можно принять за зону летовок — джайлау, а зону кайджаус — за зону зимовок — кыстау.

В восточной части Кызылчилика, которая и есть, собственно, Кызылчилик, киргизские волости стоят в течение целого лета, подобно тому, как на Ойчиликке и Ойджайлау.

Кызылчилик пересекается двумя дорогами: одна из них, пикетная, идет от горного прохода Боргуссутай до китайского пикета на

²⁹ На Манраке зимуют овцы даже алтайских скотоводов.

Черном Иртыше — Монитугатул; она, кажется, идет по восточной окраине Кызылчилика, подле самых гор, затем пересекает Манрак; другая от того же прохода Боргуссутай ведет чрез дефиле Исык к озеру Зайсан и на пашни, которые находятся на р. Черге. По этой последней кроме земледельцев также ездят и барантаци из Кызылчилика к северной подошве Тарбагатая; с одной такой разбойничьей шайкой, вооруженной пиками и ружьями, мы встретились в устье Чиликты; барантаци объявили нам, что будто они земледельцы и едут на Чергу на пашни, а вооружены потому, что через Исык без оружия опасно ездить, но достоинство оружия и лошадей выдавало их; действительно после оказалось, что они отогнали скот с р. Базар.

Кызылчилик, по всей вероятности, всегда имел большое значение в жизни кочевых народов, обитавших в Тарбагатае и Сауры. Здесь постоянно находились кочевки влиятельнейших людей, имена которых сохранились или в истории, или в преданиях. К западу от Кызылчилика в Тарбагатае находится проход Манастынасу, т. е. проход Манаса. Мы видели этот проход с горы Алтуайт, к северу от нее. Манас — герой самой популярной поэмы у дикокаменных киргизов. По преданию последних, приводимому Чоканом Валихановым в его “Очерках Джунгарии”, Манас прежде кочевал в равнине Зайсана и оставил свое имя в названии какого-то урочища, подобно тому, как имя того же героя осталось в наследство одной реке, текущей из хребта Иренхабирган.

В XVII столетии на Темирчерге находилась зимовка калмыцкого тайши Аблая, который на лето уходил на реки Чар и Албайкитку. Под Темирчергой, по нашему мнению, следует разуметь р. Терсайрык. Это предположение мы основываем на следующем приурочении маршрута русского посла Федора Исаковича Байкова в 1654 году. В последнее время г-н Семенов в неизданных, но сообщенных г-ном Струве перед поездкою его на китайские пределы примечаниях к III тому Риттеровой “Азии”, сделал попытку приурочения этого маршрута Байкова и весьма справедливо, как нам кажется, назначил путь Байкова по южному, а не по северному берегу Зайсана. Некоторые новые данные дают нам теперь случай подтвердить и продолжить это приурочение.

Федор Исакович Байков прибыл 22 ноября 1665 года на р. Карабуга, где находились бухарские пашни; отсюда он ездил в улус Аблайтайши, который в это время стоял от пашенных бухарцев в одном дне езды; в другом месте показания Байкова сказано, что Аблай зимовал в этот год на Темирчерге. На другой год весной, в апреле месяце, Байков вместе с Аблайтайшой покочевал на север через речки Дзонмудун³⁰, Чогуляк, Чар и Бешку; отсюда Аблай отпустил Байкова в Китай, и русский посол опять перешел к пашенным бухарцам в 10 дней, отсюда начинается интересная история для нас часть маршрута.

“От Тарану (т.е. от бухарских пашен) до Темирчерги, где зимовал Аблайтайша, ходу 2 дня, а на той речке Темирчерге живут бухарцы пашенные Контайшиных детей. А родится у них пшеница и ячмень, просо и горох, и скота всякого много; а лес по той речке, топольник; переходил ту речку в двух местах, а от речки Темирчерга до речки Каракучир ходу день, а стоит на той речке Контайшин сын Сенгетайша; а течет та речка Каракучир к Иртышу; а лесу на той речке нет; стоял на той речке Федор Исакович Байков день”. Легко узнать в Темирчерге, на которой растет топольник, нынешний Терсайрык, а в Каракучире, по которой нет лесу, — нынешнюю Кандысу. Кажется, Байков прошел по Терсайрыку тем же самым путем, как и мы, т. е. от вершин к низовьям, а не поднимался вверх по Исыку; мы, подобно ему, также несколько раз (три) переходили через Терсайрык. Этим можно объяснить молчание Байкова о соединении Каракучира с Темирчоргой; вышедши по Терсайрыку у Киттынгары в Кызылчиликскую котловину, он оставил Исык слева и вышел прямо на Кандысу. “А от реки Каракучур до камня ходу день; а на том камени лежат снега великие. А калмыки сказывают, никогда де те снега не сходят; а от того камня до Контайшина городка ходу три дня. А город, сказывают, глиняный; а в нем две палаты каменные, бурханские; а живут в том городке Лобы да пашенные бухарцы”.

Под камением здесь следует разуметь Сауры, за которым на р. Хобок находился город, построенный Цеван-рабтаном.

³⁰ Дзонмудун по-калмыцки — сто дерев, может быть, нынешний Джу-сагач.

“А от городка до камня ходу дна дня; а поперек того камня ходу полднища; а перешед тот камень, степь голая, только лес небольшой; называют его соксоул: растет невысоко, а дерево тяжело; а на огне горит, что дуб, топко”.

Очевидно, Байков перевалил на восточную сторону Сауры по какому-то горному проходу.

“А от камня ходу до озера верст 20; а озеро то величиною подобно Переяславлю Залесскому. А калмыки сказывают: рыба де есть в том озере всякая, а вода в том озере пресная и зеленая, а от того озера до вершины иртышской ходу полднища, а переходил тою иртышскую вершину поперек, а лес и трава займищами, а шли возле тою иртышской вершины до мунгальских людей 5 дней”.

Кажется, Байков говорит здесь об озере Кызылбаш.

В более позднее время, в половине прошлого столетия, на Темирчорге находилась зимовка калмыцкого нойона Даваца, последнего джунгарского хана. В 1751 году, во время правления Джунгарией Ламы Дорджи, Даваца управлял всеми калмыками, кочевавшими по Тарбагатаю; он имел здесь такое значение, что его ставка называется в сказках русских лазутчиков ближней ургой, в отличие от дальней резиденции джунгарского хана. Лето он, кажется, проводил на Тарбагатае близ горного прохода Хабарасу, а зимовку имел на Темирцорг (Терсайрык?) На р. Имель у него находились пашни, которые обрабатывали пленные турфандцы. Вот в каких урочищах он был найден русскими лазутчиками.

В 1745 году 12 июля Соболев нашел его ставку за Хамартабаном, в 15 верстах от бухарских пашен.

Зиму он провел на Котемир(?)-цорг, а летом 1747 года Котовщиков нашел его на Хамартабане, в урочище Борохуджир.

В 1750 году, в августе, в ставке Даваца был Мяникин, но он не называет урочища, в котором она находилась; ехал он к ней вверх по р. Уласты и перевалил потом через горы (вероятно, Коджур?).

В 1748 году, в марте, на Темирсорге кочевал другой калмыцкий нойон Амурсана, известность которого связана с судьбой Даваца.

В 1751 году Даваца и Амурсана отделились с своими подданными от джунгарского хана; для присоединения их были посланы

ханские войска под начальством Чавдара, с которым отложившиеся нойоны и сразились сначала при р. Коконахой (синяя собака), притоке Черного Иртыша; приурочить Коконахой нам не удалось. Даваца и Амурсана бежали на север, в Южный Алтай, на р. Нарым еще раз были достигнуты ханскими войсками, разбиты и принуждены были с ничтожным числом приверженцев скрыться в киргизской орде. Впоследствии, когда Амурсана хотел спасти Джунгарию от завоеваний китайцами, Тарбагатай служил базисом его действий; здесь он сгруппировывал своих приверженцев и нападал на улусы, передавшиеся китайцам. Поэтому во время завоеваний китайцев в этой стране Тарбагатай был часто обгаем кровью и наконец до того опустошен, что в 1759 году в нем вовсе не было людей. Два калмыка, впоследствии бежавшие в Россию, провели в Тарбагатае $1\frac{1}{2}$ года (1758—1759) и во все это время не видали других калмыков. Поэтому неудивительно, что этот хребет был очень быстро занят киргизами; в 1750 году мы встречаем киргизов уже на р. Хабаргабазар, именно кирейский род, управляемый тогда Ходжебергенем и до 1750 года кочевавший не восточнее р. Чаргурбан. Это, вероятно, те самые киреи, которые и теперь составляют авангард киргизского народа в его наступательном движении на восток. С половины прошлого столетия, когда самые восточные кочевья киргизов были по рекам Чаргурбан и Баканас, до настоящего времени киргизы подвинулись до Канаса и снежной линии Сауры, что составит около 300 верст. Несколько десятков лет тому назад они, кажется, еще далее проникали на восток, но были оттеснены китайскими войсками. По крайней мере, Мухаммедсултан, кочующий теперь в Южном Алтае, имел прежде кочевья на восточной подошве Сауры, близ известной сольфатары Кобокзари, или, как произносил, Мухаммедсултан, Саир- или Джайркобук. По рассказу Мухаммедсултана, местность эта такая же керчь, как и Чакылмыс (на северном берегу Зайсана), т.е. состоит из толстых наносов красной глины, вероятно, также размытой водой, как и на Чакыльмысе. Почва горячая, так что просидеть на ней можно не долее, как только выкурить китайскую трубочку табака. Здесь

ломают нашатырь и вывозят в Чугучак. Вероятно, это не что иное, как самовозгорающиеся каменноугольные пласты³¹.

11 июля мы были при северной подошве горного прохода Бургусутай. Проход этот очень низок, высоты, к нему пролегающие, далеко не достигают нижней предельной линии *Alchemilla vulgaris*. Проход этот очень удобен не только для вьючных животных, но и для экипажей. Подъем с северной стороны менее значителен, чем с южной; разность между ними благодаря возвышенному положению Кизылчиликской котловины здесь еще более чем на Хабарасу. С высот, прилегающих к проходу, мы видели верхнее течение Имиля в глубокой продольной долине, образованной хребтами Сайкан и Ушкашар (Ol-Kothzor на карте Клапрота). Эта долина служит границей между кочевьями киргизского и калмыцкого народов. Мы должны были на ночлег остановиться при северной подошве прохода, потому что на южной в эту пору года воду можно найти только на значительной глубине ущелья. Мы расположились около скудного источника, возле которого цвели *Parnassia palustris*, *Spiraea ulmaria* и *Sanguisorba officinalis*. На груде каменных обломков встретился *Huoscymus niger*, появление которого здесь можно приписать разве только тому, что это место лежит на пикетной дороге. Горы состоят из пластов песчаника.

12 июля мы поднялись по восточному склону Тарбагатая по так называемой у киргизов хребтовой дороге и в тот же день достигли зоны *Alchemilla vulgaris* и *Paraver alpinum*. Хребтовая дорога здесь чрезвычайно затруднительна, в особенности по крутизне и каменистости западных склонов гор. Прежде чем достигнуть средней высоты Тарбагатая, мы должны были два раза спуститься в глубокие седловины, которые разделяют восточный конец Тарбагатая на две резко очерченные группы Алтуайт и Дастар. Западная седловина отделяет Итыкчи от Алтуайта, средняя Алтуайт — от Дастара и, наконец, восточная, глубже всех врезанная седловина, есть горный проход Боргусутай.

³¹ В рукописной записке Недорезова, бывшего смотрителем войсковой рыбалки на Нор-Зайсане, которая послужила единственным материалом для статьи г-на Абрамова о Нор-Зайсане, напечатанной в "Записках Императорского географического общества", причем автор не назвал своего источника, упоминается о самовозгораниях из чакальмысской глины.

15 июля мы снова достигли гор Коджур. Горы по преимуществу состояли из пластов песчаника. Фистацит очень часто встречается в Восточном Тарбагатае. На Алтуайте в одном месте мы встретили обнажение гранита. В вершинах р. Себеты находятся холмы конгломератов; не доходя до гор Коджур, западнее Итыкчей, мы миновали вершины ущелья Кызылсай, которое выходит нижним отверстием в долину терсайрыка. Кызылсай получил свое название от обнажений гранита красного цвета; цвет этот весьма напоминал цвет терсайрыкского золотоносного наноса.

В Кызылсае мы заметили один шток, который состоял в нижней части из яшмы, а верхняя его половина была составлена с одной стороны из красноватого гранита, а с другой — из серого песчаника. Россыпи и ложе рек к востоку от Кызылсая состояли из обломков яшмы, а частью — из красного железняка.

Близ Кызылсая мы миновали необыкновенно большую могилу, состоявшую из обломков кызылсайского гранита; высота этой насыпи была около 5 футов. Название этой могилы нам не удалось узнать; по всей вероятности, она очень древняя.

Кызылсай можно считать за восточную границу гранитных обнажений Коджура, потому что эти гранитные обнажения от Кызылсая до Коджура больше не прерываются. На севере, может быть, Кызылчеку состоит из такого же красного гранита, как и Кызылсай; по крайней мере, об этом можно догадываться по ее цвету. Итак, гранитная площадь Коджура есть самая большая в Тарбагатае: по хребтовой дороге она занимает около 15 верст.

На Коджуре мы уже никого более не нашли; киргизы спустились в долины Терсайрыка; одни альпийские вороны своим криком оживляли пустынные скалы Коджура и весело дрались на стойбищах юрт, где они находили питательные зерна.

На Сарычеку 16 июля мы еще застали аулы, но и те на другой день снялись и спустились в теплые долины. Погода на альпах становилась суровою, начались дожди, иногда с градом. Только те киргизы еще оставались на месте, которые летовали в более низких местах. Аул Биджи на Акджале еще не трогался, но он уже был крайним к альпам.

19 июля мы спустились на Акджал и здесь, в гостеприимном ауле Биджи, отдохнули от своего путешествия. Тут нас ждало не

только спокойствие, но и некоторые удовольствия и даже представления. Почти каждый вечер устраивалась борьба всегда импровизированным образом: сначала взрослые люди от нечего делать подзадоривали детей к борьбе, потом начинали меряться силой и взрослые; иногда устраивался бег детей, взрослых людей и однажды устроили бег лошадей.

Внешняя оболочка, в которую облекается жизнь этих кочевников, имеет в себе достаточно поэзии, чтоб обольстить человека, поверхностно наблюдающего народные нравы. Жизнь нашего знакомого Биджи протекала, по-видимому, среди довольства очень спокойно; он был окружен родственниками и верными слугами. Мы не можем забыть высокого, ловкого и сильного сарта Маката, который всегда играл первую роль как во время приготовления чая, так и во время борьбы. Момын, наш верный спутник, тоже составлял одно из звеньев той цепи, посредством которой Биджи держал тарбагатайское население в экономической зависимости. И много других подобных сартов или толпятся около Биджи, или исполняют его поручения вдали от него. Стоило Биджи послать с Акджала за Момыном на Ойчилик, и Момын в ту же ночь приехал на Акджал, не отложив поездки до завтра. Исполняя свои желания посредством вторых рук, Биджи, кажется, оставалось только созерцать свое богатство из своей юрты. Оно, как будто, так и выходило. Во время нашего пребывания утро проходило в обмене взаимными угощениями, вечер — в народных увеселениях до заката. Затем Биджи возносил благодарение Богу, творил свой вечерний намаз, да и это он исполнял не сам, а за него распевал арабскую молитву Момын или кто-нибудь другой. Эта вечерняя молитва всегда напоминала нам, что мы находимся на северо-восточной окраине мусульманского мира. Долго еще и после намаза жизнь в ауле не утихала; киргизы по вечерам долго не спят, из юрт слышатся неясные разговоры; изредка раздается ободряющий крик пастуха, иногда аульные девицы, собравшись в одной юрте, развлекаются далеко за полночь песнями; и так как все киргизские песни можно спеть на один мотив, то, несмотря на перемену либретто, один и тот же мотив будит тишину ущелья в течение всей ночи. Раза два в ночь произойдет в ауле какой-то общий гвалт: шорох от встающих баранов, бляение, лай и крики

пастухов и девиц, оставивших на время пение. Это дерзкий набег волка. Вскоре спокойствие восстанавливается, и продолжается та же самая песня.

В этой маленькой картине набег волка усиливает ее поэзию, но, без сомнения, киргизы бы желали обойтись без этого поэтического эпизода. Волки производят такое опустошение в стадах киргизов, что сделались их злейшими врагами, и киргиз не может без остревенения смотреть на волка. Когда один из нас получил на Черном Иртыше в подарок двух волчат и, не имея времени препарировать их, отпустил живыми, то этот поступок нашего сентиментального спутника произвел между киргизами такой ропот, как будто он учинил преступление против общественной собственности.

Есть у киргизского хозяйства и другие волки. Мысль о барантаче приводит душевный организм в такое же сотрясение, как и волк. Нам случилось однажды попросить одного состоятельного киргиза показать стрельбу из лука. Киргиз этот приобрел от китайцев лук и полный колчан нарочно для страха барантачей; он устроил небольшую мишень из войлока и попросил нас предположить, что это барантач. Потом он начал пускать стрелу за стрелою; всякий раз, как он спускал тетиву, глаза его горели, как будто он видел перед собою врага. Торжествующий стрелок спросил нас, может ли безнаказанно кто-нибудь посягнуть на его богатство. Если бы в чьей-нибудь голове составилось представление о киргизах как о поголовных барантачах, то такое мнение было бы в высшей степени несправедливо. Всякий киргиз, имеющий какое-нибудь имущество, хлопочет уже о его безопасности; тем более об этом хлопочут люди, скопившие большое богатство разными путями, иногда той же барантой. Поэтому большинство киргизского народа относится к баранте враждебно, и влиятельные лица, преследующие это зло, как, например, Тана, пользуются народной любовью.

Биджи имел не далее как в десяти верстах врага, которого был должен ждать ежечасно. Это был Тюлюгун. Оба они соперничали во влиянии среди тарбагатайского населения; подобно тому, как Биджи покорил его своей торговлей, так Тюлюгун хотел покорить страхом своих набегов. В киргизском обществе от разных невзгод и эксплуатации сильных образовался пролетариат; из этих бобылей Тюлюгун сгруппировал около себя значительную толпу наездников,

которые не имеют ничего, кроме хорошей лошади, хорошего ружья и изысканного платья. Из этих людей, презирающих комфорт и мирную жизнь, Тюлюгун составил себе силу, с которой легко соперничал с Биджи, князем тарбагатайской торговли. Тюлюгун не имел замка, но он гнезился в глубине лощины Ойджайляу; и отсюда он делал набеги на неродственные роды, кочующие в других хребтах, а не в Тарбагатае. Он грозился развезть богатства Биджи, а последний употреблял все усилия окончить вражду дипломатическим путем; он предложил свою руку дочери Тюлюгуна, желая соблазнить его большим калымом. В таком положении находилась вражда до нашего прибытия. Узнав о наших дружеских отношениях к Биджи, как мы выше уже сказали, Тюлюгун очень боялся нашего вмешательства и собрал в лощине Ойджайляу порядочную толпу единомышленников. Пропустив нас мимо, он решился напасть на Биджи. В ауле Биджи все были напуганы его приготовлениями. Биджи также собрал около себя кого мог, учредил ночные разъезды, собрал сколько можно оружия, которого, впрочем, оказалось только 4 ружья и несколько сабель, и ожидал нападения. К счастью его, в аул к нему заехали с Хабарасу русские казаки, возившие почту, Биджи пригласил их пробить несколько времени у него в ауле, и Тюлюгун должен был отказаться от своего намерения, боясь впутаться в историю с русскими.

В ауле Биджи мы узнали также, что и наше путешествие по Восточному Тарбагатаю было небезопасно. В то время как мы спускались по долине Терсайрыка, Джумуки собрали вече для решения вопроса, не напасть ли на нас. Вече единодушно решило с позором прогнать нас из Тарбагатая; был составлен значительный отряд из пылких патриотов, вооруженных и горевших желанием сразиться за отечество. После двухдневного следования за нами по пятам одному рассудительному воину пришла нечаянно в голову прозаическая мысль, не лучше ли, чем искать славы в смерти за отечество, возвратиться к своим табунам и невестам. Эта вероломная идея также быстро овладела всеми патриотами, как прежде жажда славы, и толпа разбрелась по своим долинам.

Вообще киргизы любят жизнь и боятся умирать. Легкость питания, умеренный климат, симпатичность в личных отношениях между собою образуют в киргизах привязанность к жизни, и кир-

гиз умирает геройски только тогда, когда видит, что смерть неизбежна. Известно, что прежде смертная казнь была неизвестна в степи и была введена чужеземцем ханом Аблаем. Во время нашего пребывания был следующий случай: у одного киргиза пропала корова; после тщетных поисков хозяин ее поехал на охоту и увидел ее стоящей на неприступной высоте на выступе скалы, с которого корова не смела шагнуть ни взад, ни вперед. Догадавшись, что корову завели туда люди, что это должны быть воры, хозяин коровы начал искать их по ущелью и действительно нашел 3 человек, у которых не было никакого оружия. Прицелившись в них из ружья, он потребовал сначала, чтоб они не шевелились, потом потребовал, чтоб они связали друг другу руки; когда у двоих были руки связаны, он сам связал руки третьему, затем, прикрепив к их телам весьма неприличным образом канат, он привел их в аул к великому соблазну и смеху женщин и детей.

Из аула Биджи мы совершили еще две поездки, одну на юг, к скалам Кунегуя, другую на запад на Тастау. Кунегуя состоит из известняка, который образует на южном склоне Тарбагатая, к югу от Акджала, высокие утесы, поросшие можжевельником, делающим темные пятна на белом фоне; скалам прежде давали название Актаса (белый камень) и изменили его по следующему обстоятельству. В половине утеса выветрилось нитеобразное углубление, в котором поместилась чета орлов, так как утес был высок и отвесен, то орлиное гнездо было неприступно; киргизы спустили с вершины утеса на канате подойник, наполненный камнями; гром, произведенный камнями, когда потрясли подойник, поравнявшийся с гнездом, напугал находившихся в гнезде орлят; они повыскакали из гнезда, упали на дно долины и были переловлены; отсюда новое название Кунегуя: кунёг — подойник, уя — гнездо. Известняки часто встречаются на северном склоне Тарбагатая: между реками Кульдененсу и Лайбулак в южных предгорьях Тарбагатая также находится гряда известковых холмов в соседстве с песчаниками; и здесь на известняке растет *Juniperus*. У Кунегуя известняки образуют самые грандиозные виды, узкие и глубокие теснины.

Тастау мы застали уже с отцветшими растениями. Мы поднялись на него с севера; Тастау состоит из двух вершин, из которых меньшая, юго-восточная, называется Джелаулы (Знаменная),

а более высокая, северо-западная, есть собственно Тастау. Обе эти высоты соединены высоким перешейком. Мы поднялись только на Джелаулы. Собранные нами образчики горных пород переданы горному инженеру Татаринovu, равно как и образцы пород, собранные в Восточном Тарбагатае. Поверхность Джелаулы была засыпана мелкими обломками пород, из которых для некоторых вовсе не было месторождения на вершинах Джелаулы, хотя обломки и лежали на ней; вообще вершина Джелаулы носила следы сильного разрушения. Мы поднимались по россыпям, которыми была покрыта поверхность склонов со всех сторон.

От высокого перешейка, соединяющего Джелаулы и Тастау, начинается глубокая вначале лощина, в которой очень быстро течет р. Нарын; воду свою эта река берет из большого пятна вечного снега, лежащего на северной покатости Джелаулы. Склоны Джелаулы и Тастау к долине Нарына так круты, что хребтовая дорога не может обойти ее с южной стороны и должна пересечь долину поперек, причем с запада приходится спускаться в нее по крутому спуску. При начале спуска навалена большая груда камней, которая украшена волосяными жертвоприношениями киргизов. Здесь мы нашли каменную дощечку с китайскими буквами, которую имеют обыкновение оставлять китайские рекогносцировочные отряды на замечательных местах. Киргизы говорили, что здесь вставляется знамя, откуда и название Джелаулы.

Когда наступило время и для Биджи спуститься в долину (он зимует при северной подошве Тарбагатая), мы оставили его аул и спустились к южной подошве по крутому горному проходу Сарчиганак.

Приложения

1. Известия из архива Правления области сибирских киргизов, в Омске, из LI тома, с. 148

1. Показание двух калмыков, вышедших в Усть-Каменогорскую крепость, Итигильту и Шонхур Баасуновых (6 мая 1760 г.): отока эгехурал, ведомства зайсанга Гепхали, жили в 1000 кибитках при урочище в горах Буурал, от русской границы месяц езды. Назад тому лет 7 напали на оток киргиз-кайсаки и разбили его; калмыки бежали в 100 кибитках и в Алтайских горах в иртышских вершинах через 2 месяца собралось до 700 кибиток, откуда пошли на прежние жилища, где прозимовали, а весной пошли на р. Илю. Здесь напали на них китайцы; 25 кибиток бежало в горы Барлук. Здесь напали на них киргиз-кайсаки; 11 человек мужчин и женщин бежали в горы Буурал и жили при речке Долонуту с год. На этом кочевье опять напали на них киргиз-кайсаки, братья Баасуновы бежали отсюда вдвоем и около тех же мест шатались года полтора, и как своих братьев-калмыков найти не могли, то и пошли в Россию. Урочище Иреньхабарга называется по горе, из коей течет множество речек, на том урочище до разорения Зенгории жили калмыки, называющиеся абагасы и хадамы; земля весьма хлебородная, ибо они до разорения хлебом почти оттоль и питались, только в летнее время на том месте весьма оводно, а особливо комаров и мошек чрезвычайное множество, так что скоту быть невозможно, для чего те жители оный скот отгоняли в горы. Ехать же к оному урочищу от Усть-Каменогорской крепости чрез нижеписанные места: 1) в летнее время переправясь чрез р. Иртыш и ехать на урочище к горе Халм, куда прибыть можно через три дня верхом; 2) оттоль ехать на озеро Норзайсан, куда придешь, по ровности места, верхом через два дня; 3) от Норзайсана ехать по берегу того озера до горы Тарбагатай — день; 4) от Тарбагатаю на р. Имиль ровное ж место — один день; 5) оттоль на небольшую р. Буурул — один день, место ровное ж; 6) а потом к горе Заир, а телегою, за гористыми местами, — невозможно; 7) от горы Заир на выпадающую из горы, Иреньхабарги речку Уланусун верхом 9 дней, а телегою, за гористыми местами, — невозможно, зимою ж

и гораздо лучше, ибо в летнее время за имеющимся в тех местах оводом проезд крайне трудный, а от той речки гора Иреньхабарга состоит день езды и место ровное, и все вышеписанные проезды объявляли скорою ездою.

2. *Показание их же об урочище Заир.* Урочище Заир называется по горе, коя и простирается на немалое расстояние, примером езды будет 10 дней, при коей до разорения Зенгории находилось зенгорских калмыков 1000 кибиток, расстоянием следуя от России мимо р. Имели. От той реки внутрь Зенгории езды 3 дня и верхним концом она гора Заир оканчивается за озером Халтарьшига, езды на 1 день к киргиз-кайсацкой степи. А как они на том урочище были и от онога на здешнюю сторону вышли, будет времени 2 месяца, но в ту их там бытность никаких людей не видали и ни от кого не слышали. Из горы же Заир никаких рек, кроме ключей, не выпадает, а ключей хотя и множественное число, только из оных ни одной речки течения не имеет, а оканчиваются не в дальнем расстоянии и более с течения не имеют. Лесу ж как на той горе, так и в близости при ней, кроме самого мелкого да и то только при тех ключах, не имеется, и на самой горе, кроме лесных яблонь, лесу никакого не имеется. А урочище Угуркузун они не знают.

3. *Показание бухаретина Байназара Шахназарова (6 мая 1760 г.).* Из того же тома. Урочище Иреньхабарга называется по горе, коя простирается в длину 10 дней езды, на которой лесу соснового, а под нею по выдающим из оной горы речкам березового и осинового довольно, на котором месте жительство имел нойон Септень, например, в 10000 кибиток, при том урочище хлеба сеяли бывшие тут калмыки довольно, и земля плодородная, где родится пшены сарочинской с удовольствием. А тракт к оному урочищу от здешней границы за способнее признавает от крепости Семипалатинской на нижеописанные урочища: 1) переправиться р. Иртыш на устье р. Царгурбане и ехать на гору, называемую Халма, расстояние будет тихою ездою 6 дней, где без нужды можно ехать и телегою; 2) от горы Халмы на р. Хабаргабазар обыкновенною тихою ездою три дня, где места хотя и гористые, только к хлебопашеству способные, которым местом, как летом, так и зимою верхом ехать способно, а с упряжкою не без труда, но, однако ж, возможно; 3) оттоль на гору Хамардабан тихою ездою два дня езды, места

чрезвычайно гористые, и с упряжкой проехать никак невозможно, а зимним временем за глубиной снегов оную гору объезжают возле ее; от Хамардабана на р. Имель, куда и придешь в один день, места ровные и к хлебопашеству весьма способные; 5) оттоль на р. Шарухулусун езды будет один день; 6) от речки Шарухулусун мимо горы Заир на озеро Халтарьшиге, куда и придешь в 4-й день; 7) оттоль на р. Боротала езды будет два дня; 8) от р. Боротала на реку Тулубулак приехать в полтора дня; 9) оттоль ехать на самое-то урочище Иренъхбаргу и придешь в 15-й день и все выписанные переезды от самого Хамардабану, места ровные и к хлебопашеству способные, только между последним от р. Тулубулак до оного урочища Иренъхбарги чрез 15 дней переезд в вешнее время за разлитием двух больших, а именно Мамас и Лугулан, да пяти маленьких речек, кои выпадают из оной горы Иренъхбарги, крайне трудный, ибо мостов и переправ не имеется.

4. *Репорт полковника Лестока из крепости св. Петра от 29 марта 1760 г. С сообщением известий об урочище Иренъхбарга по показанию тарского юртовского бухартина Реймбака Аширова.* Урочище Иренъхбарга находится от Семипалатинской крепости в 20 днях летней езды, ежели ехать ровным лошадиным шагом, а дорога от Семипалатной лежит до каменистого места Камартабан, до которого можно свободно телегою ехать, а от Камартабана между камнями ездят обыкновенно навьюча и телеги 2 дня, а потом ниже на телегах ездили до р. Имиль, сколь он помнит два ж дня, а от р. Имиль, где оставили телеги, на которых далее ехать не можно, ехали до урочища Иренъхбарга 5 дней легкою ездою верхами; токмо тому уже, как оный Амиров ехал лет 16, и тогда как оное место Иренъхбарга калмыцкая земля, то был городок и пашни пахали у живущего там зайсанга Септена бухарские полоненники; а полоненные бухарские крестьяне нашенные жили в помянутом городке, который сделан был из сушеного, а не обожженного кирпича. У речки же Эмиль имеется такой же городок с бухарскими хлебопашенными крестьянами под властью ноена Дебачи. Вышеупомянутое каменистое место Камартабан можно объехать телегами, не разбирая для вьючения оных, токмо с немалым округом. А далее до урочища Иренъхбарга есть ли дорога телегами, он Амиров не знает и сомневается, понеже и они тогда ехатчи телеги у урочища Имиль оставили и до Иренъхбарга верхами ехали.

II. Сведения о торговле в Семипалатинске в конце прошлого столетия, доставленные для составления географического описания Колыванского наместничества

В Колыванское наместническое правление из Колыванской казенной палаты.

В сообщении оное наместническое правление прописывает изъяснение коллежского секретаря Степана Кашкарова таково: что наместническому правлению хотя и донес он, что более недостатков никаких не будет иметь в составлении топографического описания, но как еще сие сокрыто; от таможенной же экспедиции 13-й параграф весьма неясно предложен, а надобно ведать, в котором году коммерция существенное начало и основание имеет с азиатскими купцами и в чем с самого начала их состояла мена, в каком прежде заложенном месте, и в течение семи лет которой почитался таможенным сбором превосходнее, и в которой год тот сбор упал, такожде какие из привозимых ими товаров самые простые и составляющие драгоценность; равно с российской стороны к ним отпускаются дорогие и какой из привозных со стороны пограничной между запретными, равно и от России запрещенные почитаются, почему наместническое правление требует без промедления времени, учиня по оному найдостовернейшую выправку, дать оному знать. По справке в таможенной экспедиции из дел и описания бывшего экономии директора Олина оказалось: существенное основание коммерция с азиатскими людьми начало возымела в таможенных Семипалатинской с 1754-го, Ямышевской — с 1731-го, в меновых дворах Усть-Каменогорска с 1765 года, Железинском — с 1767 года; мена товаров с азиатскими людьми, как то: киргизами, ташкинцами и бухарцами у российских купцов состояла в обращении таких же товаров, каковы и ныне бывают; азиатские люди променивают на учрежденных меновых дворах, состоящих за р. Иртышом, составляющим линию российским купцам, товары китайского продукта; шелковые материи, канфы, фанзы и лянзы, китайки, дабы чай разных разборов, посредственной доброты и в янбах чистое серебро, которое в прежних годах бывало в довольном количестве, а ныне весьма в малом; ташкинского продукта бязи, бумаги хлопчатой, пряденой и непряденой, саранжи,

выбойки, занавески и пшена сарочинского; киргизского продукта: лошади, всякий рогатый скот, овцы, армяки верблюжьей шерсти, армяччина, войлоки, мерлушки, овчины, всякие сырые кожи, арканы волосяные, разная мягкая рухлядь, и сверх того люди — калмыки и карыкалпаки. Российские азиатским немецкого продукта: маржаны, разных разборов сукна, бархат, верверет, бритвы, бисер и другие мелочные вещи; российского продукта: сукно солдатское, кожи юфтовые, бобры камчатские, железные, медные и чугунные вещи. Места для торговли хотя и назначены были прежде за Иртышом, окопанные рвами без всякого строения, но ныне оные опустели, на которые часто случается и воинские линейные начальники купцов не пропускают, и азиатцы, а особо ташкинцы, приезжают для торговли в самые селения, состоящие при таможах, где живут российские купцы и тут имеют свое пребывание, а некоторые из них и домами обзавелись, и живут уже около семи лет; отъезжают иногда с российскими товарами для торговли за границу и оттоль возвращаются с азиатскими товарами разных продуктов и меняются с российскими купцами. Об упадке и превосходстве торгова сказать уверительно ничего не можно, как здешние таможи не имеют никаких казенных пакгаузов или хранилищ для складки товаров, ни стражи, ни ограды, ниже потребного числа таможенных и канцелярских служителей и определенной на содержание всего того суммы, и хотя в ведомостях и показыван пошлиной доход за прежние годы постепенно как будто возвышающимся, но сие еще не ознаменует превосходства торговли за неимением всего того в должном устройстве. Составленные для здешних таможен планы и штаты отправлены на апробацию в комиссию о коммерции еще в 1786 году, но на то никакой резолюции не последовало. Привозимые азиатцами на меновые дворы товары почитаются простыми: армяки, войлоки и арканы, драгоценность составляющее — серебро; россиянами промениваются: низкоценные, медные, железные и чугунные вещи; дорогие: маржан, золото пряденое в литрах и семя канцелярское. Запрещенные товары вывозить из-за границы суть сии: шартабак, медные деньги и ассигнации, вино хлебное и водки янивер и коя из хлеба сидится, канифоль, гарпиус и скипидар, мишура плоская и пряденая красная, белая, мишурные ленты, позументы, кружева, галуны, мышьяк и прочие опасные

ядовитые материалы и соль иностранная; отпускать за границу: серебро, золото, золотые ефимки, серебряная монета, сделанная из серебра и золота всякая посуда и слитки, жеребцы, кобылы, кожи лосиные сырые, воловьи, кониньи, деланные на лосину, кониньи же сухие, оленье и сайгачьи сухие деланные, портупей кожанные гладкие телятинные на лосиное дело и лосиные простые всякие, пуш бобровые и выдровые, поташ, смолчуг и пряжа льняная. В Казенной палате определено: с прописанием справки сообщением Кольванскому наместническому правлению дать знать, при чем приложить о пошлинном сборе в каждом году порознь во всех таможнях и меновых дворах и ведомость с того самого времени, как известно о сем по делам в Палате, каковую ведомость списать с имеющейся в экспедиции. Июня 8 дня 1794 года.

Тимофей Богаевский

Выписка

из ведомости, коликое число пошлинных денег собрано в каждом году в таможнях и меновых дворах, в Кольванской губернии состоящих, с вымененным из-за границы и промененных за оную товаров, начиная сие исчисление с 1747 года, хотя же Ямышевская таможня открыта около 1731 года, однако о пошлинных доходах никакого сведения не найдено (см. табл. 1).

Таблица 1.

ГОДЫ	В таможенных				В меновых дворах				Итого во всех местах в год вступило	
	Семигалаatinской		Ямышевской		Усть-Каменогорском		Железинском			
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1747	—	—	2748	6	—	—	—	—	2748	6
1748	—	—	2298	27	—	—	—	—	2298	27
1749	—	—	3378	88	—	—	—	—	3378	88
1750	—	—	1658	90 ³ / ₄	—	—	—	—	1658	90 ³ / ₄
1751	—	—	445	58 ¹ / ₄	—	—	—	—	445	58 ¹ / ₄
1752	—	—	82	10 ³ / ₄	—	—	—	—	82	10 ³ / ₄
1753	—	—	35	47 ³ / ₄	—	—	—	—	35	47 ³ / ₄
1754	90	30 ¹ / ₄	125	56 ³ / ₄	—	—	—	—	215	85
1755	149	23 ³ / ₄	349	58 ¹ / ₄	—	—	—	—	543	82
1756	149	58 ¹ / ₂	894	57 ¹ / ₂	—	—	—	—	1044	16
1757	694	22	685	13	—	—	—	—	1379	35
1758	157	32 ¹ / ₄	433	69	—	—	—	—	591	1 ¹ / ₄
1759	221	51 ³ / ₄	504	19	—	—	—	—	752	70 ³ / ₄
1760	330	42	739	39 ¹ / ₂	—	—	—	—	1069	81 ¹ / ₂
1761	382	68 ³ / ₄	712	53 ³ / ₄	—	—	—	—	1095	22 ¹ / ₂
1762	308	47	262	97 ¹ / ₄	—	—	—	—	571	44 ¹ / ₄
1763	306	60	399	11 ³ / ₄	—	—	—	—	705	71 ³ / ₄
1764	1467	74	494	92	—	—	—	—	1965	66
1765	2715	70	496	28 ¹ / ₄	—	—	—	—	3013	98 ³ / ₄
1766	1279	48 ¹ / ₄	275	55	—	—	—	—	1555	3 ³ / ₄

Продолжение

1767	1074	17	217	81 1/2	—	—	38	80	1330	78 1/2
1768	2754	63 3/4	138	22 3/4	—	—	29	50	2922	36 1/2
1769	4003	9 3/4	79	22 3/4	—	—	20	—	4102	32 1/2
1770	1378	81	135	56 1/2	—	—	19	—	1533	37 1/2
1771	1552	71 1/2	82	31 1/2	—	—	29	50	1671	53
1772	1123	78 1/4	59	40 1/2	—	—	24	12 1/2	1207	31
1773	2603	35 1/4	32	23 1/2	—	—	35	45	2671	3 3/4
1774	2435	74	52	40 1/4	—	—	37	30	2525	44 1/4
1775	4120	45 1/4	203	57 1/2	—	—	35	50 1/2	4359	53 1/4
1776	2277	7 3/4	328	99 1/2	—	—	33	46 1/4	2639	53 1/2
1777	1753	81 1/4	169	40	—	—	25	51 1/4	1948	78 1/2
1778	1427	67	134	29 1/4	во всех 4 годах 107		41	61 1/4	1603	57 1/2
1779	3340	51 1/4	77	37 1/2			21	36 1/4	3546	44 1/2
1780	2670	66 3/4	110	18 1/4	16 1/4	—	44	8 1/4	2824	93 1/4
1781	283	61	153	35 3/4	124	61 3/4	45	90 1/2	1016	47 1/2
1782	690	79 3/4	231	59 1/2	72	76 1/2	21	32 1/4	1598	45 3/4
1783	1150	74	157	60	249	93 1/2	40	18 1/4	6203	74 1/4
1784	4384	94	105	21	1696	15 1/2	17	43 3/4	6728	74 1/4
1785	10516	18 1/4	567	25 1/2	1801	33 3/4	162	69 3/4	13047	46 3/4
1786	6702	25 1/4	382	79 3/4	1011	15 1/4	41	24 1/2	8137	44 3/4
1787	8448	46 3/4	459	63 1/4	812	40 3/4	40	27 1/4	9760	48
1788	7176	33	326	44 1/2	1016	4	19	61 1/2	8538	43
1789	3922	99 1/2	302	38	1024	33 3/4	24	28 3/4	5273	99 1/2
1790	11380	31 1/2	575	47 1/4	1185	23 1/4	120	97 3/4	13261	96 3/4
1791	8390	74 3/4	599	50 1/2	3538	50 3/4	98	88 3/4	12627	64 3/4
1792	5669	22	1697	59 1/4	1152	6 1/2	149	91 1/4	8661	79
1793	11078	66 1/4	301	31 3/4	1175	88	161	74	12717	60

III. Собираем произведения устной поэзии киргизов мы не занимались; здесь, однако же, помещаем несколько образцов, которые успели записать

Загадки

Узю джок, кулюнкусе ток. — Самого нет, а тень есть (колодец).

Уш нарсе кичкенеден улькон булады. — Три вещи из самого малого делаются большими (огонь, смерть, ссора).

Сэгиз нарсе тоймайды: кокрек акылга, конуль ойга, ер малга, катын иргэ, от отунча, джер адамга, курега кузь, тыль сузга. — Восемь вещей ненасытимы (сердце умом, рассудок мыслью, хозяин богатством, женщина наслаждением, огонь дровами, земля трупами, глаза созерцанием, язык беседой).

Тёрт нарсэге токтау джок. — Четыре вещи не остановит (старость, смерть, голод, сон).

Таста тамыр джок. — У камня друга нет.

Бака да баур джок. — У лягушки легкого нет.

Кус та сют джок. — У птицы молока нет.

Джилкы да уть джок. — У лошади желчи нет.

Детская песенка о просе секемень

(записана от муруна)

Секемень тары пыскан джок. — Секемень просо не созрело.

Казактары таудан тюскэн джок. — Киргизы с гор не спустились.

Козулары шикен джок. — Ягнята не выросли.

Секемень тары пыскан да. — Секемень просо созрело.

Казак таудан тюскен да. — Киргизы с гор спустились.

Баладары тойган да. — Ребята наелись.

Улькон дары уру койган да. — Большие воровство оставили.

Пословица о просе секемень

Секемень тары кеме джок. — Секемень просу нет ступы.

Алаканча окалайды. — На руке можно растереть.

Тэнтэк ксыгэ иль джок. — Безумному человеку не найти рода, племени (т. е. приюта).

Вариант песни о просе секемень

(записан у тогасы)

Таудан тогас тюскен джок. — С гор тогасы не спустились.

Секемень тары пискэн джок. — Секемень просо не созрело.

Тогас тюстэ этеккэ. — Тогасы спускаются.

Кой джуреды джетеккэ. — Бараны идут в поводу.

Джилама, балам, джилама! — Не плачь, дитя мое, не плачь!

Из космических легенд мы слышали у киргизов о сотворении первого человека, лошака и пшеницы, о сотворении коровьей печени, о пчеле и пиявке, о куланах, кабанах и других диких животных, о ссоре саксаула с сосной.

Саксаул и Сосна прежде были одного роста и родственники; Таволга стала сватать Саксаул за кустарник Баяльш. Саксаул испугался и желал спрятаться, бежал на равнину в пески и присел, оттого у него теперь кривой ствол. Сосна поднялась на горы и на цыпочки, чтобы увидеть, где скрылся Саксаул; оттого сосна стала высоким деревом. Баяльш озлился и сделался колючим, а виновница всего этого происшествия сваха-таволга покраснела от стыда, оттого у ней теперь красная кора.

Вкратце эта история изложена в следующих стихах:

Карагай саксаул куда булган,

Буйляй, буйляй, карагай узун булган,

Илчелик кэ тобулгэ джуремен дэб

Битер алмай иолганын кызыл булган.

Итыгиль (сказка)

У одного богатого киргиза было девять сыновей и скота несметное число. Эти девять сыновей стали проситься за скотом в отгон, что и позволил им отец. Оставшись один с женой и с необходимым числом скота, богатый человек осиротел и обеднел; скот вывалился, волость его откочевала, и он остался один среди степи; в это время один джилоучи (путешественник) заехал к ним и попросил поесть; отыскивали старый заиндевший кусок мяса за решеткой и сварили; проводив гостя, жена обедневшего богача стала беременною от этой тощей закуски и родила Итыгиля. Выросши, Итыгиль вздумал искать своих девять братьев и отправился в степь;

дошел он до своих братьев и нашел их сидящими в юрте, у которой было привязано девять жеребцов сивой масти; в другой раз он застал их в юрте, окруженной девятью карими жеребцами. Заметив его неотвязчивость, братья захотели узнать его намерения. Итыгиль объявил им свое происхождение и прибавил: отец мой беден, кочует одиноко, гоните скот на то урочище, где я его оставил, но братья отказались гнать, потому что скота было невероятное множество, да и согнать его было невозможно. Итыгиль выбрал коня, сел на него и поехал впереди — за ним весь скот добровольно пошел один за другим. Благополучно прибыв в ту долину, где стояла одинокая юрта его отца, девять сыновей потребовали себе жен. Отец их поехал искать, руководствуясь данным ему от сыновей условием: найти всех десять невест в одной семье. Два раза возвращался он без успеха и в третий ехал домой без ничего, как увидел на холме белую юрту, из верхнего отверстия которой высунулось несколько девичьих голов, певших песню. Пересчитав головы, он из веселого расположения перешел в мрачное, потому что до условного числа еще доставало одной — их было только девять. В дверях сидела мать и спросила его, отчего он, проезжая мимо ее юрты, сначала обрадовался, а потом заплакал. Старик объяснил причину своей внезапной перемены. Тогда старуха сказала, что у нее дочерей столько же, сколько у него сыновей, и что брак совершить нет никаких препятствий. К тому времени подъехал отец этих девиц; он потребовал калым только за одну младшую дочь, которую они не выпускали на свет и звали Канджикей. За эту красавицу он потребовал такое количество лошадей, которыми можно было бы наполнить четыре долины, и притом каждую особой масти. Старик возвратился домой и рассказал своим сыновьям с ужасом о том калыме, который с него запросили. Но Итыгиль вышел на берег озера, и по его зову из озера начали выходить табуны, давя друг друга, и в непродолжительное время наполнили четыре назначенные долины. Заплатив калым, старик поехал с верблюдами за невестами и их приданым. Канджикей потребовала себе одну лошадь джалкуйрук и верблюдицу, которая могла на себе нести клад за сорок верблюдов. Желание ее было исполнено. Провожая невесту последнего своего сына, т. е. Кан-

джикей, старик остановился ночевать на озере; мать наказывала дочери не вставать у озера, которое попадет на пути, или пройти или не дойти. Но старик не послушался увещаний Канджикей, которые она ему стала было делать. Утром старик увидел верблюдицу заведенною в самую середину озера и пошел ее доставать, но шайтан схватил его за бороду. Шайтан принудил старика пожертвовать за свою свободу трехлетней свободой сына Итыгиля. Когда отец привез Канджикей к себе в аул, сделали той (пир), и девять его сыновей разобрали своих невест. Один Итыгиль не шел на пир, двое товарищей поехали уговорить его разделить праздник. Итыгиль и Канджикей оба знали о поступке отца. Канджикей отдала Итыгилю джалкуйрука и сказала: если конь этот умрет, то и ты умрешь, если нет, то и ты воротишься; поезжай возвращать себе свободу; вот тебе филиново перышко, которое нужно зажечь, чтобы освободиться от чар шайтана. Итыгиль выехал к озеру; шайтан выскочил к нему, схватил за повод и возложил на него обязанность высватать за него дочь Тохтамыс хана. Итыгиль поехал. На дороге он встретил человека, который вертелся на одной ноге, и стал проситься с ним. “А к чему ты горазд?” — спросил Итыгиль. — “Я горазд бегать в байгу (бег)”, — отвечал вертевшийся человек. Другой встреченный человек хвастался, что много может выпить вина, третий — что много съест мяса, четвертый — в бане сидеть. Наконец Итыгиль достигает кочевья Тохтамыс хана и делает предложение шайтана. Тохтамыс хан первоначально делает пир, который открывается бегом людей; хан предлагает Итыгилю состязаться, но тот посылает человека, которого первым встретил на дороге. Сам шайтан участвовал на празднике и старался воспрепятствовать успехам Итыгиля, но последний торжествовал, и тогда, когда Тохтамыс выставил чаны с вином, жареных быков и баню, жарко натопленную. Наконец была предложена байга: Итыгиль пускает джалкуйрука; джалкуйрюк сказал ему: sweй по три аркана вместе и протяни в три ряда поперек того пути, по которому я буду пробегать, чтоб мне не пробежать и не убиться. Но Итыгиль забыл свить и только натянул в два ряда; джалкуйрюк рассек их, упал и расшибся; тут заплакал Итыгиль, вспомнив предсказание своей невесты. Джалкуйрюк, однако же, ожил, примолвив, что он воскрес не для него, а для Канджикей. Одержав по-

беду во всем, Итыгиль взял дочь Тохтамыса и повез ее туда, откуда приехал. Дорогой он услышал стоны под камнем. Дочь Тохтамыса не советовала внимать им. Итыгиль не послушался, отворотил камень и выпустил оттуда человека, который поблагодарил его. Но это был шайтан. Когда путешественники расположились на ночлег, шайтан подкрался к юрте, срезал джалкуйрюка, сел на него верхом и, схватив вышедшего из юрты Итыгиля, бросил под камень. Тут пригодилось ему перышко; он очутился в пропасти, но крылатый змей вынес его на себе оттуда. Вышедши на то место, где осталась дочь Тохтамыса, Итыгиль спрятался в камыш у речки возле дорожки. Служанка, проходя мимо, воскликнула: “Еще как-то жив ты, Итыгиль!”. Итыгиль спросил о жизни Тохтамысовой дочери. Оказалось, что шайтан каждый день посещал ее на джалкуйрюке и так его выморил, что оставил на нем одну кожу да кости; потому что никогда не пускал его на корм; Тохтамысова дочь принесла уже от шайтана ребенка. Итыгиль велел выпросить у шайтана позволение заколоть быка, употребив для этого хитрость, заставив кричать ребенка. Шайтан спросил, отчего кричит ребенок. Ему отвечали, что хочет быка. Разве мало скота у нас, сказал шайтан. Таким образом, было зарезано три быка. Сам Итыгиль был спрятан в это время в другой юрте, по ночам выходил и съедал быков. Так он три дня набирал силы, на четвертый срезал джалкуйрюка, закричал, связал шайтана и бросил под камень, а сам с дочерью Тохтамыса покочевал домой. Канджикей, отправляя Итыгиля в дорогу, сделала завет, что если он умрет, то в тот день ее верблюдица принесет верблюдицу, а если приедет, то тогда родит верблюжонка. Через три года никогда ни носившая детей верблюдица родила, и чапканчи прибежал в аул известить свою госпожу об этом событии. Канджикей, несмотря на ночную пору, сама побежала узнать, кого родила верблюдица. Дорогой ей встретился Итыгиль, но она не узнала его. Итыгиль остановил ее и стал расспрашивать: неужели у вас нет людей послать узнать о том, кого родила верблюдица. Но Канджикей, объяснив всю важность этого события, спешила пешком далее: оказалось, что родился верблюжонок. Канджикей спешит обратно в аул, но ее уже встречают раньше и извещают о прибытии Итыгиля с двумя юртами и дочерью Тохтамыса. И так Итыгиль стал кочевать своим

аулом из трех юрт с двумя женами. Песнями киргизы очень богаты. Мотивы у киргизов существуют отдельно от песен; все киргизские песни можно спеть на один мотив, и, наоборот, любую песню можно спеть на все мотивы. Поэтому если просят что-нибудь спеть, то указывают и мотив, который желают услышать. Мотивы носят название по какому-нибудь признаку; так, например, один мотив называется джакут; это название сокращено от собственного имени Джанибек; так звали киргиза Кокбектинского округа, в которого влюбилась одна поэтесса, бежала с ним и сложила об этом песню с мотивом; этот последний и известен под именем Джакут. Есть также мотив: тряси мешки, который был составлен для песни, описывавшей какой-то отдаленный поход Аблая, в котором киргизы голодали и вытрясли все припасы из своих мешков.

IV. Киргизские названия растений

Aeluropus litoralis, Parlat. — тюэгарын.

Aira elegans, Willd. — казоту — гусиный корм. Джангубек³² Суан.

Astragalus Sieversianus, Pall. — тюлькютасак — лисьи половые яйца. Тума и Дж. Суан.

Anabasis aphylla, L. — карабарак.

Amygdalus nana, L. — кушгюнь. Т.

Allium Stellerianum, Willd. ? — койджуа. Любимый зимний корм овец в Восточном Тарбагатае.

Asparagus — кумсакыз — песочная сера.

Alchemilla vulgaris, L. — тэнгэджапрак — широкий лист. Главный корм верблюдов и овец на альпах.

Berberis heteropoda, Schrenk. — баургурт. Дж. С.

Berberis sibirica. Тума давали нам название бергень; но, кажется, они смешивали его с крыжовником.

Calophaca vulgarica, Fisch. — майкараган — жирный караган. Дж. С.

Chelidonium majus, L. — канчуб — кровяная трава.

Cirsium acaule, All. — тюэтабан — верблюжий след. М.

---

³² Сокращения названий киргизских волостей: Дж. С. — Джангубек Суан, кочуют по Аягузу в Сергиопольском округе, Т. — Тума, М. — Мурун, Торт. — Тортогул, кочуют в Южном Алтае, на Сартау, Б. — Байджигит.

Daphne altaica, Pall. — уусойкы — яд сойкы. Т. и Дж. С. Кора и древесина — очень популярное у киргизов лекарство от зубной боли; небольшой кусочек коры или древесины кладется на больной зуб.

Dactylis glomerata, L. — бидаик. Дж. С.

Echenais Sieversii Fisch. et Mey. (*Cnicus spinosissimus*). — тюэтабан — верблюжий след. М. Сиверс говорит, что это растение вкусом походит на артишок. Верблюды его очень любят. Впрочем, тюэтабаном также называется *Cirsium acaule*, которому это название по наружности и приличнее.

Echinopsilon — изэн. Дж. С. Корм, уважаемый всеми родами скота.

Eutrotia ceratoides, C. A. Mey. — тэрэскень.

Elyngium — истыкджапрак — горячий лист. Дж. С.

Elymus всяк. вид. — бидаик, тарлау. Дж. С. и М.

Euphorbia — сютьтюгун — точащая молоко.

Eremostachys phlomoides, Bung. — чубурчук. Дж. С. и М. Употребляется киргизами от зубной боли; для этого курят его клубни в трубке и дым задерживают во рту.

Equisetum — крыкбуун — сорок узлов. Дж. С. Едят его только лошади, но ни коровы, ни овцы не едят.

Elythronium Dens canis, L. — кандык, М. Бэк. Торт. Тортогулы считают его вредным для коров; если они едят его во время неурожая трав, то у них пухнет вымя и коровы умирают. Киргизы едят это растение. Урянхайцы, кочующие в Алтае за Канасом, делают из него кашу.

Festuca ovina, L. — битэгэ. Лучший корм для лошадей.

Fritillaria — сатэкэ. Дж. С. Дикие гуси любят ее луковицы.

Fragaria vesca, L. — бульдергень. М.

Glycyrrhiza — мия.

Humulus Lupulus, L. — чирмаук, кулмак. *Hulthemia berberifolia*, Dumort. — темир тэкэн — железная колючка. Дж. С. Навар этого растения киргизы пьют от боли живота.

Hedysarum — карыгыз — старая дева. Дж. С. Называется так за прицепки на плодах, посредством которых они крепко пристаю к платью, и отделаться от них так же трудно, как отцу от старой дочери.

Hordeum pratense, L. — мысыкгюйрук. Б. Один киргиз рассказывал случай, как один лекарь из байджегитов вылечил этим растением воспаление слизистой оболочки в половом стволе.

Hyoscyamus niger, L. — меньдуана. *Jnula Helenium*, L. — караидыс. *Kochia prostrata*, Schrad. — караматау. *Lamium album*, L. — аксергешь. Киргизские дети высасывают из венчиков медовый сок. *Laratera thuringiaca*, L. — узункурай. Т. *Lilium Martagon*, L. — сарала. Т. Луковицы этого растения кладут в овечий сыр для приправы. *Linum perenne*, L. — байчичек, Т. *Lonicera tatarica*, L. — ушкат.

Myricaria alopecuroides, Schrenk. — балгын. М. и Б. Дерево его считается одним из крепких.

Nitraria Schoberi, L. — актэкэнь. Дж. С., сарыбарак. М. *Potentilla L.* — маджряджусан. Дж. С.

Polygonum Laxmanni, Lep. — саумалдык; саумал — парное молоко. М. Киргизы жуют стволы ради кислого сока, находя в нем сходство с кумысом.

Polygonum L. — тамырдары — дорогое лекарство. М. Растение это встречается на северном берегу озера Зайсан. Киргизы приписывают ему одинаковое действие с сассапарелью, которую называют также тамырдары.

Raeonia intermedia, С.-Д. Меу. — чаучумулдык. М. Корень этого растения употребляется киргизами во время голода; из него с молоком приготавливали кашу. Лет 20 тому назад был голод, во время которого многие киргизы прибегали к этому суррогату. В половине прошлого столетия, после завоевания и разорения Джунгарии китайцами, корень *Raeonia* вместе с сараной служил пищей урянхайцев, кочевавших в то время в Южном Алтае.

Rapaver alpinum, L. — тэкэнэк. Т. *Pterococcus aphyllus*, Pall. — джусгунь. М. Ветви его употребляются на мурундуки, продаваемые в ноздри верблюдов. *Rheum* — раваш. М.

Rumex Acetosa, L. — кумыздык кумыз — кислое кобылье молоко. *Ribes aciculare*, Smith. — точала, Т. *Ribes Diacantha*, Pall. — чирганак. М.

Stipa capillata et pennata, L. — садаккудэ. М. сиирчуб — коровья трава; киргизы, кочующие близ Семипалатинска. Ось (*arista*), назыв. слеу. Она вонзается в щеки лошади и в десны. Однажды убили волка, у которого кожа была в загноившихся занозах — слеу.

Поэтому растение слеу считается дурным. Есть киргизская пословица, записанная доктором Большим на Сырдарье и известная в долине Зайсана: “Джеман иль Тлеу, джеман чуб слеу” — волость Тлеу худая-худая трава слеу.

Sedum rupeum, Link. — кокомарал. Т. Киргизы пьют эту траву от грудных болезней. *Sempervivum* — каскыр джемыс — волчья еда, Дж. С. Козугуйрук — ягнячий хвост. Т.

Trigonella striata, L. — джунгурчка. Т. Этим же именем называются разные виды вики.

Trollius altaicus, С. А. Меу. — кызылбас — красная голова. Т. *Urtica cannabina*, L. — кышмакурай — зудный стебель. М. *Vaccaria, vulgaris*, Host. — кэкрэ. Употребляется от зубной боли; сушеную траву кладут на зуб. Лошади, наедаясь этой травы, пропадают.

Vicia разных видов — джунурчка. Т.

Verbascum Soongoricum, Schrenk et Thapsus, L. — кулангуйрук — хвост кулана. Дж. С.; кулангурай, куланий стебель; ходжагурай. — Дж. С., М. и Т. *Veratrum album*, L. — уукоргасын. М.

Культурные растения

Рожь — кара бидай, муруны на Зайсане. Каранайза в Семиречинском крае. Карасюля на Сырдарье (доктор Большой). Арыш — киргизы Кокчетавского округа. Арыш — у томских татар туземного происхождения.

Пшеница — бидай. Породы ее, засеваемые в Зайсанской котловине: кызыл-б., ак-б., аккуть, тэкэнэк, шан.

Ячмень — арпа. Одна из его пород называется джаланаш-а. — голый ячмень. Просо — тары. Породы его: кызыл-т., кара-т., кула-т. и секемень-т.

Горох — бурчак. Породы его: буурул-б., кок-б., ак-б. и джасышык (мелкий горох).

Лен — загыр.

Лучшим кормом киргизы считают: для лошади — битэгэ (*Festuca ovina*), кудэ (*Stipa pennata*), кренкей, иркэк; для овец — изэн (*Echinopsilon*), сасыр, джуусан, болдырган и джапрак (*Alchemilla*

vulgaris); для верблюдов — джапрак (Alch. vulgaris), кокпек — джамангулак.

Поднимаясь на Алет, верблюды, шедшие под вьюками, предпочтительно протягивали головы к стеблям *Lavatera*, *Salvia* и *Leonurus* и обшмыгивали их, проводя губами по стеблю снизу вверх. *Stachys*, *Triglochin* и другие растения, растущие на солонцах, также поедаются ими с любовью. Лошади, напротив, выбирали *Vicia* и другие бобовые.

Записки ИРГО. СПб., 1867. Т. 1. С. 463—529.

О рукописи капитана Андреева о Средней киргизской орде, писанной в 1785 году³³

Означенная рукопись сообщена в Географическое общество из Археографической комиссии в 1874 году. Она составляет тетрадь в 4-ку, в 82 листа; писана большею частью одним почерком, но с поправками и дополнениями других рук. На 1-м листе находится следующее заглавие: “Киргиз-кайсаk или степной человек, заблудший хазак”, затем приписка другою рукою: “в Семипалатинск 1785 года”, и, наконец, третьим почерком: “Ивана Ярцова”. На 2-м листе другое заглавие, более подробное: “Описание Средней орды киргиз-кайсаков с принадлежащими и касающимися до сего народа дополнениями, прилежащего к российской границе, Сибирской линии по части Колыванской и Тобольской губерний к крепостям, собранное 1785 года капитаном Андреевым”. На листах 3-м и 4-м помещено оглавление, а затем следует текст.

Рукопись “Описание Средней орды киргиз-кайсаков” есть сочинение того же капитана Андреева, который написал “Домовую летопись”, напечатанную в “Чтениях Общества истории и древностей российских”. В этой “Домовой летописи” Андреев уже упоминает о своем сочинении: “Описание Средней орды”, только называет ее иначе, именно “Гисторией о киргиз-кайсаках”. Рукопись была составлена Андреевым в 1785 году по поручению сибирского губернатора Якоби, для чего Андрееву была дана возможность проехать от Усть-Каменогорской крепости до Пресногорьской; автор жил в некоторых местах по 10 дней и расспрашивал знающих людей и киргизских старшин. В степи автор был только раз, именно в горах Чингистау, но с образом киргизской жизни он был хорошо знаком и имел, вероятно, приятелей между знатными киргизами.

---

³³ Читано на заседании Отдела этнографии 17 января 1875 года.

Рукопись его состоит из 12 глав. В 1-й главе говорится о происхождении киргизского народа по сведениям, вычитанным из книг, во 2-й — о пределах, в которых кочуют киргизы, в 3-й — о ди-кокаменных киргизах, в 4-й — о кураминцах, 5-я глава посвящена описанию нравов и обычаев киргизов, затем остальные семь глав посвящены описанию киргизских волостей с указанием места кочевок, имен их старейшин, числа кибиток, скота и пр.

Сведения, заключающиеся в последних главах, дают возможность сравнить современное Андрееву распределение киргизских волостей с нынешним. В настоящее время самые восточные волости киргизского народа кочуют в вершинах Черного Иртыша. У Андреева самые восточные волости — Череучинская и Карасак-Кирейская — показаны на правом берегу Иртыша, первая — ниже, вторая — выше устья р. Нарым; по новейшим сведениям, собранным г-ном Сосновским в 1872 году, каракасы имеют зимовки на правом берегу Крана, в вершинах Черного Иртыша, а череучи — в истоках Крана, Кемерчика и Курту. Таким образом, выходит, что в 90 последних лет киргизы раздвинули свои пределы на 300 верст к востоку. В половине прошлого столетия их передовые на востоке поколения были еще западнее; именно те же киреи, которые теперь кочуют по Крану и Кемерчику, в 1750-х годах кочевали по р. Чаргурбан, впадающей с юга в Иртыш несколько верст выше Семипалатинска. Это был восточный край киргизских кочевьев. В это время ни один киргизский род не показывался со своими стадами в Зайсанской равнине; ее занимали калмыки, и где ныне русский город Кокбекты, а также на р. Аягуз, стояли калмыцкие пикеты, следившие, чтобы киргизы не ездили в Джунгарию на барамту. Такие названия урочищ по р. Чаргурбан, как Баш, Урта и Аяккараул, то есть верхний, средний и нижний караул, показывают, что и здесь были калмыцкие пикеты и кочевья киргизов находились некогда еще западнее. Эти же названия — Баш-, Урта- и Аяккараул находятся и еще западнее, на р. Баканас, к западу от города Сергиополя. У Андреева не упоминается ни одной волости, которая кочевала бы на правом берегу Иртыша около Семипалатинской и Ямышевской крепостей; на зиму перегоняли туда только один киргизский скот с табунщиками; в настоящее время здесь ко-чует столько волостей, что из них составлен особый уезд. Вообще

русское господство на Иртыше послужило в пользу киргизскому народу; он умножился и расселился. По мере того как русская военная линия развивалась к востоку, калмыки отступали перед нею, а оставленные ими места тотчас же занимали киргизы. У Андреева есть и еще известия, которые не согласуются с нынешними. Так, он говорит о 90 кибитках баганалинцев, кочевавших около Омска, тогда как теперь, по сведениям г-на Красовского ("Материалы для географии и статистики России, область сибирских киргизов"), эта волость севернее р. Ишим не встречается. Кочевья Басентинской волости, по Андрееву, углублялись в степь от Иртыша на 200 верст; по г-ну Красовскому, они не отходят далее 50 верст от Иртыша. В то время как киргизский народ, начавший размножаться вследствие мирной жизни, на востоке расширял свои кочевья, на севере принужден был сокращать их. В северных волостях, у атагаев, алтаев и басентинов, расстояния между летовками и зимовками бывают по 50 и даже 20 верст; на юге же, около Балхаша, эти расстояния бывают по 200 верст.

Кроме географического распределения киргизских волостей, которых Андреев приводит около 60 названий, у него есть много исторических заметок, например, о том, в котором году вступили некоторые волости в русское подданство, также родословная киргизских ханов по киргизским преданиям, список всех султанов в ближайших к русской границе волостях, сведения о постройке на казенный счет деревянных домов на зимовках для знатнейших старейшин, чтобы приохотить их к России, об издержках на их угощение, на что ежегодно расходовалось по всей линии 1000 руб., и пр. Есть сведения о набегах киргизов на соседние страны, показывающие, что набеги эти отдаленны. Так, например, Туксултан, один из сыновей Аблай хана, делал набег на дикокаменных киргизов. Южные волости, по-видимому, находились в постоянной барамте с дикокаменными; им доставалось расплачиваться за барамты, которые делались из центральной степи. По рекам Каракол и Аягуз, то есть около нынешнего Сергиополя, кочевала, по рассказам Андреева, волость чаншклы; в 1785 году, после 18-летнего пребывания на этих кочевьях, чаншклы бросаются на север, в хребет Чингистау, и вытесняют оттуда найманов, которые кочевали тут 40 лет, а теперь принуждены были откочевать севернее, на

р. Чаргурбан; чаншклинцы говорили, что они потому сжили найманов с их кочевьев, что последние не помогли им в войне против дикокаменных. Этот случай показывает, во-первых, как далеко на север прежде ходили в набег дикокаменные киргизы; во-вторых, как была подвижна степь в прошлом столетии. Особенно случаи подобных вытеснений одних волостей другими, пограничными, бывали часты, когда в соседних странах начиналась война. Во время завоевания Джунгарии китайцами в половине прошлого столетия каракиреи, кочевавшие со своим родоначальником Ходжебергенем на р. Чаргурбан около Семипалатинска, очутились около Кокчетау. По прошествии беспокойного времени волости снова занимали свои места. У Андреева упоминается 40 кибиток учаклыгусюнцев в вершинах р. Аблакетки, около Усть-Каменогорска: "Отшельцы от своей волости, которая кочует около города Туркустанта", — поясняет Андреев. Это, вероятно, также были эмигранты, которые спасались от барамты и, вероятно, снова исчезли из Кокбектинского округа.

Что касается главы об обрядах и правах киргизов, то и она, по отзыву знатока киргизского языка и степных обычаев А. А. Ибрагимова, читавшего рукопись, оказывается не бессодержательной при изучении изменений, совершившихся в образе жизни кочевников под русским влиянием. Так, например, несмотря на то, что г-н Ибрагимов не только долго жил в степи, но и изучал предания и обычаи киргизов, для него были новостью следующие обычаи из Андреева: 1) в случае убийства жены не только возвращение калыма от мужа, но и разделение остального его скота между родовичами тестя; 2) смертная казнь за смертоубийство; 3) преклонение колена перед султаном; 4) протягивание через кибитку шнура, за который должна держаться родильница; 5) издирание платья жениха за лишение невинности невесты прежде брачного обряда; 6) жестокая расправа жениха в случае, если у невесты окажется другой любовник, — закалывание скота, принадлежащего ее отцу, распарывание животов у скота и безнаказанность убийства самой невесты; 7) раздергивание лошадей тела убийцы; 8) подвешивание покойников на лесину на время зимы; 9) подрезывание хвоста любимой лошади покойника по окончании траурного срока; 10) употребление белых шапок, подбитых черно-бурою лисицей, которыми будто бы отличались султаны от простых киргизов,

а также шелковых кистей в косах женщин (как теперь носят сар-тянки, но не киргизки); 11) обряд огнепоклонства, состоящий в сжигании костей и поставленных перед ними фитилей, намоченных в сала, хотя в другой форме следы огнепоклонства и доселе сохранились в степи (в виде подливания сала в огонь во время свадебного обряда).

Ввиду этих замечаний желательно, чтобы рукопись Андреева как первый этнографический труд о киргизах, могущий служить для сравнения прежнего состояния степи с современным, была напечатана в “Записках Общества по Отделению этнографии”.

*Географические известия. СПб., 1875. Т. XI.
Вып. 2. С. 107–110.*

Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 годах по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником оною Г. Н. Потаниным

I. Племена и поколения, населяющие Северо-Западную Монголию

Население Северо-Западной Монголии по племенному своему составу делится на три группы: монгольскую, тюркскую и китайскую.

Монголы образуют главную массу населения. Это племя разделяется на халха и западных монголов; у последних можно принять разделение на торгоутов и олютов. Халха занимают восточную часть страны; на юге пределом их распространения служит пустынная Гоби. Торгоуты кочуют в западной части страны, образуя две группы — алтайскую и тарбагатайскую, разделенные степною долиною Черного Иртыша. К олютам я причисляю дюрбютов, кобдинских урянхайцев, жителей хошуна Цзахачин. Они занимают земли между торгоутами и халха; главным образом земли их лежат на северном склоне Алтая, но к югу от Кобдо они переходят и на южный склон (в хошуне Цзахачин), где простираются до Гоби; на северном склоне они простираются от гребня хребта до берегов озер Убса, Киргизнор и Хараусу. Небольшое племя хотогойту, говорящее по-монгольски, занимает вершины Тэса и некоторые притоки Селенги.

К тюркскому племени принадлежат: киргизы, занимающие южный склон Алтая к степной долине Черного Иртыша, урян-

хайцы, говорящие по-турецки и занимающие главным образом котловину между Саянами и Тангнуолой, сарты, населяющие деревни при подошве Тянь-Шаня, и небольшая колония котов близ Киргизнора.

Китайцы населяют в крае только города Кобдо и Уляссутай, а также при подошве Тянь-Шаня — Баркуль и Хами.

Тюркское племя

1. *Киргизы.* Киргизы занимают степную долину Черного Иртыша, северный скат хребтов Тарбагатай и Саура и южный скат Алтая; некоторая часть киргизов переходит на северный склон и кочует по притокам р. Кобдо. Переход на северный склон Алтая, по рассказам киргизов, они совершили не более как за шесть-семь лет до нашего приезда в город Кобдо. Здесь кочуют значительные люди из киргизов — бий Кобеш и султаны Самаркан и Коджемджар с подчиненными им родами; первые два круглый год проводят на кобдинской стороне Алтая, а Коджемджар лето проводит на южном склоне Алтая, в вершинах р. Сумдайрык, а на зимовку спускается на Саксай, приток р. Кобдо. Так как земли эти считаются урянхайскими, то киргизы платят урянхайцам аренду, которую присваивают себе урянхайские чиновники.

Вверх по р. Булгун киргизы кочуют до урочища Чақыртай, где дорога из Булунтохоя в Гучен оставляет долину р. Урунгу и идет прямо в Гоби. Здешние киргизы имеют летовки на альпийских полях Алтая, а зимовки — подле Черного Иртыша и по Урунгу. В вершинах Балаиртыша и в горах Чаганчиль имеют летовки киргизы рода чакабайджантыкэй; еще восточнее, на горах Табынбэльчир, в вершинах р. Курумту, тоже летовки киргизов, поднимающихся сюда из долины Балаиртыша: это, кажется, самые восточные ныне летовки киргизов. Зимовки рода каракас с их бием Тлеулы находятся на реках Субту и Курту, а скот этого рода доходит зимой до р. Урунгу; род мулку с своим бием Байбосуном зимует на самой р. Урунгу. Южный склон Алтая киргизы занимают чересполосно с настоящими его владельцами урянхайцами; последних, однако, меньше, чем киргизов.

Киргизы, обитающие в степной долине Черного Иртыша, принадлежат к роду абаккирей³⁴ и каракирей³⁵; первые занимают восточную часть Иртышско-Зайсанской впадины, вторые — западную. Абаккирей говорят, что они называются, кроме того, еще ашемайликирей³⁶, не объясняя, по какой причине, и что они делятся на 12 колен, которые все происходят от одного корня; древнейший отец всего кирейского народа был Сарыюсун³⁷, сын его

³⁴ Первый член имени абак-кирей был нами сближаем с татарским выражением аб-ак — белёхонек. Вероятнее, однако, что этот член, как и имя второго Юсупова сына, Абака, находится в связи с монгольским убук — медведь или убугун — дед, если только такой переход филологически может быть допущен. Почитание медведя предком возможно, по нашему мнению, вследствие слияния представления об этом звере с представлениями о громовнике. У кузнецких татар есть поколение аба (ср. аба — медведь у алтайцев).

³⁵ Рашид-эддин рассказывает, что племя кератит свое имя получило потому, что происходит от 9 черноватых братьев; следовательно, он производит это имя от тюрко-монгольского кара или хара — черный; г-н Березин в своих примечаниях к Рашид-эддину, не соглашаясь с этим производством, предлагает для имени кератит другое — от слова “керен” — общий (История Монг. Рашид-эддина. Пер. Березина. Введение. С. 95 и 258). В другом же месте имя Кирей (так назывался один бек из племени чаган-татар) г-н Березин производит от монгольского слова “кэриэ” — ворона (Ib., с.242); в Северо-Западной Монголии это слово произносится кирэ, следовательно, еще ближе к имени Кирей. Однако в народных легендах Средней Азии нет ничего, что подкрепляло бы такие производства; напротив, киргизы-кирей производят себя от Карабия, который своим именем напоминает объяснение Рашид-эддина. В имени Абак можно видеть киргизское аб-ак — очень белый, в противоположность другому племени каракирей — черные кирей; не следует, однако, упускать из виду, что в Средней Азии есть поколения, называющиеся аба, род кузнецких татар (аба по-алтайски — медведь).

³⁶ Ашемай — коровье седло; ашемайли — прилагательное от коровьего седла; имя как будто намекает на существующее сказание, что киргизы прежде не имели лошадей и ездили на коровах. Есть, однако, род ачмайли между узбеками (Путеш. по Средн. Азии. Арм. Вамбери); Ачмайлы — одно из 5 колен, населяющих владение Шехрисябз в Туркестане (Ежегодн. Турк. края. Вып. II. С. 85) и ача-майлы — род у киргизов Семиречинской области, кочующий около Алтын-имеля (Ежегодн. Турк. края. Вып. I. С. 161).

³⁷ Вся Большая орда киргизского народа называет себя юсун; по киргизскому преданию, Малая орда происходит от Альчина, Средняя — от Аргына и Большая — от Юсуна, которые были братья. Чокан Валиханов в одной

Карабий, сын Карабия — Абак, сын Абака — Кирей; у последнего же было 12 сыновей, от которых и происходят колена киреев. Имена этих двенадцати колен следующие: 1) Джантыкэй, 2) Джадык, 3) Чиреучи, 4) Ители, 5) Каракас, 6) Мулку, 7) Чубарайгыр, 8) Мэркит, 9) Итэнгмян, 10) Джастабан, 11) Сарбас 12) Чиймоин.

О четырех первых коленах — Джантыкэй, Джадык, Чиреучи и Ители — говорят, что у них был общий отец Байляукуйляу³⁸; показание об этом последнем и перечень четырех предков кирейского народа я записал от одного и того же человека, Чубарайгыра Тэнгисбая, которому обязан и сообщением многих других легенд и показаний о предках. Предок Джантыкэев³⁹ назывался Самамбет⁴⁰, и было у него три жены. Старшая называлась Бадан⁴¹; у нее

из своих записок (Изв. Русск. геогр. общ. 1861. Ч. I) говорит, что между уйсунями, то есть киргизами Большой орды, есть поколение рыжих уйсун, сары-уйсун, которое считает себя остатками большого и сильного народа. Такие сказания, может быть, не что иное, как темная память не столько о родстве с древними усунями, владычествовавшими в Западном Тянь-Шане около Рожд. Христ., сколько о подчиненности усунским ханам. Сар-усун по-монгольски летучая мышь.

³⁸ В числе девяти родов народа хойху (уйгур), жившего в Хангае в VIII в. по Р. Х., упоминается род кюйлоу (о. Иоакифа. Собр. свед. о нар. Ср. Азии. Ч. I. С. 383).

³⁹ Названия этого поколения можно производить от алтайского слова “джаан” — еж и монгольского — теке, которое является в виде окончания названий некоторых зверей, как например, шарьтехе (по-торгоутски сарык-теке) — сеноставка, *Lagomys alpinus*, алык даге — тушканчик, *Dipus*, бартахи — медведь, и, наконец, дзэхэн, по-алтайски — тэкэн — россомаха. Первый член “джан” слышится и в других именах: Джентай, по сказанию, — предок Джадыков, Джанибек — древнейший хан в Азии по киргизскому сказанию.

⁴⁰ Это название напоминает, с одной стороны, слово “саман” (так называются у киданей шаманы), с другой — имя Сэмена, который считается одним из предков кирейских султанов. В китайских летописях упоминается Сомон, один из царей народа киньча (кипчак, по мнению о. Палладия; см. Труды Пекин. мисс. Т. IV. С. 248).

⁴¹ Модон — дерево по-монгольски. Рашид-эддин упоминает Модан в числе 4 родов мэркитов (введ., с.71); у киргизских мэркитов в числе предков также упоминается карагай — лиственница. Китайские летописи называют Модэ первым ханом народа хунну, рассказ о котором обставлен эпическими чертами (о. Иоакифа. Собр. свед. о нар. Ср. Азии. Ч. I. С. 11–12).

было три сына — Атантай, Исембай и Исентай⁴²; у Исентая — шесть сыновей — Базаркул, Чакабай, Кыстаубай, Токубай, Барка⁴³ и Таттыбай; последнему будто бы дано такое имя потому, что это младший сын, следовательно, любимый (татты — сладкий по-киргизски). У Атантая было шесть сыновей — Иткара, Толубай, Аккошкар, Акджигит; имена двоих Тэнгисбай забыл. Это показание Тэнгисбая я дополняю показанием сына бия Кобеша о нисходящей линии Базаркула: сына Базаркула звали Котурак⁴⁴, сына Котурака — Мамыт, сына Мамыта — Кондубай.

От второй жены у Самамбетя было два сына — Чиунчалы и Орус⁴⁵; имя жены Тэнгисбай не назвал; на вопрос, почему одному сыну дано имя Чиунчалы, а другому — Орус, Тэнгисбай, объяс-

⁴² Названия эти, вероятно, находятся в связи с именем Юсун или Исун.

⁴³ В числе монгольских поколений встречается баргу; отсюда же, может быть, происходит первый член названия одной из киргизских костей: марк-уак (киргизы поколения или роды называют эль, алтайцы — сеок, то есть кость; так, они говорят, что алтайский народ состоит из 12 сеоков, то есть костей. Кокчулутуны также вместо “поколение” говорят сёк — кость. Чтобы спросить, из какого ты поколения, кокчулутун говорит: “Сэн кандык сёктык сэн?”. Монголы также спрашивают: “Ты какой кости?” — Чи ямыр ястай хунь? Татар, о котором рассказывает кн. Костров. Обычай этот состоит в том, что качинский татарин, убив лебедя, дарит его соседу; тот считает долгом отдарить его за это лошастью; новый обладатель лебедя в свою очередь дарит лебедя другому и получает лошадь и т. д. Вероятно, вначале убитый лебедь охотно покупался теми людьми, которые считали себя его потомками, потом установилась норма уплаты за него, покупка обратилась в обязанность, и прежний торг получил вид обмена подарками).

⁴⁴ В Букеевской орде в числе 4 поколений рода ысык упоминается коутураз (Зап. Русск. геогр. общ. Т. II, статья Ханькова). Относительно этого имени см. ниже в примечании к имени Джадык.

⁴⁵ Это поколение, очевидно, одноименно монгольской кости урасут (множ. от урас); киргизы произносят это название урасут. Объяснение этого имени, вероятно, следует искать в местных названиях животных; животное вообще по-монгольски называется гурёсу, отсюда медведь — хара гурёсу (черный зверь); в связи с этим названием, очевидно, сойотские слова: гарса — корсак, *Canis corsac* и читьт-гарса — хорек; по-монгольски *Canis corsac* называется кирса, по-киргизски — корсак; на Нижней Волге русские зовут его корс; чуваша зовут карзак зайца-русака. Вероятно, это слово (через замену кис) находится в связи с урянхайским и алтайским названием бурундука — корук. Вероятно, и в названии кости кот-урак или коут-ураз последний член происходит от одного корня с костью урус или орус.

нил так: будто мать долго не имела детей, и первому ребенку, как носителю хорошей вести, дала имя от слова “чиюнчи” — радостная весть, а второму — в той мысли, чтобы потомство этого сына было также многочисленно, как русский (Орус) народ⁴⁶. У Чиунчалы было четыре сына: Сэкэль⁴⁷, Кобок⁴⁸, Тайляк⁴⁹, Кангильды⁵⁰. Дети Оруса были Ботага и Танибэк.

Третья жена Самамбетя была Соксур⁵¹; от нее он имел двух сыновей: Исагасы и Казбек. Об этой жене Тэнгисбай рассказал мне следующую легенду: Самамбет не жаловал эту жену за то, что она была невелика ростом⁵² и не рожала детей; женщина убежала наконец в степь, долго плакала там, утомилась и заснула; в это время прилетел филин уку, или сары уку, сел ей на плечо и стал нашептывать утешение; когда Соксур пробудилась, она почувствовала, что зачала, и вернулась. Вскоре она родила двух сыновей, из коих одного назвала Исагасы, а другого — Казбек; потомки последнего думают и до сих пор, что их отец был филин. И теперь, говорят, у них еще сохраняется обычай выкупать пойманных филинов и отпускать на волю. Казбек никакой цены не пожалеет, если только увидит филина в неволе; увидя человека, мучающего животного, Казбек считает своею обязанностью подраться с ним, причем говорит мучителю: “Зачем мучишь моего отца?”. Отпуская

⁴⁶ На мои вопросы, почему такое-то имя дано предку, Тэнгис-бай иногда рассказывал легенду, иногда признавался, что не знает, иногда придумывал объяснение, очевидно, из своей головы, как, например, Кыстаубай потому будто получил такое имя, что родился на зимовке (кыстау). Последнего рода объяснения я опустил.

⁴⁷ По-алтайски сакыл — белка, по-якутски — сагыл, на некоторых наречиях якутского языка сасыл — лисица.

⁴⁸ По-якутски куобах — заяц. У монголов есть хошуны: Хэби Тушегуна и Тэта Хэби эльджигэн. Между черневыми татарами на р. Мрасе в Томской губернии есть кость киби или коби, у алтайцев есть род кобок (Radloff в Erman's Archiv. В. XXI. Н. 2).

⁴⁹ Тайляк — верблюжонок по-киргизски.

⁵⁰ Хан кильды — по-киргизски значит “хан пришел”. По-монгольски ханчильдык есть название одной чайки.

⁵¹ Суусыр по-киргизски и по-татарски — куница (Mustela Martes).

⁵² Эта ссылка на низкий рост напоминает другие легенды, как, например, о предке киргизского поколения Уак, о киргизском хане Аласа, наконец, о русском богатыре Потапе.

филина на волю, Казбек идет за ним следом и, сложив ладони у лба и кланяясь, говорит: “Акебыз уку! Аман бул! Кудай берды джаксы кыл! Кудайнынг кузю куруб, джаксы булдук! Отец наш, филин, прощай! Явьясь пред очи Бога, соделай нам добро”. Поколения Казбек и Исагасы — одни из богатых, и члены их свое богатство приписывают точному соблюдению этого обычая⁵³. Мне также сообщили, что казбеков называют еще искиказ⁵⁴.

У Исагасы дети были Акджигит⁵⁵, Менглибай, Кэнгджалы⁵⁶, Бэгенъ⁵⁷; у Казбека — Акмурза, Бекмурза, Тауасар⁵⁸, Коджос⁵⁹,

⁵³ Из подобного же верования, вероятно, образовался обычай качинских.

⁵⁴ Иски каз по-киргизски значит “старый гусь”, но будет вероятнее принять это за двойное название племени, какие часто встречаются в азиатских степях, как, например, Джиты-уруг, Куньсадак и др. или вроде встречающегося в киргизских сказках племени ит-ногай (ит по-киргизски, нохай по-монгольски — собака) (Ильминский в Radloff's. II, предисловие Шифнера. С. XII). Иски напоминает записанное мною у тангу-урянкайцев название летучей мыши джасхэ (в котором окончание хэ, вероятно, есть сокращенное ихэ — мать). Каз мы опять встречаем в названии целого народа казак, в котором окончание ак, судя по аналогии с другими именами (см. ниже в примечании к кости тортоуль), есть сокращенное ака — отец или мать на финско-татарских наречиях; слово “казак” монголы произносят хасык; между дюрбютами даже есть кость хасык. Общий корень слышится также и в Есугай — имени отца Чингисхана, которое в киргизской легенде обратилось в Есекень (см. ниже), где опять окончания екенъ и агай могут означать мать; первая же часть имени Есу, вероятно, есть Исун — монгольское имя летучей мыши. В Букеевской орде есть поколение ысык, делящееся на 4 рода; один из этих родов называется сары-ысык, что напоминает род Большой орды сары-уйсун и предка абак-киреев Сар-исына.

⁵⁵ Буквальный перевод будет белый молодец; но так как первоначальная форма имени была, вероятно, Джигит-ака (см. ниже примечания к имени Тортоуль), то ак в этом имени будет не белый, а испорченное слово “ака” — отец; джигит же, вероятно, есть монгольское множественное от корня джигэ, которое слышится в монгольских названиях осла.

⁵⁶ У койбалов есть кость канк.

⁵⁷ У Рашид-эддина упоминается род бикин (Ист. Монг. Введ. Пер. Березина. С. 113).

⁵⁸ У Рашид-эддина упоминается Тугоджар, бек из племени сунит (Ист. Монг. Введ. Пер. Березина. С. 47, 48).

⁵⁹ У алтайцев есть кость кёджо (Radloff в Erman's Archiv. V. XXI. Н. 2); куджо, кучигэнь называется по-бурятски и по-алтайски сеноставка, *Lagomys alpinus*.

Джангабыл, Байгабыл⁶⁰, Назар; у Тауасара — сын Кэмпыр (то есть старуха)⁶¹.

Второе кирейское колено джадык⁶² происходит от второго сына

⁶⁰ Джан — еж по-алтайски; объяснение имени Бай см. ниже в примечании к имени Байджигит; Габыл есть, вероятно, киргизская форма имени Хабул, которое встречается в монгольских летописях с прибавкой хахань или хан.

⁶¹ Кэмпыр по-киргизски значит “старуха”, но здесь, вероятно, следует видеть испорченное имя Камбар, которое и теперь часто встречается у киргизов как личное имя.

⁶² По-алтайски и на языке косоогольских урянхайцев джыды, джыды ас — суслик, *Spermophilus*. К западу от Косогола есть род, который живет по р. Тенгису и называется джеты; он у Шварца назван джет и разделяется на два поколения: ак-джет и кара-джет (Труды Сиб. экспед., матем. отд. С. 90). Пермикин его называет жеты и говорит, что о нем рассказывают, будто он отличается малорослостью; это указывает на существование у джеты-урянхайцев легенды о карлике-предке вроде уакской легенды (см. ниже). У телентитов на Чулышмане есть две кости — джидак и джитас, которые, конечно, суть одно и то же имя с различным произношением окончания. Вот что говорит Рашид-эддин о стране верховьев Енисея: “Кем Кемджиут есть большая река; с одной стороны граница страны на реке Селенге, с другой — на большой реке Ангоре Мурэн, к пределам страны Ибир-шибир”. Автор говорит именно о той стране, где и теперь еще живут джеты; далее Рашид-эддин говорит: “Прозвание государей их есть Инал. Что есть почтенно и славно из той страны, носит имя Еди, а государь там был (пропуск), Имя другой страны было Еди Урун, а государя там звали Урус Инал” (Ист. Монг. Введ. С. 30). Г-н Березин предлагает вместо еди урун читать еди урус, что очень возможно, так как татарские буквы *н* и *з* очень похожи. Тут же он замечает, что у киргизов есть поколение джеты уруг, которое переводят обыкновенно семиродцы; вероятнее же видеть в последнем имени двойное имя, составленное из слов джыды — суслик и уруг (корук) — бурундук. Замечательно, что там же, в долине Шишкита, следовательно, недалеко от джеты-урянхаев, Пермикин упоминает род хореклер, множ. число от хорек, бурундук (см. рукописное собрание слов косоогольских урянхов, составл. г-ном Гельмерсеном). Еще замечательнее то обстоятельство, что эту кость с двойным именем можно проследить с большею или меньшею ясностью далеко на запад, почти до берегов Дуная. Кроме джеты-уругов Малой орды в Оренбургском ведомстве есть следы прежнего существования подобной кости в южной части Бессарабии; Ногайская орда, кочевавшая здесь, между прочим, включала в себе два поколения — едисан и орак-оглу; едисан переводили обыкновенно “семидесятитысячные”, еди — семь и сан — 10000; но можно то же слово разбить иначе: едис будет соответствовать форме джитас,

Кирея по имени Джонтай⁶³, который имел сыновей Кадыр⁶⁴, Гле-

которая встречается уже в Алтае, и ан, или ан, то есть зверь: окончание, часто придаваемое к именам зверей и поколений (кабан, чинги заиг и др.). Орак оглу значит “дети Орака”, это имя напоминает также и тех уругов, ругов и уругундов, которые обитали здесь еще в средние века и имя которых, вероятно, происходило от того же зверка (ср. овражка — первоначально, вероятно, овраг, суслик). В промежутке между Енисеем и Оренбургом в Алтае мы встречаем у абак-киреев два поколения — джадык и урус, из которых первое далеко многочисленнее второго. Наконец, может быть, те же имена можно будет открыть и между Енисеем и Алтаем, в котловине Киргизнора и Дзабхына в именах обитающего здесь большого монгольского рода эльджигэн (осел), который делится на три — хошуна тета-хэби-эльджигэн, ирин-баэльджигэн и сартагол-эльджигэн (см. ниже в особых примечаниях к этим именам). У дикокаменных киргизов также упоминается род джетыгэн; некоторые из дикокаменных киргизов уверяют, что родоначальник их Киргызбай с двумя сыновьями Атыгеном и Тогаем удалился от притеснений ногайских старшин Манаса и сына его Семетее с берегов р. Или в горы; Атыген захватил земли в вершинах Сыра и Аму, а Тогай — озеро Иссык-Куль (Зап. Русск. геогр. общ., 1851. Кн. V, ст. Свед. о дик. кир.); кундровские татары тоже считают предком своим Эд-дыгэ, который был сыном ногайского мурзы Измаила (эти имена напоминают двух героев одной барабинской былины — Идыгэ и Измаил (см. Radloff's Proben. T. IV. S. 35); у киргизов и других сибирских татар есть сказания о Идыгэ или Идыгиле или Джедай-хане (Ueb. die Heldensag. d. Minus. Tat., v. A. Schiefner, в Mel. Asiatiques. 5. S. 380). Последнее название находится в связи с именем Большой Медведицы: итаган (сарты в Хами), джидган (казан. татары), джитыган (алтайцы), ибо говорится, что у него семь собак, которые срываются с цепей и угрожают светопреставлением: верованье, которое киргизы соединяют с Большой Медведицей (Афанасьев. Воззрен. славян. Ч. I. С. 762). По-киргизски это созвездие называется Джиты-каракши; в этом названии слышны имена тех же животных: джеты, джыды — суслик; каракши напоминает корук с прибавкой окончания “ше”, которое также встречается в именах Джиренши, Урманше и др.

⁶³ У Рашид-эддина Джонтай назван предком поколения исут (Ист. Монг. Введ. Ч. I. С. 207). В этом имени, может быть, сохраняется память о древнем народе Азии яньто или сеяньто.

⁶⁴ Худырь по-монгольски — кабарга, *Moschus moschiferus*, животное, доставляющее сильное и дорогое целительное средство, кабарговую струю. Рашид-эддин рассказывает, что у племени бикин (билян по-якутски — кабарга, рукоп. слов. Порядина) был государь по имени Гадер Буюрук; гадер — весьма могущественный; монголы, так как этого имени не знают, говорят Гецер-хан; есть некоторые из монгольских медикаментов, которые называют теперь гецер; в древности имя его было гадерь, то есть сильное лекарс-

ке, Итэнгмэн⁶⁵, Даулетбикэ⁶⁶, Назбикэ⁶⁷. У Назбикэ были дети Бокай, Кустай, Майма⁶⁸ и Баис⁶⁹.

Предок третьего кирейского колена чиреучи был Байтайлак.

Предок четвертого колена ители носил имя Ители; по словам одного киргиза этого племени, имя это было ему дано потому, что он был вскормлен молоком собаки (ит — собака)⁷⁰. Два сына у Ители назывались Тохтогул и Ильток.

Предок каракасов назывался Каракас⁷¹; назван был так потому, что имел черные брови.

Предок мулку был Мулку⁷², имевший сыновей Мошана или Мачана, Кошьяка⁷³, Айтугана⁷⁴ и Ботубая. Айтуган, по объяснению

тво, государи и этот Гадер-буюрук-хан (Ист. Монг. Введ. Пер. Березина. Ч. I. С. 114).

⁶⁵ Итэнгмэнъ повторяется еще в другом месте как сын самого Кирея.

⁶⁶ У Рашид-эддина упоминается племя доголат (Ист. Монг. Введ. I. С. 207); г-н Березин считает его за перестановку из дологан — семь; почему не от тугула — заяц? У Санан Сэцэна, по словам г-на Березина, этот род назван далат; в Большой киргизской орде есть большой род дулат, который кочует приблизительно на тех же местах, где в прошлом столетии кочевал калмыцкий род долот.

⁶⁷ Судя по окончаниям, последние два имени женские.

⁶⁸ Майма на языке косокольских урянхов — северный олень (см. Рукоп. собр. слов г-на Гельмерсена).

⁶⁹ Это имя повторяется между мурунами.

⁷⁰ Это напоминает сказания о том, что предок монгольского народа был собака и что Аттила был сын венгерской царевны и пса.

⁷¹ Это название напоминает сибирский народец Иркутской губернии, известный под именем карагассы; последний член этого имени кас есть то же, что в названиях казак, казбек и др.

⁷² Булгун по-монгольски — соболь. У Рашид-эддина упоминается поколение булагачин, кочевавшее вместе с поколением керемучин в стране Баргуджин; г-н Березин первое название производит от соболя, второе — от белки — хэрим (Ист. Монг. Введ. С. 85, 88 и 255). Поколение мулгочин упоминается потом в сказке казака Петлина, ездившего в 1620 году в Пекин; он нашел это племя в Южной Монголии. В Юаньчаомиши также встречается двойное имя Мулкэ-Тотах в виде личного имени (Труды Пекин. мисс. IV. С. 64).

⁷³ Кошьяк часто встречается в былинах сибирских татар как имя богатыря (Radloff's Proben. IV. С. 162 и др.).

⁷⁴ Айтуган — не месяц родившийся, как можно было бы буквально перевести, а, вероятно, — горностай; ай горностай по-алтайски; гуган, вероятно,

Тэнгисбая, назван так потому будто бы, что родился во время новолуния (ай — месяц, туган — рожденный).

Предок чубарайгыров (чубарый жеребец) назывался Джанат⁷⁵; он был вор-богатырь, карабчи-батыр: увидел десять кобыл с чубарым жеребцом, Джанат загнал их в камыши, зарезал и съел, за что и прозван Чубарайгыр. Дети его — Балта⁷⁶, Кабыл, Тулёк⁷⁷, Отёз⁷⁸. Сын Отёза был Джанибек.

Мэркиты считают своим древнейшим отцом Толумгоджу; сын Толумгоджи был Карагай (лиственница)⁷⁹, у Карагая — Алтан⁸⁰,

---

испорченное тэкин, слово, о котором было уже говорено выше. У телеутов есть поколение тертай.

⁷⁵ Вероятно, первоначально было Джаната, то есть отец Джан.

⁷⁶ Балта по-киргизски — топор; название кости, однако скорее в связи с непонятными названиями народца бельтиры и реки в Северо-Западной Монголии Бельтыс.

⁷⁷ Может быть, сокращенное тулькэ — лисица на тюрко-татарских наречиях.

⁷⁸ Отёз, а также Отёй встречаются и теперь у киргизов как личные имена, но значения в киргизском языке не имеют, и, вероятно, это какие-нибудь испорченные монгольские слова.

⁷⁹ См. ниже легенду о том, что предок монгольского народа родился от дерева одун-модун. У качинцев существует почитание лиственницы.

⁸⁰ Это название, вероятно, имеет общий корень с названием киргизского рода алтай, встречающимся в других местах степи, и с названием татарского племени алтай, которое населяет алтайские долины и известно теперь у нас под именем алтайцев, а также и с названием хребта Алтай. Хотя название последнего производили большею частью от монгольского слова “алтан” — золото, но едва ли справедливо, потому что в Алтае есть серебро и железо, но золото встречается только в редких приисках по северной окраине Гоби. Г-н Радлов предложил другое производство от ал-тайга, то есть высокая тайга (под тайгой в Алтае разумеют высокие плоскогорья, поросшие лиственницей в отличие от джиш, черни — смешанного дремучего хвойного леса); отбрасывая окончание “га”, образовалось будто бы название Алтай. Подобный пример действительно можно привести: в вершинах р. Телгир-морина лежит высокая гора, которую монголы зовут и Улан-тайга, и Улан-тай. Так как в Северо-Западной Монголии трудно найти пример названия урочища по минеральным богатствам, а между тем часто встречаются названия по животным, то и относительно Алтая более вероятно держаться вместе с г-ном Радловым, что имя этого хребта происходит от корней ал — высо-

у Алтана — Татан⁸¹, у Татана — Бабакан, у Бабакана — Мэркит⁸², у Мэркита — четыре сына: Лэпыш или Лэпис, Чагыр, Минглы и Сакау (нем).

Итэнгмяны своим отцом считают Куттукадана⁸³, который был прозван Итэнгмяном за то, что был злой и вор как собака⁸⁴.

кий или али — великан (с которыми в связи могут быть имена животных: ольби — летяга и алык-дагэ — тушканчик).

⁸¹ Имя тата и теперь еще живет в Северо-Западной Монголии; Сибирская экспедиция г-на Шварца нашла в вершинах Енисея поколение додот, которое, так же, как и древние татары, делится на белых и черных: ак-додот и кара-додот; (Труды Сиб. эксп., матем. отд. С. 90); то же имя, по-видимому, встречается и у карагассов в виде двух костей; — ак-дьяуда и кара-дьяуда. Не есть ли это измененное произношением имя джеты, которое у Шварца также является в виде двух костей: ак-джет и кара-джет? У алтайцев есть поколение тотош (тотох, упоминаемый в Юаньчаомиши. Труды Пекин. мисс. IV. С. 64). Различие этих имен заключается только в окончаниях, которые часто взаимно замещаются в азиатских костях; так, мне приходилось слышать, как произносили бурят и буряс; встречаются также кости баит (у монголов) и баис (у киргизов). В сказках манусинских татар встречается богатырь Алтынтата (см. таджи).

⁸² Очевидно, кость мэркит имеет свою особую родословную независимо от родословной остальных киреев, отчего у мэркита является два отца: один — Кирей, общий предок с остальными киреями, другой — Бабакан, потомок некоего Толумходжи. Это можно объяснить таким образом, что мэркиты были прежде частью большого народа, за продолжительное время существования которого успели сложиться народные предания; затем часть этого народа, не совсем забыв свои предания, вступила в союз киргизских киреев; таким образом, продолжают жить рядом две не примиренные между собою генеалогии.

⁸³ Это одна из двойничных костей; киргизы, однако, так слитно произносят это имя, что затруднительно разделить его; оно встречается и в западных частях киргизской степи, именно в Букеевской орде. В статье г-на Ханькова об этой орде приводится поколение маскар, которое разделяется будто бы на три рода: масак, куттука и дам: последние два имени, вероятно, не что иное, как иначе разделенное имя Кутту Кадан (Зап. Русск. геогр. общ. Т. II). Несмотря на этот пример, я принял другое деление, так как в Северо-Западной Монголии немало встречается вариантов имени Кутту и Кадан, имен же, близких к Дам или Куттука, не существует. Названия хого, хотан, хоттун, хуттут часто встречаются между костями во всей области между Тянь-Шанем и Таннуола. См. ниже о хотогайту.

⁸⁴ Итэнгмэн составлено сходно с именами костей и личными именами в роде: сэмэн, дурмэн, туркмэн или также найман, калкаман и пр. Судя по

Предок джастабанов⁸⁵ назывался Сарытокой⁸⁶, был бедный пастух, ходил босиком, имел потому большие ноги, за что и был прозван “широкою ступней”. У Джастабана два сына: Ильаман и Турунтай⁸⁷. Сарбас, родоначальник сарбасов, был от одной матери с Джастабаном, младший брат; прозван так за рыжую голову.

Куньсадак был охотник и истирал на охоте ремень, которым обматывал руку (кунь — кожа скотины, пропавшей летом; садак — колчан)⁸⁸.

Чиймоин был так прозван за длинную шею: моин — шея, чий — растение из семейства злаков (*Lasiagrosti splendens*), стволы которого длинные и ровны, как проволока.

Из этих колен самые многочисленные джантыкэй и джадык и, вероятно, составляют вместе половину всего абакирейского народа; они кочуют в Алтае, лето проводят на альпийских высотах его, а зиму — в степях Черного Иртыша и Урунгу; чиреучи, ители, каракас и мулку кочуют вместе с ними смешанно, последние два — на южном склоне Алтая, на самой восточной границе распространения киргизского народа в этой стране. Чубарайгыр, итэнгмэн, джас-

---

легенде, связанной с этим именем, первая часть имени итэнг должна обозначать собаку. Ср. указание одной китайской летописи о том, что собака у киданей называлась даньхэ (Васильев. Древн. Вост. Азии в Зап. Археол. общ. Т. XIII. С. 191); по-алтайски собака — тайган, у киргизов охотничья собака называется тазы. Между качинскими татарами есть кость тайджан (Землевед. Азии Рит., Дополнения. Т. IV. С. 572).

⁸⁵ Не составлено ли это имя из двух: 1) джас, укороченное джасхэ — летучая мышь по-тангну-уряньхайски; за такое толкование говорит приводимое ниже название одной из муруновских костей Истабан, где ис напоминает монгольское название летучей мыши исун; 2) тоба или тува, как сами зовут себя уряньхайцы; это последнее, как будет указано ниже, тоже имеет вероятно быть объясненным именем зверька.

⁸⁶ Шарь-техе по-монгольски — сеноставка, *Lagomys alpinus*. См. примечания к сообщаемым ниже легендам о богатые Сартактае.

⁸⁷ Ястреб, *Falco aesalon*.

⁸⁸ Двойное имя; первый член кунь, может быть, испорченное монгольское хонг — лебедь или отдаленное воспоминание о древнем народе хунну; второй член садак напоминает хадаки, монгольскую кость, упоминаемую в летописях; в Восточном Алтае мне и ныне встретила кость хадыгит.

табан, мэркит кочуют на левом берегу Черного Иртыша, проводя лето или на высоком Сауре, или на горах Коксун.

Абакирейские колена имеют следующие ураны (условный крик): у джантыкэев — Чакабай (по одному киргизскому показанию это была женщина; некоторые считают Чакабая предком всех абаккиреев), у джадыков — Джантай, у ители — Букарбай, по другому показанию — Куйлеу, у чиреучи — Байтайляк, у чубарайгыров — Коджеберген⁸⁹, у мэркитов — Чагыр, у джастабанов — Баймурат, у чиймоинов и каракасов — Каптагай⁹⁰, у мулку — Машан, а у всех абаккиреев уран — Джанибэк.

Каракиреи, занимающие западную часть Зайсанской котловины, делятся на кости: мурун, байджигит и тортоул; первые занимают площадь от Западного Тарбагатая до вершин хребта Калба, вторые — Восточный Тарбагатай, а третьи — южный склон Алтая в окрестностях озера Марка.

Муруны⁹¹ делятся на две кости: баис и байсиэк; последний считается младшим братом Баиса. Баис⁹² разделяется на четыре кости: мурун, сыван, карджи и тума; у Тума⁹³ был сын Каракожембет, а потомство последнего делится на семь костей: Джар-

⁸⁹ Первый член этого имени, вероятно, есть то же, что коджо, куджо, которые уже встречались выше в именах костей (худжо — сеноставка по-бурятски); берген есть, вероятно, испорченное мэргэн, от которого происходит название кости мэркит.

⁹⁰ Хоптагай по-монгольски — дикий верблюд, водящийся в Гоби.

⁹¹ Киргизские муруны, вероятно, то же самое, что монгольские буруты, с переходом б в м; подобная замена окончаний встречается часто, как, например, мэргэн и мэркит, хоттун и хоттут и т.п. Кость бурут встречается между торгоутами на Булгуне (см. ниже).

⁹² В китайских летописях упоминается поколение байси, жившее в половине XVII в., по-видимому, в Хангае (о. Иоакинфа. Собр. свед. о нар. Ср. Азии. Ч. I. С. 441). См. также названия монгольского племени баит (которое теперь обитает в пространстве между озерами Убса и Киргизнор) и киргизской кости байулы (в Оренбургском ведомстве). См. примечания к слову “баит”.

⁹³ Не испорченное ли переходом б в м имя народа туба или тува? (См. примечание к этому слову.)

болды ⁹⁴, Атагозы, Мыскал, Калкамансюндук, Джангызакскы ⁹⁵, Стабан или Истабан ⁹⁶ и Сарымбетъ.

От Байсиэка происходят кости: семиз найман, булатчи и ток-пак.

Предком байджигитов ⁹⁷ считается Токтакоджа; рассказывают,

---

⁹⁴ Двойное имя, в котором джар напоминает встречающиеся в других названиях корни шар и сар (он встречается и в монгольском названии летучей мыши — шарисун); другая же половина болды, вероятно, испорченный произношением корень белт, встречающийся в названии одного народа Енисейской губернии — бельтыр.

⁹⁵ У телеутов Кузнецкого округа Томской губернии есть кость чингисанг (Radloff в Erman's Arch. В. XXIII. Н.1. Р. 17); это название имеет сходное окончание с приводимым Кастреном названием камасинцев: камашезанг, где занг, по мнению Кастрена, есть испорченное монгольское дзон — народ (Castren's Reiseberichte. С. 374 и 379); имея в виду, однако, существование на монгольском склоне Алтая кости шангиш, шангис или чингис, имя Чингисанг следует разбить таким образом: Чингис-анг где анг будет, вероятно, означать зверь. См. Шангис.

⁹⁶ См. выше примечания к кости джастабан.

⁹⁷ В буквальном переводе это слово по-киргизски значит “богатый молодец”; в действительности же это искаженное название одного монгольского поколения сартогол-эльджиген, занимающего в настоящее время среднее течение р. Дзабхына, и, следовательно, происходит от корня джигэ, встречающегося в монгольских названиях осла: эльджигэн — осел, джигетай — дикий осел; чигис — самка дикого осла. В этом предположении утверждают как легенды, так и сходство в названиях. Байджигиты говорят, что они потомки вдовы, которая вышла замуж за молодого сарта, приехавшего в киргизскую степь; а о монгольских эльджигенах Рашид-эддин рассказывает, что некто Мисер-улюк женился на вдове-китайке Таухуа, выехавшей из Китая на осла искать себе жениха; в память об этом животном дети от этого брака стали называться эльджиген, то есть ослиами (Ист. Монг. Введ. I. С. 156). Первая половина названия монгольского хошуна сартогол напоминает сарта киргизской легенды. Сартогол, может быть, составлено из двух слов — сарт и огол; последнее слово значит по-турецки сын, так что сартогол будет значить сын сарта. Это сближение легенд позволяет название киргизской кости принять за монгольский корень джиге с окончанием множ. числа ит, джигит, что будет значить ослы. В форме единств. числа эта кость встречается в Юаньчаомиши, в которой упоминается род убачжиги (Труды Пекин. мисс. IV), где вместо киргизского бай стоит уба; ср. оба, по-алтайски и по-чувашски дед и в то же время медведь, ба-абага (то есть дед ба), тот же зверь по-монгольски. Бай есть самое обыкновенное окончание личных имен у киргизов, как,

что предок байджигитов был не природный киргиз, а сарт, в юности своей приехавший в аул Каракирея, у которого тогда дочь была молодой вдовой; Каракирей выдал за иностранца свою дочь и усыновил его. Байджигит делятся на две кости — джумук и тогас; более мелкие подразделения, которые я не в состоянии распределить между двумя главными костями, называются тауко⁹⁸ (другие

например, Кабанбай, Сарыбай и пр. О. Палладий в одном из примечаний к Юаньчаомиши (Труды Пекин. мисс. IV. С. 228) сближает слово “бэки” — благородный с китайским словом “бо”; он говорит: “Происхождение слова “бэкин” и “бэки”, думаю, надобно искать в Китае, именно в слове “бо”, одном из наследственных почетных титулов; некогда оно означало вообще старейшину или главу в обществах; так, глава сейма в удельные времена Китая носил название бо”. Бо в настоящее время монголы называют своих шаманов; у китайцев шаманы называются ву. По-киргизски шаманы имеют название баксы, которое производят от монгольского бакши — учитель, но едва ли справедливо; не вернее ли оба слова производить от того бо, о котором говорит о. Палладий и которое, вероятно, в доисторические времена и у китайцев, и у монголов означало разом и родового старейшину, и жреца. Слово “баксы”, с одной стороны, можно сближать с названиями медведя (окончание сы напоминает окончания “су” в монгольских словах “гуресу”, “ису” и пр.); в статье о шаманах будут приведены некоторые другие сближения названий шаманов с именами зверей; с другой стороны, оно занимает среднее место между двумя монгольскими словами: бо — шаман и абага — дед. Это последнее слышится в окончаниях некоторых слов и имен, как, например, калабак (киргизская кость от монг. халбагай — колпица; отсюда, вероятно, с переходом б в м — калмак, и по другому произношению калмык); тарбага — сурок по-монгольски и по-алтайски, казбек (киргизская кость, о которой рассказано выше; ср. Хасеву, одно из 9 поколений уйгуров (см. о. Иоакимфа. Собр. свед. о нар. Ср. Азии. Ч. I. С. 383). У урянхайцев слово “бэг” (з произносится, как в слове “бог”) означает князя, дворянина; у алтайцев это слово изменилось в пи; у киргизов бий означает судью. Слово “бай” встречается только как окончание в личных именах, а также как первый член в именах некоторых костей (байджигит, байгабыл и пр.), в обыкновенном же языке означает богатый, а также хозяин. Сообразно с первым, генеалогическим, а не со вторым обыкновенным значением этого слова оно, вероятно, придается к названиям урочищ, как, например, Байкал, Байтык или Байтакбогдо.

⁹⁸ Тортоулы есть не что иное, как киргизские дюрбэты. Тортоулы говорят, что они так потому называются, что предок их Эмиль имел 4 сыновей: төрт по-киргизски — четыре, ул по-киргизски, огол на других татарских наречиях — сын (следовательно, имя составлено так же, как имя сартогол). В Юаньчаомиши сказано, что четыре сына Дуасохора составили фамилии Дорбян (что, конеч-

киргизы в насмешку коверкают это имя в даукуть — судебная задница), сайбулат, мамбет, ботубай и кайракпай; последние две кости считают себя происходящими от двух братьев; кайракпай говорят: ботабай — наши старшие братья. В кайракпаях есть еще кость чентеу; других названий я не добился.

Тортоуль, или төртоуль, называются так потому, что их предок Эмиль имел четырех сыновей (төрт — четыре, төртеу — четверо, ул по-киргизски, огул на некоторых других турецких наречиях — сын): Токтогул, Тогуз, Акполат и Акбарак⁹⁹. О происхождении тортоулов рассказывают, что Каракирей, навьючив кумыз на верблюда, привез его в подарок богатому человеку Альчину, который подарил ему за это раба — кула; отсюда будто бы происходит прозвище карачалбар — черные штаны (то есть козлиные,

---

но, то же, что дюрбет); это слово также значит по-монгольски четыре (Труды Пекин. мисс. IV. С. 25). У Рашид-эддина о дюрбетах сказано, что в их роде между прочим были известны беки Пуладака и Саракака, как написано в тексте перевода г-на Березина; в подлинниках же в последнем имени точек не поставлено, так что его можно читать и Баракака (Ист. Монг. Введ. С. 194). Эти двое — Баракака и Пуладака — напоминают нынешние тортоульские кости акбарак и акполат; это показывает также, что слово “ак”, ставимое то в конце, то в начале имен киргизских костей, есть, собственно, татарское ака — отец. Тортоулы Каркаралинского округа также делятся на 4 кости, но имена уже другие: айдаул, кулюк, урманше (хэрмин — белка по-монгольски) и караджас (от джасхэ — летучая мышь по-урянской). Замечательно, что киргизская легенда о дуансохоре называет его выдрой; следовательно, и эмиль — выдра; в самом деле, в якутском словаре Бётлинга (в Middend. Reise. Т. III) выдра названа имэ. Название эмиль, емин или ебин, ибин часто встречается в Северо-Западной Монголии; Эмиль — река, текущая в озеро Алакуль, к югу от Тарбагатая, Ибинсу упоминается в числе притоков Верхнего Енисея; другой Ибинсу есть между притоками Нижнего Орхона; наконец, большая сибирская река Иртыш в вершинах называется у урянхайцев Эбин. Один старик монгол на вопрос мой о значении этого слова объяснил мне, что эби на наречии северных монголов значит “мать”; у кокчулутунов мать — емь.

⁹⁹ Кость тауко напоминает имя китайки Таухуа, вышедшей за Мисерулюка; у Рашид-эддина это имя написано даукай, следовательно, еще ближе к киргизскому имени; имя это приняло форму таухуа под редакцией В. П. Васильева, руководствовавшегося указанием персидского историка, что это слово по-китайски значит “роза”.

замшевые, засаленные, какие носит рабочий люд), которое дают тортоулам¹⁰⁰.

Уран всех мурунов — Бурамбай¹⁰¹, а байджигитов — Кабанбай¹⁰².

Еще западнее от каракиреев от Калбинского хребта до вершин Бухтармы кочует кость эргенекты; это уже не киреи, а найманы¹⁰³. У эргенекты мне насчитали 8 отделений: буура (предок этой кости назван был так будто бы потому, что был найден в степи во время перекочевки; его положили в войлочный чехол для кереге и привесили к верблюду-жеребцу)¹⁰⁴; отой; джаркэ¹⁰⁵; сарджумарт¹⁰⁶;

¹⁰⁰ В Юаньчаомиши подобный эпизод рассказывается о Добэньмергане, брате предка дюрбетов; Добэньмергань выпросил у одного урянха убитого им оленя, а дорогой, возвращаясь домой, выменял на оленье мясо сына одного обедневшего человека, который назвал себя из рода маалихбаяудай (Труды Пекин. мисс. IV. С. 25); в киргизской легенде алих обратилось в альчин, а бояудай — в богатый, по-киргизски — бай. Этот эпизод в разных видах встречается в сказаниях Средней Азии: первый хуннуский шаньюй Тумань отдает своего сына Модэ в аманаты народу юэчжы (о. Иоакинф. Собр. свед. о нар. Средн. Азии. Ч. I. С. 11); в одной сказке минусинских татар Акхан по обещанию везет своего сына Алакартага к Джедайхану (Melanges asiat. 3, 1857–1859. С. 379).

¹⁰¹ Вероятно, от бури — волк.

¹⁰² Кабан — самец дикой свиньи по-киргизски.

¹⁰³ Маловероятно, чтобы это народное прозвище происходило от монгольского слова “восемь”, как это принято думать. Имя найман образовано по образцу итэнгмэн, туркмэн, сэмэн или саман и т. п., и потому объяснения значения прежде всего нужно искать в слове “най”. В Юаньчаомиши говорится, что у Хачиня, Менянтудунева сына, был сын Няягидай, названный так потому, что любил наряжаться барином; от него пошел род наял (Труды Пекин. мисс. IV. С. 30); барин, дворянин, по-монгольски — нойон. Дауры барса называют нойон гурасу, то есть нойон — зверь; халха в Хангае нохай харагурёсу зовут медведя.

¹⁰⁴ Бура — верблюд-самец, вероятно, подставлен вместо бури — волк, который считается предком монгольского народа. В Юаньчаомиши рассказывается о мальчике Бороуле, который был найден в лагере враждебных Чжурки и воспитан матерью Чингисхана вместе с тремя другими найденными (Труды Пекин. мисс. IV. С. 68).

¹⁰⁵ Джирк, чирхи по-монгольски — бурундук, *Tamias striatus*.

¹⁰⁶ Суслик, *Spermophilus* по-монгольски называется цзурум, цзурумьн, по-котонски — шарь цзурумьн, тангу-урянхай — цзурма, буряты — бумурья, алтайцы — емуран.

калабак¹⁰⁷; юкуашар или юкашар; кокджарлы¹⁰⁸ и каратай. Предок каратаев назывался Саргылдак, был найден в степи и продан за каряго селетка (кара — карий, тай — однолетний жеребенок)¹⁰⁹. У Буура был сын Дөрбоуль¹¹⁰, у Дөрбоуля — Алтай¹¹¹, у Алтая — Тока...

...4. *Торгоуты*. Торгоуты живут в двух участках: одна часть — на вершинах Булгуна на южном склоне Алтая, другая — на южном склоне Тарбагатая. Последние — часть тех торгоутов, которые бежали из России в 1771 году, улугунские же торгоуты — исконные здешние жители; чтобы различать их, тарбагатайских называют цохурторгоут, булугунских же — табынсумын-торгоут (пятисумынные). Пятисумынные торгоуты занимают долины рек Чингиль и Булгун с притоками последнего, за исключением вершин этих двух рек, на которых живут урянхайцы. Они подчинены кобдинскому губернатору и делятся на пять сумынов, которыми управляют князья различных степеней. Самый старший между ними ван, или, как произносят здешние торгоуты, — бан; зимовку он имеет на р. Булгун, в урочище Шарахулусун; летом же кочует на горах Кокджурек, в вершинах р. Чагангол. Князь бэйсы живет на Булгуне, выше вана; его хошун простирается вверх по Булгуну до урочища Аргилынты¹¹², выше которого земли принадлежат урянхайцам. На Баинбульке живут какие-то хошуты, управляемые князем дзасыком; некоторые говорят, что они были прежде халха и находились в ведении Дзасактухана. Хана у булугунских торгоутов не было; несколько лет тому назад жил здесь хан харашарских торгоутов¹¹³.

¹⁰⁷ Халбагай — колпица, *Platalea leucoroides*; отсюда же, вероятно, калмак и по другому произношению — калмык.

¹⁰⁸ Вторая половина названия напоминает Ярликхана, злого божества алтайцев и монголов.

¹⁰⁹ Харадай или харацай — ласточка *Hirundo* по-монгольски. Саргылдак — тоже киргизское название какой-то птицы, которую мне не удалось определить.

¹¹⁰ Это имя опять напоминает монгольскую кость дюрбют.

¹¹¹ То же имя дает себе татарское племя, обитающее в Северном Алтае.

¹¹² В сообщенном мне маршруте каравана купца Котельникова из Кобдо в Гучен упоминается в числе правых притоков Булгуна р. Гурбань-джиргылынты.

¹¹³ Изв. Имп. Русск. геогр. общ. Т. X. С. 34.

Во время дунганского восстания, когда мятежники взяли город Харашар, хан кочевавших по Юлдусу хошоутов, бывший в то же время правителем Харашара и потому называвшийся ханом харашарским, бросил свой народ и город, бежал с 30 спутниками в Алтай и поселился у своих соплеменников, булгунских торгоутов; здесь он выстроил себе дом в кумирне, но в 1875 году, возвращаясь из поездки в Пекин, куда он был вызван правительством, на дороге умер.

У булгунских торгоутов мне называли кости хуттут, ширингут, баргас¹¹⁴, бурут¹¹⁵, шарнут, кэкрыт, хоттун, кэрэт.

Торгоуты имеют значительное хлебопашество в низовьях рек Булгун и Чингиль и сеют ячмень и пшеницу.

Тарбагатайские торгоуты живут к югу от Тарбагатая и управляются тремя князьями, из которых старший ван, или, как его зовут торгоуты и киргизы, — он, а два другие известны под собственными именами Матень и Аредын; местопребывание князя вана у кумирни Хуучинсумэ на р. Хантыкметы, в урочище Чудургатылган. Между тарбагатайскими торгоутами есть кости мэркит, намдякин, халгур, шимныр, или шибныр¹¹⁶, барун, багзун, хошуут, икизюн. У мэркитов существует обычай во время грозы одеваться в белое платье, садиться на белую лошадь, скакать и кричать: “Би Мэркит! Би Мэркит! — Я Мэркит! Я Мэркит!”¹¹⁷. В 1873 году

¹¹⁴ По словам одного торгоута, у каракиреев есть род барка; он прежде жил в Алтае, но во время восстания дунган в числе 200 юрт переселился на юг за Тарбагатай в окрестности озера Халтырашичкэнор на земли, оставленные барлыками, которые ушли в Алтай; барка эти считаются в ведении Богубай-бия и Идыгяньтюмура (Идыгянь будто бы был отец, а может быть, предок Тимура). Озеро Маркакуль, из которого вытекает приток Черного Иртыша Кальджир, на карте Клапрота названо Баргас (Bargas). У киргизов есть род маркуаки, у халхасцев — кость баргу. Варга на наречии волжских камыков — кабарга (Словарь Голстунского).

¹¹⁵ Бури — волк?

¹¹⁶ Этот род встречается и у дюрбютов и приведен выше.

¹¹⁷ Молния в местных поэтических представлениях олицетворяется в виде многоголового змея; в былине Ховугу и Хадындзюгу является змеей Абыргамогай; урянхайские шаманы во время своего камлания призывают шестиглавого змея Амырга; сова, *Surnia fupеgeа*, называется по-урянхайски абырганмечирган; муркут по-алтайски, бюргут по-монгольски, беркут на татарских

тарбагатайские торгоуты сильно пострадали от набега алтайских киреев; переправясь через Черный Иртыш в двух местах у мест. Аджинькаюк (между Кабой и Бурчумом) и на Курджумсале, киреи в числе 1000 человек напали на торгоутов, многих вырезали и до ста жен и дочерей увели в плен; хотя потом большую часть и вернули, однако двадцать человек и до сих пор остались неразысканными. Торгоутский ван бездействовал во время этого нападения, по словам торгоутов, потому будто бы, что не смел без разрешения пекинского начальства открыть военные действия; он жаловался в Пекин, и богдыхан прислал на почтовый тракт, который обязаны содержать торгоуты, 500 кобыл с жеребьями и 500 коней...

...IV. Названия пальцев, небесных явлений, животных и растений и поверья о них

Пальцы. Названия пальцев у киргизов.

	<i>Обыкновенные</i>	<i>Детские</i>
Большой ¹¹⁸	Бас бармак	Бас бармак

наречиях — орел, *Aquila*. Ср. также мэргэн — стрелок, охотник, по-монгольски и по-татарски.

¹¹⁸ Большой палец в приведенных примерах из монгольских наречий носит название эркэ, ирхэ; одного, очевидно, происхождения киргизское и алтайское его имя эркек, что значит также самец, мужчина; наименование “эркэ мэргэн” (мэргэн — стрелок, охотник, в былинах заменяет наше богатырь) указывает на мифологическое значение этого названия. Ср. Эркебек, один из предков котонов, живущих близ озера Убса; Эркэхара (брат Ваньхана по Юаньчаомиши. С. 76, 92). Эртэ-сайн-хун-тайджи — предок хотогайтцев; киргизское поколение джеркэ; эркеун, аркауи, архаун — название христиан в древних китайских памятниках (см. Восточный сборник. С. 27); о. Палладий восстанавливает это имя в форме эркэ. Ср. уэрк — медведь на языке обдорских самоедов. В татарских языках в названиях большого пальца встречается везде баш — голова с прибавкой бармак — палец или паадыр — богатырь; только в одном случае у урянхайцев вместо баш стоит пать. Халхасское батма эрик первым членом напоминает тангну-урянхайское патмаадыр; второй член эрик, вероятно, есть особое произношение слова “эркэ” вроде, например, хэнгркэ — бубен, хэнгрик. На якутском языке большой палец называется эрбях; ср. юрюмэччи, по-якутски — бабочка, эрбэку по-дюрбютски, арбака по-тунгусски (Schiefner, *Mel. asiat.* T. VIII.

Указательный ¹¹⁹	Сок кол	Балалы уряк
Средний ¹²⁰	Уртан кол	Уртан тэрэк
Безымянный ¹²¹	Аты джок кол	Шильдыр чумэк

С. 366) — бабочка; юримэтэ по-якутски — белый медведь (Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., 1869. II. С. 298).

¹¹⁹ Для указательного пальца на татарских наречиях стоят варианты башурлюк или башигурлюк. Багурюлю — узбекское поколение (Вамб. Путеш. СПб., 1865). Рашид-эддин (введ., с. 154) делает к этому имени такое примечание: “Мисер Улюк, предок эльджигэнов и хорилиасов, есть человек, который ничего не боится, а также называют этим именем мертвечину; он был очень силен”. Uluki — летяга по-тунгусски. По-видимому, то же мифическое имя встречается в Алтан-Тобчи в вариантах, ближе подходящих к форме урлюк или гурлюк; именно на с. 70: хурлатский (хориласский?) бабагай (бабагай по-монгольски — медведь; жену Мисер улюка, по Рашид-эддину, называли Бабудак) урлук; на с. 74: Эльджигэн-урлук борбокский; на с. 66: джяхан (дзэхэн — росомаха, см. примеч. 55 к главе V) ахаменду — урлутский; на с. 49: мэндү-урлук — хурлатский. Первый член имени большого пальца баш, ср. с именами народа башкурд (башкиры) и поколения кобдинских мингытов пашкыт. У кокчулутунов указательный палец маджи-хурдун (маджалай — медведь по-монгольски). Киргизское балалы урек (утка с утенятами) есть, вероятно, испорченное башурлюк. У халха и котонов для указательного встречается еще название батан или бадан, слово, которое, может быть, находится в имени монгольского предка Бодонджар.

¹²⁰ Средний палец по-монгольски называется дондунойон, средний дворянин, тогда как на татарских наречиях уртамергэн — средний охотник. Ср. Дондугул мэргэн преданий киргизских, Дондукмерэн монгольских; Урта или Орта также напоминает монгольское поколение ордос, у дюрбютов на Убса Ортус, а также имена сподвижников Чингиса Орду. Не были ли названия Дондунойон и Ортамергэн древнее образования понятия “средний”, которое легче всего могло возникнуть на почве наблюдений над рукой? Киргизское название уртантерек, может быть, первоначально было урта-тюрэ (тюре — дворянин, то же, что монгольское нойон).

¹²¹ Безымянный палец, подобно нам, зовут безымянным же как дюрбюты (нэрэ уга, имени нет), так и киргизы (аты джок, имени нет); в детской терминологии почти везде встречается синоним матери; уашь — эджэ (эджь — мать по-монгольски); обачэчэй, обрачэчэн (чэчэ — мать по-киргизски); у кокчулутунов уашь-эзен, что, вероятно, есть особое произношение тангну-уряньхайского уашь-эджэ; не значит ли отсюда, что титул китайского императора Эдзенхан у монголов, Эдженхан у киргизов, а также титул Чингисхана в Алтан-Тобчи Богдо — эдзэн происходит от монгольского эджь — мать, которое, может быть, придавалось медведю (по-якутски эгэ, что по-якутски, собственно, значит дед, по-монгольски — мать), и, может

Мизинец¹²²

Чинашяк

Кичкине бобэк

быть, в отдаленной еще древности стало титулом могущества (ср. название царей у халхасцев ажго), котонское название безымянного пальца уручмия (из которого, очевидно, сделано киргизское шильдыр чумэк — носок чайника с погремушками), может быть, следует писать уруч — имя (эмь — мать по-кокчулутунски). Происхождение названия “безымянный” не кроется ли в запрещении произносить настоящее имя священного или уважаемого предмета, как это соблюдается и теперь монголами во многих случаях? Так, монголы не произносят имен своих князей и отцов; жены не произносят имен своих мужей; имена священных гор также не произносятся вблизи их; в Восточном Алтае есть священная гора Аджибогдо, имя которой местные жители из уважения в разговоре пропускают или говорят просто “наша Богдо”; урянхайцы не называют дичь по имени на охоте. Другой член имени безымянного пальца представляет варианты уашь и оба; это, может быть, не что иное, как различное произношение в монгольском б между гласными произносится как в: вместо шибо — птица — говорят шиво; слово “ван” — князь — произносится также уан (хотогайту), бан (торгоуты), убан (алтайцы, например, шидырубан). Оба — по-чуваши медведь; у сибирских татар аба; в то же время дед (Золотничк., Корн. Чувашико-русский сл. С. 18). Один халхасский вариант отхонхуру напоминает название белка в Хангае: отхонхайрхан (утаган по-монгольски — медведь). Не имели ли эти названия какое-нибудь важное значение в древности и не обратились ли они в достояние детей только впоследствии, с падением культа? Киргизские названия наиболее потеряли прежнее значение; в них заметна даже как будто иронизация. Вообще духовная жизнь киргизского народа представляется более секуляризованною, чем у монголов; в то время как у последних власть божеского происхождения, князя и цари происходят от сынов неба, император считается божеством, бурханом, в легендах киргизов постоянно проводится мысль о худородности их дворянского сословия; легенда о божественном предке в киргизской редакции теряет свою сверхъестественность, и чудесное рождение заменяется естественным фактом ребенка-найденца.

¹²² Название мизинца в татарском — кичкинэбобэй — означает “маленький ребенок”; в тангну-урянхайской форме бичийбобэй, бичий, может быть, есть монгольское бичикан, бичи — малый. Пубей — зыбка, колыбель по-алтайски (Грамм. алт. языка. Казань. С. 36); побак или цовак — племянник, дитя на языке хамийских сартов. Халхасские женщины убаюкивают детей словами: побэй, побэй (вместо русского баю-бай); тангну-урянхайки: дэгрик, дэгрик. По словам одного халхасца, заиншабинца, эти слова есть имена древних сильных богатырей Дэгрика и Побэя. Ср. бабагай — медведь по-монгольски (богатырь Бабагайурлук или Мисерулюк, также наша Баба-яга — злое существо, людоедка, которая в сказках о спасающихся детях иногда замещается в разных вариантах медведем или ведьмой (медведь на южнорусском наречии ведьмедь, ведьмак). Худяков (Великор. ск. В. 2, №52: в сказке “Ивануш-

У котонов*Детские*

Баш бармак

Бадан нириян

Урту омян

Уру чимя

Кичкиня бобичек

У казанских татар¹²³*Обыкновенные*

Башбарнак

Иманбарнак

Урту барнак

Атсызбарнак

Чэнэчэбарнак

У халхасцев*Обыкновенные*

Ирхэ хуру

Доловыр хуру

Донду хуру

Томчи хуру (итым)

Чикче

Детские

Эркэ мэргэн

Домбу чимб

Донду нойон

Итым дзальм

Чикчи богульдэй

Батма эрик

Батан хуру

Ойто байтык

Отхон хуру

Чикче байтых

У дюрбютов*Обыкновенные*

Эркэ

Хумуха

Донду хуругу

Нэрэ уга

Шиг ичкэ (чигиляк)

У тангну-урянхайцев*Детские*

Баш паадыр

Баш урлюк

Орта мэргэн

Уашь эджэ

Бичий бобэй

У кокчулутунов*Детские*

Пат маадыр

Пашик урлюк

Орта мэргэн

Оба чэчэй

Кишь бобэй

У алтайцев

ка” девочка и мальчик спасаются бегством от Бабы-яги; Афан. Нар. ск. В. 5, №28: дети спасаются из плена от царя-медведя; в №27 — от медведя железной шерсти (в вар. — от железного волка, сделанного для детей и потом ожившего; в чудских могилах откапывают железные изображения медведя и летучей мыши). На наречии тобольских татар мизинец называется цаганак.

¹²³ Сообщено Н. И. Золотницким.

Детские
Баш маадыр
Маджи хурдун
Урта мэргэн
Уашь эзен
Кичикнэ бобэй

Детские
Баш патыр
Башик урлю
Орта мэргэн
Обра чэчэн
Кичкине бобей

Заговоры пальцев

1. Большой палец: кой урлаик? Своруем барана?
Указательный: айтса айтсаик! Коли сказано, сделаем.
Средний: кудайды кайтаик!
Безымянный: кудай кайтар, дисэн!
Мизинец: абкэль! бирэмэн! сюяин! Неси, заколю!

Записано у киргизов в Алтае

2. Большой; барабай байтык!
Указательный: батыгын хийсык!
Средний: тооро тобчик!
Безымянный: тотгын, хийсык!
Мизинец: уйс джеп!

У халхасцев

3. Большой: уру аалы.
Указательный: мал алыб кэлэр.
Средний: кайдан алыб кэлэлы.
Безымянный: эсы чикса, кантат!
Мизинец: анг тышиб кутлалы.

У котонов

4. Большой: хулагай хия.
Указательный: мал абчиркэ.
Средний: хагас абчирия?
Безымянный: эзэн гархилагия.
Мизинец: андыгар табит гария.

У дюрбютов на озере Убса

5. Мизинец: бал ашасым килэ. Меду есть мне хочется.
Безымянный: каян алыйык? Откуда возьмем?
Средний: азэткэ алыйык. Взаем возьмем.

Указательный: аны каян алыб тулейек? Ему, откуда взяв, заплатим.

Большой: ашыйык да качыйык. Поедим да убежим...

У казанских татар (доставлено Н. И. Золотницким)

II. Название созвездий и небесных явлений и поверья о них

Орион. По рассказу Сиирбая, киргиза из Тарбагатая, киргизы называют три звезды этого созвездия, стоящие рядом, Ушь-аркар — три каменных барана; другие три — Ушьмэргэн — три охотника; седьмая звезда называется мултукнынг огы — ружейная пуля. Охотники были прежде на земле; не было от них прохода ни одному зверю, ни одной птице; аркары жаловались на это Богу и были по аркану подняты на небо; охотники тоже поднялись по аркану на небо. Они были прокляты¹²⁴.

По рассказу одного монголо-уряньхайца из Алтая, тарбаган (сурок, *Arctomys Bobac*) был прежде человеком, хотевшим застрелить трех маралух (*Cervus Elaphus*) — Гурбанмарал, то есть три звезды в поясе Ориона. Прометив, он три дня не ел, не пил, решился отныне есть одну траву, пить хараусун — черную воду и жить в земле; при этом он отрезал себе большой палец. Оттого у тарбагана только четыре пальца. В стороне от Гурбанмарал, противоположной созвездию Мэчит (Плеяды), находятся три звезды: ближняя, Кобынцагансумын, белая стрела Кобына (или стрела Кобынцагана?), средняя Кобынтаймэргэн¹²⁵, то есть стрелок Кобынтай; дальняя Шаргыморинэтцысын, то есть усталая соловая лошадь¹²⁶.

¹²⁴ Ср. бегство Нукуза, предка монгольского народа, на высокую гору, которая достигала Плеяд.

¹²⁵ Ср. имена былинных героев: монгольского Ховугу или Хобугу, алтайского и сибирско-татарского Аккобок (*Radloff. Proben. I. 224; IV. 56; 181*).

¹²⁶ Охота за маралом встречается и в былинах; она составляет предмет записанной мною монгольской былины "Кобыльдэнь-мэргэн и Богу" (богу — марал-самец). В киргизской былине о Козу-курпеше (*Radloff. Proben. III. 261*) этот эпизод служит только началом былины; за маралухой охотится отец Козу-курпеша со своим другом. В русских былинах Данило Денисьевич стреляет зверя сивопряного, лихшерстного; навстречу ему едут русские богатыри, чтоб убить его по приказанию Владимира, который задумал отнять его жену, Василису Микулишну; Данило бросается на копье и умирает (*Киреевск.*

По другим монгольским показаниям, Орион называется Гурбань-марал, а три другие звезды — охотник, лошадь и собака. Тангну-урянхайцы называют это созвездие ушьмийгак (три маралухи), другие три звезды — ушьок, три стрелы, седьмую — Кокчу¹²⁷ мэргэн ашяк (мэргэн — стрелок, ашяк — старик).

У котонов Орион называется учьгушь (три птицы), учит (три собаки), и, кроме того, две соседние звезды называются Когыльдэймэргэн и Харульдэймэргэн; эти два мэргэна — два хозяина трех птиц (вероятно, ловчих) и трех собак.

Алтайцы зовут Орион учьмыйгак.

Плеяды. Киргизы в Тарбагатае и Алтае называют это созвездие Урке¹²⁸ и насчитывают в нем шесть звезд. Они говорят: “Урке айдын олы, чолпан айдын кызы”, то есть Плеяды — сын луны,

В. III. С. 29 и 32). В сказке о Козу-курпеше отец Баян-сулу сам идет со свитой убить Козу-курпеша (Radloff. 22). Василиса Микулишна просит отпустить ее проститься с мужем и бросается грудью на булатный нож (Киреевск. III. С. 29—32); Баян-сулу также просит позволения оплакать Козу-курпеша и падает грудью на нож. Ср. Василису Золотую (Афан. II. С. 289), с корою Безсонов сближает былинную Василису (у Баян-сулу длинная коса, посредством которой она опускает Кодара в колодезь; ср. Пулай-арыг (Radloff. Prob. II. 631). Эпизод о падении грудью на нож в былине о Чуриле и жене Бермяты (Гильф. Онежск. былины. № 224), а также в былине о молодце, служившем королю Литовскому (Гильф. Онежск. былины, № 97; сравн. этот № с монгольским сказанием об Аргасунхорчине, Алтан-Тобчи. С. 18—22); сходны с этою былиной №№ 90 и 127; в последнем молодец называется Щурилушко Щиплёнкович. Этот сюжет напоминает известную песню о ключнике или князе Волконском. Сказка сибирских татар Джирэнь-шэшэн (Radloff. Proben. IV. С. 201) имеет сходные черты с русскими сказками о Даниле Безчастном (Афан. Нар. ск. В. VI, № 60; Рудченко. Народн. южнорусск. ск. В. 2, № 34), который напоминает былинного Данилу Денисьевича.

¹²⁷ Ерьгокчу, предок киргизского поколения Уак; см. текст, с. 156. Кокочу, шаман, воскресший и вознесшийся после смерти (Юаньчаомиши, в Труд. Пекин. мисс. IV. С. 138). В некоторых местах России Орион называется Кичиги; ср. сказочное имя Кощей Безсмертный, в онежских былинах Кашег. В сказке “Кощей Безсмертный” (Афанас. Нар. ск. В. VIII. №5) есть сходные черты с сказкой о Козу-курпеше.

¹²⁸ У Рашид-эддина (Ч. I. С. 12) “очень большие и высокие горы Ур и Кер”, где были летние кочевья Абульджахана, то есть Иафета, а также имена двух средних детей Иафетова сына Диббакуя: Урхан и Курхан. По-карагасски Плеяды — Ыргар (Этногр. сборн. IV. 14).

а зарница — дочь луны. Уркер прежде был большой червь¹²⁹; он занимал место, какое нужно, чтоб уложить сто овец; цветом он был зеленый и ложился, где было много травы; увидев его, верблюд и корова побежали в намерении раздавить его; верблюд говорил, чтобы корова пустила его вперед, что он лучше раздавит червя, потому что у него лапа широкая, но корова не послушалась, прибежала ранее и ударила червя копытом; а так как копыто у нее раздвоенное, то уркер выскользнул из-под копыта и ушел на небо. Уркер в летние месяцы невидим; он спускается на землю. Если он спустится в воду (то есть станет закатываться в таком пункте горизонта, где есть озеро или река), зима будет худая, если на сухую землю — хорошая.

Сарты в Хами называют Плеяды Ухырь (по-монгольски коро-ва); тангну-уряньхай — Ульгыр¹³⁰, Ухэр; котоны — Уркор; монголы, халха и дюрбюты — Мэчит; алтайцы — Мэчин; монголы также насчитывают в Мэчине шесть звезд.

Большую Медведицу киргизы в Алтае и Тарбагатае зовут Джетька-ракчи или Джетькаракши¹³¹, семь воров, котоны у дюрбютского вана — Итыильдыс (ильдыс — звезда), тангну-уряньхайцы — Джиды¹³² —

¹²⁹ Червь по-монгольски хорхо.

¹³⁰ По-якутски Ургал, Юргял (Boethlingk in Middendorff's Reise. В. III).

¹³¹ Каракши по-киргизски вор; по-алтайски: а) разбойник, б) красавица; по-чувашски (Золотн., Корнев. Слов. 96) хорах — разбой. Ср. окончание ши с именами Джирэнше-шэшэн, Урманше и др.; не следует ли видеть в этом названии отголосок названий медведя — гарко, на обдорско-самоедском (корюк — бурундук по-алтайски и по-уряньхайски)? Ср. Джетькаракши и Едиурус, Джетьурус, (см. прим. 27 к гл. I. Не отсюда ли происходят Караттыхан алтайцев, Карачахан киргизской поговорки и русское карачун — большой палец в детских присказках (Афан. Возвр. Т. II. С. 738; ср. монгольское эркэ — большой палец, с. 2)?

¹³² Джиды — суслик, Spermophilus, по-уряньхайски и по-алтайски. По-карагасски Большая Медведица называется Тьедэгар (Этногр. сб. IV. 14; у киргизов есть личное имя Джетьгер, у татар — Едигер, у тунгусов — Этыгер — большой мифический змей; Третьяков, в Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., 1869. II. 419); ср. акджет и караджет — два поколения у косокольских урянхов и акдьюда и карадьюда у карагассов (Этн. сб. IV. С. 1 и 2; карагассы слово “джеты” — семь произносят тьэди). Здесь можно прибавить, что дада на языке хамийских саргов значит дед. Жыды по-алтайски — воночий; ср. слова “гурбэсу” в Юаньчаомиши: “От этих Дада воняет” (Тр. Пекин. мисс. IV. С. 101). Китайская летопись помещает к западу от шивеев поколение ско-

Урган¹³³, Джитыхан; теленгиты в Алтае — Джитыган, сарты в Хами — Итыган¹³⁴, монголы, халха и дюрбюты — Долонбурхан, семь богов¹³⁵.

товодов дидеуган (Васильев. Зап. Археол. общ. XIII. С. 33); вероятно, к западу от Хангая.

¹³³ Ср. ворга — медведь на юракском языке (Третьяков. Зап. Имп. Русск. геогр. общ. по общей геогр., 1869. II. 298).

¹³⁴ Утаган в обыкновенном произношении утыг по-монгольски, атыг по-тангну-уряньхайски — медведь. Этугэн — монгольская богиня земли или владыка природы (Берез. Вост. Библия. С. 9). Марко Поло говорит о божестве монголов Натитай, Плано Карпини — о Итога. О сходных именах предков — Эддыгэ кундровских татар (Небольсин. Вестн. Имп. Русск. геогр. общ., 1851. Т. II), Идыгэ барабинских татар, Джедайхане татар минусинских — сказано в примеч. к гл. I. Джедайхан упоминается в сказке об Алакартага (Melanges asiatiques. III, а также Этногр. сб. IV. 33); отчасти в сходной с нею другой сказке об Айдолее темною силою является Катайхан, который, как и Джедайхан, живет на железной горе (ср. также “семь кудаев” — высшее божество качинцев, что, по всей вероятности, относится к Большой Медведице). Эпизод об обещании, сделанном во хмелю Акханом, отдать сына Катайхану, чем начинается сказка об Айдолее, ср. с русской сказкой: “Иван, купеческий сын” (Народн. ск. Изд. Эрленвейна. С. 32), в которой купец обещает отдать сына своего Идолу; в других русских сказках обещание дается водяному царю, или медведю, сидящему в воде (Афан. В. 5, №28), или морскому чудовищу Чуду-юде (Афан. В. 6, №49); ср. чувашское божество вод шоды-водьш (Золотницкий. Невид. мир Черемис. Каз., 1877. С. 14). Русские былины об Илье Муромце ср. с тем местом барабинской сказки об Идыгэ, где описывается ссора его с сыном Мырадылом; идолище в одном месте называется жидовским (Ор. Миллер: Ил. Муром. С. 759); Жидовин встречается в былинах о Муромце; сходное имя Батыга в былинах о Василье Игнатьевиче: “Нечисто идолище по прозванию Батыга Батыгович” (Гильф. Онежск. былины, № 245). У Шифнера (Mel. asiat. III) и Радлова (Ргоб. II. С. 60) встречается Садэймэрэн; в первом случае он, кажется, неправильно отделен от Катайхана, во втором — является богатырем, одетым в медвежью шкуру (ср. Залмокс — скифский бог, называвшийся героем в шкуре за то, что убил медведя и ходил в его шкуре). Остяки на Енисее Большую Медведицу называют Форрэдя; мрачное божество у них называется Паридэнум; оно положило начало шаманству; медведь по-юрацки — парыдина.

¹³⁵ Ср. “Семь кудаев”, то есть семь богов — высшее божество качинских татар. Не этому ли созвездию, состоящему из семи звезд, следует приписать происхождение священного значения числа семь? Семь сыновей, семь братьев в среднеазиатских былинах часто встречаются (как и девять сыновей или девять братьев; у качинцев высшее божество называется также

Монголы говорят, что Долонбурхан украл одну звезду из созвездия Мэчит; это та звезда, которая находится в середине Большой Медведицы и слабее других светит; это бог воров; этой будто бы звезде молится монгольский вор об успехе предприятия.

По киргизскому поверью, Джетыкаракчи скрадывают две звезды: Акбозат и Кокбозат — Белая и Синяя Лошадь (Кастор и Поллукс?), которые ходят посреди неба, привязанные к железному приколу — Темирказык (Полярная звезда).

Бывший старший султан в Баянаульском округе Муса Черманов сообщил мне следующие наблюдения киргизов относительно звезд.

Уркер, по-русски Лось¹³⁶, семь звезд в одном месте; в мае скрываются и не бывают видны 40 дней; по истечении этого времени снова выходят на востоке, на южной стороне так называемой кусджол — птичьей дороги. Когда восходит Уркер, непременно бывает дождь и ветер; если в это время много было дождя, то предвидится хороший год и поправка скота, если мало — засуха и недостаток корма¹³⁷.

Тогускудай — девять богов). В Юаньчаомиши у Буттэнгри братья называются Долон (долон — семь по-монгольски) хан Хотан (ср. Катайхан). В алтайской сказке Арантайджи (Radloff. Prob. I. С. 415; ср. с именами высшего божества якутов Юрюнъюин) достает себе невесту Очукаракшин (Большая Медведица, по-киргизски Джитыкаракши), имеющую семь злых братьев, которых он должен был предварительно победить. В шаманских верованиях встречаются семь лиственниц, стоящих в небе, семь небес (Зап. Геогр. общ. по общей геогр., 1869. II. С. 432), семь Эриликханов (Radl. II. С. 424), семиветвистая белая береза на железной горе, стоящей среди земли (с. 602), семь слоев земных (с. 357), семь годов Джельбэгэня (Radl. IV. С. 271), семь железных гвоздей, которыми Солбанмэргэн велел пригвоздить сына Акхана к земле (Radl. II. С. 396), семь собак Джедайхана, которые лаем предвещают кончину мира и которых Алакартага посадил на цепь (Шифнер. Mel. asiat. III). Ср. семь звезд, заключенных за преступление, до кончины мира (Порфирьев. Апокриф, сказ. Каз., 1872. С. 205) и Идолище семиглавое (Афан. Нар. ск. В. 8, №18).

¹³⁶ Лосем русские зовут Большую Медведицу, но как киргизское название созвездия, так и характеристика его говорят за то, что скорее Плеяды, чем Большая Медведица.

¹³⁷ В Воронежской губернии Плеяды называют Петровы Ключи; ключами отмыкается небо и дождь; отмыкает св. Юрий.

Спустя 20 дней по восхождении Уркара восходит другое созвездие под названием Таразы, то есть Весы; это русские Кичиги (Орион), три звезды в ряд. При восхождении его также бывает дождь. Эти три звезды носят также название Колтаразы — Ручные Весы, в отличие от других трех соседних звезд, которые называются Пудтаразы — Большие Весы. За этим созвездием спустя более 20 дней выходит звезда Сумбуле; появление ее предугадывают по тому, что козлы начинают блеять и играть с козлухами; в это время козлам привязывают под брюхо кошомки (куек) для предотвращения преждевременной случки. Если в месяце Сумбуле много будет дождя и травы вновь позеленеют, то скот поправится; если после дождливого времени в сентябре настанет ясная погода и тенеты полетят низко к земле, зима будет хорошая. Если в этом месяце бабочки и другие насекомые уснут рано и более не встанут, зима будет короткая; если же от теплой погоды уснувшие насекомые снова оживут, снега будут долго лежать.

Сумбуле две: одна называется Лаксумбуле, другая — Ульконсумбуле; первая ближе к Млечному Пути. Кроме того, есть еще звезды Темирказык (Полярная звезда), Акбозат и Кокбозат, созвездие Илек, решето (Плеяды), Джарыкджулдус (Утренняя зарница) и две вечерние зарницы: Тангнынсарыджулдус (заревая желтая звезда) и Исэккырган.

Луна — старший брат, солнце — младший брат, Одунмэчин (Плеяды) — младшая сестра. Сар нар аха дю хоир; одун мэчин хуухюндю¹³⁸.

Затмение луны (сархана) торгоуты приписывают тому, что некто Араху съедает ее; потом она снова выходит через заднепроходное отверстие. В это время торгоуты производят кутерьму, стреляют из ружей и проч. Кокчулутуны говорят: “Ай гарук тутту”, то есть месяц Гарук схватил¹³⁹, и в то время собакам уши вертят, детей кве-

---

¹³⁸ Так передавал Ходжагул, котонский дзянги, знавший хорошо по-монгольски.

¹³⁹ У чувашей затмение объясняется тем, что ее съедает вубур; ср. упыр — у казанских татар колдун, съедающий покойников (Золотн. Чув.-русск. слов. С. 157); упырь — летучая мышь. По поверью алтайцев, луну съедает Джельбэгень, сказочная людоедка, иногда многоголовый змей вроде нашего Горыныча (ср. ольби — летяга). В одной русской сказке: “Заря заряница (то

лят, из ружей палят и кричат: ай сал (отпусти луну!). Тангну-уранха бьют при затмении желтых собак и вертят хвост красному козлу.

Утренняя зарница по-монгольски Цолман, Цолбы, уриинцолбын (ур — заря); по-киргизски Чолпан; сарты в Хаами — Чолпан; котоны — Чолпан; тангну-урянхайцы — Чолпан, Джильбы-хуньяк¹⁴⁰. Древнемонгольское изречение о звезде Цолман: “Цохур моритай цохшик, Цохтай авынь балдыкшик”, то есть подобна челке чубарой лошади, подобна доспехам отца Цохтал. Цохтай будто бы был в древние времена сильный (кэцю — опасный?) человек. Киргизы говорят: чолпан айдынг кызы, зарница — дочь луны.

Вечерняя зарница по-монгольски Хоптыгэмэгён (эмыген значит “старуха”), по-тангну-урянхайски — Хоптыгкурганьяк.

Млечный Путь по-китайски тхяньхэ, небесная река по-монгольски тэнгриинцатых, небесная межа по-киргизски куснын джолы, то есть птичья дорога.

Радуга называется по-монгольски солонго, по-киргизски — кэмпирнын кусагы; кэмпир — старуха, кусак — веревка, на которую привязывают овец на ночь. Монголы рассказывают, что у одного человека было две жены, которые ссорились; старшую жену, у которой было три сына, свекровь прокляла; эта же с двумя сыновьями ушла на небо со всем скотом; теперь она привязывает своих баранов на радугу.

есть утренняя звезда, Чолпан на азиатских наречиях?) месяц скрала, солнце съела”. В старинных русских книгах затмение приписывается волкодлакам, то есть людям, обернувшимся в волков. Ср. Хорс в “Слове о пол. Игор”. “Великому Хрсови влом путь прерыскаше” (корсак по-киргизски, кирса по-монгольски, гарса по-тангну-урянхайски — *Canis Corsak*; корюк по-алтайски и по-урянхайски бурундук, *Tamias striatus*). Ср. также русские сказки с сюжетом похищения небесного светила (Худяков в Библ. для чт., 1863, №12; Афан. Народн. ск. В. 2, №30).

¹⁴⁰ Ср. ялман — по торгоутски тушканчик, *Dipus*; ольби — по-монгольски летяга, *Pteromys volans*; Джельбегень или Чельбэгень, старуха-людоедка в сказках и змей в былинах у алтайцев; Царь Чолпан в русской былине (Гильфердинг. Онежск. былины, №42), напоминающей содержанием сказания о Соломоне и Китоврасе. Сод бан — богатырь качинских татар, преследующий детей Акхана (Radloff. II. С. 37).

III. Список местных названий растений¹⁴¹

Achillea — танг. — бамб.

Aconitum Napellus, L. — халх. — манчин, джаргын — омбо, хухуценкир(?); танг. — огур.

Aconitum Lycostonum, L. — кирг. в Алтае: букам слекей (бука — бык, слекей — слюна).

Agriophyllum aenearium, M. a Vieb. — цох.-торг. — суркюль; халх. — сульхир, сулькир. Семена этого растения собираются и употребляются в пищу особенно в хошуне Эльджигэн по Дзабхыну; растение это кроме берегов Дзабхына встречается и на равнине озера Хараусу, в местности Халдзынэлисын, на южном берегу озера. Тарбагатайские торгоуты рассказывают, что им питаются беглые и разбойники, укрывающиеся в песках в окрестностях озера Халтыраш Ичкэ.

Alhagi kirghisorum, Schrenk — хам. сарт. — тугю, тегень, то есть верблюжья колючка; кит. — летхэтзы.

¹⁴¹ Сокращения названий народов, из языков которых приведены слова:

алт. —	алтайцы	соит. —	соиты
барл. на Кране —	барлыки на Кране	таб.-сум. торг. —	табан-сумынские
башк. —	башкиры		торгоуты
бурят. —	буряты	танг. —	тангуты
волжск. калм. —	волжские калмыки	тангну-урянх. —	тангну-урянхайцы
дюрб. —	дюрбюты	тарбаг. торг. —	тарбагатайские
зырян. —	зыряне	торг.	торгоуты
караг. —	карагассы	тат. каз. —	татары казанские
кирг. —	киргизы	тат. тоб. —	татары тобольские
кит. —	китайцы	теленг. —	теленгиты
кокчул. —	кокчулутуны	тунг. —	тунгусы
кот. —	котоны	урянх. —	урянхайцы
мещер. —	мещеряки	халх. —	халхасцы
монг. —	монголы	хам. сарт. —	хамийские сарты
русск. —	русские	цох. торг. —	цохур-торгоуты
сарт. В Тянь-Шане —	сарты в Тянь-Шане	хото-г. —	хото-гакту
		черем. —	черемисы
		чуваш. —	чувашы
		якут. —	якуты

Allium polychryzum, Turcz. — кирг. — кой джуа — овечий корм.

Allium senescens, L. g. *scrotinum* — халх. в Хангае — мангин. Употребляется в пищу, вкус имеет сладковатый.

Allium Potanini, Reg. — халх. — когыт.

Allium fistulosum, L. — халх. — сонгин; луковица его — сонгин, шейка — нарин худзю, ботва — царгун; кирг. — сарымсак; цох.-торг. — джумагыл. Встречается во множестве в скалистых горах Хангая и Тангнуолы; по рассказам халхасцев, есть и в горах около р. Биджи, в Восточном Алтае и на Цастубогдо. Кит. цунь (по сообщению китайского солдата на Харауле Джинджилик). Котоны — бияс; тангну-урянх. — сонгуна.

Allium caespitosum — халх. в Хангае — танг.

Allium? — соит. — гульджа; по словам урянхайца, бывшего у нас вожаком, по-монгольски этот лук называется мангиртын или мангырцин; китайцы будто бы едят его. Наши рабочие, халхасцы из Алтая, называли его тан. Я собрал с него только семена.

Amygdalus(?) — халх. — чирга.

Amygdalus, другой вид(?) — халх. — буйлэс.

Anabasis(?) — халх. — баглыр.

Antennaria alpina, R. Вг. — халх. — цаган тую; танг. — лавра; монголы делают из него трут.

Archangelica officinalis, Hoffm. — аюбулдырган (медвежий дягиль).

Artemisia разных видов — халх. — шарильджи, шарильджин;

соит. — шапшан; тангну-урянх. — сырысыгэнь.

Artemisia sacrorum, Led. — халх. — шявык. Во многих местах это растение служит единственным топливом.

Astragalus из отряда *Tragacanthae*, *nova species* — кирг. — джирэн; кокчул., халх. — ортыт, улан ортыт (ср. туартыш — горный можжевельник по-алтайски (см. Грамматику алтайского языка. Казань); тат. в Крыму — ардыш, артэш *Juniperus communis* et *Oxycedros*); кит. — лоху чу. Растение это встречается только к востоку от вершин Черного Иртыша; в Тарбагатае и Сауре его нет. Киргизы говорят, что это растение было единственное во время древнейшего хана Ас-джанибека и что оно было указано людям

советником этого хана, мудрым Джирэншэ-шэшэном, для употребления вместо топлива. Растение гнездится по голым горячим скалам, состоит из множества жестких колючих шипов, образующих шаровидный куст; цветы и листья прячутся в пазухах между этими колючками. Видом своим растение напоминает ежа (по-монг. еж. — дзара, по-алтайски — джарана).

Astragalus из отряда *Tragacanthae*, другой вид — халх. — цаган ортыт; соит. — шыбага. Растет на песчаной почве.

Atragene alpina — халх. — чидур убюсун, путы — трава.

Atraphaxis(?) — хам. сарт. — логан.

Betula alba — халх. — косу; кот. — колед; тангну-урянх. — кадун.

Betula nana — кирг. — карабута.

Berberis sibirica — халх. в Хангае — ургюсткараган, то есть колючая карагана; хото-г. — шарьмото; халх. на Тесе — шарьмодо, то есть желтое дерево; соит. — гунисамыл(?).

Calligonum — кирг. — джузгунь; хам. сарт. — юзгян; халх. в Вост. Алтае — цаганбюр; в Аджибогдо называли его мне также буруль джин.

Saragana frutescens, tragacanthoides etc. — кирг. — карагана; торг. и халх. — харгана; кокчул. — хак. Монголы различают виды: ухырьхаргана, хонихаргана, яманхаргана и алтын харагана, то есть коровья, овечья, козлиная и золотая карагана; кот. — харганак; тангну-урянх. — караган.

Saragana jubata, Poir. — халх. — тэмэн сель.

Cetraria rangiferina — кирг. — чиргене(?); халх. в Таннуоле — цаганкопкы.

Cirsium esculentus — кирг. — тюзтабан, то есть верблюжья подошва; торг. — кугусун (усун по-монгольски молоко); кокчул, эмчек, то есть грудь женская. Вероятно, это же растение известно тангну-урянхайцам под именем эмишькыэк.

Cirsium aff. *C. perndula* — хам. сарт. — кулан куча.

Clematis orientalis, L. и другие вьющиеся виды — цох-торг. — уралдангу; хам. сарт. — мангдар; халх. в Вост. Алтае — чюдур, то есть путы. Сарты в Тянь-Шане говорили, что они толкут его и нюхают.

Cotoneaster uniflora etc. — хам. сарт. — ргай; кот. — эргаагач, тангну-урянх. — ргай.

Crataegus sanguinea, Pall. — кирг. — дулана; цох-торг., кокчул. — дулана.

Synanchum — халх. на Дзабхыне — тэмэнхок; сарт. в Тянь-Шане (дер. Нарынгыр): мангдар (смешивается с *Clematis*).

Synopodium coccineum — кирг. — сумьгул, сунгула (в каталоге Туркестанской выставки 1872 года сунгула определено *Rhipea sungula*, Reg.); халх. — гаёха, гуёха; хам. сарт. — гаехай, гуяхай; танг. — джунцза. Монголы, наши рабочие, ели это растение и говорили, что его особенно едят китайцы. Не это ли растение называется по-китайски жоуцунюн, которому китайцы приписывают возбуждающее действие? Для той же цели оно употреблялось прежде и в Европе под названием мальтийского гриба, *Fungus melitensis*. Китайский путешественник XIII века Чанчунь, проезжая через Северо-Западную Монголию, сообщает, что здесь растёт жоуцунюн, который местные жители называют соянь (Труды Пекин. мисс. IV. С. 339). О. Палладий перевел его *Synopodium coccineum*, а г-н Брэтшнэйдер — *Orobanche*.

Dryas octopetala, Richards. — хото-г. — хаталдзы (?).

Echinops Gmelini, L. и, вероятно, другие виды — кирг. — таспагу (таспа — узкий ремень, ку — трут); барл. на Кране — сонцзу; халх. — хошуна Заиншаби — хонгордол, моринурул; хото-г. — ургестай; халх. — хошуна Кэбитушегуна: кичигин. Повсюду делают из листьев его трут, сушат и растирают.

Elymus — хото-г. — уудюрубюс (сомнит.).

Ephedra vulgaris, monosperma etc. — кирг. — кызылча; монг., кокчул. — дзеергеня; соит. — таро; кот. — дзеергеня.

Epilobium angustifolium, L. — кирг. — ат кабар, то есть лошадь укусит; ср. у русск. алт. крестьян: коневник.

Erythronium Dens canis, L. — кирг. и цох.-торг. — бэк; кокчул. — бэс. У Анненкова, кроме бесс, есть еще название дзонгилгай из Ледебуровой Fl. Ross. Это напоминает торг. название кэлка, которое относится к другому лилейному. По словам киргизов, бэк любит расти на аулищах и киях, то есть кучах навозных дров. Урянхайцы делают из него коджу (похлебку).

Eurotia ceratoides, C. A. Mey. — кирг. — тэрскэн; кокч. — тэскэн; халх. — тэскэнь, тэский.

Festuca ovina, L. — халх. в Уляссутае — бутул.

Gentiana altaica, Pall. — кирг. — акпас (то есть белая голова²); танг. — банджин.

Glycyrrhiza aspergilla, L. — кирг. — мья; монг., кокчул. — чикырбуя; кит. — канцхао; танг. — шингыр.

Haloxylon Ammodendron, Bung. — кирг. — сөксөуль; торг. и халх. — дзак; сарт. в Тянь-Шане — сексек; китайские крестьяне в Тянь-Шане — суасуа. Дерево употребляется на дрова; в китайской деревне Сантаху, к северу от Баркуля, это обыкновенное топливо. Верблюды любят верхушки дерева. Самое северное местонахождение саксаула — долина Дзерге; кроме того, мы встретили его к югу от Восточного Алтая в местностях: Гашиун (к югу от р. Биджи), Гуньтамга, Гашиундзюх и Бура; по рассказам монголов, он есть около озера Хониусу, образующегося из разлива р. Биджи.

Heracleum Sibiricum, L.² — халх. в Уляссутае — ухырьгонит. Едят толченые семена его с мясом.

Hierophae rhamnoides, L. — халх. — цициргана; кот. — кызылягач; тангну-уряньх. — чичиргана.

Hyosciamus niger, L. — кирг. — мень дуана (дуана — юродивый, ворожея; ср. индуань, шаманка у киданей (см. Тр. Пекин. мисс. IV); по-чуваш. белена называется ильбень, тат. — делими-нан (Анненков. Бот. сл.).

Hyoscyamu physaloides, L. — халх. — хонхоту.

Hyssopus officinalis — кирг. — тасчирган. Кладут в детские люльки.

Inula Helenium — кирг. — карандыс; торг., халх. — анчис, кокчул. — андис; уряньх. на Булгуне — антыс (ср. у Анненк. латышск. — аглаңдес, *Inula Helenium*).

Iris — хам. сарт. — дангыр, чакыртмак; кит. — малин.

Juniperus — монг. — арца; кирг. — арча; кот. — арчан; тангну-уряньх. — артыш.

Juniperus communis, L. — халх. — яманарца, то есть козлий можжевельник; его употребляют для жертвенных воскурений шаманы бо, но не ламы.

Juniperus Sabina, L. — халх. — хониарца, то есть овечий можжевельник. Служит ламам для воскурений.

Lasiagros tissplendens, Kunth. — кирг. — чий; торг. и халх. — дэрэсун; кокчул. — тэрэсун; соит. — дэрисын (ср. русские названия:

дырса, *Bromus* Петерб. губ. (Анн. Бот. сл.); малорос. — терса, дикие злаки); кит. — чиджиэ. Урочища, покрытые зарослями этого растения, которые по-русски можно было бы назвать чишцами, по-монгольски называются тункэ. Киргизы плетут из стеблей этого растения циновки, которыми обставляют юрты; у монголов таких циновок не встречается. Китайцы в городе Кобдо вяжут из дэрису метлы и уполовники; последние встречаются и у монголов в юртах.

Lilium Martagon, L. — кирг. — сарапа(?); кокчул. — хай(?); халх. в Алтае и Хангае — шарь томыс; тангну-урянх. — ай.

Lonicera tatarica, L. — халх. — далан халисын, далан халис, хото-г. — тале халисын; сарт. в Тьянь-Шане — тутушкаты; танг. — чордза; кот. — толо тамырдай агач.

Lycoperdon bovista — халх. — тэнгриин тули (тэнгри — небо, тэн. гриин — небесный; тули — глухой, о предмете без отверстий). Думают, что если в глаз попадут споры, человек ослепнет. Тангну-урянхайцы — дэрь одо (дэрь — небо).

Lycium turcomanicum, Fisch. et Mey. — хам. сарт. — чит; кит. в Тьянь-Шане — цыгуа дза; кирг. в Тарбагатае — итсийгэк.

Morus alba, L. — сарт. в Тьянь-Шане — джуджим.

Muricaria germanica, Desv. — кирг. и торг. — балгын; тангну-урянх. — коданхагы.

Nanophytum caspicum Less. — кирг. — байюргын; халх. — багалур(?); дюрб. — тар(?).

Nitraria Schoberi — монг. — цаган теджгене.

Obione verrucifera, M.-T. — кирг. — ссэрэнэт.

Oxytropis aff., *O. trichophysae*, Vge, nova spec. — халх. — такш, такишь, такши. Растение это, по словам халхасцев, очень любит барсук. Лошади будто бы с него жиреют.

Rachupleurum alpinum, Led. — танг. — церегарб.

Raeonia anomala, L. — кирг. в Тарбагатае — чугунук; кокч. — чумнук; тангну-урянх. — ченгнэ; халх. в Хангае: корень — цэнне, цветы — урун бар. Один лама сообщил мне, что в тангутском языке об этом растении существует выражение “дзансгин гашик”, которое он перевел словами: джемисин хан, то есть царь съедобных диких растений.

Reganum Harmala, L. — кирг. — абдраспан; барл. на Кране — адырмишь; кит. в Хами — чоихынхуа. Киргизы кладут его в детские люльки.

Phlomis tuberosa, L. — танг. — той пилинг.

Phragmites vulgaris, Trin. — халх. в Хангае — цэгис, у южной по-
дошвы Алтайнуру — хулусу, хулусун, у Таннуола — шакшиурга;
соит. — кулусун.

Pinus Ledebouri, Endl. — кирг. — карагай; кот. — гаргай; халх. —
хара модон, харагай; торг. — харагай; сарт. в Тьянь-Шане — код-
журы; тангну-уряньх. — тот; алт. — тыд; кит. — сомо. Шишка — хам.
сарт. — коджуринг мого; халх. — шокшого; тангну-уряньх. — шок-
шогой. Лиственная сера у халх. — моко.

Pinus orientalis, L. — кирг. — самырсын карагай(?); алт. — чиби;
тангну-уряньх. — шиби; хото-г. — гацзуур; уряньх. на Булгуне и
Чингиле — цзойго. Эти урянхайцы говорят: три дерева не теряют
зимой зелени — цзойго, дзеергенэ (*Ephedra*) и арца (*Juniperus*).
Кит. — сунмо.

Pinus sylvestris, L. — алт. — карагай, халх. — нарыс.

Pinus sembra, L. — халх. — самыркошь; алт. — мошь; тангну-
уряньх. — пошь.

Planthago — сарт. в Тьянь-Шане (дер. Ном) — киярпша; халх.
в Хангае — у ургюн, бо юргун (ср. кирг. бай юргын, *Nanophyton*).
Бу юргун называли мне казенные хлебопашцы близ Кобдо, как
растение, из семян которого делают муку.

Polygonum viviparum, L. — халх. в Хангае и Таннуола — мэхир, мя-
кир; халх. в Вост. Алтае, близ Бугухайрхана, — урген, наземная часть
растения; хото-г.: корень — мякир, плоды — уургеня; танг. — гадур.
В Хангае и на Таннуоле корни употребляются в пищу; их обыкно-
венно ищут в порах полевки, которые делают большие запасы этого
корня на зиму; в местах, где нет хлебопашества вследствие абсо-
лютной высоты места, как, например, на караульной линии между
Косоголом и Джинджиликом, корешок этот с успехом заменяет
хлеб. В хошуне Хэбитушегуна в Алтае верхушку растения зовут
уургеня и, осмыгивая ее, едят зерна; корни же, по-танг. гадурь,
копают только ламы, а народ не ест. Пьют навар корней от кашля.
По показанию других лам, гадурь называется другой *Polygonum*
(*Bistorta*?); *Polygonum* же *viviparum* в отличие от других носит
название лигадурь. Сойоты на Джинджилике зовут это растение
муйрак, алтайцы — мангыр, урянхи на Булгуне и Чингиле — уур-
геня, котоны — уургөнө.

Polygonum Laxmanni, Lep.(?) — халх. на Косоголе — баурин, бабрын, баварин.

Populus diversifolia Schrenk. — монг. — тогура, тоора; хам. сарт. — тогра; кит. в Тянь-Шане (дер. Сантаху) — вы тхуон.

Populus nigra, L. — халх. — улясу, улясун, уляс; хам. сарт. — тарак; кот. — терген; тангну-уряньх. — терек.

Populus tremula, L. — халх. — тор (?); алт. — аспак.

Potentilla fruticosa L. — халх. в Хангае — бурулцыгын; хото-г. — боролцза.

Pulsatilla — халх. в Вост. Алтае — ургей.

Rheum leucorhizum, Pall. — халх., торг. — гэшивын, гэшиун; халх. в Восточном Алтае (в Аджибогдо) — баджиун; сарт. в Тянь-Шане — гэшиун; танг. — чурдза; кокчул. — серебсын?

Rhododendron fragrans, Maxim. — халх. в Таннуоле — сурныг (записано от ламы). *Rhododendron druricum* — хото-г. Сургер потребляется ламами для воскурения; кладут в нюхательный табак для запаха.

Ribes nigrum, L. — сарт. в Тянь-Шане — хат, кат; халх. в Хангае — ухурин ут.

Rosa — халх. в Алтае — нохойн хошу, в Хангае — ола олдзыгын, на Тесе — нохай сюхэ; соит. — ыткады, кызыл гат.

Salix, низкорослые виды — халх. — бура; сарт. в Тянь-Шане — шуну; высокие виды — халх. — бургассу; сарт. — тал; кот. — тала; тангну-уряньх. — тал.

Salsola brachiata, Pall. — кирг. — моралчуб.

Sanguisorba alpina, Bunge. — кирг. — джалбыс; халх. — суть. Едят корни, которые бывают длиной в локоть. У Рашид-эддина рассказывается, что джеллапры, разоренные китайцами, питались растением судусун (Зап. Археол. общ. XIII. С. 16). Тангну-уряньх. дают этому, кажется, растению название хадзарый.

Sarcosygium tripteris, Bunge. — халх. — торлык; кит. в Хами — йэньженьгуа.

Sophora alopecuroides, L. — барл. — кумурбуя; таб.-сум. торг. — корун буя; сарт. в Тянь-Шане — буя (Ном), бидэ (Хами); кит. — кыушитху, то есть собачий язык.

Sphaerophyza salsula, D.C. — хам. сарт. — буяу.

Spigaea, кустарные виды — кирг. — тобулга; монг. — табылга; кокчул. — сескөн(?).

Stipa consanguinea, L. — халх. — килагана; в Вост. Хангае — хушь, нохонхошу, то есть собачий нос; у озера Сангиндалай нохойн сель, то есть собачий хвост; в Алтае у горы Цастубогдо — нохойншибэк; на Тесе — шибэ; соит. — адзыха.

Tamarix — кирг. — джингыл; монг. — суха, сухай; сарт. в Тьянь-Шане — балгын.

Taraxacum — кит. в Тьянь-Шане — пофудэн; танг. — гурдурсэв.

Teloxys aristata, M. T. — халх. — сол, соли. Растет на берегах Дзабхына на песчаной почве. Из семян готовится мука.

Thermopsis lanceolata, R. Br. — халх. на Сангиндалае — тарбаганай ширь, то есть голень сурка. В норах сеноставки часто встречается это растение в виде охапки, которой заткнуто отверстие норы.

Tulipa tricolor — хам. сарт. — токо пияс, то есть куриная лиля.

Turpha — монг. — сулбуксу, когилюр; кирг. — убульдрук. Монголы набивают этим растением комы, то есть подушки верблюжьего вьючного седла.

Trollius asiaticus, L. — сарт. в Тьянь-Шане — серпк запар.

Umbilicus — халх. — тэмэнсель, то есть верблюжий хвост, гадзыруляты.

Urtica cannabina, L. — халх. — галхай, халгай, халга (гал — огонь; ср. татарские названия шалкан, чалкан). Из семени монголы дают масло. В хошуне кобдинских казенных хлебопашцев масла крапивного не знают, но из семян делают муку; растение молотят, завернув его в войлок. Уверяют, что если верблюд наестся крапивы, у него раздувает брюхо. Хам.-сарт. — ямантекень; кит. — тсыма; кот. — халхай; тангну-урянх. — чжахарот.

Vaccinium vitis idaea, L. — хото-г. — аписхэ.

Veratrum album, L. — кирг. — уу коссаргын (ср. алт. — сыргак, аксыргаак). Корень киргизы сушат и порошком присыпают червячие раны у овец.

Zygophyllum — халх. — хонгуротусу.

Далее я привожу названия растений, латинские имена которых остались неопределенными.

Сасыр — кирг. в Тарбагатае (какое-то зонтичное). Лошади и коровы от него жиреют.

Мунданак — кирг. в Тарбагатае. Подземный клубень едят.

Джауказын или байчичек (Тулпа?) — кирг. Луковицу едят.

Кэлкя — торг. в Сауре; оно же у кокчул. сонджакай. Съедобно.

Джауджумыр — кирг.; джууджумыл — торг. в Сауре. Едят корни. Нижняя часть растения, по словам киргизов, похожа на *Cirsium esculentus*.

Джилькэк — кирг. (сравн. кэлкя). Киргизы едят верхушку растения, смешивая ее с айраном.

Биэинчек — кирг. Едят подземные корни, которых накапывают с горсть с одного экземпляра. Растение колючее, походит на *Cirsium esculentus*.

Аркар джусан, то есть аркарья полынь. Идет только вместо дров.

Акчий — кирг.; цагантункэ — торг. и халх.; актунгэ — кокчул (какое-то Gramineae).

Балчиргана — торг.; балдыргана — кокчул.; вероятно, то же, что по-киргизски бульдергенъ (*Fragaria*).

Кангбак — кирг. Какое-то растение из сем. маревых; осенью кусты срываются ветром и катаются по степи; длинный корень до 1 фута длиной употребляется от болезни курт; растет на гладких и песчаных местах.

Кекре — кирг. Считается ядовитым (*Saussurea discolor?*).

Курунчи — кирг. Считается лучшим кормом для лошадей на альпийских полях Алтая.

Кызыл сурюк — кирг. Считается лучшим кормом для овец.

Чукур — кирг. Растет в чиях; дает желтую краску, которой красят замшу. Может быть, то же растение следует разуместь под торгоутским тушут, которое также дает желтую краску.

Джержкалымпыр — кирг. Кладут в кумыс для запаха.

Зиря, зирдэк — кирг. Киргизы вымолачивают зерно и делают из него коджу (похлебку); растет на лесистых лугах речек.

Тюэгарын — кирг. Колючее растение на песчаной почве (*Agriophyllum aeneum?*); из зерен его также делают коджу; от одной чайной чашки наваривается полный котел коджи. Из скота ест это растение один верблюд.

Хамтгыс — халх. Трава, из которой делают трут.

Адзурган, халх. Какое-то зонтичное, растущее на речных лугах; корневище едят.

Уркек — халх. близ Уялссутая, дюрва близ Косокола (Elymus).

Буйлэс катугара — халх. (Amygdalus). Ветви употребляются на бурундуки; дерево хрупко, и потому буйлесовый бурундук скорее ломается, чем рвет нос, если погонщик сильно тянет за поводок. Из орешков набираются чотки.

Цаган томьс — халх. В хошуне Кэбитушегуна есть только цаган томьс, а шарь томьсу (L.Martagon) нет. В земле казенных хлебопашцев близ Кобдо цаган томьс растет на горе Норук; цветы желтые.

Гичигин, гичжигин — халх. Съедобное растение. Тангну-урянхайцы также знают его под именем кичигина.

Ямахай — халх. В Хангае нет, растет около Богдохурэ, то есть Урги; будто бы носит три тангутских названия: арани, нисчин, бабру.

Нохон джерен, нохон ширэн, то есть собачья голень халх. (Tragorogum). Сильно укрепляет пески; длинные корни, соединенные в толстые пучки, иногда толщиной в руку, употребляются на топливо по дороге, идущей подле Дзабхына.

Тюргун цаган — халх. на Косоколе; чилон чурмыс (чило — камень, чурмыс — нитки из сухожилий, то же, что по-киргизски тарамыс); танг. — ламрэ. Это, кажется, то же растение, которое выше было названо адзурган; мне приносили показать только корневища во время стоянки на р. Эг. Корни считаются целительными от полома кости.

Булганы чикы, то есть ухо соболя — халх.

Хонгор цзул, хонгор цзулу. Это имя известно и в Кобдо, и на Тесе, и в Заиншаби; однако один лама из хошуна Дзасакту хана назвал мне этим именем одну сауссурю, халхасец на Тесе и один халхасец с Цастубогдо — центаврею, а заиншабинец — Eclipsosphaeroscephalus.

Хулугунай тосу, то есть мышинное сало, — халх. Растение с шаровидными съедобными корешками, которые едят вареные. Растет около Кобдо; жители сами копают корешки, а не забирают у мышей.

Михэра тарачины (казенные хлебопашцы близ Кобдо) различают два сорта: ухырьмихэр — коровий и хургумихэр — ягнячий; последний берут из нор мышей, ухырьмихэр копают. Ухырьмихэр

выше ростом; оба растения на высоких горах, в земле тарачинов в урочище Мухурцаганбургассу.

Джуацай — халх. Мелкий лук, растущий пучками; китайцы возделывают его. Много в местности Уланхудук в той же тарачинской земле.

Кумули — халх. Название этого растения, по-видимому, лилейного семейства, я слышал и в Алтае, как Западном, так и Восточном, и в Хангае, но нигде не мог достать его. Оно, по рассказам, есть и в тарачинской земле в урочище Цахирхудук, в 15 ли от города Кобдо. И корень, и наземная часть растения съедобны. У тангну-урянхайцев оно называется гульджабаши.

Сарана — уранх. Этим именем в долинах Чингиля, Хара и Хозбина называется лилия с красными цветами и белой луковицей (*Lilium tenuifolium*).

Грибы монголы называют тэнгриином ку, торгоуты — тэнгриинки, кокчулутуны — моюгу, киргизы — койбалдырган.

Список местных названий животных¹⁴²

Звери

1. *Hiroptera* — халх. — сарисын баабагай¹⁴³; кирг. — джерж канат, то есть кожаное крыло; соит. на Тесе — джасхэ¹⁴⁴; сарт. в Хами — хараябалак¹⁴⁵. По словам одного тарбагатайского торгоута, киргизы в Тарбагатае зовут это животное джаргак хотун.

2. *Ursus arctos*, медведь — халх. в Хангае — маджалай, мадзалай, мачадай, баабагай¹⁴⁶, хара гуресу, нохай хара гуресу; около Косокола — утук; на Бельтысе — утук, хара утук, мацзалай; кокчул. —

¹⁴² Сокращения те же, что и в списке названий растений.

¹⁴³ У волжских калмыков бакбагай — летучая мышь (Голстунский. Словарь). Ср. также баабагай — медведь у монголов и бабочка.

¹⁴⁴ Ср. джускен — водяная крыса у алтайцев (Грамм.).

¹⁴⁵ Джапалак по-киргизски *Aegolius Otus*, япалак по-башкирски — *Scrimulgus euroaeus* (Сабанеев).

¹⁴⁶ Абагай значит “дед”; баабагай — дед ба. Чуваши называют медведя аба (Золотницкий. Чув. сл.); аба на сибирско-татарском — дед; алтайцы называют медведя абшияк (старик), якуты — аса, то есть дед (Бэтлинг) или эге (Третьяков), зыряне (Сабанеев) — ош, обдорские остяки (Поляков) — ошника.

маджеляй; соит. на Тесе — ирэй, атыг¹⁴⁷, кайракан, кара хаирхан¹⁴⁸. Идя на охоту, называют зверя: кара джимэ (черная вещь); сарт. в Тянь-Шане — яурык¹⁴⁹; дюрб. — аю; хара гуресу; кот. — маджалья. Самец: соит. — таг эрхек. Медвежонок: соит. — джарында.

3. *Meles taxus*, барсук: халх. из-под Урги — торго¹⁵⁰; в Алтае — торгун, цзорхун, халдзетай; соит. на Тесе, алт.: барсук¹⁵¹; кот. — зорхон; дюрб. — цзорхун.

4. *Gulo borealis*, рососомаха: халх. — дзехе; различают два вида: булгун дзехе и хэнгрик дзехе; что следует разуместь под этими названиями, осталось неразъясненным¹⁵²; соит. на Тесе — джекпа¹⁵³. По словам одного шамана, халхасцы рососомаху зовут нохон гурясын, дюрб. — зекин.

5. *Mustela martes*, куница: халх. — сузар; соит. на Тесе — суусыр; хото-г. — суусыр¹⁵⁴; дюрб. — суусур; кот. — суусар.

6. *Mustela zibellina*, соболь: халх. в Хангае в Алтае — булугун, булугу, булык¹⁵⁵; соит. на Тесе — гишы¹⁵⁶; во время охоты, когда считается опасным произносить настоящее имя, — алдык; кит. — тяосу; дюрб. — булгун; кот. — булган.

7. *Mustela putorius*, хорек: халх. в Алтае и Хангае — умухи

¹⁴⁷ Тюркск. айыг, мещеряки и башкиры — ай ю, алтайцы — аю.

¹⁴⁸ Урянхи на Косоголе (Гельмерсен in litt.) — гара гайрхан; сойоты и буряты (Radde Reise nach Ostsib.) — хара гурухэн, карагассы (Этн. сб. IV. С. 3) — курсей; это название напоминает монгольское гурёсу — вообще зверь, и тангну-урянхайское или соитское — гарса, *Canis corsac*.

¹⁴⁹ Обдорск. самоеды (Поляков) — уэрк; юраки (Третьяков) — ворга.

¹⁵⁰ Сойоты и буряты (Радде) — дорогун; монголы (Радде) — мангезу, урянхи на Косоголе (Гельмерсен) — доргон.

¹⁵¹ Киргизы — барсук; башкиры — барсык; казанские татары — бурсук; чувашы — порыш (Золотн.).

¹⁵² Сойоты (Радде) — дзеген; алтайцы (Грамм.) — джеккен; якуты — сегян, сиэгань (Поряд., Трет.); тунгусы — цзюкун.

¹⁵³ Карагассы — чехба (Этногр. сб. IV. 3).

¹⁵⁴ Алтайцы — сузар.

¹⁵⁵ Сойоты (Радде) — булугу; дархаты, монголы, буряты (Радде) — болого; солоны и дауры (Радде) — болага.

¹⁵⁶ Алтайцы — кишь; урянхи на Косоголе (Гельмерсен) — гишь; якуты — кис; карагассы — кыш.

хурин¹⁵⁷; на Тесе — будонг худзе¹⁵⁸; соит. — чытыг гарса; кирг. — сасыккузень; алт. — джоумоин, эрлэн кузэн (то есть длиннохвостый хорек?); дюрб. — умуя курня; кот. — курня.

8. *Mustela lutreola*, L. — норка¹⁵⁹.

9. *Mustela sibirica*, колонок: халх. — солонго¹⁶⁰; тангну-уряых. — солонга; алт. — кишь коло¹⁶¹; дюрб. — солодга; кот. — тувар чичкан.

10. *Mustela erminea*, горноста¹⁶²: халх. в Алтае и Хангае — уй, цаган уё¹⁶³; тангну-уряых. — ас¹⁶⁴; кирг. — ак теин (Словцов. in litt.)¹⁶⁵; дюрб. — оюн; кот. — ак чичкан.

11. *Lutra vulgaris*, выдра¹⁶⁶: халх. — супгалю¹⁶⁷; соит. — гара кундуз¹⁶⁸; кирг. — суп; дюрб. — халиун.

12. *Canis lupus*, волк: монг. — чоно, шоно; кирг. — каскыр¹⁶⁹;

¹⁵⁷ Монголы — курун (бурый — Радде).

¹⁵⁸ Монголы — будонг кучун (толстая грудь — Радде); алтайцы — кузён (Грамм., Радлов); казанские татары — кюзань (Золотн.); тоб. татары — кусён. Ср. куджо, сеноставка по-бурятски.

¹⁵⁹ Ср. черемисск. — нерге, *Meles taxus*. (норка у башкир — шяшкэ); чуваша — шашка; черемисы — шашкэ; киргизы и каз. татары — шэшкэ. У карагассов шашак есть евражка (Этн. сборн. IV. С. 3). Ср. кирг. шишкан — мышь.

¹⁶⁰ Сойоты, буряты (Радде) — холунго; тунгусы (Радде) — солонго; тоб. татары и русские в Алтае — колонок.

¹⁶¹ Алтайцы (Грамм.) — сарас; русские в Забайкалье (Радде) — харок; остяки — кыт (Третьяков). Ср. с последним алт. джиды — суслик.

¹⁶² Якуты — кырынас (Поряд.); юраки — горнок (Третьяк.); мадьяры — gogeny.

¹⁶³ Волжские калмыки — ой ян.

¹⁶⁴ Алтайцы (Радлов) — агас, акас; каз. татары (Золотн.) — ас, акас; чуваша (Золотн.) — йос; черем. (Золотн.) — йош (ср. русское еж, *Epinaceus eugoraеus*); чуваша Свияжск. уезда — юс.

¹⁶⁵ Актеин значит “белая векша”. В Оренбургской степи киргизы зовут горноста¹⁶² актышкан — белая мышь (Мейер. Опис. Кирг. степи).

¹⁶⁶ Остяки в среднем течении Оби — вандэр; ляпинские самоеды — вантэр; якуты — быдара; зыряне — вурд.

¹⁶⁷ Монголы (Радде) — калюн.

¹⁶⁸ Алтайцы (Грамм.) — камду; башкиры, каз. и тоб. татары — кама; черемисы (Золотн.) — кома; чуваша (Золотн.) — хома.

¹⁶⁹ Каз. татары — качкыр; чуваша (Золотн.) — кашкыр; каз. татары (Золотн.) — курд; ср. русское хорт — охотничья собака.

сарт. в Тянь-Шане — буря; соит. — цоре¹⁷⁰; дюрб. — чоно; кот. — бор.

13. *Canis vulpes*, лисица: халх. в Хангае и Алтае — унюгун, унюг¹⁷¹; кирг. — тюлькэ; соит. на Тесе — тильгэ; хам. сарт — тулкэ¹⁷²; дюрб. — унюг; кот. — тульку.

14. *Canis corsac*, корсак: халх. в Хангае — хирса; соит. — гарса, арса; алт. — крыса¹⁷³; дюрб. — кирс; кот. — кирса.

15. *Felis Lynx*, рысь: халх. в Алтае — шилюсин, шилюс (различают хонин шилюс и морин шилюс, то есть овечью и лошадиную рысь¹⁷⁴; алт. — шлэусэн; тоб. тат. — сляусын; кирг. — слеузин; тангну-урянх. — юс (различают хойюс и атюс, то есть овечью и лошадиную)¹⁷⁵; дюрб. — шулюусун; кот. — шулюусанг.

16. *Felis tigris*, тигр: халх. — бар¹⁷⁶; кирг. — джолбарс; тоб. тат. — юлбарс; хам. сарт. — елбас¹⁷⁷; тангну-урянх. — бар; кот. — бар.

17. *Felis irbis* — халх. и тангну-урянх. — ирбис.

18. *Felis manul* — халх. — мануль; тангну-урянх. — манула; хото-г. — маны; алт. — мана; кирг. — мялин; тоб. тат. — мялим; кот. — манала.

19. *Felis Leo*, лев — монг. — арслан; кирг. — арслан; тангну-урянх. — орсыланг¹⁷⁸; алт. — карагула.

¹⁷⁰ Башкиры, тоб. татары, урянхи на Косоголе — бурё; каз. татары — буру; алтайцы — пору; черемисы — пире; карагассы — бюрэ; якуты — бёрё.

¹⁷¹ Ср. энък — щенок собаки у тангну-урянхайцев; унягс — щенок у якутов; вэнэку — собака у обдорск. самоедов (Поляков); тунгусы (Schiefner): гинакин, инакин, игенакин — собака.

¹⁷² Алтайцы — тэльгэ; урянхи на Косоголе (Гельмерсен) — дулхо; башкиры — тюлькю; каз. татары — тульку; тоб. татары — тюлькё; карагассы — тильгэ; чуваша (Золотн.) — тиль; тунгусы (Schifner) — шулаки, сулаки, хуликан, соле.

¹⁷³ Монголы (Радде) — кирассу.

¹⁷⁴ Сойоты, буряты (Радде) — шюлюнгун; алтайцы (Грамм.) — шулузин; каз. татары — сияусин; чуваша (Золотн.) — сюлявэс; башкиры (Сабанев) — ляунгын шулюки, хуликан — лисица по-тунгузски (Schifner). У якутов сюлюкин — водяной (Порядин); у русских на Иртыше шиликун — черт.

¹⁷⁵ Карагассы (Этн. сб. IV. 3) — ус.

¹⁷⁶ Буряты (Радде) — бар; алтайцы (Грамм.) — пар, парс.

¹⁷⁷ Каз. татары (Золотн.) — юлбарс.

¹⁷⁸ Алтайцы (Грамм.) — орыслан, орсылан; чуваша, каз. татары — арслан.

20. *Felis catus*, кот, — тарбагат. торг. — мис; тангну-уряньх. — мор; кит. — мар; кирг. — мысык; хам. сарт. — мушюк¹⁷⁹.

21. *Eripaceus euroraeus* — халх. в Хангае и Алтае — дзара; соит. на Тесе — джара; алт. — джарана; кирг. — кэрпэк шэшэн, кэрпэк чэчэн, кэрпэ; хам. сарт. — керпя¹⁸⁰; кот. — тэжянду тонгус, то есть колючая свинья.

22. *Pteromys volans* — халх. в Алтае и Хангае — ольби, олюб-хулгана¹⁸¹; соит. на Тесе — ольби; алт. — бобырган. Один шаман сообщил для этого зверка халхасское имя хуладжиргыл.

23. *Sciurus vulgaris*, белка: халх. — хэрим, хэрими¹⁸²; дюрб. — кэрмын; кирг. — тиин¹⁸³; тоб. тат. — тыин; соит. на Тесе — тин; на охоте секретно: сырбык; алт. — чирбык¹⁸⁴; кит. — куйсу; кот. — кэр-мян. Самец: соит. — аскыртин.

На мешерякском арслан — лисица. Якуты зовут льва хахай (по-монгольски гахай — свинья).

¹⁷⁹ Каз. татары (Золотн.) — маса, пси, мача — самка; мадьяры — мачка, самка.

¹⁸⁰ Каз. татары (Золотн. in litt.) — крпи; башкиры (Сабан.) — терпе; чувашаи — чирип; чувашаи Свияжск. уезда (Золотн.) — дирип (auct.).

¹⁸¹ Ср. ялман, *Dipus*, по-торгоутски. У Радде приведено бурятское название летяги — умки; у тунгузов являются варианты того же имени: омуки, умки, юмюки, омкия (Шифнер). В Западной Монголии это имя перенесено на хорька, *Mustela putorius* — умухи хурин.

¹⁸² Монголы, буряты и сойоты (Раде) — кирми, хирми; тунгусы — короман (Трет.), коремун (Чекан.). Ср. русские областные: урма — белка, Костромская губ., Кологривск. уезд; горбольс — весенняя рыжая белка, Ирк. губ. (Опыт. обл. сл.), а также по-якутски: кыранас — горностай, *Mustela erminea*; мадьярк.: гоену — горностай. Ср. древненемецкие *ikunpan*, *ikornî* — белка, шведск. *eichorne* — белка (Fick).

¹⁸³ Алтайцы (Грамм.) — тиин; башкиры (Сабан.) — тиин; каз. татары (Золотн. in litt.) — тиин; урянхи на Косоголе (Гельмерсен) — дынг; якуты (Порядин) — тигн; карагасы (Этн. сб. IV) — дий; остяки среднего течения Оби и казымские — танга. По-киргизски тиин означает и белку, и копейку, подобно тому, как зырянское ур имеет двойное значение: белка и копейка. Ср. остяцкое танга — белка и русское — деньга.

¹⁸⁴ В Грамматике алт. языка (с. 13) приведены для белки кроме тиинг еще два названия: сакыл и чырдык; последнее имя напоминает халхасское шарьтхе — сеноставка. Тунгусское название белки — улуки, улюки по Чекановскому и Третьякову; по Кастрену, улюки — летяга. Ср. названия урочища в Северо-Западной Монголии Ольгэ и название божества у алтайцев Уль г□н.

24. *Tamias striatus*, бурундук: халх. — чжирих, тирих, джирх, тирх, джиркин, тирхин¹⁸⁵; около Уляссутая — чирх¹⁸⁶; соит. — хорук¹⁸⁷.

25. *Spermophilus*, суслик¹⁸⁸: халх. — цзурум, цзурын¹⁸⁹; соит. — цзурма, ургэ¹⁹⁰; кот. — сарчичкан; кирг. — сарычунак, то есть рыжий, корноухий, Ауст.; тюэ кулак (в Акмол. обл.; Словцов in litt.); дюрб. — шарь дзурын.

26. *Arctomys Bobac*, сурок, малорусск. бабак: халх. — тарбаган, тарбага, тарбык; тангну-урянх. — тарбаган¹⁹¹; кирг. — суур¹⁹²; тоб. тат. — сурок; кит. — тхадзе; дюрб. — тарбаган; кот. — чичкан. Самец: дюрб. — буркю. Самка: халх. в Алтае — тарчи; тангну-урянх. — суайтарчи; дюрб. — тарчи. Сурчонок: халх. — мундуль; тангну-урянх. — мундуля; алт. — мэндуля; дюрб. — мендуло.

27. *Dipus Jaculus*, тушканчик¹⁹³: халх. — алыкдаге¹⁹⁴; торг. — ял-

¹⁸⁵ Ср. имя легендарного шамана Таинтирхина, который увез жену у Чингис хана.

¹⁸⁶ Сойоты и буряты (Радде) — чирки.

¹⁸⁷ Алтайцы (Грамм.) — корук; урянхи на Косоголе (Гельм.) — хурёк; русские в Волог. губ. Ник. уезда бурундука зовут хорик.

¹⁸⁸ Алтайцы (Грамм.) — сузелик — суслик. Ср. также якутск. сасыл, сагыл — лисица; алтайск. сагыл — белка.

¹⁸⁹ Ср. дюрбютское кэрмын — белка, *Schiurus vulgaris*. У Радде приведены сойотск. и бурятск. сумурья, *Spermophilus Eversmanni*; у алтайцев (Грамм.) — емуран. Емуранкой русские около Омска называют один вид *Sciurus*'а. Вероятно, под именем зурба — зверек, о котором упоминает лама Гомбоев (Зап. Арх. общ. Прим. к Алтан-Тобчи), следует разуметь *Spermophilus*.

¹⁹⁰ У Радде монгольское имя урко отнесено к *Spermoph. dauricus*.

¹⁹¹ Монголы (Радде) — тарбаган; алтайцы (Грамм.) — тарбаган; урянхи на Косоголе (Гельм.) — тарбаган; якуты (Порядин) — тарбаган, тармаган; русские по Иртышу тарбаганом зовут тушканчика, *Dipus*.

¹⁹² Чуваши (Золотн.) — псара — сурок; обские остяки (Поляк.) — саур — заяц, *Lepus arialis*; ост. средн. теч. Оби (Пол.) — чавр.; казымск. остяки — тавр; ляпинск. самоеды (Поляк.) — таур; вогул (Золотн.) — соур, *Lepus variabilis*.

¹⁹³ Ср. тушкан — заяц у сартов в Хами.

¹⁹⁴ Первый член этого названия алык, ср. с тунгусск. улюки — лисица или летяга; последний зверек по-монгольски — ольби; ср. это имя с торг. ялмын, *Dipus*. У Радде есть монгол. и бурят. название тушканчика — алагдаген, что

мып; кирг. на Иртыше — кос аяк; соит. — алықдагы; хам. сарт. — тар; дюрб. — ялмын; кот. — ялман, узунбут.

28. *Scicetus songarus*: халх. в Хангае — орук дзосук; соит. — срук цусак¹⁹⁵. Названия эти я подвожу под имя *Sc. songarus* по сходству этих названий с монгольским именем этого зверька: орок сугук, приведенным у Радде. Самому мне не случилось добыть зверька. Киргизы на Иртыше дают имя аккис небольшому зверьку, который, судя по указываемой для него величине и потому, что белеет зимой, может быть также *Scicetus songarus*. Mus. — халх. — хулу гуна¹⁹⁶: соит. на Тесе — кусья; кирг. — тычкан, тышкан.

30. *Siphneus Aspalax*; у Радде приведено для этого зверька соит. и бурят. имя: моно кохор; вероятно, этот же зверек у халхасцев в Западной Монголии называют сокур номын; соиты также знают сокур номына. По рассказам, зверек этот слепой; по-монг. сокур — слепой. У киргизов тот же зверек называется бор тычкан: Дюрб. — сохурномун; кот. — козьекчичкан.

31. *Lepus variabilis*, заяц-беляк: халх. — чиндага¹⁹⁷; соит. — кодан¹⁹⁸; во время охоты: цаган богу; кирг. — коян¹⁹⁹; дюрб. — богу тулай, цаган тулай, чиндага; кот. — ак коян.

32. *Lepus tolai*: халх. — тулай; соит. — толай; кирг. — толай; хам. сарт. — тушкан²⁰⁰; дюрб. — боротолай; кот. — боскоян.

33. *Lagomys alpinus*, сеноставка: халх. у Сангиндалая — ухырокто; алт. — кучигэн²⁰¹, сыгырган²⁰²; соит. — кучюгэн; халх. в Алтае — сарыктэх, шарьтэхэ. Этого же зверька, вероятно, торгоуты зовут сарыктэкэ, дюрб. — сарыктаки, кот. — кокчичкан.

ему перевели “пестрый жеребенок”. Здесь даген едва ли жеребенок; подобный член встречается и в других именах животных, например, шарьтехе — сеноставка, шендага — заяц-беляк. Не отсюда ли окончание русск. бурундук (*Tamias striatus*)?

¹⁹⁵ Первый член этого названия напоминает корук, хурёк — алтайское и урянхайское имя бурундука, *Tamias striatus*; второй член ср. с шашак (см. прим. 38 к этой же главе).

¹⁹⁶ Сойоты и буряты (Радде) — хологуна, *Mus decumanus*.

¹⁹⁷ Сойоты, буряты (Радде) — шандагюн; монголы (Радде) — шендага.

¹⁹⁸ Урянхи на Косополе (Гельм.) — хадан.

¹⁹⁹ Алтайцы (Радлов) — коюн.

²⁰⁰ Ср. тышкан — мышь по-киргизски.

²⁰¹ Монголы (Радде) — куджо, *Lagomys alpinus*.

²⁰² Сойоты, буряты в Вост. Саяне (Радде) — шаширгана, *Lag. alpinus*.

34. *Lagomys ogotona*: дюрб. — укурокда; халх. в Алтае — ух-урукда (в отличие от шарьтехе, *Lag. alpinus*); кот. — окдан.

38. *Castor Fiber*, бобр — халх. — темягалю; ботогон — халю(?); кирг. — кундуз; соит. — сары кундуз(?).

35. *Sus scrofa*: халх. — гахай; соит. на Тесе — хабан²⁰³; на охоте хылсалба; кирг. — чушко; тоб. тат. — цуцка²⁰⁴, донгус²⁰⁵. Самец: торг. в Алтае — подун; соит. — ерь хабан; кирг. — кабан. Самка: торг. — таха; соит. — эбши хабан. Поросянок: торг. в Алтае — тоора.

36. *Aegoceros (Ovis) argali*, аркар: халх. — аргали; соит. — угулдзы; кирг. — аркар; дюрб. — аргали; кот. — аркар. Самец: халх. — гулдза; кирг. — кульджа; дюрб. — гулдзо, кот. — гульджа²⁰⁶.

37. *Aegoceros sibiricus*: дюрб. — яман гуресу; кот. — ички киик; русские в Алтае зовут этого зверя буйня, соит. на Тесе — джумга, кирг. в Тарбагатае — таутэкэ, утэкэ, тэкэ²⁰⁷ (Певцов in litt.). Самец: алт. — тэкэ. Самка: алт. — джумга.

38. *Antilope gutturosa*: халх. — дзэрэн; соит. — джэрэн.

39. *Antilope saiga*: кирг. и торг. в Тарбагатае — буконь; кирг. — сайгак (Певц.). Самец: кирг. — тэкэ (Словц. in litt.). Самка: кирг. — киик²⁰⁸ (Словц.).

40. *Antilope subgutturosa*: халх. — сульта.

41. *Bos gruniens*: халх. — сарлык; кот. — сарлан.

42. *Moschus moschiferus*, кабарга: халх. — худырь²⁰⁹; соит. — торгы²¹⁰; дюрб. — кудурь.

43. *Cervus carpeolus*: халх. в Алтае и Хангае — дзуря гура, дзурь; соит. — элик; дюрб. — дзурь; кот. — кызыл киик. Самец: соит. — кульбус. Теленок: соит. — эльсырык.

²⁰³ Чуваши, каз. татары (Золотн.) — кабан, *Sus scrofa*; алтайцы (Грамм.) — самец — каман.

²⁰⁴ Чуваши (Золотн.) — сысна — самка, свинья; горн. черемисы (Зол.) — сасна; луг; черемисы (Золотн.) — сосна, сысна, *Sus scrofa*.

²⁰⁵ Каз. татары (Золотн.) — дунгус, дунгыз; урянхи на Косоголе (Гельм.) — тос, может быть, от опущения носового нг.

²⁰⁶ Сойоты и буряты (Радде) — угулде, *Aeg. argali*.

²⁰⁷ Сойоты, буряты, урянхи на Косоголе (Радде) — тюкэ, тихэ.

²⁰⁸ Каз. татары (Золотн.) — киик, сайга.

²⁰⁹ Сойоты, буряты (Радде) — кудури, кудери.

²¹⁰ Алтайцы (Радлов) — торгы; урянхи на Косоголе (Гельм.) — доорга.

44. *Cervus Elaphus*: халх. — самка сого; соит. — мыйгак; кот. — марал. Самец: халх. — богу; соит. — сын; кот. — моузлю киик. Теленок: соит. — мыйгак буза.

45. *Cervus tarandus*, северный олень: халх. — ца; соит. — чар, джар. Теленок: соит. — анай.

46. *Cervus Alces*, лось: халх. — хандагай; соит. — булан; кот. — ялпак моузлю киик. Самец: соит. — бур.

47. *Eguus hemionus*: халх. — хулун. Самка: халх. — чигис.

Птицы²¹¹

Aegithalus pendulinus, L. ремез: урянх. в Западном Алтае — урунгульджуха (урун — мастер); кирг. в Тарбагатае — куркулдай; торг. — куркулдай; башк. (Саб.) — курулдай. *Aegolius otus* — кирг. — джапалак.

Alauda и вообще мелкая пташка: халх. — больджуха, бокширгэ; кирг. — тургай; тангну-урянх. — кушкач. *Anas*: халх. — ногурсын, ногурс.

Anser: халх. — голун. Различают виды: боро голун (*Ans. cinereus*) и харгалдын; кирг. — каз; тангну-урянх. — каз; кот. — газ; каз. тат. (Зол.), башк. (Саб.) — каз; караг. — гас (Этногр. сб. IV). *Aguila imperealis*: халх. — бургут; тангну-урянх. — эсыр. *Aguila nobilis*: тангну-урянх. — бергут.

Astur palumbarius: тангну-урянх. — хартыга; мецдер., башк. (Саб.) — карсага; каз. тат. (Зол.) — карчыга; чуваш. (Зол.) — харчка; бурят. (Радде) — хоннохардзяга.

Bubo maximus, Ranz., филин: халх. — шарышибо, то есть желтая птица; тангну-урянх. — окө угё; кирг. — уко; алт. — уку.

Харашибон — монг. (Радде); угэ — чуваш. (Зол.); уку, клокты уку — башк. (Саб.); унго — черем. (Зол.); укэ, унгиябалак — каз. тат. (Зол.).

Caprimulgus Jotaca, козодой: урянх. в Западном Алтае — чок-чхо; тангну-урянх. — чокчога; чогчогген — тунг. (Радде).

²¹¹ Названия, собранные мною, дополнены из книг: Грамматика алтайского языка. Казань; Raddes's Reise nach Ost-Sibiren; Сабанеева. Позвоночные Среднего Урала. М., 1874; Третьякова. Туруханский край; из статьи: Карагассы (Этногр. сборник. Т. IV); из рукописей: Порядина (Якутский словарь), Словцова и Певцова.

Columba Palumbus, L. вяхирь: тангну-уряnx. — ковбуха(?); тоб. тат. — каптяр.

Columba oenas, клинтух: торг. и уряnx. в Западном Алтае — кугульджирны; кирг. — көгуршун; дюрб. — кугульджир; кот. — кугульджирган; алт. — когарчын (Грамм. алт. яз.); чув. (Зол.) — квагарзин; черем. (Зол.) — кугерчен, кагарча; мещерск. (Саб.) — кургурсене; каз. тат. (Зол.) — кугарчин, кугарсин; башк. (Саб.) — кугарсын.

Corvus corax, L. ворон: халх., уряnx. в Алтае — харкирѐ.

Сказки и легенды

1. Кѐрпѐк-шѐшѐн, еж.

Прежде кѐрпѐк-шѐшѐн²¹², то есть еж, был бий и сидел в бий-лике (то есть собрание биев). В то же время был Джалмаус-пѐй-гамбар²¹³, который истреблял множество людей и скота, поедая их.

²¹² Не есть ли шѐшѐн такой же придаток к имени зверька, как монгольское даге, теке в именах алыкдаге — тушканчика шарьтеке или сарьктеке — сеноставка. Шѐшѐн — мудрец по-киргизски; шѐшѐ значит также “мать”.

²¹³ Джалмаус — злое существо, людоед, часто старуха-людоедка в киргизских сказках. В одной сказке, слышанной мною от киргиза Акмолинского округа, Джалмаус описывается таким родом: жили старик со старухой; у них родилось дитя; вскоре начали замечать, что скот теряется по ночам, но причину никак не могли открыть; это ребенок выходил из люльки и съедал по лошади в ночь. Уничтожив весь скот, Джалмаус принялся за людей; остались только отец и мать, но и их Джалмаус проглотил. У алтайцев сказочная старуха-людоедка называется Джельбѐгень; ей приписывается проглатывание луны во время затмений. Относительно происхождения этого слова можно было бы думать, что имя Джалмаус состоит из двух слов: “джалм” и “аус”; аус значит “рот”; джалм могло бы значить что-нибудь вроде “ненасытный”; но в действительности слова “джалм” с таким или подходящим значением не отыскивается; да притом и в алтайском имени людоедки, которое, несомненно, следует разделить на две составные части — джелбѐ и ѐгень, — последняя часть вовсе здесь не служит переводом слова “рот”. Не есть ли киргизское джалм, алтайское джелбѐ видоизменение монгольского имени зверька летяги — ольби (или олюб — хулугана)? На киргизском нет названия для этого зверька, потому что его нет в киргизской степи, но есть название для тушканчика — джалман, по-торгоутски — ялман. Об ольби у монголов есть легенды, представляющие его злым существом (он, например, перегрызает горло сыну неба). Название джелбѐгень своим окончанием напоминает название зверька сеноставки: по-алтайски — кучигѐнь (по-бурятски у Радде. Reise nach Ost-Sibirien — куджо). То же окончание встречается

Собрался народ, стали советоваться под председательством дворян (тюрэ), что делать. Кто-то напомнил, что есть умный бий — кэрпэк-шэшэн; послали просить его на совет. “Как я пойду, — сказал еж, — у меня ног нет”. Кэрпэк-шэшэн был круглый и ног не имел. “Мы ноги тебе дадим”, — сказала дворянство; сделали ноги и поставили на них кэрпэк-шэшэна. Пришедши на совет, кэрпэк-шэшэн спросил, в чем дело. Когда ему сказали, что Джалмаус поедает

в названиях: Эсекень (герой одной киргизской легенды), Атыгэн (родоначальник дикокаменных киргизов), Гэльтэн (имя героя в одной котонской сказке, см. ниже), Гулиган (имя одного народа по китайским летописям; о. Иоакинфа. О народах Средней Азии. Ч. I. С. 439), Арикан (название племени у Рашид-эддина. Введ. С. 182), Тюлюгун (личное имя у киргизов; ср. тюлькэ — лисица по-киргизски, тиль — тот же зверь по-чувашски). Это окончание эген напоминает монгольское слово “эгэ”, икэ — мать. У Рашид-эддина (Введ. С. 143): “Из племени урянхитов в век Чингисхана из старших беков был Джалмаоха; значение оха есть хищный, промышленяющий на дорогах, храбрый, так как он имел это свойство, то и был прозван сим именем” (ср. Ох в некоторых русских сказках; Афан. Нар. ск. В. 6, № 45, var. 6; Драгоманов. Малорусск. пред. С. 326; Труды эксп. в сев.-зап. край. II. С. 368, 372, 375; Рудченко. Народн. южнорусские сказки. С. 107). Божество фракийских гетов называлось Залмокс (Zalmoxys); это божество, или волхв, обитало в стране дикой и покрытой ущельями; горы и реки, где оно жило, считались святыми. Имя его будто бы означало героя в шкуре, потому что, еще будучи ребенком, он убил медведя и оделся в его шкуру (Летоп. русск. литер. Т. I. Ст. Котляревского о скифах; ср. с последним сказанием сказку, помещенную у Радлова (Proben. II, С. 611) о Седеймэргэне, который, убив медведя, оделся в его шкуру). Тушканчик, по-торгоутски называемый ялман, по-халхасски называется алыкдаге; это имя напоминает uluki или oloki, как называется по-тунгусски летяга и белка (Schiefner в Melanges asiat. T. VIII. С. 368), xulikan — лисица (Ib., с. 383); сюлюкюн — по-якутски водяной (Рукоп. словарь Порядина); шиликунь остроголовые — черти на областном сибирско-русском наречии. У алтайцев высшее божество называется Ульген; в Сев.-Зап. Монголии часто встречаются урочища, названия которых на наших картах пишутся различно: Ольгэ, Эльгэ, Элэгэй, Элугэй; алык могло образоваться от ольгэ, как булык от булгун — соболь, Абрьк от Абыргал и т.п. Ср. также Иллико — один из мрачных богов у енисейских остяков (Третьяков. Зап. Русск. геогр. общ. по общ. геогр., 1869. II. С. 415). В азиатских былинах встречаются имена богатырей Алактай, Олак (Radl. I. С. 286; II. С. 329); олак слышится и в русском вовколак, волколак, оборотень. Алтайская Джебьбэгенъ была сблизена с русской Бабой-ягой г-ном Шифнером в предисловии к I тому Radloff's Proben.

людей и скот, он отправился к Джалмаусу, вошел к нему в юрту и спросил, зачем он поедает людей и скот. “Кто такой там?” — спросил Джалмаус. — Я проглочу тебя”. “Глотай”, — отвечал еж. Джалмаус слотнул его, но еж, оцетинившись, засел в горле; Джалмаус хотел отрыгнуть его, но еж уперся ногами. Тогда кэрпэк-шэшэн высунул голову и спросил Джалмауса, что нужно ему достать, чтобы он более не поедал людей. Джалмаус потребовал золота. Кэрпэк-шэшэн вышел из горла Джалмауса и пошел, не зная где достать золота. Дорогой ему встретился человек весь в белом; голова также была повязана белою бязью. Белый человек спросил кэрпэк-шэшэна, куда он идет. Еж объяснил; тогда белый человек (это был Муса-пейгамбар, пророк Моисей) привел его к большой воде поковырял в ней палкой и отрыл глыбу золота с лошадиную голову. Кэрпэк-шэшэн отнес золото Джалмаусу, и тот перестал поедать людей.

Сиирбай, киргиз из Тарбагатая

2. Байгус²¹⁴

В прежнее время жил Джебраил-джалмаус-пэйгамбар. Он ловил птиц и ел; наловленным птицам протыкал дырки в носу и навязывал их на аркан; все птицы были изловлены, кроме байгуса. Джалмаус думает, как бы поймать и байгуса. Кречет (сункар) вызвался, но Джалмаус сказал: “Нет, сункар поймает его и спрячет. Пусть поймает его ястреб” (карчига). Ястреб полетел, нашел байгуса и говорит: “Байгус, байгус! На гыб джатсын? Кан чакратады сызды. — Байгус, что подельываешь? Тебя хан требует!”. Байгус спрятал свою голову, притворился больным и сказал: “Голова болит, не пойду”. Ястреб ласково сказал ему: “Бэрэ чик, суйлясик! — Выйди, потолкуем!”. Байгус немного высунулся, ястреб схватил его, положил себе под крыло и понес. Тогда байгус закричал:

— Ай баяй! Кабырганын катты гой! — Ребра твои жестки!

Азил джаным батты гой! — Душа моя погибла!

Ястреб вошел в юрту Джалмауса, держа добычу под крылом. “Где байгус?” — спросил Джалмаус. “Нет”, — сказал ястреб.

---

²¹⁴ Мне не удалось определить эту птицу; по словам г-на Сабанеева (см. Позвоночные Среднего Урала. С. 33), мецдеряки название байгош дают сове, *Nyctale Tengmalmi*, Gmel.

“Я тебе голову срублю”, — сказал Джалмаус. Тогда ястреб подал ему птицу. Байгус попросил слова и стал говорить:

Бармактай басым бар,
 Тургайтай этым бар,
 Асыб эти джок,
 Ксы тоятун каным джок.
 Голова моя с палец,
 Мяса на мне с воробья;
 Нет ни мяса поесть,
 Ни крови насытиться.

“Вы, таксыр (господин), — продолжал байгус, — всех птиц изловили, прорезали им носы и посадили их на аркан. Все они плачут, сидят без пищи, голодны, носы болят. Если вы хотите и мне проткнуть нос, то свейте аркан из солнечного луча и коровьего масла; сагум нан от кыл, сары майнан аркан кыл!” “Кто сделает такой аркан?” — спросил Джалмаус. Вызвался черт (сайтан). Ловил, ловил руками луч, не поймал; мял масло в руках, все растаяло. Тогда Джалмаус сказал: “Джа! Байгус ростом мал, но ум его велик. Отпустите всех птиц на волю по повелению байгуса”. С тех пор байгус стал птичьим бием. Говорят, что у птиц хан — лебедь (акку — монг. хонг), неправда: хан у птиц — байгус. Поэтому если киргизы встретят байгуса, не убивают, считают за грех; хоть бы можно было поймать рукой, не ловят; можно взять посмотреть, но потом следует отпустить. Все птицы с дырками в носу, а у байгуса нет²¹⁵.

Сиирбай, киргиз из Тарбагатая

3. Кор-тышкан

У одного бая (хозяина) было две дочери и два сына; в то время не было других людей на земли; отец куда-то уехал. Старшая дочь во время его отсутствия говорит младшей: “Других мужчин, кроме наших братьев, нет; сойдемся с ними”. Младшая сестра на это отвечала: “Бог услышит: грех”. “У Бога нет ушей”, — сказала стар-

²¹⁵ Ср. южнорусскую легенду о птице Кук, которая собрала всех птиц. “Перш був старший птах Кук” (Труды эксп. в сев.-зап. край. Т. II. С. 110). В Северо-Западной Монголии есть высокие горы: Ханхухэй или Кугэй (по-тангну-урянхайски), Алтынкукэй, Алтынчечей.

шая. После того она стала звать к себе старшего из братьев, но тот отказался; она грозила убить его, он, однако, не испугался; тогда она выткнула ему глаза и закопала в землю — с тех пор көр-тычкан (то есть слепая мышь) и живет под землей. Отец, пришедши домой, узнал о происшествии и проклял дочь; Бог обратил ее в кошку мялин. Оба зверька похожи на человека; у слепца (по-торгоутски соқыр номын) лапы походят на руки. Киргизы не едят мяса этих животных; шапку из меха мялина мулле носить грех, молодому человеку (светскому) быстро приключится болезнь, только старцу безвредно. Торгоуты едят мясо мялина и сурка. “Зачем вы едите?” — спрашиваешь их. “Очень вкусно”, — говорят. Оттого и вкусно, что человеческое мясо. Человеческое мясо вкусно, как сахар, а человеческий язык слаще и сахара. Бог отметил мялина красными поперечными полосами и пустил в степь, сказав: “В народ не ходи!”²¹⁶.

Сиирбай, киргиз из Тарбагатая

4. Аласа-хан

а. Три народа — чурчут (китайцы), орус (русские) и казак (киргизы) — выбрали ханом маленького человека, карлика (по-кирг. аласа), посадили его на алачу (пеструю шерстяную материю, которую ткут сами киргизы) и хотели его поднимать; при этом заспорили. Русский говорит: “Я возьму его!”. Китаец: “Я возьму!”. Киргиз — то же. Но когда подняли, русский и китаец увидели, что хан очень уж легкий и низкорослый, и отказались взять его ханом. Киргизы же подумали: “Мы народ небольшой, нам и такой хан живет!”. И подняли его на алаче с криком: “Алаш, алаш булды! Аласа хан булды” (Алаш, алаш! Аласа ханом стал)²¹⁷.

Киргиз рода чубарайгыр из Тарбагатая

²¹⁶ Кошка, *Felis manul*, по-киргизски мялин, на языке тобольских татар мялим. Ср. Мялимхузя — чувашский фетиш, квадратная деревянная доска, которой молились и приносили общественные жертвы (Корневой чувашско-русский словарь Золотницкого. С. 151); Малюмходжа — болгарский шейх, могила которого находится на горе в Билярске (там же).

²¹⁷ У Радлова (Т. I. С. 241) молитва шамана, призывающего духов, начинается словами: “Алас, алас, алас! Кайракан, кайракан!”. Слово “алаш” служит для некоторых родов кундровских татар (именно родов мингыт и ток) ураном, то есть кличем, объединяющим поколение во время ссоры с

б. Аласа канын касында Карачакан тусенда Катунэрь тусенда, то есть во времена Аласакана, Карачакана и Катунэря²¹⁸.

Он же

в. Прежде у киргизов ханов не было, а народом управлял Аласахан. Народ приступил к нему и стал просить дать ему хана. Аласахан повесил на дерево золотую монету, велел всем поочередно скакать мимо дерева и стрелять в монету из лука; кто попадет в нее, тот и будет ханом. Весь народ принял участие в стрельбании, но попали только три брата-вора, которые после преступления бежали из одного из соседних больших государств в Киргизскую орду²¹⁹.

Записано от киргиза Акмолдинской области

г. Дети Чингисхана были: Акпадша (русский царь) и Эджэнхан (китайский император). Киргизские султаны происходят от трех

чужеродцами (Вестн. Имп. Русск. геогр. общ., 1851. Т. II, статья Небольсина “Заметки о кундровских татарах”. В Букеевской орде есть род алача, состоящий из шести подродков (Очерк внутр. Кирг. орды, ст. Ханыкова в Зап. Имп. Русск. геогр. общ. Т. II); у туркмэн есть род (таифе) алаша (Вамбери. Путеш. СПб., 1865). У Абульгази (Ист. род. о татарах. С. 44) сказано, что от Ноя до Аланчахана люди хранили закон, а при этом хане впали в идолопоклонство: стали поклоняться изображениям умерших родственников. В Подольской губернии существует игра: девушки, сплетшись руками, сажают на них мальчика, носят его вокруг церкви и при этом поют песни, в которых мальчик называется Володарем (о. Миллер. Илья Муромец. С. 328).

²¹⁸ Катун по-киргизски женщина, эрь — мужчина, витязь. По-видимому, это поговорка вроде нашей: “при царе Горохе”. Ср. Алтан-Тобчи, с. 57: Алактэмурджансан и Хатунтэмур ведут войну с Эсентайджи. Имя Хатын часто встречается в восточных былинах: Хадындзюгэ, действующее лицо в приводимой ниже монгольской былине, Адвнтэрэналактай — герой одной алтайской сказки (Radloff's Proben. I. С. 286). Алтайские предания, относящиеся к чем-нибудь замечательным местностям, обыкновенно приурочиваются к временам какого-то Карангату, Карааттыг-хана (атыг — медведь по-тангну-урянхайски). (Radloff, Proben. I. С. 190, 194). Карачахан не находится ли в связи с киргизским названием Большой Медведицы — Джитыкаракше?

²¹⁹ Другие киргизские легенды производят разделение киргизского народа на три орды от трех сыновей Аласа-хана, которые назывались Альчин, Аргын и Юсун.

сыновей младшей жены Чингисхана, которых имена были Будэнэ-тай, Бургултай и Саргалтай²²⁰.

Киргиз рода чубарайгыр из Тарбагатая

5. Эсекень-батырь

а. Древнейший отец народа казак (киргизов) был Майкабий²²¹; его сына звали Курдум; у Курдума сын Кызылгурт (красный червь), у Кызылгурта — Чубарайгыр. В среде поколения чубарайгыр был батырь Эсекень. Он пахал пашню у одного человека по имени Карабута, по ту сторону реки Каба²²². В это время на пашню забежал табун дворянина (тюрэ) Уралтай Мамырхана. Эсекень-батырь выгнал табун с пашни и с сердцем сказал: “Кыргызское дитя!”. Эти слова Уралтай услышал и велел Эсекеньбатыра, надев на его шею таган (ошаг), а на ноги железные конские путы (ксень), бросить в воду²²³. Род чубарайгыр, не видя своего батыря, стал

²²⁰ Будэнэ по-киргизски перепел; бургул — какая-то птица, по-видимому, из куликов; саргалдак — также птица, которую мне определить трудно.

²²¹ См. у Рашид-эддина введ. с. 126: Мөнкебай — первый государь уйгуров.

²²² Каба приток Черного Иртыша.

²²³ Имя Эсэкен-батыра напоминает Есугая или Есукэ, Исункэ — отца Чингисхана (ср. также место в Алтан-Тобчи о скитающемся Эсентайджи, с. 56); сидение в воде с колодкой на шее в монгольских легендах, как например, в Юаньчаомиши, приписывается самому Чингисхану или Тэмучжину. Действительно ли относится эта легенда к великому завоевателю? Не существовала ли она ранее, не рассказывалась ли она о другом Тэмучжине, предке Чингисхана (в Юаньчаомиши — Тамачи; ср. Темэхалю, бобр по-монгольски) и потом не была ли перенесена на Чингисхана потому, что и он носил имя Темучжинь? Сурган, у которого в юрте спрятался Чингис, имеет сына Джилауна и внука Содо; ср. Сарыкхана, у которого бек Джилаун и сын Хуту, и Тухтабики, у которого сыновья Джилаун и Худу (Юаньчаомиши. С. 43; Рашид-эддин. Введ. С. 68, 73). Имя Уралтай Мамырхана (бобырган по-алтайски — летяга, бабр — тигр на Амуре, Бобырган — гора близ Бийска, которую алтайцы считают священной) несколько напоминает Хорилартай-мерганя, отца родоначальницы монгольского народа алангоа. С именем Есугай ср. Жесюгяй Тоён или Дсусюгяйаи, злое божество у якутов (Сборн. газ. Сибирь, 1876. С. 416). Не происходит ли это название от монг. исун, исун — летучая мышь? У остяков в числе божеств есть тохтэнтонг (то есть летучая мышь; Поляков. Письма об Оби. С. 58); этот зверек по-тангун-

искать его и нашел в воде. После этого чубарайгыры принялись грабить (чабады) Уралтая; тюрэ бежал на одном верблюде и должен был купить мир с чубарайгырами за три куна и, таким образом, утратил свой тюрэлик (дворянство). Вот почему киргизские султаны как потомки Уралтая не настоящие тюрэ, а только богатые люди²²⁴.

Киргиз рода чубарайгыр из Тарбагатая

6. Родословная Аджисултана²²⁵, кочевавшего на Канасе в Ал-

урияхайски называется джасхэ; монгольское слово “джасык” можно считать за произношение этого слова наподобие булыг, хэнгрик от булгун, хэнгркэ. У поколения корюк есть богатырь Таскаматыр (Radloff. II. С. 700), который служил князю Эдженбугу. У киргизов встречаются роды караджас и каратас; последнее имя носит мать богатыря Адына в алтайской былине (ср. вдова Чесовая в наших былинах о Хотене Блудовиче).

²²⁴ О спасающихся бегством и прячущихся детях см.: Худяков. Велико-русск. ск. В. 2, №№52 и 53; Афан. Народн. ск. Вып. 5, №№27 и 28. В. 2, №23. Вып. 6, №№48 и 49. В. 1. С. 23. Ср. также легенды о прячущемся в горох или солому Христе (Безсонов. Калекы перех. В. 4. С. 116); сербск. о царе Трояне, прячущемся в стог сена (Летоп. русск. лит. Изд. Тихопр. Т. I. ст. Гуслаева); стихи о Христе, прячущемся у Аллилуевой жены Милостивой (Калики. В. 4. С. 117–142); легенду о Кирике и Улите; о Китоврасе, прячущемся от копий в колени Богоматери (Веселовский. Слав. ск.); о прячущемся боярине Кучке, выданном сорокой (Афан. Воззр. Т. II. С. 606); о Козу-курпече, убежище которого выдано жаворонком; о Милостивце в скопческих страдах, прячущемся в рожь; о Болгоджинапе, спрятанном под котел женщиной Тайбуцин (Алтан-Тобчи. С. 53); об Ай-мэргэне, спасающемся бегством от Солбан-мэргэна (Radl. II. С. 385), и детей Садайкана, спасающихся от Кускуналыпа (Radl. II. С. 307); в последней сказке дети прячутся в ветвях золотого и серебряного тополя и живут тут семь лет, пока мальчик не сделался богатырем Сугджулом. У Рашид-эддина (введ., с. 190) в эпизоде о ребенке, спрятанном в шерсть, рассказывается о Джиданойоне.

²²⁵ Аджисултан был еще жив в 1863 году, когда К. В. Струве и я ездили на Алтай. Он был сын Куликэ-хана, что не согласуется с приводимой здесь родословною, состоящею всего из семи членов от древнейшего предка. Все подобные родословные, очень, впрочем, интересные, не следует принимать за достоверные. Дело в том, что киргиз, если спросить его о родословной, помнит правило, что непременно нужно насчитать семь предков; затем он вспоминает древнейших предков и ставит их в ряд; если в его памяти не хватает до семи, он говорит, что забыл. В приводимой родословной имена

тае и теперь умершего: у капыр Малика был сын Кыркыз, у Кыркыза — Аблай, у Аблая — Сэмэн, у Сэмэна — Джабага²²⁶, у Джабаги — Когедай, у Когедая — Аджисултан. Кыркыз был из племени кыркыз, которые были неверные (капыры); потому батыр народа казак по имени Ходжаберген²²⁷ вел с ними войну; на месте одного сражения был найден брошенный неприятелем мальчик, которого Ходжаберген подобрал, воспитал и сделал ханом народа казак; вот почему Уралтай Мамырхан как потомок капыра осердился на Эсекень-батыря, когда тот назвал его киргизским дитятей.

Он же

в. Киргизское дворянство происходит от Кызылгурта²²⁸ (красного червяка), а Эдженхан (китайский император) — от камня.

Он же

г. Ван, то есть князь булугунских торгоутов, задал киргизскому султану Аджи загадку: что такое три черных и что такое три красных. Аджисултан отвечал: “Женщине быть хозяином трудно; нет пицци, когда есть захочется, нет лошади, если ехать нужно — бедняку трудно; большой верблюжонок — верблюду трудно — это три черных. Ханской собаки глаз красен, лицо невестки красно,

---

Сэмэн, Джабага и Көгёдай относятся, по-видимому, к отдаленной древности, потому что из них то того, то другого называют предками кирейского дворянства. Упоминание Сэмэна (сэ-мэн вроде дурмэн, найман, калкаман и других названий поколений?) и Джабага (Джа-бага?) вместе напоминает двух народов се и янто, упоминаемых вместе в китайской истории (о. Иоакинфа. Свед. о народ. Средн. Азии. Т. I. С. 426).

²²⁶ У алтайцев есть род ябак; у черновых татар по р. Лебедь есть род Якиши (Я-киши?).

²²⁷ Ходжаберген (монг. мэргэн — стрелок?) был богатырь кирейского рода в прошлом столетии; обыкновенно кочевал на р. Чаргурбан к юго-востоку от г. Семипалатинска и участвовал в набегах на калмыцкие кочевья, когда Джунгарское ханство рушилось под ударами китайцев; но здесь, очевидно, следует разуметь какое-то легендарное лицо; у киргизов в обычае давать новорожденным имена древних предков, отчего в легендах происходит путаница.

²²⁸ Гурт этого предания не находится ли в связи с тангну-урянхайским гуртом, то же, что по-монгольски ухэрдай — особый чин в монгольской и урянхайской иерархии. Урянхайцы на Косоколе зовут себя поэтому гурта-урянхай или гуртэн-урянхай.

ханского ребенка лицо красно — это три красных”. Аджид угадал и получил от вана камень, то есть шарик, на шапку²²⁹.

Дюрбют

6. Сурок

а. Тарбаган, то есть сурок, был прежде человек, стрелок, ни одному зверю, ни одной птичке не дававший пропуску; потом он отрезал себе большой палец, зарыл его в землю и сказал: “Будь сурком!”. С тех пор сам перестал стрелять²³⁰.

Записано у монголо-уряньхайцев в Алтае

б. В старину было два большие охотника — Дуайсохор и Дондугулмэргэн²³¹; они уничтожали много зверей, так что Бог обратил их за это одного в сурка, другого в бобра (кундуз); у последнего глаза узкие (рассказ, может быть, смешивает бобра с выдрой, которая по-алтайски называется камду), оттого мэргэн и назывался Дуайсохор²³².

Записано у тарбагатайского киргиза рода чубарайгыра

в. В старину было два великана-мэргэна (охотника) — Джаик и Тохтогул²³³; судьбу последнего рассказчик не знал; от Джаика

²²⁹ Этот рассказ, вероятно, перенесен малоознающим рассказчиком на живших недавно людей с каких-нибудь древних предков; может быть, под именами Аджид и Вана следует разуметь Вана и Эджен-хана, то есть Ван-хана кирейского и Чингисхана.

²³⁰ Легенда о сурке записана г-ном Радде у бурят в таком виде: прежде сурки были люди, хваставшиеся, что они могут убивать с первого раза; этим они разгневали злого бога, который потребовал, чтобы самый искусный из них убил сразу ласточку, но тот только выбил у нее середину хвоста. Сам он обращен в сурка, у которого все мясо, кроме части под пазухой, животно и съедобно, беловатое же мясо в этом месте есть остаток человеческого мяса в при еде тщательно удаляется (Reise nach Ost- und Sud-Sibirien. В. I. S. 169).

²³¹ Имена Дуай сахара и Дондугул-мэргэна напоминают монгольских предков, двух братьев — Дуасохора и Добенмэргэна (Труды Пекин мисс. IV. С. 24; Алтан-Тобчи. С. 4; Рашид-эддин. История монголов. Ч. II. С. 5).

²³² Сохор по-монгольски и по-якутски, сокур по-киргизски — слепой и кривой (одноглазый); монокохор по-бурятски, сохорномын по-халхасски и по-торгоутски — слепец, Siplineus aspalax; по-киргизски этот зверек называется көртычкан (тычкан — мышь). См. примеч. к гл. I. У Рашид-эддина (введ., с. 65); есть бек из племени татар Бисунтоа, у киргизов — поколение басентиин (тиин — белка по-киргизски).

²³³ Тохтугул-мэргэн упоминается в киргизском предании, записанном Радловым (Рубен. III. С. 84): два человека, Дондугулсокур и Тохтугул-

ни одному зверю, ни одной птице не было проходу; все звери и птицы взмолились Богу: “Он всех нас искоренит”. Бог закопал его в землю и сказал: “Не мог ладом жить на земле, живи в норе под землей и питайся кореньем”.

Записано от тарбагатайского киргиза родом байджигита

г. Сурук прежде был богатый человек по прозванию Карунбай; у него были тысячи лошадей, коров, верблюдов, овец. К нему приходили нищие, слепые, хромые, старцы, просящие милостыни; Карунбай ничего не давал. Тогда нищие обратились к Богу с жалобой и стали говорить: “Таксыр (господин)! Вы дали Карунбаю напрасно такое большое богатство. Мы, бедные люди, приходим к нему за милостыней, и он ничего никогда не дает”. Бог спросил Карунбая: “Даешь ли ты милостыню?”. “Нет, — отвечал Карунбай, — зачем я буду давать?” Тогда Бог обратил его в сурка и велел питаться травой. Сурук оставил свое семейство с криком: “Ангыт! ангыт! То есть аманбул, прощайте!”. И теперь он это же прощальное приветствие выкрикивает, вылезши из норы. Скот Карунбая Бог обратил в диких животных: коров — в маралов (богу), баранов — в архаров, козлов — в каменных козлов (тау ишкэ), лошадей — в куланов и суртазы, верблюдов — в тюзгиик²³⁴.

Записано от тарбагатайского киргиза родом джастабана

мэргэн, изловили плававший в море ящик; первому по договору достался самый ящик, второму — заключенная в нем беременная девица; от последней, наитием на нее солнечного луча еще до заключения в ящик, родился Шингыс; трое братьев от брака с Тохтугулмэргэном прогнали его. Шингыс бежал вверх по реке и питался птичьей охотой; но когда Борголтай, один из братьев, избранный на ханство, не сумел управлять государством, Шингыс был снова призван и сделан ханом; все народы обратились к нему с просьбой дать им сына в ханы; когда обратились русские, сыновья были уже все розданы, осталась одна дочь Акбибэ; она и стала русской царицей; киргизские же султаны произошли от трех сыновей Тохтугулмэргэна, оттого они худые. Эта легенда во многом есть повторение монгольского предания о Будонджаре, сыне Алангоса, доставшейся братьям Дуасохору и Добеньмерганю.

²³⁴ Эту легенду я слышал ранее от киргиза Акмолинского округа: Карунбай был скупой богач. Муса-пэйгамбар (пророк Моисей) под видом нищего пришел к нему и попросил милостыню; Карунбай пожалел дать ему больше, чем пучок конского волоса. Когда Бог узнал о скупости Карунбая, он повелел земле проглотить его; земля расступилась, и Карунбай ушел в землю, но до

д. Прежде у казаков (то есть киргизов) были одни коровы; лошадей люди вовсе не знали; быкам украшали рога и хвосты филиновыми перьями и ездили на них все — и тюре, и богатые люди, не гнушаясь. У коров потекло что-то из носу, люди стали просить Бога, и он создал им тогда лошадь из ветра. Поднялся ветер с пылью и прибежал табун. Люди пустили в бег корову и лошадь; корова опередила, конь остался сзади; оба они устали и хотели пить; корова первая добежала до норы сурка и спросила его: “Суур²³⁵ сасык, су кайда!”. То есть: вонючий сурок, где вода? Обидевшийся сурок указал ей на вонючую стоячую воду, сказав: “Вон вода, вонючая корова!”. Корова напилась и побежала далее. Лошадь прибежала после и спросила: “Суур джупар, су кайда? — Сурок джулпар(?), где вода?” “Вон вода, джупар-лошадь!” — сказал сурок и указал ей хорошую, чистую и прелестную воду. Корова, напившись дурной воды, не могла скоро бежать, и лошадь опередила ее.

Записано от того же джастабана

...7. Предки домашних животных

Прежде не было ни лошадей, ни коров; люди ели траву. Отец коровы назывался Зенгбаба²³⁶; он только один и жил при Адаме²³⁷ (так назывался древнейший предок народа казак). Человек собирал траву, кормил Зенгбабу и доил его, а лошадь ходила дикая в степи; ее звали Джупар. Она обратилась к человеку с просьбой: “Давай и мне травы!”. Человек спросил ее: “А будешь ли ты согласна, чтоб я седлал тебя, ездил на тебе и продавал?”. Лошадь согласилась; тогда человек дал лошади травы. Предок верблюдов назывался

основания ее не дошел; пучок волос, поданный им пророку, поддерживает его на середине между поверхностью земли и адом.

²³⁵ По-чувашски сывыр — суслик, на разных наречиях севера Западной Сибири: саур, чавр, тавр — заяц; у остяков: зур — волк. Ср. на юге России Савур-могила, которой приносили жертвы (Драгоманов. Малор. пред. С. 236 и 424).

²³⁶ В Ташкенте находится мечеть уважаемого мусульманами святого Зингата, в которой бывает праздничное собрание людей в первых числах августа (Материалы для статистики Туркест. края. Вып. II. С. 209).

²³⁷ Ср. имя предка (первого человека) в монгольских сказаниях: Одун, Одунтай, а также имена легендарных богатырей Хадын, Адын.

Ойсулкара²³⁸. О нем поговорка: “Ойсулкара, суга салса, батпайды, иски саба! (Брось Ойсулкару в воду, не потонет, старая саба!)”²³⁹ Отец всех баранов был Чопаната²⁴⁰; у козла предка не было, а он родился следующим образом: пастух пас Чопанату; хозяин сказал ему: “Если Чопаната родит одних ягнят, весь приплод будет мой; все же, что родится непохожее на него самого, все пойдет тебе в жалованье”. Чопаната все ягнят да ягнят родит; тогда пастух в досаде ткнул его палкой в брюхо. Чопаната был в то время беременный и родил козла с хвостом и без курдюка. Хозяин не имел права счесть его своим и отдал его пастуху²⁴¹.

8. Бык

а. У одного старика был бык, которому он испортил спину и пустил его в поле; сорока расклевала ему спину еще пуще, волк прибежал и вырвал ему зад, лисица напала спереди. Осталась одна голова, когда старик пришел посмотреть на быка; голова, однако, сказала ему: “Не жалеяй, что меня съели; разбей мою голову; в обоих рогах ты найдешь столько, что без милостыни проживешь шесть лет”. Старик принес голову домой, разбил ее и в одном рогу нашел серебро, а в другом — золото.

Киргиз из Тарбагатая рода байджигит

б. Корова создана из воды, верблюд — из солнца, конь — из ветра, баран — из неба, человек — из земли, козел — из камня.

---

²³⁸ В Алтан-Тобчи (с. 70) в числе вельмож, участвовавших в походе Да-янхана против Исмаила рядом с Бабагайурлуком хурлатским (Мисер Улюк предок хориласов?), упоминается Ойхаптагай (хаптагай по-халхасски — дикий верблюд, обитающий в Гоби). Часть имени Сулкара напоминает имена действующих лиц в былинах: Каракулум, Нарансулу, Куньсулу (Radl. I. С. 286; III. С. 321, VI. С. 56), а также Баянсулу; кара кула на языке алтайцев — лев; у них же есть богатырь Каракула маттыр (Radl. I. С. 62).

²³⁹ Большая кожаная посуда, в которой держат кумыс.

²⁴⁰ Чабан — пастух по-киргизски и по-монгольски, ата — отец по-киргизски.

²⁴¹ Горная гряда Чупаната сопровождает берег Заревшана в 8 верстах выше Самарканда; на ней есть мазар, то есть могила (Матер. для стат. Турк. края. Изд. Маева. В. II. С. 281).

Сиир судан, джилкы джилдан, тую сордан, кой аудан, ксы топ-
рақдан, ичкэ сайтан.

Киргиз рода джастабан

в. В прежнее время воды на земле не было; большой сивый бык (когогуз), которого пасли два человека, томился от жажды, пастухи его также. “Я добуду воды”, — сказал когогуз и начал рыть землю рогом; вода пошла кипучим ключом и образовала два большие водоема: один — озеро Зайсан, другой — океан (тэнгис).

Он же

г. На поверхности океана (или большого озера) лежит туман (бу), на поверхности тумана — камень джаин (джаинтас), на камне на четырех ногах стоит когогуз (сивый бык) и рогами поддерживает землю, на которой мы с нашим скотом живем.

Он же

...11. Джирэншэ-шэшэн и Ас-джанибек

Тарбагатайские киргизы говорят, что самый древний хан на свете был Ас-джанибек²⁴², многими илями (иля по-киргизски — племя) заведывавший; у него был советник Джиренше-шэшэн²⁴³,

²⁴² Ас — народ, упоминаемый в древности; см.: Дорн. Каспий. С. 114; аз — род у узбеков (Вамбери. Путеш. СПб., 1865). У кундровских татар на Волге есть род ас (Вестн. Импер. Русск. геогр. общ., 1851. В. 2. Статья Небольсина: Зам. о кундр. тат.). Ас по-тангну-уряньхайски — горноста́й, *Mustela erminea* (сарас по-алтайски — колонок, М. Sibirica, джыдыас — суслик, *Spermophilus*, черкас по-башкирски — бурундук). Юс по-тангну-уряньхайски и по-якутски (Betblingk, — рысь (ср. юз — поколение черневых татар, живущее на р. Бие); эсэ по-якутски медведь Джанибек. Джаан — ёж по-алтайски (по устному сообщению алтайского миссионера о. Макария). Не есть ли это отголосок о Амбагайхане или Аньбагайхане Рашид-эддина и Юаньчаомиши? У уряньхайцев, говорящих как на татарском, так и на монгольском языках, вышшие управители называются амбо или омбо; ср. умбу — царь по-чувашски.

²⁴³ Джиренше. Имя этой личности своим прилагательным шэшэн напоминает киргизское название ежа — кэрпэк-шэшэн, также выставляемого в преданиях мудрецом; можно думать, что кэрпэк и джиренше одно и то же. Действительно, по-монгольски ёж называется дзара, по-теленгитски (на Чуе) — джарана; одно ключее растение в Алтае, очень напоминающее своими длинными игла-

который все знал о камнях, зверях, травах и пр. В то время лесу вовсе не было, и люди не знали, чем отоплять дома; Джиренше-шэшэн указал хану на растение джирэн²⁴⁴; это были дрова времен Джиренше-шэшэна, потому растение и носит это имя.

Султан Муса Черманов (Каркаралинского округа) сообщил мне, что у каркаралинских киргизов есть большая былина об Ас-джанибеке и его двух современниках: Джиренше-шэшэн и Алдар-косэ (косэ по-киргизски безбородый); Джиреншэ изображается мудрецом (шэшэн по-киргизски — красноречивый), а Алдар-косэ — лгуном.

ми колючего зверька, носит по-киргизски название джирэн. Окончание ше встречается и в других словах, как, например, каракше (джиты каракше, Большая Медведица), урманше (имя одного киргизского поколения); оно, может быть, соответствует окончаниям чувашских названий зверьков ежа шонгшо (шонг-шо?), белка вакша (вак-ша?) и по-монгольскому су (харагурёсу — медведь); не это ли окончание в усеченном виде встречается в монгольских названиях поколений: шаришь, шангишь или цорос, чингис, чингис и проч. (киргизы одно и то же поколение называют лепис и лепишь)? У Радлова записана сказка алтайцев о Джирен-шэшэне, который сватает невесту своему сыну (Proben. I. С. 197; IV. С. 201). Ср. также теке-джеран или така-джеран (у Рашид-эддина. Введ. С. 166), “который был старшим беком из беков Ванхана”; Бадай и Кышлык, открывшие Чингисхану заговор Ванхана, названы конюшими этого Такаджерана, а на с. 105 — конюшими самого Ванхана. В Юаньчаомиши (Труды Пекин мисс. IV. С. 78). Такаджеран назван Екэ (екэ по-монгольски — мать) Черянь. Шэшэн или чэчэн значит по-киргизски красноречивый, по-алтайски чечен — красноречивый; по-монгольски цэцэн — мудрец. У халхасцев есть князя Цэцэнхан, Цэцэнван и Цэцэнгун. Тесть Чингисхана, Теин (Таян?), за участие в походах получил звание сечаня (цэцэна?), почему и стал называться Десечань (прим. о Палладия к Юаньчаомиши, с. 177); у Рашид-эддина он назван Дайнойон; таким образом, цэцэн, сечань как будто то же, что нойон. Не измененное ли это произношением звание тикин, которое было в употреблении у уйгуров? Это слово было очень распространено в Азии. У Рашид-эддина (введ., с. 115) упоминается сомнительный современник Чингисхан-алакуш-тикин. Имя Тикин встречается в Персии при Саманидах (Алитикин) и в числе древнеболгарских имен (Конартикин). Шэшэ или чэчэ — мать по-киргизски.

²⁴⁴ Так киргизы в Алтае называют растение *Astragalus* из отряда *Tragacantha*; монголы зовут его ортуть или артыт. Оно имеет вид шарообразного куста, состоящего из длинных во все стороны торчащих игл и легко могущего вызвать представление о зверьке еже.

12. Ерьгокчу²⁴⁵

В древности киргизы теснили и гнали другой соседний кочевой народ и так поспешно, что заставляли еще горячими оставленные им огнища; в одном из таких огнищ нашли они мальчика, зарытого в золу для тепла на ночь и забытого уходившими аборигенами²⁴⁶; киргизы взяли его и отдали на воспитание одной женщине; так как этот мальчик рос не у родной матери, то плохо кормился и вышел малорослым; потому ему и дали имя Уак, что будто бы значит “маленький”. По другому показанию, записанному в Тарбагатае, предок уаков²⁴⁷ назывался Ерьгокчу²⁴⁸.

Киргиз из Акмолинской области

²⁴⁵ Ерь значит “муж, мужчина”; эркэк — самец, также по-алтайски — большой палец. Тагэрхэк — медведь-самец по-тангну-урянхайски. Имя Ерьгокчу составлено так же, как Ерьхатун.

²⁴⁶ Зарывание детей на ночь в золу огнища и теперь делается киргизками. Мальчик, зарытый в золу, встречается во многих европейских сказках (см. Афан. Нар. русск. ск. В. 2, №30, сказка об Иване Попялове, который 12 лет “лежав у попяле”, Драгоманов. Малорусск. нар. пр. С. 202, сказка Коршбуры Попелюх; Thukamo или Thukino финская сказка (Schiefner в Melanges russ., 1851—1855. II. С. 617); см. также сближения Афанасьева имени Попялова с словацким Попельваром и со славянским предком Попелем (Афан. Нар. ск. В. 2. С. 487); ср. южнорусск. сказку о Попелюхе с финскою Leppapolkky (Mel. russ., 1851—1855. С. 605).

²⁴⁷ Уак — значительное киргизское поколение, отделения которого встречаются на Иртыше ниже Семипалатинска и в степях к юго-западу от Тарбагатая. У последних встречаются роды: маркуак, чегуак или чогауак, джельбегей (ср. алт. джельбегень, кач. тат. мифическая птица джалбагай; у карагасов род шильпегор) — уак. В Северо-Западной Монголии в настоящее время не встречается поколения, имя которого намекало бы на уак. В старинных же китайских летописях указываются приблизительно в этой стране народцы с похожими именами. Уван помещаются к северу от баегу, в стране, где нет травы, но много моху и где ездят на оленях, следовательно, примерно в южной части нынешнего Нижнеудинского округа (о. Иоакимф. Свед. о нар. Ср. Азии. Ч. I. С. 441); поколение Увасы (Юаньчаомиши, с. 51 и 55). Дневник Ху-Цзя на северо-восток от р. Хулухэ (Улукэм) помещает дикий, зверообразный народ Вапецзы (Зап. Имп. археол. общ. XIII. С. 40).

²⁴⁸ Ср. с этим сказанием легенду в Юаньчаомиши (Труды Пекин мисс. IV. С. 59) о мальчике Кокочу, найденном на поле сражения во времена Чингисхана и отданном на воспитание его матери. В Юаньчаомиши рассказывается еще о трех подобных найденьшах — Кюйчу, Бороуле и Шигиканьхуху (Ib., с. 57, 67 и 68); в Алтан-Тобчи (с. 62 о Болгонояне,

13. Дятел

Дятел, по-киргизски — токулдаук, был прежде рабом пейгамбара Мусы (пророка Моисея), много воровал и прятал, не подозревая, что Муса все это знал; наконец пророк решил наказать его, сажей наделал полос по нему и запретил ему есть и траву, и мясо, а только сухое дерево. Он кричит: “Тамагым джок, тук джок! То есть еды ни капли нет!”. Но у него выходит только: “киик”, и люди не могут его понять.

Киргиз Сиирбай рода чубарайгыр из Тарбагатая

14. Кукушка

В одном доме было две девицы; старшая вышла замуж; у зятя потерялась лошадь. Младшая сестра, то есть своячница (балдыз по-киргизски), поехала искать ее и сама потерялась; теперь она все кричить: “Ат джок (лошади нет)! Кукук!”. Отправляясь на поиски, она на одну ногу надела свой черный сапог, на другую — сапог своего зятя, сделанный из красной юфти (болгары).

Он же

вынесенном из сражения); в сибирской легенде о Тайбуге (Новицкий. Опис. о нар. Остяк., рукоп.): Чингин убил сибирского царя Она (эпизод этот сближен г-ном Березиным с историей Чингиса и Вана); Тайбака, сын Она, был спасен рабом и потом, после Чингина, вступил на престол. Спасение принца от избиения рассказывается об Измаиле, сыне Тохтамышша, в барабинской сказке (Radl. IV. С. 55); имя Измаила встречается в преданиях кундровских татар как имя сына Идыгэ (Небольсин. Вестн. Имп. Русск. геогр. общ., 1851. Т. II), в Алтан-Тобчи (с. 70), в китайских летописях (Труды Пекин мисс. IV. С. 233). В монгольской былине найденышем является Ирин-цайн-гунын-хара (см. ниже); в сказках сибирских татар Идыгэ (Radl. VI. С. 85; ср. у Рашид-эддина введ., с. 190, место о Джиданойоне); ср. также у Рашид-эддина места о Шикихутуку или Хутукунойоне (с. 58). О важности Алтын-ходого, предка хонкиратов, икирасов и других Рашид-эддин (введ., с. 147) говорит почти в том же роде, как о слове “еди” (с. 130). Главою (предком?) ойратского народа Рашид-эддин выставляет Хотугабики (с. 79). Орхиты, кость в Хотогоайту, также производят себя от найденыша. У Радлова записана киргизская былина о Ерьгочку, который назван внуком Уака (Radl. III. С. 112). Имя Кокочу встречается и в других монгольских легендах. У Рашид-эддина шаман, которого казнит Чингисхан, назван Буттэнгри; но это было его прозвище; настоящее его имя было Кукджу, и он был сын Мунлика (введ., с. 158). Юаньчаомиши называет его также двумя именами — Тебтэнгэри и Кокочу.

...16. Ремез и змея

а. Прежде у ремеза с змеей была война — джилан куркултайга уч булады. Змеинный детеныш съел начальника у ремеза (куркултайдын тюрэны). После этого ремез (куркултай) устроил свое гнездо над водой на конце ветви²⁴⁹.

Сиирбай, киргиз из Тарбагатая

б. В прежнее время змея была кривая и много губила людей и животных; ремез (куркултай) от испугу устроил себе гнездо над водой и спрятался. Один святой шел по земле и встретил человека. “Куда ты идешь?” — спросил он его. “Жаловаться Богу, — отвечал тот, — на змею; губит людей и животных”. Святой сказал: “Надо ее обмануть”. Пришел к змее святой и говорит: “Хочешь, змея, я тебя сделаю прямою, ты будешь еще скорее бегать”. Змея согласилась; святой зажал ее в жомы и продернул под серпом (урак). От этого она стала прямою, гладкою и бессильною.

Раис, киргиз рода чубарайгыр из Тарбагатая

...Отец русских, казаков и китайцев был Ауата, мать — Ауэнэ²⁵⁰. У них было 40 девиц и 40 сыновей. От самого младшего сына и младшей дочери произошел киргизский народ, от старших детей — китайцы, от средних — русские.

Тэнгисбай, киргиз рода чубарайгыр рода из Тарбагатая

и. Три женщины в родах схватились одна за землю (топрак), другая — за дерево (агач), третья — за гриву лошади (атнын

²⁴⁹ Ремез, *Aegithalus pendulinus*, по-киргизски и по-торгоутски — куркултай, по-башкирски — курулдай, на языке алтайских урянхайцев урунгульд-жуха (урун — мастер). Ср. у Березина в примечаниях к Рашид-эддину (Ч. I. С. 229) сопоставление турецкого слова “курук” и монгольского хорик — заповедное, запретное, откуда монгольское хоригу. Урочище Хоритумодун (запретный лес) упоминается в Юаньчаомиши; это было место жительства Хорилартай-мерганя, отца известной Алангоа, пока не было запрещено ловить в урочище соболей и белок (Труды Пекин мисс. IV. С. 24). Алтынгорголтай по-халхасски — золотой фазан, алтангургулдей по-бурятски — овсянка (*Emberiza aureola*; Radde. Reise. II. С. 157); обыкновенный фазан (*Phasianus torquatus*) по-халхасски — хоргол.

²⁵⁰ Ср. монг. (у булугунских торгоутов) авын, произносимое сокращенно ав Аулие — священное место у киргизов, святой ключ, святое дерево.

джалы); от них родились: от первой — китаец (земли много, народ многочисленный); от второй — русский (лесу много, народ многочисленный, но не так); от третьей — казак²⁵¹ (волос на гриве немного и народу немного).

Он же

й. Бог, создав людей, велел им выбирать, что кому понравится; китаец схватился за землю, русский — за дерево, казак — за траву битэгэ (*Eestuca ovina*); оттого китаец — земледелец, русский — зверолов, казак — скотовод.

Тарбагатайский киргиз

...22. Гахай (свинья), отец киргизского народа

а. Чингисхан устроил пир; в это время сын его разделил ложе с своею матерью; последняя мазнула преступника сажей по спине; утром преступник был узнан; отец прогнал его в Гоби. Уходя, преступник унес с собою воровски мутовку (бэлюр), которою бьют кумыс в кожаном мешке, и вместе с тем унес счастье монгольского народа. В Гоби он пришел к реке, на берегу которой нашел свинью. С нею он прижил детей, от которых размножился киргизский народ (казак), богатый скотом и вещами, потому что бэлюр монгольского народа достался киргизскому улусу.

*Даба, халхасец хошуна Хэбитушегуна
при северной подошве Цастубогдо*

б. Сами киргизы, по крайней мере живущие в Тарбагатае и Алтае, также говорят, что они происходят от свиньи: казакнын акэсы чушко; поэтому-то, поясняют они, мы и не едим свиного мяса²⁵².

---

²⁵¹ Киргизы сами себя называют казак; только дикокаменные киргизы и одно поколение из тангну-урянхайцев называют себя киргизами.

²⁵² Это отвращение от свиного мяса в киргизской степи, вероятно, имеет происхождение домусульманское, и рассказы о предке-свинье не следует принимать за объяснение введенного позже запрещения пророка, сделанное народом, еще жившим в старых преданиях о тотемизме. Трудно представить, чтобы в народе, столь еще мало мусульманизованном, как киргизы, между которыми даже высшее султанское сословие может считаться мусульманским только по имени, запрещение есть свинью утвердилось так прочно только со времени знакомства с исламом. Отвращение к свинье замечено было еще у скифов греческими писателями задолго до основания мухаммеданской религии.

23. Первые люди

а. В прежнее время кобыла с жеребенком и женщина с ребенком питались одинаково травой. Но женщина с ребенком траву не скусывали, а вырывали с корнем рукой; где они кормились, там не стала более расти трава, земля стала бесплодной. Поэтому показано было впрямь людям питаться не травой, а мясом.

Учжа, торгоут из Тарбагатая

б. Сначала были созданы только четыре человека и четыре животных: верблюд, лошадь, корова и баран, и всем было положено питаться травой. Но люди рвали с корнем и делали запас, клали за пазуху. Животные стали жаловаться Богу, что люди уничтожат такими образом всю траву. Тогда Бог спросил их: “Я запрещаю людям травой; но согласитесь ли вы, чтобы люди стали продавать вас, покупать, колоть и есть?”. Животные согласились.

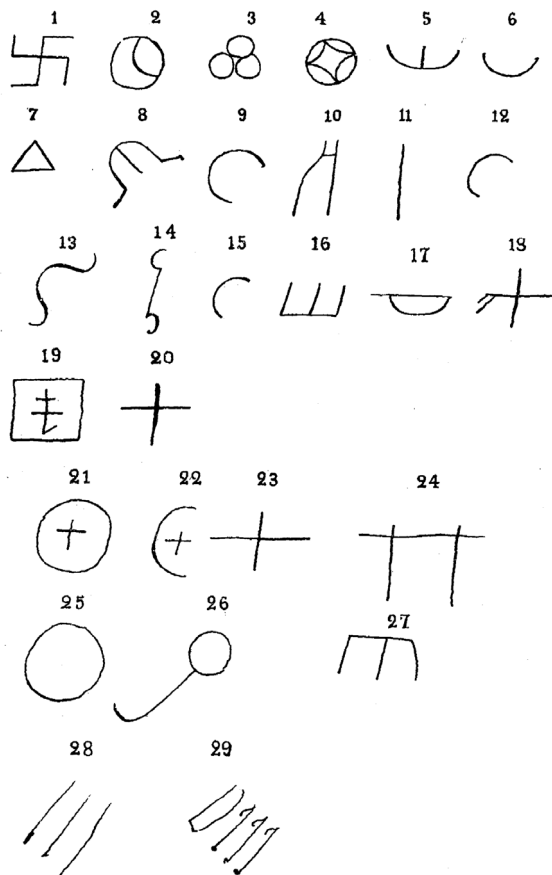
Сиирбай, киргиз из Тарбагатая

24. Карагана

Святого Ильяса хотели убить; он ушел в пустыню, устроил себе юрту и постель и стал питаться охотой за дикими животными. К нему пришла лисица и сказала: “Корми меня добытым мясом, а я тебе за то жену найду”. Ильяс стал ее кормить, лисица действительно привела ему жену, а сама убежала. Только она скрылась, жена превратилась в колючую карагану (*Saragana frutescens*). Ильяс сказал: “Чтобы мне тебя, лисица, вовеки не видеть более!”.

Джаксыбай, киргиз рода байджигит из Тарбагатая

Тамги

Халхасские: 1) хас; 2) уйлы; 3) чиндымын; 4) табыннидун пять глаз; 5) и 6) сар, луна; 7) дормо, стремя.

Булугунских торгоутов: 8) сар, луна, нойонская; 9) тургун, хошунная тамга; 10) хоир тажит маля, плет, нойонская тамга, хошуна хошут; 11) маля, плеть, хошунная тамга того же хошуна; 12) сар, луна, тамга торгоутского бана; 13) юрюктас сар, хошунская тамга хошуна бана.

Дюрбютские: 14) дэгря, тамга дюрбютского вана; 15) сара, луна, тамга ханского хошуна.

Тамга байтов: 16) олын.

Тамга урянхайцев, говорящих по-монгольски и кочующих на Булугуне и Саксае: 17) номын, лук.

Тамга олётгов, живущих около города Кобдо, отдельных хошунов: 18) гас, огонь.

Тамга хошуна мингытов: 19) дюрбельджин, то есть квадрат, тамга того же хошуна по другому показанию; 20) гагба.

Киргизские тамги: 21) чек, тамга поколения чубарайгыр; 22) джак, лук, тамга поколения джастабан; 23) чек, тамга поколений мэркит и ители; 24) босага, дверные косяки, тамга поколения кондубайбуранайман; 25) донгулек, кружок, тамга поколения тогас; 26) чомыш, поваренка, тамга поколения терстамгалы; 27) дворянская тамга, то есть тамга султанов; 28) сюрмэ, тамга, которую киргизы кладут на щека и лошадей; 29) тамга Уркеза, сына Тагханова из Рашид-эддина (История монголов. Введение. Пер. Березина (Зап. Имп. Русск. археол. общ. Т. XIV. С. 29).

*Очерки Северо-Западной Монголии.
Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 гг.
по поручению Имп. Рус. геогр. о-ва членом-
сотрудником одного Г. Н. Потаниным.
В 4 вып. СПб., 1881, 1883—1884. Вып. 2.
С. 2—165 (с примечаниями).*

Племена и поколения, населяющие Северо-Западную Монголию

1.1. Тюрки

...3. Киргизы

Возвращаясь из поездки 1880 года, я заехал в Баянаульский округ Семипалатинской области, где провел неделю в ауле Мусы Чермановича Черманова. Г-н Черманов обязательно предложил мне воспользоваться бумагами, которые были приготовлены им для покойного Чокана Валиханова, приходившегося г-ну Черманову племянником. Эти бумаги содержат родословные записи некоторых киргизских родов, которые я и привожу здесь с дозволения г-на Черманова.

Предок всего киргизского народа был Котан; он имел трех сыновей — Акджол, Альчин и Юсун. От Акджола произошла Средняя орда, от Альчина — Малая и от Юсуна — Большая.

У Юсуна два сына: Тарак и Абак. О детях Тарака сведений в бумагах г-на Черманова нет. У Абака значатся три сына: Албан, Суан и Дулат. У Албана было пять сыновей, но внесены в запись только два — Сары и Чэбиль. У Сары два сына — Альджан и Сегизсары. У Чэбиля дети Айт, Бузым, Кастык, Кызылборк, Конур; у Кызылборка сын Байтеке, у Байтеке Атамкул. У второго сына Абакова Суана два сына — Байтыкей и Тогураслан. У третьего сына Абакова Дулата: Ботя пай, Чимыр, Каскарау и Чапрашты.

У Акджола было восемь сыновей: Кипчак, тамга — арабская буква “алип” (см. табл. 1, ф. 1); Аргын, тамга — глаза, “кузь” (ф. 2); Найман, тамга — косяки, “босага” (ф. 3); Конграт, Кирей, тамга — лоза, “чилик” (ф. 4); Уак, тамга — подпорка для войлока, прикрывающего верхнее отверстие юрты, “бакан” (ф. 5); Таракты²⁵³:

²⁵³ Название рода таракты, совпадающее с тамгой того же рода тарак — гребень, напоминает имя одного отделения в племени джелаир, которое упоминается в одной татарской летописи (Вельяминов-Зернов. Исслед. о касим. царях. II. С. 121) и которое называлось тарак-тамга — гребень-клеймо. Ср. с названием существующего в восточной части киргизской степи поколения терстамгалы. Нынешние названия Ориона Таразы или Тарази, “весы” не приносились ли прежде тарак? У кундровских татар тамга тарак, “гре-

тамга — гребень, “тарак” (ф. б); Тюлюнгут, тамга — пика, “най-за”. Первые четыре сына — Кипчак, Аргын, Найман и Конграт происходят от законной жены Акджола; другие четыре — Кирей (у него было пять сыновей: Абакты, Курсары, Аксары, Иманалы и Нуралы), Уак, Таракты и Тюлюнгут — от незаконной, а потому они должны были служить первым четверем своим братьям²⁵⁴. Один мел юрту — оттого у него и тамга лоза, другого обязанность была ставить юрту, за что получил тамгу подпорку, третий чистил лошадей, поэтому тамга — гребень, а четвертый пас лошадей с пикой в руке, поэтому и тамга у него пика.

У Аргына шесть сыновей: Мийрямсофы, Карасофы, Сарысофы, Аксофы, Надырсофы, Темирсофы²⁵⁵.

У Карасофы сын Караул, у Караула сыновья Джаксылык, Кылды, Ногай, Яулубай (эти четверо вместе называются төрт-ата, то есть четыре отца; общие их потомки кочуют около Омска), Атка, Джауар, Мёитук, Сары.

У Кенджесофы сын Атагай. У Атагая всего было 12 сыновей,

бень” есть тамга белой кости (Пав. Небольсин. Вест. Русск. геогр. общ. 1851. Кн. 2).

²⁵⁴ Разделение детей на две группы замечается и в других случаях; у Рашид-эддина рассказывается (Труды Вост. отд. Русск. археолог. общ. XIII. С. 28 и 31), что у Тумена-хана было девять сыновей — пять от одной жены и четыре от другой; затем в той же главе говорится, что потомству одних было указано рабство в отношении других. У Чингисхана также выдвигаются четыре сына, дети старшей жены, под именем четырех кулюков (*Ibid*, с. 77). Ср. также места в Летоп. русск. лит. Изд. Тихонравова. В. 1. С. 43, и в *Simrock's Edda*, Stutg., 1876. С. 112—124; в скандинавской саге от трех пар, с которыми поочередно спит Риг (сокращенное от Ерик, которое тождественно с Иринг), происходят рабы, крестьяне и дворяне.

²⁵⁵ Относительно имени Софы, которое придается всем сыновьям Аргына, г-н Балкашин сообщил мне показание одного киргиза, что так они назывались будто бы за то, что были двоеданцы. Не находится ли это показание в какой-нибудь связи с поверьем о летучей мыши, которую привлекали к платежу дани и царь зверей, и царь птиц. Кызылгурт есть в Малой и Киргизской орде (Мейера Кирг. степь Оренбур. вед. СПб., 1865. С. 89), в Букеевской внутренней (вероятно, вследствие опечатки: Кызым курт; Зап. Русск. геогр. общ. Т. II. С. 36). Ср. показание о происхождении всего киргизского народа от Кызыл-гурта (Очерки. II. С. 149). Курт по-киргизски — червь, но в урянхайском удзунгурт — змея (с. 165).

но в записи находятся только следующие: Кудайберды, Баимбет, Майлибалта, Багыс, Бабасан, Боба и Дауд.

У Сарысофы сын Басентиин. У Басентиина два сына: Катгыс и Кокчукуз. У Катгыса три сына: Мандай, Баимбет, Бюрө. У Баимбета 9 сыновей: Бука, Чокай, Губюр, Коянбай, Джаманай, Кочень, Чорёк, Танатар, Бэсень. У Джаманая Коджагул, Козыбак, Козгак, Койсары, Ырскул (произносят также Рыскул), Ноурузбай, Джанай. У Ырскула три сына: Чакабай, Бөкобай и Карабатыр. У Чакабая Тоймас и Джандос. У Тоймаса Айдос, Сердыпгоджа и Избас; у Джандоса Ельчибай, Сальджибай, Тэнес, Сябыр, Бакыр, Алэ, Осман, Омар. У Бөкобая Чока, Байкушук, Сарджан, Байгабыл. У Чока Доскан, Коңдубай и Джаныс; у Джаныса Утёмыс; у Утёмыса Муса; у Мусы Баймамбет и Абдрахим²⁵⁶.

У Аксофы сын Тобуклы, у Надырсофи сын Шарьджатым и у Темырсофи сын Шякшак.

У Мийрямсофы четыре сына: Шубуртбалы (малочисленное поколение, не более 500 кибиток), Каракисек (Булатходжа), Куандык и Сююндук (последние два от одной матери, старшей жены Мийряма).

Каракисек (буквально “черный кусок”) был прозван так за свое черное тело; настоящее его имя было Булатходжа. Род каракисек-ков многочисленный, до 2000 кибиток. У Каракисека два сына: Майкы и Бошян (произносят и Бочян). От Майкы происходят поколения карсэнкириной и алтекэсарым. У Бошяна были дети

---

²⁵⁶ Последние два, может быть, наши современники; вероятно, и Муса, носящий мусульманское имя, также или живущее лицо, или покойник, но память о котором еще жива. Может быть, и Утёмыс — лицо недавно жившее. Родословные киргизские обыкновенно состояются из двух источников: народного предания о предках, из которого составляется начало родословной нисходящим путем, и из памяти живущих людей о их умерших дедах и прадедах, по которой создается конец родословной восходящим порядком, навстречу нисходящей линии предков; две линии смыкаются произвольно. Определить грань этих двух линий или точку смычки, то есть сказать: вот на этом имени кончается нисходящая линия людей, действительно живших, а дальше идут имена легендарные, трудно; для этого нужно расспросить на месте массу лиц — работа, не стоящая труда. Кто захочет воспользоваться приводимыми данными для своих исследований, может сам отсечь нижние концы особенно длинных линий как ненужные.

Джапту, Байбурэ, Таз, Мочалы и Манат. У Таза Былбыл и Намакай. У Былбыла дети Кушук, Алдияр, Чанчар, Кудайберды и Усён. У Чанчара были три жены: от первой сын Алысай. От второй жены Айбике четыре сына: Джанибек, Тянибек, Кельдибек и Аширбек; Кельдибекайбике был самый знаменитый человек в каракисеках. У Кельдибека сын Казибек (это был знаменитый родоначальник в степи; сын его Бекбулат был современник Аблая, следовательно, жил в середине прошлого столетия; о Казибеке сохранилось предание, что он имел громкий голос, и поговорка о нем: “каздаусты Казибек” (с голосом гуся Казибек); у Казибека Бекбулат, у Бекбулата Тлянчи, у Тлянчи Альчипбай, у Альчинбая Какабай. От третьей жены Нурбике у Чапчара было три сына: Бердыс, Турдубек и Тлеуке. У Бердыса семь сыновей: Бектемир, Кызылгурт, Аоз, Усмамбет, Умурзак, Кокан и Джанабатыр. У Кызылгурта были дети Ильгельды, Акксы, Джанксы, Сенкубай, Исень, Кубек. У Ильгельды Назыкпай и Тшян. У Тшяна Сыздык, Абиш, Аймас, Кетеджан, Көпөджан, Осман, Омар. У Аозя, второго Бердысова сына, Тлемис, Макошөк и Джанкошөк. У Тлемиса Мамбетпай и Дулак. У Бектемира, третьего Бердысова сына, дети Даулет, Бая и Мучеке. У Даулета дети Допдук, Амангельды, Утеулө, Аманбай, Кабыл и Бакал. У Бакала Иркэ, Атагозы и Кураш. У Атагозы сын Кобей. У второго сына Бектемирова Бая дети: Джаба, Бердыгул, Атагай, Аблай и Байгозы. У Джаба Ардабай, Куанш, Рыспай (или Ырспай) и Мусулманкул. У Куанша Кумыспай, Нусабай и Болуспай. У третьего сына Бектемирова Мучеке: Казангап, Сазан, Куандык, Сююндук, Кулатай, Джайляу, Кошкарбай, Тапчибай, Коджөбай, Коттубай, Джавотэй, Кундыкер и Табылды. У Казангапа Рысамбеть, Коттумбеть, Таттимбеть, Койбагар, Якшимбеть, Алимбеть и Дюйсембэ. У Рысамбетя четыре сына; записан один: Джанузак. У Таттимбетя дети Мусатай, Косутай и Исатай. У Коттумбетя сын Осман. У Якшимбетя сын Бюркутпай (имена других шести сыновей не записаны). У Алимбетя сын Джамак (имена других четырех сыновей не записаны). У Дюйсембэ сын Сыздык.

У Кулатая, Мучекеева сына, дети Кызданбек, Мырзанбек, Осман и Тлеубек. У Джайляу, Мучекеева сына, Иткуста, Итаяк и Танграк. У Иткуста Байбек и Чинтемир. У Итаяка семь сыновей, из них записан один: Мынджян. У Танграка сын Чагантай.

У Турдубека, второго Чанчарова сына, от второй жены Нурбике был сын Ботпанай, у Ботпаная Бокай, у Бокая Байшуме, у Байшуме Илекей, у Илекея Кадырбек. У Тлеуке, третьего сына Чанчара от той же Нурбике, сын Джарылгап, у Джарылгапа Джаламан, у Джаламана Койсоймас, у Консоймаса Баймурун, у Баймуруна Акай, у Акая Айча.

У Сюондука, третьего сына Мийрямсофы, дети Карджас, Айдабул, Кулюк и Козган. У Карджаса три сына: Сатылган, Кулюкэ и Алтынторо. У Кулюкэ Алимбетъ, Тэлэ и Оюм. У Тэлэ сын Апай, у Алая Мурзагул, у Мурзагула Сятый, у Сятя Кошөк, у Кошөк Чорман, у Чормана Муса (составитель всей этой родословной записи), у Мусы Чадвакас, у Чадвакаса Маскут (последние три лица все живы; Маскут — трехлетний мальчик). У Оюма сын Утэнь, у Утэня Бызаубай. У Алтынторо дети Джолумбет, Мамбеталы и Артык. У Джолумбета Назар, Ырсыпбет, Калкаман и Койсары. У Назара Коджеберген, Мырзагельды и Даулетенбет; у Ырсынбета Акан, Шякан и Чяльча; у Калкамана Бухар; у Бухара Акдербис, Джарылгап и Джанта.

У Мамбеталы, второго сына Алтынторо, сын Джандост, у Джандоста Тасдулат; у Таспулата Джанкара, Кечубай, Бошян и Кедей; у Кедея сын Утебай, у Утебая Тэнебек, у Тэнебека Исентай, у Исентая Джанабыл.

У Козгана (у которого настоящее имя было Бегендык, Козганом же он назван от слова "козгалу" за то, что вечно двигался, не стоял на месте) были дети Таирберген и Сарик. У Таирбергена Ораз, Малкар и Джулымсоф. У Ораза Джииналы, Курманалы, Актай и Кенджебай. У Джииналы Ильтузёр, Чрён, Мансор и Джантык²⁵⁷. У Курманалы Баймурат, Самрат, Бокан и Токан.

---

²⁵⁷ Джантык может быть одного происхождения с именем Джантыкей (Очерки. II. С. 3). Ср. янтако, иендако, *Canis procioides* (Маак. Пут. до Усури. I. С. 108; Radde, Reise. I. С. 75). Заметим здесь, кстати, о сородичах черноиртышских джантыкеев — джадыках. В указанном месте мы сообщили показание, что абаккиреи, в состав которых входят и джадыки, происходят от Сарыпосуна; если это имя принять за монгольское, то оно в переводе будет значить "девять рыжих". Вельяминов-Зернов в своем "Исслед. о Касим. царевичах" (II, 269) приводит известие из восточных мусульманских летописей, что у некоего Ядика был сын Тугум-хан, род которого звали токуз-сары — "девять рыжих".

У Актая Аю, Акчабай и Орус. У Кенджебая: Джумарт, Мятень, Джангельды и Сарт.

У Сарика, второго сына Козганова, дети Токтас, Кожемберды и Ходжагул. У Токтаса Исенгул, Эрс (или Рыс), Кобэк, Тенибек, Тайтеке и Акбас. У Исенгула Туркобай, Бикджан и Назикпай.

У Туркобая Гайперды, Айткоджа, Баргана, Кудайбергенъ и Бердалы.

У Бикджана Рай, Кенгирбай, Иркэбай, Курсары, Айрақпан и Алимэн. У Рая Байгутту, Баргана, Мындай, Карагыз, Токкоджа, Маман, Псурман²⁵⁸, Сексенбай и Джанчузь. У Токкоджи дети: Байгыз, Малгыз, Байтерек, Джангельды, Тулэкпай и Кошкар. У Байгыза Джанай, Конай, Атагай и Караул. У Джангельды Бийсень, Нанбай, Менджебай, Альджан, Итпасар и Абень. У Байте-

²⁵⁸ Существование имени Псурман среди киргизских поколений внушает мысль, что имя сособого племени бесермене в летописных сказаниях, касающихся Прикамского Поволжья, не есть испорченное “мусульман”, а древнетуземное, домусульманское имя; сами татары и теперь еще часть своего народа в Вятской губернии называют этим именем. На р. Вале в Вятской губ. есть село Бусурманможга; о происхождении этого имени рассказывают, что тут жил отец с тремя сыновьями; двое сыновей выселились, младший, по имени Можга, остался там, где ныне стоит село. Почему-то отец был недоволен сыном и назвал его бусурманом; с того времени и стало так зваться это село. Такое толкование, вероятно, позднейшее, может быть, показывает, что бусурман было имя бранное, но едва ли оно означало у языческих вотяков “мусульманин”. Не было ли оно в устах вотяков и других финнов Поволжья именем аборигенов страны, то есть тем же, что русское Чудь, чувашское Олын и вотяцкое Алангасар? В сказках Северной Монголии встречаются иногда собаки Асыр и Басыр (см. Очерки. II, и в настоящем выпуске); эти два имени, конечно, одно в двух различных произношениях. В монгольских преданиях мы имеем имя Гесерхан, первый член которого, вероятно, тождествен с именем собак; сами формы бесермен, бусурман, может быть, только вариации имени Гесерхан, занесенные на запад. Переход хан в ман едва ли может возбуждать возражения ввиду того, например, что Джетыган — Большая Медведица иногда (в Крыму) переходит в Джетымен (см. ниже); сходный переход представляют слова “вопкын” (чуваш.) и “вопман” (черемисск.) — чудовище, отличающееся обжорливостью. Правда, Гесерхан — существо светлое, но на западе оно могло явиться существом темным; от туземцев европейской России оно могло быть усвоено русскими и явилось в виде прозвища бусурманища, придаваемого темным личностям.

река Менебай, Джанабай и Досан. У Тулѣкпая Беис, Джайрау и Бухар; у Бухара Джаман, Аман и Чиман.

У Назикпая, третьего сына Исенгула, сына Токтасова, было четыре сына — Таныркул, Аксары, Коджан и Там.

У Эрса, второго сына Токтасова, дети Тэкэбай и Дюйсенбай; у Тэкэбая Байшума, Крымходжа, Малбакты, Аккуль, Джанибек, Алибек, Кулубай и Мынбай. У второго Эрсова сына, Дюйсенбая, дети Ишень, Байкар, Кенджегара, Джуткара и Балтагара.

У Кобэка, третьего Токтасова сына, был сын Акша, у которого были дети Баян, Самай, Багай и Исенбай.

У Тайтэкэ, пятого Токтасова сына, было три сына Тулекэ, Садибек и Темирбек. У Тулекэ дети Кабыл и Тлеу. У Кабыла дети Тукей и Нарбай, у Тукея Карабай, а у Нарбая Байкара, Кулкара и Сарыкул. У Тлеу, Тулекеева сына, дети Ирناзар, Айтюмбек, Барьманбек и Кельдибек. У Ирназара сын Сарике. У Айтюмбека Сютенген и Асат; у Сютенгена Шабан; у Асата Чорман и Джаман.

Потомки четырех сыновей Сююндука — Карджаса, Айдабула, Кулюка и Козгана — носят общее имя: тортоул. По народному преданию оба брата, Сююндук и Куандык, вышли в киргизскую степь из Туркестана. Другой отрывок тортоулов находится в южной части Акмолинской области; и там также, как мне обязательно сообщил бывший в их кочевьях г-н Балкашин, есть те же предания о Сююндуке и Куандыке, вышедших из Туркестана, и о шести братьях Софы, сыновьях Аргына. По другому показанию, записанному мною в Баянаульском округе от одного киргиза, тортоулы происходят от четырех братьев — Чегендыка, Бегендыка, Шуманака и Маджика.

У Куандыка²⁵⁹, четвертого сына Мийрямсофы, было шесть сыновей: Бурѣши (от него небольшое потомство, не более 300 кибиток в настоящее время), Темешь, Алтай (самый многочисленный род, до 10 000 кибиток), Карпык, Агыс и Калкаман. У Алтая дети Сайдалы, Алысай, Алике, Байдалы, Муин и Нурбай; последний от “истеккатын”, то есть от жены остячки²⁶⁰. У Муина Мурат, Карике, Аманкул и Аракшян.

²⁵⁹ Имя Куандык, по мнению самих киргизов, происходит от глагола куаныб — обрадовался.

²⁶⁰ Впрочем, киргизы зовут истеками также башкир и барабинских татар.

У Карике Наурзэк, Байбура, Акбура, Токбура, Ольджегельды и Джанбазар. У Токбуры Отён, Кулан, Алагошёк, Исень, Сеит, Сакей и Казы; кроме того, еще три не записаны, так как всего у Токбуры было 10 сыновей. У Алагошёка Бектас, Чиликпай, Баймурза, Джанмурза и Кошян. У Бектаса Матакпай, Члёнбай, Мырджикпай, Таймас и Бальчик; у Таймаса сын Токсан.

У другого Муинова сына, Аракшына, были дети Калибек и Сармантай. У Калибека Аралбай, Куттумбет и Араша. У Аралбая Байтока и Бикше. У Байтоки сын Бабык, у Бабыка Утебай и Косубай; у Утебая сын Кутчан, у Кутчана сын Мугамедали; у Косубая сын Турсунбек, у Турсунбека Кийсыкпек.

У второго Аракшынова сына Сармантая дети Байдаулет и Джуман; у Байдаулета сын Исеньгельды, у Исеньгельды Байток; у Джумана сын Коран, у Корана Чон, у Чона Исебек.

IV. Сказки и легенды

101. Джиренше шешен и Алдар-косе

Однажды девушки пошли собирать дрова; пошел дождь; девицы побросали свои дрова и убежали в юрты; одна только дочь Алдара-косе осталась в поле, прикрыла подолом свою вязанку караганы и сидит. Ехал Джиренше-шешен и спросил ее, почему, когда другие убежали, она осталась под дождем и сама мокнет, а дрова спрятала под подол. Девушка отвечала: “Хотя меня и замочит дождем, я приду домой с сухими дровами, зажгу огонь и скоро высохну и обогреюсь”. Джиренше-шешен не спросил ее имени; потом, вздумав женить своего сына, хотел отыскать эту умницу, но не знал, как спрашивать. Он взял своего сына, поехал по городам и в каждом городе бьет его. Когда его спрашивали, за что он бьет сына, Джиренше-шешен отвечал: “За то его бью, что он все делает так, как ему скажешь”. Все удивляются глупому отцу. Одна только дочь Алдара-косе сказала: “И бей его; его нужно бить, пока он не начнет поступать по своему разуму”. Тогда Джиренше-шешен угадал, что это та самая, которую он ищет, и взял ее замуж за своего сына.

Джиренше-шешен был в одном собрании, где говорили, что Алдар-косе — самый умный человек; что нет человека, которого он не мог бы обмануть. Джиренше-шешен, не встречавшийся еще

с Алдаром-косе, сказал: “Может быть, он и обманывает людей простоватых, но человека с прямым умом не обманет; меня обмануть ему не удастся”. “Испробуй на себе его искусство”, — сказали Джиренше-шешену, и он поехал. Алдара-косе предупредили, что едет Джиренше-шешен с умыслом померяться с ним умом. Алдар-косе оставил свою юрту, уехал в горы и там около одной сопки ходит пешком то вправо, то влево, то вперед, то назад. Джиренше-шешен спрашивает: “Что делаешь?”. Алдар-косе отвечает: “Вот хан поручил мне мудреное дело — измерять, где середина земли; между тем шагами мерять трудно, шаги неровные бывают, а палка мерная осталась в юрте, идти за нею тяжело”. Джиренше-шешен говорит: “Возьми мою лошадь и съезди за палкой”. “Хорошо”, — сказал Алдар-косе. Сел он на лошадь Джиренше-шешена и сказал ему: “Эй, Джиренше-шешен, поговорку “Джердын ортасы кок тубэ”²⁶¹ слышал ли? (И теперь киргизы говорят эту поговорку, когда кто кого проведет).

Алдар-косе и шайтан отправились на охоту и вместе убили зверя. По киргизскому обычаю добыча принадлежит тому, кто из охотников старше. “Кто из нас старше?” — спрашивает Алдар-косе у шайтана. — “Тебе сколько лет?”. Шайтан сказал: “Когда Бог создавал свет, мне было семь лет”. Давай же Алдар-косе плакать. “О чем ты плачешь?” — спрашивает шайтан. “У меня сын родился в тот самый год, как и ты! Он был бы такой же большой, как и ты, если б не умер! Как мне не плакать!” Шайтан поверил, и добычу взял Алдар-косе.

Записано у киргизов Баянаульского округа

...104. Байгус

Хан Сулейман женился на царской дочери и спросил ее однажды, довольна ли она им. Она сказала, что довольна, но что ей недостает только одного: дворца из птичьих костей. Тогда хан Сулейман решается построить дворец и велел собрать всех птиц; байгус не явился. Хан велел ястребу привести его силой на ремне, продернув его в нос. Ястреб проколол байгусу нос и привел. Хан спросил байгуса, отчего он не шел ранее. Байгус отвечал, что он был

²⁶¹ То есть середина земли — синяя сопка.

занят делом — считал, кого больше: умерших или живых, мужчин или женщин. “Кого же больше?” — спросил Сулейман. “Умерших больше, чем живых, — отвечал байгус, — потому что я считал и тех за мертвых, кто рано ложится спать и поздно встает; и женщин больше, чем мужчин, потому что я считал за женщин и тех мужчин, которые слушаются советов женщин”. Сулейман понял ответ байгуса и отпустил птиц.

Записано у киргизов Баянаульского округа

105. Предки скота

Есть у киргизов обычай молиться о здоровье скота святым, покровителям особых пород. Например, дают сто рублей бедняку и просят его молиться о верблюдах давшего деньги святому Ойскара (киргизы будто бы по незнанию произносят Ойсулкара). О коровах молятся святому Зенгбаба, об овцах — святому Чопаната, о лошадях — святому Джилкышата. Прежде женщины о животных говорили не иначе, как “дети Чопанаты” вместо бараны, “дети Ойсулкары” вместо верблюды.

Там же

106. Алаша хан

“Уран всего киргизского народа есть: Алаш!” С этим криком киргизские витязи всегда ходили в атаку. Есть выражение “Алаша-хан ёшу хан аксак кулан шошиган”, то есть “Алашахан...(?) хромой кулан (дикий осел) испугался”. Объяснительной легенды мне не передали. Другое выражение: “Алаш алаш булганда, алаша хан булганда”, то есть во время (поветрия) “алаш”, во время хана Алаша. Есть болезнь “алаша”, заключающаяся в появлении пятен на теле. Хотя ни ран, ни боли нет, но болезнь неизлечима, и таких людей отделяли. У хана заболел сын этою болезнью, и отец держал его при себе; народ начал говорить: “Почему у простонародья больных отделяют, а у хана нет?”. Тогда хан отделил сына, придав ему сто человек свиты. Когда сын прощался с матерью, та дала ему еще сто человек, бабушка (мать отца) — еще сто. Вот эти-то три сотни и образовали киргизский народ.

Там же

...121. Бала мерген

Прежде в Баянауле, Каркаралах и Кенте было много всякого зверя — маралов, лосей, медведей. Везде их истребил некто Баламерген, умерший пятьдесят лет назад. Он был великий истребитель; стрелял без сожаления. Встретив стадо сайги, он избивал всех без остатка. Избив зверей в здешних местах, он удалился на озеро Кокуйкуль, где-то за р. Чуей (которая течет к северу от Ташкента), где множество всякого зверя, и он ходит без всякой боязни. Там до Баламергена охотился только Идыге-би. За греховное истребление и безжалостность к зверям Бог не дал счастья Баламергену: он умер в бедности и с голоду.

Киргизское предание. Сообщил М. Ч. Черманов

122. Шөн-би

В мусульманском мире являлось через 600 лет друг после друга четыре Идыге, четыре Турсуна и четыре Ахмета. Последний Идыге-би был киргизский; теперь только ожидается Магди. У Идыге был сын Шөн-би, которому было в виде исключения предоставлено право вещания, тогда как другие бии лишены этого права. Рассказывается одно мудрое решение Шөн-би такого рода: на одном тое (свадебном пире) киргиз украл узюк (один из двух войлоков, прикрывающих верх юрты); стали судить вора; кто сказал, что узюк стоит двадцать баранов, кто — верблюда, и советовали столько и взять с вора. Кутайменды говорит: “Ты что, Шөн-би, молчишь? Скажи слово!”. Шөн-би отвечал: “Мало этого, узюк сколько человек прикрывал? За бесчестие этих людей еще нужно взять”.

Киргизское предание из Баянаульского округа. Сообщено им же

Примечания

Сказки, напечатанные в этом выпуске, были собраны мною таким же способом, как и в первую мою поездку в Монголию в 1876—1877 годах, то есть я записывал их со слов русского переводчика. Киргизские сказания были записаны мною частью — в Прикобдинском Алтае (в 1876 г.), частью в Баянаульском округе

Семипалатинской области (в 1880 г.); в первом случае переводчиком был казак Михаленков, превосходно знавший киргизский язык; во втором сказания записывались от киргизов, знающих русский язык. Главный сбор алтайских и урянхайских сказаний был сделан в последнюю поездку; часть алтайских сказаний записана мною от миссионера о. Чивалкова; о. Чивалков — природный телеут, знает достаточно русский язык, занимается переводами с русского языка на алтайский по поручению Алтайской миссии и издал несколько брошюрок для чтения на алтайском языке, сочиненных им самим; другие сказания были переведены взятым мною в путешествие телеутом И. Чивалковым, родственником миссионера; И. Чивалков учился в миссионерской школе в Улале и умеет писать по-русски и по-алтайски; некоторые сказания были записаны им на алтайском языке; эти алтайские тексты переданы мною Н. И. Ильминскому в Казани. Тот же И. Чивалков служил переводчиком и при сборе сказаний у урянхайцев в долинах Улухема и Хуахема. Монгольские сказки записывались при помощи знающих язык русских приказчиков, которые были под рукой; главными моими помощниками в этом деле были приказчики г-н Хабаров и В. А. Палкин. Оба они до знакомства со мною прожили в крае около трех лет и хотя не знали языка во всей тонкости, могли все-таки бегло объясняться с монголами. Г-н Хабаров взят был мною в Улангоме и провел со мною несколько дней на Цзусылане, но затем был мною оставлен; дальнейшее путешествие от Цзусылана до Кобдо было совершенно без переводчика; затем в Кобдо присоединился к экспедиции г-н Палкин. В то время когда я оставался без переводчика, я продолжал все-таки записывать сказания, пользуясь при этом услугами одного из своих рабочих; во второе путешествие таким посредником между мною и рассказчиком был обыкновенно дюрбют Баинцаган, как в первое путешествие — халха Чириндорчжи. Помощь такого посредника состояла в следующем: рассказчик передавал мне сказание; затем Баинцаган, уже привыкший ко мне и знавший пределы моих познаний в монгольском языке, вновь передавал мне тот же рассказ, стараясь обойтись тем запасом слов, которые были известны мне. Таким образом я получал краткое содержание сказания. Записанные без переводчика сказания, впоследствии, когда к экспедиции присоединился г-н Палкин, были

при помощи этого последнего проверены и дополнены со слов Баинцагана. Переводы с бурятского сделаны природными бурятами о. Чистохиным и г-ном Матхановым.

Рассказчики, от которых записывались сказания, были различные: это были шаманы, ламы, грамотные и безграмотные, и простые люди; певцов былин встретилось мне мало; у алтайцев только певец в вершинах р. Песчаной пел для меня песни под аккомпанемент струнного инструмента; записанные от него И. Чивалковым тексты остались без перевода и находятся теперь в руках Н. И. Ильминского; у урянхайцев я не встретил певцов, но думаю, что они у них есть; у халхасцев певцов, кажется, нет; по крайней мере, мне они не встречались; но у дюрбютов они есть, и от одного из них, старика Сарисына, записано мною много сказаний, из которых два — о Цагандарихе и Иринсайне, он пел под аккомпанемент хура, струнного инструмента. Сарисын — простой дюрбют, старик лет 60, знающий хорошо монгольское письмо, но ленивый писать; после первого свидания с ним в Улангоме я, отъезжая в Кобдо, оставил ему бумаги для того, чтоб он записал “Иринсайна” к моему возвращению, и обещал ему заплатить за труд серебром; он обещал, но ко второму моему приезду ничего не сделал. Былину об Иринсайне Сарисын рассказывал мне в продолжении семи дней; первая половина ее (до смерти Хархурмукчина) была переведена г-ном Хабаровым, вторая — г-ном Палкиным. Сарисын же рассказывал о другом певце Баите, уже умершем, который записал былину об Иринсайне на бумагу. Во время проезда от Улангома в город Кобдо я слышал о третьем певце, мингатском дзанги, кочующем около горы Торхула у р. Кобдо; он также знает былицу об Иринсайне; посетить его у меня не было времени.

К собранию, сделанному лично нами, мы присоединили 50 сказок, записанных г-ном Палкиным во время его зимовки в дархатской земле, — 10 сказок, записанных г-ном Адриановым во время его поездки в сойотские земли в 1881 году, 4 сказки якутов, заимствованных из рукописи г-на Борисова, доставленной в Географическое общество, и несколько сказаний бурятских, записанных у иркутских бурят учителем Хангаловым, природным бурятом, доставившим их в восточносибирский отдел Географического общества.

Наше собрание, сделанное при вышеписанных условиях, не имеет той ценности, какую оно могло бы иметь, будучи сделано

лингвистом, как, например, собрание сказаний южносибирских татар, составленное г-ном Радловым или то собрание монгольских устных памятников, какого мы вправе ожидать от г-на Позднева. Но если наше собрание не имеет значения для лингвиста, оно не лишено его для филолога и мифолога и может служить им для выводов и сближений. Поэтому думаю, что не напрасно мною потрачено время на собрание этих сказаний, тем более что специалистов-лингвистов немного, и, следовательно, путешествия их в Монголию не могут быть часты, да и лингвист, захвативший в такой обширный край, как Монголия, не может же побывать везде и не оставить пробелов. Способ собирания сказаний в виде конспектов посредством переводчиков в особенности было бы полезно применить в отношении разнообразных инородцев Сибири; ждать лингвистов по отдельным языкам Сибири придется долго, а между тем преобразование племен в другие национальности идет быстро, и иное наречие вымрет прежде, чем дождется исследователя своего наречия. Для мифолога не имеет такой важности, как для лингвиста, буквальная запись сказания; для него будет иметь цену и одно содержание сказания с сохранением собственных имен и тех технических черт, сознание важности которых воспитывается в собирателе самим процессом записывания.

Свое собрание мы снабдили примечаниями, в которых сделаны указания на сходство некоторых среднеазиатских сказаний с европейскими, особенно русско-славянскими сказаниями. Считаю приличным сказать здесь несколько общих слов по поводу этих примечаний.

Сходство в сказаниях может быть объясняемо тремя путями: единством законов человеческого мышления, племенным сродством и заимствованием. Многое, что представляется сходным в сказаниях азиатских и западных, вероятно, придется объяснить заимствованием; тогда является вопрос: каким путем и кем у кого сделано заимствование — арийцами ли у не арийцев или наоборот?

Распространение сказаний заимствованием может совершаться чрез: 1) торговые сношения посредством караванов и т.п., 2) посольства, которые в прежнее время в Азии, кажется, по преимуществу выполнялись теми же купцами, 3) переселения племен и 4) завоевательные армии, которые в древние времена совпадали с пересе-

ляющимися племенами. Из этих четырех способов распространения сказаний самый существенный, конечно, переселения племен.

В частном вопросе об отношении североазиатских и среднеазиатских сказаний к западным сходство их может быть истолковано: 1) заимствованием европейскими народностями у монголов и других неарийских племен (половцев, печенегов, аваров, гуннов), приходивших в Южную Россию в историческое время; 2) заносом западных сказаний монголами и другими завоевательными толпами, после нашествия на Европу возвратившимися в Центральную Азию, а также возвращавшимися в Азию караванами; 3) принесянием сказаний арийским племенем Европы со своей отдаленной родины, где оно могло жить также и в соседстве с неарийскими племенами, как жило и в Южной России; наконец, 4) заимствованием у неарийских аборигенов Европы, которые жили в ней до прихода арийцев и могли прийти в Европу из Северной Азии. Из этих направлений распространения сказаний наименьшее значение можно приписывать тому, которое шло с запада на восток; народных переселений в этом направлении в историческое время не известно, за исключением немногих случаев возвращения племени, ушедшего из Центральной Азии в Европу. Торговым же и тому подобным единичным сношениям приписывать более важное, чем переселениям, значение нельзя. В противоположность слабому воздействию Запада на Восток, воздействие неарийских племен Азии на Европу посредством переселений продолжается почти во все историческое время, по крайней мере, в Восточной Европе; к этому следует присоединить влияние финских племен, занимавших европейскую территорию до арийцев, слившихся с ними и продолжающих сливаться. Чтоб отвергать возможность усвоения сказаний от этих неарийцев европейцами, необходимо допустить что-нибудь вроде невосприимчивости арийцев к чуждым влияниям вследствие, например, своей высшей расы или высшей культуры. Вопрос о распространении сказаний приводит к вопросу о расселении племен из Азии. Решение этого вопроса находится в руках специалистов — антропологов и филологов; не мог, однако, и нас не интересовать этот предмет, насколько, в частности, он относится к той стране, в которой нам пришлось странствовать, и некоторые заметки, которые явились под нашей рукой вследствие

наблюдений над бытом в Средней Азии и которые мы помещаем ниже, полагаем, не будут лишними в качестве материала для соображений специалистов. Нам довелось проводить время между тюркским и монгольским племенами.

Тюркское племя занимает территории, которые имеют длину с востока на запад около 65 градусов и ширину около 16; таким образом, уже само линейное протяжение этой территории отчасти указывает на направление, в котором племя расселялось. Самое широкое и сплошное залегание племени приходится на Арало-Каспийскую низменность с ее окрестностями; здесь обитают туркмены, узбеки, каракиргизы, киргизы (казаки). Башкиры и сибирские татары — около городов Тюмени и Тобольска. Здесь тюркское племя занимает сплошь все пространство от Мерва до Петропавловска. От этой площади на восток тюркское племя идет клиньями вдоль трех больших горных систем — Алтайско-Саянской, Тянь-Шаня и Нань-Шаня. Вдоль первой из этих систем оно идет до Косокола и даже немного восточнее. Есть еще и более восточные турки — это якуты, но они представляют отдельный далеко на северо-восток Сибири заброшенный остров. Сплошное тюркское население начинается только от Косокола; отсюда оно тянется на запад сначала узкой полосой, залегая сначала только по южную сторону Саянов, а потом и по обе их стороны, а также и вдоль хребта Таниуолы, параллельного Саянам. На северной стороне Саянов самый восточный отрывок тюркского племени находится в вершинах р. Оки; это сильно обурятавшиеся сойоты; западнее обитают карагассы, качинские татары, койбалы и кызыльды. На южной стороне Саянов живут урянхайцы или сойоты; они занимают пространство между Саянами и Таниуолой; небольшая часть их переходит на южную сторону Таниуолы к югу от устья Теса; отрывок сойотского народа живет в вершинах р. Кобдо. Северный склон русского Алтая занят алтайцами, теле и гитами; к северо-востоку от них в долинах Кондомы и Мрассы обитают черневые татары, а прямо на север — мелкие тюркские поколения: телеуты, томские чулымские татары и барабинские татары. В прошлом еще столетии эта часть Сибири представляла более сплошное тюркское население; между Алтаем и Томском существуют инородческие волости — Кумынская, Шуйская, Темерчинская, Шагарская и

другие; часть их омусульманилась, другая, более значительная, обрусела.

Вдоль Тянь-Шаня тюркское племя сидит преимущественно вдоль южной подошвы хребта, только местами переходя на северную его сторону. От восточного конца Тянь-Шаня тюркские селения простираются на юго-восток по направлению к китайской провинции Ганьсу; в Хами я сам видел тюрка из Сучжеу. По китайским сведениям, тюрки, или так называемые саларцы, встречаются и в застенном Китае, в провинциях Гяньсу и Сычуан.

На западе тюркское племя также вдается в Европу тремя клиньями; северный клин, начинаясь от Южного Урала от границ Башкирии, простирается в губернии Казанскую, Вятскую, Нижегородскую, Пензенскую и Симбирскую; другой клин тянется вдоль северной подошвы Кавказа и берегов Каспийского и Черного морей (киргизы Букеевской орды, ногайцы, кундровские татары, горские татары Северного Кавказа, крымские татары); наконец, третий клин проходит по южной подошве Кавказа (азербайджанские тюрки).

Мы свои примечания ограничим только тюрками Западной Монголии и Южной Сибири.

Тюрки на западной окраине Монголии разобщены частью пустынями, частью китайскими колониями, частью кочевьями монголов. Так, между восточным концом Тянь-Шаня, который окружен селениями тюрков, и южною границей урянхайцев, лежит промежуток в 700 верст, занятый монголами. Но еще недавно, кажется, этот промежуток был меньше; по всей южной границе урянхайской земли мы встречаем поколения или отделы народа, который чертами своего быта заставляет видеть в себе омонголившихся тюрков; так, живущие в долине Шишкита дархаты, по-видимому, не что иное, как омонголившиеся урянхайцы; за таких омонголившихся тюрков можно принять и население пяти хошунов хотогойту, а затем и небольшой хошун мингатов на северном берегу р. Кобдо и, наконец, народец, обитающий в западной части Монгольского Алтая, между вершинами рек Кобдо и Сенкуля и описанный во II выпуске "Очерков" под названием урянхайцев, говорящих монгольским языком. В еще более отдаленной древности промежуток между яньшанскими и саянскими тюрками был, по-видимому, еще меньше. Уйгуров, народ, многими ориенталистами причисляемый к

тюркскому племени, Рашид-эддин помещает в Хангае, что ясно из его описания уйгурской страны и названия рек, протекающих по ней. В средней части Монгольского Алтая находится халхасский хошун Тачжиурянской; теперь это настоящие монголы, но имя хошуна вполне совпадает с именем урянхайского поколения тачжиурянской, которое живет в вершинах Енисея по Бейкему и Тенгису. Не было ли то тюркское поколение, впоследствии омонголившееся, но удержавшее свое имя? Этот халхасский хошун лежит близко к Тянь-Шаню, и его южная граница отстоит от северной подошвы Тянь-Шаня всего на семьдесят верст. Недалеко от западной границы этого хошуна начинаются земли урянхайцев, говорящих по-монгольски, так что этот хошун, как будто, еще недавно составлял восточную оконечность омонголившегося урянхайского населения, жившего вдоль гребня Монгольского Алтая.

Может быть, и ойраты, или дурбенойраты, в более отдаленные времена говорили тюркским языком; из четырех племен, причисляемых к ним, иногда упоминаются кергут и хойт; последнее, может быть, не что иное, как нынешнее соит, а первое есть имя киргиз, с другим окончанием; кергуты с киргизами сходятся и потому, что Санансэцен рассказывает о кергутах то, что другие источники сообщают о киргизах; оба же эти имени — соит и киргиз — встречаются теперь как имена тюркских поколений или народов. Замечательно, что алтайцы, народ тюркского племени, называют себя иногда ойрод, что едва ли достаточно объясняется тем, что они некогда находились в зависимости от джунгарских ханов.

Любопытная черта в расселении тюркского племени в Западной Монголии заключается еще в том, что в областях, где оно, по-видимому, уступило монгольскому влиянию и омонголилось, остатки его, удерживающие еще свой язык, сбереглись не на равнинах, а близ гребня хребта. Такие островные отрывки урянхайского народа, говорящие тюркским языком и приютившиеся у самого гребня гор, представляют собою сойоты, живущие в вершинах р. Оки в Иркутской губернии, и сойоны (или кокчулутуны) в вершинах р. Кобдо. Ту же привязанность к лесистым вершинам хребта выказывают и алтайские урянхайцы, говорящие монгольским языком; и от них сохранился отрывок в вершинах Сёнкуля, окруженный совсем другим племенем — торгоутами.

В противоположность тюркскому монгольское племя занимает в Северо-Западной Монголии места наиболее низкие, как будто оно вторгалось в тюркское море вдоль степных долин, оттесняя тюрков к горам. Так, в Киргизнорской низменности мы находим степную долину Дзабхына, занятую халхасцами хошуна Сартол; окружающая же низменность горы, Прикобдинский Алтай, хребет Ханхухей, высокие окрестности Сангип Далая заняты дюрбютами, байтами, хотогойтцами и урянхайцами, говорящими по-монгольски; таким образом, с трех сторон — с востока, севера и запада — Киргизнорская низменность окружена племенами, в которых может быть предполагается более или менее густая тюркская кровь; на юг же от этой страны вершины Алтая заняты сомнительным халхасским хошуном Тачжиурянхай. Если мы от гор, окружающих Киргизнорскую равнину, будем подниматься еще выше, к лесистым салонам белков, то будем находить урянхайцев, говорящих еще по-тюркски.

Точно так же и в Восточной Сибири бурятское племя распространялось вдоль степных долин Селенги и Ангары, оттесняя тюркское племя (сойотов и карагасов) на юг в Саяны; вероятно, и Тункинская долина была занята бурятским нашествием с севера, от Ангары, а не с юга, из дархатской земли. Спускаясь вдоль Ангары, бурятский народ еще на памяти сибирских исторических актов доходил до Красноярска.

Двигаясь вдоль южной подошвы Монгольского Алтая, монгольское племя дошло до р. Урунгу; отсюда оно расселилось по степным долинам до озера Балхаша и еще западнее до р. Талас. На севере оно вошло в степную долину Черного Иртыша и по ней достигло озера Зайсан; ниже этого озера степная долина Иртыша прерывается щеками; но невысокий Калбинский хребет, замыкающий долину, не служит препятствием расселению, и монгольское племя разливается вдоль степной долины Нижнего Иртыша; в XVII столетии монголы занимают иртышские степи до озера Ямыш и ниже. Таким родом в течение XVII и в начале XVIII века иртышские монголы отделяют тюрков Алтая, то есть алтайцев и теленгитов, от тюрков Арало-Каспийской низменности, то есть от киргизов (казаков). Под урянхайцами, которые под предводительством зайсана Бабая являлись в прошлом столетии ежегодно к

Усть-Каменогорску, спускаясь в своих летовках в вершинах Бухтармы, как о том сообщают исторические акты того века (см. ст. "О караванной торговле с Джунгарск. Бухарией" в "Чтен. Общ. Ист. и Древн. Российск.", с. 101), следует разуместь нынешних прикобдинских урянхайцев, говорящих монгольским языком. Вероятно, до прихода монголов нынешняя Семипалатинская область, Джунгария прошлого столетия, была занята тюркским племенем, но какими поколениями его и куда эти поколения были оттеснены, это должны открыть последующие исследования. Тут, конечно, напрашивается предположение: не занимали ли эти места нынешние киргизы (казаки)? Но некоторые обстоятельства мешают согласиться с таким предположением. Если бы киргизы действительно занимали некогда страну между Алтаем и Тянь-Шанем, то они должны бы иметь много общего в языке и быте, с одной стороны, с алтайцами, с другой — с самими монголами. Между тем это не так. Г-н Радлов, лингвист, делает две отдельные группы: группу восточных и группу западных тюрков, из которых к первым он причисляет сойотов, качинцев, алтайцев и барабинских татар, словом, всех тюрков от Косогола до Барабы, ко вторым — каракиргизов, киргизов, башкир, северосибирских и казанских татар; если он прав, то по языку киргизы должны значительно отличаться от алтайцев, к которым они теперь почти окончательно примкнули своими кочевьями; их язык ближе к языку каракиргизов Тянь-Шаня, чем к языкам Алтая. Обращаясь к чертам быта, находим факты, стоящие в согласии с показаниями лингвистики. В то время как племена, населяющие Саяны и Алтай, имеют в одежде, пище, обычаях и вообще в образе жизни много общего с монголами, с которыми они давно живут рядом, у киргизов не заметно следов подобного соседства с монголами, или, предполагая, что Западная Монголия была занята тюрками, то с этими домонгольскими тюрками, быт которых, вероятно, был тот же, что у нынешних обитателей этой страны. Напротив, у киргизов замечаем много черт, усвоенных как бы в среде, чуждой монгольским обычаям. Отметим следующие особенности киргизского быта сравнительно с другими племенами.

1. Монголы и тюркские племена в Алтае и Саянах варят мясо не подолгу, не более получаса времени, так что навар бывает невкус-

ный, пропадает даром и выплескивается; мясо, приготовленное монголами, бывает полусырое; этим монголы приближаются к сибирским сыроядцам. Киргизы, напротив, варят мясо часа два и более, получается вкусный навар, который распивается из небольших чашек в заключение обеда.

2. Монголы почти не употребляют соли; навар с мясом совсем или почти не солят; гуджир (солонец) кладут только в чай. И эта черта сближает монголов с инородцами Сибири, почти не употребляющими соли; остяки рыбу употребляют в пищу без соли, а соленой рыбы вовсе не едят. О том, что зыряне прежде не знали соли, см. Клавд. Попова. “Зыряне” в “Изв. Импер. общ. любит. естествозн., антроп. и этногр”. Т. XIII. В. 2. С. 14. О неупотреблении соли шогулами см. у Палласа. Путеш. Кн. I. Ч. 2. С. 328, и Лепехина. Дневн. Зап. о финнах и финиск. племенах вообще см. ...bn (в тексте про бел. — Сост.). Das Salz, Berl., 1873. S. 16. О якутах см. Н. Попова, В. Н. Татищева, с. 712. О тунгусах — у Георги. Опис. народ. С. 47; о самоедах — у него же, с. 8. Киргизы, напротив, мясной навар солят даже больше, чем это делаем мы, европейцы, и куски вареного мяса перед отправлением в рот макают в густой раствор соли. Впрочем, и между степными номадами встречаются не употребляющие соли; Ген в вышеприведенной книжке своей говорит, что путешественник по Аравии Вреде утверждает, будто есть клан бедуинов, который ест мясо без соли и употребление соли находит странным обыкновением.

3. Монголам не известно мытье белья; раз сделав платье, монгол носит его до износу. Монголы не делают мыла и не употребляют его. Слои грязи, накопившийся от времени на лице и руках, не смывается руками, а сам собою сваливается с отшелушивающейся эпидермой, образуя по темному фону лица светлые нежинки. Киргизы в этом отношении счастливо отличаются от монголов; киргизки моют белье и даже сами умеют варить мыло и готовить поташ. Самый костюм киргизки отличается от монгольского тем, что рассчитан на опрятность. Монголка носит на своей голове унизанную кораллами шапочку, прилеенную к волосам шубным клеем и редко снимаемую с головы. У киргизки на голову намотан кусок белого миткаля или бязи, который был бы неизящен, если бы не был часто мыт.

4. Киргизки знакомы с искусством тканья; они ткут из верблюжьей шерсти род камлота, из которого шьется верхняя одежда; им известны многие местные красильные растения. Монголкам ткацкий станок не известен; шерстяные нитки они редко прядут, большую часть сучат, потому длинные нитки у них редко встречаются, большей же частью их нитки короткие, немного более фута; красящие растения им не известны.

5. Монголы не коптят мяса. Киргизы в зимнее время коптят его в виде тушек, окороков и колбас.

Продолжая сравнивать киргизский быт с монгольским, мы замечаем, однако, что монголы, представляя расу, как будто менее киргизов тронутую культурой, в других сторонах быта оказываются далеко выше киргизов. Перекочевки монголов с места на место меньше; так называемые кочевые орбиты у монголов большею частью в 10 верст и редко более, тогда как у киргизов они достигают длины в 200 верст. Юрта ставится монголом прочнее; пол иногда устилается досками или вымачивается камнями; в юрте встречается мебель: деревянная кровать, деревянная этажерка для мелкой посуды и станок для бурдюков с кислым молоком и маслом; у киргизов самые богатые люди кроватей не имеют, спят на войлоках, посланных на земле; мелкая посуда свалена просто на полу, а большие бурдюки за горловину привязаны к юрточной решетке. У монгола домашний скруб уложен в деревянные ящики, у киргиза ящики редки, чаще имущество хранится в переметных сумах. Посуда у монголов преимущественно деревянная, у киргизов — кожаная; вообще мелких фабрикатов в монгольской юрте больше; здесь даже встречаешь щипцы для углей и утюги, чего у киргиза и в помине нет. Кроме того, предметов духовной культуры, как, например, книг, у монголов несравненно более, чем в руках киргизов; а сколько еще они затрачивают на истуканов и живописные изображения своих божеств. Вглядываясь в характер тех черт культуры, которыми отличаются эти два народа, можно прийти к такому заключению, что все, чем богаче жизнь монгола, принесено ему торговыми и религиозными сношениями с более культурными расами, живущими на отдаленном юге, то есть из Китая и Тибета; китайцы приучили монгола к потреблению чая, к потреблению китайских тканей и множества других фабрикатов; Тибет содействовал разви-

тию грамотности и любви к книге. Но в то же время следы старого быта, сыроедство, нечистоплотность и пр. как будто свидетельствуют, что монголы никогда не жили совместно с нациями старой культуры вроде китайцев или туркестанцев. Напротив, отсутствие фабрикатов у киргизов говорит только о слабости торговых сношений, между тем существование некоторых местных производств как будто показывает, что киргизы жили где-то среди культурной расы, где усвоили некоторые привычки и производства, удаляющие их значительно от дикарей; таким местом их прежнего жительства мог быть Туркестан. Будучи далеко ниже монголов в отношении духовной культуры, во внешней киргизы представляют некоторый прогресс. Если бы киргизы пришли с востока, от Алтая, то они не представляли бы таких резких различий с алтайцами; между ними было бы то же отношение, как и между другими частями группы восточных тюрков; если сравнивать барабинского татарина с косоогольским урянхайцем, конечно, будет найдена значительная разница, но если путешествовать от Косогола к Барабе, то между крайними представителями этой группы окажется множество переходных степеней, которые их свяжут; то же следовало бы ожидать и относительно соседствующих теперь алтайцев и киргизов; разница могла бы быть, но до известной степени; между тем на деле вовсе не так, и быт алтайцев представляет более сходства с иноязычными монголами, чем с киргизами, которые в вершинах Бухтармы живут теперь с алтайцами смежно. Очевидно, киргизы и жили сначала где-то очень далеко от алтайцев.

Предания киргизов отчасти указывают на Туркестан. Поколения кувандык и сююндук прямо говорят о приходе своем из Западного Туркестана; эти два племени встречаются в двух местах — Баянаульском и Атбасарском округах; у баянаульских кувандыков и сююндуков мы сами записали это предание; г-н Балкашин передавал нам, что он слышал его и от атбасарских. В Зайсанской долине народные предания киргизов говорят о переселении с запада, что согласно и с историческими известиями, по которым можно проследить постепенное передвижение восточной границы киргизского народа на восток. На правый берег Иртыша киргизы перебрались только в половине прошлого столетия; около Петропавловска и Омска они также явились только в позднейшее время; на западе,

около Оренбурга, точно так же движение замечается от центра киргизской территории. Таким образом, по всей северной границе киргизского народа известия о расселении не противоречат преданию о приходе племени с юга. Есть одно любопытное известие о жителях владения Шягрисябзь, будто бы они считают себя киргизами Уртаюза, то есть Средней орды (Матер. для статист. Туркест. края. Изд. Маева. В. II. С. 85). Приведем еще одно обстоятельство, говорящее в пользу южной родины киргизского народа. У киргизов существуют предания о предках скота — Зенгбабе, предке коров, Чапанате, предке овец и др. Эти имена локализовались в Туркестане около Самарканда и в туркменской земле; это говорит за то, что киргизские предания жили и в Туркестане, между тем у саянских тюрков подобных имен, а также связанных с ними легенд пока не замечено. Эти данные не позволяют видеть в киргизах потомков того народа, который занимал Джунгарию до прихода монголов. Их следует искать между племенами, стоящими впереди киргизского фронта, то есть между сибирскими племенами или племенами Восточной России.

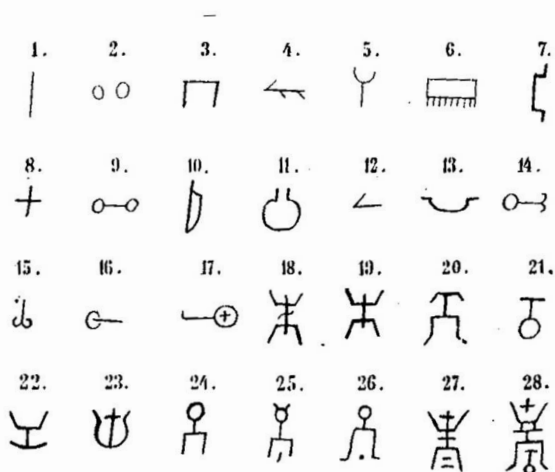
Если относительно Западной Монголии очень вероятно направление расселения монголов с востока на запад, то для более восточных частей той же страны трудно сказать, откуда они были заселены монгольским племенем, иными словами, где находилась первоначальная родина монголов — на севере, востоке или юге. Ориенталисты различно решали этот вопрос; Шмидт искал ее на юге около озера Хухунор на основании только того, что в каком-то урочище близ этого озера узнавал имя легендарной родины монголов Ергенехон; Банзаров находил родину монголов около Муниолы. В. П. Васильев считает родиной монголов р. Амур, следовательно, вопреки двум предыдущим ученым, ведет их не с юга, а с северо-востока. Рихтфен также указывает на север как на родину монголов. С точки зрения черт внешнего быта, единственно доступной для наших наблюдений области, мы не смеем с решительностью высказаться ни за ту, ни за другую гипотезу. Если сравнение быта монголов и киргизов ведет, с одной стороны, к заключению о приходе киргизов с юга, то с другой — оно же благоприятно относится к предположению, что монголы пришли с севера. В пользу такого предположения говорит их сыроедство,

неупотребление соли, неряшливость. Может быть, и обычай выбрасывания тел мертвых не обусловлен введением буддизма, а есть обычай, общий у монголов с дикарями Сибири, у которых он также существует. Замечательно также сходство монголов с сибирскими дикарями и в их мирном характере, который также скорее может быть отнесен к расе, чем к влиянию религии.

Иногда полезные указания на историю расселения племени ищут в географической терминологии племени, но монгольская терминология едва ли может здесь оказать большую услугу. Монголы зовут запад “правою” стороною, восток — “левою”; это как будто говорит за то, что народ шел с севера, имея запад вправо, восток влево; но название юга “прежней” стороною и севера “будущей” противоречит предыдущему. Подобные выражения, как и выражения “передняя сторона” горы вместо южная и “задняя” вместо севера, а также обычай ставить юрту лицом на юг покоятся, может быть, не на традициях о направлении расселения, а на почитании солнца и других светил.

Важную пользу для решения вопроса о родине монголов может доставить сличение поверий, сказаний и обрядов, с одной стороны, у монголов с сибирскими инородцами, с другой — у монголов с дикарями Северного Тибета...

Перечень рисунков

Ф. 1—6. Тамги киргизских поколений: 1) кипчак; 2) аргын; 3) найман; 4) конграт и кирей; 5) уак; 6) таракты.

Ф. 7—10. Тамги алтайцев.

Ф. 17. Тамга киргизского поколения чубарайгыр, неправильно представленная в Оч., в. II (табл. XXVI, ф. 21).

Ф. 18—26. Тамги на джучидских монетах, заимствованных из сочинения Френа (Fraehn, *Die Munzen der Chane vom Ulus Dschutschis's*, S.Ptbg, 1832: Tabl. XII, f.1, 2, 3, 4, 7, 9, 18; Tabl. XIII, f.3, 13, 19, 28), представляемые здесь для сравнения с рисунками на бубнах.

Ф. 27 и 28. Знаки, которые иногда встречаются на наружной поверхности китайских фарфоровых чайных чашек...

...105. Предки скота

Записанное в Баянаульском округе Семипалатинской области, это поверье представляет сравнительно с помещенным в “Очерках” (II, 152) позднейшую редакцию, явившуюся под мусульманским влиянием. В Крыму записано нами в деревне Капсихор предание: Вейсилькоран был верблюжий пастух, угодивший пророку; он ходил за верблюдами и все плакал, молясь, как бы ему увидеть пророка. Ой по-монгольски — лес, а также горноста́й (иначе оин, уин; ср. имя поколения у урянхайцев — уин). Сложная форма Зенгбаба встречается нередко в Западном Туркестане как имя урочища; ...урочище с этим именем встречается в Туркмении, близь Узбоя (Гедройд. Предварит. отчет о геолог. исслед. на Амударье, 8). Не версия ли это якутского Джахебаба? Ср. Sengbaba, воспитанник тигрицы в индийском мифе (Vunsen. *Die Plejaden*, 441). О святом Чабаната есть предания у киргиз-адаевцев; см. Сб. свед. о кавк. горц. В. VI. Ст. “Предания адаевцев”. С. 12. Джуппар, имя предка лошади... ср. с джуффар, дупар — выхухоль, джуффар — мускус по-персидски; в имени киргизского поколения чубарайгыр второй член значит “жеребец”.

106. Алашахан

...В сюжетах избрания царя часто является журавль... Оппозицию журавлю составляет птица будене (перепел). В русском рассказе, как известно, упоминается гостомысл; ср. имя аиста — гай-

стербусёл. Отделение от племени ср. с отделением Шунобатыря с придачей ему свиты, как это рассказывается в некоторых вариантах о нем... Монголы во время атаки троекратно кричали Ahla! Ahla! Ahla! (Brosset. Hist. de la Georg. P. I, 1; II. P. 519 и 518); может быть, эти крики Ahla принадлежали туркам, бывшим в монгольских полчищах. Это был военный клич вроде нашего: керьлеш или крлес (Буслаев. Ист. оч. II. 76). ...Якуты кричат уруй во время жертвоприношений и при удачном улове медведя, лося и других животных (Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. общ. Т. XIII, №3. С. 38). В центральной части киргизской степи указывается могила Алача-хана. На Сарысу и на Кенгире, по Шангину (в "Сибирск. вестнике"), находятся могилы Джанана и Белянана; последняя в дне езды от озера Телекуль. По расспросам г-на Балкашина, который года четыре тому назад проехал через Голодную степь, в верховьях р. Нуры находится не Джанана, а Джуанана; при устье Каракенгира Булганана, выше ее Алача-хан; Белянаны не знают. В затерянных теперь рукописных записках моего отца, который прошел вдоль р. Сарысу до ее низовья в 40-х годах, я помню, упоминались могилы Булганана и Белянана. На карте Западной Сибири (изд. Военно-топогр. депо) на Сарысу назначено урочище Талмасана (ана по-киргизски — мать), может быть, также могила. В атласе Ремезова 1701 года (СПб., 1883), на левом берегу Сарысу при знаках, изображающих какие-то постройки, находятся надписи: "мечеть Булганана", а ниже ее — "Талмасата". Могилы Алача-хана и Джучи-хана, по словам г-на Балкашина, находятся при впадении Сарыкенгира в Каракенгир, недалеко от зимовки Ердения Сандыбаева, батыра кенисаринского времени. У Алача-хана сохранились стены, лестницы, своды; есть эмалированный кирпич...

*Очерки Северо-Западной Монголии.
Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 гг.
по поручению Имп. Рус. геогр. о-ва членом-
сотрудником оного Г. Н. Потаниным.
В 4 вып. СПб., 1881, 1883—1884. Вып. 4.
С. 13—19, 364—368, 404—405, 649—671, 896—897.*

Привоз и вывоз товаров города Томска в половине XVII столетия

В архиве Томской городской думы сохранились две тетради, в которых записывалась внутренняя таможенная пошлина в 1652 и 1653 годах. Заглавие их следующее: “Книги таможенные Томского городу по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу в нынешнем Р. Х. 24 году октября в 1, томский таможенный голова Пятой Борисов Помаскин собрал у торговых людей с их привозных, с русских товаров государеву десятую пошлину, которые торговые люди приехали из Тобольска, из Березова в Томский город”. Такое заглавие находится над той частью, в которой записаны товары, привезенные из России. Над теми же частями, в которые вписывалась пошлина, собранная с проданного скота, написано: “Книги таможенные Томского города — что собрано государевы пошлины и пошерстного с лошадей и с рогатого скота в городе и на колмацком торгу в Р. Х. 24 году при таможенном голове при Пятом Борисове”.

Для примера, как была ведена книга, может служить следующий отрывок.

“Сентября 4 пришли с хмелем промышленные люди Трошко Степанов с братом Захаром, Томилко Никитин, Нечайко Васильев, Алимпейко Алексеев, и у них 8 пуд хмелю, цена 8 руб., пошлины взято 8 алтын”.

“Сентября 8 продал служивый человек Федька Рудаков с товарищи 63 лисицы, семь сороков соболей в козках²⁶², 16 бобров, 7 фунтов черевеси²⁶³, 100 хвостов соболей, 2 фунта струи,

---

²⁶² Т. е. в шкурках, снятых целиком, а не разрезанных на две части: хребтовую и брюшную. Козницами до настоящего времени называются в Сибири цельные шкуры козлят, употребляемые на мешки для денег.

²⁶³ Черевязь — брюшины. Так объяснено в Академическом словаре; я удерживаю правописание таможенной книги, в которой после в всегда пи-

22 куницы Елизарью Петрову, взяли полтора ста рублей, пошлина полтора рубли”.

“Сентября 10 отпущен из Томского городу в Кузнецкий остров московитина гостиные сотни Микифора Ревякина человека его Данила Матвеева сиделец Баженко Петров, а у него русского товару 5 концов сукна сермяжного, 4 конца холсту середняго, 4 конца холсту хрящу²⁶⁴, 40 крашенин портишных, 2 косяка мыла простого, 2 пуда меди в котлах, 20 обувей сапогов телятинных мужских и женских, полпуда прядена неводного, 20 юфтей кож красных малых, 500 ложек простых, 20 окончин слудных, 20 блюд крайчатых, 100 гребней роговых, 20 топоров малых, фунт одекую, фунт бисеру, полпуда укладу, 20 выдр малых²⁶⁵, 5 фунтов перцу, две дюжины зеркал ярославских, 5 фунтов шелку фарабату, 35 половинок летчинных малых, 4 половинки анбурских²⁶⁶ меньшие земли, 20 рукавиц варег, 2 стопы бумаги писчие, 2 пуда свеч восковых, на полтину пряников скалок, 2 азяма киндячных ветчаных²⁶⁷, 8 узлов игол, 5 фунтов серы горячей, 5 полкож белых конинных, 10 подубру сников дорогильных, задки крашенье²⁶⁸, пятеры ножницы кроильные, 50 серег медных, 10 повязок простых, на 20 руб. мелочи лавочной всякой москотильной, и всего того русского товару по томской таможенной оценке на 582 руб. 10 алтын, и с того десятая государева пошлина у Данила Матвеева взята в Томском городе...

Да отъезжие пошлины с того товару взято 11 руб. 21 алтын 3 деньги.

Да печатные пошлины взято 2 руб. 30 алтын полтретьи деньги...

Да с ним же Баженком отпущены наемщики его гулящие люди Лучка Родионов, Ивашка Иванов, Соменка Ульянов, Федька Иванов, отъезжие пошлины с них взято 2 алтына 4 деньги”.

шется знак ъ, заменявший нынешний е, напр., в слове Алексей, а не е, употреблявшееся вместо е. Трудно определить, в чем состояла разница между черевесью и струей бобровою; а кроме этого еще продавался в Томске каир бобровый.

²⁶⁴ Грубый холст.

²⁶⁵ Вероятно, выделанных.

²⁶⁶ Гамбургских?

²⁶⁷ Ветхих?

²⁶⁸ Женских головных уборов из персидской шелковой материи.

Таможенная пошлина взыскивалась только с одного оборота денег, так что если купец покупал в Томске пушнину на деньги, вырученные за продажу в том же городе ржи, если пошлина со ржи взята в Тобольске, то за покупку пушнины уже более не взыскивали, исключая того излишка, который оказывался при сравнении томской оценки ржи с тобольской. Для примера мы приводим два места.

“Сентября 11 ч. отпущен из Томского города в Тобольск тобольского города стрелецкой сын Климко Матвеев, а у него томские покупки 5 бобров карих, 5 бобров красных, 10 бобров красных же вешних, 9 ярцов и кошлоков, 10 соболей калмацких без хвостов, 10 куниц и всего того по томской таможенной оценке на 35 руб. и с того государевы десятые пошлины в Томском городе не взято, потому что та рухлядь куплена на деньги, а те деньги вышли из ржанья продажи, а с той ржи десятая государева пошлина у него Климка взята в Тобольске, а с приценки с той же ржи десятая взята в Томском городе.

1 октября приехал в Томск тобольский бухаретин Сафарка Кайбулин с разными товарами и привез также 76 четвертей ржи.

У него же тобольские покупки 76 четвертей ржи в тобольскую таможенную меру, а в томскую таможенную меру вымерено той ржи 101 четверть с полосминою и с четвериком, а по тобольской таможенной оценке той ржи на 76 руб. и с той ржи государева десятая пошлина в Тобольску не взято, потому что государева десятая пошлина взята у него с кореню ревеню и с кож лосиных, а тот он рожь покупал на те свои товарные деньги”.

По томской оценке ржи на 162 руб. 4 алтына 2 деньги; прибыло приценки 86 руб. 4 алтына 2 деньги; только с этой приценки и взята пошлина 8 руб. 20 алтын 2 деньги.

Пошлина за привоз и продажу русских товаров, пушнины и хмеля, как видно из этих книжек, собиралась по 2 деньги с рубля, так что за продажу на 2 руб. взыскивали 4 деньги, на 6 руб. — 2 алтына, на 4 руб. — 8 денег, на 12 руб. — 4 алтына и т. д.

Пошлина, которую взыскивали за продажу скота, записывалась следующим образом: “Сентября 11 продал пашенный крестьянин Микишка Елгинин коня каря, грива налево, во лбу звезда, у задних ног щетки белы, 9 лет, воеводскому человеку Богдана Анд-

реевича Коковинского Михаилу Федорову, взяв 7 руб., пошлины взято 3 алтына 2 деньги да пошерстного алтын”.

Пошлина была следующая: за продажу на убой быка своей корили взыскивалась только одна пошерстная, по 2 алтына за голову; за продажу скотины по 2 деньги с рубля и пошерстной — по 2 алтына с головы (т. е. за скотину, проданную за 2 руб., взыскивали 4 деньги и 2 алтына, за $1\frac{1}{2}$ руб. — 3 деньги и 2 алтына и т. д.); за продажу коня, какой бы он цены ни был, десятия пошлина 3 алтына 2 деньги и пошерстной 1 алтын²⁶⁹. За обмен одной лошади на другую брали одну пошерстную отдельно за каждую, т. е. 2 алтына всего.

Кроме того, собирался помер с хлеба и полковое с рыбы, жира и масла. Так, например, записано в сентябре: “Да померу с хлеба собрано 2 алтына 2 деньги. Да полкового с рыбы и жира 2 алтына 2 деньги”. Определить величину этой пошлины нельзя, потому что количество проданной муки и рыбы не записывалось. В одном только месте записана пошлина, взятая с 10 четей ржи, привезенной служилыми из Кузнецка; по томской оценке ржи оказалось на 10 руб.; “пошлины взято 10 алтын по алтыну с чети да померу взято 6 алтын 4 деньги”. Из этого следует, что померу брали по 4 деньги с чети.

С денег, если кто вывозил их, также брали пошлину; так, например, записан один приказчик, выехавший в Енисейск; при нем оказалось 250 руб. денег, но с них пошлины не взято, потому что они выручены с товаров, очищенных уже пошлиною в Томске.

В одном месте записан штраф, взысканный с крестьянина за то, что он употреблял свою меру, а не казенную. “Продав пашенный крестьянин Фочка Михайлов хлеба в свою меру, а государевы таможенные меры не имал, а про то кликано многожды, чтоб никто в свои меры не меряли и не продавали, и за то на нем Фочке доправлено государевы пени два рубли четыре алтына полторы деньги”. В конце года, именно в августе, взыскивали полавочное за сидение в “чужих” лавках, а не в государевых. Таким образом, в 1652 году было взыскано 18 алтын 2 деньги.

---

²⁶⁹ Пошлины взыскивали, вероятно, с продавца, а не с покупателя, т. е. с того, который получал деньги. Нельзя не заметить, что в пользу торговли лошадьми сделана большая уступка.

Иногда из денег, собранных в пошлину, делались небольшие расходы по управлению таможенной головы. Для примера я привожу свод всех расходов 1652 года.

В ноябре: “Куплено две сажени дров таможенная изба топит, дано 20 алтын”.

В декабре: “Куплено таможенная изба топить 2 сажени дров, дано 17 алтын 2 деньги. Да конному казаку Климке Ульянову дано от возки, что возил дощаничную кровлю покрывать на гостинице дворе перед гостиною избою дано 5 алтын”.

В апреле: “Куплено 2 сажени дров, дано 16 алтын да от замка от починки дано 3 алтына 2 деньги”.

В августе: “Дано плотнику, что он делал перед гостиною избою мост и сени и гостиною избу перекрывал, и землю на избу волочил, дано отдела 2 руб. да на мох дано 10 денег; куплено стопа бумаги писчие, дано 26 алтын 4 деньги; куплены три четверти холсту на мешки, дано 4 деньги; куплен кувшин, на чернила, дано 2 деньги; куплено 80 драниц гостиная изба покрыт, дано 11 алтын; куплено две доски на двери, дано 2 алтына”.

Далее мы представляем свод из обеих книжек о количестве товаров, привезенных и вывезенных из Томска, в котором заключается полное изображение тогдашней торговли Сибири со своей метрополией. Раз в году, именно осенью, приходил в Томск из Тобольска обоз с русскими товарами. В 1652 году он пришел в октябре, в 1653 году — в сентябре. В октябре 1652 года было привезено: сукон сермяжных белых 88 концов, в которых 2254 аршина, да сверх того 400 аршин, крашенин портишных 296, крашенин ярославских 117, холста хрящу 181 конец, в котором 11225 аршин, да сверх того еще 2000 аршин, холста среднего 58 концов, в них 4360 аршин, да кроме того 1500 аршин; сукон летчин 173 полотвинки, сукон летчин средние земли 81 половинка, малые земли 183 половинки; сукон анбурских 50 половинок, аглинских меньшие земли 45 половинок, сукна яренгу 15 аршин, сукна яренгу липовского плохого 6 половинок, дороги гилянские²⁷⁰ осьмеры; миткаль лошенная 1, камки мелкотравчатой 20 аршин, объяри шелковой 10

²⁷⁰ Шелковая материя из Гиляна.

аршин; арапских киндяков 6, валковых киндяков²⁷¹ 15; выборки бухарской 20 аршин; рубашек ярославских, строченных шелком, 55, рубашек хрящевых 100, штанов ярославских строченых 34, штанов хрящевых 57, азамов киндяшных ношенных 5, зипунов сермяжных простых 7, зипун английский²⁷² средние земли 1, однорядок английских серед. земли 3, однорядок летчинных средних 10, поясков жичаных на 1 руб. 12 алтын 4 д., по томской оценке, поясков нитных 150, поясков нитных ярославских 300, веревочек зипунных нитных 100, шнурков нитных 300 гарусных поясков литовских 70, поясков шелковых 80, нашивок японечных нитных три портища, гарусу тканого 100 аршин, поддубрусников дорогильных задки крашенные 22, подвязок простых 20, нитей белых шитых по тобольской оценке на 3 руб. с полтиной, по томской на 4 руб. 20 алтын, шелку ряжского 12 фунтов, шелку варибату 19 фунтов, и 14 ансырей²⁷³ всего $37 \frac{2}{3}$ фунта, чулок вязаных двадцать восьмеры, чулок коровьи шерсти двадцатеры, татауров²⁷⁴ с жучки медными 10, мошон ровдужных²⁷⁵ 30, черезов²⁷⁶ телятинных 19, кафтанов бараньих 55, овчин бараньих 470, шуб бараньих гусарских 8, шуб бараньих же 8, рукавиц варег вязаные 460 пар, рукавиц голиц 100, обуви сапогов сафьянных мужских и женских 30 пар, об. сапогов телятинных мужских и женских 58 пар, обуви сапогов мешинных мужских и женских пятеры, юфтей сафьянов литовских 4, нашивок опойчатых 100 портищ, юфтей кож красных опойков 30, юфтей кож красных средних и малых 291, юфтей кож красных малых топлых²⁷⁷ 120, юфтей кож красных малых горелых 40, полкож кониных 13, узд простых ременных 20, плетей с костями 30; прядена неводного 3 пуда, делей неводных 23 (мерою 178 сажень); уд стерляжьих 1000, уд осетрых 2500; топоров средних и малых 402, пешен 10, оковов пестовых 15; ножей чукреев мезенских с ножнами и

²⁷¹ Набойка, ткань, как объяснено в академическом словаре. Из нее азамы; встречается также на подризниках.

²⁷² Т. е. из английского сукна.

²⁷³ Ансырь сначала заключал в себе $1 \frac{1}{3}$ фунта, потом ровно фунт.

²⁷⁴ Татаур — ременный.

²⁷⁵ Замшевых.

²⁷⁶ Пояса с мешком для держания денег на теле.

²⁷⁷ Топлые — бывшие в воде, вымоченные (Акад. сл.).

без ножен 161; ножиц малых 4; ножей простых без ножен 40; удила конских железных 25, чепей собачьих 30, скобок сапожных с гвоздем 50, шил без черенья 300; сковород железных блинных 10, пил малых 40, сверл 20, сохи недружные тридцать пятеры; укладу жилного 7 пудов, укладу корельского полшеста пуда ($5 \frac{1}{2}$); меди зеленой в котлах и тазех 41 пуд, меди красной в котлах 12 пудов, меди в бугах $1 \frac{1}{4}$ пуда; петель пищальных 17, пищальных замков 2, проволоки медной $2 \frac{1}{2}$ фунта, колокольчиков малых медных 80, перстней медных 300, серег медных 530, булавок медных 1000, пуговиц мелких медных 1000 и 700 портиц, пуговиц оловянных 1800, пуговиц калмыцких 50; стаканов оловянных 12, олова прутowego 5 фунтов; кремня пищального по тобольской оценки на 10 алтын; зеркал немецких малых 40, зеркал ярославских с потальею 8 дюжин; золота пряденого 1 литр²⁷⁸, мишуры 1 литр, игол узловых 20500; бисеру полчетверти ($3 \frac{1}{2}$) фунта; очков 2 дюжины; маток прясогузок 2 дюжины; гребней роговых 1500, гребней слоновых 3 фунта, струн 1000; окончин слюдных малых 220, стекол круглых 20; блюд красных крайчатых 73, блюд сковородчатых 150, ставцев 200, братин 150²⁷⁹, решет 40, ложек вятских 2085; бумаги писчей 30 стоп; бобон бисяг 93; выдр средних и малых 59; меду патоки и сырцу 16 пудов; воску литовского 58 пудов, воску красного 4 пуда; мыла простого 14 косяков; перцу 6 пудов 5 футов; ягод озюму кафимского 12 пудов; пряников скалок по тобольской оценке на 6 руб., по томской — на 7 руб.; орехов казанских четверть; киновари 4 фунта, серы горючей 2 пуда 1 фунт; одекую $\frac{1}{2}$ пуда; ртути 5 фута; нашатырю 5 фунтов; квасцов 4 фунт, белые $\frac{1}{2}$ пуда, сандалу $\frac{1}{2}$ фунта; цилибухи $3 \frac{1}{2}$ фунта; мелочи лавочной москотильной по тобольской оценке на 91 руб., по томской — на $101 \frac{1}{2}$ руб., да сверх того еще на 7 рублей.

Всего же привезено товаров 1 октября (см. табл. 2).

²⁷⁸ Литра — фунт в 72 золотника.

²⁷⁹ Братины и ставцы — медные сосуды для пива.

Таблица 2

	По тобольской оценке			По томской оценке			Взято десятой пошлины		
	Руб.	Алт. деньги		Руб.	Алт. деньги		Руб.	Алт. деньги	
У купца Ревякина	2263	7	-	2534	29	4	253	16	2
У купца Андрея Босого ²⁸⁰	851	3	2	866	26	2	86	22	4
У купца Василия Босого	1152	1	4	1467	-	-	146	23	2
У устюженка торгового человека Степана Аверкьева	926	10	-	1057	1	4	105	23	3
У каташевца торгового человека Алексея Рагозина	1065 1/2	-	-	1526 1/2	-	-	152	21	4
У торгового человека Дмитрия Муромского ²⁸¹	374	-	-	367	13	2	36	24	4

²⁸⁰ При томской оценке не вошли в сумму товары, оставленные Босым в Сургуте: 8 половинок сукон летчин, 1 пуд меди в котлах, 1/2 пуда перцу, по сургутской таможенной оценке всего на 84 руб. Из этого следует заключить, что караван пришел из Тобольска водой по Оби.

²⁸¹ При томской оценке не вошли в сумму товары, оставленные в Нарыме: 4 половинки летчин меньшие земли, 8 концов холсту хрящу, 1 конец холсту среднего; 4 конца холста сермяжного, 11 кафтанов бараньих, 1/2 пуда воска, 25 окончин слюдных малых, 1/2 пуда меди зеленой в котлах, 1 ст. бумаги писчей, 8 портищ крашенин, 10 топоров малых, 20 ложек вятских, 200 уд осетрих, на 1 руб. мелочи лавочной, всего по нарымской оценке на 120 руб. 10 алтын.

Продолжение

У торгового человека Лалетина	548	25	-	722	11	4	72	7	5
У посадского человека Пятого Соколова ²⁸²	691 1/2	-	-	900	-	-	26	8	2
У тобольского бухаретина Сафарки Кайбулина	54	-	-	72	-	-	1	26	4
У него же	147	-	-	284	17	4	13	25	-
У тобольского юртовского торгового бухаретина Азейки Бабасеитова ²⁸³	278 1/2	-	-	348 1/2	-	-	7	-	-
У него же	18	-	-	32 1/2	-	-	1	15	-
У тобольского юртовского бухаретина Овес Бакиева	50	-	-	55	-	-	16	-	4
Всего	8,420	13	4	10,234	17	-	824	31	-

В том числе помещены товары не русские, а “тобольской покупки”: у Сафарки Кайбулина 200 четвертей ржи, а в томскую меру 266 четвертей с ослиной и получетвериком; у Азейки Бабасеитова 60 четвертей ржи, в томскую меру 80 четвертей,

²⁸² Со всех нижеследующих пошлина взята только за приценок, потому что за остальные взято в Тобольске.

²⁸³ С этого бухаретина в Томске взята пошлина только за приценок, который оказался в Томске против тобольской оценки; за остальную же сумму пошлину следовало бы взять в Тобольске, но и там не взяли, потому что Азейка купил рожь и товары на деньги, “вышедшие из лосиной продажи”, а с лосин пошлина взята в Томске.

1 пестряд бухарская, 10 выбоек бухарских узких, 4 пестряди бухарские узкие.

Привезено из города Березова 1 же октября торговыми людьми Замятенком Яковлевым, Батиным и Григорьевым: сукон летчин середины земли 22 половинки, сукнишко летчинное ветчанное 1, холсту середняго 600 аршин, сукна сермяжного 350 аршин, рубашек мужских и женских ветошей 15, юфтей кож красных средних 2, овчин бараньих средних 7, воску $1\frac{1}{2}$ пуда, укладу $1\frac{1}{2}$ пуда, меди красной в котлах $\frac{3}{4}$ пуда, топоров малых 25, делей неводных 25 сажен, всего по березовской оценке на 250 руб. 16 алтын 4 деньги, по томской — 283 руб. 55 алтын 2 деньги, пошлины взято в Томске 12 руб. 66 алтын 1 деньга.

Привезено из Кузнецка 27 четей ржи, 1 четь ячмени, 2 чети пшеницы, по томской оценке 40 рублей.

18 февраля в Томск пришел из Бухар томского города торгового бухаретина Ширип Яриов, а у него бухарского товару 305 зенденей семеньдеи, 48 аязмов зенденных, 30 выбоек и пестрядей по томской таможенной оценке на 215 руб. с полтиною". С ним же, вероятно, пришел бухаретин Уденько Салимов, у которого 63 зендени²⁸⁴, 30 выбоек, 10 аязмов зенденных, всего на 53 руб. 6 алтын. 4 деньги.

Привезено в Томск хмели разными служилыми и промышленными в течение двух месяцев, сентября и октября, 73 пуда на 73 руб., пошлины взято 1 руб. 11 алтын 4 деньги.

Продано в Томске местными жителями: кож дубленых коровьих и кониных 213 на 193 руб. 9 алтын, кож мякотных 10, жира 4 пуда, мыла своей вари 20 косяков на 10 руб., кож лосиных²⁸⁵ 373 на 373 руб. 30 августа записано: "Купил служилый Ивашко Шанура кожевник 70 пудов соли у торгового человека Устина Петрова, по гривне пуд, итого 7 руб. пошлины взято 7 алтын".

Отпуск из города Томска состоял из пушнины, которая отправлялась в Москву, и из русских товаров, которые отсылались

²⁸⁴ Зенденями теперь называют синюю бязь, вывозимую из Бухары и Кокана.

²⁸⁵ Все эти кожи были скуплены тобольским бухаретином Сафаром у разных пашенных крестьян и у промышленных.

в сибирские города, лежавшие в стороне от торгового тракта, в Кузнецк, Нарынский острог и Енисейск.

Отпущено “к Руси через камень”²⁸⁶: соболей и недособолей в козках без хвостов 222 сорока 1 соболю (8881 шт.), соболей и недособолей в козках с хвостами 72 сорока 30 соболей (2910 шт.), соболей и недособолей без пупков и без хвостов 26 сороков 21 соболю (1061 шт.), соболей без пупков с хвостами 4 сорока 6 соболей (166 шт.), соболей с пупки без хвостов 12 сороков (480 шт.), соболей с пупки и с хвостами 13 сороков (520 шт.), пупков соболевых и недособолевых 2093 шт., хвостов соболевых и недособолевых 13574, бобров, ярцев и кошлоков карих и рыжих и вещних 732, кроме того, бобров и ярцев карих 20, бобров рыжих 54, ярцев рыжих 34, бобров и ярцев рыжих 180, бобров и ярцев карих 110, кошлоков малых 96, язвец²⁸⁷ 21, лисиц черно-бурых 4, бурых 5; лисиц красных и недолисей с хвостами и без хвостов 1747, лисиц и недолисей колмацких с душками 50, без душек и без огачин²⁸⁸ 220, лапишек лисьих красных 970, куниц и недокуней в козках с хвостами 7 сороков 25 к. (305 шт.), куниц и недокуней в козках и без хвостов 8 сороков (320 шт.), росомах 48, черевеси бобровые 7 пудов 37 фунтов, струи бобровой 2 пуда 26 фунтов, лоскутья бобрового, соболевго, данишек лисьих и хвостишков недособолевых колотых на 4 руб. 3 алтына 2 деньги; шубенко сурье 3, шубенко шитой из соболей и из куниц 1, шубенко из красных лап лисьих 1, шубенко лисье 1, шубенко из красных лап лисьих в пластинах 1, шубенко лоскутье соболе шито 1, шубенко робячье пупчато 1, ферези пупчатые с пухом, покрыты камкою лазоревою, ношены 1, кафтан лисий красный 1, рукава лапчатые лисьи 1, пластин ветчанных соболевых 2, куниц поротых из портика 4, шапенко соболе с пухом 1, шапенко вевье(?) хвостовое соболе 1, исподишек шапочных 3, исподишек пупчатых и лапчатых 20, исподов шапочных соболевых 6, исподов шапочных соболевых, тулея летчинная 2, исподов шапочных соболевых, тулея белья 2, околишко

²⁸⁶ Что такое “козок”, уже было объяснено — это целые шкурки соболей, свитые в виде рукава; “соболи с пупки” — также целые шкурки, но разрезанные по боку; “пупки” — отдельные брюшки; “соболи без пупков” — одни хребты.

²⁸⁷ Язвец — барсук. Язвецы привозились только колмаками.

²⁸⁸ Вероятно, без лед Гачи, в Восточной Сибири огачи теперь означают нижние концы штанов.

собольих хвостов 1, подскорников шапочных, околы собольи 5, шуб горностальных 2; лосиных кож больших и средних 850, осенних и весенних 135, лосиных кож токушей²⁸⁹ 176.

В отношении ценности вывезено двумя приказчиками ярославца торгового человека Надейковинского на 2,532 руб. 3 алтына 2 деньги, приказчиком гостя Кирила Босого — на 901 руб. 6 алтына 4 деньги, приказчиком гостиной сотни Андрея Босого — на 1356 $\frac{1}{2}$ руб., приказчиком гостя Василья Федотова — на 1557 руб. 5 алтын, приказчиком гостя Андрея Скрипина — на 197 руб.; служилыми, отпущенными на Москве за государевою казною, — на 177 руб. 9 алтын 4 деньги; человеком посадского Соколова — 625 руб. 26 алтын 4 деньги; человеком вятчанина Андрея Гостева — на 1646 руб. 28 алтын, и многими по мелочам, всего на 8962 руб. 29 алтын 2 деньги.

В Тобольск вывезено бобров карих 5, бобров красных 5, бобров красных же вешних 10, ярцев и кошлоков 9, соболей колмацких без хвостов 10, куниц 10, хмелю 3 пуда, всего на 38 руб. 1 и 3 мая несколько служилых крестьян и казачьих сынов, до 10 человек, вывезли в Тобольск 391 лосиную кожу на 349 руб., да сверх того один бухаретин Сафар Абулин вывез лосиных кож больших и средних 523 и лосин вешних и токушей 365, на 728 руб., да оброчный человек вывез камысов лосиных 2200 на 33 рублей.

В Мангазею вывезено служилыми, отправленными с колодниками, 200 лосиных кисов на 3 рубля.

Русских товаров отпущено: в Кузнецк с человеком московитина гостиной сотни Микифора Ревякина, Данилом Матвеевым, и приказчиком гостя Кирилла Босого, сидельцом Баженко Петровым: летчинных сукон 145 половинок, анбурских меньшие земли 24 половинки, сукна яренгу 115 аршин, сукна сермяжного 13 концов и 50 аршин, холсту середнего 5 концов и 100 аршин, холсту хрящу 14 концов, крашенин портишных 72, рубашек строченых 10, зенденей 10 азямов киндичных ветчаных 2, рукавиц варег вязаных 55, поясков гарусных литовских 20, повязок простых 10, поддубрусников дорогильных, задки крашеные 10, шелку фарабату 6 фунтов; обуви, сапогов телятинных мужских и женских 26, котов белых кож 18, рукавиц голиц 20, юфтей кож красных малых 20, юфтей

²⁸⁹ Токушемя ныне называют русские в Алтае годовалого марала.

кож красных малых теплых 45, полкож белых конинных 5, кож красных малых горелых 15, кож дубленых 3, овчин 10, песцов белых 80, выдр малых 20, средних 3; неводного прядена 1 $\frac{1}{2}$ пуда, делей неводных 50 сажен, меди зеленой и красной в котлах и тазах 5 $\frac{1}{2}$ пуда, укладу 1 пуд, топоров малых 55, сковород железных блинных 10, ножей чукреев мезенских 36, ножниц кроильных 5, медных серег 50, ложек простых 500, блюд крайчатых 30, ставцев красных 100, окончин слудных 40, зеркал ярославских три дюжины, гребней роговых 330, одекую 1 фунт бисеру 1 фунт, перцу 25 фунтов, пищи бумаги 3 стопы, игол узловых 1000 и 8 узлов, серы горячей 7 фунтов, попов бисяг 10, изюму ягод 1 пуд, пряников скалок на полтину, свеч восковых 2 пуда, воску литовского 5 $\frac{1}{2}$ пуда, мыла простого 2 $\frac{1}{2}$ косяка, мыла томской вари 1 косяк, щук сухих 200, осетров соленых 8, муксунов соленых в бочках 1000, муксунов вялых 500, сырков сухих 200, мелочи лавочной москотильной на 22 руб.; всего на 2106 руб. 7 алтын 3 $\frac{1}{2}$ деньги.

В Енисейск: сукно английское меньшие земли 1 половинка, до-роги желтые и зеленый 2, киндяк вальковый 1, завесок ярославских 4, рубах хрящевых 6, снурков нитных 50, шапок киндячных женских плохих 6, оторочек шапочных киндячных 50, шелку красного 6 фунтов, камок китаек 7; прядена неводного 1 пуд, делей неводных 15 сажен, меди зеленой в котлах 5 пудов, красной 1 пуд, укладу 3 пуда, зеркал с потальею 6, гребеня слонового $\frac{1}{2}$ фунта, маток 12, игол 1500, воску литовского 10 пудов, хмелю 16 пудов, кисов лосиных 12, камысов лосиных 150, мелочи лавочной на полтину, всего на 154 руб. 10 алтын.

В Норымский острог: летчины меньшие земли 2 $\frac{1}{2}$ полов., портищ летчинных 4, азямов белых сермяжных 2, белого сермяжного сукна 10 аршин, холсту среднего 60 аршин; кафтанов бараньих 7, передов котовых телятинных 5; меди зеленой в котлах 14 фунтов, медных буха 5, топоров меньшие руки 6; перцу 2 фунта. Всего на 49 руб.

В течение 1652 года куплено разными жителями Томска у томских же жителей 28 лошадей да в июне и июле у калмыков 41 лошадь; продано рогатой скотины на убой 85, куплено на племя 3, убито на продажу 20 скотин; куплено в июле у мунгал²⁹⁰

²⁹⁰ Какие это мунгалы — неизвестно; в июле никакой торговли с инородцами не записано.

83 скотины; продана туша свиная 1, говяжья 1; пошлины за всю эту торговлю взыскано 13 руб. 5 алтын 4 деньги.

Померу с хлеба собрано: 1 руб. 26 алтын 4 деньги. Полкового с рыбы и жиру 1 руб. 2 деньги. Да кроме того в августе взыскано с рыбы 10 руб. 26 алтын. Всего в течение года разных пошлин, отъезжей, печатной, полавочной, померу и т.п. собрано 214 руб. 6 алтын 4 деньги.

В следующем, 1653 году в сентябре месяце было привезено из России: сукон летчин большие земли 26 половинок, сукон летчин средние земли 203 половинки, летчин меньшие земли 14 половинок, сукон полуаглинских $30 \frac{1}{6}$ половинок, сукон английских средния и меньшие земли 18 половинок, сукна яренгу литовского 10 половинок, сукон сермяжных 67 концов (в которых 3,516 аршин), холсту хрящу гладкого и простого 110 концов (8,860 аршин), холсту среднего 52 конца (4,067 аршин), крашенин портишных теплых 155, крашенин портишных ярославских с печатями 200, киндяков арапских 12, пестрядей бухарских 4, тафты цветной 10 аршин, гарусу тканого 1800 аршин, завес ярославских 3, рубашек ярославских, строченных шелком, 40, рубах хрящевых 40, штанов хрящевых 63, поддубрусников дорогильных 25, чулов вязаных 90 пар, оторочек шапочных киндячных 100, рукавиц варег 120, вершков шапочных кармазинных 1, тасей шелковых узких 200 аршин; обметов собольих 4, кушаков бухарских холщевых 10, гайтанов шелковых 220, шнурков шелковых 92, поясков литовских гарусных 10, поясков ярославских нитных 480, поясков жиченых на 1 руб. 7 гривен, поясков кружковых нитных 50, веревочек жиченых зипунных 100, шелку ряжского 13 фунтов, шелку фарабату $4 \frac{1}{2}$ фунта, татауров ярославских с жуки медными 70, рукавиц урезковых 60 пар, лядунок простых 22; обуви сапогов малых телятинных 46, обуви сапогов телятинных 155, сафьянных 30 пар, сапогов телят теплых 20 пар, сапогов подростковых телятинных 20; юфтей кож красных средних 278, кож красных малых телятинных 150, кож красных средних теплых 50, юфтей сафьянов 5, полкож конинных 8; овчин бараньих 198, кафтанов бараньих 39, шуб бараньих 7, полстей валеных 2, делей неводных 10 сажень, меди красной в котлах и в горшках 1 пуд $5 \frac{1}{2}$ фунта, меди зеленой в котлах и тазех 20 пудов, меди зеленой в бугах и в пуговицах 10 фунтов;

укладу королевского 5 пудов; олова в блюдах и в прутьях 1 пуд 15 фунтов, свинцу 2 пуда; сошников недруженных 100 пар; сковород блинных железных малых 25, топоров средних и малых 190; ножей ярославских 170, ножииков немецких 12, ножей усольских с ножнами 30, ножей колмогорских 20, ножиц кроильных средних 12, ножиц чукреинных 10, скоб сапожных средних 12, ножиц чукреинных 10, скоб сапожных с гвоздем 50, гвоздья четвертного 300, гвоздья носошного 3 коробки; замков клинчатых 10, замков задорошчатых 10, замков пищальных 4; шил без череньев 100, проволоки медной 2 фунта, щипцов медных 100, перстней медных 1200, колокольчиков медных малых 100 уд осетрих 1000, уд стерляжьих 1000, уд мелких 1000, серег медных простых 150; пороху 1 $\frac{1}{2}$ пуда; натрусок с раковинами 5, кремения пищального 1000; пуговиц медных больших и малых 2550, пуговиц оловянных 3000, пуговиц оловянных дурых 50, портищ, пуговиц опойчатых 30 портищ, пуговиц костяных 110 портищ, пуговиц шелковых втышных 5 портищ; зеркал в книжках 6, зеркал ярославских с потальею 516, блюд крайчатых красных 320, блюд сковородчатых красных 70, ставцев красных 550, братин красных средних и малых 380, ложек вятских 50, окорчин слудных средних 40, слюды мелкой 2 пуда; камня сережного зеленые мунчаги²⁹¹ 200; бумаги писчей 22 $\frac{1}{6}$ стопы, гребней роговых 450, бисеру 8 фунтов, цылибухи 1 фунта, ладану 1 $\frac{1}{2}$ пуда, перцу 2 пуда 15 фунтов, пряников скалок по томской цене на 10 руб., ягод винных 6 пудов, серы горючей 25 фунтов, мишуры 7 литр, белил 20 $\frac{1}{6}$ фунта, одекую 2 фунта, бакану 2 фунта сандалу тертого 4 фунта, сандалу моклого 4 фунта, ртути 2 фунта, румянцу платчатого по томской цене на 2 руб., попон бисяг 55, игол узловых 8000; меду сырцу 12 пудов, воску литовского 12 пудов, воску красного 6 пудов, зелья мазного 6 фунтов, мыла простого 22 косяка, свеч восковых 4 пуда, масла скипидару 1 фунт, масла деревянного 4 фунта, масла бобкового 1 фунт, мелочи лавочной по томской цене на 31 рубль.

Всего привезено по тобольской оценке на 5893 руб. 21 алтын, по томской оценке 7072 руб. 6 алтын 4 деньги.

²⁹¹ Мунчагом киргизы называют красноватые бусы в дырочках, белые, которые носят ныне их бедные женщины, из красных кораллов, которые носят богатые.

Кроме того, в Томск привезено: тобольской покупки соли 50 пудов по тобольской цене на $7\frac{1}{2}$ руб., по томской — на 10 руб.; тюменской покупки свиного мяса $\frac{3}{2}$ полти²⁹², солоду $1\frac{1}{2}$ четверти, по тюменской оценке на 3 руб., по томской — на $4\frac{1}{2}$ руб.; верхо-турской покупки масла коровьего 15 пудов и камысов лосиных 100, по верхот. оценке на 30 руб., по томской — на 28 руб., тюменской покупки кожа дубленая 1, муки ржаной 1 четверть.

Из Тобольска привезено тобольским юрточным бухаретином бухарского товара, бязи узкой 500 аршин, по тобольской оценке на 15 руб., по томской — на 20 рублей.

“Из калмаков” привезено бухаретином Ширипом 1 пуд ревеню копытчатого, 16 пудов ревеню черенкового, 68 тулупов овчинных ношенных, всего по томской оценке на 316 руб., у товарища его 8 пудов кореню ревеню копытчатого и 16 пудов черенкового на 248 руб.; у них же бухарского товара: 400 зенденей семеньдеи, 180 выбоек бухарских узких. Со всех этих товаров взята двадцатая пошлина товаром, т. е. со 100 зенденей взято 5 зенденей, с 20 выбоек — 1 выбойка. Кроме того, у калмаков, приходивших в этом году в Томск, куплено 2 пуда ревеню на 30 руб. и 26 мунгальских киндяков.

Хмелю привезено в Томск в течение сентября и октября $146\frac{1}{2}$ пуда. Продано в Томске; кож дубленых своего дела 105, мыла простого своего дела 10 косяков.

Отпущено из Томска в 1653 году в Россию 28 июня: соболей в козках с хвостами 76 сороков и 7 соболей, соболей и недособолей в козках без хвостов 158 сороков и 26 соболей, соболей и недособолей без пупков и без хвостов 13 сороков 37 шт., пупков собожьих и недособожьих 40 сороков и 21 шт., хвостов собожьих и недособожьих 14330 шт., куниц и недокуней с хвостами и без хвостов 9 сороков и 2 шт., хвостов куньих 133, лисиц красных и недолисей 1356, росомах 65, бобров карих и рыжих больших и малых 595, ярцев 32, кошлоков 80, бобров, ярцев и кошлоков вместе 71, черевеси бобровой 5 пудов $2\frac{3}{4}$ фунта, струи бобровой 5 пудов $16\frac{1}{2}$ фунта, кафтанов лисьих лапчатых красных 7, шубенко соболею ношено, пластинишки лапчатые лисьи красные 3, лап лисьих красных 714, лам лисьих черно-бурых 16 лап, росомачьих 2, язвецов 120, исподишки лисьи шапочные лапчатые красные, пухи черевеси 5,

²⁹² Полт — половина туши (По Акад. словарю).

исподишки бельи, околы собольи 2, исподов шапочных собольих и пупчатых, околы собольи 17, околос собольих шапочных 7, лоскутья собольи и лисьи и бобрового на 3 руб. 20 алтын, шуба лисья красная, шуба лисьих лап черно-бурых под крашениною, шуба сурья, подскор шапочный лисьих лап красный, рукавицы чсревесьи под сукном, подскор шапочный лап собольих, всего по томской таможенной оценке на 5820 руб. 29 алтын 4 деньги. Эти товары принадлежали торговому человеку гостиной сотни Микифору Ревякину, устюжанину торговому человеку Дементью Обухову, москвитину гостиной сотни торговому человеку Андрею Босову, москвитину кадашевцу торговому человеку Алексею Рагозину, устюжнику торговому человеку Степану Аверкиеву.

6 августа отпущены к Москве с государевою томскою соболиною казною мимо Тобольска томский сын боярский Матвей Хозинский с служилыми людьми, при них (вероятно, собственных): соболей без пупков и без хвостов 26, соболей в козках без хвостов 278, пупков 50, хвостов собольих 740, черевеси бобровой 6 $\frac{1}{2}$ фунта, бобров карих и рыжих 93, кошлоков 23, соболей в козках с хвостами 44, соболей без пупков с хвостами 62, барсуков 212, лисиц красных 90, ярчиков 3, струи бобровой 3 $\frac{1}{2}$ фунта, шубенки пупчатые 3, всего на 125 руб. 8 алтын.

Отпущено в разное время в Тобольске: бобришков и ярцев рыжих 20, кошлоков 2, черевеси бобровой 1 фунт, росомахи 3, кож лосиных 101, токушей 15 и хмелю 95 пудов, всего на 156 руб. 28 алтын 1 деньга.

В Кузнецке: сукон полуанглийских 7 половинок, сукон английских 4 половинки, летчинных 100 половинок, сукон анбурских 7 половинок, сукна сермяжного 7 концов, холсту тонкого 5 концов, холсту хрящу 19 концов, крашенин портишных сгибных и трубчатых 170, холсту середнего 788 аршин, сукон белых 450 аршин, рубах ярославских 10, рубах хрящевых 14, штанов хрящевых 25, поддубрусников тафтяных 13, поясков нитных 70, рукавиц исподок 40 пар, татауров с жуки медными 40, юфтей кож красных 98, кож дубленых 2, обуви сапогов телятинных 63, сапогов сафьянных 22, рукавиц урезковых 20 пар, выдр 20, шапок женских 2, меди зеленой, в бугах и пуговицах 15 гривенок, меди красной в котлах 1 пуд, пуговиц медных 1900, меди зеленой в котлах 3 $\frac{1}{2}$ пуда, сковород железных 10, ножей чукреев 20, ножей ярославских 80,

перстней медных с винивтой и со ставками 500, топоров 65, замков пицальных 5; зеркал ярославских 156, окончин слюдных 10, блюд, ставцев и братин красных 260, ложек 250, ковшей красных деревянных 30; белил 3 фунта, попон тысяч 5, перцу $\frac{1}{4}$ пуда ладану $\frac{1}{4}$ пуда, шелку варабату $5\frac{1}{2}$ фунта, шелку ряжского 2 фунта, гребней роговых 250, пряников скалок на $2\frac{1}{2}$ руб., бумаги писчей 1 стопа, свеч восковых 3 пуда, воску литовского $2\frac{1}{2}$ пуда, меду патоки $\frac{1}{2}$ пуда, мыла простого $5\frac{1}{2}$ косяка, сухой рыбы, щук и муксунов 1000, рыбы и икры соленой на 7 руб., мелочи лавочной москотильной на 12 руб., всего на 2335 руб. 6 алтын.

В Енисейск: летчин 4 половинки, сукон белых сермяжных 3 конца, дороги гияланские 4, юфтей кож красных 51, сафьянов 3, кож дубленых 60, котов красных телятинных 30 пар, делей неводных 50 сажень, меди в колоколах 3 пуда, свинцу 1 пуд, пороху $2\frac{1}{2}$ пуда, серы горючей 24 фунта, одекую 6 фунтов, бисеру 4 фунта; бумаги 8 стоп, пуговиц медных 1000, костяных 50, камфары $\frac{1}{2}$ фунта, зелья мазнаго 2 фунта, хмелю 16 пудов в лошадей 47, всего на 461 руб. 6 алтын.

В Нарым: летчины 16 аршин, 2 ферези летчинные, 3 лошади, мелочи на $\frac{1}{2}$ руб. и бухарского товару 20 зенденей семеньдеи, 20 выбоек бухарских 5 пестрядей, всего на 43 руб. 26 алтын”.

Этот выбор из таможенных книг 1652 в 1653 годов представляет полную картину обмена сибирских товаров на русские в XVII столетии²⁹³. Русские товары состояли из шитой одежды и материалов для нее, сукон, холста, кож, овчин, из металлов и металлических изделий, посуды, мыла, меда, воска и других жирных товаров и из москотильных товаров. Не встречается совершенно железа не к изделиях серебряных и золотых вещей и вин; шелковых материй привозилось очень мало. Для повседневного женского платья, вероятно, употребались крашенины, которые приготавливались в Ярославле. И теперь крестьянки Томской губернии носят платье из крашенины только домашнего приготовления. В XVII веке не только крашенина, но и холст привозился из России, потому что в Сибири не было возделывания льна до 1792 года, когда была прекращена торговля с Китаем в Кяхте, и вместе с тем прекратился ввоз китайских бумажных материй. Следовательно, сначала

²⁹³ Несколько потерянных листов относятся только к одному 1652 году.

в Сибири употребляли на белье русские холсты, потом дешевые китайские бумажные материи изгнали их, а с 1792 года Сибирь заменила китайские материи своим собственным холстом. Почти то же произошло в торговле материей для верхнего мужского платья, которое в XVII столетии называлось аязмом. В XVII веке для аязмов привозили в Томск белого сермяжного сукна по 3000 аршин в год; этого, вероятно, было довольно на все народонаселение; в настоящее время сермяжные сукна не привозятся белье из России; в Восточной Сибири крестьяне шьют аязмы или верхнее платье из сукманины, т. е. домашнего сукна из темной шерсти, подкрашенной кубовой краской; в Западной вместо сводельных аязмов часто употребляют армяки, вывозимые из киргизской степи, сшитые из шерстяной материи белого цвета. Сама Сибирь доставляла на томский рынок кроме пушнины хлеб, мясо, жир, рыбу, соль, мыло, кожи дубленые и скот. Из этих продуктов только два принадлежат к сложным производствам: мыло и кожи они готовились в Томске и развозились по другим городам в количестве: первое 10—20 косяков, вторые — 100—200 шт. Соль была однажды привезена неизвестно откуда в количестве 70 пудов. Рыба: щука, осетры собственно томской породы: муксуны и сырки вывозились в сухом, вяленом и соленом виде в город Кузнецк. Хлеб привозили в Томск, кроме ежедневного подвоза, из Кузнецка и даже Тобольска. Полторы четверти солода было доставлено из Тюмени. В 1952 году было привезено из Тобольска 346 четвертей ржи, из Кузнецка — 80 четвертей ржи, 1 чети, ячменя и 1 четверть пшеницы; кроме того, ежедневный подвоз, судя по сумме номера, простирался до 90 четвертей, всего 519 четвертей. Хмель вывозился из Томска в Тобольск и Енисейск²⁹⁴. Рогатый скот приводили окрестные жители и мунгалы, а лошадей — калмыки, жившие на юге нынешней Томской губернии. Свины и овцы совсем не упоминаются; свиное мясо попадает только два раза, и в одном из них значит, что оно привезено из Тюмени.

Калмыки приходили в Томск несколько раз в году; в тетради 1652 года показано, что они приходили пять раз: 4 декабря, 15 января, 3 марта, 17—25 мая и 2 июня. Они привозили соболей, лисиц, куниц и бобров и пригоняли также лошадей и рогатый скот,

²⁹⁴ И теперь еще Томск доставляет хмель в Енисейск. Т. XXVII. Отд. II.

так что лошади отправлялись из Томска в Енисейск. Что касается пушнины, то в 1652 году калмыки привезли в Томск всего: 28 сороков 4 шт. соболей, 130 пупков соболевых, недособолей 10, хвостов соболевых 671, лисиц 686, куниц 92, недокуней 2, росомах 2, 47 бобров, в том числе один бобр с черевесью, 2 черевеси и, кроме того, 15 ф. черевеси, струи бобровой 7 $\frac{3}{4}$ фунта и кайру бобрового 1 фунт. Что калмыки эти сами приходили в Томск, свидетельствует способ, которым торг с ними записан в таможенные книги. Служилые, покупавшие пушнину у калмыков на месте их жительства, записывались: “Пришли из калмаков такие-то, а у них столько-то соболей”, тогда как вышеприведенная торговля записана таким образом: “Такой-то купил у калмаков”, как записывалась продажа мяса и других томских товаров. Кроме того, в один день записывалось так много совершенных покупок, что, очевидно, эти покупки происходили во время поспешного торга около самого города. Название таможенной книги, в которой упомянуто выражение “собрано пошлины в городе и на колмацком броду”, показывает даже, что возле Томска было особенное место, предназначенное для торговли с калмыками. В истории Миллера сохранилось историческое известие о начале торговых сношений города Томска с калмаками. В челобитной Васьки Волицова и Михалки Новосильцева в Москву из Томска о подданстве князя белых колмаков (вероятно, телеутов) дошло до нас известие, что “в 117 году (1609), в феврале, приехали в Томск в первый раз после усиленных просьб князь белых колмаков Обак, и с тех мест Обаккнязь и мурзы колмацкие их люди, и черных колмаков люди немногие с белыми колмаки, почали часто с базаром, с лошадьми и с коровами приходить в Томский город, и лошадьми и коровами служилые люди наполнилися в Томском городе, и вперед начаютя черных колмаков приходу великого базара с лошадьми и с коровами, что черные колмаки с белыми колмаками кочуют многие заодно, и колмаки белые князь Обак и мурзы своими со всеми людьми подкочевали к Томскому городу и учали кочевать со всем улусом за день от Томского города”²⁹⁵. Теперь не сохранилось и остатков этой торговли. Телеуты, живущие в 300 верстах от Томска, не ходят более в этот город для торговли.

²⁹⁵ “Описание Сибирского царства” Миллера, 1787. С. 329.

В XVII столетии существовала еще одна торговля, которая если и продолжается в наше время, то совершенно в других формах; это караванная торговля Томска со среднеазиатским владением Джунгарии. В XVIII столетии из Джунгарии приходили в Томск караваны по 500 верблюдов, но в половине XVII века эта торговля была только в зародыше. В это время джунгарский караван, вероятно, доходил только до озера Ямыш, куда являлись и русские купцы из Тобольска, Тары и других городов. Отсюда-то несколько человек ежегодно отправлялись в Томск со среднеазиатскими товарами, бумажными материями и ревневым корнем. В известные нам два года от Ямышевского озера в Томск приходил томский уроженец бухаретин Ширип Яриов с товарищем, и они привезли с собой:

	1652	1653
Зендений семеньдей	368	400
Азямов зенденных ²⁹⁶	58	-
Выбоек и пестрядей	60	180
Ревеню копытчатого	-	9 п.
Ревеню черенкового	-	32
Тулупов овчинных	-	68

В таможенных тетрадях 1652 и 1653 годов остались полные цифры, в которых выражается тамошнее звероловство; в 1652 году было вывезено 13500 собольих хвостов, в 1653-м — 15000; эти цифры выражают количество тогдашнего улова соболей в области томской торговли; чтоб определить эту область, мы должны извлечь из таможенных книг сведения, из каких частей Сибири доставлялись меха на томский рынок.

Из колмаков (кроме продажи на колмацком торгу) было привезено разными служилыми: соболей 33, лисиц 16, бобров 1, кошлоков 1, и 3 фунта черевеси; из киргизов — 51 соболь, 9 лисиц красных, 6 бобров, 6 кошлоков; $\frac{3}{4}$ фунта черевеси; из Кузнецка — 48 соболей; из Чулыму — 15 соболей, 40 пупков, 2 лисицы, 2 кошлока, 26 собольих хвостов, $\frac{1}{2}$ фунта черевеси; из Ачинска — 110 собольих

²⁹⁶ То есть халатов.

пупков, 32 белых песца; из Мелесцов — 29 соболей, 6 пупков; из Красного Яру 194 соболя, 4 бобра и 300 собожьих хвостов; из Енисейска — 50 соболей, 11 пупков, 2 бобра, 8 черных песцов, 357 белых песцов и 1 фунт черевеси. С Оби и снизу привозились лосиные кожи. Остальная привезенная пушнина была записываема как собственной ловли промышленников и без означения места промысла. Иногда при записке последних встречается такое темное место: “Пришел с промыслу такой-то, а у него в остатке его промыслу столько-то соболей”. С этого остатка только и изыскивалась пошлина. Служилые по преимуществу, а также промышленные люди собирали меха по отдаленнейшим окрестностям Томска и приносили их в свой город, где меха соединялись в руках русских, московских, вятских, устюжских купцов и с приказчиками отсылались летом, в июне или августе, в Москву. Лосиные кожи привозили в Томск пашенные крестьяне, а покупали их тобольские бухаретины, которые, кажется, были единственными представителями внутренней взаимной торговли городов Тобольска и Томска, торговли хлебом, мясом и сырыми кожами.

Цены на меха в Томске в 1652 году были следующие: три соболя продавались за 1 руб., две лисицы также за 1 руб.; один бобр за 1 руб.; бобр с черевесью за $1\frac{1}{2}$ руб.; кошколки, как и бобры, были по 1 руб.; 2 фунта струи бобровой стоили 2 руб., $1\frac{3}{4}$ фунта черевеси бобровой — 1 руб. 6 алтын 4 деньги; 50 пупков собожьих (т. е. брюшек) — 3 руб., 100 хвостов собожьих — 6 руб., 10 хвостов — 20 алтын; 5 куниц — 2 руб.

		1652 г.	1653 г.
Всего было привезено в Томск	русских товаров	10818 руб.	7090 руб.
-	бухарских из Джунгарии	268 руб.	594 руб.
-	местных (муки, кожи и пр.)	696 руб.	
Вывезено мехов		9000 руб.	5946 руб.
-	лосиных кож	1143 руб.	99 руб.
-	русских товаров	2309 руб.	2840 руб.

Г. Потанин

Вестник ИРГО. СПб., 1859. Ч. 27. Отд. 2. С. 125—144.

Алтай

Алтаем называется горная система на юге Томской губернии. Это не многосложная система хребтов, как Альпы, не один длинный хребет, как Урал, а просто горб, горная масса, одинаково поднятая со всех исследованных сторон; центр ее — в то же время самая возвышенная точка; это снежная гора Белуха, название которой напоминает вершину Швейцарских Альп Montblanc. Ни одна горная система не приближается настолько к этой форме, как Алтай. Впрочем, этот горб не следует воображать слишком крутым; гора Белуха имеет около 10000 футов высоты от поверхности моря, а от нее до окружности подошвы будет около 300 верст, т. е. весь подъем составляет около $1/200$ диаметра конуса.

Верхушка конуса обнажена или покрыта на самых возвышенных местах вечным снегом; в полувисоте хребта растут сплошные и густые, как камыш, хвойные леса, забитые доверху буреломом; все скалы и долины этой полосы закрыты лесом, и контуры гор можно видеть только издали. Кто не привык к этим лесам с детства, может запутаться в беспрестанных подъемах и спусках; только взобравшись на значительную высоту, где лес реже, он увидит дальние холмы, образовавшиеся из верхушек хвойных деревьев, совершенно скрывающих почву, служащую им основанием.

Ниже этих лесов конус Алтая обнажается, и отовсюду можно видеть полный ландшафт гор, покрытых высокой травой. Разве только заберешься в кусты, которыми заросли небольшие ключи и берега больших рек; но стоит сделать несколько шагов — как опять видишь солнце и небосклон, опирающийся на разноцветные горы.

Эти горы замечательны для нас тем, что представляют почти единственную страну, в которой мы находим русских горцев; они живут в долинах нижней, т. е. обнаженной, части Алтая; Впрочем, не ищите здесь альпийских видов, отвесных скал в семьсот футов, водопадов и тому подобных романтических сцен. Края долин еще несколько утесисты, но весь промежуток между двумя долина-

ми составляет обыкновенную волнующуюся поверхность; мягкость контуров — отличительная черта Алтая. Деревни размещены или по лугам, или на возвышенной плоскости; по окраинам деревень гумны и овины; потом начинаются пашни и пасеки. Покамест два эти промысла, т. е. хлебопашество и пчеловодство, составляют единственное занятие здешних жителей; характер здешних горцев еще не отделился резко от характера жителей равнины, но при продолжительном наблюдении нельзя не отыскать в нем некоторых различий. Он серьезнее, может быть, потому, что ему менее удастся при дождливом климате заводить веселые собрания; хороводы и уличные игры здесь реже, чем на равнине. Впрочем, у горцев есть танец, называемый “восьмеркой”, отличающийся особенной живостью; другая замечательная черта — трудолюбие; семидесятилетние старики и старухи продолжают помогать молодым не только ходить за скотом, но даже жать и косить; с наступлением лета начинается неутомимая деятельность в деревне; рабочее лето начинается выставлением пчел на воздух; потом вправляются сохи, и по сырым горам начинают во всех сторонах расхаживать пахари с рогалем в руке; середина лета употребляется на кошение сена и его уборку; под конец его работы принимают удвоенные усилия; одна операция следует за другой; то едут метать сено, то подрезывают мед; в лесу в это время поспевают кедровые орехи, на островах — малина, смородина и черемуха, на пашнях — конопля, лен и хлеб; тогда начинают жать и сушить хлеб и, когда уже падет снег, молотят. Принято за правило вымолачивать весь снятый хлеб в зиму, не оставляя его в кладях, и потому все заняты этим вплоть до Рождества; к этому празднику все успевают исполнить эту работу, потому что часто работают по ночам; в крытом дворе, на столбике лежит каменная плита, на которой пылают смолистые поленья, и при свете этого ночника мужчины и женщины занимаются молотьбой. К числу особенных здешних промыслов относятся пчеловодство и сбор кедровых орехов. Пасеки разбросаны повсюду, где около ключа есть удобная площадка, окруженная кустарниками черемухи и ивы; посредине площадки погреб, в который складываются улья на зиму; это простой сруб, покрытый плоской крышей; небольшая дыра, в которую едва можно пролезть, составляет единственный вход. Летом он стоит пустой, потому что

ульи расставлены на площадке; иногда ласточка основывает там свое гнездо; снаружи под крышей заткнуты в щель маточки и чумашки, пасечные инструменты и иногда прялка с куделей, если пасечник — старуха, что часто случается; тут же висит медный образок. Ульи ставятся или кладутся лежа; стояки большей частью встречаются в восточной части Алтая, ближе к городу Бийску, лежаки — в западной, около Усть-Каменогорска; верхушка для предохранения от дождя покрывается куском бересты, придавленным камнем.

Другое занятие — сбор кедровых орехов, происходящий в начале августа. Сибирский кедр с большими шишками, и в нем не следует искать сходства с ливанским кедром; на концах верхних его ветвей сидят большие, в кулак величиной, шишки, иногда по 6 в одной плоскости, но больше по три. Сборщики орехов влезают на дерево с байком в руке или висящим на тесемке, на шее; здешние горцы искусно лазят по деревьям и продолжают подниматься по тонкой вершине, когда она уже сильно качается под тяжестью человеческого тела; иногда, чтоб переместиться на другой кедр, стоящий недалеко, кедровщик не спускается на почву, а перескакивает по воздуху с ветвей одного дерева на другое, впрочем, промысел этот не очень легок; постоянное занятие им вредно действует на грудь. Баек служит для обивания шишек с концов ветвей; шишки летят вдоль дерева, делая на пути рикошеты об нижние ветви; внизу товарищи подбирают их; но много шишек заваливается в хворост, которого всегда много у комля каждой лесины. Затем шишки складываются в мешки и отвозятся в долину, в деревню; там их разбивают катками, подобными тем, которые употребляются для катанья белья, отделяют ядра от чешуи, веют и сушат. Зимой орехи отправляются в ближайшие города на продажу. Некоторые крестьяне делают большие запасы этого продукта; так, в Улаве у одного крестьянина устроен целый магазин, в котором хранится до 2000 пудов орехов.

Еще следует сказать об одном промысле, который уже теперь с каждым годом уменьшается; это ловля соболей. Для нее промышленники уходили на снежные вершины своих гор и жили там по несколько месяцев в тесной и темной избушке, занесенной на несколько сажень снегом. Соболей ловили преимущественно кулем-

ками, состоящими из круглого тынка с хворостовой крышей и с отверстием на одной стороне, в котором устроена такая система взаимных распорок, которая держится только до первого прикосновения и, разрушаясь, придавливает лапу коснувшегося до нее соболя значительной тяжестью; внутри куломки, на кольшке, для приманки надевалась утка или дикая кошка.

В числе особенных условий жизни здешних горцев нельзя не заметить их пищи; во-первых, ни в одной части Западной Сибири, как известно, совершенно лишенной фруктовых садов, не входит в состав пищи столько сахаристых веществ, как в Алтае; кроме множества ягод — малины, смородины, крыжовника, клубники, черники — здесь жители собирают еще пасечный и дикий мед, который употребляется различным образом, даже смешивается с квасом и составляет отдельное кушанье. Затем, ни одна местность не отличается таким количеством потребляемой травы, как Алтай; исключая огородных овощей и хлеба, здешние жители заимствуют много продуктов из местной флоры; весной обыкновенно девушки целыми отрядами отправляются за калбои, или диким чесноком, который потом солят в бочках и сохраняют до Великого поста; осенью плавают к островам для сбора черемухи, которая мелется на мельницах и употребляется вместо начинки для пирогов. Кроме того, в продолжении всего лета что-нибудь приносят съедобное из гор, какие-нибудь стволы дягиля, ревеня, известные здесь под названием пучек; даже иногда едят пионы. Некоторые из этих продуктов вывозятся в отдаленные части прилегающей к Алтаю равнины; так, например, за чесноком приезжают крестьяне из-под Барнаула, за 200 верст, и увозят целые возы, чтоб продавать в своих деревнях; также очень распространено в Томской губернии употребление другого растительного произведения Алтая, именно листьев бадана, или чагыра, известного в ботанике под названием толстолистной камнеломки. Бадан растет на северных каменистых скатах и имеет толстый корень и круглые мясистые листья; эти листья собираются вместе с цветами, запариваются в горшках на печах и продаются купцам, развозящим по губернии этот доморощенный чай.

Г. Н. Потанин
Иллюстрация. 1860. Т. 5. № 118.

Показание сибирского казака Максимова о Коканском владении

Максимов прожил 11 лет в городе Туркустанте²⁹⁷. Город этот сравнительно с прочими невелик. В нем до 20 мечетей и около четырех аксакалов. Город расположен на гладком степном месте при речке Карачике. Посреди города находится могила Азретсултана о 3 куполах. Около Туркустанта, в Карнаке, есть озеро 30 сажен кругом, с теплой минеральной водой; глубиною посредине в пику; вода выбуривает, бьет ключом.

Ташкент — самый большой город во всей Кокании. Длина его от одних ворот, с русской стороны, называемых Каракамыш, до коканских Кокандарбазы будет около 30 верст. В городе 12 двухэтажных каменных сараев, из числа которых 4 определены местным купцам, 2 русским, 2 кашгарским, 2 бухарским и пр.²⁹⁸

В средине города возвышается гора Сарджинтюпе, со всех сторон крутая, имеющая всход только с одной стороны. Около нее было положено начало городу Ташкенту основанием крепости; но ныне город распространился на значительное пространство. Вода в город доставляется по канавам или арыкам из рек Чирчика и Салара.

Ташкент, как и все прочие города, делится на части по 200 и более семей в каждой; такими частями управляют аксакалы; части города из нескольких аксакалов, около 500 домов, составляют.

В Ташкенте очень часты землетрясения; по 2 раза в неделю бывают²⁹⁹.

---

²⁹⁷ Я везде сохранил произношение самого Максимова.

²⁹⁸ Хорунжий Потанин, “Записки” которого были напечатаны несколько лет назад в “Вестнике Геогр. общества”, сообщил мне, что ташкентские караван-сарай называются Уркандж-сарай, Кызылбаш-сарай (персидский), Урус-сарай (русский), Нугай-сарай (татарский), Кашкар-сарай и Чюрчют-сарай (китайский).

²⁹⁹ Эта администрация получила начало еще в кочевом быте тюркского племени. У киргизов каждым аулом управляет аксакал, а несколькими — бий.

Около Ташкента в степи находится могила Зенгета, сложенная из кирпича с кумбезом, т. е. сводом, довольно высокая. В воскресные дни ей делают приклады, употребляемые на исправление могилы, и ставят сальные свечи. К востоку от Ташкента лежит соляной хребет Тузтау, который ушел в черные киргизы. Из него берут чистую и прозрачную, как хрусталь, соль (каменную), которую колят топорами и возят в Кокан³⁰⁰. Хребет этот видно из Кокана, хотя ходьбы до него три дня.

Во владении ташкентского хакима находятся Хульета, Чолак, Тляу, Сузак, Курама, Пишкек.

Ворота, которые ведут из Ташкента в Бухару, называются Каймас. Города, чрез которые идет дорога из Ташкента в Бухару, — Туркустант, Дикан, Чилик, Чимкент, Кужант, Урютюпе, Замин, Бухара. Всего верст до 300. Из Ташкента в Кокан дорога идет чрез места: Бишарык, Шайдан, Акджар, Кокан, всего 3 дня, на телегах 6. Из Кужанта в Кокан: Каинавадам, Бишарык (другой), Шушкурган, Каракчикурган, Галчакышлак, Кокан 4 дня. Из Ташкента в Кужант ездят Курамой, т. е. рядом деревень, расположенных по речке Кураме, по имени которой и все ее население названо таким образом; в некоторых деревнях до 200 домов, но более такие деревни, в которых по 20, по 8 домов. Это похоже на наши пограничные линии. Кокан менее Ташкента, в нем около 500 мечетей. Ханский дворец окружен каменной стеной, занимает под собою мести в длину не 1 версту; у ворот его хранятся пушки. Во дворце живет барабанщик, который имеет русский барабан, и горнист, оба беглые солдаты с Оренбургской линии; они играют на своих инструментах по утрам и вечерам. В нижнем этаже поме-

---

Последний облечен судебною властью; для решения дела несколько биев соединяются вместе. Хорунжий Потанин говорит, что коканские бии составляют городовые советы.

³⁰⁰ Хорунжий Потанин в своих записках также рассказывает о этой соли. Он мне говорил, что в этом же месте хребет образует крутую скалу ослепительной белизны. Возле этих копей текут соляные ключи, образующие небольшое соленое озеро.

щается зверинец, в котором содержатся барсы, медведи, волки и другие звери³⁰¹. Для ястребов устроены особые сараи.

В Кокане очень ветрено; ветры бывают так сильны, что вырывают деревья с корнем.

К югу от Кокана живут голчи и каратыгин, черный народ, исповедующий мусульманскую веру и говорящий другим языком: “таджик”.

Годчи состоят в ведении урютюпинского хакима Маллябека.

Выше Кокана по Сырдарье находятся города Андиджан и Намангын³⁰². Намангын в 4 верстах от правого берега Сыра; против него на горах находится священная могила Казыкурт Ата, близ которой горный проход на Талас.

Самый богатый между городами Кокании Ташкент; более ученый — город Кокан. Но жизнь приятнее Максимову показалась в Намангыне, где много садов.

Вершины Сырдарьи от Андиджана находятся в 100 верстах; крайняя вверх деревня по Сыру Базаркышлак (в нем, однако ж, сеют рис). Вершины Сыра состояются из ключей; о озерах не рассказывают.

Река составляется из двух притоков; северный называется Былкама, полуденный — Шарихандарья; первый выходит из ущелья при урочище Арсланбапулье, последний — при Азретидрисаулье³⁰³. Между Коканом и Намангыном, близ того места, где Сырдарья соединяется, через нее выстроен мост; он состоит из двух частей, одна из которых перекинута через Былкама, другая — чрез Шарихандарью; одна часть основана на 12 свинках, или срубках, забученных камнем, другая — на 6. Мост этот построен одним ишаном, т. е. духовным лицом Ширипа Сыра, против Кокана сажень 50; около Кужанта до 200; около Азрета около версты (?). Около Андиджана русло ее покрыто огромными валунами³⁰⁴. Около Кужанта

---

³⁰¹ Из этого-то зверинца, вероятно, был прислан коканским ханом в Россию для вашего двора слон, который был, однако ж, тогда же возвращен из Тобольска. Это был единственный представитель этого зоологического вида, который был в Сибири в историческое время.

³⁰² Найманкент.

³⁰³ Максимов неправильно принял рукава Сыра за его притоки.

³⁰⁴ Эти валуны показывают, что Андиджан лежит у самого выхода Сыра из ущелья. Вот еще подтверждение этого предположения: в “Оренбургских

оно еще дресвяно, около Азрета дно иловатое и берега некрутые. Глинистые берега начинаются от Ям Кургана. Против Кужанта соляной хребет подошел вплоть к Сырдарье, так что дорога из Ташкента в Кокан идет ущельем, переваливается чрез хребет и спускается опять в долину к Камышкоргану. Недалеко от Азрета, возле стоящей на правой стороне реки могилы Арысланды, против Чимкента, Сырдарья течет в высоких с обеих сторон глинистых берегах. По берегам Сырдарьи и по пескам, ее сопровождающим, растут чингил (терновник), джангыл³⁰⁵, тьесиный³⁰⁶, дикая джигда и сексеуль, стволы которого здесь достигают толщины в обхват.

Весь этот лес идет только на дрова. Около Кокана на Сырдарье есть брод Акджар глубиною в полубок лошади. Судоходства нет; есть только паромы для сообщений между берегами: у Кужанта 2, у Азрета 1, у Кокана 1, у Намангына 1; они сделаны из осины.

Коканцы сеют пшеницу, тот род, который в Семипалатинске известен под названием дорогой, красноколосую и озимую, ячмень и сарачинское пшено. Все вообще хлеба засеваются с осени. Пашни расположены по ключам и орошаются посредством арыков. Поля, засеянные рисом, наводняются из арыков и не осушаются во все лето. Возделывается также марена; корни ее выкапываются через три года; в продолжении же предшествующих лет плантация поливается по два раза в каждое; копают ее теми же кирками, которыми и землю пашут; потом сушат на воздухе. Хлеб молотится быками и лошаадьми; жнут серпами без зубьев; для сушения кладут в кучи по 20 снопов. Для боронения связывают и сплетают пук чингиля. Мелят на мельницах—водянках такого же устройства, как

ведомостях” находится следующий отрывок из старинного показания какого-то путешественника: город Андизан, в котором, как бухарцы и многие тамошние жители по их книгам сказывают, “якобы и царя Соломона строение не большое, в коем де он молится Богу, есть, чего де ради и бухарцы и прочие тамошние народы и для мольбы во оной ездят; при оном же де городе из горы течет река, в которой вода якобы зеленая”. Без сомнения, он говорит о Сыре; горные реки действительно при выходе из ущелья имеют зеленый цвет, например, р. Коксу у русского моста вследствие отражения зеленой плесени, покрывающей неподвижные валуны под водою.

³⁰⁵ Tamarix tatarica.

³⁰⁶ Заманиха, nitaria.

те, которые называются около Семипалатинска мутовками. Жернова для них достают из Каратау³⁰⁷. Хлеб сохраняется в армячных мешках, в амбарах при домах. В ямах же сохраняют его одни ночующие между деревнями киргизы³⁰⁸. Для корма лошадям сеют джугару и джунурчку. Джугара³⁰⁹ имеет крупное, как горох, зерно, только белее цветом; цветорасположение брунью, как у камыша; брунь, или кисть, весит 2 фунта. Землю под джугару дважды в лето подкапывают. Джунурчку³¹⁰ жнут до 4 раз в лето и дают в корм лошадям сеном. Рис сеют и в Уше, и в Тюсе, который также лежит у подошвы Кашкардавана.

Лучший табак желтого цвета, как американский, снимается с плантаций, находящихся в окрестностях города Намангына; табак этот в обыкновенной трубке слаб, но сильнее в кальяне. Дыни лучшие в Кокане.

Арбузы лучшие в Туркустанте. Они достигают такой величины, что человек с трудом поднимает один арбуз³¹¹. Сеют без удобрения, как хлеб, только вспахавши поле предварительно³¹².

В садах, кроме урюку, анар (гранат) и винограда, разводится джигда, дающая желтые ягоды, длиною с полпальца. Джигда эта

³⁰⁷ Разумеется, только для окрестностей города Азрета.

³⁰⁸ Хорунжий Потанин рассказывал мне следующее об этих ямах: сверху делается такое отверстие, чтоб только можно было человеку спуститься в яму, насыпать мешок и подать его вверх. Ямы приготавливаются таким образом; выкопав яму, вытирают бока ее мокрой тряпицей; глина сливается, засыхает и твердеет так, что яма представляет глиняный кувшин. Тамошняя глина так вязка, что если положить сырой кусок ее между двух ладоней, то сразу трудно оторвать их одну от другой.

³⁰⁹ *Holcus sorghum*. Назаров в своих "Записках о народах Средней Азии" назвал ее белояровым пшеном.

³¹⁰ Это особенный род люцерны, который был засеваем в России для опыта и найден в некоторых обстоятельствах выше нашей люцерны.

³¹¹ Бухарские арбузы достигают огромной величины, так что одним могут довольствоваться человек двадцать; два здешних арбуза, как уверяют, составляют иногда полный ослиный вьюк (Путеш. в Бухару Бориса. Т. III. С. 249).

³¹² Хорунжий Потанин рассказывал мне, что дынные и арбузные семена высушиваются вместе с мясом, которое потом режется на куски, и сеются в виде этих кусков прямо в песок; будто бы от этой методы семена имеют более пищи при начале своей органической жизни.

не имеет шипов, как дикая³¹³. Анджир — род яблока, мягкая желтая ягода. Дерево, на котором она растет, величиною с черемуху и имеет подобный лист. Карашурюк — ягода величиною с голубиное яйцо, с косточкой внутри, которую бросают. Яблоки не разводятся в садах, а собираются в ближних горных ущельях. Грецкие орехи привозят из Бухары. Также в садах садят для домашнего употребления осину, талину, ветлу; последняя бывает до 6 обхватов толщиной(!). На Алатау, между Коканом и Кашкараром, растет прямоствольный вереск, аршин до 20 высоты, в 2 обхвата толщиной³¹⁴. Краска бызгун получается из плодов одного дерева, которое один год дает орехи, а на другой год — ягоды, называемые бызгун. Это дерево дико растет на северной покатости Алатау, между Коканом и Кашгаром. Семя дармана собирают киргизы с травы, похожей на полынь и растущей по р. Арысу, в 80 верстах от Туркустанта; приезжающие к ним ташкентские купцы скупают его.

Коканцы воспитывают аргамаков, которых всегда держат в стойлах; корм им дается в ясли; кормят пшеницей, а джугару дают только карабаирам, т. е. аргамацким выгонкам. Разводятся также и киргизские лошади под названием “маштак”, “казаки”. У богатых встречаются буйлы³¹⁵, длинношерстные комолые коровы, имеющие короткий, волосистый, как у лошади, хвост. Они смирны; молоко их гуще молока простой коровы. Для перевоза дров, хлеба с пашни и других продуктов разводятся ишаки. Овцы в Кокане двух пород: курдючные и хвостатые. Из птиц разводятся одни куры.

Обыкновенная лошадь в Кокане стоит 40—50 тенег, но некоторые оцениваются в 500 тенег. Обыкновенный верблюд — 20 тенег, но некоторые — 200, 300 тенег; ишак — 17—20 тенег; овца 5—7 тенег и иногда 100 тенег. Но курдючная овца, два года откарм-

---

³¹³ Это жужубы; они привозятся из Ташкента в Петропавловск под названием бухарских фиников. Иакинф описывает их таким образом: жужубы есть китайские финики особого рода от индейских; рождаются на обыкновенных деревьях, а не на пальмах: величиною, округлостью, сладкостью тела и косточкою внутри плода сходятся с финиками.

³¹⁴ Прямоствольный вереск растет также на Кендыртау, как мне передавал хорунжий Потанин, и на Балханских горах, по свидетельству г-на Муравьева, путешествовавшего в Хиву.

³¹⁵ *Bos gruniens*.

ливавшаяся хлебом, оценивается в 500 тенег(!), ручные овцы — 15—20 тенег. Шелководством более рук занято в Намангыне. Осенью черви кладут яйца; тогда их собирают в мешок. Когда начнет распускаться лист на деревьях, женщины кладут яйца себе под пазуху и выпаривают 6 дней, потом выпускают на хлеб с медом, а потом уже на лист³¹⁶.

Вообще всякую пашню пашут здесь плугами-одноконками и на двух быках, глубиною 3 вершка. Стебель здешней хлопчатой бумаги достигает 1 аршина роста. Собирают хлопок осенью.

В пределах Кокана водится дикий гусь, утка, фазан, дрофа, журавль, лебедь, красный турпан. Медведь водится в горах Каратау. Лисиц много; все серые, как волк³¹⁷; корсаков также много. Лисицы водятся преимущественно подле горы Куланы, переходят на 100 верст за Сырдарью к югу; сайги зимуют вместе с куланами; обе эти породы плавают через Сыр, около Туркустанта на урочище Юшкаюк. Диких козлов в долине Сыра нет; они водятся только в Алатау и спускаются на Сыр только в верхних его частях³¹⁸. Кабаны водятся по Сырдарье и Чу в камышах. Тигр живет по Сыру около Азрета и в других местах, черепахи — по Сыру и Чу.

Рыбу ловят мало; для этого употребляются сети. Около Азрета ловят ее в Карачике и озере Тека, которое принимает Карачик и само соединяется протоком с Сырдарьею; в сети попадают щуки и сазаны. В Сыре водятся сомы и сиги; маринка водится во всех горных речках.

Писчая бумага делается в Кокане и Ташкенте; рабочих в Ташкенте на бумажном заводе, принадлежащем купцу Ахмету, до 20. Лист бумаги продается по 1 пуду.

Сауры делают по преимуществу в Кокане; это делается таким образом: пилками натирают порошок из меди, насыпают на сырые кожи, складывают их по две, в середину насыпают просы и

---

³¹⁶ Хорунжий Потанин об этом предмете рассказывал мне следующее: по стенам завода сделаны полки, на которые кладут тутовую чашу и ягоды, черви питаются ими и вьют коконы с прута на прут. Зимой их завертывают вместе с ягодами в хлопчатую бумагу, как в клубок, и также кладут на полки.

³¹⁷ Караганки, *Canis caragan*.

³¹⁸ Козуля, *Cervus capreolus*.

сжимают в чугунном прессе³¹⁹. Кузниц в одном Ташкенте до 100; кузнецы делают сабли, которые бывают двух сортов: шап — прямая и тяжелая и клыч — кривая и легкая. Соль доставляют из Тузтау; местечко же северной границы Сузак и пр. получают ее из соляных озер на Чу. Теньга содержит в себе 36 пулов; одна теньга равняется 1 руб., 1 тилля — 20 руб., 1 пуд — 1 коп. сереб. Батман равняется 2 1/2 пуда, чирик 7 1/2 фунта, он делится на 2 ярымчарика, на 3 ечка, на 4 елча.

Чирик марёны стоит в Туркустанте 1/2 теньги (ярым-теньга), один арбуз — 2 пула, дыня — 1 пул, десяток огурцов — 1 пул, яблок в продаже нет; чирик сушеного урюка — 3 пула; слива не продается; чирик изюму сушеного — 6 пулов (25 коп. сереб.), батман сорочинского пшена — 2 теньги, батман пшеницы (в 1856 году) — 1 1/2 теньги, батман ячменю — 1/2 теньги, 100 снопов джунурчки — 2 теньги, батман джугары — 1 теньга; ложка шелковичных червей — 3 пула, чирик хлопчатой бумаги — 1 теньга, юфт — 25—20 теньги.

Дома недороги; они имеют иногда 10 и 15 комнат, но более состоят из двух и даже одной. Подобный дом стоит только 40 тенег; но полдесятины места под него стоит 300 тенег.

Дорога в Кашгар проходит через снежный хребет Кашкардаван. Этот хребет против землицы Каратыгин называется Бельды Даван. Из Кашкара идут в Кокан чай и канфа, а из Кокана алчембар (полушелковая материя), патчай, саранджа и пр.

Маральи рога идут в Кашгар из Дикокаменной орды. Максимов сам ходил в Кашгар; караван их состоял из 500 верблюдов, из них 4 принадлежали Максимову; товары у него были: алача, одеяла и ковры. Дорога эта проходит следующими местами: Куштыермень от Кашкара 30 верст, оттуда до хутора или пикета, “раот” 25 верст; от раота до Уша 40 верст; в Уше живет таможенный чиновник Серкер Тауспек. Около Уша находится священное место Тахтысулейман³²⁰, привлекающее боговольцев. От Уша до Андыджана 25 верст степью; дорога гладкая, кругом все деревни

³¹⁹ То же рассказывал мне и хорунжий Потанин. Саурами называются кожи с бугорками на поверхности, окрашенные в зеленый цвет; они особенно употребляются в киргизской степи для калаш.

³²⁰ Трон Соломона. Подобная же святыня находится в Персии в числе развалин около Шираза.

и сады. До Марглана 30, до Кокана 30 верст. Дорога эта от Кокана до Уша и через хребет имеет направление на восток; по перевалу же на полуденную сторону хребта до Кашкара она идет прямо на юг. В половине горы перед Ушем на хребте растут яблони и урюк, выше — вереск; никакого другого леса подле дороги нет. Дорога в иных местах идет таким узким ущельем, что верблюды едва проходят; вершина прохода покрыта снегом. В этих снегах водится червяк длиною по четверти аршина, белый, с черною головою, толщиной с палец; от давления ноги он издает шум³²¹. Дикокаменные киргизы и кипчаки кочуют только ближе Уша, но за Ушем кочевьев их уже нет.

Зрелища коканцев состоят из байги, устраиваемой во время бакты, т. е. обрезания, и борьбы некоторых животных. Таким образом, они заставляют драться петухов, перепелок, баранов и рябчиков. Последних ловят из особенной породы, называемой каклик³²²; цвет перьев этого рябчика рябой, нос красный, голос очень громкий. Бараны-жеребцы употребляются для драки преимущественно хвостатые, которые для того более и воспитываются.

Хан довольствуется доходами с одного города Кокана, а ташкентские доходы идут на содержание местного войска. Датхи только берут тартуг (подарок) в Кокан. За дом берут в год 20 тенег, за скотину — зекету со 100 голов одну; с 10 батманов пшеницы — 2 батмана, с табаку — $1/5$ часть; то же самое с гороха и ячменя. Половина дикокаменных платят зекет, другая половина независима; с юрты берут по тилле(!). Наследник дома называется дастарханчи. Первый чиновник в государстве называется минбаши — тысяцкий; потом следуют рысалачи, датха, пашад — пятисотенный. Знамя датхи называется туф и состоит из буйволова хвоста, прикрепленного к ратовищу; пятисотенное знамя состоит из шелкового или коленкор-

---

³²¹ В верховьях Таласа в снегах лежит озеро, около которого также находятся подобные черви по рассказам киргизов Большой Орды (сообщил мне г-н Валиханов). Борис (Путеш. в Бухару. Т. III. С. 343) также передает слухи о снежных червях: самым любопытным явлением природы на Гиндукуше представляется снежный червь, который в совершенном своем развитии походит, как уверяют, на шелковичного червя. Это животное встречается только в странах постоянного замерзания и умирает, будучи лишено снега.

³²² У Назарова она названа курочкой гаглей.

вого платка. Затем следует юсбаши — сотенный, и пенджеваши — пятидесятник, помощник юсбаши — вахмистр.

Солдат получает 20 тенег в месяц и на лошадь провианту в год 30 батманов, 40 и 100 батманов, смотря по достоинству солдата и числу лошадей, которое он обязывается содержать. В поход солдаты берут хлеб или толченую просынную крупу, называемую сок. При хане состоят телохранители, имеющие укладные топорики с серебряною и золотою насечкою.

Хан, когда выезжает из дворца, надевает высокую соболиную шапку с шелковой, шитой золотом верхушкой, на которой утверждён драгоценный камень. Он почти каждый день ездит на охоту с ястребами; любимое место его охоты на Акджаре, где много фазанов и уток.

Пушек в Ташкенте не более 3 но в Кокане их до 30; некоторые имеют такое жерло, что ядра для них делаются величиною по человеческой голове. Пушки эти возят на колесах. Дджезаилы, т. е. длинные ручья, возят на верблюдах. На седле в передней луке делается гвоздь или шпиль, на котором эти пушки вращаются. Пушки льет в Кокане англичанин Мустафа, черный, невысокого роста, с большим животом; завод находится за городом, каменный; медь собирают или у жителей, или с караванов в виде пошлины; своей медной руды нет. Порох делают в Туркустане, Ташкенте и Кокане; селитру берут с озер, под Чу и Чемкетем; впрочем, пороховые заводы есть во всех городишках, где 2, где 3, 4 и более заводов; все они частные. Батман пороху стоит 3 и 4 тенги. Максимов сам удивляется дешевизне пороха. В перекипяченную селитру кокандцы спускают вместе с углем и серой куриное яйцо. Сера горячая идет из Бухары. Тесто высушивают в растирают в мякоть в казанах камнем. Свинец берут из гор Каратау.

О последних событиях в Кокане Максимов рассказывает следующее. Ныне ханом в Кокане Мадаярхан, управителем в Ташкенте Юсупбек. Мусурманкул, родом из дикокаменных киргизов, при помощи кипчаков захватил ханскую власть в свои руки, уважая, однако ж, жизнь маленького Мадаяра и оставив за собою только власть регента. Он даже любил его. Рысалачи Нурмат поссорился с Мусурманкулом и бежал в Ташкент, где правителем в то время был двоюродный брат его Мурза Паяс; здесь его осаждали

6 дней и не могли взять; войско Мусурманкулово стало отступать; тогда ташкентский гарнизон выступил из города и загнал мусурманкульцев в р. Чирчик; разлив был тогда большой (это было весной), и множество их утонуло в этой быстрой реке. Самого Мусурманкула поймали на стрелке Былкалама, около Андыджана, и повесили в Кокане. Тело его висело 3 дня на виселице, подобно телам воров, на страх другим. Потом, перерезав кипчаков в городах, сарты бросились на волости и вырезали всех кипчаков, даже из беременных матерей. Ныне Мадаярхану около 28 лет. У него две жены — одна Тилли, сестра Джафара³²³, дочь Кенесары, известного своим мятежом в киргизской степи, другая — Ханбури.

Последний поход коканцев в киргизскую степь был произведен с целью возвратить скот Конратской волости, который угнали русские киргизы. Людей в отряде было 4000; пушек не было, а было 8 джезаилов, знамен туфов 4, знамен пятисотенных 20. Отряд этот потерпел поражение на берегу р. Чу, около брода Карауткуль. Максимов участвовал в этом походе и передался русским.

Гр. Потанин

Вестник ИРГО. Т. 28. Отд. 2. С. 66–75.

---

³²³ Джафар сделал однажды набег на русских киргизов, был догнан есаулом Рыбиным и взят в плен. Он был сослан в Березов, оттуда переведен в Тобольск, но не перенес сырого климата этой местности и умер.

Заметки о Сибирском казачьем войске

При взгляде на карту кажется особенно выгодным положение р. Иртыш, простирающейся своими вершинами во внутренность Азии. Это обстоятельство привлекло на себя внимание Петра Великого, пославшего экспедиции для занятия Иртыша. Но, несмотря на такую очевидность своей важности, река эта до сих пор не имеет выше Тобольска никакого торгового значения: в целое лето по ней только и протащатся одно судно с коряковской солью, два карбазы с рыбой, добытой на войсковой рыбалке, да еще барка с казенной известкой, которая добывается около Известковой станицы. Что еще удивительнее, русское население верхних частей Иртыша нисколько не связано с населением нижних частей, несмотря на такое естественное удобство, какое представляет к тому большая река.

В середине течения Иртыша, около станицы Коряковской, земля неплодородна, хлебопашества тут вовсе не существует, и потому тут нет русских деревень, а тянется только по самой реке цепь казачьих станиц, которую, однако ж, нельзя считать прочной связью между населением верхних и нижних частей Иртыша. Против Коряковской станицы ближайшия деревни отстоят от Иртыша на 200 верст внутрь Томской губернии (с противоположной стороны простирается киргизская степь с кочевым населением). Жители казачьих станиц, находящихся в этой местности, от роду не видят хлеба на корню³²⁴. Эта неземледельческая страна занимает вдоль по Иртышу около трехсот с лишком верст (от Черлацкой станицы до Лебяжьей) и совершенно разъединяет земледельческий округ городов Усть-Каменогорска и Семипалатинска от земледельческого округа города Омска. Урожай одной из этих сторон не имеет

---

³²⁴ Я имел случай встретиться с жителями этой местности на пашнях города Капала, одной из русских колоний в киргизской степи. Они с любопытством рассматривали нивы и колосья, которых никогда не видели.

никакого значения для другой; притом неземледельческая окрестность Корякова снабжается хлебом не сверху, как можно было бы думать, а снизу, и ни разу, несмотря на неурожай в низовьях Иртыша, не было отправлено ни одного судна с хлебом из Семипалатинска в Коряков. Это, вероятно, происходит от низких цен хлеба в низовьях Иртыша сравнительно с ценами, существующими вверху, так что при самых великих неурожаях первые не поднимаются выше верховских цен.

К этой тишине вод присоединяется безжизненный, печальный вид нагих глинистых берегов. По высоким обрывам стоят редкие и небольшие станицы казаков. Расстояния между ними по большей части в 25—30 верст; самая большая из них, Коряковская, имеет не более пятидесяти дворов. Эта военная колонизация по своим исключительным правам не допускает свободной колонизации и служит, кажется, главной причиной пустынности Иртыша. Коряковская станица, в которой преимущественно производится торговля русских с киргизами и маленькая площадь которой превратилась в постоянный рынок, могла бы при свободной колонизации скоро превратиться в город, но до сих пор она остается деревней³²⁵.

Вообще, иртышская колонизация сильно отзывается искусственностью и внешним вмешательством; видимое благосостояние казачьих станиц не исходит из их внутреннего промышленного состояния, а также искусственно. Город Омск, главный в Западной Сибири, принадлежит к этой же колонии. Дом благородного собрания в этом городе выстроен откупом, а дом для детского приюта — казенным поставщиком; а это два единственных не казенных каменных здания в этом городе.

Казаки, живущие в станицах по Иртышу, более походят на мещан, чем на крестьян. Весь ряд иртышских станиц представляет рассеянный город. Причина такого развития заключается в соседстве инородцев и местности, более благоприятной для скотоводства, чем для земледелия; где эти условия были слабее, там и характер казаков ближе к крестьянскому, чем к городскому, так что казаки, живущие в Алтае, отличаются противоположными качествами. Мы сделаем небольшое сравнение этих двух типов народного характера.

---

³²⁵ Коряковская станица по Высочайше утвержденному 1 апреля 1861 г. положению Сибирского комитета возведена в степень города.

Станицы алтайских казаков расположены в долинах Алтая, снабженных неистоющимися строевыми лесами, не мешающими, однако, путевым сообщениям, потому что они подняты на вершины гор, а дороги выются в глубине долин, куда дремучие леса не спускаются. Лето здесь всегда бывает дождливое, и потому неурожаев не бывает; травы растут в таком изобилии, что часто остаются в большом количестве невыкошенными; главный промысел — земледелие; живут большими семьями в патриархальной связи; несколько женатых братьев с своими детьми живут часто в одном доме в зависимости от своего отца и ведут общее хозяйство, по крайней мере, в некоторых его частях, как, например, в пашне. Здешний казак — это работник неутомимый и невзыскательный; работает он даже в лунные ночи летом, а зимою — при огнях на гумне. Он одет просто в рабочее платье, в холщевые штаны и в армяк или попиток³²⁶; на ногах некрасивые чарки, на голове иногда вместо картуза крестьянская шляпа; пища также простая, но плотная: кроме обеда она состоит из завтрака, наужина³²⁷ и ужина; каждое из этих отделений состоит из таких же фундаментальных блюд, как и настоящий обед. Местная растительность дает здешней пище преимущество тем, что снабжает ее множеством сахаристых веществ в виде ягод и меда, чего нет на Иртыше; но чай есть не у многих; табак редкие курят. Песни и пляски тише, да и народ скучнее; дождливый климат не позволяет веселиться часто; киргизский язык считается поганым: если иртышские казаки заговорят в избе у алтайца по-киргизски, он погонит их вон из избы.

Совсем в ином виде представляются казаки, живущие к северу и югу от Корякова. Местность, на которой они обитают, — это ровная унылая степь, на которой проезжающий ничего не видит, кроме дороги с верстовыми столбами; леса находятся во ста верстах от станиц; топливом служат таловые прутья, растущие по берегам

---

³²⁶ Армяк — ткань из верблюжьей шерсти и платья из нее, приготовляемые в киргизской степи и в большом количестве вывозимые оттуда в Томскую губернию, где он служит верхней одеждой для сельского населения. Попиток — шерстяная ткань на льняной основе, приготовляемая дома из шерсти своих овец.

³²⁷ Наужином называется кушанье, которое подается между обедом и ужином.

Иртыша; хлеб не родится; трав мало; воды, кроме единственной реки, Иртыша, нет. Земледелия здесь вовсе нет; жители занимаются торговлей, и потому семейства разделяются; каждая брачная пара составляет отдельное семейство. Одежда здешних жителей щегольская в сравнении с одеждой алтайских казаков: широкие плисовые или козловые дымленные шаровары, парчовый или ситцевый халат и иногда на голове лисий бурк, то есть киргизская лисья шапка, похожая с виду на папаху. В пище здешних казаков меньше растительных продуктов. Главную основу народной пищи составляют молоко и мясо; кроме того, весьма важное значение приобрел здесь чай, так что дневная пища состоит из обеда, ужина и двух чаев: утреннего и вечернего; табак курят все, и в большом количестве. Здешний казак — ловкий торговец, кулак и плохой работник. При домах содержатся наемные работники, почти все из киргизов; сами же казаки предпочитают проводить время в разъездах по аулам для сбора своих долгов. В наездничестве они не уступают киргизам. Киргизский язык не только не пренебрегается, но считается разговорным; киргизские обычаи также многие усвоены: так, например, казаки охотно пьют кумыс и едят конину. Кража баранов из киргизских аулов, когда казаки находятся на годичной службе в киргизской степи, доведена у них до того же искусства, как и у самих киргизов, по пословице “С волками жить — по-волчьи выть”. Песни и пляски у здешних казаков заметно живее; жесты в последних исполнены страсти и даже доходят до цинизма в пляске, известной здесь под именем “козла”.

Замечательно, что почти такое же различие существует и в Донском казачьем войске — между казаками верховыми и низовыми, из которых первые соответствуют алтайским казакам, а вторые — коряковским; низовые казаки находились почти в таком же положении, как и коряковские: гранича с инородцами, они беспрестанно имели с ними то мену, то ссору. Эти общие условия привели народ к одинаковым результатам, несмотря на расстояние между Иртышом и Доном. Подобно тому как на Дону низовые с презрением смотрят на неловких, мужиковатых верховских казаков, так и здесь, на Иртыше, коряковские казаки смеются над холщевыми шароварами и чарками алтайских казаков, называя их за это “халка”, именем северного племени монголов — халка, которое также

носит белые хлопчатобумажные шаровары. Халка — кочевое племя и также за свои бумажные шаровары подвергается насмешкам со стороны соседних кочевых племен. Вообще, у иртышских казаков во вкусе и взгляде на мир много усвоено из кочевого быта.

Около Коряковской станицы происходит самое сильное взаимодействие русского и киргизского народного духа. Недалеко от Коряковской станицы находится другая станица — Ямышевская, в которой в прежнее время было сделано такое сближение между двумя народами, что обе расы здесь отчасти смешались. Впрочем, это единственное такое место. Здесь много между казаками крещеных киргизов и даже киргизок, так что здесь можно встретить хоровод из смуглых и плоских лиц, и можно услышать песню, представляющую смесь киргизского языка с русским. Все окрестные киргизы сделали много заимствований из русской жизни, и даже многие живут в землянках, по крайней мере, в зимнее время; а казаки здешние, в свою очередь, подчиняются сильному влиянию киргизов, следуют в одежде их модам и в домашней жизни предпочитают киргизский язык своему. Это влияние видно также и на женщинах. Впрочем, влияние Востока отразилось и в остальной Сибири: русская женщина в сибирских городах переняла у татарок обыкновение накидывать халат на голову, выходя из дому, жевать листовническую серу, подпоясывать рубашки мальчиков под самые мышки, а не посредине туловища.

Настоящие размеры этого войска, называющегося сибирским, следующие: оно состоит из ряда станиц, который начинается у восточной границы Оренбургской губернии, у Звериноголовской крепости, упирается потом в Иртыш у города Омска; потом тянется вверх по Иртышу почти на 900 верст до китайской границы; от Иртыша, возле города Усть-Каменогорска, отделяется ветвь внутрь Томской губернии, которая оканчивается близ города Бийска, то есть почти упирается в верхние части Оби. Из этого видно, что территория этого войска представляет непрерывную, но чрезвычайно растянутую узкую полосу земли. Внутри этого войска находятся четыре города: Петропавловск, Омск, Семипалатинск и Усть-Каменогорск, главное население которых составляют мещане, и только небольшая часть состоит из казаков. Казачьи станицы состоят по большей части не более как из 30—50 домов; увели-

чиваются они незаметно, почему представляют сильный контраст с крестьянскими деревнями, которые находятся иногда между станицами, например, около Усть-Каменогорска. Хотя никем не сделано еще сравнительного исследования о движении народонаселения в казачьих станицах, но достаточно сравнить общий вид маленьких станиц, с длинными деревнями, чтоб прийти к верному заключению о сравнительной силе умножения народа. Эти дурно растущие маленькие станицы, сидящие на бесплодной почве, похожи на древесные породы киргизской степи — березу и гороховник, переселившиеся туда из Сибири и превратившиеся из красивых деревьев, какими они являются в сырых сибирских лесах, в кривые, жесткие кустарники.

Как все военные поселения, эти станицы отличаются порядком и опрятностью; улицы в них прямы, избы наполовину сменяются домиками с четырехскатной крышей. Кутных окошечек, делающих кривыми крестьянская избы, нет; здесь тщательно следят за тем, чтоб заборы были непременно досчатые, чтоб крыши были тесовые и чтоб перед каждым домиком были насажены березки. Этот опрятный вид, разумеется, имеет свою приятную сторону; но как вспомнить о мерах, которыми он достигается, и о том, что между ним и порядком домашней жизни казаков нет никакого отношения, то первое впечатление сменяется другим, совершенно противоположным. Вид этих станиц сравнительно с крестьянскими деревнями производит такое же впечатление, как подстриженный лес сравнительно со свободно развивающимся лесом. В крестьянской деревне расположение дворов и архитектура изб не подвергаются личным эстетическим воззрениям, видимого порядка нет, дворы расположены не в виде правильных четверугольников, а без всякой геометрической системы; но это расположение заключает в себе внутреннюю экономическую систему.

Узкую полосу земли, принадлежащую этому войску, можно разделить по географическим свойствам на три части: северо-западную, среднюю и юго-восточную. Северо-западная часть, заключающая станицы от Звериноголовской крепости до города Омска, находится в стране, которой иногда усваивают название Ишимская степь. В здешнем пейзаже господствуют березовые дубравы, которые дополняются полями, покрытыми разнообразной высокой и

густой травой, бесчисленными озерами разных величин и характеров и дорогой, на которой обнаруживается черноземный грунт. По качеству земли это одна из лучших частей Западной Сибири, но по безводию линия казачьих станиц в этой стороне получила название "Горькая линия", потому что единственная река Ишим пересекает линию только под прямым углом, так что на ней расположены только три или четыре станицы, а остальные стоят при озерах с горько-соленой водой. Жители берут воду из колодцев, да и та имеет соленый вкус; летом во время жары высохшие озера начинают гнить и отделять вонючие испарения, которые обыкновенно распространяются по окрестности после полудня. В это время в станицах повсюду, и на улице, и в избах, бывает такой же запах, как от откупоренного гнилого яйца. Жители этой части войсковой земли, не довольные своей настоящей землей, надеются на позволение переселиться в соседнюю часть киргизской степи, представляющую все удобства для новой колонизации. Они давно уже смотрят на эту местность как на будущую свою собственность и были очень обижены, когда на эти места поселили колонистов из внутренней России. Вообще нужно заметить, что во многих частях Сибири существует в народе стремление к новой колонизации, которое удерживается правительством, потому что свобода этой колонизации повела бы за собой стеснение инородцев, кочующих в этих незаселенных пустынях.

Другая, средняя, часть лежит между городом Омском и станицей Убинской. Станицы расположены по берегу Иртыша; несколько северных из них окружены березовыми дубравами, стоят на черноземном грунте и принадлежат скорее к первой части, чем ко второй; но далее к югу местность принимает характер киргизской степи. Река без притоков, глинистый грунт, однообразный характер трав, впрочем, весьма сытных для скота, составляют характеристические черты этой полосы. По берегам Иртыша тянутся забоки, то есть невысокие леса, состоящие из черемухи, ивы и других подобных деревьев; а над ними возвышаются осыпавшиеся высокие глинистые обрывы, от которых в обе стороны простирается ровная степь, на которой нет никаких лесов. Хлебопашество поддерживается здесь с трудом; в самых средних станицах, вокруг Коряковской, вовсе не существует его, а там, где оно есть, хлебопахотные места

отстоят от станиц иногда на сто верст. Кроме того, вся эта страна страдает совершенным отсутствием вод, так что на пашнях прибегают к искусственному сбережению зимнего снега в продолжении лета. Казаки этой местности не собираются на переселение, и опыты, которые делаются над ними в этом отношении, принимаются ими неохотно: это легко объяснить тем, что впереди р. Иртыша нет мест, которые бы привлекали их хозяйственное внимание.

Наконец, юго-восточная часть заключается в двух линиях станиц — от Убинской станицы чрез город Усть-Каменогорск до речки Нарыл, в южном направлении и от Усть-Каменогорска до города Бийска — в восточном. Станицы находятся среди гор, по преимуществу лесных. Впрочем, обитаемые долины свободны от лесов, покрыты разнообразной травяной растительностью с кустарниками разных пород; густой же строевой лес, заваленный буреломом, с грязной и непроходимой ночью и населением из диких зверей, поднять над этими долинами на несколько тысяч футов, так что станицы окружены местами открытыми и удобными для хлебопашества, скотоводства и путей сообщения, а все неудобства для этих трех статей народного хозяйства, неизбежно соединенные с первобытным лесом, удалены на вершины гор: таким образом, здесь соединены многочисленные хозяйственные условия без ущерба одно другому. Алтайские станицы составляют лучшую часть войска: они далеко лучше других обеспечены в материальном отношении; но так как они находятся внутри Томской губернии, в местности, уже потерявшей свое прежнее значение как пограничной линии, то правительство намерено их выселить в киргизскую степь. В самом же народе, обеспеченном в экономическом отношении самую природою, не высказывается стремление к новой колонизации; только в вершинах р. Иртыш существует желание переселения, и именно в урочище Каинды, которое, впрочем, находится в пределах китайской империи³²⁸. Несмотря на это последнее обстоя-

³²⁸ Хотя долина Бухтармы, нынешнее жилище этих казаков, и сама представляет одну из лучших частей поиска, но стремление казаков к переселению на новую землю легко объясняется теми преимуществами, которые заключаются в девственной, нетронутой почве новой страны, и потому стремление бухтарминских казаков к оставлению своих станиц при виде лучших земель совершенно согласно с законами экономии.

тельство, препятствующее правительству распространить русскую колонизацию до этого урочища, казаки не перестают надеяться, что это позволение когда-нибудь им выйdet. Мы приводим эти сведения о народных желаниях с тем убеждением, что они обратят на себя внимание местного начальства, руководящего русской колонизацией в киргизской степи: только при совершенном знании народных желаний и антипатий оно может привести в соглашение с ними свои предначертания и устранить в народе сопротивление своим благонамеренным планам.

Сибирское казачье войско реформируется в настоящее время, и потому все, что мы будем рассказывать о нем, будет относиться к невозвратному прошедшему; но так как в этом прошедшем скрываются основания настоящей реформы, а притом реформа имеет значение переходной меры, следовательно, с прошедшим еще не все покончено, то рассказ о недавнем прошлом состоянии войска имеет живой интерес.

Главнейшая обязанность сибирских казаков состоит в наблюдении за путями сообщений и вообще в сохранении тишины в киргизской степи. С этою целью из мужского населения войска сформировано 10 полков, которые пополняются не очередным набором, а сплошным поступлением в строй всех юношей девятнадцатилетнего возраста. Двадцать пять лет кряду казак находится в строю, и сверх того еще пять лет назначаются для войсковой службы, т.е. для службы на разных войсковых заведениях, доставляющих войску половину суммы, на которую оно содержится. Таким образом, самая здоровая и сильная часть народонаселения без остатка была отвлекаема от домашнего очага на службу, и полное развитие сельского хозяйства было невозможно. Не легко было положение людей, которые лишены были права на те годы, которые предназначены промыслом к обеспечению заката жизни. Правда, во время службы казаки часто получали возможность работать дома; но эта возможность совершенно зависела от личного произвола ближайших начальников и подвергалась случайностям. Замкнутость учреждения и недостаток гласности скрывали от правительства истинное положение дела. Последнее при подобных условиях обнаруживается осязательным образом только при высшем своем кризисе. К чести правительства, нужно заметить, оно

предупредило литературу и прежде нее обратило внимание на это войско, требовавшее скорейшего исправления³²⁹.

История войска превосходно показывает, как трудно впоследствии исправлять ошибки, сделанные при первоначальной колонизации. Приписавши большую важность Иртышу, правительство при Петре и его преемниках не останавливалось на тонком разборе средств для укрепления этой реки за Россией. Сначала были построены крепости вдоль реки, в которые были поставлены гарнизоны из регулярных войск; для исполнения же разных хозяйственных служб, для перевозки почт, конвоирования и проч. присылались из сибирских городов городские казаки, которые тут и оставались и обзаводились собственным хозяйством. Эти-то военные колонисты и положили начало нынешнему войску. Что их заставляло оставаться на Иртыше, достоверно неизвестно; но можно предположить, что они селились по распоряжению начальства из каких-нибудь выгод, потому что чрез четыре года после основания иртышских крепостей (1721) Сибирский приказ сделал расписание всем городским казакам и служилым в Сибири, и в этом расписании в иртышских крепостях назначалось уже 782 человека, между тем как в 1745 году их было сотней менее. Следовательно, тогда еще не успели пополнить предположенного штата, и расписание было сделано, когда еще при крепостях не могла образоваться добровольная колонизация. Но, может быть, число 782 означало только наряд на временную службу, а не на переселение; может быть, казакам надоедало находиться в постоянном движении и они оставались в крепостях навсегда. Во всяком случае, и то следует назвать недосмотром, что тогда воспользовались этим народом, чтобы

---

³²⁹ В настоящее время, когда одновременно рядом с мыслью о каком бы то ни было преобразовании совершаются и самые реформы, предлагаемая статья, знакомя читателей с Сибирским казачьим войском, несмотря на все ее достоинства, является как бы запоздалою, ибо многие мысли, высказываемые автором, уже осуществились в приказе г-на военного министра от 13 марта 1861 г., № 46 (см. "Официальный отдел, №5 "Военного сборника". С. 19). Вообще должно заметить, что с учреждением Управления иррегулярных войск во всех казачьих войсках, в особенности в последнее время, произведены весьма благодетельные основные изменения как во внутреннем управлении, так и в военном их устройстве.

произвести дешевую колонизацию. Новым колонистам, поселившимся в стране, совершенно необитаемой, не только не прибавили жалованья, как бы это следовало сделать, но они еще меньше получали, чем городовые, приходившие в новые крепости на временную службу. В половине прошлого столетия, следовательно, через двадцать лет после основания крепостей, положение казаков уже было печальное, как это видно из документа, из которого мы сделаем небольшое извлечение. Полковник Павлуцкий, доставляя генералу Киндерману сведения о числе казаков, воспользовался этим случаем, чтобы попросить его о прибавке жалованья казакам. Описавши их многообразные службы, он спрашивает Киндермана, не соизволит ли он “прибавить крепостным казакам³³⁰ жалованья, по крайней мере, хоть сравнять их с городовыми казаками, потому что во внутренних местах в Тобольске, Тюмени, Таре, Томске и других городах, где хлеб и другие харчевые припасы против степных мест дешевле, тамошним служилым производится денежного жалованья в год по 6 руб. 16 $\frac{1}{2}$ коп. и окладного хлебного жалованья ржи и овса почти вдвое против солдатской порции, а верхиртышским казакам провиант дается одинаковой меры, как солдатам, овса совсем не дается, а денежного жалованья дается человеку только по 3 руб. 52 $\frac{1}{2}$ коп. На такое маленькое жалованье, — прибавляет Павлуцкий, — в здешних отдаленных степных местах казаки никак не могут исправиться в своих нуждах, а более всего в покупке лошадей и конского убора, потому что лошади не дешевы, да к тому ж в здешних крепостях от посещения Божия почти ежегодно, особенно летом, бывает немалый упадок лошадей и скота; платье, обувь и харчь также против других внутренних мест значительно дороже, а трудность здешние казаки несут против внутренних городов гораздо значительнее, особенно, где они находятся в беспрестанных конных и пеших посылках, караулах и работах, отчего и лошади их всегда худые; от возки же соли, от частых подвод под разными казенными тяжестями, а особенно от посылки в Зенгорскую землю (откуда за великою дальностью многие лошади от худобы вовсе не возвращаются), здешние казаки приходят в немалые убытки”.

³³⁰ Так назывались тогда казаки, жившие в крепостях Омской, Железинской, Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской.

Из этого видно, что уже тогда войско находилось в незавидном состоянии, и тогда уже были жалобы на неравенство положения.

Из того же документа видно, что в 1745 году крепостных казаков в пяти иртышских крепостях было 653 человека, хотя по расписанию Сибирского приказа их должно было быть 782 человека.

Это раннее расписание можно считать первым штатом войска. Таким образом, оно своим началом совершенно обязано правительству, чем оно резко отличается от прочих казачьих войск, самобытно родившихся. Эта черта отпечатлелась и на всей его последующей истории: во все время его существования правительство без посредства самого народа производило необходимые реформы, требовавшиеся временем. В 1808 году население войска возросло до 11000. Тогда войско было организовано и получило собственную администрацию, которой оно прежде не имело, находясь по частям в ведении комендантов иртышских крепостей. Таким образом, само правительство сплотило его в одну однородную массу.

Правительство имело перед собою пример в западных казачьих войсках, уже сложившихся в стройное учреждение. Разумеется, оно приняло их за образец при организации крепостных казаков, не успевших еще своей самостоятельной историей доработаться до удовлетворительного устройства. Из туземцев были два войсковых атамана: Телятников и Набоков. После отставки последнего местное начальство назначило атаманом гвардейского капитана Броневского; но, опасаясь, впрочем, напрасно возбудить неудовольствие в войске, был разослан по войску лист с именами двух кандидатов: Броневского и другого из туземцев; но оппозиции никакой не было, и как только члены войска узнали о желании начальства видеть Броневского, как все тотчас и подписались под его именем. Так передавал мне один из старых войсковых чиновников. В самом войске смотрели на казачье войско как на исключительно предназначенное к государственной службе, и даже его собственные интересы уважались только по мере, в которой зависела от них исправность в отправлении служебных обязанностей. Телятников, атаман из туземцев, отдал в 1811 году приказ, в котором требовал от начальников, чтоб они не обременяли казаков излишними подводами на том основании, что эта повинность отнимает у казаков время и способы к улучшению хозяйства, а чрез это у начальства

отнимается возможность достигнуть “желаемой цели, клонящейся до усовершенствования исправности по службе”. Таким образом, тогдашнее начальство не иначе позволяло себе заботиться о домашнем благосостоянии казака, как только ссылаясь на интерес, заключавшийся в этом благосостоянии для самой службы. В казаке того времени соединялись колонист и солдат, но тогда смотрели на него, впрочем, более как на солдата, чем на колониста, т. е. его служебные обязанности имели перевес над его домашнею жизнью. Его частное благосостояние было пожертвовано или, по крайней мере, забывается перед нуждами службы. Поэтому и полковые командиры, занятые исключительно военной службой, вместо того чтоб быть представителями власти, органически соединенными с народом, были только надсмотрщиками за исправным исполнением службы, а войсковое правление, вместо того чтоб соединить в себе самые разнообразные заботы о войске, его просвещении, нравственности, промышленности и проч., ограничивалось комиссариатскою деятельностью.

При основании войска, как будто для того, чтоб обеспечить сибирскому народонаселению спокойствие, решено было пожертвовать небольшую часть его, возложить на нее одно охранение пограничной линии и отказать ему в участии во всех других общественных занятиях. Сохранив за казаками оседлость, поземельную собственность и поддерживая семейную жизнь, правительство сохранило в общине казаков элементы всестороннего развития, почему с течением времени стала понемногу оказываться необходимость возвратить этой отрезанной части право на участие в общем развитии народных сил. Нельзя было не основать школ; явились заботы о земледелии и торговле, и, таким образом, постепенно пришли к убеждению, что в казаке следует прежде всего видеть колониста, а потом уже солдата. В таком смысле должна быть произведена позднейшая реформа.

Хотя войско в 1847 году подверглось новому изменению и получило новое положение, но эта реформа более относилась к казенному хозяйству и администрации, чем к установлению права. Этот недостаток штата, составленного в 1847 году и не удовлетворившего новое понятие о казаке, послужил причиною, что, несмотря на краткий срок, прошедший с того времени, правительство вновь

приступило к реформе войска. Хотя она еще не обнародована, но мы думаем, что она будет основана на новых понятиях и согласует интересы собственного благосостояния казака с его служебными обязанностями — словом, будет рассматривать казака как обыкновенного поселенца, обязанного для собственного своего спокойствия сделать уступку в общую пользу, т.е. нести известную долю повинностей, равную со всеми другими членами общества.

Неопытные мыслители полагают, что проще всего уничтожить казачье войско и заменить его регулярными полками, а население обратить в податное состояние. Но против этого делается множество возражений, из которых главное, конечно, то, что главная цель войска — служить материалом для колонизации киргизской степи. Мы сначала рассмотрим второстепенные затруднения.

Между прочим, говорят, что казачье войско дешевле регулярного, но это несправедливо. Прежнее Сибирское казачье войско больше чем на две трети бюджета получало от казны и только менее трети добывало собственными трудами. Если рассмотреть подробнее, то окажется, что при помощи этих двух третей государственных денег можно бы было обойтись и без казачьего войска. Главнейший доход войска состоит в сумме за винный откуп в киргизской степи. Это устроено таким образом: войско получает от казны вино по той цене, по какой стоило оно в выкурке самой казне; войско передает его уже по возвышенной цене другому откупщику и, таким образом, получает от него значительную сумму, которую мы имеем право считать отпускаемой от казны. Вторую по значительности статью дохода составляет экономия от фуражной суммы. Из числа денег, отпускаемых казною на овес для лошадей, остается в остатке та сумма, которую следовало бы употребить на содержание лошадей в продолжении лета и которая не употребляется, потому что казачьи лошади летом овсом не кормятся. Эту сумму казна могла бы и не отпускать; следовательно, ее можно также считать государственным подарком. Кроме того, есть еще несколько сумм, отпускаемых от самой казны, и несколько сумм, в которых казна участвует вместе с самим войском. Из всех их составляется около двух третей всего дохода войска, и только одна треть по своему источнику непосредственно принадлежит самому войску. На эти деньги содержатся постоянно 7000 строевых казаков. Из них еже-

годно высылаются в киргизскую степь для полицейской службы и на пограничную линию для таможенной 3000. Остается 4000 в станицах. С какой стати правительство содержало и кормило эти 4000 человек и 4000 лошадей?³³¹ Итак, по-видимому, на две трети войсковых доходов, т.е. на сумму, получаемую войском для казны, было бы выгоднее содержать 4000 регулярного войска, расположенного в степи, чем на всю сумму войсковых доходов — 7000 человек. Но к исполнению этого проекта представляются большие трудности — вековая привычка к установившемуся порядку как в администрации, так и в жизни самого народа. Вследствие продолжительного употребления на одной и той же службе здешние казаки приобрели навык, который не скоро может быть приобретен новым войском; кроме того, казаки заключают в себе еще то достоинство, что все умеют говорить по-киргизски, кроме одного полка, живущего в Алтайских горах. От беспрестанного пребывания в степи они хорошо ее знают, привыкли к ее однообразным возвышениям и владеют такою же способностью не заблудиться в ней, как и сам киргиз, тогда как солдат в состоянии заблудиться, отошедши на полверсты от большой дороги. Наконец, они такие же наездники, как кочевые киргизы, и, живя в постоянных сношениях с ними, хорошо знакомы с их обычаями и всеми военными хитростями.

Для собственно военных операций в степи в казачьем войске есть также достоинства, а именно: отсутствие регулярности, совершенно не нужной в степных военных действиях. Казачий поход в степи — чрезвычайно оригинальное явление. Это не кавалерийский отряд, у которого все необходимое навьючено на тех же лошадях, на которых едут люди, и только одна фура едет сзади; напротив, за казачьим отрядом тянется огромный обоз. Впереди обыкновенно едет толпа казаков на строевых лошадях. Все они одеты в собственное платье, в халаты, замшевые шаровары и разнообразные картузы. Все казенное платье и амуниция везутся в возах. На некоторых только казаках видны ружья; по большей же части они надевают на себя только пистолеты, привешивая их на спине посредством шнура. Казенный кожаный патронташ также лежит в возу; а казаки имеют при себе войлочные сумочки с ограниченным

---

³³¹ Ныне это все уже изменено. Т. XIX. Отд. II.

количеством патронов. Из толпы торчат несколько палок; но это не пики, которые казаки не любят, а укрюки, которыми ловят лошадей в табуне. Другая половина казаков сидит на возах в обозе, который бывает очень длинен, потому что на каждых двух казаков полагается по телеге³³². Как телега, так и лошади, на которых они везутся, есть собственность казаков. В этих телегах казаки везут казенное оружие, одежду и сухари. Тут же у них лежат мешок пшеничных сухарей, без которых ни одна казачка не отпустит своего мужа в отряд, мешок провеслой говядины, овес для своей лошади, называемой вакатной, в отличие от строевой, шуба, чайник, котелок, мусы, т.е. треножник для подвешивания котелка и чайника, седло и проч.; кроме того, ящик с бельем на целый год и курджуны — род чемодана, заимствованный у киргизов, в котором хранятся мыло, дратва, шило, сумочка с иглами, нитками, кожаным наперстком, вар и другие швейные принадлежности. Этот чемодан так устроен, что он удобно перекидывается через спину лошади, и потому, когда нужно идти в летучий отряд, мелочь из курджунов высыпается, и вместо нее обе половинки курджунов наполняются сухарями. Рядом с возами тащится множество собак, которые питаются около отряда.

На ночь обоз останавливается и ставит свои телеги четвероугольником, который называется кареей; подле телег зажигаются огни, над которыми на треножниках развешиваются чайники и котлы. Пищу казаков, во время похода составляет чай с пшеничными сухарями, потом ужин из одних щей да на другой день опять чай, и только. Таким образом, казаки совершают свои походы с большим комфортом, и, разумеется, существующий порядок заключает в себе хорошее условие для здоровья³³³. Беспрестанно перемежая походную жизнь, семейный казак не может оставить на время до-

---

³³² Соединять в одну лошадь более двух человек запрещено с целью увеличить в степных местах число свободных лошадей, чтобы тем облегчить подвозку сена, дров и леса для постройки на пикетах; но едва ли цель достигается, потому что вместе с увеличением средств у отрядных начальников возрастает охота производить на пикетах новые постройки.

³³³ Впрочем, подобным образом делаются только переходы отрядов с линии на пункты годичной службы в киргизской степи; но набеги на неприязненные аулы делаются с большим порядком и почти при полной амуниции.

машине привычки и превратиться в регулярного солдата. В походе он наполовину остается промышленником, заботящимся об оставшемся на линии семействе; живя в степи, на каком-нибудь пикете, он завязывает сношения с окрестными киргизами, торгует с ними на разную железную мелочь, выделывает овчины, шьет конские сбруи и прочее.

В казаках нет педантической привязанности к уставу.

Это простое, несложное устройство войска, не требующее больших комиссариатских учреждений, составляет главную выгоду, которая исчезает с уничтожением казачьего войска. Разумеется, лучше всего было бы до поры удержать это учреждение, приведя в равновесие его собственные потребности с государственными обязанностями и гарантируя это равновесие способами более прочными, чем какие существовали до настоящего времени. Тогда можно избежать тех неудобств, которые были бы сопряжены с коронной реформой как для местного начальства, так для самого населения войска. Казаки, несмотря на все неудобства нынешнего положения, боятся променять его на крестьянский быт, в котором их особенно пугает рекрутчина. Еще более заинтересованы в существовании войска казачьи офицеры. Офицеры в казачьем войске двух родов: большая часть — туземцы, гораздо менее значительная — переведенные в войска из армии. Права их неодинаковы. Офицер-туземец принадлежит со всем своим потомством к своему сословию; он обязан служить известное число лет, именно двадцать пять, и нигде, как в своем войске, поэтому он не может ни выйти ранее срока в отставку, ни перейти на другую службу. Жалованье его менее жалованья армейского офицера; кроме того, казачий офицер не имеет права на пенсию после службы. Правда, всякий казачий офицер имеет право на владение двухстами десятинами земли; но так как земли в Сибири еще не достигли стоимости, необходимой для содержания офицера, то, кроме маленького своего жалованья, офицеры никаких средств к существованию не имели.

Положение офицеров самое несовершенное, и потому при новой ныне совершаемой реформе на них обращено особое внимание правительства. Вообще, казачьи офицеры бедны и малообразованны — бедны, потому что бессменное нахождение на службе в продолжении двадцатипятилетнего срока еще менее позволяло им

занияться хозяйством, чем простым казакам, жалованья же их было недостаточно для удовлетворения первых потребностей; малообразованны, потому что все получают одно только военное образование в Сибирском кадетском корпусе, так что самые высшие должности в войске занимаются офицерами с таким же небольшим образованием, как и самые низшие. Это-то, кажется, и было причиною, что в войско принуждены были допустить армейских офицеров и даже покровительствовать; но эта мера мало принесла пользы, потому что в такую отдаленную провинцию образованные офицеры не ехали, а ехали люди с таким же образованием, как и казачьи офицеры, даже много было хуже. Теперь, кажется, будет сделано так, чтоб сами туземцы могли получать разнообразное образование в сибирских гимназиях, университетах и других ученых заведениях европейской России и сами могли замещать высшие и специальные должности. До настоящего времени некоторые должности были совершенно недоступны для туземных казачьих офицеров; так, например, должности наказного атамана, бригадных командиров и дежурного штаб-офицера должны быть занимаемы непременно офицерами из армии; таким образом, карьера казачьего офицера останавливалась на должности полкового командира.

Конечно, казачьи офицеры могли бы сами продолжать свое воспитание, но это сопряжено для них с большими затруднениями, потому что каждый казак при наступлении совершеннолетия должен уже служить, так и по общей их бедности. Примеров бедности можно бы было указать множество; но достаточно сказать, что, несмотря на звание кавалеристов, почти все казачьи офицеры не имели до настоящего времени собственных лошадей и все походы в киргизской степи делали на строевых лошадях.

Ожидание увеличения жалованья основано на такой вере в его законность, в его справедливость, что превратилось в постоянное ожидание, сделалось чем-то вроде обетования³³⁴.

Кстати, здесь мы скажем несколько слов и о материальном, и нравственном благосостоянии простых казаков. Общее народное мнение, что прежде было лучше, чем теперь, не доказывает, что в

---

³³⁴ Ожидания эти осуществились, и 1 января нынешнего года жалованье казаков уравнино с армейскою кавалериею.

старину действительно было лучше; но это мнение свидетельствует, что народ желает чего-то лучшего. Не веря в лучшее будущее, не имея идеи о прогрессе человеческого общества, народ ищет идеалов в своем прошедшем, из которого он сохранил в воспоминании только лучшие минуты, как это вообще бывает с нашими воспоминаниями.

Кзакаков упрекают в лени, и мы не назовем этого упрека несправедливым: болезнь эта существует в войске. Но лень, где она есть общее народное свойство, рождается вследствие общих причин, заключающихся в исторической судьбе и внутреннем устройстве общества.

Укоренившееся дурное мнение о нравственности казаков, может быть, также имеет справедливое основание, но и его следует извинить. Весьма интересны отношения казаков к киргизам, в которых они не признают прав ни личности, ни собственности, пользуясь перед ними правом сильного с полным и искренним простодушием.

Кража баранов из киргизских аулов во время пикетной жизни не считается у казаков преступлением. Это обыкновение они переняли у самих киргизов, и оно свидетельствует о молодечестве как тех, так и у других. Это достоинство, однако ж, слишком условно и, несмотря на свою поэтическую сторону, должно исчезнуть к чести человечества. На этом поприще казаки достигают артистического искусства. Вот один рассказ, может быть, создание народной фантазии, но который есть не более как немного преувеличенное представление казачьей изобретательности. На одном пикете казак пригласил товарищей поехать ночью в киргизский аул, в котором он видел теленка, привязанного к юрте. Когда казаки подъехали к аулу, зачинщик этого дела слез с лошади, сходил в аул и привел теленка. Не удовольствовавшись этим, он просил товарищей подождать еще немного, пока он сходит в юрту и украдет седло, которое он видел там утром. Кое-как уговорил он их и пошел в аул. У дверей юрты снаружи спал киргиз на белом войлоке. Казак успел, не задевши его, проскользнуть в дверь, ушарил седло и вынес его благополучно к товарищам. "Постойте еще, ребята, — сказал он им, передавая седло. — У седла потники худые, а у дверей спит киргиз и под ним такой богатый, белый как снег войлок: славные потники выйдут!" Но согласиться было безрассудно, и казак остался один. Он, однако ж, не оставил своего намерения,

подъехал к спавшему киргизу, прорезал на войлоке дыру, за которую привязал волосяную веревку, другой конец ее взял в руки, настегал лошадь и потом вдруг пустил ее; киргиз слетел с войлока в сторону, и когда опомнился, ничего уже не было ни видно, ни слышно. Впрочем, эти проделки основаны единственно на удалстве, на жажде подвига, а не на ненависти к киргизам; часто даже они участвуют в этих проделках со своими знакомыми киргизами.

Войско находится вне влияния всех министерств, кроме Военного. Поэтому все предметы, которыми заняты остальные министерства относительно всего государства, в войске должны сосредоточиться в войсковом правлении. Но до настоящего времени это управление ограничивалось весьма тесным кругом действий обыкновенной комиссариатской комиссии и не могло много уделять на школы ни денег, ни времени: вся его деятельность по народному просвещению ограничивалась в ежегодном отпуске 136 руб. сереб. на все шестьдесят школ и в ежегодном осмотре их самим председателем управления; особенного штата для наблюдения за ними не существовало, и потому заботы о школах терялись во множестве других административных забот начальства.

На сумму, которая отпускалась в год на все школы войска, невозможно было приобрести, сколько нужно, писчих материалов, не говоря уже о книгах и других учебных пособиях. Ближайшими начальниками школ, на которых возложено было улучшение их, были полковые командиры, которые, будучи исправными офицерами, могли быть совершенно несведущими в деле воспитания. Все их внимание часто обращалось только на чистоту в классах, в одежде, в тетрадках; один из них даже отдал приказание, чтоб в школы выбирали только красивых мальчиков. “А то понаберут такую дрянь — корявых, паршивых, что инспектору во время ревизии дурно становится”, — говорил он.

Школы ревизуются в год раз наказным атаманом и несколько раз в году офицерами, посылаемыми от бригадных командиров. Как те, так и другие ревизии ровно ни к чему не вели, особенно последние. Офицер, назначенный для осмотра школ, объезжал бригаду, заходил в школы, чтоб спросить двух, трех мальчиков, отбирал от учителей списки учеников и, возвратившись в бригадный штаб, выставлял в списках фантастические баллы, местами

набавляя против учительских баллов, местами убавляя, и сдавал эти списки в бригадную канцелярию. Иногда случалось, что молодой офицер сделает некоторые практические заметки и выскажет в донесении свое мнение о мерах к улучшению школ, но это всегда оставалось без последствий, потому что в канцеляриях уже привыкли к бесплодности этих отчетов, и никто никогда не читал их.

При проезде наказного атамана школы ревизуются немногим лучше. Два адъютанта его посещают каждую школу и экзаменуют в ней мальчиков: таким образом, экзамены зависят от воззрения на науку этих офицеров, вовсе не приготовленных специально к этому. Оттого и случаются такие анекдоты: один адъютант, который был помоложе, заставил мальчика склонять какое-то личное местоимение, другой, постарше, заметил ему: “Ну зачем вы такие премудрости от него требуете, ведь он не в офицеры готовится: он весь век будет казаком. Для него достаточно, если он вам ответит, сколько частей речи или что-нибудь в этом роде, с него и этого будет”.

Кроме того, сотенные командиры также имели до настоящего времени некоторое влияние на школы. Хотя с них и не взыскивали никогда за исправность школ, но они считали своею обязанностью хоть изредка обращать на них свое внимание. Но иногда очень забавно проявлялась эта начальническая заботливость о том, чтоб вверенная команда во всех частях была исправна. Офицер, нередко произведенный из нижних чинов, позади дворов обходит школу и вдруг является среди комнаты, в которой мальчики играют в чехарду. “А, так вы так-то твердите уроки!” — кричит он и тут же расправляется с ними. Он думает, что хоть и не может проникнуть в сущность школьного преподавания, так, по крайней мере, пусть знают, что я строгий начальник и во все вникаю: все ж таки испугаются и станут учиться.

Несмотря на такую многочисленность ревизий, пользы от них было мало. Теперь войско реформируется: вместо полковых командиров будут гражданские окружные начальники, вместо сотенных командиров ближайшее наблюдение за школами примут станичные начальники; но от этого дело не переменится, потому что при назначении чиновников в должности окружных и станичных начальников по-прежнему нельзя будет соображаться с их педагогическими способностями, да и при том, если на них возложить

педагогические обязанности, то заботы о школах опять потеряются в куче других разнообразных служебных занятий. Необходимо учредить в войске особенный штат для заведывания школами, который бы состоял при войсковом правлении и ревизовал школы во время инспекторского смотра, подобно тому, как войсковой доктор ревизует лазареты. Ревизоры должны быть непременно с университетским воспитанием.

В настоящее время в войске считается шестьдесят школ; число мальчиков в каждой ограничено двадцатью. Не предстоит никаких затруднений совершенно уничтожить эти ограничения. Можно бы сделать в каждой станице школу, по крайней мере, школу чтения и письма и притом с неограниченным числом учащихся; мало того, можно бы обязать родителей непременно отдавать всех детей в учение. На каждые пять таких школ грамотности можно учредить вроде приходской и, наконец, в каждом округе — окружное училище, которое бы соответствовало уездному училищу. Отсюда дети могли бы поступать в сибирские гимназии.

До настоящего времени в войске, кроме сотенных школ, не было никаких высших учебных заведений, так что дети казачьих офицеров воспитывались в Сибирском кадетском корпусе, а для снабжения сотенных школ учителями несколько мальчиков воспитывается при Омской военной школе. В кадетском корпусе офицеры получали специальное военное образование. Новая реформа войска требует от офицеров больших юридических знаний, которые они могут приобрести только в университетах, и, вероятно, при некоторых из них будут основаны на счет войска стипендии³³⁵.

Образ преподавания в школах оставался до сих пор дедовский. Приведенный нами пример ревизии показывает, что цель народного образования еще не осознана, что даже в них не старались дать чисто практические знания; нечего уже говорить о распространении гуманности, о рассеянии общественных предрассудков. Учение науку подтверждает это.

---

³³⁵ Для сибирских юношей на казенный счет учреждены стипендии только при одном Казанском университете. Мы бы желали, чтоб для войсковых юношей не ограничивались одним Казанским университетом, но также учредили бы стипендии и при Петербургском и Московском университетах для разнообразия направлений.

Множество несовершенств делало воспитание в школах почти бесполезным и даже вредным. Учителями сотенных школ были урядники, которые по недостаточности своего жалованья не могли исправно посещать школ. В эти часы мальчишки, собравшиеся в школе, шалили. Если б они оставались на это время дома, им все-таки нашли бы занятие; школы же приучали их к праздности, а эта беспрестанная праздность притупляла их способности. Мы, впрочем, слышали, что учителям предположено давать по пятидесяти рублей в год.

Другая причина притупления способностей мальчишек есть учение наизусть. Арифметика, грамматика, закон Божий до сих пор учатся по вопросам. В любую школу войдите, разверните краткую священную историю Филарета и спросите: “В ком сие видно”? — и вам немедленно ответят: “В братьях Иакове и Исаве”. Отвечающий мальчик новее не нуждается в предыдущей мысли.

Грамоте мальчишки учатся по таблицам, которые бы должно давно сжечь. По ним мальчишек наставляют выучивать такие слоги, каких вовсе нет в русском языке. Азбуке мальчишки учатся по несколько лет. Упражнение в сочинении не было введено до настоящего времени. Вместо преподаваемых ныне наук, не удовлетворяющих духовным потребностям учащихся, в школах должна быть введена новая программа, более согласная с духом нашего времени и с гуманными началами воспитания.

Школы очень бедны учебными материалами. Две стопы бумаги, которые присылались из войскового правления для школы, обыкновенно наполовину удерживались станичным начальником для своей канцелярии, наполовину распродавались учителем казакам на письма. Школа оставалась без бумаги, и мальчишки должны были сами доставать бумагу, перья и карандаши. Две-три аспидные доски в буграх и ямах, с какой-то маслянистой поверхностью, по которой не пишет грифель, один карандаш и один перочинный ножик на всю школу. О книгах и говорить нечего. Кроме каких-то старых арифметик да грамматик, ничего нет. Детская и учебная литература последних двух десятилетий как будто не существовала для этих школ; ни в одной из них нет даже русской хрестоматии. А между тем чтение — лучшее лекарство от учения наизусть; без него совершенно невозможно развитие умственных способностей.

Поэтому мы советуем снабдить школы возможно большим количеством общедоступно изложенных сочинений по естественным наукам, путешествиям, русской и всеобщей истории, а также глобусами и картами, и книги раздавать для чтения на дом.

Улучшение школ будет иметь сильное влияние на возвышение уровня народной нравственности, на которую прежде мало обращали внимания и если старались об искоренении преступлений, то единственно карательными мерами; но то время миновало, и теперь всякий согласится, что меры к ослаблению безнравственности и невежества должны вытеснить с первого плана меры к удешевлению и упрощению седельных приборов. К сожалению, общество казачьих офицеров, это передовое поколение войска, не заявило до настоящего времени сочувствия к делу народного просвещения; оно не сделало никаких жертвований, никаких усилий, по крайней мере, хоть к улучшению существующих школ. Мы думаем, что офицерам следовало бы более, чем кому другому, принять живое участие в этом вопросе; они могли бы даже составить общество распространения грамотности в войске, обязанность которого состояла бы в снабжении сельских школ учебными книгами, изобретении средств к их улучшению, наконец, в основании сельских библиотек. Мы бы никак не хотели допустить, чтоб у казачьих офицеров был один только живой вопрос о прибавке их собственного жалованья. На них лежит прямая обязанность заботы о народе, к которому они принадлежат по своему происхождению; они должны заняться исследованием экономического состояния народа и помогать правительственной реформе. Была бы очень прискорбная репутация для народа, если б люди, выходящие из него, получив образование, отказывались от родства с ним.

Итак, новая реформа должна состоять, во-первых, в уничтожении бесполезных занятий в полках и в оставлении одной степной службы; во-вторых, в улучшении быта казачьих офицеров и, в-третьих, в улучшении школ. Первая потребность хорошо удовлетворяется переводом казаков с казенного содержания на собственное; таким образом, уничтожается войсковая служба, на которой каждый казак должен прослужить пять лет; уничтожаются войсковые заведения, как-то: суконная фабрика и кожевенные заводы, которые так же мало приносили пользы, как все казенные фабрики;

наконец, уничтожается военное управление, которому были подвергнуты вместе с казаками женщины. Положение казачьих офицеров может быть улучшено предоставлением им полного права выбора или денежного жалованья наравне с другими армейскими офицерами или уменьшенного, т. е. нынешнего жалованья, и владения двумястами десятинами³³⁶. Школы и вообще образование в войске могут быть не иначе улучшены, как значительным ежегодным отпуском денег из войсковых сумм.

Одну из обязанностей войска, как мы сказали, составляет колонизация киргизской степи. Мы не можем сказать, отличается ли войско особенными колонизаторскими способностями; мы говорили уже, что некоторые из них имеют желание на переселение, но другие, напротив, с неохотой оставляют свою родину. Во всяком случае, колонизация киргизской степи не должна быть исключительно военно-поселенной, а рядом с последней должна идти и свободная колонизация, что удвоило бы наши успехи в Средней Азии.

Перечень наших колоний в киргизской степи лучше всего дает понятие о теперешних наших успехах в колонизации. Мы, впрочем, ограничимся одною восточною частию степи, известною под официальным названием Семипалатинской области. Северные границы этой области лежат несколько севернее Иртыша; на западе она ограничивается меридианом восточного берега озера Балхаш, на востоке — китайской границей, а на юге — хребтом Кунгыалатау. На этом обширном пространстве, до 1000 верст в длину и до 300 в ширину, находится только шесть русских селений, исключительно состоящих из казаков; в остальном пространстве кочует около 250 000 киргизов.

В 300 верстах от Семипалатинска, прямо на юг, находится колония Аягуз. Возле станицы течет небольшая речка, берега которой сопровождаются узкой лентой невысокого леса, состоящего из ив и тополей; кроме этого леса, во всей окрестности колонии нет другого источника топлива. Жилища колонистов состоят из мазанок, выбеленных снаружи, но низких, тесных и грязных внутри; во

---

³³⁶ Выше было сказано, что по новому положению жалованье увеличено и, сверх того, казачий офицер получит поземельный участок, чрез что быт его жизни улучшится.

всей станице один только деревянный дом. В двухстах верстах от Усть-Каменогорска, также прямо на юге, находится другая колония — Кокбекты. Она состоит из трехсот домов. Вблизи находится небольшой строевой сосновый лес, но хлебопашество так неудовлетворительно, что станица не в состоянии доставлять его для своего собственного пропитания и снабжается хлебом киргизами, занимающимися земледелием при подошве Тарбагатайского хребта. Жители станицы стараются поддержать домашнюю экономию контрабандной торговлей рыбой, которая прежде составляла для них значительный предмет сбыта и которая ныне запрещена для устранения конкуренции торговле войсковой рыбой. В ста верстах от Аягуза на восток находится недавно основанная Урджарская станица; она также состоит из нескольких сот домов. Она расположена у такой же горной речки, как и Аягузская колония; но ущелья Тарбагатая, при южной подошве которого она находится, вероятно, снабжают ее хорошим хвойным строевым лесом. В четырехстах верстах от Аягуза, при подошве снежного хребта Алатау, в замкнутой со всех сторон долине Джункэ находится колония Копал; в ней около семисот домов; часть их принадлежит татарам и ташкентцам; лес для построек и дров достается с гор верстах в двадцати от колонии, но с большими затруднениями; бревна свозятся с гор посредством вьючки на лошадей, а не на колесах; в станице недостаток леса ощутителен; заборы у многих домов сделаны из дерна; дома бедны службами. Хлебопашество здесь усвоилось: по речке Копалке настроено до сорока небольших мельниц; на тридцать верст к югу и на десять к северу от станицы расположены пашни, засеянные степными пшеницами и искусственно орошаемые. Хлеб, впрочем, находит единственный сбыт в продаже его в казенные провиантские магазины; торговый путь между китайским городом Кульджой и русским городом Семипалатинском, идущий мимо колонии, не оказывает никакого влияния на ее сельскую промышленность, потому что перевозка товаров производится на вьючных верблюдах; с киргизами же, кочующими в окрестностях колонии, колонисты не имеют больших торговых сношений.

На середине между Копалом и Урджарской станицей находится Лепсинская станица, также многочисленная. Об ее экономических условиях нам ничего неизвестно. Наконец, в трехстах верстах от

Копала на юг, за рекой Илей, у подошвы снежного хребта Кунгы-алатау, находится последняя и самая южная колония — Алматинская. Она еще больше всех предыдущих; в ущельях хребта растет хороший еловый лес, а также клен, урюк, яблоня и другие невысокие деревья. Без сомнения, культура последних трех колоний может принять обширные размеры, но только при более свободном состоянии колонии. В настоящее же время все эти колонии состоят из казаков, не имеющих времени правильно заниматься хозяйством.

Вот все наши колонии в восточной части киргизской степи. Три из них — Аягуз, Кокбекты и Копал — названы городами и имеют городничих; но они скорее большие села, чем города. Из этого обзора видно, как все они велики и какими огромными расстояниями отделяются друг от друга. Большая населенность их представляет затруднения для хлебопашества. Население стремится или рассеяться по окрестностям, представляющим удобства для земледелия, или обратиться в промышленное село; но для степных колоний ни тот, ни другой выход невозможен: отсаживать от себя новые колонии они не имеют права, а заняться ремеслом не для кого. Ремесленное село или город должны поддерживаться большим сельским земледельческим округом, который бы потреблял его произведения; между тем колонии окружены кочевыми киргизами, не нуждающимися в русских ремесленных произведениях, а от других земледельческих колоний они отделены большими пространствами. Таким образом, эти степные колонии остаются уединенными поселениями без полезного разделения труда, с неудобствами для земледелия от большого скучения народа.

Киргизская степь вовсе не такая опасная страна, как Алжирия, чтоб здесь была надобность земледельческой колонизации предпосылать военную. Может быть, первые годы колонии и пройдут в некоторой тревоге от степных воришек; но от них и обыкновенные колонисты могли бы защититься. Положение наших первых колонистов в киргизской степи ничем не опаснее положения английских колонистов в Новой Голландии; но там колонисты предоставлены собственному своему благоусмотрению, не стеснены в выборе места, в праве принимать в свою среду каких бы то ни было новых колонистов: оттого колонизация не делает там прыжков по несколько сот верст, а продвигается вперед плотным потоком, в двадцать лет

превращающим занятые земли в области густонаселенные, изрезанные дорогами, оживленные внутренней и внешней торговлей. Разумеется, невозможно допустить вполне свободной колонизации: необходимо ограничить ее известными местностями, чтоб русская колонизация не стеснила кочующих киргизов. Но раз определив места под колонии, можно было бы допустить сибирскому населению свободу наполнения их. В сибирском народонаселении есть много охоты к колонизации, которую оно продолжает внутри у себя, в Алтах и в Кулундинской степи. Такая колонизация пошла бы и быстро и прочно, если б только ей позволили принять направление, какое она сама изберет. Можно даже предугадать, каким путем пошла бы она: прежде всего она заняла бы подошвы и ущелья гор Калбинских, Тарбагатайских и Алатау, так что обложила бы плотным населением восточную границу киргизской степи.

Гр. Потанин

Военный сборник. СПб., 1861. Т. 19. № 5. С. 3–32.

Заметка о хлебопашестве в киргизской степи

До настоящего времени господствовало убеждение, что киргизская степь совершенно не способна для развития земледелия, что на ней может с успехом развиваться исключительно одно скотоводство; это общее мнение вызвало поощрение со стороны правительства киргизскому скотоводству; степь была разделена на две неравные части. Степь Оренбургского ведомства и западная половина степи Сибирского ведомства предназначены были к исключительному развитию скотоводства; каждое лето при приказах (т. е. окружных управлениях киргизов) устраивались скачки, на которых раздавались призы; напротив, киргизское земледелие считалось опасным соперником для земледелия наших пограничных крестьян, и потому придумывались меры ослабить стремление киргизов к земледелию. Только в восточной половине степи Сибирского ведомства, в которой и теперь уже более половины кочевого населения занимается земледелием, последнему предоставлялось свободное развитие.

Теперь очень мало остается поборников этой политики. Хотя нельзя назвать степь страной, благоприятной для земледелия, но все же нельзя и отказать ей совершенно в условиях, необходимых для земледелия; большая часть территории бесплодна, но нет почти местности, где бы ни нашлось оазиса для пашен, и удобных хлебопахотных мест легко хватит для всего нынешнего населения степи. Что киргизский народ не предназначен исключительно к пастушеской культуре, это видно уже и из того, что он сам, без внешних побуждений, взялся за силу и с успехом упражняется в возделывании земли во многих отдельных местностях. Интересно было бы получить статистические сведения о всех распахиваемых в степи землях и о количестве засеваемого хлеба; мы же в состоянии только привести краткий перечень местностей, в которых находят-

ся пашни. Обширные пашни существуют в речном бассейне Тургая, в центральной части степи; недалеко к востоку от этой местности, возле озера Кургальджина, лежит другой значительный оазис киргизских пашен; отсюда до Иртыша, кажется, нигде нет земледелия; но по левому берегу Иртыша, от станицы Лебязьей, снова начинаются пашни и продолжаютя до Калбинских гор. От Калбинских гор на юг, при подошве Тарбагатая и Алатау, идет ряд почти непрерывных пашен; в Семиреченском крае я сам был на пяти оазисах: на реке Каратале, на реке Биджи, подле горы Карачеку, в урочище Конурлень и при подошве Кунгыалатау. Итак, только значительный промежуток между Иртышом и вершиной Ишима лишен распаханых мест, но об нем нельзя сказать, чтоб он был совершенно не способен для земледелия. Прежде, в 1830 году, в этом пространстве, именно в горах Кокон, были пашни какого-то богатого киргиза. Еще глубже в степи, в горах Темирчи, были в прошлом столетии пашни калмыков. Нужно заметить еще, что все эти пашни, как в Семиреченском крае и на Иртыше, так, кажется, и на Турае и Кургальджине, были разработаны только после появления русских на Иртыше; этот прогресс достаточно свидетельствует о том, что земледелие есть насущная потребность киргизского народа. Тем более заслуживает сожаления то обстоятельство, что мы мало способствовали облегчению усилий киргизского народа в этом деле. Русская культура имела влияние только на левом берегу Иртыша, здесь киргизы употребляют русские сохи и серпы, и вообще все земледелие производится на русский лад. На холодных возвышенностях Калбинских гор киргизы сеют ячмень, который нигде больше в степи не входит в число посевных хлебов, — это такая единственная местность, где киргизы косят сено. Но в остальных местностях киргизской степи земледельческая культура заимствована из Кокана, и потому соха, серп, борона — все это крайне несовершенно: вместо бороны служит связанный ворох хвороста; мельницы чрезвычайно малы³³⁷ да и редки и принадлежат

---

³³⁷ Мельницы на Каратале и Коксе все с вертикальной бабой; некоторые до того малы, что прикрыты одним куском войлока, у других сбит из глины сарайчик; первые смальывают в день три капа (армячных мешка), последние — 8 капов (в капе до 5 пудов).

большую частью коканцам, живущим в степи. Эти мельники не мелют киргизский хлеб за плату, но скупают его и потом, смолов, снова продают киргизам уже в виде муки; а так как мельники распродают скупленный хлеб только в такое время, когда у киргизов выйдут последние запасы, то цена за помол делается совершенно несообразною.

Чтобы вознаградить сделанное упущение, следовало бы в настоящее время под покровительство правительства поставить не одно скотоводство, но и земледелие, облегчить ввоз железа в степь и устранить монополию мельников. Как степь нуждается в железе, видно из того, что весь железный лом, какой бывает у казаков на Иртыше: источенные ножи, изломанные топоры — все это идет в степь и там перековывается. Кстати, заметим, отчего бы нашим уральским железозаводчикам не готовить таких орудий, какие употребляются в степи, именно чот и тесе. Ведь известное количество уральского железа идет в степь и там перековывается; если б оно прямо отковывалось в чоты и тесе, оно шло бы в еще большем количестве.

Г. П.

Газета для сельских хозяев. 1861. № 18. 1 ноября.

[Летописный рассказ о гибели Ермакова отряда]

Эта песня напоминает летописный рассказ о гибели Ермакова отряда. Вот как он рассказывается в Новолетописце, рукописи, находящейся в Румянцовском музее, №364: “О убиении атамана Ермака и казаков и о помете Сибири. Прииде весть к воеводе и Ермаку, что идут в Сибирь с торгом бухарцы. Ермак же, взяв с собою атамана Кольца и казаков полтора ста человек и поиде против бухарцев к реке Вохаю, и не дошед реки, ста ночевати в долине и начаша спати, и ни единого стражи у них не бяше. Кучюм же царь прииде и виде их на острове. Татарин же у того царя Кучюма бяше в вине, и посла его царь Кучюм в реку: отведасть мне, рече, в реке броду, и буде отведаешь, и я тебя от казни пожалую. Татарин же реку перебрел и виде их спящих, и пришед, поведа то царю Кучюму. Он же ему не поверя, и посла его в другия и повели у них что взяти. Татарин же поиде в другия, и пришед, взял у казаков три пищали, да три вязни, и принесе Кучюму. Царь же Кучюм перебрел реку, Ермака и казаков на том острове всех побил”.

Издаlechа, далеча, из чиста поля,
Из того-то, было, поля, из широкого,
Из-за матушки зеленою дубравушки,
Огонечек-то горит разъяснешенек,
Дымочек-то валит син, тонешенек;
Подле этого огня лежит послан ковричек,
Что на этом, на персидском шитом браном ковричке,
Заражен лежит добрый молодец,
Припекает, прижигает свои больны раночки,
Сам ко раночкам, добрый молодец, приговаривает:
“Не ружейные-то меня раночки изранили,
Издолили-то меня раночки копейные”.

Эй ты поле, поле, поле чистое,
Ничего же поле не спородило!
Спородило поле часть ракивов куст.
Что под кустичком под ракивовым
Была послана черна бурочка.
Что на бурке лежал молодой казак,
Молодой казак, полковой сержант,
Он не так-то лежал — крепко раненый,
Острой шашечкой весь изрубленный.
В головах-то его остра шашечка,
Во ногах-то стоял его добрый конь.
Спомирать казак стал, коню наказывал:
“Ты, конь, ты мой конь, конь, товарищ мой!
Ты беги, конь, в землю русскую,
В землю русскую, во сибирскую,
На родну сторону, на Иртыш-реку.
Отвези-ка письмо родному батюшке,
Осударыне родной матушке;
Молодой-то жене на словах скажи,
Как женился я на чужой стороне,
Обвенчался казак кровью алою.

Молодой-то казак коня спасал,
Коня спасал, ковьель-травку рвал,
Ковьель-травоньку рвал, огонечек клал,
Огонечек клал, прираскладывал,
Свои раночки приразвязывал,
Сам ко раночкам приговаривал:
“Ах вы раны, мои раны, претяжелые,
Тяжелым тяжелы, ко сердцу пришли!”
Перед смертью казак коню наказывал:
“Ах ты конь, ты мой конь, конь вороненький,
Изломай-ка конь прикол дубовенький,
Изорви чумбур шелковенький,
Ты беги, мой конь, по дорожке вдоль,
По дорожке вдоль ко батюшке в дом.
Ах ты батюшка, отворяй ворота!
Родна мамонька, встречай моего коня!”

Молодая жена вышла, спрашивала:
“Ах ты конь, ты мой конь, где хозяин твой?”
— Мой хозяин в зеленых лугах,
Он убит, лежит крепко раненый,
Острой шашечкой весь изрубленный.

Туманы вы мои, туманчики синеморские,
Не подняться вам, туманы, прочь от синя моря,
Не отстать тоске, кручинушке от ретива сердца.

Мне ночесь, вечер красной девице мало ночка спалась,
Мне привиделся, пригрезился чужестрашен сон во сне.
На степи, степи саратовской, в азиатской стороне,
Тут убит лежит добрый молодец за напраслину, за таку,
Он буйной своей головушкой во ракивов частой куст,
Резвые ноженьки у доброго молодца ко дороженьке ко пути,
Белые рученьки у доброго молодца на размет лежат,
Сквозь ребрышек, суставчиков трава муравая проросла,
Из ясных очей у доброго молодца речки быстры протекли,
Сквозь ретивое сердечушко змея лютая проползла.

Не туманы с моря подымались,
Подымались гуси, лебеди,
Гуси, лебеди, утки серые.
Наперед летит млад-ясен сокол,
Во когтях несет шашку острую,
Шашку острую, подпущенную:
Позади летит млад сизой орел,
Во когтях несет тело белое,
Тело белое, молодецкое,
Молодецкое с могучим плечом,
С могучим плечом, с белой рученькой,
С белой рученькой, со мизинчиком.
На мизинчике золотой перстень,
Золотой перстень о трех ставочках,
Перва ставочка во пятьсот рублей,
Втора ставочка в восемьсот рублей,

Третья ставочка ровно в тысячу.
Самому перстню цены нету-ка;
Что под тем перстнем подпись есть:
Родну батюшке низкий поклон,
Родной мамоньке челобитьице,
Малым детушкам благословеньице,
Молодой жене своя волюшка.
Из Расеюшки пролегала в Сибирь дороженька,
Шириной-то она не широкая,
Долиной-то дороженьке конца краю нет,
Что никто-то по ней не прохаживал,
Никто следичку не прокладывал.
Тут шли, прошли два полковничка,
За собой провели два полка казак.
Веселы-то полки, весьма радостны,
Золоты-то знамена прираспущены,
Впереди трубачи во трубы гудят,
Как казаченьки во строю стоят.
Казаченьки ружьями сбрякали,
Молодые жены слезно сплакали.

Что не черны вороны с гор солеталися,
Солеталися, соезжалися все бравы казаченьки.
Собирались казаченьки на зеленый луг,
На зеленый луг, во единый круг,
Зачинали же казаченьки песню новую.
Что ни песню они пели, горе мыкали,
Своих-то ли начальников много тешили.
Не бывал-то наш начальник на синем море,
Не видал-то наш начальник страсти, ужаса.
Подымалася погодушка полуденная,
Разбивала-то погодушка наш черной корабль.

Не шуми-ка-ся, зеленая дубравушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати!
Что придет на тебя, зеленая дубравушка, невзгодушка,
Невзгодушка, зиманька холодная,

Исповысушит, исповыкрушит все листье-коренье.
Что на крутеньком, на прекрасеньком было на ярочке,
Что на желтеньком, на рассыпчатом было на песочке,
Что не черные, братцы, вороны солетались,
Солетались, соезжались всех полков казаки,
Жалоботу творят наши казаченьки на мать-речку Волгу:
“Еще, Бог судья, Волга быстрая, долго не проходишь,
Ледку тоненького, ледку осеннего долго не проносишь,
Уж сами-то, добрые молодцы, сами переедем,
Что на этих, на вороненьких, на конях.

Соберемтесь-ка, братцы, на зеленый луг,
Запоемте-ка, братцы, песню новую,
Громким голосом жизнь веселую.
Широка-то, братцы, степь киргизская,
Велика-то орда азиатская!
Мы ходили по ней цело летичко,
Жарко грело нас красно солнышко.
Нам сине море показалось.
Широко-то шумит во желтых песках,
Глубока-то Лепса в зеленых лугах,
Что мы плавались по ней на добрых конях,
Скорым маршем шли за Коксу реку.
Что ты, реченька, ты шумишь, гремишь?
Что ты, быстрая, молвишь, взговоришь?
Слово молвила, быль бывалую:
Трех врагов несу с кровью алою,
С кровью алою царю белому.

Не кукуй, кукушка, во сыром борочке,
Не горюй, горюшка, на сухом дубочке,
Не давай назолы молодым казакам.
Без того мы, казаки, в Баяне год жили,
В Баяне мы жили, царю службу служили,
Царю службу служили, сами Бога просили:
Не давай нам, Боже, часты зимни походы,
Часты зимни походы, они нам не способны —

Коню-то уморны, казаку не покойны,
Ко ружью ручки щиплет, к стремяну ножки зябнут,
Из казны выдавали нам худые товары,
Худые товары, гнилые, они нам не милые.

Из-за Дону тихого пролегала в степь дорожка широкая,
Долиной-то дорожки конца-краю нет.
Никто-то по ней не прохаживал,
Никто следичку по широкой не прокладывал.
Шли-то, прошли два полка казаков,
Вороних своих добрых коней в поводу ведут,
Разноцветное свое платьице в тороках везут;
Разогнистые чисты ружьицы за плечьями несут,
Разуланские остры шашечки на бедрах висят,
Бургомецкими копьями сами подпираются,
Горючьими слезьми казаченьки уливаются,
Вынесет ли Бог нас на святую Русь,
Сослужили мы, казаченьки, службу царскую.

По славной крепости Копальской
Тут гуляли казаченьки все отряды,
Под ними-то идут кони строевые,
На лошадаках уздечки кармазинны,
На волтрапиках вензелы золотые,
За ними-то идут сударушки молодые,
Идучи они, красотки, слезно плачут,
Во слезах пути-дороженьки не видят,
С возрыданьица словечушка не молвят.
“Не плачьте, матери родные,
Не рыдайте, сударушки молодые!
Не смочить вам мать сыру землю слезами,
Не напоить син-море, горючими,
Не сходить по белу свету за нами.
Что не дай, Боже, калинушке родиться,
Старой сменушке с Копала возвратиться,
Создай, Боже, попутную погоду,
Воротиться бы казакам из походу.

Забедуют крестьяне казачьему житью:
 “Хорошо казакам жить, во своем полку служить!”
 — Уж вы глупые крестьяне, нерассудливые,
 Послужили бы вы с нами, обо всем в свете узнали,
 На работу гонят рано, с собой хлеба дают мало;
 Работаем, что заставят, а едим, чего поставят.
 Куды пошлют, беги скоро, чтобы дело было споро
 Я немножко застоялся, с сударушкой забавлялся,
 Оглянулся я назад, сзади палками грозят.
 Вот назавтра поутру несут палок по нуку.
 Уж я стал было божиться, приказали мне ложиться.
 Не успел я молвить речи, обстегали спину, плечи,
 Хотя спина избита, сударушка нажита,
 Хотя спине было больно, с сударушкой стоять вольно.

От Корякова до Актава семисотны версты,
 Прознобили казаченьки у рук, у ног персты
 У рук, у ног персты, считаючи версты.
 Мы к Актаву подходили, на гору всходили.
 Что на той ли на горе стояла палатка.
 Как из этой из палатки выходил молодчик,
 Выходил молодчик анджинер-поручик.
 Выдает он расплату, кирки и лопаты.
 Уж мы кирки получали, саженцы копали,
 Землю выкидали, дерном устилали,
 Дерном устилали, житье проклинали.
 Распроклятое житье, все казачья доля!
 Над рекою Монакою вырастало древо,
 Вырастало древо, березонька бела.
 Как на этой на березе сидит птица пава.
 Кричит пава: “Запропала вся казачья слава!
 Господа вы, казаченьки, где же ваши дома?”
 — Наши дома — круты холмы в широком раздолье.
 — Господа вы, казаченьки, где же ваши матки?
 — Наши матки — сосны гладки во сыром борочке.
 Господа вы, казаченьки, где же ваши отцы?
 — Наши отцы, мореходцы — копаны колодцы.

- Господа вы, казаченьки, где же ваши жены?
- Наши жены — заряжены, в штыки присажены.
- Господа вы, казаченьки, где же ваши братья?
- Наши братья — пистолеты на правом бедерке.
- Господа вы, казаченьки, где-то ваши сестры?
- Наши сестры — шашки остры на левом бедерке.
- Господа вы, казаченьки, где-то ваши детки?
- Наши детки — пули метки в сумках отдыхают.

(Все записано около Семипалатинска)

Последние песни, очевидно, солдатские или заимствованы у нынешних солдат, или остались в наследство от драгунов, которые прежде стояли на Иртыше. Они называются здесь отрядными, потому что поются во время походов в киргизской степи, которые называются отрядами. Некоторые из них, как видно, туземного происхождения: казаки, живя, холостыми артелями человек в десять на уединенных пикетах в степи, часто сочиняют песни, причем участвует почти вся пикетная компания; содержанием песни бывают разные пикетные приключения; сменившись со степной службы, казаки расходятся, и песня вместе с этим умирает.

Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этногр. сборник. 1864. Вып. 6. С. 107–116.

Наши сношения с джунгарскими владельцами

Прилагаемые материалы обязательно доставлены нам Г. Н. Потаниным. Они извлечены из архива бывшего пограничного управления сибирских киргизов.

Промемория из Сибирской губернской канцелярии в военную походную г-на генерал-майора Киндермана канцелярию. авг. 7 д. 1745 года.

Сего августа 5 дня в Сибирскую губернную канцелярию присланной промемория она военная доходная канцелярия сообщила: о прибытии из земли зенгорского владельца Галдан Чирина в кузнецкое ведомство калмык для торгу да о прибытии в Командинскую волость алманного сборщика для сбора Ее Императорского Величества с иноверцев на зенгорского владельца Галдан Чирина алмана с двух Кумандинских, с Шелкальской и Тагапской, итого с четырех волостей за прошлые за три года: и по Указу Ее Императорского Величества и по определению Сибирской губернной канцелярии в пограничные города и дистрикты посланные Ее Императорского Величества Указы велено от неприятельских людей зенгорского владельца, от калмык, от киргиз-кайсаков и других немирных орд иметь крепкую предосторожность и ежедневные частые разъезды и пр.

Промемория из Сибирской губернской канцелярии в военную походную г.-м. Киндермана. 7 августа 1745 года.

Минувшего июля 25 д. она военная походная канцелярия уведомила о недопущении посланного от г-на бригадира Беэра для разведывания, по силе Указа Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената на имя Беэра, под образом купечества о Телецком озере рудоприщика Петра Шедегина башлыком Чапорзилиным сыном момомканских, корокольских, саяцких и чулышманских ясашных татар...

Об этом писано в Правительствующий Сенат, в Государственную иностранную коллегия и в Оренбургскую губернскую канцелярию.

*Репорт Кузнецкого воеводы майора Шапочникова г.-м. Киндерману*³³⁸.

Отвечает на ордер Киндермана от 13 августа следующее:

“А понеже по справке к Кузнецкой воеводской канцелярии напред сего тех кондомских волостей ясашные татара зенгорскому владельцу Галдан Чирину алман давали железными ж таганами и котлами, однако ж ныне по силе Вашего высокопревосходительства ордеру в те Кондомские волости по отправленному из Кузнецка сборщику послан Ее Императорского Величества Указ, по которому велено ему ясошным башлыкам объявить, чтоб они зенгорскому владельцу алман давали зверем или чем иным, кроме железных котлов и таганов, а железо яко бы потребно в Кузнецк на котлы, таганы и к печам на связи и на прочее употребление к вновь начинающимся строиться в Кузнецке винным и пивным не малым заводам, чтоб в строении оных за неимением в Кузнецке железа не воспоследовало остановки, ибо они ясашные и сами знают, что в Кузнецк железа на продажу ниоткуда не вывозят и при том же велено их обнадежить, что оное у них для той надобности примется в казну Ее Императорского Величества по цене в ясак; а в Кумандинские ясашные волости послан отсель нарочный, и велено ему секретно в тех волостях справиться, чем с тех волостей зенгорской сборщик нынешний год алман собирал, и что окажется, Вашему Превосходительству донесу”.

*Промемория*³³⁹ *из Сибирской губернской канцелярии в военноположенную г.-м. Киндермана.*

Последний спрашивал первую насчет виденного в Урге поручиком Левашевым торгоуцког калмыка от владельца Дундук Оибо, которому от роду 20 лет и который объявил о себе, что был в Петербурге крещен, называется Васильем и восприемниками его были Государыня Императрица Анна Иоанновна и бывший кабинет-министр Остерман, и получал большое жалованье, и что был отослан

³³⁸ 20 августа 1745 года по описи № 6.

³³⁹ 24 августа 1745 года № по описи 13.

в числе 24 калмык в Красноярский город, где с тремя калмыками бежал в степь к киргизам, которые привезли его в Зенгорское владение назад два года, как был Левашев в Урге, где он живет, получил жену и зенгорцев служащих, т. е. в услужение, и получает по 6 баранов в месяц и объявил ему Левашеву, что обратно в Россию желает. Сибирская губернская канцелярия на заданные запросы ответила, что сведений о том калмыке не имеет, потому что город Красноярск не ее ведения, а Астраханской губернии.

Промемория³⁴⁰ из Сибирской губернской канцелярии в военную походную г.-м. Киндермана.

С препровождением копий с расспросов тарского разночинца Ивана Ушакова и тарского казака Семена Терехина, бывших в Зенгорской землице.

1745 г. сентября 27 дня вышеписанные, присланные при рапорте из Тарской воеводской канцелярии, бывшие в землице Зенгорской владельца Галдан Чирина тарские разночинец Иван Ушаков да бывший казак Семен Терентьев сын Терехин, в присутствии в Сибирской губернской канцелярии г-на генерал-майора и сибирского губернатора Сухарева да при г-не прокуроре Елисееве расспрашиваны секретно, а в расспросе сказали: 1. Разночинец Иван Ушаков сказал в прошлом де 740 году в декабре месяце, а в котором числе, сказать не знает, отпущен он был из Тары от Тарской воеводской канцелярии в низовые города с покормлежным пашпортом для пропитания черною работою впредь на срок с того декабря месяца на полтора года, и по взятии того пашпорта жил-де он Ушаков в своем доме в Таре с четыре месяца и по прошествии того времени с тем данным ему пашпортом сшел он Ушаков из Тары в город Томск, и в оном де городе Томске он Ушаков нанялся в работу у тарского жителя Василья Шмакова, и пошел с ним Шмаков в землицу зенгорского владельца Галдан Чирина для купечества, и с оным Шмаковым дошел он до самой Урги, и оный Шмаков имеющиеся тогда у него товары отдал бывшему в той Зенгорской землице товарищу своему города же Тары жителю Ивану Панову, сам он Шмаков отбыл из той землицы обратно в Томск, а он Ушаков по отбытии объявленного Шмакова остался

³⁴⁰ 5 октября 1745 года по описи № 21.

в той Зенгорской землице и нанялся в работу в городе Яркене города Гороховца купца Петра Ширяева у служителя его Ивана Михайлова и был при нем Михайлове в работе месяцев с шесть, а по отжитии тех месяцев от онаго Михайлова он Ушаков из той Зенгорской землицы пошел было обратно в дом свой, токмо за бывшею тогда в той землице великою и несною оспою города все были их зенгорские заперты, и никуда никого не отпускали, и от зенгорского владельца Голдан Чирина был по всем волостям и кочевьям и городам приказ, чтоб никого из тех мест, где кто имеется, не отпускать, а быть до окончания оспы в тех местах; в том числе и его Ушакова из той землицы за тою оспою непустили, и жил он Ушаков в городе Яркене сам собою на наймах с прочими русскими людьми по нынешний 745 год, а в нынешнем 745 году из той землицы он Ушаков с прочими возвратился в Тару, а в бытность свою в той землице он Ушаков слышал, что оный зенгорский владелец Галдан Чирин имеет войну с бакшанским владельцем, чего же для и нынешнего году послал он владелец Галдан Чирин войска тысяч тридцать, о чем же ему Ушакову объявляли следующие в тот поход калмыки, а за какие случаи та война между ими находится, того он Ушаков ни от кого не слышал, а на расейские города и крепости и форпосты оный зенгорский владелец Галдан Чирин имеет ли намерение, чтоб идти войною или нет, того он Ушаков в бытность свою в той землице ни от кого не слышал же, токмо объявляют калмыки, что с расейскими людьми у них все мирно и ссоры никакой не имеют, чего же для между собою и торги производят, да в той же де Зенгорской землице имеются русские купецкие и работные: устюженин Иван Шубин, у него племянник Иван же, города Гороховца — Иван Михайлов, он же и Ширяев, города Симбирска — Илья Твердышев, вологжанин Иван Мыльников, тобольские: Федор Плотников, Иван Евсеев; тарские: Иван Панов, Федор да Герасим Кузнецовы, Яков Лоскутов, Григорий Жулситов, Козьма Сумин, тобольские: Алексей Верхотуров, Иван Серебряков, Федор Рыхторов, Иван Васильев, да в городе Яркене имеется колыванского завода плавильный мастер Ефим Вяземский, да при нем находятся того заводу Терентий Дмитрев, да которого городу, неизвестен, Иван Пятков, тарские: Андрей Чернышев, Михайло Пелымский, томский Лука Жданов,

красноярец Иван Митриев да при самой Урге имеется плавильной же мастер Иван Михайлов, и оные плавильные мастера в той землице завели заводы плавильные серебряные и медные по реке Яркене, из которых на заводе, заведенном плавильным мастером Ефимом Вяземским, он Ушаков был сам для присмотру каким случаем и что на том заводе делается и усмотрел, что оный мастер Вяземский плавил серебряную и медную руду, из которой серебряной руды имеется при нем с полфунта, и прискивает оный мастер Вяземский в реке Яркене песочное золото, и оное выплавленное золото, серебро и медь берется на Галдан Чирина, да в оной же Урге видел он Ушаков три небольшие медные пушечки, из которых стреляют с верблюдов, а оные пушки Голдан Чирина самого, а у колмык не у большого числа имеются турки, из коих они стреляют фитилем, а оные турки и порох делают из них калмык сами, а кто их оным мастерством обучил, он Ушаков объявить не знает, а вышеобъявленную имеющуюся серебряную руду при сем расспросе в Сибирской губернской канцелярии.

Того же числа Семен Терентьев, сын Терехин, сказал, в прошлом году, назад тому девятый год, а в котором году, месяце и числе сказал, не упомнит, командирован он Терехин был из тарских казаков с прочими при тарском казацком сотнике Дмитрие Голякове в предосторожность от неприятельских людей воров-башкирцев в оренбургские крепости и по прибытии в Миясскую крепость явились в команде бывшему тогда полковнику Арсеньеву, и, отжив в тех крепостях с полгода и из оной крепости послан он Терехин был с прочими казаками и драгунами для кошения на корм лошадей сена в степь, и на оной степи набежали на них неприятельские люди воры-башкирцы, и его Терехина положили, а других, кого в полон взяли или убили, того он не знает, и увезли его Терехина оные башкирцы в свои улусы, и жил он у тех башкирцев с полгода, и после того увезли его те башкирцы в казачью орду Досметю владения Абулхаир хана, у которого казака жил он Терехин в холопстве полпята года и пас скота и оттуда имел намерение, чтоб ийти тайно в Русь и из той казацкой земли тайно ночным временем, взяв у того казака лошадь и запаса, бежал и выбежал в землицу зенгорского владельца Галдан Чирина, где жил с прочими имеющимися в той землице русскими людьми года

с два самоохотно, ибо тогда из той землицы ему Терехину выйти было не с кем, и в нынешнем 745 он Терехин вышел обще с бывшими в той землице купцами, а именно Устюга Великого Лукою Нефедьевым, сыном Жаравиным, томским Лукою Ненилиным, а будучи в той Зенгорской землице, он Терехин слышал, что объявленный владелец Галдан Чирин имеет войну с владельцем Апшигарим беком, а от каких случаев та война между ими происходит, сказать не знает и ни от кого не слышал, а на российские крепости, города и форпосты оный зенгорский владелец Галдан Чирин имеет ли намерение, чтоб идти войною или нет, того он Терехин в бытность свою в той землице ни от кого не слышал же, токмо объявляют калмыки, что у них с россейскими людьми состоит все мирно и ссоры никакой они не имеют, чего де для между собою и торги производят, да в оной землице по отъезде его Терехина осталось русских купецких и работных людей довольное число, а кто именно и чьи и которых городов жители, того сказал не знает, и мастеровые люди в той землице есть ли, ни от кого не слышал, и артиллерии в той землице никакой не видел, а у калмыков не у большого числа имеются турки, из коих они палят фителем, а оные турки и порох делают из них калмыки многие сами, а кто их к тем наукам обучил, он Терехин объявить не знает.

Рапорт³⁴¹ Павлуцкого Киндерману.

В присланном ко мне сего сентября 5 дня от Вашего Превосходительства секретном ордере от 1 октября написано: что бывшие здесь к Ямышевой киргиз-кайсаки и зенгорские калмыки и бухарцы отбыли ль отсель обратно, о том, Ваше Превосходительство, неизвестно, и о которой посылке в зенгорские крайние улусы под видом купца с довольным товаром для секретного о тамошних обращениях разведывания вахмистра Соболева, придав ему способных к тому людей и на оное Вашему Превосходительству покорно доношу, приезжающие сюда в минувшем сентябре месяце из-за границы иностранные люди отсель отправились обратно, а имянно: Зенгорского владения калмыки и бухарцы с главным Уиконды Хмелевым с покупным ими (на бывшие у них деньги) разным российским товаром по желанию их сентября 28 ч. и для препровождения тех зенгорцов за Семипалатную крепость верст за пять-

³⁴¹ От 8 сентября по описи № 24.

десять послан от меня капрал Ситников с пристойным письменным наставлением, о чем как в Сибирскую губернскую канцелярию, так и Вашему Превосходительству от меня тогда же 29 ч. сентября покорнейшее донесение; и что они в бытность свою здесь в разговорах о обращениях их земли объявили, с того объявления при оном доношении для рассмотрения Вашему Превосходительству сообщена копия, а киргиз-кайсак Бекберда Акмурзин с товарищем отправлен же отсель обратно сентября 30 числа и для препровождения их, а между тем для надобного о тамошних обращениях секретного разведывания послан от меня до крайних киргиз-кайсацких кочевьев из прежде посланных туда ямышевский казачий капрал Савва Волков с одним тобольским служилым татаринном (кои оба в грамоте и писать по-своему умеют), и об по тому же к Вашему Превосходительству от 2 ч. сего октября покорно я доносил и каково послано от меня к владельцу кайсацкому Аблай-салтану письмо, с онаго при том для рассмотрения Вашему Превосходительству копию сообщил, а Сибирского полка вахмистр Савва Соболев и при нем для толмачества тарский разночинец Герасим Зенков по желанию его (ибо он несколько при себе товаров имеет и с тем сюда по данным ему пашпортам прибыл) отправлены отсель до крайних зенгорских улусов нынешнего месяца 7 числа, и ему Соболеву для вышешоказанного купеческого вида дано отсель из казенной солдатской цехотного батальона суммы, разных товаров на пятьдесят рублей с обыкновенным купеческим пашпортом, а что ему поручено о тамошних обстоятельствах секретно разведывать, о том снабжен он пристойною (на основании секретных Ее Императорского Величества Указов и Вашего Превосходительства ордеров) инструкциею, с коей для рассмотрения Вашему Превосходительству покорно точную копию прилагаю; и велено тому вахмистру с товарищи ехать в те зенгорские улусы для лучшей способности по близости (по их желанию) из Семипалатной крепости неудержно, и о даче для конвоя и прочих нужд из семипалатных казаков к той посылке способных трех человек, в том числе одного, знающего зенгорский язык, и ему Соболеву також под их общий провьянт и под казенный товар трех лошадей из казенных крепостных с исправными седлами и войлоками и о прочем надлежащем предложено от меня в тою крепость командующему господину пол-

ковнику Окунькову орденом; а от Ямышевской до Семиполатной велено толикое ж число лошадей давать ему Соболеву от места до места из казачьих от места до места с пристойным конвоем и о вышеписанном Вашему Превосходительству покорно доношу, а прежде посланный отсель в Зенгорскую землицу поручик Абляхов еще не возвратился, и где ныне обретается, неизвестно.

*По Указу Ее Императорского Величества
Инструкция.*

*Сибирского гарнизонного драгунского полка
вахмистру Савве Соболеву.*

Понеже, по силе присланного ныне ко мне от Его Превосходительства г-на г.-м. Киндермана секретного ордера посылаешься ты, Соболев, за границу до крайних зенгорских улусов под видом купца для секретных разведываниях о тамошних обращениях, чего ради и ехать тебе в те улусы чрез Семипалатную крепость и, прибыв туда чрез всякие искусные поступки, секретно примечать и разведывать следующее:

1. Зенгорский владелец Галдан Чирин и его владения нойоны, зайсоны и другие знатные люди, в каком имянно намерении ныне находятся, а паче к российской стороне с доброжеланием ли обращаются.

2. Зенгорские войска где ныне обретаются и в каком числе людей и обратно из абдулкаримского походу прибыли ль, и буде возвратились, то не распущены ль по улусам, яко в дома, или расположены по их границам и с которую сторону более по чаемой ими опасности тех войск состоит; буде же то их войско из абдулкаримского походу не возвратилось в свою землицу, то чего ради по замирении с теми абдулкаримцами или чрез бывшее между ими сражение взять их не могли или по другим каким обстоятельствам, о том нам всеприлежно наведаться.

3. Ныне у зенгорцев с какими землицами война имеется и нет ли пришедших каких от персидской или от абдулкаримской стороны войск, а буде есть, то сколько тех войск прибыло и давно ли и в коих местах ныне оные состоят и какие действия чинят.

4. Также разведывать вам, что киргиз-кайсацкие владельцы Абдулхаир хан и Абдильмамет хан, Аблай салтан и Барак салтан и прочие владельцы в каком же намерении состоят, у всех ли между собой согласно и одинаково намерены быть у Ее Императорского Величества в непрременном подданстве или которые имеют особое рассуждение, а паче не склонны ль кто из них к зенгорскому владельцу и от них, также от каракалпаков не отправлено ль сего лета сколько людей в прибавок к зенгорскому войску и живущий в кайсаках бывали в Башкирии возмутитель вор Карасакан где имянно и в каком состоянии ныне находится, ибо об нем по прежним известиям значилось, что назван он Кара хан и будто состоит с несколько тысячами киргиз-кайсайки под протекциею зенгорского владельца, а по другим известиям, что он кочует близ кайсацкого Барак салтана.

5. От киргиз-кайсацких и каракалпацких владельцев дети или другие нарочитые люди не отданы ль сколько человек в аманаты к зенгорскому владельцу, как прежде между ими чинилось, и буде паки отданы, то по какой имянно причине, т.е. для того только, чтоб им под зенгорское владение оружейного рукою набегу впредь чинить и жить с зенгорцами в согласии, или в знак их невольной склонности, чтоб у онаго владельца быть в подданстве, или сами желая у него Галдан Чирина находиться в протекции для своих либо каких легкомысленных польз.

6. При том же и на их поступки недреманым оком тебе при-мечать, как будут к вам склонны и вновь что к военным случаям не готовится ли, и о прочих тамошних обстоятельствах, елико возможно, вам смотреть и разведывать же чрез всякие посторонние разговоры, а паче оное вымогать под искусным приласканием от имеющих там разных землиц пленников, также и их народу подлые люди, скрытно от прочих, однако, и у тех людей, во-первых, точно ни о чем не выспрашивать, но рассматривая прежде из побочных разговоров состояние его — и буде словоохотно начнет что о тамошнем разговаривать, тогда в таком случае уже хотя чем и подарить, токмо при том накрепко наблюдать, оных людей утверждать, дабы о сем прочие зенгорцы, а паче знатные не уведали и вам несчастья от того не причинили; подарки же оные позволяется вам давать весьма не напрасно, дабы можно было

через то что-нибудь к ведению российскому выведать, и при всем оном разведывании поступать вам с великою осторожностью и с крайним приложением, употребляя к тому все мирные способы, и то разведывание чинить вам, разъезжая из улуса в улус, а в одном месте долго не жить, дабы о вас, что, зачем именно ездите, дознаться там не могли и что нужного разведать можете, о том по возвращении вашем объявить мне обстоятельным рапортом, а ежели уведаете о движении их войск (от чего Боже сохрани) к российской границе или хотя о таком намерении, то вам, не мешкая там, ехать обратно в крепости в самой крайней скорости и потому ж объявить секретно и искусно.

7. Для вышеписанных нужд посылаетесь вы под таким видом, что по вашему желанию отпущены для торгу, чего ради тебе здесь дано потребного на их татарский обычай товару (за неимением партикулярных) из казенного сукна, бобров, юфтей всего по тобольской оценки с приложенными ярлыками на пятьдесят рублей, из оных же товаров на пять или на четыре рубли употребить вам на упомянутые тамошним людям подарки, чрез которых можно бы вам подобное известие достать или другой какой способ получить и объявлять вам о себе, что вы купецкие люди, отпущенные на срок по вашей просьбе, а что посланы для разведывания, о том не точию иностранные, но и русские люди не могли бы знать, чего ради оное и сей наказ содержать вам в наивысшем секрете; а с тобою отправлен для толмачества по способности тарский разночинец Герасим Зенков по желанию его, коей имеет при себе несколько товаров же; а в конвой велено дать трех способных человек и о даче тебе оных из Семипалатной крепости казаков и из казенных крепостных трех лошадей с исправными седлами и с войлоками и об отправлении вас в повеленный путь предложено от меня туда подполковнику г-ну Окунькову ордером.

8. Вам же, быв там, обид никому и непорядочных поступок отнюдь не чинить и казенных лошадей беречь под опасением жестокого наказания, с иностранными людьми поступать вам искусно и ласкою и без причин ничем их не озлоблять.

9. Прилежно же вам примечать самому и разведывать, какая ныне осторожность на их границе от российской стороны употребляется и против прежнего есть ли прибавочные караулы и где и в

каком числе людей и буде усмотрите, что они в опасении от здешней стороны обретаются, то вам между разговоры представлять в рассуждении кайсакам, зайсонам и прочим знатным учтиво, чтоб они от российской стороны ни малого опасения не имели и пустым разглашениям всемирно не верили и пребывали непоколебимо в тишине, ибо от российской стороны содержана быть имеет соседственная дружба ненарушимо; прежде посланный же отсель в зенгорскую землицу поручить Абляхов, где ныне и в каком состоянии обретаются, о том вам разведать же.

10. Разглашая там, что в России продолжается по-прежнему тишина и о войне никакого слыху нет и быть оной без самой причины не уповаемо, не что принуждена будет так поступить в необходимом, яко то оборонительном, случае.

11. Ежели предписанные зенгорцы будут выспрашивать, чего ради российское войско в верхиртышские крепости прибывает, на то сказывать, что некоторая часть ныне пришли для смены прежних и давно имеющих по тем крепостям и форпостам команд, из коих уже и престарелых людей немало есть, и оные сменяются и отправляются на судах в Тобольск, и соль препровождают; к тому же ныне, как в здешних крепостях, так не менее и в других пограничных местах для осторожности от киргиз-кайсаков войска имеются, ибо те кайсаки хотя всегда в подданстве Ее Императорского Величества состоят и ныне верными кажутся, токмо на то, по непостоянству и самовольству их народа утверждаться не надежно. Ныне же у Российской империи по возшествии Ее Императорского Величества на всероссийской наследный престол, как с китайцами, со шведами, с турками, с Персиею, так и с прочими государствами и княжествами вечный мир заключен и всякая тишина состоит, и за тем на тамошних границах в довольных войсках дальней нужды не имеется, и для того несколько команд для довольствия провьянтом и фуражом в Сибири расположены.

12. О его же превосходительстве г-не г.-м. Киндермане объявлять (буде спросят), что слыхали мы в разговорах от командиров, что ныне по высочайшему Ее Императорского Величества соизволению повелено быть в Сибири двум генералам: одному, яко губернатору, в Тобольске недвижиму, коей командует над внутренними городами и слободами, над статскими и гражданскими

людьми и другие множественные дела управляет; а другой ныне г-н г.-м. Киндерман определен командиром над пограничными слободами же и крепостями и имеющими в оных военными командами регулярными и нерегулярными и имеет квартиру в Тобольске же, токмо к нынешнему лету приезжал осмотреть по здешним крепостям военные команды, и осмотра, паки отправился в Тару и в Тобольск.

13. О их зенгорских посланцах сказать (ежели спросят), что подлинно где ныне оные обретаются, не знаете, токмо слышно, что за склонность зенгорского владельца и по соседственной дружбе позволено от Ее Императорского Величества покупной ими разной российской товар, всего без мала на сорок тысяч рублей отпустить с ними из России без всякой пошлины. Тебе ж Соболеву, для отличности от служащего чина, взять на себя от Семипалатинской платье и ружье казачье, а регулярного убора для предписанного приличества ничего с собой не брать, потому же и будущим при вас казакам.

От Кузнецкого воеводы Шапочникова Киндерману.

Сентября³⁴² 2 ч. сего 745 года в Кузнецкую воеводскую канцелярию промеморию Красноярская воеводская канцелярия, представляя, требовала, чтоб для объявленной в той промемории надобности и для охранения Кузнецкого ведомства Белтирской волости ясошных подданных Ее Императорского Величества татар от чинимых от зенгорских алманных сборщиков обид на Исю речку определить из кузнецких служилых людей караул, с которой промемории Вашему Превосходительству на рассмотрение прилагаю точную копию; а в Кузнецкой воеводской канцелярии по справке означенная Белтирская волость имеется под ведением Кузнецкой воеводской канцелярии, в которой имеется ясошных сорок восемь человек; и оные ясошные иноверцы в казну Ее Императорского Величества платят ясаку по окладу в год по четыре сорока по одиннадцати соболей в каждый год, также они и зенгорскому владельцу Галдан Чирину алман дают, а чтоб алманные зенгорские сборщики им ясашным иноверцам обиды чинили, о том от них от самих в Кузнецкую воеводскую канцелярию письменного никакого известия в подачи не было, а в означенную Белтирскую волость ал-

³⁴² 1 октября 745 года по описи № 26.

манные зенгорские сборщики приезжают прямою дорогою, а Телеское озеро оставляют они едучи к той волости вleve, в той же Белтирской волости напредь сего караулу не бывало, однако ж ныне, по мнению моему, для отвращения тех ясошных от чинимых зенгорскими алманными сборщиками обид надлежит на объявленную Исю речку определить с командиром караул, а паче вышеписанное все предаю на главное Вашего Превосходительства рассуждение и о сем донесши, ожидать буду рассмотнительной от Вас резолюции.

Промемория Красноярской воеводской канцелярии в Кузнецкую воеводскую канцелярию.

Сего 1745 июля 5 дня в присланном в Красноярскую воеводскую канцелярию от пограничных дозорщиков Ивана Азарутола и от товарища Якова Саламатова доношении написано: сего дня 1745 года по присланным Ее Императорского Величества из Красноярской воеводской канцелярии секретным Указам велено иметь от зенгорского владельца Галдан Чирина крепкую предосторожность и частые разъезды и по силе данной инструкции от Иркутской провинциальной канцелярии бывшему дозорщику Кирилу Худоногову, который де нынче имеется в Енисейской провинциальной канцелярии под караулом, и велено де ему быть пограничным дозорщиком и по данному де указу от Енисейской провинциальной канцелярии, такожде и Якову Саламатову обще с ним разъезды чинить между российской и китайской империями начиная от Кузнецкого ведомства от контайшина владения от первого граненого маяка, где поставлен знак на хребте Шабина дабага, такожде и к Иркутскому ведомству определенного на устье Чабашу и Чаган Махана рек, против вышеписанного знака красноярских служивых и Кузнецкого ведомства ясашных иноземцев сагайского и белтирского двух родов караульные есаулы Иптыш Аюжанов с товарищи и по осмотру де их в нынешнем 1745 году июня 21 дня вышепоказанный знак состоит при помощи Божией ненарушимо, и на означенном карауле все благополучно и от китайской стороны, такожде и от зенгорской войск и от прочих неприятельских людей нападений и непорядочных поступок никаких не явилось, токмо де сего 1745 года июля (не выставлено) дня по объявлению вышепоказанных белтирских татар от башлыка от Маюгаша Мсолокова да от есаула Иптыша Аюжанова, такожде и от прочих белтирских татар о показании с прошлых де лет платят они калмыцкому владельцу Галдан Чирину

по соболю с человека ежегодно, за которым де ясакам приезжали сборщики и собравши ясак, им никаких больших обид не дельвали, а с прошлого де 1742 года присылают ясашные сборщики от вышепоказанного Галдан Чирина, а имянно Кутук Кытакулов сверх ясаку на себя сбирал сильно десять соболей, которые де и взял, да взял де с собою в подводды восемь лошадей и не возвратил, а подводчиков отпустил пеших, такожде и многих белтир мучил всякими нападками и вязал иных к юрте спиной назад и к полу де арканом и брал по соболю и коньми, а в 743 и 744 годах приезжал другой сборщик Мамант Кытакулов и взял же с оных татар в два года двадцать два коня, которых де и угонил с собою, да сверх ясаку взял с них двадцать соболей, такожде и, кроме того, своими нападками брал по коню и мучил всякими муками такожде и прочими зверями; а имянно Кутук Кытакулов с есаула Иптыша взял коня и с брата его Аптыша коня же, тако ж и другой сборщик Мамант у Толточи кобылу да шубу камчатую да зипун цветной синий суконный да два соболя, да у Сагалана Табурчина соболя да выдру, от башлыка Маслакова соболя, у Каржегаша Калженяева кожу красную да выдру, с вышеписанного Иптыша Аюжанова с жены его соболя да выдру, у Чапгарана угонил же восемь лошадей да четыре выдры, отчего де пришли во всеконечное разорение, от их грабежу пришли во всеконечное разорение от их ясаку онаго Галдан Чирина, что де оные иноземцы показали и в казну де Ее Императорского Величества ясак де платят с великою нуждою от их разорении зверьми, а сего де 1745 году вышепоказанные белтиры объявили, что де оные сборщики и по вышеписанное число не бывали, от чего де они от их грабежа опасны, а ежели де показанные сборщики будут впредь для сбора ясаку с помянутых белтир, повелено ли де им давать или запретить и чтобы их до разорения недопустить, а по силе де присланных Ее Императорского Величества секретных Указов находится не малая опасность от таких вышепоказанных сборщиков, и по усмотрению их Азарутова и Саламатова надлежит быть караулу, которой дорогой оные сборщики приезжают, а именно в урочище вверх по Гаптышу реке, на устье речки Иси, служилых людей пристойное число, а имянно пять человек с довольным оружием, запасом и на добрых конях, такожде по пристойному числу пороху, чтоб у каждого служилого было по две лошади для разъезду по оной речке Исе для смотре-

ния воровских людей, также в оных секретных указах объявлено, велено от нападения неприятельского иметь вооруженною рукою отпор и поимки, а на вышепоказанном де карауле у служилых людей пороху не имеется, также и на Ое реке караульных трех человек пороху не имеется, токмо де с одним оружием с винтовками и просил, дабы де Красноярская воеводская канцелярия благоволила прислать на оные караулы пороху вскорости, чтобы де без пороху какой причины не учинилось, а им бы не причлось в несмотрение, а по справке в Красноярской воеводской канцелярии вышеписанные белтирские иноземцы ведомства Кузнецкой воеводской канцелярии, а не Красноярской, и на которые места требует он Азарутов служилых к караулу ведомство Кузнецкое. И сего 745 года июля дня, по Указу Ее Императорского Величества и по определению Красноярской воеводской канцелярии велено в Кузнецкую воеводскую канцелярию с прописанием онаго доношения писать сею промеморию и требовать об оном от реченной Кузнецкой воеводской канцелярии о учинении по силе Ее Императорского Величества Указов резолюции, понеже оные белтирские татары ведомства Кузнецкого, а де Красноярского, также дабы соблаговолила Кузнецкая военная канцелярия на показанной в доношении оных Азаратова и Саламатова караул на Исю речку из кузнецких служилых с оружием, как оным доношением прошено определить, и Кузнецкая военная канцелярия о вышеписанном да благоволила учинить по Ее Императорского Величества Указам июля 25 дня 1745 года.

Промемория Сибирской губернской канцелярии в военную походную г.-м. Киндермана.

Экстракт, учиненный в Сибирской губернской канцелярии из имеющих в оной губернской канцелярии Ее Императорского Величества Указов о досмотре зенгорского владельца Галдан Чирина калмык с товары, и что по оным чинить велено, значит ниже сего.

А имянно:

В Указе Блаженные и вечнодостоинные памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской, из Государственной коллегии иностранных дел сентября от 23, а в Тобольске полученном ноября 2 чисел прошлого 735 году между прочим в 7 пункте написано:

— По содержанию объявленной в оной резолюции об отправлении при Ямышеве и Семипалатной крепостей зенгорским и российским купцам коммерции немедленно учреждение учинить и у зенгорских купцов товаров осматривать и с них пошлины брать всемирно не велеть, а вместо того те товары у российских купцов, которые оные купят, осматривать и пошлины с них обыкновенные брать, поступать в том во всем таким образом, как с китайцами на границах российских купечество отправляется.

Да в грамоте Блаженные и вечнодостоинные памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской из Государственной коллегии иностранных дел июня от 5, а в Тобольске полученной августа 3 чисел, прошлого 736 года написано:

— Об отпуске зенгорских или контайшинских посланцев Зунду Замсу с товарищи дано знать в отправлении при отпуске их прошедшего 735 года Ее Императорского Величества Указе, при котором какая тем посланцем на представлении и прошении с стороны владельца оных в компании их бывшая резолюция учинена и дана на письме и в прочем что с теми посланцы во время их бытности произошло, о всем сообщено из помянутой данной им резолюции между иным усмотреть, коим образом впредь с подданными контайши купечество по представлению, определено отправлять, как и с китайцы на российских границах и товаров у них, и в чем упорность с их стороны происходит, не осматривать и пошлины с них тама не иметь, а вместо того брать пошлины с российских подданных купцов, а после того приезде вышеозначенных контайшинских посланцев из Санкт-Петербурга в Москву явились у них многие товары покупаны в Российской империи для отвозу в их землю, которых они таможенным служителям по обыкновению пересмотреть и оценить, будучи в великом упрямстве и споре, не дали, но токмо объявили оным своим товаром реестр, по которому, как из приложенной копии уведомиться без осмотра и оценку от самих их посланцев тех товаров показано на немалую сумму, а имянно на тридцать тысяч на сто на пятьдесят рублей да денег, которые они товары ж имели купить пять тысяч рублей, между товаров же у них явилось ружья огненного пищалей разных и пистолет тридцать да панцирей сорок три, из огненного ружья отпущено с ними из Москвы против прежних примеров десять штук, да панцирей со-

рок один, а достальное удержано, а товары за вышепомянутым от них посланцев спором запечатаны в тюках и отпущены с ними из Москвы до Тобольска без досмотру и без взятия пошлины, которых у них в Тобольске и в других сибирских городах с тех товаров для показания с российской стороны ко владельцу их склонности брать не велеть, однако ж товары их потребно было весьма осмотреть, не утаили ль они чего против объявленного своего реестру и особливо не имеется ль в оных каких заповедных товаров требовать, объявляя им, что хотя с оных пошлин по особливой склонности к их владельцу брать не указали, и тот осмотр их товаров требуется по обычаю всего света токмо для того, чтоб не осталось сомнения, что нет ли в оных каких заповедных к вывозу из государства российского вещей, ежели ж они посланцы, не отменно в упрямстве и споре пребудут и добровольно товаров их осмотреть не дадут в таком случае оных посланцев, и без осмотров товаров их в их землицу из Сибири велеть пропустить и притом иметь ко владельцу их Галдан Чирину писать с коликого числа товаров при тех его посланцах обретающихся в рассуждении к оному склонности и благоволения пошлин не взято, и для каких причин те их товары осмотреть было не надлежало, но ващщую их посланцев в том необыкновенную упорность, для его владельца ныне сие оставить и миновать довлено, но впредь бы он владелец подданным своим приказал в купечестве в российских землях поступать таким образом, как в данной здесь помянутым его посланцом резолюции написано, и ежели ему владельцу то надобно, чтоб с посланцев его и внутри империи Российской с товаров их пошлин не брать и для его впредь у посланцев его с товаров их до тысячи рублей, как ему самому от Уgrimова по указу представлено пошлин брано не будет же, а что сверх толикой суммы будет при посланцах каких товаров, с тех пошлины возьмутся. При том же от стороны российской выговаривается, чтоб и с российских посланцев в улусах контайшинных с товаров, которые при них будут до означенной же суммы до тысячи рублей равномерно брано не было, а сверх на сколько каких товаров с тех и они по обыкновению тамошнему пошлину платить беспрекословно будут.

А в сообщенном при оной грамоте ответу в копии, присланной ко двору Ее Императорского Величества от зенгорского владельца

Галдан Чирина посланцем Зонду Замсу Розу именем на представленное от онаго чрез бывшего у него российского посланника майора Угримова, також и чрез помянутых его посланцев в листах и реестре претензии и прошении данного им июля 29 дня 1733 года, между прочим написано:

В 7 пункте:

— Что с стороны зенгорского владельца, как напредь сего, так и ныне, в представлении учинены о неимании в обеих сторонах с купечества пошлин и о том еще по прежним таким с стороны их предложениям Указ Ее Императорского Величества состоялся и владельцу зенгорскому об оном чрез посланника майора Угримова сообщено и требовано от их купечества только одного объявления товаров их (чтоб российские купцы при покупке оных утайки не чинили), в чем с стороны их, как они посланцы сами ведают, затруднение учинено и ныне Ее Императорское Величество, продолжая к зенгорскому владельцу свою склонность всемиловивейше повелела такое купечество подданным его зенгорского владельца отправлять, в крайних сибирских городах, при Ямышеве и Семиполатной крепости и товаров их зенгорских купцов не осматривать и торговать им тамо беспошлинно, только б те зенгорские купцы далее Ямышева в другие сибирские города и волости с товарами не ездили, но в помянутых двух местах те товары свои продавали, також и российские покупали, понеже им оттуду в прочие города, не осматривая их всех товаров, ездить дозволить весьма невозможно, токмо для сей важной причины, что в покупки у них зенгорских купцов от российских подданных в разных местах товаров без осмотра может произойти многая утайка оных и в сборе от российских купцов пошлин напрасный ущерб, и для того и российским купцам велено с ними зенгорскими купцами торг производить только в вышеозначенных двух местах при Ямышеве и Семиполатной крепости, а далее того в улусы зенгорского владельца оным с российскими товарами уже не ездить и о том ныне Указ Ее Императорского Величества к сибирскому губернатору пошлется.

И того же 736 года августа 6 дня по определению Сибирской губернской канцелярии по силе означенной грамоты посланы из Тобольска из Сибирской губернской канцелярии за тобольскою печатью к зенгорскому владельцу Голдан Чирину лист, в котором

написано по силе оной грамоты с коликого числа товаров при том его посланце обретающихся, в рассуждении к оному владельцу склонности и благоволения, пошлины не взято, и для каких причин те их товары осмотреть было надлежало, но оную их посланцев в том необыкновенную упорность и для него владельца сие ныне оставить и миновать повелели, но и впредь бы он владелец поданным своим приказал в купечестве в российских землях поступать во всем таким образом, как в данной посланцу его резолюции написано, и ежели ему владельцу то надобно, чтоб посланцев и внутри Российской империи с товаров их пошлины не брать и для него впредь у посланцев его с товаров их и до тысячи рублей, как ему самому от посланника Угримова до указа представляivano, пошлины брано не будет, а что сверх толикой суммы будет при посланцах каких товаров, с тех пошлины возьмутся, притом от стороны российской имянно выговаривается, чтоб и с нынешних посланцев в улусах контайшинных с товаров, которые при них будут до означенной же суммы до тысячи рублей, равномерно брано не было, а сверх того на сколько каких бы товаров ни было, с тех и они до обыкновенно тамошнему пошлину платить беспрекословно будут и оный лист из Тобольска послан в Ямышевскую крепость с нарочным Сибирского гарнизона солдатом, и велено ему солдату оный лист отдать подполковнику Лебедеву, а ему подполковнику тот лист отдать зенгорского владельца Галдан Чирина посланцу Миметбай и взять ему подполковнику в приеме того листа у него посланца расписку, а в Государственную коллегии иностранных дел писано отпискою, в которой написано, что вышеявленный зенгорского владельца Голдан Чирина посланец Миметбай из Тобольска к оному владельцу своему отправлен того ж 736 года июля 9 дня до получения вышеявленной грамоты за двадцать за семь дней, а вслед за оным посланцем для досмотру товаров его Сибирская губернская канцелярия послать не смела, для того что оные зенгорские посланцы не причли себе в обиду, что и оные их товары не осматривали в Москве и в Тобольске, а осматривать бы их в пути и оттого б не подать причины к ссоре, а в Тобольске у оных зенгорских послов товаров и вещей их неосматривано для того, вышеписанные посланцы с товары из Москвы отпущены без осмотра и за печатью, а по присланной из Государственной кол-

легии иностранных дел грамоте какого получения того ж 736 года января 25 дня и по почетному указу у оных зенгорских посланцев товаров и вещей осматривать нигде не велено, а пропускать их велено без осмотра, а в оной присланной грамоте написано, велено у оных посланцев всякими пристойными способы осмотреть товары, а чтоб вслед за ними посланцами для досмотру тех товаров послать, того в оной грамоте не написано.

А в Указе Ее Императорского Величества из Сибирского приказа марта от 30, а в Тобольске в Сибирской губернской канцелярии, полученном мая 13 ч. 745 года написано:

В Указе Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената генваря 9 дня 744 года в Сибирский приказ написано, Правительствующий Сенат по представлению Коллегии иностранных дел о взятом в Москве в Сибирском приказе у посланцев зенгорского владельца Галдан Чирина Ламы Даши с товарищи ревеню больше трех сот пуд приказали послать в Сибирский приказ указ, вслед оному, когда в Коллегии иностранных дел о выдаче вышеписанным зенгорским посланцам за показанный ремень денег получить известие, то по оному учинить исполнение немедленно и в Сибирскую губернскую канцелярию из Сибирского приказа послать указ же, велеть той губернии накрепко смотреть и в надлежащие места крепким указами ж подтвердить, ежели впредь таковые зенгорские посланцы, которых от их владельца ко двору Ее Императорского Величества или к сибирскому губернатору будут отправлены и потому ж ими привезен будет ремень, тот ремень удерживать на границе, а им посланцам объявлять, ежели они тот ремень похотят в казну Ее Императорского Величества по настоящей цене продать, то оный у них принят будет, буде же они по той цене не возьмут, то оный в России пропущен не будет, и буде они тот ремень в казну по настоящей цене отдадут, то оный у них принять и деньги отдать без задержания, буде же по той цене отдать не похотят, то онаго отнюдь ни под каким видом в России не пропускать, а по справке о платеже за имеющийся в Сибирском приказе взято у зенгорских посланцев ремень денег из Правительствующего Сената указ и из Коллегии иностранных дел известие в Сибирский приказ получено и деньги за тот ремень оным зенгорцам шесть тысяч шестьдесят семь рублей сорок копеек из Сибир-

ского приказа выданы октября 4 дня 744 года и росписка взята и в Коллегию иностранных дел отослана и в Правительствующий Сенат рапортовано и сего марта 29 д. по Указу Ее Императорского Величества и по определению Сибирского приказа велено в Сибирскую губернскую канцелярию послать указ, с накрепчайшим подтверждением велеть чинить, как о том вышеписанным Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената Указом поведено непременно, и что чиниться будет, рапортовать.

Да в Указе Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената от 11 июля, а в Тобольске в Сибирской губернской канцелярии полученном августа 20 ч. 745 года, написано:

В именном де Ее Императорского Величества Указе за подписанием Ее Императорского Величества собственные руки июня 22, а в Сенате полученном 24 ч. написано, по всемилостивейшему Ее Императорскому Величеству от Коллегии иностранных дел представлению о товарах зенгорских посланцев Лама Даши и Авазбая, которые они для отвозу с собою накупили и несколько из оных с третьим их товарищем Науруз Хозы в Зенгоры уже отпущено, а достальные ныне в Москве на Гостином дворе находятся, и по учиненной оценке всех оных товаров на тридцать на семь тысяч на восемьсот на семьдесят на три рубли, на девяносто на восемь копеек с половиною показано, с которых до указам, как внутренних, так и верхотурских пошлин шесть тысяч двести шестьдесят один рубль восемьдесят две копейки с половиною взять надлежало. Ее Императорское Величество указать соизволила ныне для показания оным посланцам, особливо ж владельцу их удовольствия с оных товаров помянутых пошлин не брать и не требовать, а отпустить оные с ними посланцами беспошлинно за таможенного печатью, чтоб оные дорогою уже до самой границы нигде не досматривать, а каким образом впредь всегда в том поступать и надлежит ли, как с привозимых такими зенгорскими посланцами в Сибирь и в Москву, так и с покупных ими в Российской империи товаров при отпуске с ними за границу пошлины брать или до коликого числа в пошлинах увольнение им учинить, о том Коллегии иностранных дел единожды определение постановить и Ее Императорскому Величеству представить, дабы всегда уже по тому впредь постукано и им зенгорцам известно было и во исполнение оног

Ее Императорского Величества Указа Правительствующий Сенат приказали о вышеписанном в Коллегию иностранных дел и куда надлежит послать указы.

Доношение³⁴³ Павлуцкого Киндерману.

Наперед сего минувшего октября 8 Вашему Превосходительству доносил, что по силе присланного ордера отправлен в Зенгорскую землицу для секретных разведываний Сибирского драгунского полка вахмистр Савва Соболев под видом купеческим и при нем для толмачества тарский разночинец Герасим Зенков по желанию его (ибо он нисколько при себе товаров имел) и ему Соболеву для онаго купеческого вида дано отсель из казенной солдатской пехотного батальона суммы разных товаров на 50 рублей и что ему поручено было о тамошних обстоятельствах разведывать с данной ему секретной инструкции для рассмотрения Вашему Превосходительству сообщена от меня точная копия, а сего ноября 23 д. ввечеру помянутый вахмистр Соболев с товарищи из Зенгорской землицы прибыл благополучно и объявил, что в бытность их там приниманы были от нойонов и от прочих зенгорцев с ласкою, а по границе де их за каменем Калмык Тологоем от Семиполатной крепости например с триста верст состоит их военных людей на карауле от российской стороны с двумя знатными нойонами (кои бывшему их владельцу Галдан Чирину племянники), всего с две тысячи человек и от той де военной команды и малые отъезжие караулы в пристойных местах имеют, но стоят де осторожно, понеже имеют от российской стороны великое опасение, а улусы де их кочевые от тех их караулов езды будет с сутки, токмо де они Соболев в тех улусах не были, оне ж там слышали неоднократно, что зенгорский владелец Галдан Чирин в нынешнем сентябре месяце умер, а при смерти де своей все Зенгорское владение поручил в наследство сыну своему родному Бичаган Цагану, коему де от роду ныне четырнадцать лет, точию де оное в их землице хранится в великом секрете. А бывшее в походе на абдулкаримцов их зенгорское войско возвратилось и несколько разорения оным абдулкаримцам они учинили. Посланный же поручик Аблязов имеется в зенгорцах в Урге благополучно и обратно де в Россию отправится в

³⁴³ 25 ноября № 34.

будущую весну обще с их посланцом, о чем, тако же и о прочих тамошних обращениях, рапортом от него Соболева ко мне объявлено, с которого к Вашему Превосходительству для пространного о всем рассмотрения покорно сообщаю при сем точную копию, к тому же и его Соболева при сем к Вашему Превосходительству отправил.

Рапорт³⁴⁴ Соболева Павлуцкому:

— Минувшего октября 7 д. отправлен я из Ямышевской крепости с данною от Вашего Высокородия инструкциею по силе Его Превосходительства г.-м. Киндермана секретного ордера, за границу до крайних зенгорских улусов под видом купечества для разведывания о тамошних обращениях; а со мною были посланы для толмачества тарский разночинец Герасим Зенков и в конвое семиполатных казаков три человека; и по силе оной инструкции в тое Зенгорскую землю я ездил и возвратился благополучно и покорно Вашему Высокородию доношу следующее:

1. По отправлении из Семиполатной крепости следовал чрез камень Калмык Талогой и по переезде всего около камню Калмык Талогою, например расстоянием от Семиполатинской с триста верст повстречался со мною калмык, которого я спросил, куда и откуда едет, на что он объявил, что ездил для присмотру переезжающих из России в их Зенгорскую землю, а из Зенгорской (в Россию) людей и следов; причем я спросил его, от какой он команды послан, и на то он объявил же, что от стоящего отъезжего караула, который де караул состоит при одном демечи в тридцати человеках от того места (где мы с тем калмыком съехались) верст например с пятнадцать при урочище речки Чебуляк³⁴⁵, и по тех разговорах звал он нас всех к оному отъезжему караулу для объявления командующему демечи, и я просил его, чтоб меня с товаром за отягощением лошадей от немалого пути к себе не брал, понеже заезжать нам в сторону не способно, и приказал же я тому демечи объявить, ежели он хочет ко мне ехать или кого прислать, то я буду ожидать у речки Абдорам Уду и того же упомянутый демечи прислал ко мне одного же калмыка же, которому приказано объявить нас на главном их карауле к нойону.

³⁴⁴ Ноября 24.

³⁴⁵ Река Чигилек, приток р. Кокбекты, течет в озеро Зайсан.

2. И приехали мы назавтра к тому главному караулу, коей от первого малого караула например в верстах в пятнадцати, а при том карауле командующим Галдан Чирин племянник Чахдорнойон, коей от роду например лет сорок, а стоит оный при речке Чебуляке же, всего в пяти стах человеках военных людей, а улусы их кочевные от того главного караула сказывают, что с сутки езды будет, и оные зенгорцы приняли нас с весьма ласкою и были нам рады, и реченный Чахдорнойон спрашивал нас, какие мы люди и чего для приехали к ним и все ли в России благополучно. На что я объявил ему, что российский купец и по желанием моему с имеющими при мне на их руку товары следую в их крайние улусы торговаться, а в Российском государстве обстоят ныне всякое благополучие и со всеми государствами тишина и вечный ненарушимый мир заключен, и оннойон между прочими разговоры сказал, чтоб мне товарами с ним меняться, у него де товару довольно, при чем, желая моей договорной цены, хотел послать в свой дом по те товары, на которые и я (чтоб мне в их земле не продолжиться и до зимней стужи можно было возвратиться и за худостию лошадей) объявил, что торговаться с ним желаю, и потом он приказал нам становиться близ его юрты и для лучшего смотрения и к защищению от обид приставил к нам есаула да и с подлых для пастьбы лошадей наших одного калмыка и, во-первых, прислал ко мне в презент на довольствие в пищу барана, а чрез вышеписанного караульного есаула напротив того требовал и от меня подарка же, и по его приятству и ласки я подарил же его из казенного товару кожею красной да бобром по цене на два рубли на шестьдесят на пять копеек.

3. И потом вышеписанный определенный для пастьбы наших лошадей калмык между разговоры объявил нам, что де завтра прибудет сюда сверх онагонойона командиром же главныйнойон Еманкул, который владельцу их Голдан Чирину по сестре его родной племянник же, собою есть молод например лет двадцати, а команды де с ним военных людей тысяча пятьсот человек, причем я между разговоры спрашивал его, чего ради ныне к наступлению зимнего времени отъезжие по границе караулы людьми они умножают и не имеют ли от каких земле опасения, на что оный калмык объявил мне чрез толмача секретно и что владеец их Голдан

Чирин умре нынешней осени в сентябре месяце и для пресечения о смерти его Голдан Чирина разглашения те караулы разоставлены, дабы в другие государства чрез беглых и прочих людей известия о том не произошло и оное де накрепко подтверждено у них хранить в секрете и по тому объявлению онаго калмыка я для подлинного уверения о следующей с Еманкулом нойоном не малой команде для лучшей достоверности о смерти Голдан Чирина у онаго нойона ночь переночевал, а 31 числа октября упоминаемый Еманкул с вышеявленными военными людьми в полутарех тысячах к тому караулу и прибыл я по той же речке Чегуляне, не доезжая прежнего караула верстах в четырех расположился, и к оному прибывшему нойону прежде бывший нойон Чахдур по поезде своем звал и меня с собой для объявления ему, и притом говорил, дабы и его по возможности я чем подарил же, на что я ему сказал, что я его не видал, и как его увижу и от него в пользу себе какой способ получу, тогда по возможности своей и презентовать могу.

4. И потех разговорах по отъезде Чахдор нойона вскоре поехал к нему же Еманкулу, и едучи повстречался с нами один киргизкайсак, который спрашивал, куда мы едем, и мы сказали, что едем к прибывшему главному нойону Еманкулу явиться, и при том оный кайсак нам говорил, что ежели Еманкул нойон будет вас спрашивать о благополучии государства Российского и то б мы объявляли, что всякое благополучие продолжается, и при тех же разговорах еще он спрашивал у нас, что известно ль де вам о смерти Голдан Чирина, что он нынешней де осени умре, и мы объявили, что мы ничего и ни от кого не слыхали, а оный кайсак о себе объявил, что взят в зенгорцы в плен в малых летах, а ныне в зенгорском войске чириком находится.

5. По прибытии нашему к упомянутому Еманкулу нойону, спрашивал он нас, благополучно ль в Российском государстве, и мы ему объявили, что в нашем государстве обстоит благополучно, и как со шведами, турками, китайцами и с прочими государствами обстоит тишина и заключенный вечный мир. При чем он приказал нам торговать, и от команды его ничем ни от кого обижены не были, и мы по согласию с толмачем онаго главнаго Еманкул нойона подарили из казенного же кожею красною да бобром по цене на два рубли на шестьдесят на пять копеек, того ради, чтоб

нам под видом купечества иметь в том пространство и потом дней чрез десять, якобы имеющими мы уже при нас товары исторговались и просили от него позволения об отпуске в Россию, на что он сказал нам, что за глубиностью снегу проехать ныне никоими меры нельзя, однако я наиприлежнейше просил его, объявляя, что за неимением при нас товаров, напрасно долговременно в их землеце нам не для чего и на имеющих со мною работных наемщиков может произойти излишняя напрасная плата, а паче выменные от их товары за неприбытием моим на Ирбицкую ярмарку на руках у нас остаться могут, от чего может приключиться мне не малое разорение да и впредь таковым же моей братьи российским купцам с товары в их землецу ездить будет неохотно, на которые мои представления он сказал, что держу де вас не для каких своих прихотей, но для охранения вас же, ибо ежели нынешним зимним путем можете каким случаем утратиться и то де на нас Всемилостивейшая Государыня спросит, на что я и наипаче об отпуске с их конвоем просил же, объявляя ему, как и в Российском государстве их купечество конвоем препровождается же, по которой моей просьбе и приказал ехать с его конвойными на завтра, ибо де сего числа отправляюсь с границы в свои улусы; и того ж числа, т.е. до отбытия нашего за сутка, оный нойон в свои улусы и отбыл.

6. А для препровождения со мною определил калмыков двух человек до крайнего караула, который имеется при Калмык Гологое, а при отъезде нашем оттоль прежде определенного от Чахдура для обережи нас есаула и собственная своего пожитка подарил я бобром, ножницами и доброго сукна на шапочный вершок всего по цене на рубль, и оный есаул, подарки мои приняв, положи на голову, говорил, что де я ныне трудился не для вас, а для Всемилостивейшей Государыни и кланяюсь де не вам; да за пастьбу наших лошадей с начала бытия моего подарил же калмыка из собственного моего ножницами, бумажкою игол, и вышеписанного же сукна на шапочный вершок, всего на девяносто копеек.

7. И пред тем моим отъездом прибыл к нам бухарец и спрашивал товаров, которому я приказал ехать обще со мною до становья и по приезде на ночлег, оный бухарец дал мне в подарки бязь да на пищу несколько хлебного припасу и при том просил меня, дабы я с ним подружился, чего для я напротив отдалил же из собствен-

ного красною кожею, и между прочих разговоры объявил он при конвойных калмыках, что владелец их Голдан Чирин умре, и по выведании ж моем, объявил же, что все Зенгорское владение поручил он при смерти своей сыну своему Бичаган Цагану, который учинен от него во всем наследником а от роду ему ныне четырнадцать лет, чего де для при жизни своей перед смертью, оный Голдан Чирин, собрав своих нойонов, зайсанов, старших и прочих знатных людей, приказал им быть у вышеписанного сына своего Бичаган Цагана во всяком послушании, яко у владельца, а особливо де оному сыну приказывал, чтоб по смерти его владеть ему всем Зенгорским владением, а с российским и китайским государствами отнюдь бы ссоры не иметь, а с киргиз-кайсаками б управляться.

8. Да при том же означенный бухарец объявил, что из абдулкаримского похода их поиски нынешней осени возвратилось обратно, токмо де того Абдулкарыма испоконить не могли, а более де, что близ абдулкаримского города столице крайние улусы разорили, и потому я между разными разговоры у него спрашивал, что какою причиною онаго взять не могли и нет ли у него от какой землицы для вспомогательства войска и намерены ль еще противности его мстить оруженною же рукою и где ныне наш посланный в их землю поручик Аблязов находится и в каком обращении, и на то он объявил, что при бою де с абдулкаримцами хотели мы от них воду отнять и отнесть в другую сторону и без питья поморить их голодною смертью, токмо, яко бы побоясь Бога, того не учинили, а войска де кроме своего он Абдулкарим ниоткуда в прибавок не имеет и впредь де мстить им абдулкаримцам они зенгорцы уже не хотят; к тому же произносятся между их народом эха, что от Абдулкарыма прибыл в их Зенгорскую землю посланник и с оным де чаятельно быть ныне замирению.

9. А ваш де российский посланник пребывает ныне в Урге во всяком благополучии и известно, что в будущую весну отправится в Россию обще с нашим де посланцем, коей прежде был в России Науруз Хозы.

10. И между ж теми разговоры спросил я онаго ж бухарца, что я чрез нашу братью купцов слышал, яко бы зенгорцы от Российского государства имеют опасность, и он отвечивал, что такое эхо происходило у них заподлинно, понеже де выездие из России ны-

нешней весны в большом караване зенгорские купцы по прибытии владельцу Галдан Чирину донесли, что будто в России их принимали и обратно провожали не так с ласкою, как прежде бывало, но с отменною де, ибо много де были из них биты побоями и при том же ему Голдан Чирину объявили, что видели они по границ российской не малое число войска и будто бы по наведыванию их, известны, что российское войско по собрании намерено следовать на Зенгорскую землю, от чего де Галдан Чирин приходил в немалое сумнение и располагал по границе своей для осторожности караулы и ожидал на свою землю от российской стороны воинского поступка и чрез прочих о российском обращении наведывался, и получал де ведомости, что от России войны не будет, да спрашивал прежде посланного в Россию посланца помянутого Науруз Хозы, что в бытность его в России не было ль ему какого озлобления и не напрасно ль де наши купцы сказали, на что де оный Науруз Хозы отвечивал, что он в России находился в великой чести и милости и всем доволен и впредь обратно едуци, ни от кого никакого зла не видал и за то де его тогда Науруз Хозы он Галдан Чирин наградил десятью кибитками и с людьми.

11. Да в бытность же мою в Зенгорской земле прибежал из киргиз-кайсаков от владения Аблай салтана...³⁴⁶ на зенгорский караул, которого я увидя, спрашивал, какой он человек, откуда и давно ли, и он объявил, что он природный Зенгорского владения и увезен был в киргиз-кайсаки в малых летах, а оттуда ныне из ведомства Аблай салтана бежал и скорою ездою выбежал в девятнадцать дней и спрашивал его о Аблай салтане и о прочих кайсацких старшинах, где оные ныне кочуют и не имеют ли которые с зенгорцами какой ссоры или находятся в соседственной дружбе, тако ж и от кого от их не отдали ль к Голдан Чирину в аманаты, на что он объявил, что Аблай и Барак салтаны и другие владельцы от Зенгорской земли откочевали в дальность, и про аманатов подлинно не знает же, а прежде у Голдан Чирина Аблай и Барак салтана яко б по дружбе их дети в аманатах имелись.

12. О воре ж Карасакане, где он и в каком состоянии и звание свое переменял ли, ни чрез кого разведать об нем я не мог.

³⁴⁶ Пробел в рукописи.

13. Я же быв там и в следующем пути находился с командою благополучно и ни от кого никаких обид не видали, и по отъезде моем от главного зенгорского караула обратно следовал я до последнего караула, с которого, для глубокости снега, велено мне, по позволению вышепредписанного Еманкул нойона, взять в конвой чириков, сколько надобность требует, по усмотрению моему хотя до 20 человек, токмо я за не весьма глубоким снегом взял с того караулов чириков десять человек, кои и препровождали меня по камню Чаргурбану от Калмы Тологоя сутки, и оттуда оные возвратились обратно.

14. Там же обращались к нам оные зенгорцы весьма склонны, токмо видно, что не имеют от российской стороны великое опасение, чего для уповательно и те не малолюдные караулы по границе своей имеют.

15. А у оных состоящих по границе чириков имеется ружье на большую половину турки, а у прочих сайдони и сверх того у многих копыя, а лошадей иные имеют по две, а у других на двух человек три, токмо те лошади у них весьма плохи и осадненных много, сказывают, что от бывшего абдулкаримского дальнего похода.

16. У оных же чириков видели мы (по объявлению их) завоеванное от абдулкаримцев платье, кафтаны, ярмаки и другой скарб, из которого и продают довольно.

17. Мы же слышали, что Зенгорского владения купеческие люди с товары намерены были в Россию идти в нынешнюю осень для торгу по прежнему и для того же бухарцы многие, отправясь в Россию, пришли было в их Ургу, где их владелец находится, токмо тут задержаны и отпуску де от них в нынешнюю осень и зиму в Россию никому не будет затем, что прежний владелец их Галдан Чирин умре и о том бы вскоре в Россию известия не подать.

18. В тамошних же местах и по границе зенгорской и сюда ближе в горах в каменю снеги глубоки, а именно лошаде до полубок и мы с немалою нуждою проезжали, а после нас уповательно те снеги и глубже стали быть.

19. Означенные ж зенгорские нойоны и подлые люди между прочими разговоры спрашивали у нас, для чего де по Иртышу вновь крепостей много строится и сена в нынешнее лето везде много же ставлено, и на оное мы объявили им, что не токмо по

Иртышу, но и в других местах по дорогам, где между крепостей пустыми местами великое расстояние, строятся по силе указов почтовые станции для скорой перевозки писем и для перемены подвод, также и для зимнего времени для доброго ночлега людям и лошадям, где и их зенгорским посланцам и людям может быть в пути против прежнего лучший покой, а наперед сего в таковых дальних пустых местах переезжающие люди от морозов повреждались и в прочем терпели великую нужду, и лошади без сена голод, чего ради и сен велено ставить не мало по вся лета, чтоб чрез всю зиму, осень и весну недостатка в том не было, ибо в здешних пограничных местах лошади у российских людей кроме одного лета в поле не ходят. И в зенгорской границе имелись мы пятнадцать дней, а в Семипалатную крепость выехали от последнего их караула в восьмой день благополучно.

*Донесение Павлуцкого Киндерману*³⁴⁷.

25 ноября доносил он Киндерману на основании рапорта подполковника Окунькова, что в Семипалатинск прибыли из Джунгарии калмыки Курен с товарищами, 5 человек, которые следуют от своего владельца "с листом" в Россию. "А сего ноября 28 дня те калмыки сюда к Ямышевской прибыли и поставлены в построенный близ крепости особый для приездов их дом, и по прибытии их вскоре оный калмык, яко главный, Курен Кучин, и при нем два человека призваны мною при штаб и обер-офицерах в обывательский дом, стоящий в верхней слободе близ проезжих ворот, и приняты с пристойным почтением и ласкою, и между прочими разговорами много искусно, о чем надобность требует спрашиван с надлежащими резоны, и на то объявил он, что прежний их владелец Галдан Чирин в минувшем сентябре месяце умре, а по кончине его все оное Зенгорское владение содержит учиненный от него наследником сын его Цебель Доржи, коему де от роду ныне с тринадцать лет, а желает де тот их новый владелец пребыть к России в склонности и ненарушимой тишине, как прежде и при предках его было, чего ради он Курен с тем объявлением в Россию и отправлен с листом до превосходительный г-д генералитетов, и велено ему ехать сюда с споспешением, и об оном де

³⁴⁷ Ноября 29, 1745 года. По описи № 35.

спокойном пребывании и в том листе написано, который он Курен мне и показывал, писанный по-видимому калмыцким письмом, и в заключении того листа красная владельческая печать приложена, токмо оный лист здесь прочесть и перевести некому; и желает он Курен означенный лист Командующему Генералитету подать сам, и при том о чем ему от их владельца и Зарги приказано донести персонально, а о посланном отсель поручике Аблязов, где он обретается, ико бы они калмыки не знают и не слыхали, и с чего весьма не без сумнения, что оный поручик благополучно ль в их землице находится и зачем с ними обратно не бывал и писем от него в присылке нет, и как о вышеписанном, так и о прочем того калмыка объявления при сем покорно Вашему Превосходительству для рассмотрению сообщаю с журнальной записки копию и доношу, что оные калмыки отправятся отсель сего ж числа к Вашему Превосходительству за конвоем Енисейского полка сержанта Ивана Паклина. У помянутых калмык имеются шестнадцать лошадей, токмо оные весьма плохи, как они объявили, так и по осмотру обер-офицеров капитана Перевозчикова и адъютанта Чередова оказалось, и сюда доехали они на оных с великою нуждою, а далее отсель идти весьма не в состоянии; а понеже оные отправлены из их землицы в Россию як с немало нужнейшими ведомостями и к пользе российской принадлежащими, чего для чтоб они в пути не продолжались и могли б к Вашему Превосходительству прибыть как наискорее, отправлены отсель по силе Ее Императорского Величества Указов и по общему мною с наличными здесь штаб и обер-офицеры определенью без задержания на четырех подводах, с дачею за оные до города Тары указных прогонных денег, потому ж и на довольствие их с пути выдано денег два рубли, всего с прогонными шестнадцать рублей четыре копейки, которые взяты из казны Ее Императорского Величества из Ямышевской таможни, а собственные их калмыцкие лошади оставлены здесь в Ямышевской за присмотром определенного к смотрению казенных крепостных лошадей кантенармуса Жукова, и велено давать оным на каждую в сутки по тридцати фунтов с запискою. Вышепоименованному же командированному сержанту Паклину и поступанию дана к пристойной силе секретная инструкция, которою между прочим определено ему от места до места брать конвоя регулярных пять, не

регулярных три человека, да отсель дано ему до Омской крепости гренадер и солдат три человека, а в Омской велено оных майору Нелюбову переменить другими из тамошней команды; быв же в пути, определено оных калмык для лучшего их приласкания и доброго ночлега в состоящих форпостах и почтовых станциях вводить в казармы, токмо до непристойных и прочих и лишних разговоров с ними подлых людей русских, и паче татар, не допускать, дабы кто от безрассудности или в глупости своей или (паче чаяния) умышленно, чего им ненадобно и пользе российской противнаго не мог объявить, а наперед сего с посланным от меня к Вашему Превосходительству вахмистром Соболевым всем обретающим в состоящих отсель вниз по Иртышу крепостях, форпостах и почтовых станциях командирам, штаб и обер-офицерам и урядникам накрепко о том же подтверждено, и при том объявлено, дабы во всех тех местах к прибытию оных калмык почтились употребить особливую осторожность, яко то: часовых в пристойных местах умножить и туточным военным людям ходить на то время приборно и при шпагах, и малоллюдно, а паче по одиночке, и без ружья от крепостей отъезжать весьма не велеть, дабы те калмыки, усмотря оное, могли ведать, какая в российских границах осторожность и порядок употребляются; и никакого бы озлобления, ниже обид им отнюдь нигде не чинили, но показывали б всюду, яко иностранным людям, всякое благодеяние и ласку и в пище б они недостатка и жалоб не имели, и сверх той инструкции означенному сержанту о поступках с оными и словесно от меня с довольным наставлением приказано; и о вышеписанном Вашему Превосходительству покорно доношу, о прибыли ж оных калмык и о выдаче на них из Ямышевской тамошни на довольствие и на прогоны казенных денег, донесено от меня и в Сибирскую губернскую канцелярию”.

1745 года ноября 28 дня прибывший к Ямышевской крепости из Зенгорской земли калмык Курень Кучин призван полковником Павлуцким при штаб и обер-офицерах в особый обывательский дом (стоящий в верхней слободе, близ въезжих ворот) и спрашиван искусно с пристойными приласканиями и подлежащими к тому резоны о нижеследующих обстоятельствах и на то объявил:

1. Прежний их зенгорский владелец Галдан Чирин чрез тридневную болезнь умре, назад тому ныне третий месяц (т.е. в сен-

тябре месяце), а наследным по себе владельцем учинил при кончине своей сына своего меньшаго Цебель Доржи Намжи, коему де ныне от роду тринадцать лет; а хотя де другой сын большой лет двадцати именем Лама Доржи от него Галдан Чирина и остался, токмо де тому оное наследное владение он не поручил, понеже тот его незаконной жены. При смерти же своей он Галдан Чирин собирал к себе подданных своих нойонов, зайсанов и других знатных людей, кои в Урге и по близости Урги находятся.

2. А он Курень с товарищи в пяти человеках калмыков же отправлен из Урги от помянутого новаго владельца Цебель Доржи Намжи и от их Зарги с листом в Россию до Тобольска и превосходительным господам генералитетам с тем объявлением, что предписанный прежний их владелец Галдан Чирин скончался, и ныне по кончине его все Зенгорское владение содержит учиненный от него наследником сын его именованный Цебель Доржи Намжи, и желает де он пребыть к России в склонности и тишине, как при предках его было, о чем де и лист прислан за печатью онаго владельца и для того отправили его Курсия в Россию после смерти онаго Галдан Чирина вскоре и подтвердили де ему накрепко ехать сюда с поспешением.

3. О себе предписанный калмык Курень объявляет, что он у владельцев своих содержится будто под особливою протекциею, понеже де имеется при доме их, яко при доме их казначеем и прочая их экономия ему поручена.

4. По отправлению де их из Урги прибыли они в Семипалатинскую крепость в тридцать пять дней, понеже в каменных местах в урочищах Камар Табана, Калмы Тологое и Чар Гурбана и инде за великими снегами и ненастьем и худобою лошадей стояли на одних местах дней по пяти и по шести и лошадей своих от того затруднительного пути весьма выбили и осаднили и к Ямышевской де приехали с немалою нуждою.

5. Посланного отсель (в прошедшем июне месяце сего 745 г.) в Зенгорскую землицу с листом к нойону Дебачи и их прежнему владельцу Галдан Чирину поручика Федора Аблязова он Курень с товарищи яко б не видали и где он находится, и в их Урге и в прочих тамошних местах был ли, про то они якоб не слышали и не знают.

6. Российские купеческие люди, находящиеся в Зенгорском владении, имеются де в Иркене и других местах, а все ль благополучно и будут ли обратно в Россию вскоре, о том они подлинно будто не знают же.

7. Их зенгорский купеческий караван с иркецкими товары в Россию нынешней де зимы прибудет, как и прежде приходили и оных де следует до двух сот человек, и в здешние крепости прибыть им уповает отныне дней через двадцать, понеже де они из Урги намерены были отправиться после их назавтра, а в Урге де они были несколько времени задержаны за вышеозначенную, случившеюся владельцу их Галдан Чирину, кончиною.

8. Войска их зенгорские с главным Сентень нойоном были нынешнее лето в походе на абдулкирымцев и разорили де у оных три городка, да владельческого их сына взяли в полон, коей де находился из оных в одном городке командующим, а коликих лет тот абдулкарымского владельца сын и по взятии в плен, где ныне находится, о том он якоб не знает. А войска де их зенгорского в том походе было тысяч с тридцать и было де для вспоможения в том же их войске киргиз-кайсаков из живущих близ Ташкента (уповательно Большой Орды) с двести человек, а от других де кайсацких владельцев людей к ним в помощь в присылке не было, и уповает он Курень, что то их войско из онаго абдулкарымского похода возвратилось в их землю по отбытию их вскоре.

9. По границе де их от стороны российской и киргиз-кайсацкой караулы имеются немногочудные, по прежнему обыкновению, и прибавочных де против прежняго нет, и те де караулы имеются более в осторожность, яко от киргиз-кайсаков, понеже они зенгорцы на оных по непостоянству их, весьма не надежны.

*Промемория Сибирской губернской канцелярии в воснно-походную генерала Киндермана*³⁴⁸.

16 декабря Киндерман прислал в Сибирскую губернскую канцелярию письмо, привезенное калмыком Куренем Кучиным от нового зенгорского владельца Цебень Доржи Намжих, и просил его перевести “на русской диалект” и возвратить. Письмо было переведено тобольским толмачом калмыцкого языка Фомой Девя-

³⁴⁸ Декабря 16. По описи № 40.

тияровским, и оказалось в нем: известие о смерти Галдан Чирина, требование сведений “о оставших от посланника Науруз Хазы посланниках, зачем они так долго не бывали, за подводами ли или другим каким препятствием продолжаютя”. Присланный лист и копия с перевода отправлена в Государственную коллегия иностранных дел; Киндерману же препровождена копия с перевода, и сведение сообщается, согласно указов из Коллегии иностранных дел., что “оставшие калмыцкие посланники от Науруз Хазы ныне из Москвы отправлены в свою землю, почему уповаемо ныне имеются уже в пути и прибытием сюда скоро неумедлят”.

1745 года декабря 16 дня присланный лист из калмыцкой земли на их языке в Сибирскую губернскую канцелярию на русский диалект через толмачество тобольского толмача калмыцкого языка Фомы Деветияровского переведен, а по переводу в нем явилось писано тако:

— Тобольскому генералу подать; на пред сего мой отец был князь, который с Великой Государыней Императрицей между собою в совете и в любви пребывали, а в нынешнем оной мой отец представился, и ныне я по обыкновению желаю посольство и купечество всякое с Россиею отправлять да в прошлом году с нашим посланником Науруз Хазой от Великой Государыни Императрицы Указ получен, и с ним писано, чтоб он к нам ехал в самой скорости, а другие де наши послы за ним Наурус Хазой поедут, которые наши прежние посланники и поныне к нам не бывали за подводами ль или за другим каким препятствием продолжаютя, о том нас уведомить, а с сим листом послан от нас Куран Кычин в самой скорости, и с ним послано к вам в гостинцы парча деревянного и коровья году месяца и дня.

Репорт³⁴⁹ Павлуцкого Киндерману.

Сего декабря 15 дня прибыл сюда из Зенгорской земли поручик Федор Аблязов, который туда отправлен был от меня по силе секретного от Вашего Превосходительства ордера июня 22 числа с листами от Вашего Превосходительства к бывшему их владельцу Галдан Чирину и нойону Дебачи и что там мог он Аблязов с

³⁴⁹ 18 декабря 745 года. По описи № 43.

имеющими при нем толмачами по силе данных ему инструкции усмотреть и разведать, о том объявил ко мне рапортом, к коем между прочего значится, что он в Большую их Ургу к владельцу пропущен не был, а удержан был в улусах дебачи; при том объявил, от оной де зенгорской стороны злого к России намерения он не усмотрел и желают де быть они в тишине и соседнюю дружбу содержать не нарушимо, токмо от российской стороны имеют великую опасность и оный его Абязова рапорт послан к Вашему Превосходительству при сем, также и он поручик и с бывшим при нем для толмачества семипалатным казаком Иваном Поморцевым отправлен к Вашему Превосходительству при сем же, и даны ему отсель на одну подводу прогонные деньги из Ямышевской таможи до города Тары по числу расстояния вперед три рубли пятьдесят одна копейка и о вышеписанном Вашему Превосходительству покорно доношу.

Высокоблагородному и высокопочтенному г-ну полковнику Павлу-кому. Рапорт.

По данным мне июня от 22 ч. сего 745 года от Вашего Высокоблагородия двум инструкциям (в том числе одна секретная) с прописанием присланного тогда к Вашему Высокоблагородию от Его Превосходительства генерал-майора Киндермана секретного ордера, посылан я был в Зенгорскую землю с двумя листами, писанными от Его Превосходительства к бывшему владельцу Галдан Чирину и нойону Дебачи, и что по тем инструкциям учинено, о том покорно доношу следующее:

1. Отправился я из Ямышевской крепости с данным мне для толмачества солдатом Михеем Стрелковым онаго ж 23 июня и по прибытии в Семиполатную взял тут определенных мне для конвоя и толмачества казаков пятнадцать человек и отправился в землю Зенгорскую июля 1 дня и в пятый день прибыл к речке Мухорчар, коя течет в речку Чар Гурбан, где зенгорский первый малый караул состоит, а от того де подалье имеется яко большой караул с нойоном Батмацыреном, и оные приняли нас изрядно и с приятством и отправили к нойону Дебачи за конвоем и на подводах и ехали чрез разные их зенгорские кочевья, и от онаго зенгорского

первого караула отпустил я своих конвойных казаков в Семиполатную крепость обратно, а при себе оставил трех человек, в том числе двух для толмачества.

2. А к помянутому нойону Дебачи в улус прибыл я июля 12 ч., токмо сказали мне тут, что нойон Дебачи болен и к себе никого сторонних не допускает и для того посланный со мною к нему нойону лист от меня просил присланный от него зайсон Цырин, и я ему оный не отдавал и просил с довольною просьбою, чтоб меня самого к нему допустить, как для подачи, так и для надлежащего по силе инструкций моих словесного представления о соседственной дружбе, точно той моей просьбы не послушали и сказали, что ваш де указ здесь не служит, а служит де у нас указ от нашего владельца, и я принужден оный лист им отдать, который у него и распечатали, а о другом листу, писанном к их владельцу, мне от него нойона через зайсонов сказано, чтоб отдать им, понеже они пошлют оный к владельцу Галдан Чирину с зайсоном же Китатом, который де ему владельцу довольно знаем, а вас де российских по указам от владельца Галдан Чирина пропускать в Ургу не велено; однако я, представляя довольные резоны, просил, чтоб в Ургу к их владельцу меня с листом пропустить, точию они зайсоны мне сказали, что ни как де вас в Большую Ургу пропустить без указа не можно, чего ради и приказ к караульным нойонам и зайсоном от нойона Дебачи послали, чтоб впредь российских людей далее первых караулов не пропускать, и оный лист к Галдан Чирину от меня они взяв, послали в Ургу с нарочным зайсоном Китатом, а меня, удержав у одного нойона Дебачи в улусах, велели ожидать от владельца указа.

3. Зенгорский прежний владелец Галдан Чирин (по довольным через их разных людей известиям) в минувшем сентябре месяце умре и при кончине своей учинил по себе наследником над всем зенгорским владением сына своего Цебен Доржи Намжи, коему де от роду ныне тринадцать лет.

4. Оный зенгорский владелец новый, в каком намерении находится, также и отец его покойный Галдан Чирин, в каком же состоянии находился, о том мне не известно и не знаю, а владения ж их нойоны, зайсоны и прочие, в которых местах мы находились, по-видимому злого намерения к российской стороне не имеют, и ко мне обращались с приятством и довольствовались меня с командою

потребною пищею и в случившемся переезде давали подводы и пристойный конвой по надлежательству.

5. От российской стороны имеют они великое опасение, как видно по разным пустым разглашениям, а более чрез их же Зенгорского владения уранхайцев, которые кочуют не в дальности от Усть-Каменогорской крепости и приезжают в оную по часту и потому уповательно более от них уранхайцев все эти происходят, понеже сказывают калмыки, что те уранхайцы как к ним зенгорцам много ложных известий привозят, почему де они и в российские крепости о их земле таковые могут напрасные ведомости объявлять, и по той опасности имеют они зенгорцы на границе своей от стороны российской не малолюдные караулы, и ныне состоит в карауле на границе по речке Бугушу (коя от Семипалатной крепости например езды будет дней с пять), с командой нойона Дебачи брат родной нойон же Еманхули в семи тысячах чириках, а другие сказывают, что с три тысячи, да нами усмотрено, что более трех тысяч в караулах их нет и при нем под командою его три нойона же и шесть зайсанов и один есаул и прочие нижние чины.

6. Зенгорские войска (по разным объявлениям) всего в собрании с тридцать тысяч под командою главного нойона Сентеня, коей над всем войском главным с несколькими нойонами отправлены еще с весны на абдулкаримцев и было в пути на некоторое время по опасности от российской стороны остановлено, но потом по возвращении из России их купеческого каравана велено паки тому их войску идти на оных абдулкаримцев, и было у них с теми абдулкаримцами не малое между собой сражение и обманом взяли у абдулкаримцев один малый городок званием Кайсак, в котором было де людей мужеска и женска пола якоб тысяч до десяти, а в других де городках оных абдулкаримцев взять не могли, ибо для вспоможения там абдулкаримцам якоб приходили из-за реки Дарьи кызылбалицев тысяч сорок, и при сражении де с ними имели себе те зенгорцы несколько урону, и для того де оным зенгорским войскам приказано от ныняшнего их нового владельца отступить оттоль и идти в свою землю обратно; я же известился чрез бывшего в Зенгорской земле с прошлых лет с российского томского купца Алексея Верхотурова, коей ныне ушел с зенгорскими купцами в Томск, что ныне зенгорские нойоны, зайсоны и прочие знат-

ные говорили, ходило де наше войско на абдулкарымцев по три раз и взять их не могли и счастья никакого не получили, а имянно в первые на чириках их была в тамошних местах оспа, во вторые попадали их чирики ж с сосланные абдулкарымцами подкопные обманом рвы, и тут их много побили, а в третий раз пошли, то де владеец их Галдан Чирин умре, и для того де впредь войну с ними абдалкарымцами нам иметь уже полно, а к оному зенгорскому войску для вспоможения в поход на абдалкарымцев, как от киргиз-кайсаков, так и каракалпаков (по всем известиям) людей дано ни сколько не было.

7. У оных зенгорцев слышно, что с киргиз-кайсаками и каракалпаками согласно и кайсаки кочуют к ним со здешней стороны в близости, а именно по речке Чар Гурбану не в дальности зенгорских караулов, например с две тысячи юрт владения Аблай и Барак салтанов и чрез те кайсацкие улусы я обратно к Семиполатной ехал и следующий из Зенгорской землицы в Россию купеческий караван шел, и обид от тех кайсаков, как и зенгорским купцам не было, напротиву ж того оным кайсакам от их зенгорских караульных чириков утешения де и обид не чинится.

8. Предупоминаемые же зенгорцы, как и прежде, так и ныне, имеют не малое опасение от китайской стороны, чего для состоит на границе для осторожности от оных китайцев с прошлого времени войска с зайсаном Мамутом четырнадцать тысяч, да ныне де еще прибавлено три тысячи, итого будет семнадцать тысяч человек, и будто китайское войско идет ныне на оных зенгорцев и якоб следуют близ российских границ лесными и водяными местами, понеже де прямым трактом есть сухие степи, безлесные, безводные и бестравные ходу дней на семь, и наперед де сего китайские войска к тем зенгорцам прямо хотя и хаживали, токмо по оным сухим степям люди и лошади у них мерли и доходить за тем до них не могли, однако де ныне из Зенгорской землицы отправляется в Китай караван с купечеством.

9. От киргиз-кайсацких владельцев Абулхайр хана и Абулмамбет хана дети к зенгорскому прежнему владельцу Галдан Чирину будто переезжали с переменою не редко, токмо де не для аманатства, но для одного того, чтоб между их зенгорцами ссор не происходило и беглых людей между ними не было.

10. Киргиз-кайсацкие и каракалпацкие владельцы, слышно, что находятся в подданстве Ее Императорского Величества, однако, как видно, и с зенгорцами у них ссоры и вражды не имеется.

11. Бывший в Башкирии возмутитель Карасакал (по известиям) находится в киргиз-кайсацкой Большой Орде в Лакманской волости и кочует близ реки Дарьи под городом Туркустаном и имеет под своим невелением киргиз-кайсаков тысяч с десять и калмыки зенгорские называют его Шуко, будто брат Галдан Чирину, коей в прошлые годы, поссорясь с братом оным Галдан Чириним, и из их владения ушел, а кайсаки зовут его Кара хан и Карасакал, да об нем же в зенгорцах и говорит не велят.

12. Из имеющих в Зенгорской земле российских мастеровых людей (слышал я чрез зенгорцев, что): есть четыре человека в местечке Табак Темурляне, коей за рекой Илей от Большой Урги день езды, именами двое Михайло (он же прозвищем Бильдяга) да Иван, которые бежали назад тому года с три из калыванских заводов, а другие двое, как именами, не знают, и завели де они в том Темурляне завод и копают руду, пробурят буром и насыплют порошу и от того де вырывают из земли руду и плавят де медь, и сделаны де меха у дуют водою, и делают де трубы и тазы ламинские, де делают же де бомбы, что насыплют в них порошу и запалят фитилем, и несет ее кверху высоко и разорвет; и у них де топоры и весь завод своим мастерством сделан, а пища де им идет весьма довольная, а работают де у них по другой год по три тысячи человек да по четыре тысячи быков, и при том те зенгорцы говорили, такие де мастеровые люди, чаем, что и вашей Государыне надобны, да оные ж Билдяга с товарищи и в Иркене де другой завод завели; и о прочих же российских людях, живущих в Зенгорских владениях и о имеющих там купцах взял я от следующего ныне обратно в Россию с зенгорским караваном вышеупомянутого томского купца Алексея Верхотурова сказку, с коей при сем и предьявляю точную копию, в коей значитя, что задержания тем российским купцам там не чинится и живут де за своими долгами.

13. Де сверх данных мне инструкций мог я в бытность свою в помянутой Зенгорской земле слышал и видел ниже писанное, а имянно: говорили мне в Урге у нойона Дебачи заседающие в его

казарге три зайсана Цырин, Омусур и Китат в присланном де с тобою листе того не написано, что ваше войско из крепостей возвратится назад.

14. Когда же киргиз-кайсаки пришли Ее Императорскому Величеству в подданство, с того времени зенгорцы стали от российской стороны великое опасение иметь и намерены были имеющих у них в плену российских людей и барабинских татар, собрав, отдать обратно в Россию.

15. Зенгорские ламы (по-русски попы) нам говорили, сентября 1 ч., от чего де так сделалось, что у наших царей никакой ссоры не бывало, а ныне де стали пославаться и мри просить снова, и ваши де войска ныне для чего идут вверх по Иртышу в крепости строят и выше де Усть-Каменогорской крепости строятся же. Прочие ж ламы их говорили, что между своими де крепостями хотя сплошь стройся, нам де до того нужды нет, только б выше Усть-Каменогорской не строились и ныне де наши люди поехали к вам в Россию к Ямышеву с торгом проведать о ваших войсках, а другие де наши торговые видели ваше российское войско и идет выше Усть-Каменогорской на Бахтарму и от того де они, испужався, возвратились. Еще объявляли ж, сентября 12 ч., что ваше российское войско вышло уже за Калмы Тологой к абдарам люду(?), о чем де послали мы наскоро Галдан Чирину объявить, а вы нам сказываете, что от России соседственная дружба продолжается, а полки де в крепости ваши на Иртыш пришли да наших де зенгорских бурутов несколько семей приняли ныне в Россию, а прежде не принимали.

16. Сентября 18, 19, 20, 21 и 22 чисел шли мимо нашей юрты чирики человек по двадцати и по пятнадцати на караул от российской стороны на речку Бугуж, да тогда же при нас приехал один демечи и отдавал приказ шуленгам, чтоб выслали людей в Чирин наскоро и при каждом бы было по пятидесять стрел да оружейных по тридцати выстрелов.

17. Да в следующих де в Россию зенгорских купцов российские люди не пропустили и ограбили, и из тех де прибежали два человека в Ургу, и для того де отправлен нойон Еманхули с войском проведать, где подлинно российское войско имеется и строятся ли де на наших местах. А войска де зенгорского собрали едва

до полуторых тысяч и для того де велено из-под Абдалкарыма войску их прибыть обратно, понеже де у нас ныне в улусах конницы весьма мало, и воевать не на чем, а русских де конной силы много и говорят ныне де российские сложились с китайцами и с киргиз-кайсаками вместе на нас идти. А после говорили зенгорцы же октября 23 числа, что чрез выехавших из России известилсь, от русских де народу до весны не будет, да выбежал будто к ним один калмык из России, коей с другим товарищем ушел де из-под караула, а другие де зенгорцы и ныне в России под караулом.

18. Да сентября 27 подслушал мой толмач ночью, что один демечи с прочими, сидя в юрте, говорили, как де будет нам жить, что и на своей земле нам житья не станет; владеец де наш умре, а российское войско нас теснит и куда де нам деваться. От Зенгорского же де владения отложился к китайцам Турфан город, как узнавали, что владеец их Галдан Чирин умре.

19. Зенгорские зайсаны и прочие говорили нам неоднократно, а особливо при отпуске приказывали, донесите де г-ну генералу и полковнику, чтоб выше Усть-Каменогорской крепости на речке Бахтарме российские отнюдь не строились, а ежели де станут строиться, то будет худо.

20. Ноября 11 ч. сказал мне командующий в дебачиных улусах зайсан Цырин Доржи, сего де дни получил чрез нарочно присланного из Большой Урги повеление, чтоб вас отпустить в Россию обратно и ныне де два царя мирны и в любви против прежняго, и пускай де между нами ездят наши и ваши люди для торгу без опасения, а на присланные де с тобою листы в ответ будет о всем писано тогда, как придет из России большой посол с их посланцами, имеющими в Москве, а ныне де писать нечего, и отправили нас с приятством и пищею и подводами удовольствовались и дали нам до самой Семиполатной крепости конвою чириков десять человек, которых я от Семиполатной и с бывшими под нами в подводы лошадьми отпустил с благодарением, а в оную Семипалатную прибыл я с командою сего декабря 7 дня благополучно.

21. При сем же доношу, прибыльные со мною из Зенгорской землицы в верхиртышские крепости купеческой караван, в котором главные зайсан калмыцкий Есуп коджи и башлык бухарский Уразабай, при них имеется по объявлению их людей бухарцов

четыреста пятьдесят человек, верблюдов с вьюками тысяча триста, да в оном числе владельца их с товары тридцать де верблюдов и из онаго каравана от именованных главных из пути с урочища речки Колсуты, недошед до Семиполатной за три дни, отпущено в Томск с главным Рахман Хули на пяти стах верблюдах сто пятьдесят человек, а с достальными вышеявленные зайсан и башлык следуют к Ямышевской, и желают идти до Тобольска и на Ирбитскую ярмарку.

22. О всем же вышеупомянутом пространстве предписанного имею я о тамошних происхожденьях по числам журнал, коей вел я для лучшей мне о том памяти и обстоятельного к команде рапортования.

23. В бытность же мою в оной землице зенгорские чирики и другие люди вновь ружья, копей, стрел не приготавливали, к тому ж у них и железа весьма малое число и у многих копейные ратовища без копей, а для виду на концах остроганы и обожжены и стрел у многих же чириков в сайдаках весьма мало, а имянно только до пяти, по семи и по десяти, а огненнаго ружья не довольно же, тако ж на оные пороху и пуль по малу, а у других, же почти и нет, и как видимо, что ружьем они не справны, да и лошадей довольно числа не имеют, а хотя командующие чириками и подтверждают, чтоб было ружье исправное и стрел и ружейных зарядов довольно, токмо они с довольством иметь того не в состоянии, а те подтверждения их чинены (как видимо) при нас для одного вида; подлый же их народ чирики и прочие весьма желают быть в покое и о войне слышать не хотят; ибо они стоят в пустых местах в караулах и в зимнее время от морозов великую нужду сами и лошади их терпят, а паче уповаем не для ль того, что они к воинским действиям великою, неисправность имеют, как и выше упомянуто. Декабря 16 д. 1745 года. Поручик Федор Аблязов.

1745 года декабря 3 дня поручику Федору Аблязову сказывал томский купец Алексей Верхотуров да сибирского купца Ивана Бабушкина работник имя Кондратьев сын Резвой, что де в Ерке-не завод есть и на том заводе мастеров из калыванского заводу беглый человек Ефим Васильев, прозванием Вяземский и прозван Билдягою, и при нем были на том заводе Семен Семириков, а

откуда не знают, и из калыванского ж заводу Терентий, а чей сын, не знают, да тарский Андрей, неведомо какие зашедшие купцами люди, да Андрей же, а чей сын, не знают, да тюменский Федор Иванов сын Алтуфеев, который был прежде в плену, да красноярцы Михайло да Иван, а чьи слывут, не знаю, а знает про них пехотного батальона солдат Андрей Черкасов, который был с Левашевым за капрала, да от меня де Верхотурова подговорил де он Билдяга в разные времена работных людей трех человек томских жителей Луку Степанова сына Жданова, Ивана Васильева сына Чернцова из Чаускова, да тарского же Михайла Семенова Пельмский и оный Верхотуров для прошения помянутого Жданова к нему Билдяге ходил, и он сказал, что де ныне не та пора, вино пьет, и напоил пьяна и послал провожать Кузьму Сумина, и в то время внезапно набежал сзади помянутый Лука Жданов и ударил в голову его Верхотурова дубиною едва не до смерти; и павил де он Билдяга в оной Иркене серебро и делал промывальное из дресвы с песком золото, и будто де явилась малая прибыль и того де ради от него Билдяги все оные работные ныне весною разошлись по российским купцам в наимах; а российские де там ныне купцы остались: Устюженин Иван Степанов сын Шубин, Гороховленин дворовый человек Алексея Иванова сына Ширяева, Иван Михайлов; тобольские Невед Лукьянов сын Плотников, Иван Дмитриев сын Евсевьев, Вологженин Иван Дмитриев сын Мыльников, да иркутский Иван Евдокимов сын с племянником Дмитрием, да томские татарин Трапан Пьянков, Михайло Иванов сын Греченин, тарские Иван Андреев сын Панов, Герасим Васильев сын да Федор Васильев сын Кузнецовы, да екатеринбургский Невед Васильев сын Бурин, да оставший от умершего купца Бабушкина работник Григорий Жулистов, да с Оби из Мальшевой слободы Федор Мальшев, и оные купцы живут все за недохватою долгов, а выехать в Россию и там торговать и во все места им ездить свободно везде и даются пропускные письма; да оный же Верхотуров видел пленных людей в городке Акса и Акимбека, который аксуцкой судья, тарский житель Афанасий да тобольских слобод Иван Волохов, и он же рассказывает, что де когда был майор Угримов для вызову пленных, тогда мы вогнаны в камень; да в Иркене де живет ямышевского плену солдат Василий Шейкин да в Дерке-

мовой...³⁵⁰ кузнецкого плену Андрей Брагин, да тарский татарин, а как зовут, не знает, у него Деркемова живет в Иркене.

Промемория³⁵¹ Сибирской губернской канцелярии в военно-походную генерала Киндермана.

...из Семиполатинской крепости рапортом объявляют, что де посланный из Тобольска в Зенгорскую землицу с листом сын боярский Федор Плотников из той крепости в оную землицу отбыл благополучно; в Усть-Каменогорской крепости объявляют, посланный де для препровождения из той крепости до крайних улусов отправленного в ту землицу с листом прапорщика Александра Подзорова ефрейтур Федор Щукин прибыв обратно 12 того ж декабря, объявил, что де онаго прапорщика Подзорова он Щукин препроводил онаго зенгорского владельца до первого караула до речки Бугуша к чиришному нойону Ишиданжину, который стоит на той речке для караула, а при нем де имеется чирику например ста три и оная де речка от Усть-Каменогорской крепости расстоянием езды дней с десять, а от той же речки, где живет Галдан Чирин на речке Иле, езды дней с пятнадцать и по прибытии де на ту речку на третий день отправил помянутого прапорщика Подзорова объявленный нойон Ишиданжин с удобным их конвоем до главного нойона, а его Щукина с конвойными оный прапорщик отпустил в Усть-Каменогорскую крепость; а как они были у объявленной речки Бугуша и тогда же про собрание зенгорского войска ни от кого не слышали и пр.

Промемория³⁵² Сибирской губернской канцелярии в военно-походную генерала Киндермана.

С сообщением сведений, с нашим листом послан из Усть-Каменогорска прапорщик Подзоров и из Семипалатинска боярский сын Федор Плотников, и посланник джунгарский, а также сколько людей и верблюдов в следующих в Томск и Ирбит караванах, и под чьим они управлением.

³⁵⁰ Пропущено слово в рукописи.

³⁵¹ Дела пограничные №3. 7 января 745 года.

³⁵² По описи №11.

Зенгорскому владельцу Галдан Чирину.

Генваря 10 дня сего 1744 года в Сибирскую губернскую канцелярию из колывановоскресенной заводской конторы писали, сентября де 5 дня прошлаго 743 года состоящие под командою нашего зайсана Омбы калмыки Келиш да Чадыр с товарищи и для того помянутый вор Келиш от него зайсана Омбы и прислан в тот завод, на Чарыме реке убили русских людей трех человек и украдено ими калмыками на Черышском руднике и из того сыскано и имеется у того зайсана Омбы под охранением, а имянно: три лошади, три котла, два кафтана да рыболовная сеть, казенной снасти железных две лопатки, одна коса; а из товарищей его келишевых Чадыра с товарищи оный зайсан Омба сыскивал и по посланному отсюда указу велено означенному зайсану Омбе из того колывановоскресенского завода писать, чтобы он трех калмык Чадыра и прочих, которые приличились по объявленным смертным убийствам и в грабительстве скота и пожитков велел сыскивать всякими сыски накрепко, и отыскав, прислать в колывановоскресенские заводы для учинения следствия, да той же конторе от показанного зайсана Омбы требовать пограбленное у русских людей, как лошадей, так и пожитков; к тому ж и с Ачаирскаго рудника горные инструменты да и о том ему зайсану объявить же, что показал по допросу означенный калмык Келишей о слышании им от калмык в Кану, что в том же году калмыки Качай с товарищи убили русских купцов шесть человек, которые де шли для купечества в Ургу по ту сторону Иртыша реки в урочищах, называемых по их Чарачемегень, да о убитии ж русских же людей Малжаком с товарищи на реке Еланге трех человек да об отгоне калмыками же Дотой с товарищи у русских людей двенадцати лошадей и чтоб он зайсан Омбо по тому ж тех воров отыскав, к следствию в колывановоскресенские заводы выслал и отгонных лошадей по тому ж бы прислал немедленно и на оный посланный указ в присланном сюда мая 22 д. сего ж года из колывановоскресенской конторы доношении написано, что де по объявленному указу посылаемый к обретающемуся зенгорского владельца Галдан Чирину в местечко Кан зайсану Омбо сержант Игнатий Рескин в той заводской конторе доездом объявил, оный де зайсан Омбо обще с зайсаном же Менку ему сказали, покраденное де Чакырского рудника калмы-

ками Чадыром с товарищи горные инструменты, служивские кони и пожитки и сколько в сыску явилось и те де отдадут, и с которых ему сержанту и отдали железных одно точильное веретено, одну лопатку, и за одну лопатку, за один бурельный стревель, за одну ж косу отдали один соболий хвост да иркутскую хамскую бязь да отогнанных с того ж рудника трех лошадей, да из пограбленных пожитков два тренога ременных, два кафтана сермяжных, два котла медных, да за третий котел одну купецкую выбойку. Да сверх его требования украденных калмыками ж и заводскаго ж жителя в прошлом 742 году с поля от реки Белой двух лошадей, а в прочих де увезенных калмыками с того рудника горных инструментов и в грабеже убитых людей и быков и в убийстве заперлись; да оный же де сержант означенному зайсану предлагал о взыскании с калмыком, приличившихся в воровствах издержанных из заводской суммы во время воровских подбегов и за тем в посылках и на корму содержащихся команды его калмыках 23 рублей 29 копеек с деньгой, которых де денег ему сержанту не отдано.

И ради того вы зенгорский владелец Галдан Чирин прикажите вышеписанное пограбленное калмыками и издержанные на воров деньги для отдачи обидимым отдать посланным к вам с ним листом прапорщику Подзорову и при нем будущим неудержно; и о том, тако ж и в убийстве русских людей, как о том выше сего показано произвести следствие и за то вора указ учинить и впредь того чинить запретить. — Тобольск, октябрь. 25 д. 1744 года.

Инструкция

Сибирской губернской канцелярии тобольскому сыну боярскому Федору Плотникову.

Сего ноября 6-го дня 1744 года во исполнение Ее Императорского Величества Указов в Сибирской губернской канцелярии определено ныне до прибытия из Москвы зенгорского владельца Галдан Чирина посланца Науруз Хазы послать к оному владельцу из Сибирской губернской канцелярии с листом тебя Плотникова да с тобою капрала Михаила Бутина да для вспоможения и письма сына твоего Плотникова Алексея да с вами ж отправить к нему зенгорскому владельцу и с прибывших ныне от него сюда

посланцев одного человека именем Цендея, чего ради чинить вам следующее:

1. Приняв вам для той дальней посылки, а имянно жалованье денежное и хлебное, також и определенное число в награждение денег же, тебе сын-боярскому за нынешний 744 заслуженное денег восемь рублей восемьдесят одну копейку, хлеба ржи пять четвертей, овса то ж число, да впредь на год денежное ж и хлебное жалованье толикое ж число, да в награждение двадцать рублей, а капралу от полку впредь на год денежное ж и хлебное жалованье по его окладу да из рентереи в награждение денег пятнадцать рублей, а оный твой Плотникова сын по силе указов определен по Тобольску впредь до произвождения в дети боярские в штат в казаки, чего ради дать ему ныне впредь на год против его братья денежное и хлебное жалованье да тебе ж Плотнику взять из той же рентереи на объявленного посланника кормовых денег на месяц, по пяти копеек на день.

2. По приеме онаго всего из Сибирской губернской канцелярии взять же к зенгорскому владельцу оный лист в конверте за печатью сего ж числа, и ехать вам из Тобольска в Зенгорскую землю чрез Тару, Омскую, Чернолуцкую, Ямышевскую и Семипалатную крепости с поспешением денно и ночью, а от Тобольска до той Семипалатной крепости под себя и под посланца брать ямские и уездные по четыре подводы по данной вам подорожной, на которые платить вам деньги, которых вам до Семипалатной и обратно до Тобольска дано пятнадцать рублей восемьдесят копеек да на обратный путь то же число, а от Семипалатной крепости до крайних зенгорских улусов взять в той крепости казенных лошадей пристойное число, а ежели казенных нет, велено той крепости командующему лошадей купить на казенные деньги без передачи, кои взять ему в той крепости из таможни.

3. И едучи вам в пути объявленному посланцу никакого озлобления не чинить, а обходиться с ним ласкою и при том выведывать у него в разговорах пристойным образом, для чего они именно были от владельца своего в Тобольск отправлены, и всякими всевозможными мерами вам стараться, чтоб вы при вышеобъявленном посланце совершенно до самой Урги, где ныне зенгорский владелец кочует, допущены были и от него не оставаться и где

вас ежели, паче чаяния, и пропускать не станут, в каком случае и объявляя вам, что вы только для одного того посланы, чтоб оный лист отдать Галдан Чирину и о посланце его уведомить, что оный к нему из Москвы следует и при том вам, будучи в Зенгорской землице всякими пристойные образы наведываться, чрез что можно, где ныне объявленный зенгорский владелец Галдан Чирин кочует и в коликом числе войска людей, и какие оные при нем люди военные ль, или купечество бухарское и в коликом расстоянии от русских крепостей верст или езду дней и как от прежнего его кочевья далеко, хотя например и при каких имянно урочищах и для какой имянно причины с прежняго места прикочевал ныне ближе к иртышским крепостям и нет ли у них подлинного намерения к походу на российские жилища для разорения или куда в другие места и куда имянно и в каком людстве и с какою артиллериею и прочим ружьем, и для каких имянно причин то он чинить намерение.

4. И когда оный посланный лист ему Галдан Чирину или по его приказу его зайсаном будет подан, то примечать вам, что из того у них будет происходить в разговорах тайно или явно и о том, что вы увидите очевидно или услышите, и то все весьма скрытным образом записывать в журналах, дабы о том ни под каким видом никто дознаться не мог.

5. И наведовая о том, что можете чрез кого достоверно уведомиться, просить вам об опрвлении себя в Россию немедленно и по прибытии в Тобольск, объявить оную записку в Сибирскую губернскую канцелярию секретно ж.

6. И ежели что по вашему уведомлению покажется подлинное его зенгорского владельца злонамерение движением войска на российские жилища, о том вам по прибытии в крайние верх иртышские крепости тотчас дать знать командующим секретно, а самим следовать в Тобольск с великим поспешением, нигде часу не мешкать.

7. Сию инструкцию тебе едучи в пути для самого по ней действия по ней велеть каждой день весьма секретно себе читать, дабы ты оную помнил всегда, а сию инструкцию, едучи с границы в Зенгорское владение, содержать в таком секрете, дабы оный никто у тебя видеть не мог, и для чего ты послан ни чрез какие меры дознаться никто не мог и ежели вы по сей инструкции действительно исполните, как она повелевает, за то вы награждены будете Ее

Императорского Величества высочайшею милостью; впрочем, чего и здесь не написано, а вы можете к лучшей государственной пользе усмотреть и в том имеете вы поступать во всем, что до высочайших Ее Императорского Величества интересов принадлежит, как верным и присяжным Ее Императорского Величества рабам надлежит.

8. В государственных делах, которые тайности подлежат онаго в партикулярных письмах отнюдь никому не писать, ниже к тому, от кого отправлен, кроме настоящих реляций, а о врученном вам деле поступать никак иначе только, как вышеписано под жестоким истязанием (по вине преступления).

У сей инструкции Ее Императорского Величества Сибирской губернского города Тобольска печать.

Ноября 7 дня, 1744 года.

1744 года ноября 7 дня в Сибирской губернской канцелярии в присутствии г-на генерал-майора и сибирского губернатора Сухарева посылающиеся из оной канцелярью в землицу зенгорского владельца Галдан Чирина с листом тобольской сын боярский Федор Плотников, сибирского гарнизона капрал Михайло Бутин, да сын его Плотникова Алексей под смертною казнью подписались в том, что данную ему сыну боярскому Плотнику из той губернской канцелярии об отвозе того листа и о прочем секретную инструкцию содержат в наивысшем секрете и отнюдь никому, кто бы ни был (кроме одного его сына Алексея, которому велено ту инструкцию читать) под смертным прещением не объявлять, а особливо, ежели, паче чаяния, от чего Боже сохрани, при выезде из российских крепостей в той Зенгорской землице или по подаче означенного листа будет на них от зенгорцев какое нападение или их Плотникова и Бутина будет под каким образом брать под караул, того не допусая их до себя, чтоб объявленная инструкция в их зенгорские руки не попала, как возможно оную инструкцию тайным образом жечь или всю изодрать, чтоб прочесть им ее было нельзя.

Зенгорскому владельцу Галдан Чиреню. Понеже по высочайшему Ее Императорского Величества нашей Всемилостливейшей Государыни соизволению из обретающихся в Москве наших посланников из трех человек посланник Наурус Хазы из Москвы к вам отправлен с довольным награждением и за безопасным конвоем, також и с посланными к вам подарками, который ныне имеется

в пути и уповательно, что оный в Тобольск прибудет в скорых числах и из Тобольска отправлен будет на казенных подводах с дачею кормовых денег вскорости, також присланные от вас для праведания об оных ваших посланцах посланцы ж Кюбюн с товарищи, всего пять человек в Тобольск прибыли октября 15 дня благополучно, чрез которых от вас лист и в подарок парчица получены и оных ваших посланцев до высочайшему Ее Императорского Величества нашей Всемилостивейшей Государыни Указу производится на корм деньги, пиво, вино с довольствием, из которых ныне один отправлен к вам, а прочие також по Ее Императорского Величества соизволению имеют быть отправлены впредь неудержно и для того известия с сим листом по Ее Императорского Величества соизволению наперед с известием посланы к вам тобольский сын боярский Федор Плотников, капрал Михайло Бутин да казак Алексей Плотников же, которых, по подаче сего листа, благоволите приказать отправить обратно в Россию без всякого задержания за конвоем и в бытность их у вас и в пути, просим, чтоб чинено было всякое благодеяние.

Инструкция

Из Государственной коллегии иностранных дел Бутырского полка поручику Александру Левашеву.

По Ее Императорского Величества Указу отправляется из Москвы зенгорского владельца Галдан Чирина посланец Наурус Хазы и при нем служителей его шесть человек обратно к владельцу их в зенгорский народ, а при том посланце в конвой до Тобольска определен он поручик Левашев, и при нем Коллегии иностранных дел толмач Афанасий Касимов и Сибирского гарнизона солдат четыре человека, которым, также и посланцовым служителям, при сем именные реестры и ему поручику будучи при оном посланце в пути чинить по нижеписанным пунктам:

1. Быть ему поручику и с командою и при оном посланце неотлучно и поступать учтиво и никакого озлобления не чинить и за подкомандными своими того смотреть.

2. При оном посланце имеется вещей и товаров покупных здесь в тринадцать штуках, которые запечатаны московскою таможенною

печатью, и по взятой из ямской канцелярии подорожной и подписанной в Камер-коллегии, определено брать двадцать подвод ямских и уездных, из которых оному посланцу, служители и подвещи назначено шестнадцать, а ему поручику с конвоем, четыре подводы, на которые платить ему поручику прогонные деньги все сполна по указу, а имянно: на ямские по три копейки на десять верст, а на уездные по плакату по деньгу на версту на каждую подводу с запискою, на что дано ему поручику денег от расхода Коллегии иностранных дел сто восемьдесят два рубля да в запас на случающиеся в пути необходимые издержки, яко то: на починку данной здесь помянутому посланцу казенной коляски и в пути на покупку саней пятьдесят рублей, которые ему в расход держать также с запискою, и в чем возможно брать и росписки.

3. Ему ж поручику смотреть накрепко за посланцем и его служители, чтоб кроме помянутого за печатьми вещей и товаров, а паче всякого звания оружия и к тому принадлежащая, кроме собственных их семи пищалей и толикого ж числа сабель и панцирей, которое им взять позволено с собою, отнюдь не провозили, и людей, не токмо русских, но и калмык и других иноверцев Ее Императорского Величества подданных нигде не покупали и не подговаривали и ни под каким видом с собою не увозили.

4. Едучи в пути никому никаких обид самому ему не чинить и за подкомандными своими, также и за посланцовыми служители того накрепко смотреть и до того отнюдь не допускать, а ежели какие произойдут ссоры или обиды, от самого ли посланца или от его посланцовых людей и о том ему посланнику пристойным образом предлагать и требовать, чтоб он людей своих оттого всемирно унимал.

5. В пути учтивыми поступками искать ему поручику случаю с оным посланцом подружатся и чрез то пристойным образом и под рукою стараться у него разведать за удовольствие ль он себе здешнюю его и товарищей его бытность почитает, и в какой имянно силе от оставшихся здесь зенгорских же посланцев к владельцу их с ними писано и словесно приказано и какие он посланец о войсках Ее Императорского Величества рассуждения имеет и о сем о всем спрашивать его в наличных к тому разговорах и таким искусным образом, чтоб он того, что сие по Указу спрашивается, отнюдь не признал и что таковое или тому подобное уведает, о том записать

и по прибытии в Тобольск о всем том секретно представить тамошнему губернатору генерал-майору Сухареву, а для лучшего на оное разведывание способу может он поручим, на покупку питей для потчеванья того посланца из данных ему поручику денег издержать рублей до десяти.

6. Ежели где в городах при проезде их случатся регулярные войска или из оных некоторые команды, то ему поручику приличным образом стараться, дабы хотя часть оных тот посланец или его служители видели и разумели, яко и в ближних Сибири местах довольные поиски имеются.

7. Паче всего рекомендуется ему, чтоб онаго послания отсюда до Тобольска в пути вести со всевозможным поспешением, а чтоб в том городе чинено было ему всякое вспоможение и о придаче в опасных местах от воровских людей конвоя и о прочем, дается ему с прочетом указ за отворчатою печатью, по силе которого и ему поручику поступать.

8. Не доезжая до Тобольска верст за сто, отправить к тамошнему сибирскому губернатору нарочного солдата и о приближении своем дать знать, а по прибытии в Тобольск явиться ему губернатору и посланные к нему указы подать и о всем надлежащем его уведомить, а в деньгах дать отчет и по исправлении всего того требовать себе и толмачу от онаго губернатора отпуску, также подвод и прогонных денег и ехать в Москву и явиться в Коллегию иностранных дел или в контору оной коллегии.

9. Во всем вышеписанном поступать ему, как надлежит доброму и честному офицеру и под опасением за неисpravление военного суда и сию инструкцию содержать в секрете.

10. При сем же подтверждается ему указ, состоявшийся 1724 года генваря 17 дня о делах, тайности подлежащих. Дана в Москве октября 7 дня 1744 года.

Промемория³⁵³ из Сибирской губернской канцелярии в военно-походную генерала Киндермана.

Сего февраля 28 дня по Указу Ее Императорского Величества и по определению Сибирской губернской канцелярии послан в

³⁵³ По описи № 60 от 28 февраля 745 года.

тарскую воеводскую канцелярию Ее Императорского Величества Указ, по которому велено всякими пристойными образы наведать-ся секретно чрез добрых и надежных и знающих людей, коликое число ныне из Зенгорской земли от Галдан Чирина в Барабе имеется, для сбора на онаго владельца алману калмык и кто у них начальники или башлыки имеются и когда оные прибыли в Барабу и поколикому числу того алману берут и каким зверем или другим чем имянно и как они намерены из Барабы в ту землю возвратиться и нет ли у тех зенгорских калмык с барабинскими татарами неприятельскому нападению на российские жилища какого общего согласия или возмущения их барабинскому какому намерению и для того во все те барабинские волости послать нарочных людей самых добрых и к тому делу искусных, и что потому наведыванью явится в Сибирскую губернскую канцелярию и в военно-походную генерала Киндермана рапортовать.

Из комиссии Беэра³⁵⁴ полковнику Павлуцкому.

Сего февраля 13 д. обретающийся при колыванских заводах адъютант Василий Чередов рапортом в комиссию объявил, явщихся де при Гольцовском руднике урунхайцев по приказу господина бригадира Беэра из пяти человек, которые постарее Тугуса с товарищи трех привез к колыванскому заводу и посажены в особливой квартире с приезде в самом крайнем дворе подле капитанской башни при большой крепости, а на вышеписанном руднике оставлены из них двое, которые по приметам лет по 15 и по Ее Императорского Величества Указу и до определению оной комиссии велено показанных Тугуса с товарищи чрез находящихся при комиссии за толмача Ивана Ватулина да при колыванских заводах ведомства Мальшевой слободы Матвея Текутьева сказкою при бригадире Беэре, не впуская в крепость, спросить, зачем они на Гольцовский рудник пришли и откуда, и где они кочуют и каким они случаем от зайсана откочевали и о прочем, которые потому определению чрез помянутых толмачей при бригадире Беэре сказкою и спрашиваны, на что они Тугус, Одоян, Олиус, Котогор, Орбен сказали, в прошлом де году в Петров пост летним временем откочевали

³⁵⁴ В приложениях к рапорту Павлуцкого Киндерману. По описи № 64.

они от местечка Аблакета от зайсана Боба семь юрт с женами и с детьми для промыслу звериного; при них имеется шесть турок, а закочевали они за великими снегами для того, что им проехать не можно, а стоять они все в зайонах на реке Алее, а в юртах у них урунхаец большой Бакша, а чей, не знают, а другой Седенень, третий Ирай, четвертый Имка, пятый Сойнак, шестой Мету, а их де зайсан Боба кочует близ Аблакетских полат; при нем имеется: уранхайцов дымов с тысячу; и при них имеются турки и сайдаки, а летним временем переходят от жаров и кочуют по Бахтурме реке, в Бахтурминских вершинах, а у их зайсана войны ни с кем нет, а когда зима минуется, то и они весною все семь юрт пойдут к своему зайсану Бобе, а на показанный Гольцовский рудник они пришли с товарищи пять человек для промену товаров лисиц на муку, понеже они в пропитании за неловлею зверей нужду имеют и там променили только три лисицы, а еще шесть лисиц при них имеются, которые за испоказанием ничего к секрету отпущены по прежнему.

Промемория³⁵⁵ из Сибирской губернской канцелярии в военно-походную канцелярию генерала Киндермана.

На требование генерала Киндермана сведений о позволении джунгарским купцам торговать во внутренних сибирских слободах и о числе джунгарских купцов, пропущенных в Томскую крепость — посылается ему экстракт, составленный в Сибирской губернской канцелярии.

Экстракт, учиненный в Сибирской губернской канцелярии из мнений, посланных отсюда в 733 году и в 742 году апреля 9 и августа 31 числа в государств. Коллегия иностранных дел о учреждении и постановлении зенгорским владельцем Галдан Чирином коммерции о торгу при Ямышевской и Семипалатной крепостях и о бывших здесь в Тобольске зенгорских купчины Авазбая и прочих, и что с ними здесь в Сибирской губернской канцелярии было учинено и в Коллегии иностранных дел представлено и на то, какие из оной коллегии указы получены, о том значится в сем экстракте ниже сего:

Прошлого 733 года августа 31 д. по определению Сибирской губернской канцелярии в Государственную коллегия иностранных

³⁵⁵ По описи №65 от 7 марта 745 года.

дел писано отпискою сентября 3 того ж 733 году, в которой прописан Ее Императорского Величества Указ из Государственной коллегии иностранных дел прошлого 732 году сентября 8 дня и по силе онаго Ее Императорского Величества Указу посланнику и майору Угримову в наставлении написано и велено ему учинить договор, чтоб с российских купцов владения Галдан Чирина нигде пошлин не брать, на что пасупротив того равномерно и в сибирских городах с его Галдан Чирина купецких людей пошлин брать не будут и какое о том наставление дано посланнику и майору Угримову, о том в Государственной коллегии иностранных дел писано отпискою генваря 17 дня 732 году, а по изданному от него посланника и майора Угримова журналу доказано, как он посланник майор Угримов объявил Ее Императорского Величества Указ о торгу, чтоб пошлин с обеих сторон не имать, то оный Галдан Чирин и его зайсаны объявили, якобы они тем недовольны, что у купцов их привозные и отвозные товары осматривать, а имянно будучи на конференции у него Галдан Чирина мая 2 д. 732 года, говорил ему Галдан Чирин о купечестве де какой с ним указ, и оный посланник и майор отвечивал: Ее Императорское Величество купечеству его Галдан Чирина торговать беспошлинно в сибирских городах указала и ездить свободно, токмо, чтоб напротив того, и от него с расейских подданных купцов пошлины брать было не велено, также и во всем его владении, где оные пожелают торговать, пропуск был свободный. Да августа 9 дня 732 году он же Галдан Чирин говорил ему Угримову, отправляет де он купецкий караван, чтоб отписал губернатору, дабы с них пошлину брать не велел, так как и они купчины из купцов, которые при нем Угримове прибыли, с товаров пошлин не брали; о том де и письмо запечатав с посланцем пошлет до Ее Императорского Величества, и на то он посланник майор Угримов ему Галдан Чирину отвечивал, что он писать к губернатору будет и надеется о пошлине велит с вашими купцами также поступать, токмо чтоб купечество их по приезде в крайние российские крепости, где иметься будут таможи, все свои товары объявляли, а потом где оные товары будут продавать или менять, то б и купцов объявляли. И на то Галдан Чирин говорил, коли де пошлины не брать, то де и товары у их купцов на что осматривать, токмо де из того им будет не малая

изневага и затруднение в том, что товары объявлять и купцов и продавцов предьявлять и о прочем. И потом говорил, о том де еще переговорите с Батур зайсаном, а ему кажется и то не великое дело, чтоб их недосматривать. Да того ж августа 11 д. Батур зайсан на съезде с посланником Угримовым между прочими делами говорил, чтоб с их купцов пошлин взять не велел, так так и они ныне с купцов не взяли; однако ж того они не учинять, чтоб все у их купцов товары осматривать, то де лучше по-прежнему брать пошлину на обе стороны, на что он посланник Угримов отвечивал, что де к губернатору писать готов и надеется, что пошлину взять не прикажет, токмо без досмотру, как в Российской империи издревле есть обычай пропускать товаров привозных и отвозных из других земель невозможно. И по силе вышеявленного Ее Императорского Величества Указу посланы в сибирские города и в тобольскую ратушу и в таможенную указы с торговых людей, приезжающих из владения Галдан Чирина, пошлин брать не велено, а велено пошлину брать и за продавцев с российских купцов. А того 733 году июня 15 д. писал из Ямышевской крепости комиссар Василий Сыромятников, прибыли из Урги от зенгорского владельца Галдан Чирина купцы бухаретин Мулла Назаров с товарищи и при осмотре де их явилось у них еркецких товаров сорок пять тюков, которых тюков разбивать и осматривать им таможенным служителям не дали и сказали, что оные де товары посланы с ними Назаровым с товарищи до Тобольска владетеля его Галдан Чирина казенные для покупки на те товары и на мягкую рухлядь на собственные его нужды Галдан Чирина российских потребных товаров; да и разбивать де оных товаров не для чего, понеже де с них пошлин по указам брать не велено, о чем де они от владельца своего и письмо имеют за печатью; а оные де мягкую рухлядь и товары объявить он Назаров в Тобольске, о чем он Мулла Назаров в Ямышевской крепости в таможенных книгах и подписался и потому их объявлению они бухарцы в Тобольск из Ямышевской крепости и отпущены без досмотру, а тюки их запечатаны таможенною печатью и о пропуске их дан им бухарцам паспорт. И по прибытии оных купцов Муллы Назарова с товарищи в Тобольск посылан был к ним тобольской таможни комиссар Крупеников с бурмистром и ларечным неоднократно и велено ему требовать,

чтоб оные от зенгорского владельца Галдан Чирина приезжие купцы объявили свои товары, с чем они приехали, а пошлина с них взята не будет и затруднения им никакого не будет де, только надлежит ведать, с какими они товарами приехали, и они состояли в великом упрямстве и товаров своих объявлять не хотели, а показывали, что оные товары самого Галдан Чирина. Июля 27 д. того ж 733 года в Сибирской губернской канцелярии прибывшие от зенгорского владельца Галдан Чирина посланцы Зунду Замсу с товарищи предлагали, когда де майор Угримов был у них в Урге и говорил, чтоб с обеих сторон пошлин не брать и они потому согласию с российских купцов пошлин и не брали, на что им из Сибирской губернской канцелярии объявлено, что которые купцы владения Галдан Чирина были у Ямышева и в Семиполатной крепости торговались и с их купцов пошлин не взято и в Тобольске и в других городах брать не будут; токмо которые их купцы у Ямышева и в Семиполатной крепостях не исторговались, а похотели ехать в Тобольск и в другие города тем надлежало в вышеявленных крепостях товаров своих объявлять; на то они ответствовали от их де владельца такое повеление, что когда пошлин не брать, то де и осматривать не к чему; на что им посланцам ответствовано, что без осмотра пропускать невозможно для того, с чем их купцы приехали и сколько в Россию их товаров привезено будет знать не по чему и на то они ответствовали, когда де осматривать у них товары и их объявлять, то де лучше пошлины им платить и они товаров объявлять не будут, разве де будете смотреть силою; и июля с 27 числа августа по 6 число те Галдан Чирина купцы товаров своих не объявляли, и августа 6 дня оные Галдан Чирина купцы сами объявили товарам своим роспись, и те свои товары объявляли таможене, а по досмотру от Тобольской таможи явилось тогда в привозе от зенгорского владельца Галдан Чирина бухарцев товаров две тысячи триста зенделей шанских, шестьсот корсаков, шестьсот хамов, тысяча сто выбаен, сто лисиц, девяносто волков, двести двадцать кушаков, пятьдесят зенделей малых, семьдесят занавес, восемьсот концов китаек и с оных их товаров по силе присланных Ее Императорского Величества Указов из Государственной коллегии иностранных дел пошлин в Тобольске не взято, и велено брать по силе явленного Ее Императорского Вели-

чества Указу с российских купцов. А по мнению Сибирской губернской канцелярии надлежит прибыли Ее Императорского Величества казне учинить нижеследующее: первое, чтоб постановить торг с ним владельцем Галдан Чирином по-прежнему у Ямышева и у Семипалатинской крепости, как и прежде сего бывало и как ныне на китайской границе на Кяхте с китайскими купцами о продаже товаров и о взятые пошлин постановлено и чтоб его Галдан Чирина с купцов пошлин не имать, а брать ту пошлину с российских купцов, а в Тобольск и в прочие сибирские города, чтоб Галдан Чирина купцам, также бы и российским купцам в Ургу далее Ямышева и Семипалатной крепостей с торгом не ездить, и как оные Галдан Чирина купцы в сибирские города ездить не будут, то у Ямышева и у Семипалатной крепостей и осматривать их товаров не надлежит, в чем они ныне упрямятся, понеже, как приедут русские купцы под Ямышево, тогда у них привозные товары таможенными служителями все осмотреть и настоящую пошлину возьмут, также, как и отъезжать будут, то все выменные их товары и которые остались за меною, все осмотреть же, и в пошлине никакой Ее Императорского Величества казне траты не будет; а чтобы их Галдан Чирина купцов пропускать в Тобольск и в другие сибирские города без осмотра с товары невозможно, того ради, не токмо что свои привозные товары и сибирских жителей бухарцев и татар распродадут беспошлинно товары тайно, что в прошлом 732 году и явилось, что с Москвы повезли послы товаров на двадцать тысяч рублей, что у них и в привозе в Сибирь не было, да и ныне в явке у них товаров малое число, а не объявляли много время и в том, по мнению Сибирской губернской канцелярии на распродались товаров тайно и потом малое сами объявили, а усмотреть за ними того ни которыми мерами невозможно, понеже у них бухарцев не токмо друзей в Тобольске и в других Сибирской губернии городах, но и свойственников много из бухарцев и из татар; да и то мнится не хорошо, что они с сибирскими бухарцы и с татары и посвоились, и побрали дочерей у сибирских иноземцев все чрез явленные торговые проезды бухарцев владения Галдан Чирина, понеже во всех сибирских городах и в Иркутскую провинцию Галдан Чирина купцы непрестанно ездят и торгуют, и как и назад возвращаются с товаром и ежели их не осматривать, то могут тай-

но покупать у сибирских иноземцев беспошлинно товары и провозить, да к тому ж могут провозить и заповедные товары, а имянно ружье, порох, свинец и панцири и прочие заповедные товары и от оных торгов о всем состоянии сибирском уже весьма они известны, в чем у них перед прежними ныне прибыло претензий о границах и о прочем; а русские купцы торгуются с ними у Ямышева и в Ургу ездят торговать мало, и те посылают с приказчиками своими из таких же бухарцев и татар, живущих в Сибири, а без них и посылать в Ургу не смеют и российским купцам всем, по мнению Сибирской губернской канцелярии, гораздо будет лучше, как обстоятельный торг будет у Ямышева и у Семипалатной в одном месте, как и ныне с китайцами и все будут тем довольны, а от торгу российским купцам в Урге бывает и разорение, как в прошлых годах контайша купца Ярышкина казнил и на многие тысячи пожитков взял и поныне оное не возвращено, также и другие купцы в прошлых годах пограблены, а иные многие в Урге и удержаны; да и до Урги, едучи от Семипалатной крепости, в пути бывают сибирским купцам не малые опасности, и грабит Казачья орда и побивает, что и в прошлом 732 году учинено туринского купца Колмогорова с товарищи Казачья орда пограбили и ежели для нынешней склонности калмыцкого владельца Галдан Чирина Указом Ее Императорского Величества купцам его Галдан Чирина торговать внутрь Сибири ездить запрещено не будет, то, по мнению Сибирской губернской канцелярии, надлежит торг с ними постановить в такой мере, чтобы торговаться у Ямышева или в Семипалатной крепостях и пошлины бы с них калмыцкого владельца Галдан Чирина купцов не брать, а брать бы с российских купцов, а будет которые у Ямышева и у Семипалатной не исторгуются и похотят ехать в Тобольск и другие сибирские города и с тех бы его Галдан Чирина купцов с товаров их пошлину, осматривая, по-прежнему брать у Ямышева или у Семипалатной крепости, а без осмотра ежели их пропускать, то будет казне весьма убыток, понеже и до городов не доехав по волостям иноземским по дороге могут многие товары разменять беспошлинно, чего усмотреть за ними будет невозможно; и народ калмыцкий особливый перед другими народы, а российским купцам в езде в Ургу всему обществу купечества пользы нет для вышеявленных причин, да и для того, что

русские купцы в Ургу товары отпускают с бухарцами и то не многие, и за теми иркецкие товары более и состоят, а другие купецкие люди которые друзей себе бухарцев, также и возможности не имеют посылать в Ургу, те остаются бездовольны от иркецких товаров; а в Ямышеве и в Семипалатной крепостях как торг, так и пошлина от того умалается, а как у Ямышева будет в одном месте торг, то все будут купцы российские довольствоваться иркецким товаром равно.

А в Указе Ее Императорского Величества из Государственной коллегии иностранных дел сентября от 23, а в Тобольске полученном ноября 2 ч. прошлого 735 году в Сибирскую губернскую канцелярию написано.

Зенгорского владельца Галдан Чирина посланцы Зунду Замсу с товарищи (которые еще сюда в 733 году с бывшим у того владельца посланником майором Угримовым прибыли и здесь так долгое время были об них присланному мнению и представлению, а ныне по усильному их требованию и чтоб владельцу их большим удержанием оных его посланцев какого сомнения не навесь) отпущены и августа 13 д. отсюда в Москву отправились и оттуда далее путь в Тобольск продолжать имеют.

И по резолюции, состоявшейся в кабинете Ее Императорского Величества на те все от онаго зенгорского владельца представленные чрез Угримова и посланцев его в листах и реестре претензии и прошения здесь посланцам его при отпуске их в Коллегию иностранных дел ответ учинен, который был сочинен по-калмыцки и по прочтении в конференции отдан им посланцам на калмыцком языке, купно с реестром обидам, учиненным со стороны того владельца российской стороне, каков от посланника Угримова, в бытность в улусах калмыцких подаван.

С ними ж посланцы ко владельцу их в ответе на листы его отправлена Ее Императорского Величества грамота в генеральных терминах, в которой о делах сосланошь на означенный данный посланцам ответ и о прочем по приложенному при оной грамоте реестру и со всего того, а имянно с означенных Галдан Чирина листов и чинимых от его посланцев там представлений, и данного им ответу, и отправленный с ними грамоты и в прочем, что с теми посланцы в той коллегии происходило, каким образом содержаны,

с сочиненным о том записок, при том сообщены точные копии и из данного им посланцам ответу усмотрите, что и купечество зенгорское от осмотру и взятъя с онаго пошлин уволено, но определено только, как и с китайцы отправляется на границе и вместо того, чтоб ktorую пошлину с зенгорцев брать надлежало, оную имать с российского купечества, как о том о всем пространстве усмотреть из сообщенных при том копий, а особенно с данного ответу, чего здесь не распространяется, токмо вкратце, выше упомянуто.

И надлежит во всем том поступать и чинить по силе и содержанию онаго ответа.

А в оном же указе по 7 пункту велено, по содержанию объявленном в оном разолюции об отправлении при Ямышеве и Семипалатной крепости зенгорским и российским купцам коммерции немедленно учреждение учинить и у зенгорских купцов товаров осматривать и с них пошлин брать всемерно не велеть, но вместо того те товары у российских купцов, которые оные купят осматривать и пошлины с них обыкновенные брать и поступать в том во всем таким образом, как с китайцами на границах российских купечество отправляется.

А в ответе, присланном ко двору Ее Императорского Величества от зенгорского владельца Галдан Чирина посланцем Зунду Замсу Розу и Мететю, на представленные от онаго, чрез бывшего у него российского посланника майора Угримова, також и чрез упомянутых его посланцев в листах и реестре претензий и прошений, данного им июля 29 д. 1735 году написано.

По 7 пункту, что с стороны зенгорского владельца, как напред сего, так и ныне, представления учинены о не имании в обеих сторонах с купечества пошлин и о том еще, по прежним таким с стороны их предложениям, Указ Ее Императорского Величества состоялся и владельцу зенгорскому об оном чрез посланника майора Угримова сообщено и требовано от их купечества только одного объявления товаров их (чтоб российские купцы при покупке оных утайки не чинили), в чем с стороны их, как они посланцы сами ведают затруднение учинено, и ныне Ее Императорское Величество, продолжая зенгорскому владельцу свою склонность, всемилостивейшее повелела такое купечество подданным его, зенгорского владельца, отправлять в крайних сибирских городах при

Ямышеве и Семипалатной крепости и товаров их зенгорских купцов не осматривать и торговать им тамо беспошлинно, только б те зенгорские купцы далее Ямышева в другие сибирские города и волости с товарами не ездили, но в помянутых двух местах те товары свои продавали, також и российские покупали, понеже им в прочие города, не осматривая их всех товаров, ездить дозволить весьма невозможно, токмо для сей важной причины, что в покупке у них зенгорских купцов от российских подданных в разных местах товаров без осмотра может произойти многая утайка оных и в сборе от российских купцов пошлин напрасный ущерб и для того и российским купцам велено с ними зенгорскими купцами торг производить токмо в вышеозначенных двух местах при Ямышеве и Семипалатной крепости, а далее того в улусы зенгорского владельца оным с российскими товарами уже не ездить и о то Указ Ее Императорского Величества к сибирскому губернатору пошлется.

А генваря 13 д. 737 года по определению Сибирской губернской канцелярии отпущаны были из Тобольска товары для купечества до Ирбицкой ярмарки зенгорского владельца Галдан Чирина бухарцы купецкие люди Камалай Хаджа с товарищи, всего шестнадцать человек и о пропуске их купецких людей до Ирбитской ярмарки и с возвратом до Тобольска дан им пашпорт, а на Ирбицкую ярмарку к подполковнику и верхотурскому воеводе Воробьеву послан указ и при том указе какие товары оные бухарцы с собою на Ирбитскую ярмарку взяли, тому сообщен реестр, а в том указе написано, чтоб с оных бухарцев с продажных их товаров пошлин по силе Ее Императорского Величества Государственной коллегии иностранных дел Указу отнюдь не имать, а брать те пошлины с российских купцов с русских и с иноземцев сибирских и прочих губерний с жителей, кто у них те товары купит, с купцов и запродавцев по прежним посланным указам без упущения и смотреть ему воеводе тому накрепко, чтоб российские купцы без платежа пошлин тех товаров у них бухарцев купецких людей отнюдь никто не покупали и оным бухарцам озлобления никакого отнюдь никому не чинить, а чинить им всякую ласку и привет, и велено им бухарцам под оные их товары отвести лавки и анбары, а в Тобольскую таможеню комиссар Черкасову с товарищи послан Ее Императорского Величества Указ же и при том указе колкое число вышепи-

санные бухарцы взяли с собою товаров, сообщен реестр и велено те товары в тюках запечатать тобольскою таможенною печатью и послан с ними бухарцами солдат, а хотя по силе присланного Ее Императорского Величества Указу из Государственной коллегии иностранных дел ноября 2 д. прошлого 735 года и велено об отправлении при Ямышеве и Семипалатной крепости зенгорским и российским купцам коммерции немедленно учреждение учинить и в том во всем таким образом, как с китайцами на границах российских купечество отправляется, токмо прошедшего 736 года февраля 7 дня в бытность оным посланцам Зунду Замсу с товарищи в Сибирскую губернскую канцелярии на аудиенции и по силе онаго Ее Императорского Величества Указу об оном им было объявлено, и они посланцы ответствовали, что де собою они договору о том учинить не могут, а донесут де они о том по прибытии своем ко владельцу своему Галдан Чирину, того ради о торгу с ними зенгорцами означенной коммерции и не учреждено.

А прошлого 737 году июля 10 дня в подданном прибывшего в Тобольск от зенгорского владельца Галдан Чирина купчины Авазбая листе написано:

Тобольскому князю дано, а вас в нескольких человеках для купечества на потребу, что угодно будет купить и в том им купечестве никакого вспомешательства и обиды не учинить, чтобы всякое вспоможение чинить, о том просим, а прочие купцы ниже Ямышева и не пропуске о том случае еще, такожде и на словах речи будет говорить; в гостинце один на золоте подстав, прозванием им гужират, году Гильмогой третьяго месяца по рождению 14 числа.

Да того ж июля 16 д. оный де купчина Авазбай в Сибирскую губернскую канцелярию подал лист, писанный рукою его Авазбая, в котором между прочим упоминает о не пропуске мимо Ямышевской крепости и о остановке торгов.

И августа 7 д. по определению Сибирской губернской канцелярии в Государственную коллегию иностранных дел 19 августа сибирского гарнизона с сержантом Петром Лазаревым писано доношением и при том доношении с подданного в Сибирскую губернскую канцелярию листа от купчины Авазбая сообщена точная копия и от онаго листа о торгу и о прочем, о чем в том листе предложено при оном доношении с прежних посольских дел обстоятельный экстракт и что

с оным купчиною Авазбаем в Сибирской губернской канцелярии и вышеписанном было говорено записка посланы.

И декабря 15 ч. того ж году помянутый купчина Авазбай приходил в Сибирскую губернскую канцелярию и на вышеписанное неперестанно паки просил резолюции; того ради от Коллегии иностранных дел требовано доношением повелительного вторичного указа.

А прошлого ж 738 году генваря 10 дня по определению Сибирской губернской канцелярии, а по доношении зенгорского владельца Галдан Чирина помянутого посланца Авазбая отпущан был он Авазбай из Тобольска до Ирбицкой ярмарки с посланными от владельца его Галдан Чирина с товары, також и для покупки продомовой его обиход товаров же, что потребно и при нем служителей пять человек, и дан был прочетный указ и под оные товары было дано восемь подвод за его прогоны и для препровождения и караулу солдат два человека, и в Тобольскую таможду к комиссару Черкасову с товарищем послан указ, велено ему Черкасову с товарищем у вышеявленного посланца Авазбая и при нем у служителей товары какие они с собою на Ирбицкую ярмарку берут владельца своего Галдан Чирина или собственные свои, осмотра, предписав все без утайки и запечатать тобольскою печатью и тем товарам взнестъ в Сибирскую губернскую канцелярию при доношении реестр; а на Ирбицкую ярмарку к подполковнику и верхотурскому воеводе Воробьеву послан приказ же и о том указе, какие товары они посланец Авазбай и при нем служители с собою на Ирбицкую ярмарку взяли, тому сообщен реестр, а в том указе написано, чтоб с онаго посланца Авазбая и при нем служители с продажных их товаров и пошлин по силе указов из Государственной коллегии иностранных дел отнюдь не имать, а брать те пошлины с российских купцов, с русских и с иноверцев сибирских и прочих губерний с жителей, кто у них товары купит, с купцов и продавцов по преждепосланным указам без упущения и смотреть ему подполковнику и воеводе Воробьеву того накрепко, чтоб российские купцы без платежа пошлин товаров у них посланца Авазбая и служители его отнюдь никто не покупали и оным посланцу Авазбаю и при нем служителям озлобления никакого отнюдь никому чинено не было, а чинить им всякую ласку, и велено ему посланцу, когда он будет требовать под оные его товары отвесь лавки или анбары, сколько пристойно и о том в Сибирскую губернскую канцелярию

рапортовать немедленно, а для смотрения их торгу, чтоб чинили по силе указов, послан был при нем Авазбае толмач Девятяировский и дана была ему секретная инструкция.

И декабря ж 30 дня в поданном доношении в Сибирскую губернскую канцелярию зенгорского владельца Галдан Чирина купчины Авазбая написано:

В письме де к нему Авазбаю из Ямышевской крепости Урасанбай писал, что де вышли они в караване от владельца своего Галдан Чирина для купечества с купецкими товары и желали ехать в Тобольск, и прибыв де они в Емышевскую крепость подполковник Лебедев их с товарами в Тобольск не пропустил и сказал, что указ есть их в Тобольск не пропускать, и ежели де такой указ есть, что их не пропускать и о том он Авазбай будет доносить владельцу своему Галдан Чирину; и при том доношении оный Авазбай об оном же не пропуске предъявил письмо, писанное татарской рукой, кое по переводу явилось в равном содержании, как в доношении объявил.

А генваря 18 дня 1738 году по определению Сибирской губернской канцелярии в Ямышевскую крепость к подполковнику Лебеву послан указ, велено ему Лебеву прибывших в Ямышевскую крепость зенгорского владельца Галдан Чирина купчину Руканбая и при нем бухарцев с товары их для купечества из Ямышевской крепости в Тобольск пропустил по силе преждепосланных Ее Императорского Величества Указу и по таможенному уставу — пересмотря оные товары и переписав все порознь по местам без утайки и запечатав таможенною печатью, а как оные купчина Русанбай и при нем бухарцы с товары из Ямышевской крепости в Тобольск отпущены будут, о том в Сибирскую губернскую канцелярию рапортовать немедленно и товарам их прислать реестр; а в Государственню коллегию иностранных дел писано доношением, в котором объявлено, в Указе де Ее Императорского Величества из Государственной коллегии иностранных дел сентября от 23, а в Тобольску полученном ноября 2 чисел прошлого 735 году между прочим в 7 пункте написано, по содержанию объявленной резолюции об отправлении при Ямышеве и Семипалатной крепости зенгорским и российким купцам коммерции немедленно учреждение учинить и у зенгорских купцов товаров осматривать, и с них пошлин брать всемерно не велеть, но вместо того те товары у русских купцов, которые оные купят, осматривать и пошлины с

них обыкновенные брать и поступать в том во всем таком образом, как с китайскими на границах российских купечество отправляется и по силе онаго указа в 736 году февраля 7 дня зенгорского владельца Галдан Чирина посланцам Зунду Замсу с товарищи трем персонам в Сибирской губернской канцелярии об оном купечестве было объявлено, и они посланцы на то ответствовали, что де собою они договору о том учинить не могут, а донесту де они о том по прибытии своем владельцу своему Галдан Чирину. Того ради о торгу с ними зенгорцами означенной коммерции и не учреждено, о чем и в Государственную коллегию иностранных дел напередь того писано отпискою августа 19 дня того ж 736 году и при той отписке и неимании с купцов, которые будут от него зенгорского владельца Галдан Чирина в российские города для купечества с товары пошлин и о прочем сообщен экстракт. А в прошлом 737 году июля 9 дня вышеявленный посланец Авазбай прибыл в Тобольск от владельца своего Галдан Чирина для купечества с товары и при нем работных двадцать один человек; а по прибытии в Сибирскую губернскую канцелярию того ж июля 10 дня объявил он Авазбай лист, посланный с ним от владельца своего Галдан Чирина, в котором значит выше сего. Да того ж июля 16 дня оный же посланец Авазбай, в Сибирскую губернскую канцелярию подал письмо, писанное рукою его Авазбая, в котором написано о непропуске в Ямышевской крепости и о остановке торгов и о прочем, о чем в Государственной коллегии иностранных дел писано доношениями августа 9 да декабря 15 чисел прошлого ж 737 году и требовано повелительного указу, но токмо на оное требование повелительного указу тогда было еще не получено, и для того вышеявленного зенгорского владельца Галдан Чирина купчину Русанбая и при нем бухарцы с товары их для купечества из Ямышевской крепости в Тобольск чтоб не пропустить, того Сибирская губернская канцелярия учинить была опаска, дабы от того с стороны от оных зенгорцев не воспоследовало какой внезапной ссоры, понеже означенные зенгорцы в том купечестве и ныне стоят упорно. Того ради о вышеописанном требовании повелительного указу с вышеявленными зенгорцами, что повелено будет чинить и которые будут приходить к Ямышеву с товары для купечества, впредь их в Тобольск пропускать ли, понеже означенный посланец Авазбай приходил в Сибирскую губернскую канцелярию непрестанно и просил на оное резолюции.

А в Указе Блаженные и вечнодостоинные памяти Ее Императорского Величества из Государственной коллегии иностранных дел в Сибирскую губернию на имя бригадира и бывшего губернатора Бутурлина с товарищи написано:

В 1-м:

От 9 февраля 1738 года прошедшего де 1737 года сентября 21 дня в Коллегии иностранных дел получено доношение от 8 августа, в котором доносил о прибытии в Тобольск зенгорского владельца Галдан Чирина купчины Авазбая для купечества с товары и какое тот купчина предложение учинил, он ответ ему дал, то в той коллегии апробовано, и чаятельно было что с тем тот купчина из Тобольска и отпустится.

А ныне де из полученного ж доношения от 1 декабря минувшего 737 года усмотрено, что по прошению того купчины дано Ее Императорского Величества жалованья против прежних дач с прибытия его в Тобольск июля с 9 ноября до 1 число того 737 году, всего на три месяца и на двадцать дней ему купчине со всеми при нем двадцатью человеки служителями кормовых денег пятьдесят шесть рублей пятьдесят копеек и впредь до отъезду того купчины из Тобольска кормовое жалованье ему давать ли, требовано указа; но зачем тот зенгорского владельца купчина в Тобольску так долго живет и когда отъедет, о том ничего не упомянуто.

По получении сего того купчину, ежели он купечество свое отправил и более дела не имеет из Тобольска отправить и ко владельцу его отпустить против прежних таких примеров и отпусков и кормовые деньги на все дни бытности его в Тобольску (против вышеобъявленной дачи) выдать и о том в ту коллегию донести.

А ежели же тот купчина станет требовать на предложения свои ответа и ему сказать, что принадлежит до купечества против того ж, как говорено с ним и в записке, присланной июля от 10 дня показано.

А о прочих делах и о границах сказать, что такие дела принадлежат трактованы быть чрез посланцев, а не чрез купчин, о чем уже в той коллегии с последними их бывшими посланники Зандою Замсою с товарищи довольно говорило и сюда их сообщено.

В 2-м.

От 24 февраля 738 года. Доношение де от 18 минувшего генваря сего года получено и из онаго усмотрено о прибытии вновь в Ямышевскую крепость зенгорского владельца Галдан Чирина

купчины Русанбая и при нем бухарцов с товары для купечества и что онаго купчину и бухарцев с товары по силе прежних Ее Императорского Величества Указов в Тобольск пропустить велено.

И просил на то Ее Императорского Величества Указу что с ними чинить и как поступать, и прочее.

И в Коллегии иностранных дел заблагорассуждено о том послать указ, дабы с вышеписанным приезжим зенгорского владельца купчиною Русанбаем поступать во всем таким образом, как с прибывшим же зенгорского владельца с купчиною Авазбаем поступать велено и о том отправлен Ее Императорского Величества Указ из Коллегии иностранных дел февраля 9 дня, с которого при оном указе нарочно дубликат приложен (который прописан выше сего и значит имянно).

А что по тому указу с теми обоими купчинами произойдет, о том в Коллегию иностранных дел донести.

А по справке в Сибирской губернской канцелярии вышеявленный купчина Авазбай и при нем служители и багаж из Тобольска к владельцу его Галдан Чирину отправлены марта 7 дня 738 года и подводами и кормом удовольствован против прежних примеров, а вновь прибывший купчина Русанбай и при нем бухарцы с товары для купечества из Ямышевской крепости в Тобольск не прибыли, и о том в Государственной коллегии иностранных дел из Сибирской губернской канцелярии марта 31 дня за известие рапортовано.

А прошлого 742 года апреля 9 дня по определению Сибирской губернской канцелярии между прочим в 7 пункте написано: в Государственную коллегию иностранных дел представлено доношением, в котором написано, что в прошлом 733 году августа 31 дня по определении в Сибирской губернской канцелярии в оную Государственную коллегию иностранных дел писано сомнением о прибыли казне Ее Императорского Величества и о постановлении торгу с калмыцким владельцем Галдан Чириним по-прежнему у Ямышева и у Семипалатной крепостей, как и прежде сего бывало...

*Сборник историко-статистических сведений о Сибири
и сопредельных ей странах. СПб., 1876. Т. 2.
Вып. 1. С. 1—64.*

Этнографические исследования, добытые экспедицией Г. Н. Потанина

В Улангоме Г. Н. Потанин при помощи переводчика записал содержание одной большой былины об Ирин-сайн-гунык-настай-мекеле и содержание духовного стиха о Цагандарэкэ.

В письме своем к Л. М. Майкову Г. Н. Потанин перечисляет все известные ему варианты сказаний об Ирин-сайн-мерине.

1. Сказание об Ирин-сайн-мерине и Бегувейдер-хане, записанное Г. Н. в прошлое его путешествие.

2. Об Ирин-сайн-гунын-хара и Цаган-хане, тоже записанное в прошлый раз.

3. Об Ирин-шайн-чигири, записанное в нынешнюю поездку от алтайца.

4. Аран-тайджи, напечатанное у Радлова.

5. Ирин-сайн-гунын-настай-мекеле, записанное нынче от дюрбютского певца.

За исключением первой, остальные имеют много сходных черт в содержании и именах, особенно взаимное родство их усиливается, если к сравнению с ними привлечь еще мистерии кама камлающего Эрлику и стих в честь Цагандарэкэ.

Общие черты, встречающиеся в них: поездка к Эрлику, добывание невесты (для себя или для хана), переезд через ядовитое море, причем копыта от коня отпадают и т.д. Дюрбютский вариант представляет книжную переработку того же сюжета; монгольского экземпляра Г. Н., к сожалению, не могу добыть. Содержание следующее: у царя Энкетургеле и у царицы Менку Тургеле родился сын с алмысом (злой дух) в зубах и с комом крови в правой руке. Когда он достиг семилетнего возраста, царь устраивает пир и народное собрание, чтобы дать сыну имя, и он получает имя Ирин-сайн-гунын-настай-мекеле. Царь велит также своему

старому пастуху Ахсахалу поймать нарочно для него родившего коня хангильташа. Как только увидел конь приближающегося Ахсахала, то убежал из табуна на расстояние с месяц езды. Пастух сказал своему коню: “Если ты не догонишь, я тебе копыта обрублю!”. Конь в ответ: “Если ты поймаешь, я тебе пальцы отжую”. Поехал Ахсахал, догнал Хангиля, накинул ему петлю на шею, держит — конь под ним уперся изо всей силы. Наконец конь Ахсахала начал терять силы и говорит: “Я догнал, свое дело сделал, теперь ты лови его своей человеческой хитростью, а во мне больше сил нет”. Соскочил Ахсахал на землю, поволок его Хангиля, но Ахсакал догадался захлестнуть аркан за сопку. Однако аркан не выдержал и лопнул, и пастух Ахсахал очутился один в Гоби с оборванным ремнем в руках. Видит он пыль: это его верный конь бежит. Сел Ахсахал на своего коня и опять полетел за Хангилом и догнал его уже у того места, где земля с небом сходится, где живет хан Гариде. “Сколько лет служил я старому царю, — сказал пастух, — до края земли не доезжал; ради молодого царевича пришлось доехать”. Оседлав Хангиля, он вернулся в царскую ставку Цаганталай. Увидел Микеле коня, захотел посмотреть свет, и стал он просить отца и мать отпустить его. Отец отвечал ему на это: “Ты рос в неге, как кумыс в архыте; у тебя нет ни братьев, ни сестер, одинокий человек, как ветер в поле”. Отвечает Мекеле: “Задумал молодец, да не исполнил, лучше ему умереть; дерево надломилось, лучше ему упасть”. Отец и мать, видя, что он упорно задумал поездку, решили его обмануть; велели украдкой снять с коня узду и отпустить его. Мекеле увидел, что коня отпустили, вернулся в ставку и начал пить без меры вино из чаши, которую и 70 человек не подымут, и заснул.

Сын Хардака, Хатын-хара-хурмукин, пошел войной на Китын Зеби³⁵⁶, убил его и взял в плен его жену Нарынкугумюн (т. е. дочь солнца) Наглангоо. Он закрутил ей руку и спросил: “Ты, я слышал, знаешь за три года вперед и за три года назад; скажи, в какую сторону мне ехать и с какими богатырями сразиться, чтобы побольше добыть богатства?”. Наглангоо подумала: “Есть на

---

³⁵⁶ У неба, или у Гучин-губу-хормуетэн-хене, было три сына: Китынзеби, Арельпзеби и Микеле. Последний был младший.

востоке богатырь Мекеле, но сказать об нем жаль, он брат мужа моего Китин Зеби; не сказать — жаль своего ребенка (пленница взята была беременною и дорогой родила ребенка, скрыла его в железном ящике и украдкой кормила) — узнает Хурмукин, убьет его, а если отослать его на войну, удобнее будет кормить ребенка”. Любовь матери взяла верх над жалостью к заглазно известному витязю, и она сказала Хурмукину, что есть на востоке богатырь Микеле, Хурмуки, однако, узнал, что у ней есть ребенок, разбил ящик и хотел убить ребенка, но Наглангоо подставила свою шею и сказала: “Разве вошь убивают ножом, разве богатырю не стыдно убить младенца? Подумай — если я вскормлю ребенка, будет это мальчик — он будет пасти твой табун и собирать аргыс (скотский помет, употребляемый на топливо), будет девица — она будет доить коров и выносить золу”. Хара-хурмукин сказал: “В самом деле, что может сделать мне пленная баба”. Он собрал своих 100000 бешеных богатырей и 200000 пьяных богатырей и поехал в ту сторону, где жил Микеле. Подъехав к родине Микеле, он поднялся на высокую гору и от удивления задумался и продумал три года, пока богатыри не стали роптать. Хурмукин сказал: “Не честь богатырю убить спящего младенца; это дело еще не уйдет; лучше вернемся убьем пленную бабу, которая отослала меня с умыслом погубить, чтобы на свободе лучше кормить своего ребенка; когда снова мы сюда приедем, Микеле проснется”.

С этими словами они повернули коней назад и, увидя табун Микеле, отогнали его. Хангиль, как заметил, что табуны угоняют, превратился в жеребенка и прилег, будто устал. Хара-хурмукин догадался и так начал бить его плетью, что мясо от кожи отделилось. Жеребенок побежал. Когда табун дошел до песочного перевала, Хангиль обратился в песок, но Хурмукин заколол кобылу, из шкуры сделал мешки, насыпал в них песок и повез; на охранном перевале Хангиль обратился в охру; Хурмукин высыпал песок, собрал охру и поехал далее. Наконец конь обращается в коршуна, тогда Хурмукин выстрелил в него, отшиб ему все четыре ноги и уехал. Между тем Микеле проснулся и пешком пустился искать коня; когда он нашел его, то вколотил обрубки ног в землю, поставил коня на них, и они приросли. Микеле поехал догонять Хурмукина без доспехов. Дорогой он вырвал 10 лиственниц и,

догнав Хурмукина, ударил его по голове, Хара-хурмукин ткнул в Микеле пикой и проткнул ему грудь насквозь. Три года бежал Микеле с пикой в груди, преследуемый Хурмукином; но наконец он стал терять силы и сказал: “Не честь богатырю безоружного мальчика проткнуть пикой и гнать три года”. Хурмукин согласился с этим; они слезли с коней, сняли доспехи и стали бороться, и Микеле убил Хурмукина. Тело его он сжег, а вырезанную грудь выложил на камень и принес в жертву Гучин-губу-хормусту. Затем он убил и коня его, и голову коня подвесил на шею своему Хангилу, и едет в ставку Хара-хурмукина. По дороге он встречает двухлетнего богатыря, сына Наглангоо, высланного матерью на помощь Микеле.

Двухлетний богатырь не узнает дядю, но узнает голову коня Хара-хурмукина и тычет в нее копьем. “Кто ты? — спрашивает Микеле. — Каких отца и матери и как тебя зовут? Узнав, что маленький богатырь его племянник, Микеле едет с ним к Наглангоо, освобождает ее из плена вместе со всем ее народом, берет в плен народ Хара-хурмукина и уводит его на свою родину. Придя на родину, Микеле едет вперед и входит на гору, чтобы поскорее увидеть свою ставку, но к ужасу своему видит полное опустошение. В его отсутствие приходили пять харамангысов, которые полонили его отца и мать и увели скот и народ. Тотчас же Микеле отправляется против мангысов. Они, услышав богатырский топот, один за другим выходят к нему навстречу. Микеле отрубает головы четверем из них, но пятого оружие не берет, так как у него 95 голов. Богатыри слезают с коней и долго борются, и у Микеле силы начинают падать. Тогда Хангил отвязывает из торок мангысовой лошади ремень из человеческой кожи, подает его Микеле и говорит: “Тебе не осилить Мангыса, лучше свяжи его этим ремнем, потом поезжай за его смертью; она находится за двумя морями в третьем, на ледяной горе, в двух байшиках (фанзы); внутри этих последних стоит бык, в быке — два ящичка, золотой и серебряный, а в них двенадцать пташек — это и есть смерть Мангыса. Микеле связал Мангыса и поехал за его смертью; все случилось, как предсказывал Хангил: лишь только Микеле убил пташек, Мангыс умер. Тогда Микеле превратился в невзрачного парня на невзрачном коне и поехал освобождать своих отца и мать. Отца своего

он нашел пасущим быков Мангыса. Мать его была в юрте. При входе в юрту невзрачного парня груди ее наполнились молоком, и она подумала, что вошел сын ее, но Микеле еще не открылся им, а сперва съездил в юрты мангысов и убил их жен. Затем Микеле поехал домой со своими родителями, освободил из плена свой народ и забрал с собой свой скот и народ и скот Мангысов. Двухлетний племянник его прибыл в отечество раньше Микеля и возобновил разрушенную ставку Цагандалай. Затем следует пир, на котором двухлетнему богатырю дают имя Хабкан-шюдун-хар-тарь-кукуль.

Теперь нужно Микеле жениться. Отец и мать говорят ему, что невеста его — Толи-зандын-дагине, дочь Тотурхай Илгыстын-хана. Микеле отправляется за невестой и встречает огромного волка, который не пропускает его далее; они долго борются без доспехов, силы уже оставляют Микеле, как вдруг падает с неба аюнгосумын, т.е. стрела громовая, с надписью, что они должны прекратить бой, потому что оба они сыны неба и братья; волк оказывается не кто иной, как старший брат Микеле Арсланзеби, который по определению неба под видом волка стерег проход и бился с шулмусами. Арсланзеби прекратил бой, превратился в молодого юношу, ввел Микеле в свою юрту, решетка которой была увешана головами шулмусов, и угостил³⁵⁷. После этого он рассказал Микеле, какие препятствия ждут его впереди, и научил его как преодолеть их. Для этой цели Микеле убил золотого аргали (каменного барана) и взял у него два глаза, четыре бабки и 8 жил.

С этими предметами Микеле едет далее, сперва он встречает двух воронов Лосунай-хана и отдает им два глаза, говоря, что это глаза убитых им отца и матери; затем встречаются ему старухи, он им дает жилы, и дети, которым он дарит бабки. Старухи эти посланы добыть жилы на нитки для жены Лосунай-хана, а дети Лосунай-хана ищут бабки для игры. Далее Микеле встречает змея, который за полдень тянет в себя проезжего человека; втянул он и Микеле в свою пасть, но тот острым концом своего копья приткнул

---

³⁵⁷ Точно так же и алтайский Ирин-шайн-чичирге по совету своего коня добывает глаза, жилы и железные кольца и отдает двум эрликовым воронам глаза, девицам — жилы, а верблюдам — кольца.

его верхнюю губу к небу, а тупым концом — к земле, вошел внутрь змея, изрубил его нутро, проделал в спине окно, сам вышел и вывел оттуда два народа — хонгоут и олют; хонгоуты пошли на север, олюты — на юг. Далее Ирин-сайн-микеле встречает лес такой плотный, как одно дерево; он стреляет и простреливает в плотной стене леса отверстие для проезда; еще далее лежит ледяная гора, ни объезду нет, ни перевалу нет; Микеле стреляет из лука, предварительно привязав к стреле морду своего коня. Стрела пронзает гору и увлекает за собой коня и всадника³⁵⁸. Наконец встречается белый верблюд, у которого пасть то смыкается, то размыкается, верхняя губа хлещет по небу, нижняя — по земле. Этого верблюда Микеле взнуздывает и ведет с собой; далее нужно еще перейти ядовитое море, где у коня отпадают копыта; Микеле вылечивает коня и достигает ставки Тотурхай-илгысан-хана; у хана съехались богатыри и состязаются в три игры: бег, стрельба и борьба. Игры эти уже окончены, и невесту выиграл богатырь Докшин-хара-куруль. Однако игры возобновляются, и Микеле во всех одерживает верх, причем по желанию Куруля борьба заменяется решением задачи — сварить мясо на дровах из льда, высеки огонь из воды посредством снега. Вещий конь помогает Микеле произвести огонь над костром из льда.

Получив невесту, Микеле возвращается домой к отцу и матери, живет 5 лет, а все нет у него сына. Тогда он обращается за советом к одному отшельнику; тот советует ему обратиться с жертвой к Гучин-губу-хурмустан-хану; во время принесения жертвы Микеле услышал голос с неба: опростай прежде 18 адов и уничтожь Эрлик-номын-хана.

Микеле снова едет; Эрликов сын с львиной головой (Арслын-тэригутэй), завидел его издали, заперли ворота, выслали ему на встречу воинов, но воины, как только увидели Микеле, взъехавшего на гору, пали замертво, ворота сами отворились. Микеле вошел к Эрлик-хану и заявил, зачем приехал. Эрлик признал, что таково определение неба, и приказал сыну, чтобы он проводил богатыря.

---

³⁵⁸ Эти препятствия напоминают море, железную гору и место, где небо и земля смыкаются и размыкаются — лежащие на пути к Эрлику камляющего кама.

Ворота адов сами отворяются, заключенные выходят; является пятицветная радуга, и души их восходят по ней на небо и становятся бурханами. Один только заключенный остается в аду. Микеле силится поднять его, но только отрывает ему члены. Тогда Микеле идет к Эрлику и просит отпустить и этого грешника. Эрлик отказывается, говоря, что этот грешник Алыги-угур-хара-батыр семь раз рождался и каждый раз во время земной своей жизни убивал отца, мать и бакши (учителя), что он получит свободу только тогда, когда, по зернышку выбирая, опростается яма (уурхай), засыпанная ячменем; но так как иначе у Микеле не родится сын, то Эрлик отпускает Алыги-ухур-хара-батыря на несколько дней с тем, чтобы он снова вернулся в ад. Потом Эрлик отпускает Микеле, но просит его заехать в горячую степь, где люди, дети, скот и птицы, покрытые ранами, мучатся жаждой. Это души, жившие во время великой войны между двенадцатью государствами. Снова является радуга, и эти души тоже поднимаются на небо.

Микеле возвращается в родительскую ставку и видит у своей юрты золотой шест и падающий на него с неба хадак — знак, что у него родился сын. Следует пир, на котором новорожденному дают имя Ирин-сайн-китын-хара-души. Этот дюрбютский вариант, по-видимому, представляет свод нескольких вариантов. Но книжные варианты проще; в них описывается либо поездка к Эрлику, либо поездка в иноземное царство за невестой; в дюрбютском книжном варианте вмещаются обе поездки, причем поездка к Эрлику утрачивает свою первоначальную обстановку, перенесенную на поездку за невестой.

Стих о Цагандареке. Багмахатун (таково первоначальное ее имя) жила в монастыре 67 лет, молясь Богу в пещере; она просила одной только драгоценности из трех, и у нее на 99-м году родился ребенок, похожий на восходящее солнце, по имени Аю, т.е. медведь. Пососав мать два дня, мальчик на третий день исчез. Мать начинает рыдать и молиться богам, чтобы они отыскали ее ребенка. Сначала обращается она с просьбой к текгирам, но они отвечают, что ничего об этом не знают. Потом она просит Сайн-галобин-микган-бурхана, но он дает ей такой же ответ. Тогда несчастная мать, причитая и рыдая, зовет своего сына: “Хара Эрень, барс мой, сердце мое, лев мой, приди ко мне!”. Наконец

она падает без чувств. Очнувшись, она обращается к гадалщику Дзурхайчибакши, тот гадает и узнает, что ребенок выкраден Сайн-гальбин-минган-бурханом и заключен в 366 золотых бомб. Бедная мать хочет идти к Сайн-гальбину под видом нищей, желающей наняться в служанки. Приходит к Сайн-гальбину, а сын ее Аюбодисатва при ее приближении расторгает свои узы и садится на золотой престол; мать трепещет от радости, но боги Сайн-гальбин и Шикджи-мини вызвали радугу. Аюбодисатва исчез из глаз матери, и в это время боги снова успели заключить его в золотые бомбы. Мать опять начинает взывать: “Хара Эрень, барс мой, сердце мое, лев мой! Внемли матери твоей царицы! Выйди немедленно как солнце”. Голос матери достиг ушей заключенного, в голове у него помутилось, внутренности как будто опустошились, он сделал страшное усилие, разрушил бомбы, бросился к матери и обвил руками ее шею. Мать и сын заплакали, слетевшиеся челюнки зарыдали, сами боги загоревали и стали упрашивать их не плакать. Наконец Аюбодисатва сам просит мать не плакать и отпустить его из своих объятий; она отвечает ему: “Хоть и хотела бы отпустить тебя, не могу; руки мои замерли и не отпускают тебя. Как поймав коршуна, боятся выпустить его из рук, чтобы не улетел, так и я боюсь, чтобы ты снова не исчез!”.

Наконец Очирвани-бог³⁵⁹ разжал ей руки своим очуром. После этого Цагандареке поднесла Сайн-гальбину 1000 шелковых хадаков и поселилась с сыном на Бодулыngoле. Аюбодисатва 33 года сосал молоко матери и не поправился; еще сосал до 57-летнего возраста, ополовинил молоко матери и пошел в разум. Тогда он сказал: “Мать, ты оставайся здесь, а я спущусь вниз, научу людей молиться и вернусь”. Мать обернулась птицей токточур с золотым хвостом и серебряными крыльями, села на престоле между небом и землей и три дня еще кормила Аюбодисатву, после чего он полетел вниз к людям, а Цагандареке полетела к 18 адам и силою молитвы “мани” освободила из них заключенных, которые поднялись на небо. Очистив ад, она полетела на Бодулуолу, так как приблизился срок возвращения сына; сидит и смотрит во все стороны. Между тем Аюбодисатва дал людям две книги: бодино-

³⁵⁹ Бог, обладающий наибольшей физической силой.

роль и орёлинхан; не знавшие писания, стали с писанием; мертвых ввел в блаженные места, страдавших осчастливил, всем даровал жизнь блаженную и вечную! На все это он употребил 18 дней и возвратился на Бодулулу. Пошли они вдвоем с матерью искать места для постройки себе кита, встретили нищего ламу, который был голоден и томим жаждою; Цагандареке взяла его на колени, отерла грязь со рта его, сняла пыль с глаз его языком, покормила своим молоком, затем, взявши его на плечи, мать и сын отнесли его из жаркой Гоби в прохладное место. Сделавши все это, они пошли далее и достигли того предела, где вечно пребывает лама, сидящий выше всего мира. Он им указал на местность, где они должны были построить два кита: золотой и серебряный. Выстроив киты, мать в сын легли спать; наутро видят — стоит лошадь, не касаясь травы копытами. Аюбодисатва пошел ловить ее, она запуталась в своей серебряной гриве. Сев на лошадь, Аю отправился к Эрлик-хану и освободил народ из 18 адов. Эрлик-номон-хан, узнав это, взошел на крышу своего жилища, посмотрел на восток и увидел два кита — золотой и серебряный. Тогда Эрлик-хан помолился Цагандареке и велел своему сыну отправиться к ней и поднести 1000 хадаков. Эрликов сын приехал к Цагандареке, но не вошел к ней, хадаки бросил во двор кита, а свел лошадь Аюбодисатвы и поставил ее в горячий ад, лошадь внесла с собой 12 прохлад; все заключенные оживились; поставили ее в студеный ад, она внесла 12 теплот, и заключенные возрадовались; сын Эрлика перевел ее в мрачный ад, она расторгла ад, вывела заключенных и улетела на небо.

Определение сидящего превыше всего ламы (дедикдетхи-лама) было таково: “Аюбодисатва и Зандындагны, дочь Гальдын-тенгри, возлягут на одном престоле”. Конь Аюбодисатвы очутился привязанным на золотой веревке у дверей ставки Галдын-тенгри. Зандындагны, увидя лошадь, захотела сесть на нее; проводник ее Янсык-улакчин не советовал ей садиться, говоря, что лошадь сверхъестественная и что на ней ездить опасно. Однако девица Зандындагны так настойчиво требовала лошади, что Улакчин должен был пойти ловить ее. Только Улакчин стал подходить к лошади, как она запуталась в своей серебряной гриве. Зандындагны села на лошадь, и та понесла ее к Аюбодисатве. Проспав ночь со своей женой, Аюбодисатва вышел из своего кита и видит, что там,

где стояла его лошадь, вместо лошади Бурханбакши трех времен восседает, окруженный 3000 ламами. Затем Бурханбакши говорит Аюбодисатве: ты с матерью нашли голодного и жаждущего ламу, отерли грязь с его лица и перенесли его в прохладное место, трудясь до утомления; этот лама был я. Обратившись в лошадь, я оплатил вам за ваше благодеяние. Сказав это, Барханбакши вместе с ламами вознесся на небо.

В летнем последнем месяце 19 числа Зандындагны увидела сон: маковка с монастыря упала, цветок мандырба надломился. Престол, на котором восседала Цагандареке, оказался пуст; она переродилась и вознеслась на гору Арслынолу.

Этот духовный стих, пишет Г. Н. Потанин, по-видимому, также переделан из былин об Ирин-сайн-гунын-настой-микеле. Некоторые персонажи стиха носят те же имена, какие встречаются в былине об Ирин-сайне: жена Аюбодисатвы также Зандын, как и у Ирин-сайна; Сайн-гальбин напоминает Арань Тайджи, По варианту, написанному Радловым, у Кокхана сына еще из материнской утробы уносит Чиланмонгус (Микгонбурхых); добыть его берется Алтынмоко; он спускается к Монгусу, находит сына Кокханова, Арантайджи, пригвожденного семью гвоздями, борется с Монгусом, но не может его одолеть; тогда Араньтайджи срывается с гвоздей и помогает Алтынмоко. Они возвращаются на свет. Здесь на Алтынмоко нападают Шоян и Чельбедень (Сайн-гальбин?), и Араньтайджи снова выручает его, затем Араньтайджи добывает себе жену Очукаракчи (Джетыкаракчи — Большая Медведица по-киргизски), у которой семь братьев; она была уже сговорена, но Араньтайджи побеждает ее жениха и братьев. Лошадь, стоящая на золотой веревке у дверей Голдунтенгри, напоминает лошадь на золотом приколе, стоящую у дверей Канкере (Тенгри?), дочь которого берет замуж Ирин-шайнгечирге (в алтайском варианте). Имя Уликчин в алтайском варианте является именем отца Ирин-шайна, но в то же время тут является богатырь Олёкёй, который указывает дорогу к Канкере и учит, как войти к нему. Не этот ли стих, говорит далее Г. Н. Потанин, послужил началом наших стихов о Богородице: сон Богородицы, хождение Богородицы и других?

Что духовный стих о Цагандареке местного происхождения, за это говорит, по мнению Г. Н. Потанина, сходство его с былинами

об Ирин-сайне, который, в свою очередь, имеет сходные черты с алтайскими былинами о Джерканате (летучей мыши). Джерканат и Ускузьюль спасают сына неба, унесенного Эрликом; спустившись в Эрликово царство, они находят там пригвожденного сына неба Темирбоко и освобождают его. Этот Темирбоко появляется в дюрбютской былине о Мекеле под именем Темирбось, сын неба, только он здесь просто один из гостей и состязателей за руку Толизандын; зато прежде, чем получить невесту, Тутурхайлгы сын посылает Микеле поднять на ноги и пригнать черного верблюда, который скованный лежит на земле за то, что хотел убить сына неба. Былина о Джерканате, в свою очередь, имеет близкую связь с мелкими народными рассказами, как алтайскими, так и монгольскими, которые прямо относятся к летучей мыши. По мнению Г. Н. Потанина, трудно предположить, чтобы легенда о сыне неба была занесена в Северную Монголию извне и здесь породила столь многочисленный ряд вариантов, из которых многие будто бы народ стал приписывать зверькам — бурундуку, летяге, летучей мыши и проч.

Если бы, говорит г-н Потанин, идея о сыне неба, как именуется монгольские ханы, была занесена из Китая, с какой бы стати в былинах появился сын неба Темирбок или Темирбось, который вовсе не является царем, с какой бы стати тогда появилась легенда о сыне неба, загрызенном зверьками, и почему бы имя сына неба переменялось на медведя (у остяков) и на волка (у якутов). Обратный же переход естествен — медведь почитался сыном неба, цари титуловались медведями (как и по сих пор в тропических странах титулуются тиграми и львами) и вместе с тем и сынами неба. В конце своего письма Г. Н. Потанин изъявляет убеждение, что если б можно было обратить внимание на легенды о сыне неба у остяков, якутов, у других северных инородцев, то, вероятно, открылось бы много интересного.

Поэтому Г. Н. Потанин по окончании занятий в Монголии надеется получить средства на поездку к разным сибирским инородческим племенам с целью пополнения материалов, собранных им в Монголии и Алтае подобными же существующими в Сибири. Шаманство в Сибири, по мнению Г. Н., представляется в совершенно новом свете, особенно то, что относится к культу сына неба

(Джоика по-алтайски, Ереня по-сойонски, вещественно представляемого в виде зайца) страстотерпца. В сказаниях, которые более или менее находятся в связи с легендой о сыне неба, встречаются черты: 1) сверхъестественное зарождение или небесное происхождение; 2) вино или изображение вина или спаивание вином; 3) заговор или измена; 4) бегство от избиения, прятание под котел или под шерсть; 5) встреча с девицей у воды, просьба дать воды напиться; 6) раздавление головы змея, нисшествие заключенных; 7) воскресение в третий день; 8) вознесение на небо; 9) ожидаемое второе пришествие.

Записки ИРГО. СПб., 1880. Т. 2. Вып. 1. С. 171–180.

Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году

Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. X. Вып. 1. СПб., 1882).

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.

Николай Спафарий, русский посол в Китае и писатель XVII столетия, оставил два сочинения: “Описание Китайского государства” и “Описание пути посольства через Сибирь”. До последнего времени было известно только одно “Описание Китайского государства”, впрочем, поныне не изданное; описание же проезда посольства по Сибири до границ Китая лишь недавно найдено Ю. В. Арсеньевым в китайских делах Московского главного архива министерства иностранных дел и издано теперь Русским географическим обществом. К тексту дневника Спафария приложены отписки его к царю Алексею Михайловичу, посланные с пути по Сибири, а также некоторые другие документы, извлеченные из того же архива. Кроме того, книга снабжена обстоятельным введением и интересными примечаниями г-на Арсеньева.

Спафарий был родом из Молдавии и прибыл в Россию, вероятно, в начале 1672 г.³⁶⁰ Настоящее его имя было Николай Милеску, а прозвище Спафарий, обратившееся на Руси в его фамилию, могло произойти от должности спатара или спафара, которую он занимал в своем отечестве. Спафарий был молдавский боярин и родственник господаря Александра Дуки. Принадлежа к турецкой

---

³⁶⁰ См. статью о Спафарии г-на Кедрова в Ж.М.Н. Пр. ч. CLXXXIII, отд. 2.

партии молдавских бояр, он дает Порте знать о тайном союзе Александра Дуки с польским королем Михаилом Вишневецким; за это господарь отрезал ему нос и изгнал его, как изменника, из отечества; Спафарий удалился к бранденбургскому курфирсту Фридриху Вильгельму, но влияние польского короля не позволило ему здесь остаться, и он должен был отправиться в Россию. В Москве как человек умный и ученый, в совершенстве владевший молдавским, греческим, латинским и итальянским языками, он успел найти себе покровителя в лице князя Вас. Вас. Голицына и при его посредстве получил место переводчика греческого языка в посольском приказе в Москве. Заявив себя хорошим переводчиком, он получил поручение составить греко-латино-славянский словарь; в то же время он пишет или переводит целый ряд книг: “Арифмологию”, “Хрисмологион”, “Мусы, или О семи свободных художеств”, “Избрание на царство Михаила Федоровича”, “О сивиллах” и др. Самая замечательная из них — “Арифмология”; это не арифметика, как думали некоторые прежде, а дидактическая энциклопедия, собрание нравоучительных сентенций, расположенных своеобразным методом в группы по три, по пять и по шесть; отсюда и имя книги: “Арифмология”; этот особенный порядок изложения напоминает китайский трактат: Санizeкинг, и почему догадываются, что, может быть, Спафарий еще до приезда в Россию был знаком с литературой о Китае или знал о нем кое-что и интересовался им, и это знакомство не осталось без влияния на его назначение в посольство.

В 1675 г. Спафарий был назначен посланником в Китай. План путешествия был задуман в Москве далеко смелее выполнения. Московское правительство рекомендовало Спафарию отправиться в Китай путем Байкова, вернуться же он должен был через Туркестан и выйти на Астрахань. Приводить в исполнение подобные широкие замыслы удалось русскому путешественнику Н. М. Пржевальскому только два века спустя после Спафария. Впрочем, посланнику предоставлялось, смотря по обстоятельствам, изменить маршрут. По приезде его в Тобольск тобольский воевода Салтыков опросил русских и бухарских купцов о дороге в Китай; русские заявили, что самый удобный путь в Китай по сибирским рекам до Нерчинска; обычный же путь бухарцев был другой: на верблюдах через

барабинскую степь и калмыцкие улусы, а потом монгольской землею до первого китайского пригородка, то есть тот самый путь, которым ходил в Китай Байков. Однако тобольский воевода этим путем отпустить Спафария не посмел, потому что, по собранным от тарского воеводы справкам, в барабинской степи в это время было неспокойно от барабинских татар. Это было причиною, почему Спафарий предпочел путь по сибирским рекам на дощаниках караванному пути через монгольские степи на верблюдах. По окончании посольства он также должен был отказаться и от нового, тогда малоизвестного пути через Туркестан. Таким образом, вместо дорожника по Западной Монголии он оставил описание Сибири, которое по своей точности и подробности может быть названо первою географией Сибири.

Спафарий покинул Тобольск 2 мая и поплыл на дощаниках вниз по Иртышу до Самарова, а потом вверх по Оби до устья Кети. Самаровский ям посольство оставило 10 мая; 13-го оно встретило на реке льды, и дощаники простояли до 15-го, пережидая ледоход; 15-го тронулись дальше, с 16-го по 20-е опять стояли из-за великих льдов. Только после 20-го началось беспрепятственное плавание по Оби. В Нарым Спафарий прибыл 4 июня; здесь выпал при нем большой снег. 8 июня дощаники вошли в Кеть, по которой посольство тащилось целый месяц. На Енисей Спафарий выехал при Енисейске; 18 июля он поплыл далее вверх по Енисею и Ангаре и 5 сентября после трудного и опасного плавания через ангарские пороги достиг Иркутского острога. За два дня до Иркутска, минуя устье р. Китоя, Спафарий впервые увидел “Мунгальской камень зело высокой и великой”, то есть хребет Восточный Саян. К Байкалу Спафарий прибыл 12 сентября; озеро он переехал на гребях подле западного его берега и высадился при устье Селенги, откуда прибыл в Селенгинский острог. Здесь он купил верблюдов для дальнейшего следования через степи и 5-го достиг Нерчинска новым путем, по которому, по свидетельству самого Спафария, “прежде сего никто не бывал”. 4 декабря посольство прибыло в Нерчинск; из этого города до китайской границы Спафарий шел вдоль Аргуни, а потом степью и горами до р. Науна.

Спафарий приготовился к своему путешествию, перечитав в Москве сказки и сведения, какие мог отыскать в посольском и сибирском

приказах о предстоявшем ему пути. По-видимому, он взял с них с собою копии и часть сведений из этого источника впоследствии ввел в свое собственное описание. Описание его изложено в виде дневника; ежедневно он заносил в свой дневник все виденное им — горы, реки, острова, протоки, озера и населенные места с точным обозначением расстояний между ними. Иногда, в приличных местах, дневник прерывается или собранными сведениями о странах, которые не были лично посещены самим посланником, или описанием быта инородцев. Как человек, занимавшийся составлением греко-латино-русского словаря, а также переводами греческих и латинских книг, он смотрел на явления природы не теми глазами, какими смотрело на них большинство его современников из русских. Он был в состоянии оценить место, какое занимала та или другая сибирская река по своей величине в ряду других рек света, или указать на неизвестность описываемых стран древним и понять, что он первый вносит в европейское знание точные сведения об этих странах. Про Обь он говорит: “Нет такой реки ни величиною, ни глубиною во всей Вселенной, опричь Амура, и несмотря на то, — прибавляет он, — землеописатели знают только ее имя да знают, что она впадает в море, а где ее вершины и какие там люди живут, им не известно, а если что и пишут, то ложно, чего на ней и нет вовсе”. В том же роде он говорит по поводу Иртыша и других рек. Тем же величием, каким поразили его сибирские реки, должны были удивить его и сибирские леса; он говорит, что этот “преславный и превеликий лес”, который тянется по Оби реке и по всему Сибирскому государству до самого океана, есть тот самый, который у древних писателей назывался “эркинским лесом”; он идет в другую сторону тоже до океана и до земель немецкой и французской и “чуть не по всей земле”; это “первый лес на свете и преименитый”, однако же нигде “так пространным и великим” он не является, как в Сибирском государстве; по этой-то причине ему свойственны и особые звери, как например, соболь. Далее внимание Спафария остановили на себе высокие яры, которые непрерывно тянутся по берегам Иртыша, Оби и Томи. “И то чудо не малое, что по реке Оби и по Иртышу и Кете нет иной горы или холмов, но везде место ровное, опричь того яру Кряжа, который, будто пояс, проходит и расширяется по всем странам и

разделяет реки и озера”. Начинается тот яр “издалека из степи, из пустого и неведомого места”, приближается к Иртышу, тянется по его правому берегу, потом по Оби реке, тоже по правой стороне, доходит “до самого Томского города и от Томского города до самой калмыцкой степи и пустыне; а сибиряне сказывают простым речением, что идет тот яр по всей земле, а именуют тот яр Кряж, а татары именуют Каш, а остяки Вонт”.

На всем пути Спафарий делает замечания о естественных произведениях — древесных породах, зверях, птицах, рыбах и полезных ископаемых. Некоторые заметки его о местонахождениях зверей, вероятно, уже получили историческое значение, то есть говорят о бывшем, теперь изменившемся географическом их распространении. Так, он немало указывает мест, где водились выбитые уже теперь бобры, как, например, на реках Иртыше, Кети, Пыгме и Сочюре, притоках Кети, Мурожной и Вихаревой, притоках Верхней Тунгуски (с. 35, 75, 77, 80, 91 и 104); по р. Пыгме водились “самые добрые черные” бобры. Также, вероятно, и некоторые местонахождения соболей, которые дает Спафарий, теперь уже не существуют. Лоси указываются им выше Самарова, где они, вероятно, и теперь еще водятся; барсов много по р. Кайлару (с. 149); лучшие горностаи — около Нарыма (с. 67), лучшие соболи — по Витиму (с. 137). Кроме того, упоминаются в разных местах выдры, куницы, росомахи. О соболе он знает, что он “нигде ж на свете не родится, опричь в северной стране в Сибири”, в Сибири же он становится тем лучше, чем холоднее страна; а где степь и тепло, там и соболи худые; рождаются соболи по 5 и 6 штук вдруг, и эта многоплодность дает повод Спафарию думать, что в этом звере русское государство имеет “неистоощаемый источник”. “Зверек радостный и красив, а красота его придет вместе со снегом и опять со снегом сойдет”; шкура этого-то зверька, по мнению Спафария, и есть та “златая кожа”, за которой греки-аргонавты ходили по Черному морю. Из птиц Спафарий упоминает соколов по р. Мурожной, притоку Тунгуски; из рыб — осетров, стерлядей, сига в Оби, Иртыше и Байкале и муксунов в Оби. Упоминание Спафарием нерпы, которая водится в Байкале, вероятно, по времени есть первое; нерпу и, кроме того, кита Спафарий указывает также и в озере Далае; относительно кита это известие, вероятно, —

соображение самого Спафария, выведенное на основании местных поверий о каком-нибудь подводном чудовище; известие о нерпе в Далае также позднейшими сведениями не подтверждается, и, вероятно, должно быть отнесено насчет тех же самых поверий. Из деревьев кроме строевых пород Спафарий заметил какое-то “древо небольшое сандал”, растущее по р. Селенге; им красят кожи, как и немецким сандалом. Из ископаемых указаны все месторождения соли, в которых она добывалась или которые были известны местным жителям: Ямышевское соленое озеро, соленое озеро близ Селенгинска, солеварицы на р. Усолке, притоке Тасеевой, на Ангаре, соляные запасы на Вилюе; кроме соли слюда на р. Тасеевой, оселки на р. Ослянке, жемчуг на р. Ангаре, квасцы и краски в 15 верстах от Селенгинского острога. По поводу р. Каса Спафарий сообщает, что вода ее имеет свойство окаменять дерево, полежавшее в ее воде более трех лет (с. 78). О двух местностях — на р. Таймуре и Вилюе — рассказывается, что из земли выходит огонь. О Таймуре Спафарий говорит: “А подле той реки огонь исходит из долу из ровного места; а как на ту расселину дерево положат и оно станет углем от жара, а огня нет” (с. 86). О вилюйской местности: “А выше Варны реки ходу неделя на левой стороне из реки Вилюя огонь исходит, а как вода весною разливается и то место покрывает и не знатно то место будет, а как вода сойдет и огонь по-прежнему исходит, а не пламенем, а древо положить на ту расселину, и оно истает углем, а пламенем не горит” (с. 133). Это место, впрочем, буквально заимствованное Спафарием из “Списка с чертежа Сибирские земли” (1672 г.), есть самое раннее указание на подземные огни близ Полярного круга, которые занимали потом Штраленберга, Гумбольдта и Эрмана и первому из этих ученых подали повод говорить о полярном вулкане в Сибири³⁶¹.

Заметки Спафария о жителях Сибири имеют еще более ценности, чем заметки о природе, так как в этом отношении со времени Спафария многое изменилось как в распределении населения, так и в образе его жизни. Спафарий кроме перечисления виденных им лично селений делает замечания, представляет ли местность густое русское население, усеянное деревнями, или она пустынна. Так, из

³⁶¹ Humboldt. *Asie Centrale*. II. 104–107.

всех пройденных им местностей самую населенную ему показалась окрестность Енисейска. “Здесь, — говорит он в письме к боярину А. С. Матвееву, — Енисейская страна весьма хороша, будто Волоская земля. А река Енисей, будто Дунай, самая веселая и великая. И дал Бог изобилие всякое, хлеба много и дешев и иное всякое ж и многолюдство”. Конечно, и тогда уже были местности в Сибири, более населенные, но они лежали не на пути Спафария: из сибирских актов видно, что в 60-х годах прошлого столетия, когда началось новое колонизационное движение в нынешний Бийский округ, многолюдный Енисейский край мог дать этому округу значительное число переселенцев; памятью этого заселения окрестностей Бийска из Енисейска служит теперь имя Енисейского села, которое расположено на Бие в 70 верстах выше Бийска. По слухам, отмечена Спафарием как очень хлебородная местность, система Верхней Туры: “А около тех рек и меж ими живут многие слободы и деревни великие, которые пашут хлеб, а земля здесь хлебородная”; из тех слобод хлеб на дощаниках доставлялся в Тобольск. В слободе Ильинской уже делали посевы китайской пшеницы; в Селенгинске возделывались китайские огурцы, чеснок, капуста и пр. На Лене во время Спафария также началось хлебопашество; он именно отмечает в своем дневнике, что Лена прежде своего хлеба не имела, а теперь и по Лене везде завелось земледелие. На Оби Спафарий отметил пункт, до которого доходило возделывание хлебных растений; он говорит, что, плывя снизу вверх по Оби, он первые опыты хлебопашества встретил в Демьянском яме. Относительно же реки Кети он отзывается: “Зело тосклива”, потому что пять недель по ней плыли и никого, кроме остяков, не видели. В городах или острогах Спафарий указывает число дворов или жителей; в Нарыме было во время его проезда 40 служилых (ныне 1900 домов об. п.) в Енисейске — до 500 дворов (теперь 850 домов), в Балаганске — 20 казаков и два двора (ныне 800 домов об. п. и 140 домов), в Иркутске — 40 дворов (теперь 4490 жилых зданий), в Селенгинске служилых и гулящих людей до 200, дворов с 30 (ныне жителей 1000 домов об. п., домов 230)³⁶².

---

³⁶² Современные цифры заимствованы из книги “Экономическое состояние городских поселений Сибири”. СПб., 1882.

Есть у Спафария любопытные заметки и о инородцах. Об остяках он говорит, что живущие по Оби и Иртышу называют себя кандаях, а нарымские и кетские — чугулами; что остяки вообще рыбоедцы, и кроме сушеной и вареной они едят и сырую рыбу, но соли и хлеба не знают; кроме того, едят какой-то белый корень “сусак”, который летом собирают в запас, сушат и зимой едят; тут же упоминается и об одежде из рыбьих шкур. О религии остяков сообщается, что они имеют “мечети”; в этих “мечетях” стоят серебряные, медные и деревянные болваны, пред которыми остяки молятся, “мызжут и пляшут”; золотых идолов, по свидетельству Спафария, остяки не имели, хотя землеописания и говорят об идоле Золотая Баба: “Однакожде золотых не сказывают, а что серебряных, деревянных крашенных множество и медных льют же”. Это замечание Спафария очень интересно: вероятно, слово “золотая” входило только в состав имени божества, будучи употреблено в переносном значении, и не имело никакого отношения к материалу, из которого был сделан идол. Идолам остяки приносят “первое, что ловят изо всех зверей”. Упоминает Спафарий и о медвежьем празднике у остяков: “А как медведя в лесу убьют, и они привоколют на двор и в избу с луками и стрелами и стрелы потычут, и поют, и пляшут. А сказывают они, что де мы молимся Шейтану, и ходит он по деревням”. На Иртыше остяцкое население начиналось деревней Лебуотино; выше его деревни были населены татарами.

В вершинах Оби Спафарий помещает народцев — саянцев, мендуажцев, кайманцев, таутелеутов, лумендужцев, учюгов, караганцев. Эти имена находятся и в “Списке чертежа Сибирские земли”, с тем только различием, что вместо мендужцев в списке стоит мундусцы, вместо караганцев — карагайцы, а таутелеутов нет. Саянцы общеизвестны и теперь; мундужцы, вероятно, — нынешнее телеутское поколение мундус; кайманцы — не описка ли вместо найманцы? Поколение найман есть и теперь у алтайцев, кайманцы же нам не известны; таутелеуты, то есть горные телеуты, вероятно, жили в предгорьях Алтая и назывались так в отличие от телеутов, живших на Кузнецкой равнине; имя это упоминалось еще в актах конца прошлого века, но ныне ни к одному племени не применяется; яумундужцы также упоминались еще в прошлом столетии; нынешние мундусы делятся на три подпоколения, но ни одно из

трех не называется яу; учюги нам совсем не известны; караганды, вероятно, — алтайцы, жившие в вершинах Чарыша и в актах всего прошлого столетия являющиеся под именем Канкарагайской земли. Из других заметок Спафария приведем еще его показание, что татары-киргизы жили на вершине реки Кети (или близ ее, к югу от нее) и что братья (буряты) в Балаганском округе жили в войлочных юртах; в настоящее время войлочных юрт у северных бурят, кажется, нет. О барабинских татарах Спафарий говорит, что они прежде платили дань Аблай-тайше и в Москву, а теперь будто бы платят только в Москву, а Аблай-тайше не платят; это прекращение двоеданства было, по-видимому, временное; сибирские акты половины XVIII века опять называют их двоеданцами: они платят ясак в Россию и алман в Джунгарию; двоеданство барабинских татар окончательно прекратилось только с проведением Кольванской линии, протянувшейся от Усть-Каменогорска до Кузнецка.

Встречаются у Спафария заметки и о древностях. Он упоминает о городищах Кошелеве и Рачевском на Иртыше, об окопах у Самарова остяцкого князька Самары, о Юрлукове городище на Кети, о пустом городке и шанцах Кучума царя Сибирского (с. 34, 36, 40, 45 и 78); о больших выделанных жерновах по р. Жорнокопке (на Шилке), которые местные жители приписывают китайцам (с. 139); наконец, о письменах на утесе над Енисеем; интересна приписка Спафария: “И меж письмом есть и кресты вырезаны, также и люди вырезаны и в руках у них булавы” (с. 85).

Иногда, называя урочище, Спафарий сообщает народное толкование названия. Камень Кровавой прозван так потому, что тут русские казаки “метали” тунгусов в воду; “курья енисейского воеводы” потому, что тут рыбу ловят на воеводу; “Пьяный порог”, потому что тут растет “пьяное коренье”: “А как того коренья человек съест золотник или полтора золотника, и тот человек пьян бывает сутки и шалит пуще пьяного”. В Восточной Сибири появляются еще неустановившиеся названия: “деревня пашенного крестьянина Кирилка” и “деревня енисейского сына боярского Терентья Распутина”, то есть деревни, в которых только что поселись Кирилко и Распутин. В Сибири имена деревень большею частию по фамилиям, вероятно, первых засельщиков. Остяцкое название Иртыша у Спафария Сагашудж, то есть “черная вода”; такого имени нам не

было известно до сих пор; у Кастрена остяцкое название Иртыша Тангат или Тлангетль³⁶³, в котором венгерский ученый Гунфальви видит реку Togata хроники Туроша, будто бы протекавшую на первоначальной родине венгров³⁶⁴. Обь татары зовут Амар, у Фишера в “Сибирской истории” — Умар. Между Тарой и соленым озером Ямыше Спафарий упоминает озеро Бараба, по которому будто бы называется барабинская степь, имени же Чанов у него нет. Не называлось ли это последнее озеро именем Бараба? А может быть, оно называется так еще и теперь у барабинских татар.

Подготовивший дорожник Спафария к печати г-н Арсеньев снабдил его приложениями и примечаниями, в которых также заключаются некоторые новые факты, еще в первый раз являющиеся в печати. В числе приложений кроме наказа Спафарию, данного ему в Москве, и его отписок к царю с дороги мы находим известия о поездке в Китай бухаретина Сейткула Аблина в 1674 г. и Милованова в 1670 г.; известия эти выписаны были из посольских дел для справок Спафарию и найдены г-ном Арсеньевым при деле об отправлении его в посольство. В примечаниях Арсеньев сличил рассказ Спафария и географические указания не только с существующими ныне сочинениями о Сибири, но и с некоторыми неизданными рукописями, отрывки из которых являются здесь в печати впервые. Так, в подходящих случаях г-н Арсеньев цитирует описание Сибири, составленное в 1683 г. и хранящееся в Румянцевском музее. Кроме того, он дополняет новыми архивными данными существовавшие сведения о поездке в Китай казаков Тюменца и Петрова в 1616 г. и делает извлечения из Московского архива Министерства иностранных дел о бывших доселе не известными посольствах к алтын-ханам Бажена Карташева (1636 г.), Василья Старкова (1638 г.) и Романа Старкова с Боборыкиным (1665 г.). Обзорение и сличение новых данных, собранных г-ном Арсеньевым, приводят его к любопытному заключению, что некоторые части Азиатского материка сделались известными русским людям гораздо ранее, чем предполагалось до сих пор. Обыкновенно думали, что с Зайсаном русские впервые познакомились лишь

³⁶³ Castren. Versuch ein. Ostjakisch. Sprachlehre. S. 114.

³⁶⁴ Hunfalvy. Ethnographie von Ungarn. Buda-Pest, 1877. S. 185.

в начале XVIII века после экспедиций Бухгольца и Лихарева. Но первые сведения об озере Зайсане с указанием его длины, ширины и других особенностей, подмеченных, по-видимому, очевидцем (“сквозь него прошла Иртыш река и не мешается с озером”), относятся уже к второй половине XVII века. Очевидно, и здесь, как во многих других случаях, частные лица, торговцы, промышленники и простые казаки предупредили в Сибири официальных землепроходчиков. Подобным же образом утверждение Миллера, что русские открыли озеро Ямьшево только в 1613 г., не верно: имя его встречается уже в наказе о постройке города на Таре в 1694 году.

О значении труда самого Спафария г-н Арсеньев говорит следующее: “Чтоб оценить значение, которое должно было иметь в свое время это описание Сибири, достаточно вспомнить, что до Спафариева труда не существовало ни одного точного описания русских владений за Уралом. Мы уже говорили выше о текстах сибирских чертежей, отличавшихся сжатостью и заключающих в себе только краткое описание дорог. Кроме того, существовали весьма краткие описательные статьи о Сибири, которые встречаются в Степенных книгах и Космографиях. Таково, например, “Описание Сибирского государства”, которым начинается сибирская летопись Саввы Есипова; другое оригинальное описание Сибири составляет 17-ю степень в Степенной книге (см. Изборник А. Попова, с. 320). В Космографиях встречаем две редакции статьи о Сибири, а именно: 1) земля Сибирская нарицается зверообразных людей и 2) царство Сибирское; вторая полнее”. Вот все, что было написано по географии Сибири до Спафария. Занятие Сибири имело для русского народа, без сомнения, очень важное значение, оно, между прочим, дало народу возможность развить свою инициативу до громадных размеров. Исторические памятники показывают нам, как частные лица в старой Сибири на свой страх и счет снаряжали завоевательные партии. Известия о вновь занятом крае должны были отразиться и на воззрениях наших государственных людей и вообще высшего класса в государстве. Покойный Щапов в одной из своих статей пытался провести параллель между значением открытия Америки для Европы и науки вообще и занятия Сибири для русского народа. Конечно, предметы сравнения очень различны по силе производимых впечатлений: там тропический

мир, полный удивительных органических форм, здесь — приполярная природа; но тем не менее и здесь пришельцы в страну должны были поражаться многими явлениями; великие реки, каких “ни величиною, ни глубиною во всей Вселенной нет”, бесконечная тайга, идущая от океана до океана, “чуть не по всей земле”, бесчисленное множество зверей, ходящих табунами, горящие сопки в Камчатке, средиземное море Сибири — Байкал, внезапно появляющееся среди материка, “толикая великая пучина”, как сказано у Спафария, соболь, “зверек радостный и красивый”, одаренный чудным свойством хорошеть зимой и напомнивший Спафарию руно аргонавтов, странные обычаи местных жителей, одеяния из рыбьих шкур, употребление в пищу сырой рыбы, сырого мяса и свежей крови, напиток из коровьего молока, топленного с маслом, а в нем листья неведомо какие”, “предолгие и превысокие стены китайские” и тому подобные чудные вещи должны были приковывать к себе внимание и изощрять пылливость пришельцев. Если Ермака на языке присяжного красноречия иногда называют сибирским Кортесом, то Спафария можно назвать сибирским Америго Веспуччи, впервые описавшим впечатления новой невиданной страны в большой книге. В книге Спафария есть несомненные свидетельства, что черты сибирской природы производили на него свое действие; в письме к царю из Самарова он, как бы воображая себя одним из аргонавтов, пишет: “Ныне оставляя Европу налево, к западу, перебегаю парусом в Асию направо к востоку Обью рекою, супротив воды, моляще преблагого Бога, который дал толикую препространную власть над Европию и над Асию тебе, великому государю”.

Одновременно с путешествием Спафария издан другой старинный памятник, важный для истории и Сибири, составленный в 1701 г. тобольским боярским сыном Ремезовым, под названием “Чертежная книга Сибири”. Атлас этот долго оставался в неизвестности, пока граф Румянцев не приобрел его для своего музея; в 1842 г. было напечатано подробное библиографическое обозрение этого атласа в составленном Востоковым “Описании рукописей Румянцевского музеума”; тем не менее атлас оставался так малоизвестен в среде русских ученых, что Г. И. Спасский в 1849 г. считал его утраченным; наконец, в 1857 г. А. Ф. Миддендорф письмом, помещенным в “Вестнике Географического общества”, обратил на

него внимание ученых, а в 1860 г. в первом выпуске своего путешествия в русском переводе поместил уменьшенный снимок с 21-го листа атласа.

Начало картографических работ в России относится ко второй половине XVI века; но, к сожалению, составлявшиеся по царскому указу чертежи Московского государства не сохранились до настоящего времени, и уцелела только драгоценная “Книга Большому Чертежу”, писанная в 1627 г. и затем пополнявшаяся новыми сведениями до конца XVII столетия. Распространение русского владычества за Уралом обогатило русское правительство сведениями и о вновь приобретенных землях. Из предисловия Ремезова к его атласу видно, что чертежи сибирских земель делались в Тобольске еще начиная с 1668 г. Об относящемся к этому году распоряжении московского правительства сохранилось следующее известие: “176 года, ноября в 15-й день, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, збиран... чертеж в Тоболску за свидетельством всяких чинов людей, которые в сибирских во всех городах и острогах, хто где бывал и горы и остроги и урочища и дороги и земли знают подлинно и какие ходы от города до города да от слободы до слободы и до котораго места и дороги и земли и урочища и до земель в сколку дней и сколку езду и верст и где меж слобод Тоболскаго уезду построить от приходу воинских людей по высмотру стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи, какие крепости и по сколку человек в которой крепости посадить драгун в которой крепости, сколку ходу дней и недель и степью и водами ж до Китай. И то писано в чертеже порознь по статьям вкругах, также за свидетельству иноземцев и приезжих бухарцев и служилых татар”³⁶⁵. К 1672 г. относится “Список с чертежа Сибирские земли”, напечатанный Г. И. Спасским во “Временнике Московского общества истории и древностей”, 1849 г., №3. Этот список указывает, что тогда еще была составлена карта всей Сибири со включением прилегающих к ней с юга стран, орошаемых системой Амура и вершинами Иртыша. Но недостаточностью и неполнотой этого картографического свода был вызван боярский

³⁶⁵ Востоков. Описание рукописей Рум. Музеума. С. 414.

приговор 1695 г. о новом составлении чертежей по Сибири на основании сведений, вновь собранных на местах. В этом же году Ремезов представил в Сибирский приказ общую карту Сибири, после чего ему было поручено свести в одно целое все карты, вновь присылаемые в Москву из Сибири. Он окончил этот труд в 1698 г. и представил в Сибирский приказ новую карту на листе, имевшем 14 футов длины и $9\frac{1}{3}$ фута ширины. К сожалению, эта карта утрачена. Затем уже в Тобольске Ремезов продолжал еще свои картографические работы и при помощи своих трех сыновей к началу 1701 г. окончил атлас Сибири, который и сохранился до настоящего времени и теперь издан в виде факсимиле.

Всех листов в атласе Ремезова 23. Первый лист содержит в себе план города Тобольска; затем восемнадцать листов (от 2-го по 19-й) изображают карты земель, подведомственных сибирским городам или острогам; каждому городу посвящен особый лист; таким образом, тут представлены земли, подведомственные городам Тобольску, Таре, Тюмени, острогу Туринскому, городам: Верхотурью, Пелыму, Березову, Сургуту, Нарыму, Томску, Кузнецку, Туруханску, Енисейску, Красноярску, Илимску, Якутску, Иркутску и Нерчинску; 20-й лист содержит в себе карту прилегающих к Сибири на юго-западе степей и назван “Чертеж земли безводной и малопроездной каменной степи”; 21-й лист есть сводная карта всей Сибири под названием “Чертеж всех сибирских градов и земель”; 22-й лист — карта Великопермского и Печерского Поморья, и 23-й — карта распределения инородческих племен.

Историческое значение труда Ремезова высоко оценено известным путешественником по Сибири, академиком А. Ф. Миддендорфом. “Мы не затрудняемся, — говорит он, — принять изготовление этой первой специальной карты точкою поворота, которая имела существенное влияние на улучшение состояния всего края и которой потому суждено привлекать к себе внимание не одних любителей старины”. Точность, с какою Ремезов положил населеннейшую окружность Тобольска, и в том числе даже многие рукава р. Оби, тщательность, с какою показаны у него поселения по Енисею, его изображение Амурского края и тогдашнего этнографического положения Сибири, — все это дает его атласу более значения, чем какой-нибудь археографической редкости. Скажем больше:

из него, как и из некоторых других старинных трудов этого рода, можно почерпать кое-что для улучшения новейших карт России”³⁶⁶. Г-н Миддендорф приводит примеры, свидетельствующие, что познания русских людей о севере Сибири, собранные в XVII и в начале XVIII века, были обширнее, но впоследствии были забыты и стали скуднее; он объясняет это тем, что первоначальное занятие Сибири шло по северной половине ее, но потом север был постепенно покидаем, и внимание завоевательных и разведочных партий было обращено главным образом на юг страны. Один из новейших путешественников на северо-восток Сибири Фердинанд Миллер, спутник Чекановского в экспедиции на Оленек, также свидетельствует, что старые карты прошлого столетия изображали Оленек и вернее, и подробнее, чем те карты, которые вышли непосредственно перед экспедицией на Оленек³⁶⁷.

О географической сети у Ремезова нет и помину; вместо нее ему служила гидрографическая сеть. Нанесение на карту мелких фактов у него, как и у нынешних китайских географов, редижировалось ручной сетью, и потому географические подробности, относящиеся к полноводной Сибири, наложены им без особенной путаницы. Разветвления рек рассекают карту на участки, по которым и легко было ему распределять остальные подробности. Там же, где речные бассейны разорваны, где существуют замкнутые бассейны, реки перестают служить руководящею нитью для картографа, составляющего карту по распросным или вообще неточным сведениям. Поэтому на китайских картах Монголия представляет путаницу, несмотря на доступность края для китайских географов и на существующую для них возможность сличения многих показаний. Не удивительно поэтому же, если и у Ремезова изображение земель, прилегающих к Сибири с юга, отличается запутанностью: ему приходилось довольствоваться сбивчивыми рассказами простых людей и только немногими толковыми маршрутами. Тут встречаются такие, например, ошибки: р. Боротала впадает в одно озеро с р. Кобдо, реки Сырт (Сыр) и Амундарья (Аму-

---

³⁶⁶ Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. IV, отд. I. С. 39.

³⁶⁷ Ferdinand Muller. Unter Tongusen und Jacuten, Leipzig, 1882. S.133.

даря) вытекают из озера Тениз, то есть из Балкаша; некоторые реки и урочища, очевидно, назначены вдвойне, как, например, реки Имиль, Темиршорбя (в другом месте Темиркорга). Эти курьезы, вызывающее улыбку нынешнего читателя, не ослабляют, однако, интереса, возбуждаемого богатством фактов, удивительным для того времени. В атласе Ремезова мы находим изображение киргизской степи, Западного и Восточного Туркестана, Джунгарии, долин Верхнего Иртыша, р. Кобдо, Верхнего Енисея, системы Селенги, окрестностей Пекина и набросок острова Нипона. На юге сведения Ремезова достигали северной окраины Тибета; на листе 22-м у него назначены города Кашгар, Еркенъ (Яркенд) и Куча, подле которого надписано: “Топится сера” и рядом: “А в нем (то есть в камне) свинец и нашатырь”. Город Еркенъ означен лежащим на р. Еркети, которая впадает в р. Лопту (Лоб?), а эту последнюю Ремезов заставил изливаться в Балхаш. Некоторые названия в этой части Азии в Ремезовском атласе разногласят с нынешними сведениями; так, например, на том месте, где должно быть долине р. Кобдо, у Ремезова начерчена река под именем Коктебе; имя Кобдо дано только ее левой вершине, тогда как правая вершина надписана именем Алантагисун. Впрочем, полная надпись левой вершины: “Вершина Кобды” показывает, что имя Кобдо распространялось и на нижнюю часть реки, которой на карте дано имя Коктебе. Имя Алантагисун может быть описка вместо Алтынхатысын, который был уже известен из поездки Старкова к Алтын-хану. Под именем Алантагисун в таком случае можно бы видеть р. Буконьберень, но эта река есть правый, а не левый приток р. Кобдо. Возле р. Коктебе означены отдельные горы или камни: Саабанак и Антуй; эти имена нам во время наших разъездов в долине р. Кобдо не встретились, равно как и имя р. Коктебе. Озеро, в которое впадает эта река, у Ремезова названо “Кукунор, по-русски — зеленое”, а на другом листе оно же подписано “Белое”. Озеро, в которое впадает р. Кобдо, ныне называется Хараусу. Надписи подле реки вроде: “Кочует тайша Учюрта”³⁶⁸, “Бушухтухан” и назначение пашен показывает, что долина р. Кобдо была посещаемая русскими людьми, и, вероятно, не

³⁶⁸ Учурту упоминается у Фишера. Сиб. Ист. С. 445.

один раз, но кем именно — остается пока неизвестным. Единственная поездка русского человека в XVII веке в долину р. Кобдо была совершена Юдиным в 1691 г., но, сличая данные Ремезова с известием Юдина, нельзя прийти к заключению, что ремезовское изображение течения Кобдо есть результат поездки Юдина. Интересны также сведения Ремезова о долине Черного Иртыша, где также встречаются надписи, несогласные с нынешними именами. Вершина Иртыша носит у Ремезова название Харихту; в нее слева впадают реки Хорек с Кобеком, Темиркорга, Арбатай, Лурянга и две Лепши; справа: Булаган, Темиршорбля, Цынгага, Уланкучир; у самого устья реки надпись: Палахорьяк. Затем река проходит чрез большое озеро Иртынча; по выходе из него она принимает справа реки Чаганусун, Каракучир и Имиль и затем проходит через другое озеро Зайсан или Кокотунор. Из всех этих названий только немногие могут быть сближены с существующими теперь; в Булагане можно узнать нынешний Булыган или Булгун, в Лурянга — Урунгу, в Цынгага — Цынгиль, в Темиркорга — нынешнюю Чергу и Темирчергу актов конца прошлого столетия; озеро Зайсан и теперь известно под тем же именем? Затем все остальные названия представляют новость для знакомого с географией верховьев Иртыша. Озеро Иртынча, конечно, есть озеро Улюнгур на том основании, что хотя Иртыш и не проходит чрез Улюнгур, но другого подходящего по величине озера, нарисованного у Ремезова немного менее Зайсана, в системе Черного Иртыша нет. Улюнгур имеет еще другое имя Кызылбаш, которое встречается только на картах и в крае уже не слышно. Если Иртынча оно же, то Ремезов дает нам третье имя того же озера. Рассматривание этой части карты наводит на мысль, что долина Иртыша нанесена по двум маршрутам; на это намекают, как две (или даже три) пунктирные линии, которые, вероятно, обозначают пути путешественников, так и двойное нанесение одних и тех же имен. Или Ремезов имел два маршрута Байкова, передний и обратный, или на Зайсане еще кто-нибудь бывал, кроме Байкова. Разница с современностью замечается и в некоторых названиях в киргизской степи: р. Сарысу принимает слева реки Кынырбай и Кырья, а справа Киндер; в Кынырбае можно узнать нынешний Кенгирь; окончание прежнего названия

напоминает имена речек в Хангае и Саянах: Кунгурбей, Унгурбей, в Киндере — Киндерлик; что за река Кырья — мы не знаем.

Еще важнее данные атласа Ремезова, говорящие о прежнем расселении инородческих племен в Сибири. В этом отношении мы находим в существующей действительности большие перемены. “Земля дюрбетска” подписана на запад от р. Тургая, где ныне Малая киргизская орда; “Земля калмыцка” на правом отроге р. Норишим, впадающей в озеро Кургалчин (то есть на правом берегу р. Нуры, впадающей в озеро Кургальджин); тут же мы находим надпись: “мани — мольбище”, что указывает на какую-то постройку с написанною на ней буддийской молитвой “ом-мани-намахом”. Вся долина Иртыша до озера Ямышева представлена также занятою монгольским племенем; при устье Черного Иртыша надпись: “Кочует тайша Сенга”, ниже озера Зайсана: “Кочует тайша Тархандачи”, “кочует тайша Аблай”; у озера Ямышева надпись: “мани — молбище”, что опять указывает на ламайскую веру. Монгольской же народностью заняты и долины рек Кобдо, Бороталы, Имиля и Или. На р. Кобдо кроме других кочевьев указано кочевье Бушухтухана. Кочевья Казачьей орды, то есть нынешних киргизов, ограничены незначительным пространством между озером Тениз (Балхаш) и реками Чюя и Сырт (Сырдарья). Таким образом, данные Ремезова показывают, что весь север и центр нынешней киргизской степи были заняты монгольским племенем. Даже и юг ее, как это оказывается по другим данным, не весь был занят киргизами; в половине прошлого столетия долина Таласа была занимаема калмыками, как это видно из актов того века; в атласе Ремезова около Сырдарьи рядом с городом Туркестаном назначен город Аксумя; это как будто Акмечеть, у которой вторая половина названия заменена монгольским сумэ. В середине Голодной степи, к северу от Чуи, на нынешних картах назначается озеро Дабысынтуз; первая половина этого имени есть монгольское дабысын — соль. Эти названия показывают, как далеко на юг простирались кочевья монголов в этой стране. Такие показания находятся в согласии с преданиями некоторых родов киргизского народа, что они пришли с юга. Впрочем, следует заметить, что подобные исторические указания ремезовского атласа относятся не к одному времени; он пользовался для составления своего труда

материалом, собранным в различное время, и потому не мудрено, что к 1701 г., которым помечен его труд, распределение племен во многом уже не было похоже на то, какое дает его атлас. Так, он в Прикамском Поволжье делает надпись: “Болгары и Вольтеры”; имена эти исчезли в народе задолго до составления атласа, и Ремезов внес их в атлас, конечно, не из уст народа; да и дюрбютов и калмыков в системе Тургаев уже не было в конце XVII века; Хорлуконовская орда занимала эти места только до 1643 г. В “Списке с чертежа Сибирские земли” 1672 г. калмыцкий дербитский улус указан на Ишиме, а уркуков улус — к востоку от Яика. В южной части Томской губернии обращают на себя внимание надписи: “белые калмыки Табуновы” на левом берегу Оби, ниже р. Баронаул, “белые калмыки Шадаевы” в двух местах между реками Дюля и Чарыш и между Чарышем и р. Алис (Алей?). Такого племени в этих местах не только нет теперь, но уже и в прошлом столетии не было; что это за белые калмыки — пока никем не выяснено. По видимому, это не алтайцы, которых можно видеть у Ремезова под именем черных калмыков (на левом берегу Катуня). Как на совсем исчезнувшие имена поколений в Томской губернии можно указать на барсаяков на Кендоме, карасапалов на Бие³⁶⁹ и таутелеутов на Катуня. Телеутам у Ремезова дано большее распространение на восток, чем нынешнее; если пометка их кочевьев на правом берегу Томи еще может быть отнесена насчет неточности составителя, то надпись к востоку от города Кузнецка: “Река Чесноковка, а по ней кочуют подгородные яшашные телеуты”, очевидно, соответствовала действительности. В Енисейской губернии кашенцы (то есть качинские татары) помечены в вершинах р. Маны и по р. Тубе, где их теперь нет. Кочевья киргизов отграничены у Ремезова пунктиром; эта северная граница “Киргитской земли” проходила через озеро Божье, р. Бечищу (приток Чюлыма) и Алдашь (приток р. Кии) к вершинам р. Кии. Затем на листе 14-м горный хребет, который тянется от вершин Томи до Телецкого озера, подписан: “Белые горы, а за Белогорьем живут киргизы”. В Иркутской губернии мы замечаем, что долина Тунки и Иркутка, занятая теперь бурятами, во время составления ремезовского атласа как будто была занята

³⁶⁹ О керзагалах см. у Фишера. Сиб. Ист. С. 452.

только тунгусами. Кочевья “ясашных брацких” назначены только по рекам Белой и Китою, а в долине Тунки находится надпись: “Острог Тункинский, ясак собирают с тунгусов”; даже подле Байкала надпись: “Зимовье Култунское, ясак берут с тунгусов”.

Кое-где в атласе Ремезова указываются следы древних городов или построек: на правом берегу р. Каратала, правом притоке р. Торгая — “град пустой” (лист 22-й); на левом берегу Ишима между реками Тесиргор и Тылкара — “город каменный” (лист 22-й); на р. Сарысу — “мечать” без собственного имени, “мечать Булганана” и “мечать Талмасата” (лист 22-й); на Иртыше “мечать урочище Кабалгасун” (лист 22-й); между реками Юсами Черным и Белым, городок каменный” (лист 13-й); в вершинах Енисея: “Город каменной старой, две стены целы, а две развалились, а которого города, того не знаем” (лист 17-й). В долине Черного Иртыша находятся две надписи: “Камень Тарбагатуй, урослив камением, костей много”, и в другом месте подле надписи “Тарбасатен” (тарбагатен?) сделано изображение, похожее на поле, усеянное костями, и подле надпись “кости”. Не свидетельства ли это о местах военных побоищ или о местах прежних оседлых обиталищ?

Вообще атлас Ремезова важен для истории Сибири в двух отношениях: во-первых, он содержит данные для истории расширения знаний русских людей о географии Северной и Средней Азии, а во-вторых, представляет богатый материал, относящийся к истории русской колонизации и распределению инородческих племен в Сибири в минувшее время. Было бы полезно подробно сличить эти последние данные атласа с современными сведениями; этим могли бы с пользою заняться любители истории, живущие в разных частях Сибири, особенно же в губерниях Тобольской и Енисейской, так как окрестности Тобольска и Енисейска представлены у Ремезова особенно подробно и тщательно.

К атласу приложен указатель встречающихся в нем названий, чем значительно облегчается пользование картами Ремезова.

Г. Потанин

*Журнал Министерства
народного просвещения. СПб., 1883. Ч. 227. С. 300—319.*

О скотоводстве у киргизов Западной Сибири³⁷⁰

Огромные пространства южной части Западной Сибири, именно областей Акмолинской и Семипалатинской, заняты до сих пор кочевьями киргизов — исконных обитателей этой местности.

Как и у всякого кочевого народа, скотоводство занимает в хозяйстве киргизов самое видное место среди других промыслов. Ближайшие исследования их быта за последнее время удостоверили необыкновенно вялое развитие тех промыслов и занятий, которые господствуют среди соседнего русского населения. В числе киргизов, правда, встречаются, например, сапожники (в Кокчетовском и Баянаульском округах), плотники, кузнецы, серебряки; но представители этих промыслов крайне малочисленны, и годовой заработок их ограничивается совершенно ничтожной цифрой. Вообще промыслы оседлого характера привились преимущественно (если не исключительно) в среде подгородных киргизов; истые же кочевники-степняки, вполне поглощенные уходом за своими стадами, знают только один промысел, да и тот вполне кочевой, именно охоту с ручными ястребами и отчасти с борзыми собаками.

Киргизы разводят все главные роды скота: коров, лошадей, овец и сверх того верблюдов. Количество голов, состоящее в обладании хозяина, конечно, весьма разнообразно. Местные богачи владеют огромнейшими косяками лошадей и стадами овец и верблюдов, число которых в большинстве случаев известно самому хозяину только приблизительно. Вообще из четырех названных родов скота самым распространенным представляется овца, затем лошадь. Верблюды — скот, некоторым родом привилегированный; их дер-

---

³⁷⁰ Настоящая заметка составлена по рукописным запискам М. Ч. Черманова, одного из местных жителей, родом киргиза, известного знатока внутреннего быта западносибирских кочевников, его сородичей. Рукопись сообщена нам Гр. Ник. Потаниным.

жат только более достаточные киргизы. Далее мы еще коснемся всей той разнообразнейшей пользы, которую кочевники научились извлекать из продуктов скотоводства; теперь же остановимся пока на способах содержания и ухода за скотом, практикуемых с замечательным однообразием по всему пространству, занятому в настоящее время киргизами.

Прежде всего коснемся выбора и устройства киргизами их зимовок. Места для зимовок избираются с большим вниманием, и в выборе их кочевники обнаруживают много наблюдательности и сметливости. Первым вопросом в этом деле является, разумеется, вопрос о зимнем продовольствии громадных стад скота. Поэтому предпочитают местности, где есть естественная защита от ветров и снегов, например, прилески, камышовые заросли, достигающие в описываемых местах поразительной густоты, пространства при подошве возвышенностей, отлогости близ рек, защищенные крутотрями, и т.п. Наиболее благоприятными для зимовки мелкого скота местностями признаются те, на которых при сильных ветрах снег сдувается с почвы, обнажая оставшуюся от лета растительность. Для верблюдов лучшими зимовками служат пространства, покрытые зарослями чия (*Lsiagrostis splendens* Nehm), карыгана (*Saragana frutescens*, Pall.), кыяка (*Triticum repens* L.), копека (*Atriplex canium* Borstih.) и других солончаковых трав, составляющих главную продовольственную статью этого неприхотливого животного. Обращается, разумеется, должное внимание на изобилие в избранной местности сенокосных мест. Предпочитаются места, где можно раздобыться топливом; последнее условие не представляется, впрочем, особенно важным ввиду большого количества получаемого от скота кизяка (кий), составляющего в степи у кочевников за отсутствием в нем какой-либо иной надобности самый обыкновенный материал для отопления.

При каждой зимовке устраиваются теплые дворы из плетня, плитового камня или дерна; они бывают или крытые или представляют простые загородки из жердей. Свои собственные жилые строения киргизы возводят, смотря по состоянию, или из строевого леса, на манер русских домов, или из плитняка, или даже из землебитного кирпича. Бедняки живут всю зиму в своих классических юртах, устраиваемых из остроумно придуманной легкой камышо-

вой решетки, обтянутой снаружи толстейшим войлоком, по-местному называемым кошмою.

Киргизы очень дорожат раз избранным для зимовки местом и каждый год, глубокою осенью, возвращаются на него. Зимовка считается наследственным достоянием аула, и место ее перемещается только в случае крайней необходимости. К этому может принудить их, например, колоссальный напольный пожар, какие случаются в тех местах в осеннее время, или полный неурожай трав в окрестности зимовки, или, наконец, гололедицы, заставляющие иной раз целые аулы перекочевывать за сотни верст, часто из одного округа в другой.

Зимний уход за скотом находится в полной зависимости от условий местности, избранной для зимовки. Аулы, имеющие в своем распоряжении все естественные удобства, держатся правил, которые мы сейчас изложим; там же, где такие удобства отсутствуют, киргизы перебиваются со скотом как попало.

Рогатый скот пасут зимою на лугах и по камышовым зарослям, вообще на местах, где животным нет надобности отгребать с растительности снег: рогатый скот совсем не умеет добывать себе пищу из-под снега. Совершенно противоположную особенностью отличаются киргизские лошади: они привыкли разгребать снег своими копытами и потому способны без труда прокормиться зимою даже на таких местах, которые летом использовались в виде пастбищ или сенокосов, лишь бы трава успела на них отрасти к зиме. Такую же способность проявляют верблюды и овцы.

Отдельные роды скота распределяются на зимних пастбищах в следующем порядке: рогатый скот, верблюды и овцы, каждый вид порознь, пасутся по возможности вблизи от зимовки; каждое стадо имеет особого пастуха. Рогатый скот и верблюды держатся около озер и речек, где есть камыш и высокая трава, не совсем занесенные снегом. Для пастьбы овец избираются места с тонким снежным покровом, из-под которого привычные животные откапывают траву ногами. Чаще всего стада овец пасутся по горам и увалам. На ночь весь этот скот пригоняется обратно в зимовку. Что касается лошадей, то их зимняя пастьба ведется двумя способами, смотря по степени сытости лошадей. Все животные, находящиеся в хорошем теле, соединяются в особый табун и угоняются

в степь верст за 20—100, даже за 200—250 от места зимовки. В этом случае киргизы менее всего стесняются расстояниями; главное условие — изобилие и легкость добывания корма. Таким образом, около зимовки на подножном корме остаются из лошадей только молодые жеребята да захудалые и хворые лошади. При отгонном табуне многие из хозяев живут сами или же посылают своих родственников, давая им в подмогу известное число работников; последних нанимают на всю зиму за лошадь и зимнюю одежду или за 10 руб. и зимнюю одежду.

Мы уже выше упомянули о том, каким ужасным бичом кочевого скотоводства является гололедица: она лишает скот последней скудной пищи, закрывая тощую мерзлую траву слоем льда, которого мелкий скот не в состоянии разбить своими копытами. В случае заледенения поверхности поля киргизы выгоняют на него лошадей и заставляют их бегать по льду до тех пор, пока он не искрошится; или же поступают так: привязывают к концам большого, тяжелого бревна аркан и, впрягши в него лошадь, гоняют ее по обледенелому месту. В случае выпada глубокого снега, покрывающего с верхом всю растительность, киргизы прибегают даже к раскалыванию его лопатами. Разумеется, такая мера возможна только вблизи зимовки, при изобилии рабочих рук. Что же касается отгонных табунов лошадей, то для прокормления их во время гололедицы остается одно только средство: заготовка сена, которое и выдается скоту в крайних случаях. В самих зимовках скот продовольствуется сеном только в случае сильных буранов, снежных метелей, когда ни овцы, ни рогатый скот, ни верблюды не выгоняются на пастбище, а остаются внутри зимовки в своих загонах.

Кочевки с зимовых мест совпадают обыкновенно с началом весны; начало их зависит от многих условий, в числе которых главное место занимает количество оставшегося запаса корма. Если корма еще достаточно, а погода стоит холодная, то киргизы отлагают время снятия с зимовки до тех пор, пока или не выйдет весь запасной корм, или не наступит тепло. Далее принимается в расчет состояние, в котором находится скот, который нередко после зимней бескормизы еле волочит ноги и бывает совершенно неспособен к далеким перегонам; в последнем случае приходится, не трогаясь с места, выжидать выхода в степи первой травы, на которой скот

мог бы несколько отдохнуть и оправиться. Как только трава показалась — скот немедленно угоняется с зимовки, на самом месте которой молодая весенняя трава никогда не стравляется скоту из опасения повредить будущие зимние запасы ее.

Места летних кочевок всегда находятся на более или менее значительном расстоянии от зимовок, на которых вся травянистая растительность остается летом в полной неприкосновенности, будучи вся предназначена на зимнее продовольствие скота. Основавшись на одном каком-либо месте, киргизы пускают скот на окрестную растительность. Постояв на месте два-три дня, аул поднимается и перекочевывает несколько далее, на новое место, на котором опять-таки остается два-три дня, вновь поднимаясь по истечении этого времени. С первого взгляда кажется странною такая непоседливость; часто киргизы бросают прекрасное, тучное пастбище, отличный водопой и идут дальше. Однако у них есть на это свои причины. Они оставляют за собою хорошие места на осеннее время, сами же торопятся захватить впереди лучшие пространства. Сверх того, тучная на вид растительность оказывается иногда не совсем пригодной для скота по качеству и видам растений. В этом случае сам скот, манера его держаться на пастбище служат отличными указателями наблюдательному глазу кочевника. Если, например, вставши рано утром, киргиз находит весь скот в куче пасущимся около самой ставки, то это служит для него ясным признаком, что трава хороша; скот сам, по своей воле, неохотно отходит от жилища человека и любит держаться тесною кучкою. Если же животные отошли далеко от юрт и разбрелись в разные стороны, то ясно, что трава не подходит под вкус; тут скотине приходится бродить за кормом из стороны в сторону. В последнем случае аул не остается на месте ни одного лишнего часа: снимается и перекочевывает дальше.

В течение всего летнего времени холостые лошади держатся отдельными стадами, численность которых обуславливается расположением пастбищных и водопойных мест. Рогатый скот, овцы и верблюды также составляют совершенно отдельные табуны; все они на ночь пригоняются к юртам. Некоторое количество маток и при них жеребцов и жеребят пасется вблизи аула. От кобыл получается молоко для выделки кумыса. Такой порядок соблюдается в течение всего

летнего периода, который заканчивается обыкновенно около половины сентября, когда киргизы возвращаются к своим зимовкам.

С первых чисел ноября до конца этого месяца идет убой скота. Стоимость убитых животных может простираться от 250 до 600 руб., смотря по достатку хозяина. В определении числа подлежащих убою животных главную роль играют размеры гостеприимства хозяина; а гостеприимство и хлебосольство имеют здесь необыкновенно большое значение. Богатый хозяин, нарезав осенью скота, проводит все время в непрестанных пиршествах, угощая толпы наезжающих гостей и раздавая щедрые подачки (натурою — мясом битого скота, кумысом и т.п.) беднякам собственного аула. Хлебосолы именуются в народе пышным эпитетом “благодетель” (мурза). Бедняки режут обыкновенно четвертую часть своего скота. Не имея возможности прокормиться любимую киргизами мясною пищею, бедняки сделали себе большое подспорье из ржаной муки, из которой, впрочем, не пекут хлеба, а варят род супа с мясом, кладя на ведро воды фунта 3 мяса, с фунт сала и фунтов 5 муки. Сварившееся мясо вынимают и едят особо, а варево сначала охлаждают взбалтыванием и едят, когда оно станет тепловатым; такое блюдо на языке местных гастрономов называется чим-чим. Зарезанного с осени скота у богатых хватает иной раз до следующего лета; летом же, сверх того, режут по временам баранов.

Рассмотрим теперь значение для кочевников отдельных видов скота и перечислим способы пользования продуктами скотоводства.

Для богатых киргизов выгоднее всего оказывается держать лошадей, которые снабжают их всем необходимым: пищею, питьем, одеждою. Богачи лакомятся свежим лошадиным мясом при всяком удобном случае, каких множество в жизни киргизов: при наезде гостей, при свадьбах, поминках и т.п. режут молодых жеребят и кобыл и наедаются их нежным мясом до отвала. От кобыл получается всем известный кумыс, раздаваемый огромными чашками всем и каждому при всяком торжественном случае. Из кож лошадей выделяется одежда и посуда (турсуки, в которых держат кумыс). Наконец, хорошая верховая лошадь составляет гордость и славу степного аристократа. Киргизы очень любят устраивать так называемые байги, т.е. состязательные конские бега; победители на этих байгах получают сплошь и рядом огромные призы. Все это

побуждает богачей держать огромные стада лошадей, доходящие нередко до десятков тысяч голов. Совсем иное дело у бедняков: для них лошади — скот неподходящий. В самом деле, у киргизов, народа неземледельческого, лошадь совсем не имеет того хозяйственного значения, как, например, у наших крестьян. Поэтому-то бедняки, особенно семейные, предпочитают держать коров, от которых получают молоко, сыр и масло. Корова притом не требует за собою того надзора, какой необходим за лошадьёю; она сама уходит утром на пастбище и сама же возвращается вечером домой, к хозяйской юрте.

Из числа продуктов, получаемых киргизами из коровьего молока, наибольшею известностью пользуются иримчик и курт. Эти прекрасные, прочные и питательные консервы заслуживают подробного описания. Иримчик готовится следующим образом: скопив в течение двух дней молоко, вливают весь скоп в котел и ставят его на огонь. Прибавив в молоко в виде закваски некоторое количество скисшего молока, кипятят эту смесь до тех пор, пока она не приобретет красно-желтого цвета. Затем вся масса превращается в творожистое тело, которое и называется иримчик. В летние жаркие дни иримчик сушат на солнце и хранят до зимы, в течение которой употребляют его вместо хлеба. Вкус иримчика очень приятный, сладкий. Питательность его, должно быть, очень высока (анализов его мы не встречали). Дети сибирских горожан (русских) считают эти киргизские “сырчики” самым утонченным лакомством. Иримчик, в свою очередь, служит для приготовления другого пищевого продукта, называемого джинт. Для этого иримчик толчется в мелкий порошок, смешивается с растопленным коровьим маслом или бараньим салом и формируется в круглые, наподобие хлебов, куски. Этим кускам дают засохнуть, а затем при употреблении в пищу ломают их или режут ножом, или раскальвают, смотря по степени достигнутой ими твердости.

Курт, представляющий также род сыра, готовится из совершенно скисшего молока, т. е. разделившегося на сгусток и сыворотку. Не отделяя одного от другой, вливают смесь в большие турсуки (меха, род посуды из кожи) и подвергают сильному взбалтыванию, продолжающемуся до тех пор, пока из сметаны не собьется масло. Последнее немедленно отбирается от сыворотки и

складывается в особые сосуды. Сыворотка же вливается в котлы и уваривается в них до густоты теста. После того эта тестообразная масса с силою отжимается обеими руками, скатывается в сырчики и раскладывается для просушки на солнце. Просушивание для предохранения курта от скотины и т.п. ведется на особых высоких столах, застланных сверху чиём. Курт делается двух сортов, различающихся между собою по времени приготовления и силе прессовки. Осенний курт представляет вид небольших лепешек, носящих на своей поверхности явные следы пальцев; эти следы остаются на нем от прессовки, которая производится одною рукою с напряжением всех сил для возможно полного удаления влажности. Этот сорт употребляется осенью вместо хлеба. Другой сорт, предназначенный на зимнее продовольствие и идущий на приготовление баламыка, имеет форму колобков, скатываемых обеими руками и не так сильно выжимаемых, как предыдущий сорт. Из этого сорта киргизы готовят себе зимою баламык, представляющий довольно любопытное сочетание чуть ли не всех пищевых запасов, имеющихся налицо в киргизском обиходе. Приготовление этого яства начинается с того, что ставят на огонь котел, заключающий в себе фунт или два бараньего или скотского сала; в подогретое сало всыпают фунтов пять ржаной муки и жарят все до тех пор, пока мука не покраснеет от жара. Вслед туда же вливается вода, и смесь некоторое время кипятится. Пока она кипит, берут фунта два курта, кладут его в особую посудину, обливают кипящею жижею из котла и энергично растирают; получается нечто вроде густого молока, которое вливают в тот же котел и парят уже все вместе. Вскипятив эту вкусную и питательную смесь, ее разливают по чашкам и угощаются. Баламык пользуется большою славою среди не одних только киргизов, но и соседнего русского населения, знакомого с киргизской кухней.

Иримчик и курт — кушанья чисто национальные, которые с одинаковой охотою потребляются как бедными, так и богатыми. У бедных они, конечно, поплоче (*попроцце* — *Сост.*) и служат главною статьею пропитания; у богатых же играют роль лакомства. Разница в этом отношении проступает с особенною рельефностью в способе изготовления баламыка из курта. Бедные готовят себе густой, сытный баламык, служащий плотною пищею; богатые же,

напротив, готовят легкий, жиденький баламык, употребляемый скорее в качестве питья и отчасти заменяющий кумыс. Курт готовится часто, особенно бедными, из овечьего молока; овечий курт гораздо гуще, богаче питательными веществами, чем коровий, почему и предпочитается последнему, если есть возможность.

Овцы, или по общепринятому в Западной Сибири способу выражения — бараны, составляют самую многочисленную часть киргизских стад. Лошади и верблюды — по преимуществу скот богачей; рогатого скота сравнительно мало у кочевников; бараны же есть у всех, исключая нищих, которые, впрочем, в степи составляют большую редкость. Баран используется у кочевников весь, с ног до головы. Баранина — господствующий здесь сорт мяса; шерсть в виде целых мехов и стриженная идет на приготовление всевозможной одежды; из этой же шерсти валяют и прославленный в Сибири войлок (кошма).

Постоянное обращение кочевников с баранами вызвало целую строгую систему пользования продуктами овцеводства. Так, например, шерсть, смотря по обстоятельствам, при которых она бывает снята, получает каждый раз особое назначение. Весною, в мае месяце, шерсть на баранах представляется скатанною в виде сплошного покрова, простирающегося на все тело животного. Ее так и снимают (сдирают руками) всем руном сразу. 6-8 таких овчин сшиваются обыкновенно вместе и, будучи покрыты сверху какой-нибудь материей, образуют отличную теплую шубу. Этот весенний сорт шерсти называется по-киргизски джун и идет на изготовление разных армяков, мешков и ковровых тканей. Осенью, в сентябре, уже прикочевавши в зимовки, приступают к общей стрижке всех баранов. Эта шерсть идет преимущественно на валяние кошм. Шерсть от 25 баранов дает кошму длиною в 8 аршин и шириною от 2 $\frac{1}{2}$ до 3 аршин. Кошма не только у киргизов, но и у соседей из русских (и притом не в одной Сибири, но и в Заволжье) пользуется самой доброй славой в качестве защиты от свирепых зимних морозов и применяется с этой целью на разный манер. Ею обивают окна, стены, двери, полы в домах, зимние экипажи, ею окутывают и закрывают все, что подлежит прочной и солидной охране от холода, и она редко обманывает возлагаемые на нее

расчеты. Киргизская кошма и русский войлок имеют между собою общего только материал, из которого оба изготовлены, — шерсть. Кошма делается обыкновенно толщиной в палец и необыкновенно плотно и прочно скатана. Значение такого громадного шерстяного слоя может быть оценено по достоинству только теми, кому случалось езжать в 40-градусные морозы по бесконечным сибирским трактам, на которых расстояние между соседними станциями разделяется долгими часами, или жить зимой в одноэтажных бревенчатых домах, где от окон идет целый ураган стужи. Кошмы строго различаются по достоинству: лучшими считаются белые; в киргизских сказках иногда упоминается о древнем обычае катать вновь избранного владельца на белой кошме. За белую идут черная и, наконец, серая кошмы. Чистота выделки и прочность, разумеется, тоже принимаются в расчет.

Молодых барашков стригут в первый раз месяца чрез четыре после рождения, именно в июле (окоп овец приходится на конец марта). Из их шерсти выделывается особая, нарядная, узорчатая кошма. В случае выкидыша полученная с такового мерлушка идет на изготовление шуб детям; эти шубки необыкновенно легки и мягки. Овчины с молодых барашков, павших в первую четверть года жизни или зарезанных в это время, идут на шубы взрослым. Овчины павших или зарезанных несколько позднее барашков (с половины июня до половины июля) также идут на шубы; киргизская практика сумела найти известное различие между этими только что описанными овчинами; оба сорта различаются между собою даже и названиями. Точно так же строго различаются между собою овчины, полученные в промежутки от 10 июля до 20 августа, от 20 августа по конец октября и с конца октября в течение зимы; все эти сорта имеют особые названия и особые качества.

Кроме овец киргизы держат еще коз. Польза от них, конечно, далеко не так значительна, как от овец; однако держать их есть свои основательные причины. Мясо коз и козлов далеко уступает баранине, но имеет пред последнею то преимущество, что необыкновенно скоро сваривается, следовательно, требует для приготовления меньше времени и топлива. Далее, козлиное мясо в летний жар гораздо дольше сохраняется, чем баранина. Интересен способ сохранения мяса, практикуемый киргизами: они обливают

его кумысом и кладут куда-нибудь в тень; козлиное мясо может сохраняться при этом без порчи в течение трех или более дней. Баранина, конина и говядина обыкновенно солятся на лето; без соления же портятся весьма быстро.

Молоко, получаемое от коз, выпивается в сыром виде или же при самом доении коз употребляют такого рода прием: наполнив подойник до половины кумысом, производят выдаивание прямо в этот кумыс. Последний при этом сильно пенится, и чем более прибавляется в него козьего молока, тем все более и более возрастает на нем количество пены. Доение длится до тех пор, пока весь сосуд не наполнится пеною до краев. Эта пена быстро густеет и становится в скором времени похожею на сметану; вкус ее кисловато-сладкий, напоминающий вкус фруктового мороженого. Обыкновенно ее скопляется в подойнике пальца на три толщиною; ее снимают и употребляют тотчас в пищу. Жидкость, остающаяся в посудине, совершенно утрачивает все свойства кумыса и употребляется при выделке мерлушек. Можно полагать, что при описанной операции весь аромат и алкоголь кумыса переходят в пену.

Шерсть козлов тоже не пропадает даром. Их стригут один раз в год, именно в последних числах мая. Перед стрижкою стараются снять с козла весь накопившийся на нем пух — тот самый тонкий и нежный пух, лучшие сорта которого идут на изготовление известных оренбургских платков. Сами киргизы мало употребляют этого пуха; они готовят из него свои молитвенные кошмы (джай-намаз — коврики, подстилаемые под себя магометанами во время молитвы); остальное сбывается русским купцам. Козья шерсть идет на сучение веревок, шнурков и завязок для прикрепления на юртах кошм; такие веревочки часто окрашиваются в разные цвета. Негодовалых козлят стричь не принято.

Козлиные кожи идут на одежду, между прочим, на приготовление необъятных киргизских штанов (чамбар). Технические приемы подготовки козлиных кож заключаются в следующем: со свежеполученной кожи лущат особым ножом шерсть и мездру; затем кладут кожу в корыто с молоком дней на 5-6, потом высушивают на солнце. Совершенно просохнувшую кожу мнут до тех пор, пока она не сделается достаточно мягкой. Выделанную кожу окрашивают в разные цвета; любимый цвет — темно-малиновый.

Краску этого цвета (не можем, к сожалению, ничего сообщить об ее составе и происхождении) просто-напросто разжевывают во рту и затем оплевывают ею кожу. Едва ли что-либо так льстит киргизскому глазу, как чамбары, изукрашенные таким способом. Шкуры молодых козлят дают весьма нужную замшу или лайку, которую богачи употребляют на верхи шапок или на крытые любимых ими шуб из меха лисьих лапок.

*Сельское хозяйство и лесоводство.
Т. 142. Отд. 2. С. 39–50.*

Тюркская сказка о Идыге

1-й вариант. Записан миссионером о. Ивановским от киргизов, кочующих в горах Тарбагатай, в Семипалатинской области. Составлена А. А. Ивановским.

В давнее время жила одна вдова, у которой было три сына; сыновья жили отдельно друг от друга; несметное их богатство служило пропитанием целой страны, в которой они жили со своей матерью. Однажды к этой вдове приехали сорок человек гостей; только что гости сели за ужин, пришло известие, что старший ее сын умер; вдова сказала, что она приедет к покойнику, как только проводит своих гостей, а пока тело ее сына пусть положат на правое место в юрте³⁷¹. Как только отправился первый гонец, за ним приехал другой с известием, что и второй сын вдовы умер. Вдова ответила то же самое, как и при известии о смерти старшего сына, т.е. что приедет тотчас, как только проводит гостей. Тотчас после этого приехал еще гонец с известием о смерти младшего сына; вдова и в этот раз ответила так же. Как только наступило утро, гости отправились домой, а вдова велела привезти покойников к себе; потом она похоронила их по народному обычаю. Жены умерших остались вдовами.

Однажды жены, посоветовавшись между собою, сговорились поискать себе других мужей. Они говорили: “На что нам богатство, когда мы живем на свете без мужей!”. Втроем, украдкой от свекрови, они отправились в путь. Дорогой младшая из трех вдов часто посматривала назад; другие две заметили это, спрашивают: “Почему ты оглядываешься назад?”. Тогда она ответила: “Я оглядываюсь потому, что мы все втроем убежали от свекрови, не отпросившись у нее; да отчасти мне и жаль бедную старуху.

---

³⁷¹ У киргизов обычай класть покойника на правой стороне юрты головой к западу.

Некому теперь ей помочь!” . “Если тебе очень жалко свекровь, то мы тебя не удерживаем, можешь идти назад!” Таким образом, младшая сноха прибежала обратно, а бедная старуха, увидавши свою молодуху, так обрадовалась, что даже позабыла про смерть своих сыновей.

Спустя несколько лет молодуха родила близнецов, сразу трех сыновей; свекровь обрадовалась этому. Дали им имена, одному Бабай, другому Тукты, третьему Шаштазы. Когда мальчики подросли, они всегда втроем ходили к соседнему озеру купаться; однажды, пришедши к озеру, они увидели трех лебедей, тоже прилетевших на купание; вдруг, к удивлению мальчиков, эти лебеди сбросили с себя свое верхнее одеяние, т.е. перо, и сделались девушками. Мальчики, спрятавшись, следили за ними; как только девицы вошли в воду и стали купаться, мальчики схватили лебединые шкуры, в которых они прилетели к озеру, и спрятали. Девицы, выкупавшись, вышли на берег и заметили, что их лебединые шкуры кем-то украдены. Тогда к ним выбежали мальчики Бабай, Тукты и Шаштазы. Девушки стали просить мальчиков, чтоб они отдали им взятые шкуры, но мальчики на это не согласились. Тогда девицы (добрые духи — дию фири) насильно надели на себя лебединые шкуры и поднялись на небо; так как они узнали, что мальчикам ни за что не хочется расставаться с ними, то они их взяли с собой в свой дом и, укрывая их от других духов, тайком жили с ними, трое с тремя. Спустя несколько лет младшая из них, вышедшая за младшего из братьев, за Шаштазы, стала беременною; старшие сестры стали сердиться на нее и задумали во что бы то ни стало наказать ее за это. С этою целью старшие сестры сказали ее мужу Шаштазы: “Твоя жена не есть дочь добрых духов; она чертова дочь; если ты хочешь удостовериться в этом, посмотри когда-нибудь, что она делает, когда ты в отсутствие; тогда ты в этом убедишься”. Шаштазы так и сделал, застал ее в то время, когда она чесала свои волосы. Шаштазы увидел, что у нее на голове видны и светят мозги, чрез грудь видны легкие, через ноги — жилы (это бывает только у одних красавиц духов). Увидев вошедшего мужа, она поспешила укрыться в лебединые шкуры и улететь. Таким образом она скрывалась в течение восьми дней; на девятый день она возвратилась к мужу, села недалеко от

мужа и сказала ему: “Ты послушался недобрых людей, они тебе и мне завидовали; послушавшись их совета, ты сделал себе худое, лишился жены и лишишься будущего сына, которого тебе придется искать в чужом государстве, в городе Кумгель, недалеко от холма Кубадонг, на том самом месте, где сходятся девять дорог. Там я и брошу твоего сына; шесть дней его будет кормить шайтан Азраил, семь дней — Джебраил (Гавриил); на голове его будет белая чалма; сорок дней об нем будет заботиться и кормить его Кыдырата; наружность его белокурая, на лопатке у него будет печать Азраила, на лбу — печать Джебраила. Когда будешь искать сына, наденешь железные сапоги и возьмешь железную палку. Найдешь сына, когда от железных сапогов останутся одни только подошвы, а от железной палки остаток с иголку!”. Сказав это, жена Шаштазы улетела. Шаштазы горько заплакал, что лишился своей возлюбленной и будущего сына. Он решил идти искать сына. Надевши белую чалму, железные сапоги и взяв железную палку, пошел странствовать. Жена его родила сына и положила на перекрестке дорог, а сама улетела.

Спустя несколько времени по этой самой дороге проезжал караван верблюдов, навьюченных драгоценностями хана этой страны. Вожак каравана вдруг услышал какой-то человеческий плач; сначала он подумал, что это обман его слуха, не вой ли волка, но потом убедился, что это плач человека; он велел каравану двинуться скорее вперед в ту сторону, где был слышен плач. Подъехавши, они увидели младенца, который лежал под тенью высокорастущего исполинского дерева и при виде приближавшихся улыбался. Вожак каравана, как человек бездетный и нуждающийся в наследнике, с радостью взял ребенка себе и, велел каравану двинуться вперед, сам с младенцем отправился за караваном. Велика была радость вожака Ажукожа, что Великий Бог послал ему сына; от всей души он благодарил за это Всевышнего Создателя.

Когда караван прибыл в столицу хана этой страны, Ажукожа представил найденного младенца хану; хан, увидев младенца, сказал, что этот младенец его, что его имя Эдигэ; что хан будто бы нарочно велел положить ребенка на самую дорогу, чтобы путеводитель каравана Ажукожа, услышавши голос ребенка еще издали, поскорее поспешил в город. Конечно, Ажукожа не пове-

рил этому, и они вдвоем должны были пойти для правосудия к казию (судье). В это время во дворец к хану является какой-то неизвестный странник, одетый весь в белое; на голове его чалма; сам он изнуренный, как видно, человек, повидавший на своем веку много хорошего и худого. О приходе странника доложили хану; хан, расспросив, во что одет странник, счел долгом по обычаю народа пригласить странника к себе как человека постранствовавшего по свету и повидавшего много доброго и худого. Когда странник вошел в комнату хана, он увидел какого-то человека; это был вожак каравана Ажукожа. По обычаю стали спрашивать странника: откуда он, куда путь держит и с какою целью? Тогда странник говорит, что его зовут Шаштазы, что он потерял сына и странствует по свету, ища потерянного сына. Ажукожа и хан спрашивают его, есть ли у отыскиваемого им младенца какие-нибудь приметы на лице или где-нибудь на теле. Странник рассказал, какие должны находиться приметы у мальчика, — на лопатке печать Азраила, на лбу печать Джебраила. Тогда Ажукожа и хан поверили ему, и странник, взявши своего сына, отправился, довольный в душе, обратно домой, а хан и Ажукожа остались ни при чем.

Возвращаясь домой, Шаштазы дорогой остановился у бедного старика со старухой, у которых кроме пяти коз ничего не было. Странник Шаштазы остановился у этого старика с целью помолиться Богу и покормить ребенка. Когда он вышел из юрты, старуха говорит старику: “Послушай, старик! Вот мы с тобой дожили, ты до семидесяти лет, я до шестидесяти, а детей не имеем. Попросим у этого святого странника, который, пожалуй, более не посетит нас при нашей жизни”. Старик согласился на совет своей старухи. Когда странник вернулся в юрту, старуха предложила ему, чтобы он оставил им своего сына. Странник сначала молчал; ему не хотелось своего сына оставить у чужих, но старик со старухой все упрашивали его, так что странник стал не рад и наконец должен был уступить; он попросил только, чтобы они достали ему какую-нибудь лошадь доехать до родины. Старик обрадовался, продал какую-то вещь, достал лошадь и отправил странника поскорее в путь. Шаштазы уехал на родину, а сын его Эдигэ остался у старика. Старуха только и делала, что ухаживала за Эдигэ, а старик пас своих коз.

Когда мальчик подрос и достиг семи лет, то пасти козлов начал уж он; тогда старик со старухой дали ему другое имя Койчубай; койчи значит овечий пастух, бай — богатый хозяин. Как только начал пасти козлов Койчубай, козлы начали размножаться; через немного лет козлиное стадо стало большое, и старик со старухой стали жить лучше.

В то время как Койчубай пас в степи козлов, другие пастухи обращались к нему в случае ссоры их между собой, и он разбирал их и решал споры. Потом к нему стали обращаться уже не одни пастухи, а соседи, и он сделался между ними бием-кази, а сам продолжал пасти козлов. В той стране, где жил Эдигэ, т.е. Койчубай, народом управлял хан Тохтамыш; у хана был великий визирь по имени Джамбай, который любил охоту, часто ездил на охоту и большую часть времени проводил на ней. Однажды Джамбай убил зайца на горе одного владельца; владелец обиделся и потребовал себе зайца, убитого на его земле; пришлось искать правосудия у биев-казиев; владелец горы приглашал Джамбая идти судиться к Койчубаю, а Джамбай звал к хану Тохтамышу. Наконец согласились пойти к Койчубаю. Койчубай (Эдигэ) дела свои разбирал в степи; дома ему нельзя было это делать, потому что некому было пасти козлов. Спорившие о зайце пришли к Койчубаю; он спросил их, зачем они пришли, и визирь рассказал ему свое, а владелец горы свое. Тогда Койчубай взял убитого зайца, положил на голову визирю Джамбаю и велел владельцу горы стрелять по зайцу; тот не согласился и испуганный бросил ружье. Тогда Койчубай убитого зайца положил на голову владельца горы и велел стрелять визирю охотнику; визирь выстрелил и уронил зайца с головы владельца горы. Койчубай взял зайца и отдал визирю Джамбаю, а его противнику велел идти в свой дом. После этого визирь Джамбай убедился в правосудии и находчивости Койчубая (Эдигэ), подружился с ним и даже подарил ему саблю; дружбу свою они закрепили обрядом: подрезали у правой руки жилы, спустили в чашку кровь и, смешавши ее, выпили оба. В другой раз визирь опять выехал на охоту и увидел двух человек, которые ехали к хану судиться; спор между ними вышел из-за верблюжонка; один говорил, что верблюжонка его, что он потерял его тогда-то, другой говорил, что его и что верблюдица скучает. Тогда великий визирь повел их к казию Койчубаю; Койчубай сделал такое решение: велел привести

верблюдицу; верблюжонок, увидавши мать, сейчас и пошел к ней; владелец верблюдицы увел верблюженка по решению Койчубая, а его противник остался ни при чем. Однажды к Койчубаю пришли две матери со спором из-за ребенка-младенца; одна уверяет, что ребенок ее, а другая, что ее; одна говорила, что ребенок был ею потерян во время нападения грабителей, другая, что она его запрягала в яму. Чтобы разобраться, чья сторона правая, чья виновная, кази Койчубай велел обeim матерям сесть на землю, потом взял подаренную визирем саблю, и как только он замахнулся, чтобы напугать женщин и заставить их сказать правду, одна из них остановила его, закричав: “Пожалей нас, мы страдаем из-за одного младенца!”. Другая же в это время сидела и молчала. Тогда бий-кази Койчубайэдигэ убедился, которой из женщин принадлежит ребенок, и отдал той, которая молчала; она не жалела себя и готова была предать себя за ребенка.

В то время жили пятеро братьев; они жили очень бедно; из животных у них всего была одна коза, и та хромая. Однажды они вздумали эту козу разделить между собою. Так и сделали, они закололи ее; одному досталась голова, другому и всем остальным — по ножке, младшему из братьев досталась хромая нога; из этой козы образовалось пять коз; у младшего коза оказалась хромая. Каждый из братьев пас свою долю. Однажды козы старших братьев потравили у соседей ниву, и всю вину свалили на младшего. Владелец нивы пошел с жалобой к хану, и старшие братья оправдались, а младший был осужден пойти на четыре года в работники к владельцу нивы. Когда же братья возвращались от хана, старшие были в веселом настроении и пели песни, только горе пало на долю младшего.

Дорогой это увидел пастух, т.е. бий-кази Койчубай (Эдигэ), и спросил плачущего парня: “О чем плачешь?”. Парень отвечал: “Как же мне не плакать, когда хан не оправдал меня, безвинного, а оправдал моих братьев виновных, и мне приходится за них терпеть горе и нужду, служить даром четыре года работником”. Выслушав его рассказ, Койчубай сказал ему: “Иди этой дорогой, тоже распевая свою песню, а я пойду к твоим братьям. Когда же твои братья спросят меня, почему ты пошел с песней, тогда я отвечу им: он оправдан ханом Тохтамышем; если твои братья скажут тебе: мы были оправданы ханом, а не ты, пойдем опять к хану и

спросим его, на это ты отвечай им: согласен!”. Все пятеро вместе с пастухом-бием Койчубаем (Эдигэ) опять пошли к хану Тохтамышу. Пришедши, братья спросили Тохтамыша, кого он оправдал. После ответа Тохтамыша Койчубай сказал: “Приказание ваше должно быть свято и нерушимо; если это правда, то пусть так и будет”, — сказал Койчубай и еще прибавил: “Бастан барганга тартсанг бастынг иесинэ тартыр басын барганга тартсанг уш сау аяк иесинэ тартыр ауру аякдынг иеси апарун от коюппа”, т. е. так как голова козла была отдана старшему, целые ноги — трем другим братьям, а хромяя нога — младшему, то должно быть так: если козлы пошли сами, то они своею головою думали, а если они пошли, то идти могли с целыми ножками; каким же образом хромоногая коза могла пойти на пашню и потравить хлеб, когда она не в состоянии была пойти и питалась, подскакивая с ноги на ногу?”. Тогда хан убедился, что правда, и вместо младшего отдал владельцу нивы четырех старших братьев-работников, младший же был освобожден.

Тохтамыш-хан объявил своему народу, чтобы Койчубая отдали ему в сыновья. Когда об этом объявили Койчубая, он не согласился быть сыном хана. Он сказал: “Если хан хочет взять меня за сына, то пусть моим отцу и матери заплатит за их труды, т.е. за то, что воспитали меня, и пусть обеспечит их на всю жизнь своим добром. Если хан на это согласится, то я могу быть сыном хана”. Хан согласился на это предложение и сказал: “Пусть так и будет, только отдайте мне сына Койчубая!”. Когда Койчубай перешел на житье к хану, хан сделал его первым лицом в своем владении; тут ему переменяли имя из Койчубая в Эдигэ, что значит “человек, заботящийся о всех”. Таким образом прошло кряду несколько лет; хан любил Эдигэ, а Эдигэ — хана. За это время дочь хана влюбилась в Эдигэ; она постоянно уговаривала Эдигэ бежать с нею вместе к соседнему хану Сатемиру, но Эдигэ не соглашался. Он говорил ей: “Как я стану наживать врага на своего отца?”. Хан Сатемир частенько делал набеги на хана Тохтамыша со своими войсками, когда же Эдигэ сделался управителем, эти набеги прекратились вследствие улучшения войск в ханстве Тохтамыша. Дочь Тохтамыша не переставала уговаривать Эдигэ, но он на нее не обращал никакого внимания, а потом, выведенный из терпения, перешел из ханского дворца, в котором жил вместе с ханом, в осо-

бое помещение. Узнавши об этом, хан спросил жену, почему Эдигэ отошел на другую половину дворца. Ханша, зная, что между Эдигэ и дочерью хана существует связь, и питавшая к Эдигэ злобу за то, что он, простой человек, только что выдвинувшийся на такую должность, не хочет жениться на ханской дочери, сказала хану следующее: “Негодный человек твой великий визирь Эдигэ; он затевает дело, небывалое в нашем роду; он хочет убежать к твоему врагу Сатемиру и уговорить Сатемира, чтобы он пошел войной на тебя, и тогда они вдвоем дотла уничтожат твое царство. Не прославится твое царство, мы с тобой должны будем пойти в рабство к Эдигэ и умрем под старость в нищете, а твоя любимая дочь будет скитаться по чужим дворам просить милостыни, чтобы пропитать нас. Поэтому, если не желаешь быть рабом, уничтожай как можно скорее Эдигэ”. Так закончила речь злая жена Тохтамыша. Тохтамыш поверил всему этому, потому что прежде она ни разу не обманывала его, и стал продумывать, как бы поскорее оставить его без должности и предать казни или другому наказанию. С этой целью он собрал народ и спросил его, каким образом удалить Эдигэ. Тогда из среды народа выступил восьмидесятилетний старик, который сказал хану: “Если ты хочешь избавиться от Эдигэ, то поступи так. Прикажи своим подданным, чтоб они на свою казну построили железный дом, сделали в этом доме три входа и пятнадцать железных печей; растопи эти печи и накали докрасна. Затем вели набрать различных сортов вина, вели эти вина соединить вместе, а затем напои Эдигэ этим вином”. Все так и сделали по словам восьмидесятилетнего старика. Эдигэ об этом замысле ничего не знал; он был извещен об нем своим другом визирем Джамбаем: последний давал советы Эдигэ, чтобы он на время скрылся куда-нибудь, но Эдигэ как покровитель народа сказал: “Разве надо мною не сжалятся народ, о благосостоянии которого я так заботился?”. Как человек твердый он остался при своем решении. Тогда Джамбай сказал ему: “Когда тебя напоят вином, отведут в железный дом и поставят там палачей, великий хан велит бить тебя; перед этим я извещу тебя, а ты в это время помолись Богу. Может быть, он тебе в этом случае поможет”.

Хан пригласил Эдигэ и стал пировать вместе; напоивши Эдигэ, дал приказание визирям увести его в железный дом, перед тем

только что накаленный докрасна. Эдигэ, вошедши в дом, расхаживал взад и вперед; жар на него не действовал нисколько.

Когда же он опьянел, отдано было приказание иссечь его на куски. Только палачи хотели исполнить приказание хана, вдруг невидимая сила все это уничтожила, железный дом развалился на мелкие куски, а палачи остались под грудями обломков. Эдигэ же, невинный ничем, вышел, улыбаясь, к народу и сказал перед всеми: “Теперь вы все убедились, кто прав из нас, хан или я! Поэтому разве не справедлива пословица: правда светлее солнца?”. Увидев это, хан Тохтамыш подчинился Эдигэ; злая жена Тохтамыша была присуждена ханом, ее мужем, к казни, но Эдигэ простил ее и сказал: “Зло должно уплачиваться добром”.

В скором времени Тохтамыш умер, и управление народом перешло к умному и деятельному человеку, и прославилось ханство Эдигэ.

2-й вариант. Записан мною со слов киргизского султана Д. Х. Султангазина, который слышал сказку на своей родине, в Семипалатинской области на р. Токрау, и рассказал ее по воспоминаниям своего детства.

Эдыгэ был сын святого Бабатукляса, который был женат на дочери пери (духа). Когда она забеременела, то от стыда удаляясь от Бабатукляса навсегда, сообщила ему, что у нее родится сын, которого он найдет на месте пересечения девяти дорог. Но нашел его не Бабатукяс, а поднял ребенка пастух, случайно пасший по той дороге скот. У него и вырос Эдыгэ.

Однажды Эдыгэ стоял, наблюдая за скотом. Мимо него прошли две женщины, спорившие о ребенке. Он спросил их, в чем их дело. Каждая из них утверждала, что ребенок принадлежит ей. Так как ни та, ни другая не желает уступить ребенка добровольно, то они едут теперь судиться к хану. Эдыгэ взялся решить им спор. Они согласились, и Эдыгэ сказал им, что решает их дело так: он рассечет ребенка надвое и даст каждой женщине по части; тогда настоящая мать, обливаясь слезами, умоляла Эдигэ не делать этого; она уступает ребенка другой женщине. Тогда Эдыгэ убедился, что это и есть настоящая мать, и отдал ей ребенка.

Еще Эдыгэ решил дело двух лиц, споривших о верблюжонке. Он велел тяжущимся отвести своих верблюдиц, выдаваемых ими

за матерей верблюжонка, на некоторое расстояние и поставить за сопкою, и когда его приказание исполнили, стал мучить верблюжонка. Тогда истинная мать верблюжонка, услышав его крик, не могла удержаться на месте и бросилась к нему.

Несколько времени спустя молва о мудром пастухе Эдыге дошла до хана Тохтамышша; хан призвал его к себе и сделал своим табунщиком; Эдыгэ стал пасти ханских лошадей. Жена хана влюбилась в Эдыгэ и стала соблазнять его; Эдыге не поддавался на ее соблазнительные речи; тогда она решила во что бы то ни стало отомстить ему. С этою целью она однажды сказала Тохтамышшу, что звезда Эдыгэ стоит выше звезды хана; она думает так потому, что когда Эдыгэ входит в юрту хана, хан вздрагивает. Чтобы убедить хана в этом, ханша воткнула на поверхности халата на хане иголку; когда Эдыгэ вошел в юрту, иголка отлетела в сторону. Заметив это, хан стал бояться Эдыге и решился убить его. Но открыто совершить убийство он не осмелился, потому что Эдыгэ был большой силач и ловкий наездник. Поэтому хан хотел погубить Эдыгэ посредством обмана; он объявил Эдыге, будто он хочет выдать за него свою дочь, и стал устраивать пир. Намерение хана было напоить Эдыгэ вином и убить. Но об этом ханском намерении Эдыгэ предупредил его друг Кекдженбай, сын Кенеса (Кенесдынголы Кекдженбай); он привел оседланного коня для бегства Эдыгэ. Эдыгэ бросился из юрты и, сев на лошадь, сказал...³⁷².

Услышав угрозы Эдыгэ, Тохтамыш рассердился и крикнул: “Ловите единца”. Именем “единца” хан хотел намекнуть, что Эдыгэ был единственный сын или безродный. В числе Тохтамышевых людей, находившихся тут же, кроме Эдыгэ было еще семь других единцов, которые тоже могли принять слова хана на свой счет. Эдыгэ пустился бежать; с ним вместе побежали и семеро других единцов. Тохтамыш умолял Кекджембая, Кенесова сына, остановить своего друга. Подкупленный ханом Джембай догоняет Эдыгэ и уговаривает его вернуться. Эдыгэ не соглашается и го-

³⁷² Эта речь Эдыгэ изложена в стихах, которые г-н Султангазин забыл. Эдыгэ в этой речи говорит о злом, незаслуженном замысле Тохтамышша; он говорит, что Тохтамыш хочет убить его без всякой вины и что он, Эдыгэ, поедет к Сатемиру и с помощью его убьет Тохтамышша.

ворит Джембаю: “Ты, Кенесов сын, Кекджембай, безумный Бекджембай, вернись-ка лучше обратно, а то сабля коснется твоей шеи и кровь обольет твою грудь!”³⁷³. Кекджембай вернулся, а Эдыгэ поехал к Сатемиру.

Дорогой Эдыгэ встретил Чуюнкулакдяу³⁷⁴, который увез у Сатемир-хана дочь; у Чуюнкулакдяу было сорок товарищей (крык джулдас). Эдыгэ подружился с Чуюнгулаком, и они разбили свои палатки рядом. Семь единцов, сопутствовавших Эдигэ, и сорок чуюнгулаковых товарищей гоняли вместе лошадей на водопой. Однажды Эдыгэ спрашивает у своих единцов: “Отчего когда вы пригоните лошадей на водопой, оттуда бывает слышен шум и гам?”. Те ответили, что, спустившись к водопою, они играют с сорока товарищами Чуюнгулака, шутя воюют с ними и всякий раз связывают их. Эдыгэ сказал им: “Завтра свяжите их как можно крепче и так оставьте, а мне поймайте и приведите чубарую лошадь Чуюнгулака!”. Семеро товарищей Эдыгэ так и сделали. Эдыгэ, сев на коня Чуюнгулака, с натянутым луком в руке, подскакал к его палатке и громким голосом вызвал его на бой. Чуюнгулак выскочил и у входа в палатку был застрелен из лука; Эдыгэ попал ему в горло, единственное мягкое место в его теле; остальное тело Чуюнгулака было все железное. Чуюнгулак не сразу умер; он стал ловить Эдыгэ, но в руки ему попался только конец хвоста чубарой лошади, который и оторвался. Вот оттого-то хвосты у чубарых лошадей бывают короткие.

Убив Чуюнгулака, Эдыгэ взял дочь Сатемира и доставил ее к ее отцу. Сатемир отдал ее за Эдыгэ замуж. Эдыгэ, заслужив уважение у Сатемира, отправился против Тохтамышша, разорил его царство. Сам Тохтамыш был убит.

От дочери Сатемира у Эдыгэ родился сын Нуралы. Когда Тохтамышш был убит, была взята в плен его дочь; из-за нее вышел спор у Эдыгэ с Нуралы, у отца с сыном; Нуралы осердился и бросил в отца находившуюся в его руках балалайкою; балалайка попала Эдыгэ в руку и причинила перелом руки, а тиек (кобылка, подставка под струнами) выскочила и попала в глаз Эдыгэ, отчего он потерял зрение.

³⁷³ Эта речь изложена в стихах.

³⁷⁴ Дяу — великан. Чуюнгулак — чугунное ухо.

Когда Эдыгэ разорял ханство Тохтамышша и беспощадно убивал всех ближних своего врага, он увидел одну рабыню Тохтамышша, пожалел убить ее и оставил ее живою на месте стоянки аула. Рабыня эта была такая сильная, что когда мочилась, мочею размывала землю и делала в ней борозду. Она была с зачатым от Тохтамышша ребенком; она голодала в степи и где-то в пещере родила сына Кейкувата, будущего героя. Одновременно с рождением его кляча-кобыла, подобно рабыне, оставшаяся в той же степи, родила саврасого жеребенка, будущего знаменитого кулашаат (“саврасый конь”). На этом коне сражался Кейкуват с потомками Эдыгэ после того, как убил самого Эдыгэ.

Дополнение, записанное при содействии г-на Султангазина от киргиза в урочище Серембетъ.

У Нуралы, сына Эдыгэя, родился сын Нурзеин. Мать мучила его, била. Нуралы стало жаль ребенка, он стал говорить, зачем она мучит ребенка. Она говорит ему, что она хочет, чтобы ребенок умер, потому что, если он вырастет, он будет поступать со своим отцом, Нуралы, так же, как Нуралы поступил со своим отцом Эдыгэ. Тогда Нуралы одумался, раскаялся в своем жестоком обращении с отцом и решил просить у него прощения. Он велел зашить себя в шкуру, навьючить на лошадь, везти к отцу и дорогой бить по шкуре палками. Нуралы привезли зашитого в шкуру к юрте Эдыгэ. Когда Эдыгэ вышел из юрты, Нуралы стал говорить ему: прости меня, отец, за то, что я обидел тебя. Отцу сделалось так жалко сына, что, несмотря на то, что у него не было уже глаз, он заплакал.

3-вариант. Записан мною от киргиза Бийсенбе в урочище Серембетъ в Кокчетавском уезде Акмолинской области при содействии г-на Султангазина, который перевел сказку с киргизского на русский.

Был бай³⁷⁵ Толубай; у него был сын Истуле³⁷⁶. Этот Истуле охотился за птицами с ловчей птицей. Однажды он шел по берегу реки и встретил девицу, сидевшую на берегу и чесавшую волосы.

³⁷⁵ Бай — хозяин, богатый человек.

³⁷⁶ Иногда рассказчик произносил Юстуле.

Он хотел поймать ее, но она окунулась в воду. На другой день он опять пришел на то же место и опять ее увидел. Он подкрался к ней пеший. Расчесывая волосы, она отбросила их; они были в десять кулашей³⁷⁷ длиной. Истуле поймал ее, взял за волосы, намотал их на руку, и когда она хотела окунуться в воду, удержал ее. Она ушла в воду и его увела с собой. Он не помнит, сколько дней они пробыли под водой. Пришли в юрту. Она говорит ему, что выйдет за него замуж только с условием не смотреть ей на темя, под мышки и на пятки. Она была дочь пери. Он женился на ней и живет с ней под водой. Все там было готово: пища и одежды, не было у него только лошади. Однажды утром после утренней молитвы он решил посмотреть на темя своей жены и увидел мозг, взглянул под мышки, увидел легкие, посмотрел на пятки, они как будто срублены. Жена узнала, что он смотрел и на темя, и под мышки, и на пятки, и говорит: “Ты не сдержал слова! У меня есть шестимесячный ребенок; ты найдешь его в Египте (Мысыр). Итак, прощай!”. Сказав это, девица превратилась в лебедя и взлетела на чангарак³⁷⁸. Истуле тогда сказал девице: “Я попал сюда с тобой из любви к тебе. Как же я отсюда выйду?”. Девица говорит ему: “Пока останься здесь. Потом сам заметишь, как будешь отсюда выброшен”. Она после этого улетела, а он остался. Три дня он провел после девицы голодом; не было у него ни пищи, ни питья. От голода он лежал без чувств. Однажды он проснулся и увидел себя посреди степи; нет ни юрты, в которой он спал, ни воды. Он встал и отправился на запад. Шел, шел и пришел в один эль³⁷⁹. Был тут один бай, у которого не было ни сына, ни дочери, а много было скота. Бай спросил его: “Откуда ты?”. “Нашей волости, — говорит тот. — Моих родителей ограбили вражеские люди, я остался одиноким мальчиком, питался дикими растениями. Теперь вот пришел сюда. Я бы желал, чтоб меня усыновили бездетные люди”. Бай усыновил его и поручил ему пасти лошадей. Однажды утром он проснулся и увидел череп лошади; он обнял череп и заплакал. Проснулись его товарищи, другие та-

³⁷⁷ Кулаш — маховая сажень.

³⁷⁸ Чангарак — деревянный обруч, образующий вершину юрты.

³⁷⁹ Эль — поколение, род.

бунщики. Когда они подъехали к нему, они слышат слова, которые Истуле говорит черепу: “Кто тебя назовет черепом тулпара, а меня кто назовет сыном Толубая, тот сынчи”³⁸⁰. Табунщики рассказали об этом баю, и тот не стал пускать его в табун; он понял, что это мальчик хорошего рода. Бай предоставил ему право осмотреть все табуны всего эля, нет ли тут тулпара. Истуле осмотрел табуны; не нашелся в них тулпар. Истуле говорит баю: “Шесть дней спустя через эти места пройдет караван; в этом караване есть бурый мастак (крун мастэк)³⁸¹; это кляча, которая не может везти телегу и потому идет простая; ты купи ее”. На шестой день после этого разговора прибыл караван. Караванные люди стали покупать лошадей, за одну сытую давали трех своих плохих. Бай увидел бурого мастэка; он вез шестиколесную арбу; бай спрашивает хозяина каравана, не продаст ли он эту лошадь. Тот запросил шесть лошадей; бай отдал шесть лошадей и взял мастэка³⁸². Истуле велит баю купить еще трех мастэков; бай послушался, и они вернулись от каравана домой с четырьмя мастэками. Истуле говорит баю: “Дайте мне этих четырех мастэков, я буду кормить их”. Взял их и увел на арал³⁸³, а сам вернулся домой. Через три месяца Истуле привел одного мастэка и зарезал: через три месяца опять привел одного и тоже зарезал. Бай спрашивает его, зачем он режет лошадей. Истуле говорит, что он хочет посмотреть на кости, побелели они или нет³⁸⁴. Через четыре месяца Истуле зарезал еще одного мастэка, третьего. Потом привел четвертого. У четвертого кости побелели; теперь, думает Истуле, его можно в бег пускать. Это был тулпар. Бай спрашивает Истуле, зачем он делал это. Если будут скачки, говорит Истуле, подъярую тулпара и пушу в бег. Бай говорит, что два месяца спустя среди трех джюзов³⁸⁵ будет большая байга³⁸⁶. До того времени Истуле все готовил лошадь. По прошествии двух месяцев устраивается байга. Бай спрашивает: кто будет седоком?

³⁸⁰ Сынчи — знаток; сына — узнай достоинства ястреба.

³⁸¹ Мастэк — помесь киргизской породы лошади с русской крестьянской.

³⁸² Тут какое-то противоречие с предыдущим.

³⁸³ Арал — остров или изгиб реки.

³⁸⁴ Чем жирнее животное, тем кости делаются белее.

³⁸⁵ Джюз — орда, собственно “сотня”.

³⁸⁶ Байга — скачки.

Истуде говорит, что он сам сядет на тулпара. Собрался народ на скачку, пустили лошадей. Истуде с тулпаром остался сначала сзади всех лошадей. Когда скакуны прибыли на середину расстояния, тулпар опередил половину лошадей. В то время тулпар был завьючен двумя мешками с песком. Истуде пощупал один мешок: песок был горячий; он разрезал мешок ножом, и песок высыпался. Тогда Истуде был почти впереди всех лошадей. Он разрезал другой мешок, и из него высыпал песок, и опередил всех лошадей. Опережая, простился на скаку со всеми товарищами и сказал им: “Вы меня не догоните! Отдайте призы (байгы) без спора”. В призе было 50 лошадей, 100 баранов и 50 верблюдов. Когда Истуде прибежал к аулам, все бросились ловить его, но не могли догнать. Кто-то сел на серую кобылу, погнался и чуть было не догнал его. Это была кобыла того бая, который усыновил Истуде. “Меня никто не догонит, — сказал Истуде. — Эта кобыла не тулпар, только в утробе ее есть жеребенок тулпар. Пусть бай кормит ее хорошенько. Прощайте!”

Сказавши это, Истуде уехал. Отец его Толубай услышал топот тулпара и сказал: “На тулпаре может сидеть только мой сын или я”. Он собрал весь свой народ и велел плести веревки из шелка. Потом еще сказал: “Поймать тулпара невозможно; нужно как-нибудь накинуть петлю на седока”. У Истуде была сестра Гульджамиля; она тоже была вещь. Она тоже слышала топот. Наконец увидели пыль. Люди протянули шелковую веревку поперек дороги тулпара, но не могли удержать лошадь, сняли с нее седока. Несколько дней Истуде оставался без чувств, потом пришел в чувство и остался жить у отца.

Пери, с которою жил Истуде, родила сына. В царстве Тохтомыса была кэмпыр³⁸⁷, у которой было пять коров. Она сама пасла их. Она нашла мальчика, родившегося от пери, привела в свой дом, усыновила и заставила пасти ее коров. Ребенок вырос у нее. Старуха отдала его мулле и подарила ему за учение телят. Через пять лет сын сделался муллою. Когда достиг двенадцати лет, его назвали Эдыге. Мальчик продолжал пасти телят. Всех тут было сорок мальчиков (кыркбала); Эдыге сказал им: “Давайте, выберем одного из нас ханом!”. “Каким же способом изберём?” — спросили

³⁸⁷ Кэмпыр — старуха.

те. Он сказал тогда: “Кто зарежет теленка, того и выберем”. Ни один мальчик не решился зарезать, все боялись родителей. Эдыге сказал: “Я зарежу”, зарезал и накормил других детей. Кости собрал, положил на шкуру и завернул в нее, ударил палочкой по шкуре, теленок ожил и побежал. После этого мальчики признали Эдыге своим ханом. Эдыге каждый день резал по теленку и каждый день воскрешал; после и другие стали резать, а Эдыге оживлял зарезанных и съеденных.

В то время у Тохтомыса был визирь Джанбай. Случилось так, что Джанбай со свитой должен был ехать мимо того места, где сорок мальчиков пасли телят. Эдыге приказал детям, чтоб они не делали поклона Джанбаю и его свите, когда те будут ехать мимо. Дети не дали поклона. Джанбай спросил у детей: “Почему вы с нами не поздоровались? Мы старше вас”. Эдыге ответил: “Нас сорок, а вас только двое; наших лет вместе более, чем ваших”. Один мальчик сказал Джанбаю: “У нас есть хан, который не велит давать поклон”. “Где же ваш хан?” — спросил Джанбай. Мальчики показали на Эдыге. Джанбай спросил у Эдыге: “Почему ты не велишь своим подданным давать нам поклон?”. “Я ответ уже дал, — сказал Эдыге. — “Обдумайте!”

Джанбай приехал к Тохтамыс-хану и рассказал ему, что встретил сорок мальчиков, которые одного из своей среды избрали ханом, и что они по приказанию своего хана не дали ему поклона, а когда их спросили о причине, они сказали, что их сорок и что число лет у них больше. Тохтомыс сказал: “Они правы, потому что по шариату меньшее число должно отдавать поклон большему числу”.

Однажды мимо сорока детей проехал какой-то человек, увидел лежащего зайца, вернулся домой, взял ружье и едет опять к зайцу. Но во время его отсутствия подъехал к зайцу другой человек с ружьем, убил зайца и взял его. Они встретились. Первый увидел зайца в руках у второго и выхватил его. Заспорили, подрались и решили поехать к хану Тохтомысу судиться. Один из них спрашивает: “Не рассудит ли нас кто-нибудь из этих сорока мальчиков?”. Они пришли к сорока мальчикам и спрашивают: “Нет ли между вами, кто бы решил наш спор, происшедший из-за зайца?”. Один из мальчиков сказал: “Есть у нас хан, он может рассудить вас”. Мальчики показали на Эдыге. “Если будете довольны нашим ре-

шением, мы дадим вам правосудие”, — сказал им Эдыге. Спорившие из-за зайца сказали: “Мы будем довольны (разамыс)!”. “Кто первый выстрелил в зайца?” — спросил Эдыге. “Я выстрелил”, — сказал тот, которой подъехал к зайцу после. “Зачем же спорите?” — спросил Эдыге у другого. Этот сказал: “Я увидел первый лежавшего зайца, пошел домой за ружьем, а когда вернулся, другой человек уже убил его и взял”. “Покуда ты нес ружье, заяц разве не мог уйти?” — спросил Эдыге. “Заяц лежал; он не убежал бы, если его никто не испугал”. Эдыге сказал: “Я решу это дело. Принесите ребенка в люльке!”. Принесли ребенка. Эдыге велел положить зайца на ребенка и сказал первому стрелку (это был Джанбай): “Стреляй в зайца. Если попадешь в зайца, то возьмешь зайца; если угодишь в ребенка, заплатишь стоимость ребенка”. Джанбай выстрелил; пуля попала в зайца, не задев ребенка. Джанбай взял зайца. Спорившие ушли, довольные мудрым решением.

Два дня спустя после того два человека заспорили о двухлетнем верблюжонке (тайлак). Они сказали друг другу: “Пойдем к сорока мальчикам, что они скажут, то пусть и будет”. Два человека пришли к детям; один говорит: “Этот верблюжонок от моей верблюдицы”, и другой говорит: “От моей”. Один из них опять был Джанбай; на самом деле, верблюжонок был от верблюдицы его противника. Эдыге спросил: “Есть ли у верблюжонка мать?” — и велел привести ее. Оба спорщика привели по верблюдице. Эдыге велел положить их. Потом по приказанию Эдыге свалили двухлетнего верблюжонка, привязали к его ляжке веревку, стали за нее тянуть и таким образом заставили верблюжонка кричать. Тогда верблюдица-мать вскочила и подбежала к нему, а Джанбаева верблюдица осталась неподвижно лежащею. Эдыге отдал верблюжонка настоящему его хозяину. Тогда Джанбай сказал Тохтомысу: “Я видел сына одной старухи, которого я испытал (байкадым). Он достоин служить вам. Возьмите его!”. Джанбай пошел к старухе передать повеление хана, но старуха сказала, что это ее собственный сын, родившийся после смерти мужа, и что она никому его не отдаст, кроме Бога. Джанбай передал слова старухи Тохтомысу, что она не даст своего сына, что он кормит ее и пасет ее небольшой скот. Тохтомыс опять посылает Джанбая к старухе, обещает дать ей серебра и золота и отпустить Эдыге к ней в гости. Старуха

отдала сына и сама прикочевала к хану; хан дал ей много скота, а Эдыге усыновил и дал ему лошадь и сокола; каждый день по утрам Эдыге входил в юрту к хану.

Жена хана была вещая. Она сказала Тохтомысу, что дух Эдыге выше Тохтомысова, потому что, когда он входит, Тохтомыс трясется. Тохтомыс говорит: “Неправда! Дух сына не может быть выше духа отца”. Тогда жена приткнула иголками подол ханского одеяния к ковру, на котором хан сидел. Когда утром Эдыге зашел к хану сказать саям³⁸⁸, хан встал с места; иголки все сломались. Хан сел; немного побеседовали, поели, и Эдыге ушел. Ханша сказала хану: “Смотрите на иголки, если не верите мне”. Хан увидел, что все иголки сломаны, и сказал: “Ты правду говоришь. Что мне с ним делать?”. Ханша сказала: “Пускай так ходит”.

Эдыге занимался охотой, редко ходил к хану. Однажды, когда Эдыге вышел на охоту, за ним хан и сам тоже уехал. Эдыге раньше хана вернулся домой. Жена Тохтомыса зазвала его к себе через рабыню, угостила его и призналась ему в своей любви. Эдыге сказал ей: “Мне грех любить тебя, твой муж мне отец”. Эдыге не согласился разделить ее любовь и ушел. Через день приехал Тохтомыс-хан. Ханша наклеветала на Эдыге; она сказала: “Эдыге впоследствии отнимет у вас народ и власть; необходимо найти средство уничтожить его”. “Как же его теперь убить? — спрашивает хан. — Знатные его любят, Джанбай его друг”. Ханша говорит: “Завтра, когда он придет утром сказать саям, нужно напоить его мочой, а потом медом. Если он выпьет мочу, то он умрет с горя, а если не умрет с горя, то его нельзя будет убить ничем, потому что он человек храбрый!”. Ханша наполнила чашку своей собственной мочой, и когда утром Эдыге пришел к хану, ему подали эту чашку. Он взял ее и выпил жидкость. Ханша спросила, как он находит напиток. Он ответил ей, что напиток приятный, только посуда старая. Потом подали ему мед. Эдыге провел на меде ножом крест-накрест, выпил и вышел из юрты. Жена спросила Тохтомыса, понял ли он знаки Эдыге; тот сказал, что он ничего не понял. Ханша объяснила ему, что если он выпил мед, предвзательно как бы разрезав его на четыре части, это значит, что он

³⁸⁸ Саям — приветствие.

хочет весь народ разделить на четыре части и сделать бунт. Она советует послать за ним Джанбая, позвать его и убить. Посланный ханом Джанбай догнал Эдыге, но близко не мог к нему подъехать. Эдыге ехал по другому берегу реки Эдиль; боясь близко подъехать к Эдыге, Джанбай с другого берега говорит ему: “Вернись, Эдыге! Будешь мед пить. Тохтомыс подарит тебе белую лошадь” (бозат). Эдыге ответил ему, он не поедет. Джанбай говорит, что Тохтомыс даст ему девицу. Эдыге отвечает, что все-таки не поедет. Джанбай говорит, что Тохтомыс даст ему белого сокола. Тогда Эдыге рассердился и пропел:

Кенистынг олы кек Джанбай
Акылынг джок бок Джанбай
Камчи тиер койнынга
Кан соргалар койнынга
Сен тертоу мен джангыз
Дамэнг боса кель Джанбай!

т. е.

Джанбай, смелый сын Кениса,
Джанбай дрянь, лишенный ума,
Плеть прикоснется к твоей шее,
Кровь заструится за твою пазуху!
Ты вчетвером, а я один —
Если есть у тебя желание, подойди-ка, Джанбай!

Тогда Джанбай испугался и вернулся к Тохтомысу. В то время был одинокий старик по имени Именджирау; щеки его были подвязаны, чтоб не упала нижняя челюсть. Тохтомыс послал его, чтоб вернуть Эдыге. Именджирау подъехал к реке Эдиль и приглашает Эдыге переехать на эту сторону. Он рассказывает Эдыге, что на своем веку он много видел людей и царей. “Я видел, — говорил он, — хана Джаналы, который слушался моих советов. Я видел Джангыз-хана, и он меня слушал. Тауко-хана я видел, и он меня слушал. Исым-хана видел, и он меня слушал. Тасы-хана видел, все они меня слушали. Тасемир-хана видел, и он меня слушал”. Эдыге хотел было уже переехать на тот берег, на котором стоял старик Именджирау. Старик продолжал: “Тохтомыс-хана видел, и тот меня слушал. Вернись к хану, Эдыге!”. Как только он сказал

эти последние слова, у него развязалась повязка на щеках, нижняя челюсть повисла, и он не мог больше говорить. Эдыге чуть было не решился послушаться, чуть было не вернулся к Тохтомысу, но раздумал и сказал старику, что поедет к Тасемиру, и если Тасемир даст войско, то ограбит Тохтомыса.

У Тасемира не было сыновей; была только одна дочь. В то время калмыцкий болван³⁸⁹ Ирджоко хотел отнять эту дочь. Эдыге говорит Тасемиру: отдай мне твою дочь! “Я бы рад отдать, — говорит Тасемир, — свою дочь за мусульманина, но Ирджоко силой ее отнимет”. Эдыге посоветовал поставить для Ирджоко отдельную юрту на дальнем расстоянии и научил Тасемира, чтобы он сказал калмыцкому болвану, что он желает выдать за него дочь и выдаст, но только под условием, если болван преодолеет ханского силача в борьбе и если калмыцкий бегунец опередит ханского бегунца. Если калмыцкий силач не победит, то калмык должен отказаться от девицы. Калмыцкий болван согласился. Эдыге пустил свою лошадь в бег с лошадью калмыка; у калмыка седоком была старуха, у Эдыге — мальчик. Эдыге влез на воткнутую пику и видит с нее, что мальчик его спит, положив турсук³⁹⁰ под голову. Эдыге выстрелил из лука, в турсук и попал в него; мальчик проснулся, сел на лошадь и хотел пуститься догонять старуху; лошадь его нейдет; посмотрел, ноги ее связаны. Мальчик разрезал путы, взял две горсти земли (глины) и догнал старуху. Старуха говорит: “Приехал ли со мной?”. Эдыге бросил ей в глаза землю, и Эдыгеева лошадь пришла первая, лошадь калмыка отстала. Потом Эдыге и Ирджоко стали бороться. Они боролись три дня, и, наконец, Эдыге победил, изломал у Ирджоко ребра. Ирджоко с товарищами уехали домой; на дочери Тасемир-хана женился Эдыге и остался жить у свекра.

Жена Эдыге забеременела и родила сына. Его называли Нуралы. Пятнадцать лет Эдыге прожил у Тасемира; Нуралы достиг пятнадцатилетнего возраста. Эдыге просил у Тасемира войска, чтобы ограбить Тохтомыса; тот дал ему сорок тысяч, и Эдыге отправился. Он разделил владения Тохтомыса на четыре части и ограбил

³⁸⁹ Болван — великан, силач.

³⁹⁰ Турсук — кожаная посуда для кумыса с узким горлом.

его. Тогда Тохтомыс бежал. Однажды Тохтомыс лежал около одного озера. Эдыге с сыном искали его. Одна птица кызгыш³⁹¹ парила над Тохтомысом; она одна только видела его. Нуралы заметил птицу, понял, что Тохтомыс находится тут, и они, отец с сыном, пошли поближе. В то время они слышали, что Тохтомыс плачет, прощаясь с своим ружьем, пикой, землями, народом, саблей, и говорит пигалице: “Пигалица, пигалица! Меня убьют, ты останешься. Ты меня не показывай! Ты останешься на месте битвы, где я один буду биться против Эдыге, который будет вдвоем; таким образом, успокоится моя душа — сердце” (Кызгыш, кызгыш! Мен улемен, сен каларсен! курестпаяк койсанчи! Идыге икеу, мен джалгыз атыскан джердэ каларсен! суйтуб коунгым тынарсен!) В это время пришел Нуралы и заколол Тохтомыса пикой. Эдыге с сыном приехал в орду³⁹² хана, и весь народ покорился ему.

Эдыге взял двух дочерей Тохтомыса и вернулся к Тасемир-хану. Эдыге взял обеих дочерей себе, так что у него стало три жены. Из-за этих двух дочерей Тохтомыса Эдыге поссорился с сыном Нуралы; Нуралы ослепил отца.

От дочери Тохтомыса у Эдыге родился сын по имени Токюй. Эдыге был сын Тасемир-хана и был очень близок к нему. Ирджоко приехал к владениям Тасемир-хана с сорокатысячным войском и стал требовать дочь его. Три месяца сражались; после трех месяцев все люди Ирджоко были перебиты, остался один только Ирджоко. Вышли на поединок Эдыге с Ирджоко. Три дня они боролись, сидя верхом на лошадях; Эдыге проколол противника пикой в грудь, отрезал у Ирджоко голову и отдал ее Тасемиру.

Между тем Токюй вырос; ему дали лошадь кулашат. Жена советует Токюю, чтобы он вышел навстречу занимавшемуся охотой Нуралы. Она говорит ему: “Нуралы убил Тохтомыса, моего отца; нужно отомстить за Тохтомыса. Кроме того, он ослепил Эдыге, твоего отца. Поезжай к Нуралы, скажи ему: отомщу тебе за отца! И сам тотчас же убегай! После того, вероятно, Нуралы сам умрет с горя. Токюй так и сделал, сказал: Отомщу тебе за отца!” и убежал. Нуралы не мог догнать его. Токюй приехал к матери и

³⁹¹ Кызгыш — пигалица.

³⁹² Орда — ханская ставка, ханская резиденция

говорит ей: “Я сказал”. Тогда Нуралы сказал: “Если б я знал, что Токюй, родившийся от рабыни (куман), будет чужой, то убил бы его в малолетстве”. Нуралы не мог прийти в юрту Эдыге, потому что Токюй жил вместе с Эдыге, Впоследствии Нуралы с горя умер, Токюй остался при Эдыге.

4-й вариант. Записан А. А. Калазовым от киргизки в Алтайской станице в долине Бухтармы (в Алтае).

Эдыге жил у хана Тохтомыса в работниках. Когда он, бывало, войдет к нему в юрту, Тохтомыс не может усидеть на месте, но сам этого не замечает; замечает только его жена Тогайбьюбу. “Зачем ты встаешь с места”, — спрашивает она, но Тохтомыс сам этого не замечает и отпирается. Тогда она проткнула его одежду иглой. Когда на завтра Эдыге вошел в юрту, хан встал, сам того не замечая, и сломал иглу. Стали тогда все бояться Эдыге и надумали убить его. “Если не убьем, то сведет он нас со свету”, — думают. Они догадались, что ножом не убить им его ни пешего, ни на лошади: надумали напоить его пьяным. Когда стали его потчевать, он догадался: приделал пузырь под одежду и стал туда лить вино. В то время как Эдыге притворился пьяным, его товарищ обрезал левые стремяна у всех седел. Эдыге бросился бежать, погоня же попадала с седел. Кроме Эдыге было семь одиноких человек; им приказали ловить Эдыге, но они отказались ловить такого же одинокого, как и они сами. Когда Эдыге убежал, Джамбай и Комбай, Тохтомысовы слуги, поехали догонять его и кричали ему: “Возвратись, Эдыге, через реку Эдиль назад, хорошо вышитую золотом одежду наденет на тебя царь, золотым седлом велит оседлать коня”. “Дураки, — отвечает Эдыге, — убирайтесь, а то задеру вас плетью! Убирайтесь к своему хану. Если я сейчас не поеду и этого Сатимира³⁹³ (богатыря хана) не убью и не стащу в пропасть, если Тохтомысову жену не сделаю сиротою, если его двух дочерей Атюке и Тютихе не погоню вместо лошадей и не сделаю их, как черные потники, не буду я Эдыге!” И поехал к Сатимиру, собрал всех киргизов и с этим войском отправился против Тохтомыса. Эдыге разбил все царство Тохтомыса; Тохтомыс бежал; одежду

³⁹³ Вероятно, ошибка: вместо Сатимира следовало сказать: Тохтомыса.

его затоптали в грязь, жену его Эдиге сделал сиротою, а двух девиц за лошадей погнали, Тохтомыса хотели убить — всех мертвых перебрали, но его не нашли между ними. Когда Тохтомыса искали, Эдиге заметил, что птица все к одному месту летает. Эдигэ пошел за ней и видит: краснеет шуба Тохтомыс-хана; когда он его нашел, подъехал и поднял на пику. Поднявши на пику, Эдиге спрашивает его: “Ну, каково тебе, Тохтомыс?”. “Все же на пике выше тебя”, — ответил хан. Эдигэ проколол его пикой, хан скатился по пике до земли и сказал тогда: “Теперь я ниже тебя, Эдиге!” — и умер. Все его имущество, жены и девицы были забраны в плен. Все рушилось; остался один жеребенок и в зыбке один ребенок. Когда жеребенок вырос, когда и мальчик от Тохтомысовой стряпки Кейкюват тоже вырос, он сел на саврасого коня и стал разыскивать Эдиге. У Эдигэ был сын Нурилай. Кейкюват сразился с Нурилаем; подъехал к нему и три раза сказал ему: “Умри, умри, умри!”. Тот разгорячился и умер от злости. Когда стали осматривать его сердце, увидели, что одна половина его из рога, другая — из кошмы. Потом Эдиге убил Кейкювата и его саврасого коня и стал управлять всем народом. Эдигэ сначала был бродягой, а потом дошел до ханского звания.

Примечание

Сказка об Идыге распространена у тюрков Западной Сибири, т.е. у киргизов и татар Тобольской и Томской губерний, по крайней мере, только у этих племен она была до сих пор записана; именно В. В. Радлов слышал ее в тех местах: 1) у барабинских татар племени тагана на реке Каргате в Томской губернии (Radloff. Proben. IV. 35), 2) у татар деревни Ulukan на Иртыше в Тобольской губ. (ibid., 164) и 3) у татар в Саргатской волости при устье Ишима, в Тобольской губернии (ibid., 241).

Первый вариант самый полный из записанных г-ном Радловым; в Саргатской волости записаны только стихи, которые произносят действующие лица сказки, Тохтамыш, Мыратым и Ченбай. В томе Proben, который посвящен киргизскому фольклору, сказки об Идыге нет. Киргизские варианты ждут еще собирателя; у киргизов ордынский герой Идыге, вероятно, еще более популярен,

чем у сибирских татар; киргизы указывают в своих степях могилу Идыге; она находится на вершине одной горы в горной группе Улутау, лежащей между реками Ишимом и Сарысу; эта гора и сама слывет в народе под именем Идыге³⁹⁴.

Один из киргизских вариантов был записан покойным Чоканом Валихановым, по всей вероятности, в Кокчетавском округе; я поместил в “Живой старине” (1891. Вып. 4. С. 156) извлечение из этой записи с приложением записанных Валихановым же киргизских версий начала сказки. В настоящей статье, в самом ее начале, мы поместили четыре киргизских варианта сказки об Идыгэ; таким образом, теперь мы имеем пять напечатанных киргизских вариантов; два из Кокчетавского округа (один валихановский); третий с р. Токрау, четвертый из Тарбагатайского хребта, и пятый из Бухтарминской долины в Алтае.

Для полноты ознакомления читателей со сказкой об Идыге мы передадим здесь в кратком изложении также и варианты г-на Радлова.

1. *Барабинский вариант.* В народе Тохтамыш-хана жил старик; он поехал утром смотреть свой скот и услышал голос ребенка, искал и нашел его спрятанным в высокой траве. Старик не имел детей и взял его, чтобы воспитать. Это был мальчик. Он повез его

---

³⁹⁴ Мы сомневаемся, чтобы то, что киргизам известно под именем Идыге, было действительно могила. Могилы устраивались в степях обыкновенно или в открытой степи, на перекрестках дорог и у переправ через реки, или при подошве гор, но на горах, на их вершинах или на горных перевалах складывались только обо — священные кучи камней, а не могилы. Не такое ли обо принято киргизами за могилу? За такое мнение говорит и то, что сами киргизы называют кучу камней на вершине горы Идыгэ не мола — могила, а обо (Идыгэнын обасы); см. “Живая старина”, 1891. В. 4. С. 157. Первое известие об этой горе еще в прошлом столетии записал Стралленберг: “Русские в Сибири рассказывали мне, что на горе Игите, лежащей между реками Ишимом к Иртышом, находится пирамида, на которой будто бы и теперь еще видны письмена... Это место находится в дикой степи, где беспрестанно снуют казацкая орда (В. Радлов. Сибирские древности, 1891. Т. I. В. 1. С. 40). Впрочем, киргизы применяют слово “обо”, если не к современным, то к древним (чудским) могилам; то же делают и татары Минусинского округа Енисейской губернии.

своей жене, положив за пазуху; но так везти оказалось неудобным, и он засунул его в свой сапог. Когда он привез его домой, жена сказала: “Мы не имели сына, теперь имеем!” — и стала кормить его молоком. Когда вздумали дать ему имя, собрали соседей. Те, выслушав рассказ о том, как дитя было найдено, сказали: “Он был привезен в сапоге (итуг), так пусть же имя его будет Идыгэпи (Idagari)!”. Когда Идыгэ достиг пятнадцатилетнего возраста, он стал играть с мальчиками в коньки, ездить на палочках (Stekenpferd); в играх участвовали 50—60 мальчиков; один мальчик украл конька (Stekenpferd). Вор был открыт, но товарищи простили ему его вину. Он сделал это во второй раз, и во второй раз ему простили. В третий раз решили выбрать из своей среды князя и судить. Был выбран Идыгэ; он присудил вора к смерти, и приговор был исполнен. Родители казненного узнали, как это случилось, и донесли Тохтамыш-хану. Хан призвал Идыгэ; тот сказал царю, что он не один, что у него есть подданные. Позвали к царю детей. Царь выслушал их рассказ и нашел приговор правильным. Казненного похоронили, а Идыгэ воротился к родителям. Они сказали ему: “Оставь, дитя, игру в цари. Кто пасет скот, тот питается пищей, кто пасет народ, тот питается кровью”. Идыгэ вернулся к домашним занятиям.

Однажды он пас скот; едут два человека на верблюдах и при них верблюжонок. Один из этих проезжавших был Цанпай (Tsanpai), который делал для Тохтамыша кумыс и вино. Цанпай сказал: “Ты умеешь судить. Рассуди. Этот верблюжонок родился от моей верблудицы, а вот он говорит, что он от его верблудицы”. Идыгэ велел привязать верблудиц к кольям, верблюжонок между ними и бить его. Когда верблюжонок заревел, Цанпаева верблудица продолжала есть траву, а другая повернула к кричащему верблюжонку свою голову. Идыгэ сказал: “Цанпай! Это не твоя верблудица!”.

Когда Идыгэ было семь лет, Тохтамыш сказал Цанпаю: “У меня есть сокол и ястреб, но я не имею ловчего и нет у меня дитяти”. Цанпай сказал царю, что у одного старика есть пригодный мальчик. Тохтамыш велел позвать его. Когда Идыгэ пришел, царь одел его в хорошее платье, дал ему лошадь и (ловчих) птиц. Идыгэ стал охотиться за гусями на реке Акадиль³⁹⁵. Утром он

³⁹⁵ Адиль — тюркское имя Волги; ак по-тюркски — белый.

приходил к царю и получал пищу и чашку вина и уходил. Потом он приносил добычу и выкладывал перед царем. Утром при входе в юрту он всегда откашливался только после этого входил. Когда Идыгэ откашливался, царь всегда вставал с трона, но он сам не замечал этого. Царь имел двух жен; они говорят ему, что он всегда встает перед приходом Идыгэ; царь не верит этому. Они, чтоб убедить царя, пришили подушку, на которой он сидел, к его платью; когда Идыгэ пришел, дарь встал и когда он снова сел, подушка повисла. Тогда Тохтамыш убедился, что жены говорят правду, и запечалился. Он думает: “Моя душа перед ним трепещет; он снимет с меня голову”. Царь призвал народ на совет, все промолчали. В течение целого года царь собирал народ по утрам, спрашивал, но все молчали. Один только человек посоветовал привести Цанпая. Цанпай сказал: “Про то знает Кипчак-пи”. А Кипчак-пи сказал: “Надо привести двадцатилетнего старика Сафардау, у которого голова поседела, как у бобра, у которого зубы стали желты, как у выдры”.

Послали за Сафардау, но Сафардау не поднялся с ложа. Тогда послали за ним карету с подушками. Сафардау подвязал платком отвисавшую нижнюю челюсть и поехал. Приехав к царю, он держит к нему речь. Он припоминает, что видел век Janbak'a на Adil'e и Jajik'e, видел век Usubak'a и век Asylbak'a. Потом он предсказывает Тохтамышу о Идыгэ: “Один из двух придворных юношей вырежет из ивы укрюк и угонит твой скот, твою красавицу Kosuka, твою прелесть Јапака уведет в плен, источит кровь из твоей груди, отрубит мечом твою голову”. Сафардау отослал домой.

Тохтамыш велит убить Идыгэ: напоить его вином, а подле царской юрты поставить сорок человек с ножами. Пришел Идыгэ; ему подали вино, он выпил и опьянел. Цанпай в это время был вне юрты. Думает: как дать знать ему о предстоящей опасности? Он разорвал шелковый платок, связал половину его в узел, опустил сначала в воду, а потом бросил в Идыгэ. Оглянувшись Идыгэ, видит, у Цанпая слезы текут по бороде. Идыгэ понял, увидел засаду и убежал не через дверь, за которой стояли сорок человек с ножами, а через войлочную кровлю юрты; он бежал с сорока товарищами. Бывшие в юрте, заметив исчезновение Идыгэ, бросились в двери; их встретила засада и перебила ножами. Тохтамыш велел искать между убитыми труп Идыгэ, но его не нашли. Пуще опечалился

царь, велел ехать в погоню за Идыгэ. Ему сказали, лучше всего послать Цанпая, он друг его: его Идыгэ лучше послушает.

Цанпай приехал к реке Эдилю; Идыгэ уже на той стороне с сорока товарищами варят в котле пищу под густым тополом. Цанпай, стоя на другом берегу, поет: “Воротись, друг Идыгэ, хан тебя зовет; есть для тебя желтая чашка пить кумыс, края которой тонки, как губы княгини, вернись и выпей!”. Идыгэ отвечает: “Не вернусь за Эдиль; я не хочу пить из желтой чашки, края которой тонки, как губы княгини; у меня на губе прыщ!”. Цанпай опять поет: “Князь дает тебе коня, зубы которого, как луковицы, чолка украшена, как (коса) у девицы, хвост гребнем, как у тигра; вернись!”. Идыгэ отвечает: “Не вернусь; не могу поехать на коне, у которого зубы, как луковицы и пр.; у меня сзади на теле вскочил прыщ!”. Цанпай продолжает: “Тебе суждена в жены дочь Sattimirkan’a; она по тебе от тоски пожелтеет; вернись!”. Идыгэ отвечает: “Пусть она пожелтеет, я об этом не печалюсь!”. Цанпай вернулся к Тохтамышу, Идыгэ с сорока товарищами поехал к Саттимиру. Дорогой он наехал на следы; поехал ими и наехал на русского богатыря Анисима, который увез дочь Саттимира. “Ты что умеешь делать?” — спрашивает Анисим у Идыгэ. “Умею варить”, — говорит тот. Начал Идыгэ варить, а Анисимовы люди приносят ему воду. Однажды Анисим спит; Идыгэ послал сорок Анисимовых людей за водой, а сам, приподняв подол палатки, натянул лук и убил Анисима. Пошел посмотреть, почему замедлили водоносы; они разделились на две партии и дерутся — одна за Идыгэ, другая за Анисима. Идыгэ перебил сторонников Анисима и повез девицу, находившуюся в плену у Анисима, к ее отцу Саттимиру. Саттимир отдал ее замуж за Идыгэ. Она говорит Идыгэ, что три месяца жила с Анисимом и беременна, возьмет ли ее Идыгэ после этого. “Распорите брюхо у моей верблюдицы, — сказала она, — и вы убедитесь!” Убили верблюдицу, нашли в ней трехмесячного верблюжонка и поверили царевне; Идыгэ взял ее замуж. Она родила сына; дали ему имя Мырадыл (Myradil). Идыгэ сделал колыбель, выложил ее шелком, обернул ребенка соболями. Когда мальчику стало десять лет, Идыгэ поехал с ним мстить Тохтамышу. Сделали сорок знамен и обставили ими палатку хана. Хан, проснувшись утром, увидел знамена, подумал, что сорок князей подступили, и убежал на коне Коянпосе (Kojanpos).

У Тохтамыша было две дочери; старшую из них взял себе Идыгэ. Мырадыл спросил, есть ли хорошая лошадь. Ему указали на кобылу, мать коня Коянпоса. Мырадыл сел на нее и поехал преследовать Тохтамыша. Тохтамыш, одолеваемый жаждой во время бегства, захотел пить; он увидел старика и старуху, живших на берегу реки, и попросил у них напиток. Они сказали, что у них есть немного кумыса. Тохтамыш вошел в юрту; выпил одну чашку, потом другую, а потом и третью; ему стало жарко, и он снял кольчугу. Тогда старик увидел едущего Мырадыла и сказал об этом хану. Тот схватился, сел на Коянпоса и убежал. Приехал к юрте старика Мырадыл, выпил три чашки, увидел ханскую кольчугу и погнался за Тохтамышем. Когда он догнал хана, стали биться копьями, и Мырадыл убил Тохтамыша. Потом он отрубил у хана голову, привез ее к его женам и спросил их: “Это не Тохтамыша ли, вашего мужа, голова?”. Жены узнали голову и похоронили ее. Мырадыл вернулся к отцу, Идыгэ обеих дочерей Тохтамыша сделал своими женами. Мырадыл сказал: “Младшую из сестер я хотел взять”. Взял домбру³⁹⁶, заиграл на ней и ударил домброй отца в глаз: Идыгэ окривел. Тогда Идыгэ сказал: “Мырадыл, Мырадыл! Когда ты родился я сделал железную колыбель; боковые ее доски я сделал из серебра; самого тебя обволол в шелковые пеленки; подумавши, что шелковые будут жестки, черным соболем повил тебя. Теперь ты вышиб глаз своему отцу, подобному Мекке! Как ты смоешь свой грех?”. Мырадыл отвечал: “Хотя я и вышиб Меккоподобному отцу своему глаз, но я этот грех трижды переверну и смою его!”. Мырадыл стал князем вместо Тохтамыша. У Тохтамыша была еще дочь; у нее был сын Исмаил, выкормленный в городе другого народа. Исмаил поехал мстить Мырадылу за своего отца. Он заказал сковать сорок ножей; острия их были отравлены. Он приехал под видом купца, разостлал ковер, под которым скрыл ножи, и пригласил Мырадыла. Мырадыл сел на ковер; ножи вошли в его тело, но он молчит. Яд стал действовать, Мырадыл стал слабеть. Исмаил спрашивает Мырадыла, как он убил его отца. Мырадыл рассказал, как он преследовал и убил Тохтамыша в местности Toshtok, как отрубил ему голову и привязал ее сзади седла, но начал бояться, чтоб она не упала, взял ее в руки

³⁹⁶ Домбра — балалайка.

и привез в подарок ханшам. Исмаил отрубил Мырадылу голову, взял ее в руки и поднес в подарок своим бабушкам. Ее похоронили вместе с головой Тохтамышша.

2. *Вариант из деревни Улукан.* Был князь Токтамыш. Он пошел в мечеть и на пути нашел в сапоге мальчика. Он дал ему имя Идыгэ (Idaga). Когда мальчику минуло семь лет, его отдали в школу. Когда он приходил домой и приветствовал, хан вставал, чтоб отдать приветствие, но он сам не знал, что делает это. Жена заметила это и сказала ему. Хан поверил ей только после того, как жена пришила подушку к его платью. Хан спросил своих вельмож, что бы это значило, что он перед Идыгэ встает; один предсказатель объяснил хану значение этого явления. “Это дитя убьет тебя”, — сказал он. Хан задумал погубить Идыгэ, но он боится, что его люди не справятся с Идыгэ, поэтому он придумал отравить его. Токтамыш имел слугу Джанбая (Janbai); Джанбай предупредил мальчика; он сказал ему: “Хан хочет убить тебя. Когда тебе подадут яд, я ударю тебя по руке, и ты беги!”. Хан собрал людей на пир; начали пить. Подали и Идыгэ вино с ядом. Джанбай ударил его. Идыгэ не стал пить и убежал. Он прибыл в город Чингиса (Tschygyg) и женился на его дочери; у него родился сын Мырадым (Myradym). Мырадым поехал к Токтамышу и влюбился в его дочь. После поединка с Мырадымом Токтамыш бежал; Мырадым отвез свою невесту к своему отцу, а сам погнался за Токтамышем, убил его, взял Джанбая и вернулся домой; во время его отсутствия его отец Идыгэ женился на дочери Токтамышша. Мырадым, не сходя с лошади, дождался, когда отец выйдет из юрты, выстрелил по нему и вышиб ему глаз. Испугавшись своего поступка, он бежал к Аксактемиру (Aksak Temir) и прожил у него два года. Джанбай советует Идыгэ примириться с сыном. “Если будет война, — говорит он, — ты один куда годишься?” Идыгэ согласился и посылает к сыну пять послов, в том числе и Джанбая. Послы приглашают Мырадыма вернуться к отцу. Мырадым говорит: “Когда я сержусь, я не говорю дурных слов. Из желтой чашки с тонкими краями я не ем оставшуюся пищу”. Послы уговаривают его: “Если ты подожжешь сухую траву³⁹⁷, где найдешь стоянку? Если в воду напус-

³⁹⁷ То есть если пустишь пал — степной пожар.

тишь крови, где найдешь воды напиться? Если опозоришь Капика, как можешь обнять ее? Выбивши отцу глаз, куда пойдешь, чтобы смыть свой грех?". Мырадым отвечает, что он поедет в Мекку и проживет там три года. Послы задают вопрос: какое первое зло? И сами же отвечают: не знать Бога. Так следуют один за другим десять вопросов. Девятое зло: оставить дитя птицы Турбала в гнезде плачущим. Десятое зло: оставить в слезах девицу Кэникэ. После этого Мырадым возвращается к отцу. Отец встречает сына упреками; сын с покорностью выслушивает их.

3. *Саргатский вариант.* Тут записаны, как сказано выше, только одни стихи, которые говорят Токтамыш, Мыратым и Ченбай (Tschanbai). Разговор кончается словами Мыратыма (Mugatym): "Если я испортил лошадь, я другую лошадь найду! Если я в Idil³⁹⁸ крови напустил, я выпью меду! Если я окрасил меч кровью, я обмою его молоком! Если заставил Капика плакать, другую красавицу обойму! Если я глаз отцу вышиб, я отправлюсь к Каабе!".

С расселением тюркской орды на запад сказка об Идыге должна была появиться в степях Южной России, и в самом деле, если мы здесь не находим ее записанною в полном составе, то встречаемся с отголосками ее.

Кундровские татары (в Астраханской губернии) считают своим древнейшим правителем Эдыге (Вест. Русск. геогр. общ., 1851. С. 4. Т. 2). Ногайцы, кочевавшие к востоку от Волги, в XVI столетии делились на три орды, из которых каждая имела во главе своей одного из трех братьев, потомков Едигея (Перетяткович. Поволжье в XV и XVI веках. М., 1877. С. 135). У ногайцев, кочующих при северной подошве Кавказа, сохранилось более полное предание о Идыге. Ногайцы помнят, что отец его назывался Кутлукай, мать его была Албасты³⁹⁹. Женильба Кутлукая на Албасты

³⁹⁸ Idil — Волга.

³⁹⁹ В киргизских версиях, собранных Чоканом Валихановым (Живая старина, 1891. В. 4. С. 57–62), отец Идыгея или святой Баба-токты-чачты-азиз (Баба-такты-чакли-азиз), или потомок этого святого в девятом колене Кутлукия (в хрестоматии Хальфина, изданной в Казани в 1822 г., Кутлукеба); в последнем случае сын Кабатукласа называется Термеул или Тер-

состоялась при следующих обстоятельствах. Кутлукай застрелил в лесу человека; это был муж Албасты по имени Агачанглы (так называются мужья у албасты). Идя по следу крови, Кутлукай пришел к скале, у которой Албасты плакала над убитым мужем. После этого Кутлукай и Албасты стали жить вместе. У всех албасты в правом боку есть отверстие, в которое видна вся внутренность тела. Албасты запретила Кутлукаю смотреть на ее тело; но он не удержался и у спящей взглянул на ее правый бок; после этого он должен был оставить ее у скалы и вернуться в аул. Впоследствии Албасты родила мальчика, принесла его в аул, положила на землю, произнесла его имя Идыге и удалилась в лес (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. XVII, отд. II. Статья М. Алейникова “Поверья ногайцев”, с. 7–9). Это, очевидно, только начало сказки об Идыге. Может быть, впоследствии кто-нибудь запишет у ногайцев и полный сюжет сказки об Идыге⁴⁰⁰.

Кроме этих преданий о Идыге мы за отголоски той же сказки принимаем предание о ногайском хане Тохте, сохранившееся в летописях. См. об этом в нашей статье “Тема об усеченной голове в орде” (Этногр. обозр. Кн. XVI. С. 90). Тохта ведет войну с Ногаем; Ногай убит в 1300 г., и голова его привезена к Тохте. Тут мы видим перестановку имен; не у Ногая следовало бы отрубить голову, а у Тохты, имя которого можно принять за имя Тохтамыш, лишенное конца.

Позже в степях Юго-Восточной России мы встречаемся с историческими именами: Тохтамыш и Идыге. Эти лица стоят в том

мы. Башкирские известия о Бабатуклясе сообщил недавно г-н Юдин в ст. “Развалины древнего города в Уфимской губ.” (Исторический вестн., 1895. Т. LXI. С. 151). На р. Ислаке, близ деревни Нижние Термы, есть развалины; по преданию башкир это дворец Турахана, потомка Чингисхана, который сюда прикочевал из царства сибирского Кучума. У Рычкова в его “Оренб. топор.”, 1887. С. 373. Задолго до покорения Казани, здесь (т. е. на Ислаке) был город; последний владелец его Тирыбаба ту Ключов жил в нем зимой. В делах Оренбург. центрального архива, добавляет г-н Юдин, он называется Искур Бабату Кулясов.

⁴⁰⁰ Из Туркестана имеем такое известие, сообщенное г-ном Радловым (Зап. Рус. геогр. общ. по этногр. VII. С. 67): “В числе поколений близ Ташкента и других городов Туркестана есть поколение Курулас, народ героя Идэгэ-би, победившего Тохтамыш-хана”.

же отношении, как и в сказке. Тохтамыш — хан Золотой Орды (1378—1396), Идыге его военачальник. При сличении исторических данных с сюжетом сказки неизбежен вопрос: как объяснить появление тех же имен в соответственных взаимных отношениях, как в сказке, так же и в истории? Не будет ли простым ответом на него предположение, что сказка заимствовала свои имена у истории? В первоначальной своей редакции сказка могла иметь другие имена, которые подставились потом историческими именами Тохтамыш и Идыге. Однако разбор относящихся сюда данных не позволяет так просто решить этот вопрос. Ниже мы вернемся к этому вопросу.

В статье “По поводу новых привлечений к былине о Добрыне” (Этногр. обозр. Кн. XXII. С. 56—60) я указал уже на параллели, встречающиеся в сказке, во-первых, с историей Саула и Давида, во-вторых, с летописным преданием о Чингисхане. Здесь излишне будет подробно повторять сказанное там; достаточно вкратце напомнить сделанные сближения. Идыге соответствует Давиду библейского рассказа; он такой же овечий пастушок, приглашенный на службу к царю. В тюркской сказке отсутствует только мотив этого приглашения — болезнь Саула, припадки бешенства и способ лечения от этой болезни, игра на струнном инструменте. Тохтамыш отвечает Саулу, Сафардау — Самуилу, а Джанбай — Ионафану. Тохтамыш также тайно собирается убить Идыге, как Саул Давида; ему так же, как и Саулу, отрублена голова; дряхлый Сафардау, подобно престарелому Самуилу, предсказывает гибель царя, а Джанбай предупреждает Идыге об опасности, так же, как Ионафан предупреждает Давида. Подобно Давиду, Идыге спасается бегством⁴⁰¹; Давид выскакивает из своего дома в окно, Идыге вы-

---

⁴⁰¹ Джанбай, подобно Ионафану, предупреждает своего друга об опасности не речью, а условными знаками; он бросает в него тряпку, Идыге обращает к нему свои глаза, видит слезы, текущие по его лицу, и догадывается об опасности. Сходный инцидент в сказке качинских татар. На левой стороне р. Абакан жили семь братьев богатырей; родители завещали им жениться поочередно, начиная со старшего; у братьев потерялся конь (это, может быть, сказка о семи звездах Большой Медведицы; ср. с рассказом об этом созвездии, записанным г-ном Бигловым и напечатанным мною в “Танг.-тиб. окраине Китая”. II. 319). Старший брат поехал искать коня, заехал в гости к какому-то князю, увидел красавицу княжну, засмотрелся и был брошен в

летает в дымовое отверстие юрты. Отклонение тюркской сказки от библейского рассказа замечается, между прочим, в том, что сказка убиения Тохтамыша приписывает сыну Идыге; в библейском рассказе смерть Саула приписывается не сыну Давида, а постороннему лицу. Темы, связанные с сыном Давида, Соломоном, все-таки включены в сказку, но приурочены не к сыну Идыге, Мырадылу, а к самому Идыге. Мы разумеем “мудрые суды” Соломона. Рассказ о двух матерях, оспаривавших одного ребенка, в барабинском варианте заменен рассказом о верблюжонке, а в киргизском сохраняет библейскую редакцию. Эта последняя тема, по-видимому, была распространена в Средней Азии; отголоски ее встречаются в одной якутской сказке и в одной тибетской легенде.

В якутской сказке этот мотив изменился в оспаривании жены; два человека предъявляют свое право на одну и ту же женщину; мужу делается предложение разрубить женщину пополам; он отказывается (Очерки Северо-Западной Монголии. IV. 639). Лжепретендент на женщину носит имя Арджиманджарджаман. Первые слогги этих членов: арджиджарджа напоминают монгольское имя Арджиборджи, связанное с соломоновскими темами (см. А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне. СПб., 1872). В тибетском предании о Лассе, т.е. в тибетской обработке сюжета о построении храма (с подробностями из саги о Соломоне), записанном мною в последнее путешествие, оспаривается ребенок двумя женщинами, т.е. так же, как и в библейском рассказе, но нет предложения разрубить спорный предмет пополам, как в якутской сказке. Решается вопрос предложением дать ребенку чашу с вином; он поднесет вино своему родному отцу.

Эпизод барабинской сказки о Цанпае с двумя верблюдицами может быть сочтен за видоизменение апокрифического рассказа о поисках исчезнувшего из дворца Соломона. Подобно тому как

подземелье; подобная участь постигла и всех других братьев, кроме младшего; этого львица полюбила, сделала ему знак, чтоб он следовал за нею, и велела ему скрыться, иначе она не будет его женою. Он спрятался в волчью нору. Братья потом освобождены; младший брат женился на девице и за то, что нарушил отцовское завещание, обращается в камень (Изв. Русск. геогр. общ., 1884. Т. XX. В. 6. С. 635—639. ст. Каратанова “Черты внешн. быта качинских татар”).

дядька Ачкил, отыскивая Соломона, испытывает мудрость встречающихся юношей, так, может быть, оспаривание верблюжонка было первоначально не что другое, как придуманный Цанпаем способ испробовать мудрость Идыге. Детство Идыге напоминает апокрифическую историю Соломона; Соломон был осужден своей матерью на смерть, но он не был убит, а только выброшен в поле. По одной записи он был найден подброшенным на гумне в солому, откуда и имя его Соломон (Очерки Сев.-Запад. Монголии. IV. 888; Живая старина, 1895. Вып. 2. С. 212); в татарской сказке у г-на Радлова (Radloff. Proben. IV. 358) подобное рассказывается о мальчике, который от соломы получает название Саламджа. Вероятно, и барабинская сказка первоначально рассказывала, что Идыге был выброшен в поле или врагом его матери, или ею самой. Подобные версии и в самом деле мы находим в преданиях об Идыге. В ногайской сказке, как мы видели, мать подбрасывает ребенка в аул, в котором живет ее муж, отец ребенка. В киргизской версии, записанной Чоканом Валихановым, удаляющаяся мать бросает ребенка под стенами города Кумкента; находит его отец по указанию матери (Живая старина, 1891. В. 4. С. 158).

По ногайской версии брошенного ребенка находит отец (Кутлукай)⁴⁰². В барабинском варианте — какой-то старик, не состоящий в родстве с ребенком. В варианте из татарской деревни Улукан ребенок найден самим ханом Токтамышем. Сводя этот вариант с ногайским, можно сделать заключение, что Токтамыш был отец Идыге. На это намекает, пожалуй, и имя отца в некоторых киргизских вариантах: Тухты.

Эти соображения расчищают путь к догадке, что в истории детства Идыге мы имеем сюжет вроде апокрифического рассказа о детстве Соломона. Подобно Соломону — так можно предполагать — Идыге, сын Тохтамыша, был выброшен матерью в поле. Он по-

---

⁴⁰² Отец же находит брошенного ребенка и в бурятском сказании о предке Булагате (отец Буханоен — бык-князь) и в калмыцкой о предке Поросе (отец Бохан — шаман-царь). Литература о Буханоене указана мною в книге "Тангутско-тибетская окраина Китая. Сиб.", 1893. Т. II. С. 255: о Бохане и Цоросе см. у Палласа. Sammlugen. I. 32.

добран чужим человеком⁴⁰³; Тохтамыш, отец, посылает Цанпая отыскивать сына. Цанпай, подобно Ачкилу, открывает Идыге по признакам его мудрости⁴⁰⁴.

Мы уже говорили в упомянутой статье, что нахождение библейских тем в тюркском фольклоре можно объяснить заносом их в Сибирь с мусульманской письменностью. Но сопоставление тюркских сказок об Идыге с летописным сказанием о Чингисе, кажет-

---

⁴⁰³ Параллели к этой теме находим в Гэсэриаде Гэсэр в бурятском варианте (Танг.-тиб. окраина Китая. II. 67) брошен матерью в степи; его находит Сарагалноен-хан и везет его домой; дорогой Гэсэр ведет себя дурно и пачкает платье хана, так что хан замучился с ним и не знает, как его держать и где его поместить. Не те ли же самые краски были и в барабинской сказке, но опущены рассказом ради опрятности; старик сначала поместил Идыге за пазухой, но нашел это неудобным и сунул ребенка в сапог (подальше от своего носа²).

⁴⁰⁴ Разыскивание заброшенного мальчика рассказывается в предании о Чандрагунте (Минаев. Индейские сказки. Журн. Мин. нар. просв., 1874, ноябрь. С. 77–78). “Когда Чандрагунте было восемь лет, он играл с малолетками, сам был царем и раздавал кому деревню, кому целую страну, кому начальство над крепостями”. Чанакия, который за то, что доставил беременной матери Чандрагунты возможность “выпить луну” (молоко, в котором отразилась луна), получил обещание, что ожидаемый ребенок будет отдан ему, странствовал, отыскивая родившегося мальчика. Увидав мальчика, играющего в царя, он просит подарить ему что-нибудь. Тот говорит: “Дарю тебе всех этих коров!”. “Эти коровы чужие, как же я могу их взять”, — возражает Чанакия. “Кто способен, тому принадлежит земля”, — ответил ему Чандрагунта (луной хранимый). Чанакия, пораженный этим ответом, догадывается, кто такой этот мальчик, берет его и начинает борьбу с царем Нанда, отцом мальчика, по повелению которого мальчик был выброшен и должен был погибнуть. Сличением с тюркской сказкой и монгольским сказанием о Чингисхане Чанакия приравнивается к Цанпаю, Чандрагунта к Идыге и Чингису, а царь Нанда — к Тохтамышу и Ванхану кирейскому. Разыскивание мудрой личности мы находим также в тюркских сказках о Джиренше, который отыскивает мудрую невесту для своего сына (Radloff. Proben. I. 197, IV. 201). Имя Джиренше киргизы ставят в связь с ханом Джанибеком; это был мудрый визирь при Джанибеке (Очерки Сев.-Зап. Монголии. В. 1. С. 158). Не стояли ли эти имена, Джиренше и Джанибек, в ином отношении друг к другу? Именно, не было ли рассказа о том, что Джанибек служил при Джиренше, доставал для него невесту вроде того, как в тибетской легенде Свардамбо добывал невесту для царя Сронцзона²?

ся, должно отодвинуть дату несколько дальше. Правда, мусульманство во владениях Чингиса древнее XIII столетия, в котором жил этот монгольский хан, но едва ли сказание о Чингис-хане сложилось так поздно; вероятно, оно уже существовало задолго до появления в истории этой личности и только перенесено на него после того, как он выдвинулся из рядов обыкновенных людей. Но если устранить мусульманскую гипотезу, все-таки можно выводить эти темы из библейского источника; они могли быть принесены на Восток с несторианством, которое существовало в Китае уже при Танской династии в VI—VIII веках. Впрочем, для некоторых отдельных черт из этого сюжета, особенно тех, которые могут быть сближаемы с христианскими апокрифами, возможно допустить и независимое от христианского и мусульманского влияния происхождение.

Сопоставлением сказки об Идыге со сказанием о Чингисе мы займемся подробнее.

Оба, и Идыге, и Чингис, найденыши в поле. О Чингисе народное устное, живущее теперь в степях предание говорит, что он был найден младенцем, лежащим в степи под деревом. Книжное сказание не знает этого, но можно следы такой темы видеть в занесенных в летопись о походах Чингисхана рассказах о найденныхшах, подобранных в степи. Летопись Юань-чао-ми-ши знает четыре таких случая: 1. Когда мэркиты бежали, то покинули в своем становище пятилетнего мальчика по имени Кюйчу, в собольей шапке и в сапогах из оленьих лап; ратники прибрали этого мальчика и подарили матери (Чингисхана) Хоэлунь (Труды Пекинск. духовн. миссии. IV. 57). 2. Когда Чингис проходил через кочевье дайичиутов, последние, испугавшись, поднялись с места и в ту же ночь ушли. В становище они покинули одного мальчика по имени Кокочу; ратники Чингиса взяли его и отдали Хоэлунь на воспитание (*ibid.*, 59). 3. Когда войско Чингиса овладело лагерем татар, то подобрали в нем одного мальчика с золотым кольцом в носу и соболиным набрюшником с золотыми кистями; его отдали матери Хоэлунь; она сказала: “Верно, он из какого-нибудь знатного дома”. Дав ему имя Шигиканьхудуху, она сделала его своим сыном (*ibid.*, 67). 4. Один из ратников нашел в лагере племени чжурки мальчика по имени Бороул и отдал матери Хоэлунь (*ibid.*,

68). Все четыре рассказа кончаются одинаково: ратники передают найденного мальчика матери Хоэлунь; такое однообразие может быть объяснено предположением, что все четыре рассказа — повторение одной и той же сказочной темы; все они представляют начало сказки вроде Идыге; в тюркской сказке старик находит в степи Идыге и отвозит его к своей жене на воспитание; в рассказах монгольской летописи “мать Хоэлунь” отвечает этой жене старика. Может быть, даже эти четыре рассказа под именем Кокочу, Кюйчу, Шигиканьхудоху и Бороул понимают самого Чингисхана; они не что иное, как четыре варианта начала той сказки о Чингисхане, в дальнейшем изложении которой о Чингисе передавалось то же, что тюркская сказка рассказывает об Идыге ⁴⁰⁵.

Имя Кокочу встречается и еще раз в монгольской летописи; его носит шаман, соперник Чингисхана, имеющий еще и другое имя: Тубуттэнгри. На смешение этих персонажей — Чингисхана и Тубуттэнгри — мы уже указывали в статье “Легенды об Асоке и предание о Чингисхане” (Этн. обзор. Кн. XXIII). Можно думать, что подобный же обмен был и с именами Чингисхан и Кокочу⁴⁰⁶.

Отец у Идыгэ в некоторых вариантах сказки называется Бабатуклас или Бабатукты; мы выше высказали догадку, что Тохтамыш, при дворе которого служит Идыгэ, не кто иной, как его отец, т. е., Бабатукты и Тохтамыш одно и то же лицо. Сказание о Чингисе называет его отца Есугаем (Есугай, Исуге, Исунке); эсэгэ, эцэгэ по-монгольски — отец; можно подумать, что Есугай не собственное имя, а нарицательное и что отец Чингиса носил какое-то другое имя и именно более похожее на имя отца Идыге. И в самом деле форма, сходная с именем отца Идыге, встречается в преданиях о Чингисе; так, например, в киргизской сказке мать Шингыса (т.е. Чингиса), беременная им, заточенная в ящик, была

---

⁴⁰⁵ Одна из четырех форм, именно Кюйчу, кажется, и теперь еще сохраняется в тюркской сказке об Идыге; в тарбагатайском варианте, который мы здесь печатаем, Идыге носит еще другое имя Койчубай (см. выше).

⁴⁰⁶ Подобная форма связывается с темой о покинутом ребенке и в одном киргизском предании, именно о Ергокчу, предке поколения Уак. Он был во время бегства племени забыт в золе очага и потом найден (Очерки. II. 158). Ергокче встречается и в Гэсэриаде; это соперник Гэсэра (Schmidt. Die Thaten. 258).

опущена в море; братья Тохтугул и Дондугул причаливают ящик к берегу; освобожденная женщина достается Тохтугулу; она родит ему сына Шингиса (Radloff. Proben. III. 86). Таким образом, мы находим форму “тохту” в имени отчима Чингиса. В монгольских книжных сказаниях эта форма также встречается; мы имеем тут имя Тухтабики; так называется хан меркитов, враг Чингисхана.

Так как сказание о Чингисхане имеет аналогию со сказкой о Идыге, то можно догадываться, что Тухтабики в некоторых древних сказках о Чингисе играл ту роль, которая в тюркских сказках принадлежит Тохтамышу, а в дошедшем до нас предании о Чингисе этот персонаж замещен Ванханом кирейским. И если Тохтамыш действительно отец Идыге, то те же отношения нужно перенести и в сказание о Чингисе. Чингис был сын хана Тухтабики по одному варианту и Ванхана кирейского по другому.

Вторую параллель между сказкой о Идыге и преданием о Чингисе представляет рассказ предания о заговоре Вана на жизнь Чингиса. Тохтамыш затевает убить Идыге; Ван кирейский хочет заманить к себе Чингиса с целью убить его. Идыге предупрежден об опасности человеком, который приготавливал для хана кумыс и вино; Чингису выдана дворцовая тайна человеком, который ее подслушал, когда вносил к заговорщикам кумыс (Юань-чао-миши в “Трудах Пекинск. духовн. миссии”. IV. С. 86). Предупрежденный Идыге ускользает незаметно из юрты через верхнее дымовое отверстие ее; с Чингисханом дело было иначе. Он получил известие об опасности, когда ехал к Ванхану по его приглашению, и вернулся с полпути домой; это спасло его. Но намек на другую редакцию, более близкую к тюркской сказке, как нам кажется, остался-таки в монгольском предании. Мы видим его в рассказе о шамане Тубуттэнгри; он был убит по приказанию Чингиса и положен в скутанную юрту, но тело его исчезло из юрты, хотя двери остались запертыми. Может быть, в этом эпизоде не только имя шамана перенесено на него с Чингисхана, о чем мы уже говорили в другом месте (см. выше⁴⁰⁷), но и тема.

---

⁴⁰⁷ О существовании преданий о каком-то знаменитом шамане Чингисе (Хаджир Чингис-тэнгри — сын неба) см.: Банзарова. Черная вера, 1891. С. 12 и 78.

За побегом Идыге сказка рассказывает о Цзанпае или Джанбае, догоняющем Идыге и вступающем с ним в разговор. Беседа эта передана стихами; благодаря этому обстоятельству разговор этот должен был лучше сохраниться в памяти рассказчиков. В сказании о Чингисе рассказа о погоне нет. Чингис удаляется и прячется, но потом собирает свои силы и переходит в наступательное движение. Но в летописи Юань-чао-ми-ши (Труды Пекинск. духовн. миссии. IV. 86) все-таки сохранился рассказ о переговорах Чингисхана с Ваном, который как будто стоит на месте рассказа о переговорах Идыге с Джанбаем. Разница, однако, в том, что в монгольском рассказе не Ван посылает посла к Чингису, как бы следовало для совпадения с тюркской сказкой, а Чингис посылает двух послов (Архайхасара и Сюегэгайчжэуня) к Вану. Характер речей тоже другой; в тюркской сказке Джанбай старается примирить Идыге с Тохтамышем заманчивыми обещаниями; в монгольском рассказе послы Чингисхана осыпают Вана жалобами на его несправедливость к Чингису. В обоих рассказах посольство оканчивается ничем. Хотя Ван торжественно раскаивается в своем поведении, сознается, что он поступил неблагодарно, и клянется, что не будет вредить Чингису⁴⁰⁸, последний все-таки неожиданно нападает на него и заставляет бежать.

В тюркской сказке первые страхи Тохтамыша перед будущим превосходством Идыге возбуждены его женами; в предании о Чингисхане этой темы нет; но и здесь недоверие Ванхана к Чингису навеяно со стороны; оно возникло сначала в голове сына Ванхана, Санкуня, который потом уговаривает своего отца заблаговременно погубить Чингиса. Не перенесена ли эта роль на Санкуня с

---

⁴⁰⁸ Тут в Юаньчаомиши интересная подробность. Выслушав упреки послов Чингиса, Ван сказал: "Я не должен был бы расходиться с сыном моим Темучжином (т.е. Чингисом), а разошелся" и затем порезал ножом мизинец на своей руке, текшею из него кровью наполнил маленький берестяной бурочок и сказал: "Когда я буду лиходеить сыну моему Темучжиню, то пусть буду так исколот!". С этими словами он отдал эту кровь посланцам, которые и принесли ее к Чингису. В тарбагатайском варианте сказки об Идыге ви-зирь Тохтамыша Джанбай и Эдигэ заключают дружбу и совершают сходный обряд: надрезают жилы на руках, спускают кровь в чашку и эту смешанную кровь выпивают (см. выше).

жены Вана⁴⁰⁹? По совету Санкуня Ванхан хочет обманом зазвать Чингиса к себе в гости; он притворяется, будто хочет выдать за него свою дочь замуж, и пригласил его приехать. Когда приедет, ханские слуги убьют его. В тюркской сказке такого оборота нет; в библейском рассказе тоже нет, но Саул выдал дочь за Давида; Чингис тоже женился на дочери Вана, но уже после его смерти.

Убежавший Идыге спасся за какой-то рекой, Джанбай догнал его, но за реку не поехал; он обратился к Идыге с речью, оставаясь на другом берегу реки; странно, почему он не переехал на другую сторону. Объяснение нужно искать или в том, что тут что-то недосказано и что в полной редакции, или река прибыла к тому часу, когда подъехал Джанбай, или она внезапно явилась; такие покровительствующие реки встречаются в сказках и легендах. Орхон пропускает убегающих халхасцев, но поднимает свои воды, когда через него хотят двинуться преследующие халхасцев олеты (Живая старина, 1891. В. III. С. 238; Очерки Сев.-Зап. Монголии. IV. 410; Танг.-тиб. окраина Китая. II. 310). В египетском романе о двух братьях, отголоски которого мы находим в монгольском сборнике сказок “Шиддикур”, когда Анпу или Анебу гнался за своим братом (Битью или Сату)⁴¹⁰, вдруг их разделила внезапно явившаяся река. Может быть, и в сказке об Идыге было что-нибудь подобное; река, которая отделяла Цанпая или Джанбая от Идыге, может быть, возникла в момент приближения Джанбая.

Времени от бегства Идыге до возвращения его с целью отомстить Тохтамышу в сказании о Чингисе отвечает время, проведенное Чингисханом на озере Балчжуна (Труды Пекинск. духовн. миссии. IV. 95). В монгольской летописи смена событий такая. Чингис, получив известие об угрожающей ему опасности, бросив домашний скарб, бежал к горе Маоуньдур. Здесь происходит битва с Ваном; Чингис одерживает победу, но уходит с поля сражения. Затем следует рассказ о послах Чингиса. Потом Чингис откочевывает к озеру Бальчжуна и здесь, по-видимому, выжидает удобный момент

⁴⁰⁹ В одной монгольской сказке есть женское имя Санхоничечек (Очерки Сев.-Зап. Монголии. IV. 386).

⁴¹⁰ В “Очерках Сев.-Зап. Монголии” (IV. 237) один из братьев называется Бамбащиту, другой — Дзулдзук.

для нападения на Вана. Получив известие, что Ван пирует и не принимает никаких мер предосторожности, Чингисхан идет против него с войском безостановочно день и ночь в течение трех суток и внезапно нападает на становище Вана (Труды Пекинск. духовн. миссии. IV. С. 95). Бальчжуна (у Рашид-эддина Балджиуна) было, вероятно, пустынное место, малодоступное для большого войска вследствие недостатка воды. Здесь к Чингисхану собрались его сторонники; Рашид-эддин говорит (II, 133): “община их была малая”; очевидно, немногие решились разделить с Чингисханом это печальное скитание в пустыне. Зато впоследствии участники кочевания в этой местности, пившие вместе с Чингисом “грязь озера Балчжуны”, пользовались у него особой благосклонностью и в отличие от других сподвижников назывались “балчжунту”. Идыге во время своего скитания в степи женится. Он встречает русского богатыря Анысима (или Чуюнгугака), который увез дочь Саттимира. Идыге поступает в кашевары к Анысиму, потом убивает его и отвозит пленную девицу к ее отцу Саттимиру, а отец отдает ее замуж за Идыге. Этот эпизод в сказании о Чингисе приравнять не к чему; о Чингисе нет рассказа, чтобы он во время пребывания на озере Балчжуна женился. Тем не менее в эпизоде об Идыге на Адиле можно указать на отношения тюркской сказки к монгольскому сказанию. Сказка дает нам двух соперников: Идыге и Анысима; первый убивает второго. Идыге мы отождествляем с Чингисом, а противником Чингиса является Ванхан. Отсюда вытекает тождество Анысима с Ванханом. Покойный Березин, переводчик “Истории монголов” Рашид-эддина, сделал сближение между Ванханом, современником Чингиса, и Онсомом сибирских летописей (Труды Вост. отд. археолог. общ. Ч. XIII. С. 313). Сибирская летопись говорит, что простой татарин Чинчий убил сибирского хана Онсома; Березин видит в этом рассказе эпизод из монгольской истории: Чинчий — это Чингис, Онсом — Ванхан. Этот-то Онсом, как мы уже в других случаях высказывали предположение, и явился в тюркской сказке под именем Анысима. При таком толковании женитьба Идыге на вдове убитого Анысима должна бы в монгольском сказании явиться в виде рассказа о женитьбе Чингиса на вдове Ванхана; Чингис женится на дочери Ванхана, а не на вдове; но в том же рассказе (т.е. в “Юань-чао-

ми-ши”) Чингис воюет с другим ханом, Таянханом, и, одержав над ним верх, берет за себя его жену Гурбесу. По нашему мнению, Таянхан — сказочная личность, и история его может быть принята за повторение истории о Ванхане. Поддержка предположению, что о Чингисе был рассказ, что он женился на вдове Вана, может быть, заключается в предании о том, как Чингис насильственно овладел женой царя Шидургу по имени Гурбельджингоа. В статье “Акирь повести и Акирь легенды” (Этногр. обозр. Кн. XXV. С. 123) мы указали на отношения к Шидургу устных монгольских преданий о Шидырване. Эти последние, может быть, представляют рассказы о Шидургу, не попавшие в письменные памятники.

Сюжет же, соединенный с именем Шидырвана, напоминает Вана кирейского; Шидырван, подобно Вану, составляет заговор, который выдан изменником, и Шидырван, подобно Вану кирейскому, поплатился жизнью. Если Шидургу действительно тождествен с Шидырваном и Ванханом, то в истории Шидургу мы имеем повторение рассказа о Чингисхане, отбирающем жену у Ванхана.

Конец сказания о Чингисхане и Ване также представляет сходные черты с тюркской сказкой.

Идыге после нескольких лет, проведенных за рекой Идиль, возвращается к Тохтамышу, чтобы отомстить ему. Тохтамыш обращается в бегство, сходит с лошади, чтобы утолить свою жажду, и вслед за тем его убивают; отрубленная голова его отвезена к его женам. Чингисхан после скитания в пустыне идет против Ванхана; Ванхан убегает, во время бегства сходит с лошади, чтобы утолить жажду, и тут его убивают; отрубленная голова его отвезена к Таянхану или подана его жене Гурбесу. В сказке не сам Идыге убивает Тохтамыша, а его сын Мырадыл; в монгольском сказании также не сам Чингис убивает Вана, а какой-то найман Хорису. По аналогии с тюркской сказкой в этом Хорису следовало бы видеть сына Чингиса.

В тюркской сказке голова Тохтамыша привезена его женам; в книжном монгольском сказании она доставлена Таянхану или подана царице Гурбэсу, жене Таяна. Нам кажется, тюркская редакция первоначальнее. Происхождение сбивчивости в монгольской редакции мы объясняем так: было два варианта, в одном соперник Вана назывался Чингисом, в другом Таян; в обоих был рассказ о том, что

Ван был убит и голова его доставлена его врагу, в одном — Чингису, в другом — Таяну. Монгольское книжное сказание есть вариант с именем Чингиса как соперника Вана, но редакция конец этого варианта отбросила и заменила его концом варианта с именем Таян.

В трех сравниваемых версиях гонителей царей: Саула, Тохтамыш и Вана убивает не центральное лицо сюжета, не Давид, не Идыге, не Чингис, а постороннее лицо: амалекитянин Мырадыл, найман Хорису. Если наше предположение верно, что предание о хане Тухте и Ногае есть отголосок монгольского сказания об отрубленной голове Тухтабики или Вана, то убийце Хорису в степном предании Южной России будет отвечать русский, т.е. по тюркскому произношению урус. Под этим термином, может быть, скрывается личное собственное имя Урус, и только позднее этот термин понят как имя народа. Такое же объяснение, может быть, следует дать и появлению эпитета “русский” при имени Анысима; это было собственное имя; “русский богатырь Анысим” есть позднейшее понимание; вначале было парное: Урусанысим. Мы в другом месте уже указывали, что “русский” несколько раз встретилось в устных народных сказаниях о Чингисе; мы возле него находим: 1) “русского охотника”, урус гуречин, 2) дочь, которая становится “русской” царицей. Такие находения этого термина рядом с Чингисом и здесь могут быть объяснены тем, что персонаж, стоящий возле Чингиса, носил собственное имя Урус. Мы уже высказали свое подозрение, что этим именем назывался сын Чингиса (Этногр. обзор. Кн. XVI. С. 93). Если в сюжете о хане-гонителе месть действительно совершается сыном гонимого, как мы предположили несколько строк выше, то мститель за Чингиса должен носить имя Урус вместо Хорису, как в книжном сказании.

Мы указывали уже на то, что тема о найденъше в степи под деревом одинаково приурочивается и к Чингису, и к Цоросу или Чоросу (Этногр. обзор. Кн. XVI. С. 94), что ведет к догадке, что имя Чингис замещалось именем Цорос и в других сюжетах. Если, с одной стороны, Цорос или Чорос фонетические версии имени Урус, если с другой — смерть Вана приписывалась не сыну Чингиса Урусу, а самому Чингису (носившему имена Цорос, Урус, Хорису), то умерщвление Вана будет отцеубийством. Такое толкование совпадет с нашей догадкой, что и в предании о Шидургу

(Шидырване²) нужно подозревать более полный сюжет. Шидургу был отец Чингиса, Чингис убил его, своего отца, и женился на его жене, своей матери. Жена Шидургу оскопляет Чингиса и сама бросается в реку. Монгольское сказание забыло мотивы такой специальной казни; это обычный конец матери, признавшей в новом своем муже, в Чингисе, своего сына.

Пересмотрим вкратце сделанные нами сближения.

Сказка об Идыге и сказание о Чингисе представляют следующие параллели: 1. И Идыге, и Чингис найденыши; они найдены младенцами в степи. 2. Оба потом находятся на службе у царя, Идыге — у Тохтамыша, Чингис — у Вана. И Тохтамыш, и Ван мучимы подозрениями о будущем, торжестве их раба; подозрения эти внушены сторонним лицом (женщинами). И Тохтамыш, и Ван оба замышляют умертвить противника, но дворцовый секрет открыт человеком, вносившим кумыс. 3. И Тохтамышу, и Вану отрублена голова. К этим трем параллелям, может быть, следует еще присоединить одну, если можно к посольству Цанпая к Идыге приравнять послов Чингиса к Вану.

Идыгею отвечает Чингис, Тохтамышу — Ван (и Мырадыму, Хорису, Цанпаю два персонажа — Бадай и Кашлык).

В сказаниях о Чингисе есть имена, сходные с Тохтамышем, как это было уже указано выше: в киргизском Тохтугул, в книжном монгольском Тухтабики. Форма Идыге, которую в тюркской сказке замещает Чингис, в монгольских сказаниях не встречается; в них есть имя Джиданойон; может быть, первую половину этого имени Джида можно сопоставить с началом тюркского имени: Иды, и окончание “ге” почтень замещенным вторым членом “нойон”. В преданиях об этом Джиданойон есть сходные черты с Чингисханом; подобно последнему, в детстве он был гоним; как Чингисхана прятали в телегу под шерсть, так Джиданойона прятали под шерсть (Записки Русск. археол. общ. XIV. 190); о других сходных чертах см. “Танг.-тиб. окраина Китая” (II. 274). Нам кажется, что предания о Джиданойоне есть следы того, что и в Монголии существовал сюжет об обезглавленном царе-гонителе и его враге с именем одного корня с Идыге⁴¹¹.

⁴¹¹ В монгольском книжном к корню Иды прибавлен только инициал

Для некоторых тем тюркской сказки и монгольского предания не находится параллелей; так, в монгольском предании есть рассказ о том, как пленному Чингисхану были набиты колодки на шею и на ноги и как он бежал и спрятался в воде; этому рассказу нет отвечающего в тюркской сказке; в свою очередь, в монгольском предании нет игры в царей.

Мы сблизили сказание о Чингисхане с тюркской сказкой об Идыге, а эту последнюю (в статье “По поводу новых привлечений к былине о Добрыне” в “Этн. обзор”. Кн. XII. С. 58) — с библейским рассказом о Сауле и Давиде. Параллели тюркской сказки с библейским рассказом многочисленнее; монгольское предание беднее библейскими темами. Детство Чингиса совсем не находит параллелей в библейском рассказе. Они являются только в период службы у царя; эпизод о замысле Вана убить Чингиса отвечает подобному же умыслу Саула в отношении Давида; история Вана кончается сходно с историей Саула; он убит в поле, и ему отрублена голова, как и Саулу. Есть вероятие думать, что ордынские предания о Чингисе в старину передавались полнее и число совпадений его с библейским рассказом было больше. Так, например, в них вставлялся, вероятно, рассказ о порицании убийцы, поднявшего руку на царя, вроде того, какое приписывается Давиду. В ордынском сказании эта речь вложена в уста Таянхана, а не Чингиса⁴¹²; гораздо ближе к библейскому рассказу она сохранилась в предании южнорусских степей о хане Тухте. Другие детали библейского рассказа попали в предания, еще более отдаленные от сказания о Чингисе. Так, некоторые из них, как нам кажется, можно найти в легендах о построении храма в Лассе. Некоторые темы этой легенды — неоднократное разрушение построенного, невозможность довести постройку до конца без помощи вещего человека, и другие (см. в ст. “Акирь повести и Акирь легенды” в “Этногр. обзор”).

дж. Пример этого можно видеть в вариациях тюркского имени созвездия Большой Медведицы: Едиган, Жидиган, Еджиген, Джетыган, Четтыкан, Чедыган, Тъэдеген, Тъэтыган и т.п. (Очерки Сев.-Зап. Монголии. II. 125; IV. 137, 711; Танг.-тиб. окраина Китая. II. 318).

⁴¹² “Такого великого старика-государя зачем убили вы? Следовало привезти живым!” Вот были слова Таяна (Труды Вост. отд. Русск. археол. общ.” Т. XIII. С. 146).

Кн. XXV. С. 106) — встречаются в талмудической легенде о построении храма Соломоном; тема о царе-насильнике, убитом выстрелом, может быть, отражение рассказа о поединке Давида с Голиафом⁴¹³. Бегство человека, убившего царя-насильника, и его укрывание в пещере мы уже сближали в вышеупомянутой статье с бегством и укрыванием в пещере Давида⁴¹⁴. В истории Саула есть одна тема о семи отрубленных головах; не она ли же в сказании о Гэсэре, где также есть семь отрубленных голов⁴¹⁵ и где также есть тема о построении храма в честь Арьябало (т.е. того же бога, в честь которого строился иласский храм)? Был голод на земле при Давиде три года. Давид спросил Бога и узнал, что это в наказание за то, что Саул умертвил гаваонитян. Давид призвал гаваонитян и спросил, чем их можно примирить. Те потребовали из потомства их истребить семь человек. Давид взял двух сыновей Рицпы, жены или наложницы Саула, и пять сыновей Мелхолы, дочери Саула, которая была за сыном Верзеллия, и отдал. Те повесили их (на солнце) на горе пред Господом в первые дни жатвы ячменя. Рицпа села на вретище на горе и сидела, пока ни полились воды с неба (II кн. Царств, гл. XXI).

⁴¹³ Тибетская легенда не говорит о месте, в которое был поражен царь-насильник (царь с бычьими рогами); удар в лоб находится в бурятской легенде о первом шамане; шаман поражает в лоб царя неба Эсэгэмалана, чтобы отнять у него похищенную им душу человека и тем возратить последнего к жизни.

⁴¹⁴ Убийца царя-насильника, чтобы удачно совершить свое предприятие, оделся в мантию, вроде тех мантий, в каких пляшут монахи в храмовых хоровах, и вышел плясать на городскую площадь (Танг.-тиб. окраина Китая. II. 199). Я уже указал на сходство этой сцены с XXIII главой монгольского сборника "Шиддикур", в которой безымянный герой, за костюмированный в какой-то сорочий яргак, также пляшет перед царем и царицей; царица улыбнулась, увидев пляшущего (это был ее старый друг), и получила за это упрек своего мужа — как будто намек на Мелхолу, которая смеялась при виде пляшущего Давида. Убийца царя-насильника, совершив убийство, спасается бегством; за ним погоня; убийца прячется в пещеру и принимает вид статуи сидящего бога. Гнавшиеся заглянули в пещеру, приняли беглеца за статую и не потрогали его — тоже как будто намек на статую, которую люди Саула нашли в постели вместо Давида и которую положила туда Мелхола.

⁴¹⁵ В монгольской повести о Гэсэре семь голов потребовалось для того, чтобы вывести царство Гуменхана из омертвелою состояния, в которое оно впало.

Выше мы сказали, что для некоторых отдельных черт из этого сюжета, особенно тех, которые могут быть сближены с христианскими апокрифами, возможно допустить происхождение, независимое от христианского и мусульманского влияния. Эти черты или темы могли зародиться на Дальнем Востоке и зайти оттуда в Палестину в очень раннюю пору, даже до начала ассирийской цивилизации, если верить некоторой части ассириологов, утверждающих, что ассирийской цивилизации на Тигре и Евфрате предшествовала цивилизация туранская, точнее аккадийская или шумерская; верования этих аккадийцев напоминают ассириологам сибирское шаманство. Можно допустить, что и в сюжетах аккадийских легенд были сходные черты с шаманскими легендами. Некоторые темы могли зайти с Дальнего Востока Азии в Вавилон и Ассирию, а отсюда передаться в Палестину. Имена библейских лиц, упоминаемых в занимающем нас в этой статье сюжете, а именно: Саула, Давида и Соломона, по мнению Sayce'a (*The Hibbert lectures, 1887 г. Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by the religion of the ancient Babilonians, by A. H. Sayce. Lond., 1887. P. 52–58*) аккадийские; еврейские же имена Давида и Соломона были Elhanan и Jedidiah; Саул, Давид и Соломон — это имена аккадийских богов, которые были перенесены на лица еврейской истории. Некоторые темы, связанные теперь с этими именами в христианских апокрифах, в талмудических и мусульманских легендах могли быть приурочены к ним еще ранее, чем эти темы были принесены в Переднюю Азию⁴¹⁶.

---

⁴¹⁶ Сэйс говорит: “Несколько лет назад я старался на страницах *Modern Review* (January, 1884) показать, что имена, под которыми известны три еврейских царя — Саул, Давид и Соломон — не были именами, полученными в детстве, а были именами, впоследствии им усвоенными народом”. Относительно Соломона это так и было: подлинное его имя, данное ему Богом, через Нафана, было Jedidiah; оно было изменено в Соломон — “исполненный мира” (*the peaceful one*), когда отец его примирился со всеми своими врагами. Что подлинное имя Давида было Elhanan (или Balhanan), это давно подозревали, имея в виду место, где упоминается, что Ельханан, сын вифлеемлянина, убил Голиафа гиттита, древко копья которого было подобно челноку ткача (2 Sam. XII, 24, 25), дело, которое в другом месте приписывается Давиду. Под именем Javul или Sawul был в Вавилоне известен бог солнца Sallimman (Соломон) был бог мира”, который почитался особенно в Ассирии. Имя

В заключение нашей статьи нам необходимо еще раз остановиться на отношениях сказки об Идыге к историческому Едигею, с которым нынешние ордынцы отождествляют своего сказочного героя. Как в сказке являются два имени: Идыге и Тохтамыш рядом, так и в истории, и притом в одинаковом взаимном положении —

Давида Сэйс сближает с Додо; во главе тридцати силачей Давида поставлен Ельганан, сын Додо из Вифлеема (2 Sam. XXIII, 24), что мы, вероятно, должны говорить Сэйс, читать: “Ельганан, который есть Додо”, т.е. Давид. Додо есть мужская форма финикийского божества; женская форма была известна римским писателям под именем Дидо. Это была подруга бога солнца, отождествляемая в Карфагене с Элиссой, основательницей города. Сэйс сближает Додо также с ассирийским Дад; это, вероятно, говорит он, то же самое, что Давид евреев и Дидо финикийца. Мать этого персонажа Jamlah “из земли вина” Сэйс отождествляет с Семелой греческой мифологии, матерью Диониса, бога вина (Sayce Lectures. P. 181). Последнее сближение Сэйса особенно интересно; через Семелу-Jamlah Давид отождествляется с Дионисом; в своей книге “Тангуты-тибетская окраина Китая” (СПб. II. С. 276) мы привели параллели между преданиями о Чингисхане и мифом о Дионисе, и в статье “По поводу новых привлечений к былинне о Добрыне” (Этногр. обозр. Кн. XXII. С. 60) мы указали на черты в сказании о Чингисхане, сходные с историей царя Давида. Нельзя не обратить внимание на замечательное совпадение Давида с Дионисом, открываемое на двух таких отдаленных точках Сэйсом на почве Передней Азии и нами в Центральной Азии. На западе еврейский Давид (т.е. персонаж с сюжетом о заговоре царя против своего слуги) Сэйсом сближается с Дионисом, богом вина; на востоке Чингиса, о котором, по нашей догадке, рассказывалась та же сказка, как и о Идыге, т.е. тот же сюжет о заговоре царя против своего слуги мы сближали с греческим богом Дионисом, отчасти на том основании, что Чингис также изобретатель вина (Тангуты-тибетская окраина Китая. СПб., 1889. II. С. 276). Если сюжет о Давиде (в виде сказания о Чингисе) в Монголию занесли несториане, то они не могли принести вместе с библейским рассказом и языческую тему о Дионисе. Это удивительное совпадение (на востоке Чингис, к которому приурочен Дионис, на западе Давид, в котором Сэйс видит Диониса, оба одинаково играют одну роль в рассказе о царе, составляющем заговор своего слуги) может быть объяснено или тем, что монгольские рассказы о Чингисе (о Чингисе-Давиде и о Чингисе-Дионисе) были принесены в Монголию задолго раньше христианства, когда еще на западе было в ясной памяти тождество Давида и Диониса, или что оба эти сюжета давно в Монголии приурочивались к одному лицу Чингису (другое его имя, может быть, было Тубут) и уже отсюда были унесены в Палестину, где эти сюжеты разъединились на отдельные рассказы: рассказ о Дионисе и рассказ о Давиде.

в обоих случаях Тохтамыш — хан, а Идыге — его подданный, придворный. Шаблонное разрешение вопроса о совпадении этих имен будет такое: были две исторические личности, могущественный хан Тохтамыш и его приближенный Едигей, прославившийся своими военными подвигами и влиянием на дела в государстве. Об Едигее ходило много рассказов в орде; со временем эти рассказы могли сложиться в стройную сказку или ввиду указанных в этой статье параллелей рассказы о действительной жизни Едигея могли быть вытеснены библейским сюжетом о пророке Давиде. История о Сауле и Давиде зашла в орду, и потом библейские имена заместились в ней именами исторических личностей — хана Тохтамыша и его темника Едигея. На таком объяснении можно было бы успокоиться, если бы была полная уверенность, что ни имена Тохтамыш и Идыге, ни формы, с ними сходные, не встречаются в других тюркских сказках и преданиях. Между тем этой уверенности у нас нет. В числе тюркских преданий из истории Южной России мы находим рассказ о царе Тухте, имя которого напоминает имя Тохтамыш; Ногаю, который вел войну с Тухтой, отрублена голова и привезена к Тухте; хотя этот конец рассказа не соответствует тюркской сказке, голова отрублена Ногаю, а не Тухте, как бы следовало ожидать по сходству имени, но на принадлежность этого рассказа к одной группе с тюркской сказкой указывает одна черта — именно упреки убийце, которые высказывает Тохта; поразительное сходство этого места с библейским рассказом о Давиде, которому принесена голова Саула, уже отмечено давно именно Юлем в его комментариях к Марко Поло (см. мою ст. “По доводу новых привлечений к былине о Добрыне”). Если рассказ о Тухте действительно есть отголосок библейского рассказа, то, значит, история о Давиде и Сауле рассказывалась ранее конца XIV века, в котором жил Тохтамыш, и уже в начале этого века была связана с именем Тухта. Этого мало; в указанной выше статье я высказал подозрение, что тот же персонаж скрывается в сказании о Чингисхане под именем Тухтабики; следует вспомнить также, что, по киргизскому преданию — Шингис, т. е. Чингисхан, был приемный Тохтугула; здесь опять мы слышим форму Тохту. Родственное отношение, в которое киргизское предание ставит Чингиса к Тохтугулу, совпадает, хотя и не вполне, с приведенными

нами выше в этой же статье соображениями о сыновних отношениях Идыге к Тохтамышу и Чингисхана к Вану кирейскому. Если эти соображения не лишены основания, то, значит, сюжет о Давиде и Сауле уже в XIII столетии приурочивался к форме Тухта или Тохту. Очень рано этот сюжет из Средней Азии зашел в Южную Россию, и, может быть, персонаж, соответствующий Саулу, назывался в нем Тохтамышем. Впоследствии, когда на исторической сцене появился другой Тохтамыш, к нему была привязана сказка о древнем, сказочном Тохтамыше, а на персонаж, соответствующий Давиду, было перенесено имя Тохтамышева темника Едигея. Такое объяснение можно принять под условием, что имя Едигей или Идыге в тюркских сказках до времен Тохтамышша, хана Золотой Орды, не стояло рядом с именем Тохтамыш. Выше мы высказали мнение, что тот же библейский сюжет был приурочен и к Чингисхану; Саулу в монгольском сказании отвечает Ван кирейский, а Давиду — Чингис. Это можно понять так, что в степях Монголии жила прежде сказка, совершенно сходная с тюркской об Идыге и Тохтамыше, и что в ней хан иногда назывался Ваном, иногда Тухтубики или Тохтугулом (может быть, даже и Тохтамышем), а вместо имени Идыге стояло Чингис. Так это имя могло в ордынской сказке дожить и до исторического Идыге и только с появлением последнего исчезло из сказки имя Чингис. Но, повторяем, если бы оказалось, что имя Чингис уже в старое время заменялось иногда именем Едигей или Идыге тогда мы встретили бы большое затруднение примирить сказку с историей посредством того предположения, которое мы сделали, именно, что имя Едигей из истории попало в сказку. А между тем действительно мы встречаем в монгольских книжных сказаниях имя Джиданойон, первый член которого можно принять за фонетическое изменение первой половины имени Идыге; с другой стороны, с именем Джиданойон соединена тема, сходная с темой о Чингисхане; его в детстве прячут под шерсть, как и Чингисхана; напрашивается, таким образом, догадка, что тот же сюжет рассказывался с другими именами, вместо Чингисхана стоял Джиданойон, т.е. Джиданойону приписывалась та роль, которую в тюркской сказке играет Идыге; словом, связь имени Идыге с сюжетом как будто древнее, чем время Тохтамышша, хана Золотой Орды.

На древность существования имени Идыге на востоке указывает также одно бурятское предание о предке родов шарят и харят. На озеро Алтыннор летали купаться три дочери неба под видом лебедей. Шаман Одюгахогорбо (хогор — кривой, бо — шаман), когда девицы вошли в воду, украл платье младшей из сестер, и она должна была стать женой шамана. Этой же темой, как видно из нашей статьи, начинаются и киргизские сказки об Идыге; только женитьба на деве-лебеди отнесена не к Идыге, как следовало бы ожидать по сходству имен Одюгэ и Идыге, а к его отцу. Но нам кажется несомненным, что бурятское имя Одюгэ тот же тюркский Идыге; вместо тюркского определения “би” — судья в бурятском предании стоит “бо” — шаман, что, должно быть, первоначальнее; другое определение “кривой” заставляет припомнить, что в тюркской сказке у Идыге был вышиблен глаз. По нашему мнению, это бурятское предание убеждает, что форма Одюгэ-Идыге была давно известна на востоке (около Байкала), что она была приурочена к тем же темам, как и в тюркских сказках, и что была связь этих сказаний об Одюга со сказаниями о Чингисхане, потому что тема о девах-лебедях вообще приурочивается к преданию о предке, а Чингис считается предком, и, кроме того, в других бурятских вариантах о девах-лебедях место Одюгэ занимает Хоридой, имя одного из предков Чингисхана (см. нашу ст. “Греческий эпос и ордынский фольклор” в “Этногр. обзор.” Кн. XXII. С. 35). Собранные отрывки сказаний о Хоридое и Чингисе, нам кажется, представляют обломки сказки, которая начиналась так: Хоридой (вместо Бабатукласа) женится на деве-лебеди; от нее родится сын Одюге (вместо Идыге); мать бросает ребенка под деревом и сама улетает. Ребенок найден (темы о Чингисе, Одунбодуне и пр.). Расстояние между бурятской территорией и областью, в которой распространены тюркские сказки об Идыге, так велико, что позднейшее заимствование бурятами от тюрков допустить нельзя. Бурятское предание, несомненно, реликвия от более широкого на востоке распространения сказки об Одюгэ. Примирить в данном случае нахождение обеих форм — Тухта и Идыджиды и в сказке, и в истории — можно только предположением, что темник Тохтамыш не назывался Едигеем от рождения и что он получил это имя только впоследствии; когда он прославился своими подвигами,

на него народ перенес имя известного ему из сказок визиря хана, который носил общее имя с ханом, современником темника⁴¹⁷.

Немного позже при составлении летописей составители их не могли избежать вторжения сказочных мотивов в летопись или, по крайней мере, влияния их на летописный рассказ. История об Идику (Едиге) рассказана, между прочим, по-арабски в сочинении Ибнарабшаха “Чудеса предопределения в судьбах Тимура” (В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 458 и след.). Эмир Идику был у Токтамышша одним из главных эмиров, рассказывает Ибнарабшах, одним из вельмож, избиравшихся во время бедствий для устранения их. Заметив в своем владыке перемену в расположении к нему, Идику стал бояться за себя, и так как Токтамышш был свирепого нрава, то Идику приготовился бежать. Он стал наблюдать за ханом, притворно ухаживая за ним. Однажды во время пира Токтамышш сказал Идику: “Настанет день, когда беда ввергнет тебя в нищету”. Идику прикинулся покорным, но потом, улучив минуту, быстро проскользнул между свитой и слугами в смущении, как будто хотел исполнить нужное дело, прошел в ханскую конюшню, сел на оседланного коня и, сказав своим приверженцам: “Ищите меня у Тимура”, убежал к Тимуру (т.е. к Тамерлану или Аксактимуру). Здесь он стал подговаривать Тимура напасть и погромить Токтамышша; этим и было вызвано нашествие Тимура на владения Токтамышша. Впоследствии Идику бежал от Тимура на север, собрал своих приверженцев и начал войну с Токтамышшем, в которой последний был убит.

Летописный рассказ о замысле Токтамышша против Едигея совпадает со сказкой. Конечно, можно истолковать это обстоятельство

---

⁴¹⁷ В исторических памятниках есть намеки на восточный обычай давать прозвища выдающимся лицам. Так, армянский летописец Магакя рассказывает, что за удачливость в битвах давалось прозвище “Золотой столб” (Патканов. История монголов инока Магакя. СПб. С. 20). Золотым столбом у монголов и у древних уйгуров называлась Полярная звезда (по-монгольски — алтын катасын, по-бурятски — алтын хатаган). Рашид-эддин сохранил нам известие, что людей с выдающимся умом называли алтанходого; Рашид-эддин переводит: “золотой горшок” (Труды Вост. отд. Русск. арх. общ. XIV. С. 154); вероятно, это тот же алтынхатаган или алтынхатасын.

и так, что в летописи описано действительное событие и предание о нем повлияло на сказку, но ничто не мешает представить ход дела в противоположном смысле, то есть ничто не мешает посмотреть на летописный рассказ как на вторжение сказки в летопись. Рассказ летописи неопределенный, не отличающийся от сказочного изложения; никакие мелкие подробности или точные обозначения не придают ему характера рассказа о несомненно действительном происшествии.

Киргизский вариант г-на Султангазина дает повод к сближению этой тюркской сказки с известным древним египетским романом о двух братьях Анпу и Битью, или Бата. Идыге такой же пастух, как и Бата; жена Тохтамышша соблазняет Идыге, подобно тому, как жена Анпу ищет любви у Бата; Идыге, как и Бата, отказывается от ее ласк; жена Тохтамышша посредством выдумки старается вызвать у мужа гнев⁴¹⁸, подобно жене Анпу, которая оговаривает Бата, Анпу гонится за братом; в тюркской для совпадения следовало бы Тохтамышшу гнаться за Идыге, но гонится за ним другое лицо — Джанбай; имя это близко к египетскому Анпу; можно допустить, что в других редакциях это имя и стояло на месте Тохтамышша, то есть рассказ начинался с того, что Идыге пас скот у Джанбая, был оклеветан женою Джанбая и Джанбай гнался за Идыге⁴¹⁹. Внезапно возникающая река разъединяет братьев Анпу и Бата; и в тюркской сказке, нам кажется, случилось то же; Джанбай догнал Идыге, но близко подъехать к нему мешает река

---

⁴¹⁸ Варианты с подобной темой были известны и Чокану Валиханову; см. "Живая старина", 1891. В. IV. С. 103.

⁴¹⁹ Имя Джанбай ср. с Шянба, Жамба, тибетским именем бога Майдари, который в легендах изображается людоедом или мясником, обгравившим руки своим ремеслом и только впоследствии покаявшимся (Тангуты-тиб. окраина Китая. II. 235); есть легенды, рассказывающие о споре Майдари с Бурханомбакши (Буддой) об управлении миром; в одном варианте бог убегает со знаком миродержавничества, другой за ним гонится; под первым надо разуметь Бурханомбакши (Будду), под вторым — Майдари (Жамба) (Очерки Сев.-Зап. Монголии. IV. 330). Другая легенда о Будде: царевич Ясода (Будда) убегает из дворца; ворота сами перед ним растворяются без шума; река делается мелкою. Отец царевича бежит за ним следом, но Будда держит к нему речь и убеждает его возвратиться (Beal. The romantic legend of Sakya Buddha. Lond., 1875. P.261).

Идиль; я думаю, что река, сделавшись мелкой, пропустила Идыге, а при приближении Джанбая воды ее поднялись или даже ее ранее не было; а она вдруг возникла⁴²⁰.

Джанбай, подобно Анпу, возвращается домой. Оставшемуся за рекой Бата семь богов Hatzog создают жену; в тюркской сказке вместо семи богов семь единцов; они помогают Идыге отнять у богатыря Анысима девицу, дочь Сатемирхана⁴²¹.

В киргизских преданиях известен персонаж Ос-джанибек или Ас-джанибек; не этот ли Джанибек стоял некогда на месте Тохтомыша в тюркской сказке и на месте Ванхана в монгольской, и теперь сохранился под видом Джанбай? Джанибек в легенде об озере Иссык-Куле изображается нечестивым царем, который имел ослиные уши или бычьи рога, следовательно, соответствует Ельджигенчикту-хану, “царю с ослиными ушами” монгольских сказок⁴²² и Ландарме, царю с бычьими рогами тибетского сказа-

⁴²⁰ Сюжет египетского романа не чужд Монголии; рассказ о женщине, которую отнимает у мужа царь, узнавший о ее существовании по волосам, снесенным рекой, содержится в монгольском сборнике “Шиддикур” в XXIII главе. Мною в Монголии записан устный рассказ о двух братьях (Очерки. IV. 237).

⁴²¹ Тут, может быть, в двух, трех строках заключается сокращенный рассказ о семи или шести товарищах, помогающих добыть женщину или вернуть увезенную жену. В монгольских сказках о женщине, увезенной царем, узнавшим о ее существовании по волосам, снесенным рекой, прежнему мужу вернуть жену помогают шесть названных братьев. Гусэру несколько товарищей помогают убить морское чудовище и овладеть его женой (Benj. Bergman, *Homad. Streifereien unter d. Kalmuken*. Riga, 1864. Th.III. S. 276). Джиртушлюку 6 товарищей помогают добыть дочь Барсакильмэса; по дороге к этому Барсакильмэсу Джиртушлюк встречает сначала одну старуху, потом другую, и т. д.; у каждой есть сын, который и примыкает к Джиртушлюку (Radloff. *Proben*. IV. 453); по-видимому, все они также единцы, т. е. единокордные сыновья своих матерей.

⁴²² Чикту, чикиту от чикин — ухо; об Ельджигенчикту-хане говорится иногда, что это был глупый или сумасшедший хан: цокту. В связи с этой формой может быть и форма Цоктай (Цоктай-хану приписывается истребление детей.) (Тангут-тиб. окраина Китая. II. 284), а также Тохта в сложных Тохтамыш или Тохтомыс, Тохтугул, Тохтубики и пр. Окончания “мыш” и “мыс”, может быть, тюркомонгольское мангыс или мангуш — многоголовый змей, потерявшее свой носовой звук “нг”.

ния. Может быть, подобно тому, как в египетском романе Анпу и Битью стоят в родственном отношении друг к другу, и тут также Идыге и Джанбай (Тохтомыш?) были братья: Тохтомыш или Джанбай старший, Идыге младший.

В киргизских рассказах возле Джанибека ставится иногда ви-зирь Джиренше-шешен, “мудрый Джиренше”; если действительно Тохтомыш и Ванхан лица, тождественные с Джанибеком⁴²³, то возле них можно искать лицо, отвечающее Джиренше-шешену. И в самом деле около Ванхана упоминается сходное имя; это Такаджаран у Рашид-эддина и Екечерян в “Юань-чао-ми-ши”. Рашид-эддин говорит, что Такаджаран был “бек из беков” у Ванхана (Записки Русск. археолог. общ. XIV. 166). В “Юань-чао-ми-ши” Екечеряню приписано косвенное участие в выдаче заговора Ванхана против Чингисхана. В то время как слуга вносил в юрту кумыс, Екечерянь поверял своим домашним дворцовый секрет; слуга подслушал разговор и догадался, что ему выгодно будет дать об этом знать Чингису (Труды Пекинск. духовн. миссии. IV. 124). В этих парных именах члены Джаран и Черянь стоят на месте Джиренше (в алтайских вариантах сказок о Джиренше это имя заменяется формой Ерень-шешен), а члены Така и Еке отвечают эпитету шешен⁴²⁴. Тибетская легенда о построении храма в городе Лассе, заключающая в себе рассказ о царе Ландарме, состоит из двух частей, искусственно соединенных. В первой содержится рассказ о мудром царе Сронцзангамбо и его мудром советнике Гари, который сватает для царя китайскую царевну, привозит ее, но заподозревается в ее присвоении. Здесь Гари как будто на месте Битью, заподозренного в связи с женой его старшего брата; Сронцзангамбо — это старший брат; второй член Гамбо напоминает Анпу, имя старшего брата в египетском романе; первый член Сронцзан, может быть, искаженное тибетским произношением тюркское Джиренше. Вторая половина тибетской легенды рассказывает о том, что родился нечестивый царь Ландарма с бычьими рогами (потомок Сронцзана) и что он был убит выстрелом из

⁴²³ В именах Ванхан и Джанибек вторые члены: хан и бек означают “царь”, “князь”.

⁴²⁴ Шешен — мудрец.

лука. Этот царь был не кто другой, как тот бык, на котором подвозили материал для постройки храма, без которого не могла бы завершиться постройка и о котором забыли, когда постройка была окончена; недовольный такой невнимательностью бык пообещал отомстить и возродился царем-гонителем. Этот бык отвечает тому быку египетского романа, в которого обратился Битью и который также является мстителем за обиду. Схема у египетского романа и у тибетской легенды одна и та же: 1) подозрение в любовной связи и преследование мнимого преступника, и 2) бык-мститель, с тою, однако, разницею, что, во-первых, в египетском романе лицо, заподозренное в связи с женщиной, и ее муж поставлены в родственную связь, они братья; тибетская легенда не знает о родственных отношениях отвечающих персонажей; во-вторых, в египетском романе вторая его половина связана с первой тем, что бык, являющийся во второй половине, есть обращенный Битью, действующее лицо из первой половины романа; в тибетской легенде связи быка с гонимым персонажем первой ее половины не установлено. Принимая тибетскую легенду за версию египетского романа, мы можем взглянуть на персонажи Сронцзангамбо и Гари как на братьев и на быка, как на воплощение Гари, мстящего за свою обиду. Полному совпадению в этом последнем пункте мешает, однако, то положение, которое бык, или, точнее, царь с бычьими рогами, занимает в конце легенды. Это нечестивый царь вроде Джанибека киргизской сказки, отличающегося сходными или даже тождественными терапевтическими признаками, ослиными ушами или бычьими рогами. Джанибек же, как мы выше видели, отвечает не младшему брату Битью, а старшему Анпу; так что эпизод об убиении царя Ландармы можно понять как рассказ о мести младшего брата: Ландарма — это старший брат, гонитель; его убийца — это гонимый младший брат. В египетском романе Битью мстит только своей изменнице-жене; и фараон, отнявший ее у него и Анпу, несправедливый брат, остался без отмщения; тибетская легенда, по-видимому, представляет особую версию, в которой старший брат получил возмездие. Нечестивый бык-царь, в тюркских редакциях носивший имя Джанибека (или Джанбая?), это и был старший брат.

Вторая половина египетского романа находит себе параллель в русской сказке об Иване Пономаревиче. В целом составе сюжет

этой сказки такой: у Германа сын Иван отбивает у турецкого салтана девицу, дочь царя Алиострога, и женится на ней; турецкий салтан снова является под видом нищего и просит царевну показать меч Ивана; та выносить меч; этим мечом салтан убивает Ивана и увозит его жену⁴²⁵. Конь Ивана привозит Германа, который оживляет сына. Иван обращается в коня и предлагает крестьянину продать себя; салтан купил коня и беспрестанно ходит в конюшню смотреть на него. Жена его, бывшая жена Ивана, говорит, что это не конь, а прежний ее муж Иван. Конь убит, но девушка-чернавка по совету коня бросила кровь от головы коня быкам: родился среди них золотошерстый бык; царица опять указывает, что это Иван; быка убивают; на месте, где зарыта его голова, вырастает яблоня; по требованию царицы рубят яблоню, щепка падает в озеро и обращается в селезень; царь снимает свое платье и плывет за селезнем; селезень выпорхнул из воды и обратился в Ивана; Иван оделся в царское платье и приказал казнить и царя, и царицу.

Здесь на месте старшего брата Анпу стоит отец Герман; подобно тому, как Анпу воскрешает убитого брата Битью, здесь Герман воскрешает сына. Иван обращается сначала в коня, но потом и в быка, как и Битью; из быка Битью обращается в дерево *Mimusops Shimperi*; здесь вместо этого дерева яблоня; в египетском романе щепка попадает в рот царицы, она проглатывает ее, зачинает и родит царевича, который есть воплощение Битью. Тут русская сказка расходится с египетским романом. Кончается сказка не только казнью царицы, но и казнью царя.

Какая-то связь замечается между сюжетом ласской легенды и шаманскими легендами бурят. Этот факт может найти различное объяснение: или шаманские легенды будут признаны за отражения книжных легенд, принесенных с юга, или, наоборот, в шаманских

---

⁴²⁵ В записанной мною от монгола передаче сюжета о двух братьях (Очерки Сев.-Зап. Монголии. IV. 240) жена младшего брата (названная тут его матерью) также сама выдает секрет, как погубить ее мужа; царь, соответствующий фараону, подослал служанку, чтобы она подучила юношу спросить у женщины, с которою он живет, где их бог. Женщина сказала, что их божество заключается в черном четвероугольнике на вершине юрты. По совету подосланной служанки юноша бросил в огонь этот талисман и от этого умер.

легендах увидят элементарные материалы, из которых сложилась ласская легенда. Решить этот вопрос могут только ориенталисты. Мы позволим себе, однако, изложить сопоставление замеченных параллелей в виде гипотезы в смысле шаманского приоритета.

В центре шаманского культа у бурят стоит Эсэгэмалан; это то же, что Хормуста у монголов, Индра у индийцев.

Одна из легенд рассказывает, что Эсэгэмалан строил дворец, но стены его многократно разрушались и укрепились только после совета одного мудрого старца (Изв. Вост.-Сиб. отдела Русск. геогр. общества. Т. XIX, №3. С. 22), то есть к нему приурочена та же тема, что и к тибетскому царю Сронцзону или Сронцзану. Если бурятская редакция древнее, то, значит, бурятский царь неба в тибетской легенде превратился в земного царя Сронцзана.

Следующая легенда рассказывает о другом затруднительном положении Эсэгэмалана, из которого бога выручает также мудрый человек. Эсэгэмалан хочет женить своего сына, но никак не может; только увезет сына к невесте по обычаю того времени, сын сейчас же убежит домой. Это продолжалось бы так же бесконечно, как и постройка дворца, если бы не совет мудрого Зара (Изв. Вост.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ. Т. XIV, №1—2. С. 21 и 22; Записки того же отдела по этн. Т. I. В. I. С. 130).

В тюркских сказках об Ереньчичене мы видим дополнительный материал к сюжету о сватанье невесты за сына Эсэгэмалана. Ереньчичен алтайских сказок или Джиренше-шешен киргизских ищет умную жену своему сыну. Этот Ереньчичен как будто тот же Зара; оба они являются помощниками в устройстве брака; в бурятской сказке Зара дает совет, как закрепить брак; в тюркских сказках Ереньчичен или Джиренше-шешен является сватом; он сватает умную деву за своего сына; был, может быть, и такой вариант, в котором он сватал девицу за сына царя и в котором этот царь носил имя Эсэгэмалана. За то, что были варианты, в которых имена Эсэгэмалан и Ереньчичен или Джиренше-шешен стояли рядом, может быть, говорит то, что шаманские легенды знают формы Юрюньхатун (Очерки Сев.-Зап. Монголии. IV. 264, 821) или Шешехатун (Изв. Вост.-Сиб. отд. геогр. общ. Т. XIV, №1—2. С. 11); так называется будто бы жена Эсэгэмалана.

Из этих тюрко-монгольских сказок составилась ласская легенда. Царь Сронцзан хочет жениться; вельможа Гари отправляется

сватать для него девицу; этот вельможа отличается такою же мудростью, как Ереньчичен тюркской сказки и как Зара бурятской.

Ласская легенда кончается рассказом о царе-насильнике, который убит плясуном Балдорчжи, одетым в мантию с широкими рукавами; в такие мантии буддийские монахи одеваются, когда пляшут в обрядовых танцах, в так называемом цаме. В параллель этому эпизоду есть бурятская шаманская легенда о Эсэгэмалане и первом шамане. Эсэгэмалан — царь неба; он властвует над жизнью на земле; хотя непосредственным виновником смерти людей является Ерлик, но в случае, когда закон смертности нарушается, Ерлик жалуется Эсэгэмалану. Может быть, Эсэгэмалан и Ерлик есть раздвоение одного и того же, некогда цельного персонажа. Шаманская легенда рассказывает: дошла весть до Эсэгэмалана, что появился такой всемогущий человек (первый по времени шаман), что всех людей, обреченных к смерти, возвращает к жизни, и там, где он действует, люди перестали умирать. Эсэгэмалан, чтобы убедиться в истине этого известия, вынул из одного человека душу и спрятал ее у себя. Шаман, призванный родственниками того человека, начал камлать, т.е. плясать и бить в бубен, и открыл, что душа спрятана у Эсэгэмалана; он обратился к осу, ударил бога в лоб и, воспользовавшись его замешательством, перекрал душу и спас обреченного к смерти человека.

В тибетской легенде Эсэгэмалан обратился в царя-насильника⁴²⁶; пляшущий шаман явился под видом Балдорчжи, который также пляшет перед царем; специальный шаманский костюм заменен в тибетской легенде дамской мантией.

История Балдорчжи кончается тем, что он, совершив убийство,

---

⁴²⁶ Тип насильника в бурятской и тибетской легендах очерчен сходными чертами. Тибетский Ландарма призывает поочередно людей брить ему голову, а чтоб в народе не разгласилось, что его голова украшена рогами, он приказывает всякого брившего его казнить. Очередь доходит до сироты, единственного сына матери. Спасает от казни материнское молоко, т.е. материнская любовь. Бурятский Эсэгэмалан строит дворец и по очереди призывает людей и спрашивает: готово ли? Все замечают один угол недостроенным и отвечают: не готово! Постройка разрушается, и царь казнит всех до тех пор, пока очередь не выпала человеку, который был единственный сын у отца. По совету отца он сказал: готово! Рассказу придан конец в таком смысле, что спасает любовь сына к отцу.

убегает от погони, прячется в пещеру и тут обращается в неподвижно сидящую фигуру, которую гнавшиеся принимают за статую. И теперь в некоторых местах Северного Тибета указывают на статую, в которую обратился Балдорджи; это дает понять, что Балдорджи по народному верованию обратился в камень. Этот мотив дан уже в шаманских легендах. Шаман, оскорбивший бога и перекравший у него душу, осужден Эсэгэмаланом вечно прыгать (плясать) на вершине высокой горы, т.е. осужден на пребывание на одном месте. В одном из вариантов этой легенды шаман носит имя Бохоли (Очерки Сев.-Зап. Монголии. IV. 845). В других легендах первый шаман увозит дочь хана или жену его; именно в алтайском предании шаман Даинтеретарханбо (тере сокращенное из тенгре — небо, тархан — кузнец, бо — шаман) похищает царевну, в халхаском шаман Даинтирхин похищает жену Чингисхана; оба шамана обратились в камень (Ibid., 291). В бурятском предании сын неба спустился на землю, приняв вид быка, и похитил царевну, а потом окаменел; он известен под именем Буханоин (бык-господин) (Ibid., 264, 823). В калмыцком предании, которое, по-видимому, есть только версия сказания о Буханоине, Бохан (шаман-царь) присвоил чужую жену; в Иркутской губернии есть гора Бохан, возле которой по преданию жил могущественный шаман, который прекратил мор в своей стране; вероятно, это все тот же первый шаман, и сама гора, вероятно, представляется не чем иным, как окаменевшим шаманом (Зап. Вост.-Сиб. отдела Русск. геогр. общ. по этн. Т. I. В. 2. С. 146). В алтайской сказке сын неба Темирбоко (железный силач) прикован к стене в аду; за что, не сказано; по аналогии с предыдущими рассказами, вероятно, за похищение чего-то, может быть, женщины (Очерки Сев.-Зап. Монголии. IV. 680). В дюрбютской сказке тот же, вероятно, Темирбоко является под именем сына неба Темирбось (железная вошь; Ibid., 476). Во всех приведенных случаях встречается одна и та же форма в вариациях: бо, боко, буха, бохо; бо, пишется бугэ, значит “шаман”; вероятно, вариации боко, бохо, буха — домышления и первоначально на их местах также стояло бугэ — шаман.

Через взаимное сопоставление этих легенд персонаж, о котором они рассказывают, обобщается; это все один и тот же шаман, предания о котором находятся в более или менее тесной связи со

сказаниями о Чингисхане; в одном из приведенных случаев, как мы видели, связь эта ясно выступает: шаман похитил жену Чингисхана.

В ласской легенде и ее вариантах является на сцену бык. Так, в тибетской редакции бык понадобился как неизбежный помощник при постройке храма, а потом он же возрождается в виде мстителя за обиду в виде царя-насильника с бычьими рогами на голове; в монгольском варианте на быке едет погоня за похитителем святыни; египетский роман о двух братьях представляет как будто слияние этих двух версий; тут человек возрождается в виде быка и в этом виде мстит фараону за обиду; Анпу, едущий на этом быке, напоминает монгольский вариант, где на быке едет погоня за похитителем.

В бурятских легендах об Эсэгэмалане также является бык. Сын Эсэгэмалана спускается на землю под видом быка; его имя Буханоин (бык — князь) было уже приведено выше. Он живет тайно с царской дочерью или похищает ее и перевозит через Байкал; в другом легендарном отрывке содержится рассказ о том, что соперник гонится за Буханоином, Буханоин убегает на другую сторону Байкала и здесь окаменеет. При сведении этих отрывков в цельный сюжет история могла бы принять такой вид: Буханоин похищает царевну, переносит на северную сторону Байкала; за ним гонится погоня; догоняет, но Буханоин превращается в камень. Такова и была, вероятно, первоначальная схема ласской легенды.

Можно дополнить этот сюжет еще одной подробностью; в бурятском предании об озере Байкале говорится, что оно образовалось от изливания подземных вод через отверстие, которое сделал в скале сын неба (т. е. сын Эсэгэмалана), ударив по ней своей плотью. Эта подробность, мы думаем, входила в рассказ о Буханоине или могла войти в него; Буханоин убегал с похищенной царевной; в это время на нем гнались; погоня ударила плетью по скале, и на пути похитителя возникло озеро Байкал. Эта подробность в монгольской версии ласской легенды сохранилась в северной редакции: похитивший святыню убегает со своей ношей; за ним гонится погоня на быке; погонщик втыкает свой посох в землю, и из образовавшегося отверстия изливается вода, образующая море, которое преграждает путь похитителю, но он переезжает

через море благополучно подобно Буханоину (Этногр. обозр. Кн. XXV. С. 124).

В тибетской версии эта подробность уже утратила значение препятствия на пути похитителя; озеро изливается из отверстия колодезя как бы в наказание за неумение держать секрет в тайне.

В бурятских и монгольских легендах можно найти намеки на связь вышеприведенных сюжетов с Чингисханом. Выше уже было указано, что монгольская легенда о шамане Таинтирхине приписывает ему похищение жены Чингисхана (Очерки Сев.-Зап. Монг. II. 157; IV. 835); бурятская легенда вводит имя Чингисхана в рассказ о Буханоине, сыне Эсэгэмалана, и о происхождении озера Байкала (Зап. Вост.-Сиб. отдела Русск. географ. общ. Т. I. В. I. С. 108). Это народное воззрение на близость преданий о Чингисхане к сказаниям об Эсэгэмалане и первом шамане, кажется, может быть усвоено и науке.

Народное поверье монголов и бурят Чингисхана называет сыном неба, по монгольским легендам он сын Хормусты; при переводе на бурятскую терминологию он будет, следовательно, сын Эсэгэмалана; монгольские летописи тоже дают отцу Чингисхана сходное имя: Есуге или Есугай. Собранные монголо-бурятские устные и книжные предания свидетельствуют, что сюжет о похитителе женщины или святыни был не чужд Чингисхану. Иногда Чингисхан занимал в этом сюжете место царя, у которого совершалось похищение; так, шаман Таинтирхин похищал у него жену; в других рассказах у него похищалось знамя, золотой прикол или мутовка. Иногда он занимал место царя, для которого совершалось похищение; так, есть рассказы о насильственном добывании жены для Чингисхана. Иногда, наконец, сам Чингисхан, по-видимому, играл роль похитителя-шамана; есть указание в легендах на какого-то шамана, который назывался будто бы Хаджирчингис и которого легенды называют сыном неба (Банзаров. Черная вера. СПб., 1891. С. 12 и 78); этот сын неба Чингис, по нашему мнению, есть не кто иной, как Чингисхан, сын неба или сын Хормусты. Народное предание, живущее еще теперь в Монголии, называет Чингисхана "тарханом"⁴²⁷; это сближает его с именем тюркского шамана Даинтере-

⁴²⁷ Тархан по-монгольски — кузнец.

тарханбо. Словом, Чингисхан был тот первый шаман, который у бурят теперь известен под именем Боходи, Хараморгона и Харагыргена, а у алтайцев под именем Даинтере или Джарканата и который обладал необыкновенной вещей силой, имел способность спускаться на дно морское, подниматься на небо и торжествовал над смертью.

В книжных сказаниях о Чингисхане рядом с ним упоминается шаман Тубуттенгри; он выставляется соперником Чингисхана. По-видимому, письменные памятники сохранили только обрывки из предания о Тубуте; мы подозреваем, что этому Тубуту приписывалось, как и Таинтирхину, похищение жены Чингисхана. На это подозрение наводит летописное известие, что Тубут увел за собой иного народа, для возвращения которого был послан Сохор. Бурятское предание сохранило память о каком-то Бохаке, который жил с дочерью монгольского хана и бежал; для возвращения его был послан Сохор. Я думаю, что бурятское предание есть повторение летописного рассказа, что бурятский Сохор тождествен с летописным Сохором и что имя Бохак нужно исправить в Бохан, "шаман-царь", которому действительно легендой приписывается присвоение чужой жены. Сохор вместо Бохана нападает на какого-то шамана Гурте и убивает его; тут, кажется, бурятским преданием забыто, что этот-то шаман Гурте и есть тот Бохан, или, как оно переименовалось, Бохак, за которым послан Сохор. Подробности о его смерти сближают это предание со сказанием о Чингисхане; см. об этих легендах в наших статьях: "Легенды об Ашоке и предание о Чингисхане" (Этн. обзор. Кн. XXIII. С. 92), "Дочь моря в степном фольклоре" (Этн. обзор. Кн. XII. С. 60).

Имя Гурте только инициалом отличается от Бурте, имени одной из жен Чингисхана; такой обмен г на б в бурятском обыкновенен. Сличения этого бурятского предания с преданиями о Чингисхане дают повод к постройке такой схемы: у монгольского хана Чингиса шаман увез жену: за похитителем был послан Сохор, и шаман был убит; жена называлась Бурте или Гурте; иногда же это имя давалось шаману, который в других вариантах назывался еще именами Бохан и Тубут.

Имя Тубут в измененном виде, кажется, и теперь известно бурятскому фольклору. По преданию баргузинских бурят был какой-то Дебедей или Дегедей; у него была собака Бурте; это был

пастух Цолмона (т.е. звезды Венеры). Имя Бурте указывает на сказания о Чингисхане, возле которого оно не раз встречается; во-первых, так называлась одна из его жен; во-вторых, такое имя носил самый древний предок Чингиса “волк Бурте”, Буртечоно. К сожалению, подробной легенды об этих Дебедее и Цолмоне не записано, и мы не можем судить, можно ли проводить параллель между Цолмоном и Эсэгэмаланом (строителем храма, который много раз разрушался)⁴²⁸.

С первым шаманом, по-видимому, соединялась вера в его возрождение или в его новое появление на земле. О статуе Даинтирхина (т.е. о каменной бабе, которая принимается за его окаменевшее тело) рассказывают, что вскоре наступит его оживление, что камень развивает внутри себя животную теплоту, почему в морозные дни зимой покрывается инеем, и что из прежнего лежачего положения она приходит в вертикальное; словом ожидается его воскресение. Бурятское предание о первом шамане Бохолихара⁴²⁹ уверяет, что скала, на которой он осужден вечно скакать (т.е. плясать), истирается, и когда изотрется вконец, снова шаманы сделаются такими же могущественными, т.е. будут торжествовать над смертью. Эти мессианские надежды были, очевидно, связаны и с именем шамана Чингисхаджирэ, т.е. Чингисхана, и дошли до нас в виде ожиданий, которые теперь живут в монгольском народе. Монголы ждут, что Чингисхан снова явится на земле; тарханы, особые потомственные чины, которые охраняют его останки, по рассказам, ежегодно совершают обряд разыскивания, не народился ли Чингис где-нибудь в монгольских кочевьях. Если имя Чингис замещалось в легендах и поверьях именем Тубут, как мы думаем, то те же мессианские надежды были, конечно, приурочены и к имени Тубут.

---

⁴²⁸ По одному бурятскому показанию хозяин скота — звезда Цолмон, а пастух — Дебедей; по другому — звезда Цолмон или Ухасолбон выставляется пастухом, а хозяином скота является Эсэгэмалан (ст. Шашкова в “Живописном обозрении”, 1879. №19. С. 411). Такое смешение Эсэгэмалана с Цолмоном нужно ли объяснять одной случайностью, произволом рассказчика или оно коренится в генезисе легенды, решение этого вопроса будет зависеть от накопления вариантов легенды.

⁴²⁹ Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. общ. Т. XI. №1—2. С. 87.

Монголы, наводнившие в XIII веке Переднюю Азию, конечно, принесли сюда свои легенды и поверья о Чингисхане или Тубуте; эти рассказы о монгольском мессии встретились здесь с мессианскими идеями евреев, которые, может быть, разделяли с ними и другие жители Передней Азии; мы разумеем средневековых евреев, ожидавших пришествия царя Давида, который возобновит будто бы Иерусалим, соберет всех евреев и будет царствовать (Г. Халатьянц. Армянский эпос в истории Армении Моисея Хоренского. М., 1896. С. 816, со ссылкой на армянского писателя Езника Клопского). Этим объясняется, между прочим, то странное обстоятельство, что христиане Передней Азии завоевателя Чингисхана приняли за пришедшего вновь царя Давида.

Об отождествлении Чингисхана с царем Давидом см. в статье академика Куника “Исторические материалы и разыскания” (Уч. зап. Имп. Акад. наук по I и III отд. Т. II. СПб., 1858. С. 761 и след.). Крестоносцы воображали, что Чингисхан, христианин, придет освободить Святой Гроб. Монголов принимали за христиан; первое нашествие монголов в одном латинском источнике приписывается Regi David, qui presbiter Iohannes appellatur. По одному свидетельству, какой-то Давид причитается внуком царю Иоанну, а с 1219 и до 1221 латинские источники самого Чингисхана выдают за внука Иоанна. Куник говорит: “Последний кераитский хан христианского исповедания был Тогрул, который сам или сын его сделался известным под именем Давида”. Академик Куник не признает правильным толкование, что пресвитер Иоанн или поп Иван есть испорченное китайское ван (Ванхан). “По этому толкованию кераитский князь Тогрул, убитый в начале XIII в., должен бы был получить свое китайское почетное имя Ванхан уже в XI столетии!” (К этому столетию приурочено первое известие о пресвитере Иоанне; впервые оно упоминается у Вильгельма Трипольского в рассказе о завоевании Антиохии крестоносцами.) Если в Ванхане видеть историческое лицо, жившее в начале XIII века, то, конечно, возражение академика Куника имеет то значение, которое он ему придает; но значение его уничтожается, если под Ванханом разумеется легендарную личность, рассказы о которой могли жить в орде задолго до XIII века, в XI и даже ранее. Ван может быть не китайское ван — царь, а архаическое ордынское. Вот его вариации: сложное Шидырван у алтайских тюрков произносится

Шадырубан, у бурят — Шудурман; Ванхан кирейский у Марка Поло — Уягхан, в сибирских летописях — Онхан или Онсом.

Ассириолог Опперт думает, что повод к представлению, будто в лице Чингисхана возродился царь-пророк Давид, rex David, подало жителям Передней Азии имя шамана Тубуттэнгри, которое, по мнению Опперта, относилось к самому Чингисхану (Oppert. *Presbyter Johannes*. Berlin, 1864. S. 66). Из приведенных в нашей статье данных оказывается, что кроме имени к такому отождествлению вели также, во-первых, связанные с именем Чингисхана сюжеты: 1) о царе, замышляющем заговор против своего слуги, и 2) о царе, отнимающем чужую жену, т. е. сюжет об Урие (см. ст. “По поводу новых привлечений к былине и Добрыне”. Этн. обозр. Кн. XXII. С. 55), и, во-вторых, мессианские надежды.

Г. Потанин

Живая старина. 1897. № 7. Вып. 3—4. С. 294—350.

Семипалатинск и другие города Семипалатинской области

“Семь палат” — Семипалатинск. Усть-Каменогорск и его окрестности. Прорыв Иртыша через горы. Развалины буддийского капища Аблайкит. Золотые россыпи в группе Калбинских гор. Калмыктологий и киргизская легенда об нем. Город Кокбеты.

*Какая смесь — одежд, племен, наречий, состояний!..
А. Пушкин.*

Резко отличается Семипалатинск от всех других сибирских городов. Семипалатинск — это своего рода Одесса на нашей среднеазиатской границе; но надо сознаться, что это сравнение впадает в карикатуру. Семипалатинск — город, как и Одесса, только отчасти русский; он напоминает также Одессу и свою ужасную песчаную пылью, которая подала повод местным жителям прозвать его “песочницей”. Вместо кораблей и западноевропейских негодяев здесь имеются вереницы верблюдов из Туркестана и Китая и азиатские чужеземцы. Навьюченный верблюд, этот “корабль пустыни”, представлен и на гербе области как указание на торговые сношения города с мусульманскими Востоком.

Город лежит на старинном торговом пути из Центральной Азии в Северную Европу. Уже в XVII веке здесь было население калмыцких лам. Русский посол в Китае, Федор Исакович Байков, нашел здесь каменные хоромы, в которых жили буддийские монахи: в окрестностях селения производилось хлебопашество. Позднее, в конце прошлого столетия, известный путешественник Паллас нашел только развалины калмыцких зданий, слывших в народе под названием “семь палат”; в честь их город и получил название Семипалатинска. Сюда направлялись караваны из Яркенда, Кашгара и Кульджи; близ города они переправлялись на правый берег

Иртыша. Впрочем, разгрузка караванов сначала производилась у Ямышевского озера, в местности, гораздо более северной. Семипалатинск начал получать торговое значение только с конца прошлого столетия. Соответственно этому возрастало и его население. Много поселилось в нем татар из Казани и сартов из независимого Туркестана. Наибольшего развития семипалатинская торговля достигла с открытием русских факторий в Кульдже и Чугучаке, т.е. в 50-х годах нынешнего столетия; но затем, с отложением Туркестана от китайской империи, вместе с разорением китайских городов Чугучака и Кульджи торговля в Семипалатинске упала.

Город расположен на высоком правом берегу Иртыша, в котором заметны твердые выступы сланцев. С берега открывается вид на далеко расстилающуюся на левом берегу киргизскую степь; вдали, верстах в 40, виднеются на горизонте синеватые очертания скалистых гор Семейтау. Окрестности города безжизненны; площадь, занятая городом, представляет песчаную поверхность, кое-где бугристую. Песчаная и пустынная степь расстилается и вокруг города. Только бугры, чем дальше от него, становятся крупнее. Вдали, по окраине степи, в виде каймы ее облегает сосновый бор, порядочно вырубленный уже и имеющий в настоящее время вид рассеянных по горизонту деревьев. Пустынное, безжизненное пространство между городом и бором трудно себе и представить. Здесь не встретишь ни красивого цветка, ни порхающей бабочки; серые, колючие растения, свойственные азиатским степям, скудно прикрывают почву.

Самый город, несмотря на усилия администрации придать ему физиономию, приличную для областного административного центра, представляет массу старых, деревянных строений, разбросанных на несколько групп широкими площадями, по которым свободно гуляет ветер, разносящий пыль с песчаных бугров. Не только на площадях, где бугры эти поднимаются так высоко, что, если смотреть с одного конца площади, здания на другом конце выглядывают из-за вершины заносов только в половину своей высоты, песчаные суметы покрывают и узкие улицы, поднимаются до крыш зданий, заваливают сады и бульвары.

Город состоит из двух частей — русской и татарской; последняя богаче и обширнее; в ней до десятка мечетей, минареты которых

издали придают городу восточный вид. Впрочем, мечети все деревянные, за исключением одной, очень красивой, построенной по плану известного архитектора Тона. Русских церквей в городе две. Общественной жизни в городе нет. Из учебных заведений имеется одна только прогимназия, существующая с 1864 года.

Жители города большею частью занимаются земледелием. Хотя вблизи города и заметны оросительные каналы прежних поселенцев-калмыков, однако ж ныне орошение не поддерживается и не продолжается. Что это — неумение или нежелание — трудно сказать. Пашни городских жителей находятся в местности Бэлягач, лежащей в 25 верстах от города, в дачах Кабинета Его Величества. Землевладельцы платят в Кабинет за право пользования этими землями оброк. Так как место это лежит не близко от города, то жители переселяются туда на время летних работ с детьми, со всем своим скотом и домашней птицей. Городские же дома стоят в это время заколоченными. Местность Бэлягач представляет высокую степь, залегающую среди сосновых боров; водных источников в этой местности нет, поэтому за водой приходится ездить на Иртыш за 20 верст. Впрочем, на многих участках устраиваются так называемые “щиты” или загородки из хвороста в виде буквы П, в которые зимой ветром набиваются сугробы снега; весной эти снежные запасы прикрывают толстым слоем соломы, чтоб задержать таяние. Из этих запасов по мере надобности отламывают снежные комья и кладут на жолоба. Снег тает, и вода по жолобам стекает в бочки, из которых ее берут для питья и в кухни. Местность к югу от Семипалатинска, вверх по Иртышу, становится приветливее; у устья р. Ульбы появляются передовые отроги Алтая, а еще южнее дорога становится гористой. Город Усть-Каменогорск лежит уже со всех сторон окруженный горами.

Этот небольшой город, с 3400 жителей, тем и замечателен, что, за исключением Кузнецка, — единственный город в Алтае, расположенный внутри гористой страны; другие города лежат вне Алтая, при северной подошве его предгорий. Из городских мезонинов в Усть-Каменогорске во все стороны видны горы, но нельзя сказать, чтоб они служили живописными рамками для города. Город расположен на ровной трехугольной площадке, которая с двух сторон обрезана течением сливающихся у самого города рек

Ульбы и Иртыша; третий бок треугольника окаймлен горами, которые образуют здесь прямой вал без всяких вырезок в гребне; ни ущелья или значительной неровности, ни опущенного лесом или кустарником ската не видно из города на этом вале.

Вал на обоих своих концах обрывается двумя крутыми профилями, из-за которых и вырываются на городскую равнину две названные горные реки. Обрывы, нависшие тут над водой, очень картинны, но они обращены лицевой частью в сторону, противоположную городу. В других частях из города видны горы с более красивыми очертаниями; особенно выдается на юг за Иртышом стоящая среди отрога Калбинского хребта трехзубая гора Монастырь. Но эти горы далеко отстоят от города и служат только живописной далью картины. Берега обеих рек голы; только при слиянии их, у самого города, появляются тополя и ивы, образующее рощи с топкой, глинистой, часто заливаемой водою почвой. Вообще, город лишен мест, удобных для общественных гуляний; городского сада также нет.

Вместо загородных прогулок жители ездят на пасеки. Удивительный контраст с этими окрестностями города поражает человека, если только он переваливает через прилегающие к городской земле горные высоты по другую их сторону, где его ожидают живописные леса, опущенные кустами черемухи и бузины, с разнообразной цветущей растительностью. В этих-то горных ложбинах и рассеяны многочисленные пасеки. По дну такого лога нередко шумно катит по камням ручей; некоторые из логов так круты, что и пешему трудно взбираться по его дну. Такой малодоступностью и дикостью картины отличается, например, лог, в котором течет Чертов ключ.

Городские жители занимаются исключительно земледелием; самые постройки в городе напоминают более сибирские деревни; только в середине города встречаются пять, шесть деревянных домов с городской внешней отделкой, каменных домов вовсе нет. В особенности напоминают деревню задние улицы, где низенькие домики разьединены большими огородами и улицы состоят из невысоких тынов, увитых повиликой (*Convolvulus arvensis*) и заросших бурьяном из крапивы и репья, из-за зелени которых подсолнухи выставляют свои желтые круги. Образованное общество в городе

немногочисленно; изредка оно сплачивается в клуб, но вообще живет разьединенно. Ничтожная потребность его в интеллектуальной пище характеризуется отсутствием общественной библиотеки.

В полуверсте от города, по берегу Иртыша, под скалой находится пристань, где выгружается руда, доставляемая сюда по реке из Зырянского рудника, лежащего в долине Бухтармы. Тут же переправа на пароме через Иртыш на киргизскую сторону; здесь переезжают через реку едущие по почтовой дороге в Зайсанский пост. У пристани, под скалою, по крутому косоугору живописно лепятся один над другим домики служащих на горной пристани, а в стороне от этой слободки путешественник наталкивается на совершенно своеобразную картину. По высокому берегу реки тянутся ряды куч руды, вроде тех куч щебня, которые встречаются в европейской России подле шоссе; только здесь эти кучи занимают площадь в несколько сот квадратных сажен. Выше этого места Иртыш течет в тесных горах; здесь Алтай переходит на левый берег реки, и последняя течет в глубокой трещине, отделяющей Алтай от его западного продолжения, известного под названием Калбинского хребта.

Бухтарминский район с трудом сообщается с внешним миром. На востоке — трудная дорога через высокое алтайское плоскогорье Укэк ведет в Китай; это одна из самых трудных дорог в Алтае. С южной стороны Бухтарминской долины проходит высокий хребет, который только на западе понижается; из средней части долины через этот хребет приходится переваливать уже по высоким и крутым горным проходам, а еще восточнее, на последних 80 верстах к Куйтуну, т.е. к вершине р. Бухтармы, хребет так завален снегами, что совсем непроходим. На север, через Холзун, в северные долины Алтая ведут только горные тропинки, по которым можно проезжать верхом. Только на западе находятся более удобные выходы из долины, их два: один тележный, через северный хребет, ведет из крепости Бухтарминской в Усть-Каменогорск; другой — водный, по Иртышу. Оба эти пути не уступают друг другу по живописности. Вид Бухтармы в верхних частях, несмотря на дикость природы, прекрасен. Роскошная растительность долины составляет контраст с суровыми вершинами гор, уходящими в небо. Горная дорога проходит по двум ущельям речек Проходной

и Пихтовки. Проходная лежит на северном склоне хребта; узкая дорога извивается по дну ущелья, между скалистыми горами, местами поросшими целым лесом ели и пихты; вдоль дороги бежит ручей, местах в двадцати перебегая дорогу, по сторонам его густые заросли черемухи, жимолости, гороховника, шиповника, рябины и смородины. Еще более дико и грандиозно ущелье Пихтовки. По всей дороге торчат “чертовы зубья”, как зовут местные жители вертикально стоящие сланцы, и бегут ручьи. Иногда теснина становится так узка, что экипаж на большом протяжении должен ехать по каменистому руслу Черной речки. И здесь долина густо заросла. Кустарники опушают берега речки, а хвойный лес или спускается вереницами по крутым логам между скалами, или стоит щетиной по гребню гор. Обе долины известны своими снежными лавинами, или по-здешнему — “оплывинами”, которые в них бывают в зимнее время. Такие “оплывины” совершенно заваливают теснину, образуя высокий поперечный вал, который на несколько дней, пока рыхлый снег не затвердеет, прекращает сообщение по долине. Местами по этой дороге попадают небольшие казачьи станицы. Путь по Иртышу не менее богат романтическими видами, но горы, сопровождающие реку, безлесны и безлюдны, и потому путешествие по ней однообразно и утомительно.

Река на протяжении 120 верст течет, как здесь выражаются, “в трубе”. С обеих сторон к реке толпятся отвесные скалы; береговой полосы нет, и на всем протяжении разве найдется места два-три, где можно было бы найти ровную площадку для поселения. Река течет чрезвычайно быстро.

Местами под скалами есть опасные прибои. Такие скалы с приboями известны здесь под названием “быки”. Некоторые быки приобрели печальную известность, как, например, бык Шаранка, считающийся самым опасным, и ряд быков под названием “семь братьев”, о которых говорят: “Если попадешь на первого брата — побываешь на всех семи”. Другие скалы сделались известны в народе по причудливым очертаниям, как, например, Петух — черная сланцевая скала с вертикально поднимающимся от основания ее отростком.

На левом берегу Иртыша, против Усть-Каменогорска, как и против Семипалатинска, лежит киргизская степь, но здесь она на всем горизонте представляется усеянную горами. Выше других,

когда смотришь в эту сторону из города, выдается группа, известная у русских под именем Монастырь, а у киргизов — Аиртау. Эти горные группы и цепи в левом краю картины все ближе и ближе подходят к первому плану и, наконец, упираются в берег Иртыша посредством высокой скалистой массы, которую зовут Пригонной сопкой. Название это гора получила оттого, что сюда некогда приплывали олени во время своих перекочевков. Они обыкновенно лето проводили в вершинах Бухтармы, на альпах, а к зиме спускались на заречную сторону, где снега не бывают глубоки; осенью они уплывали выше города и выходили на берег у Пригонной сопки. Здесь охотники устраивали пригоны, т.е. строили городьбу на протяжении нескольких верст с отверстиями и ямами при них, куда звери падали и становились добычей охотников. Отсюда и имя горы. Теперь, конечно, и в помине нет ни зверей, ни охотников.

Переправившись против Пригонной сопки на левый берег Иртыша, путешественник едет на юг, постепенно поднимаясь в гору, местами довольно круто, по густой травянистой растительности, убранный крупными и яркими цветами. Затем начинается подъем на горы. Поднявшись на первый хребет, путешественник невольно оглядывается назад, чтоб бросить последний взгляд на остающийся сзади Алтай. Внизу виднеется Иртыш со своими плоскими лугами; город, растянувшись вдоль его берега; за городом поднимаются многочисленные горы, одни выступая из-за других, пока, наконец, масса их не завершается едва различаемыми очертаниями Риддерских белков. Те высоты, которые были видны из города и загорали собою этих великанов, только отсюда получают настоящую свою оценку. С перевала путешественник спускается в долину речки Урянхайки. Имя этой ничтожной горной речки, как и имя Пригонной сопки, — исторический памятник. Оно напоминает, что некогда (именно в половине прошлого столетия) здесь кочевало племя, называвшееся урянхайцами.

Племя это проводило лето на высоких и прохладных горах в вершинах Бухтармы, а на зиму, следом за стадами, спускалось к Иртышу, переходило на его левый берег, располагалось со своим домашним скотом в здешних малоснежных степях и охотилось за горными баранами. Охота эта продолжается на Бухтарме и доселе, но только она перешла ныне к киргизам.

От Урянхайки путешественник едет далее, то поднимаясь на хребты, то опускаясь в долины, в общем же, постепенно все поднимаясь на гребень Калбинского хребта, как называется самое западное продолжение Алтая, оторванное от него трещиной, по которой протекает Иртыш. Самую высокую группу, мимо которой проходит дорога, представляют Аблайкитские горы. Они так названы в честь развалин, лежащих у их подошвы. Здесь было устроено буддийское капище Аблайкит, обнесенное вокруг стеной, сложенной из дикого камня. За этой стеной располагались монахи в войлочных юртах. Капище было деревянное, построенное на террасе в сажень высоты, сложенной из диких камней. Еще Паллас в конце прошлого столетия застал здания целыми, хотя и пустыми. Ныне уцелели только терраса и окружающая ее стена, да возле террасы валяются камни, обтесанные в виде баз, служившие, вероятно, подставками под деревянные колонны, поддерживавшие потолок капища.

Окрестные горы замечательны золотиносными россыпями; прииски здешние беднее томских, но зато золото высшей пробы. Обстановка золотых приисков совсем другая. Рабочие — исключительно киргизы; труд дешевле. Здесь прииски не представляют такой замкнутой, почти изолированной жизни, как в тайге. Прииск разбросан на открытой местности среди немного волнистой степи. Впрочем, вид прииска и здесь тоскливо однообразен, далеко еще более однообразен, чем в тайге, хотя он и складывается из других элементов. Всяду серый цвет — и на холмах, окружающих прииски, и на вертикальных плоскостях разрезов. Яркой зелени глаз не встретит; трава, покрывающая скаты холмов, серовато-зеленая, как полынь. Разве только где-нибудь обнаженная белая глина резко сверкает на солнце. По этой тоскливой поверхности движутся сотни смуглых, полунагих киргизов, перетаскивая тачки по проложенным дорожкам; другие группы копошатся в разрезах, занятые раскопкой.

Далее путешественник вступает на плоские вершины Калбинского хребта, известные под названием Караджала, т.е. черная грива. Горы здесь плоские и высокие, почва мягкая, места прохладные, замечательные отсутствием овода. Здесь множество нор сурков, как и на других высоких хребтах Азии. Жилище этого зверка имеет вид большой норы вроде волчьей. Она открывается обыкновенно

на скате горы: часто над отверстием висит каменная глыба, точно крыша; с противоположной стороны отверстие окружено высоким отвалом вынесенной из норы земли, на которой всегда появляется густая трава из злаков, любящих разрыхленную землю. На этом отвале, как на ступенях у входа в здание, любят зверьки сидеть на задних лапках, посвистывая и прискакивая при каждом свистке. Они не обращают внимания на проходящих мимо и оглашают воздух своими переключиваниями, пока не заметят, что путник направляется прямо к ним. Тогда животное мгновенно исчезает, как актер, проваливающийся сквозь землю на сцене.

На прохладных высотах Караджала проводят лето муруны, которые сюда приходят от подошвы Тарбагатая, при которой они имеют свои зимовки. Муруны — многочисленное и богатое киргизское поколение. Оно захватило в свое владение обширные земли. От зимовок до летнего жилья оно переменяет 30 кочевков, тогда как у других делается всего 4 или 5 кочевков.

С Караджала дорога спускается в равнину озера Зайсана. У самого конца спуска, на северной окраине этой равнины, стоит, как бы сторожа дорогу, куполообразная каменная вершина Калмыктологой. Название это монгольское, а не киргизское, как и название многих других здешних урочищ, потому что земли эти были еще в прошлом столетии заняты калмыками, а киргизы появились в них позднее. Тологой по-монгольски значит “голова”. Это название часто придается монголами выдающимся куполообразным вершинам. Что значит калмык, неизвестно, но этот эпитет нередко встречается в Монголии как имя замечательных урочищ. О Калмыктологое у киргизов существует следующая легенда, вероятно, монгольского происхождения.

По словам легенды, Калмыктологой стоял прежде при подошве Тарбагатая, верстах в 150 от нынешнего места. Один сильный богатырь Сортактай, имя которого известно до сих пор и в Алтае на Катунь, и в Хангае в Монголии, задумал положить мост через Иртыш. Для этой цели он позвал своего сына и вместе с ним, взвалив гору на плечи, понес к Иртышу. При этом он предупредил сына, что предприятие их может удасться под условием, если они до окончания постройки моста воздержатся от брачного ложа. Но там, где ныне стоит Калмыктологой, гора опустилась и придавила

богатырей, потому что сын нарушил заповедь отца. От Калмыктологоя на юг стелется ровная степь. В 15 верстах от него, на берегу небольшой речки Кокбектинки, лежит город Кокбекты. “Город этот, — по словам одной русской путешественницы, — не что иное, как большая корзина”. Действительно, в городе ничего не видишь, кроме плетней; заборы, скотские хлевы, сараи, амбары — все плетенное из ивы; сами дома большею частью — сплетенные из ивы мазанки. Население состоит преимущественно из казаков. В городе считается не более 2000 жителей; живут бедно. Окрестности города не представляют благоприятных условий для хозяйства; развитию хозяйства мешает также военно-поселенческий характер населения. Словом, город этот представляет собою не торгово-промышленный пункт, а пункт чисто административного управления, выбранный совершенно неудачно и не обещающий сколько-нибудь удовлетворительного развития в торгово-промышленном отношении.

Г. Н. Потанин

Живописная Россия.

СПб.; М., 1884. Т. 11. Западная Сибирь. С. 313—320.

Завоевание и колонизация Сибири

Роль простого класса при открытии, исследовании и колонизации Сибири. Соболий промысел как главный рычаг при исследовании Сибири. Отличие первоначального строя в управлении Сибирью от последующего. Два эпизода управления Сибирью. Значение Сперанского для Сибири.

*Ряд картин
Забывтой Богом стороны,
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык!
Как рабствует второй!*

Н. Некрасов

Человечество обязано цивилизацией двум центрам, лежащим на двух противоположных концах материка Старого Света. Европейская цивилизация зародилась на берегах Средиземного моря, китайская — на восточных окраинах материка. Эти два мира, европейский и китайский, жили отдельной жизнью, едва зная о существовании друг друга, но не совсем без сношений между собою. Произведения этих отдельных стран, а может быть, и идеи, передавались с одного конца материка на другой. В промежутке между двумя мирами лежал путь международных сношений, и это общение Востока с Западом вызывало вдоль пути большие или меньшие успехи оседлости и культуры, несмотря на то, что самый путь проходил по местам пустынным, где плодородные участки встречаются урывками и разъединены безводными пространствами. Сибирь, более удобная, чем эти пустыни, для оседлости и культуры, лежала в стороне от этого международного пути и потому до позднейших веков не получила никакого значения в истории

развития человечества.

Обоим цивилизованным мирам Старого Света она оставалась даже почти вовсе неизвестною, потому что пределы этой страны были обставлены такими затруднительными условиями, что проникновение в страну представляло серьезные препятствия.

На севере устья ее больших, подобных морским рукавам, рек заслонены льдами Северного океана, по которому только в последнее время проложен путь. На востоке она примыкает к туманным, бурным и мало посещаемым Охотскому и Беренгову морям. От цивилизованного юга Азии она отрезана степями. На западе запирает вход в нее лесистый Урал. При таких условиях сношения с соседними странами не могли развиваться, цивилизация не проникала сюда ни с запада, ни с востока, и сведения об этой обширной стране были самые сбивчивые, сказочные. От отца истории Геродота почти до знаменитого имперского посла Герберштейна вместо достоверных сообщений о Сибири передавались только басни. Или рассказывали, что на крайнем северо-востоке живут одноглазые люди и грифы, стерегущие золото; или передавали, что там люди заключены за горами, имеющими только одно отверстие, через которое они выходят раз в год для торговли; или, наконец, уверяли, что они на зиму погружаются в спячку, как животные, примерзая к земной поверхности посредством жидкости, которая вытекает из их носа. Сказочность известий свидетельствует, что во все время, пока складывалось русское государство, сношения с Сибирью были очень затруднительны и редки вследствие непроходимости лесистого Урала. Перевал через этот хребет, по которому теперь перекинут рельсовый путь, в отдаленные времена был настоящим международным барьером. Еще в прошлом столетии ехавший через Урал в Березов для наблюдений астроном Делиль заявлял, что всякий, кто претерпит путь через Урал, станет удивляться, что есть люди, не решающиеся принять Урал за границу между Европой и Азией.

В XVI столетии попытка образовать в Сибири государство была сделана туркестанцами. Путь из Туркестана в Сибирь лежал через степь, обитаемую киргизами, народом, занимавшимся скотоводством и набегами на соседей. Это было хищническое, подвижное население, не знавшее над собой никакой власти. Сюда убегали

недовольные из соседних туркестанских оседлых государств, как простые люди, так и принцы, и нередко какой-нибудь способный авантюрист спланировал вокруг себя значительную шайку удальцов, с которую и делал набеги на оседлые местности, сначала для грабежа, а потом и для завоеваний — набеги, кончавшиеся иногда основанием новой и сильной династии. Вероятно, такими-то удальцами и были основаны первые зародыши татарской, собственно туркестанской, колонизации в Сибири.

Сначала возникло несколько отдельных княжеств. Одно из них, самое древнее, было Тюменское, другой князь жил в Ялutorовске, третий — в Искере. Вдоль рек была заложена прочная колонизация из татарских поселений. В поселениях, бывших резиденциями князей, были устроены крепости или городки, в которых жили дружины, обязанные собирать князю дань с окрестных бродячих племен. Эти колонисты положили начало земледелию и ремеслам. Из Туркестана являлись сюда хлебопашцы, кожевники и другие мастера, а также купцы и проповедники ислама; муллы принесли сюда грамоту и книгу. Отдельные князья, конечно, не жили между собою мирно; время от времени появлялись между ними личности, стремившиеся объединить край под своею личною властью.

Первое объединение удалось совершить князю Едигеру. Тотчас же это новое царство сделалось известно на западной стороне Урала. До тех пор пока Едигер не образовал из всех мелких татарских поселений целого Сибирского царства, Зауралье не привлекало к себе взоров ни государственных людей России, ни простых промышленников. Мелкие народцы Сибири жили в своей глуши, не давая о себе знать. При Едигере же столкновения между пограничными жителями повели к сношениям между Москвою и Сибирью, и в 1555 году явились в столицу Московского государства первые сибирские послы. Может быть, те дары, которые были привезены в Москву, указали на богатство Сибирского края пушминой, и тогда же явилась мысль завладеть этим краем. Участь Зауральского края в умах московских государственных людей была решена; московский царь стал сношаться путем посольства с Сибирью. Едигер признал себя данником и ежегодно присылал по тысяче соболей. Но эта дань была внезапно прекращена. Степной наездник Кучум с толпою татарской орды напал на Едигера и

завоевал его царство. Разумеется, московские воеводы заставили бы и Кучума признать московскую власть, но их предупредила банда вольницы под предводительством Ермака. Одна из сибирских летописей инициативу приписывает именитому гражданину Строганову, народная же песня — самому Ермаку.

Песня намекает, что волжскую вольницу стеснили со всех сторон и не давали ей простора разгуляться, и вот собрались казаки на астраханской пристани “во единый круг думати думушку со крика ума, с полна разума”. “Куда бежать и спастись?” — спрашивает Ермак:

А на Волге жить? — Ворами слыть...
На Яик идти? — Переход велик.
Во Казань идти? — Грозен царь стоит.
Во Москву идти? — Быть перехватанными,
По разным городам рассаженными,
И по темным тюрьмам разосланными...

Надумал Ермак идти в Усолье, к Строгановым, взять у них запасу хлебного и ружейного и напасть на Сибирь. Летопись рассказывает, что Ермак прибыл в земли Строгановых осенью 1579 года. Строгановы были богатые крестьяне, разжившиеся на добывании соли из варниц. Они скупали у инородцев большие земли, завели городки, держали в них гарнизоны и пушки. Максим Строганов, тогдашний глава этой фамилии, был напуган появившейся шайкой Ермака на Урале, но должен был смириться и исполнить все, что от него потребовал решительный атаман; он снабдил дружину Ермака свинцом, порохом, сухарями, крупой, дал ему пушки и вожаков из зырян. В первое лето Ермак забежал на судне из Чусовой не в ту речку, в которую следовало, и потому ему пришлось тут зимовать. Только в 1580 году Ермак явился на сибирском склоне Уральского хребта; он поднялся в лодках по Чусовой и Серебряной и спустился в Туру.

Первые туземцы встретились ему в юртах княжца Епанчи, где ныне город Туринск. Тут было дано первое сражение. Раздались казачьи выстрелы; татарское население, не видавшее прежде огнестрельного оружия, разбежалось. Отсюда Ермак спустился в

лодках вниз по реке до Тобола и Тоболом — до впадения его в Иртыш. Здесь был татарский город Сибирь или Искерь, т.е. небольшое селение, окруженное земляным валом и рвом; оно служило резиденцией сибирского царя Кучума. Ермак предварительно напал на небольшой городок Атикин, который лежал вблизи Сибири. Татары были разбиты и бежали. Эта битва решила участь татарского владычества в стране. Татары не решились более противостоять казакам и бросили город Сибирь. На другой день казаки были удивлены тишиной, царствовавшей за городским валом: “и нигде никакого гласа”. Казаки долго не смели войти в город, боясь засады. Кучум укрылся в южных степях Сибири и из оседлого царя обратился в кочевника. Ермак стал обладателем края. Он ударил челом московскому государю.

Песня говорит, что он явился в Москву и предварительно подкупил московских бояр собольими шубами, чтобы доложили о нем царю. Царь принял подарок и простил Ермаку и его товарищам убийство персидского посла. Тотчас было послано в Сибирь царское войско под начальством воеводы Болховского. Оно заняло город Сибирь, но вследствие утомительных переходов, недостатка в съестных припасах и нераспорядительности воеводы в войсках начался мор от голода, и сам воевода умер. Ермак вновь стал главным правителем края, но ненадолго. В это время он услышал, что вдоль Иртыша идет в Сибирь бухарский караван. Ермак пошел к нему навстречу, но на пути был окружен татарами и погиб в этой свалке.

Это случилось в 1584 году. Песня говорит, что с ним было всего только две коломенки; Ермак хотел перескочить с одной коломенки на другую, чтоб помочь своим товарищам. Он ступил на конец переходки; в это время другой конец доски поднялся и опустился на его “буйну голову” — и он упал в воду.

Казаки бежали из Сибири. Все завоеванные города были снова заняты татарскими князьями, и в Искер явился князь Сейдяк. В Москве еще ничего не знали об этом и послали в Сибирь новые войска для продолжения и укрепления завоевания. Поэтому казаки не успели еще дойти до Урала, как встретили идущего в Сибирь воеводу Мансурова с войсками и пушками. Мансуров не остановился в Сибири, проплыл вниз по Иртышу, до впадения его

в Обь, и тут основал городок Самарово, в стране пустынной, занятой невоинственными осятками. Только следующие воеводы стали строить города в более важных местах, занятых татарами.

В течение нескольких лет русские не были единственными хозяевами в крае. Рядом с ними жили татарские князья и собирали ясак на себя. Татарские крепости перемежались с русскими. Воевода Чулков в 1587 году основал город Тобольск, в нескольких верстах от Сибири, следы которой сохраняются и до сих пор около Тобольска. Взять татарский город силой, как сделал Ермак, воевода не решился. Однажды, рассказывает летопись, татарский князь Сейдяк с двумя другими князьями — Салтаном и Карачей — и со свитой в 400 человек выехал из татарского города на ястребиную охоту и подъехал под стены русского города. Воевода Чулков пригласил их в свой город. Когда татары хотели войти с оружием в руках, воевода остановил их словами, что “так в гости не ходят”. Князья оставили оружие и с немногочисленной свитой вошли в русский город. Гостей привели в дом к воеводе, где были уже готовы столы.

Начался длинный разговор о “мирном поставлении”, т.е. миролюбивом разделении власти над Сибирью и о заключении вечного мира. Князь Сейдяк сидел задумавшись и ничего не ел; тяжелые мысли и подозрения приходили ему в голову. Воевода Данило Чулков заметил смущение и сказал ему: “Княже Сейдяк! Что зло мыслиши на православных христиан, ни пития, ни брашна вкуси”. Сейдяк ответил: “Аз не мыслю на вас никакого зла”. Тогда московский воевода взял чашу с вином и сказал: “Княже Сейдяк, аще не мыслиши зла ты и царевичи Салтан и Карача на нас, православных христиан, и вы выпейте сие за здравие”. Взял Сейдяк чашу, начал пить — и поперхнулся. Стали пить после него царевичи Салтан и Карача — и тоже поперхнулись — Бог бо обличающе их. Видевшие же сие воевода и воинстии людие, яко зло мыслиша на них князь Сейдяк и прочие, хотят их смерти — и помахав рукою воевода Данило Чулков, воинстии же люди начаша побивати поганых”. Сейдяк с лучшими людьми был схвачен и отправлен в Москву. Это произошло в 1588 году. С этого времени власть московского воеводы утвердилась в Сибири.

До открытия Сибири Волга была каналом, через который выходили из государства так называемые опасные элементы. Сюда бежали и неплательщик податей, и преступник; сюда же уходил

энергичный человек, который искал широкой деятельности; сюда бежали не только крепостные крестьяне, бродяги и гулящие люди, но и личности из простого народа, выдающиеся умом и характером, которым не было должного хода в жизни. Когда Ермак вывел часть волжской вольницы за Уральский хребет, все, что прежде бежало на Волгу, бросилось в Сибирь. Вместо грабежа торговых караванов на Волге эмиграция на новой почве принялась завоевывать бродячие племена и облагать их ясаком из соболей в пользу московского государя, причем, конечно, значительная доля перепала самим завоевателям. Но чтобы отнять соболя у инородца, надо иметь перевес в силе, надо обладать храбростью и другими условиями. Поэтому часть эмиграции обратилась непосредственно к промыслу за соболями. Слухи о несметном количестве соболей в Сибири, рассказы, быть может, преувеличенные, о том, что инородцы за железный котел дают столько собожьих шкур, сколько в котел вместится, вызвали усиленную эмиграцию не только из крепостной Москвы, но и из свободного населения древней Новгородской области. Жители нынешних Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний, издавна знакомые с звериными промыслами, пустились в Сибирь добывать дорогого зверя. Все эти эмигранты, начиная с военной дружины Ермака, шли в Сибирь или на лодках, или пешком. Поэтому и первый разлив эмиграции по новой стране совершился по лесной полосе, путем речных сообщений. В южные степи эмиграции не шла, потому что у нее не было лошадей, чтобы делать набеги на живущих в степях кочевников; да притом у кочевников ничего не было, кроме скота, а эмигрантам нужны были дорогие собоьи шкуры, и эмиграция забиралась далеко на север, ближе к Ледовитому океану. Ввиду этого в XVII и начале XVIII столетия север Сибири был гораздо оживленнее, чем теперь. Северные города Сибири основаны раньше южных. Особенно славился в старой Сибири город Мангазей (песни придают ему эпитет "богатея"), лежавший чуть не у берегов Ледовитого океана и теперь вовсе не существующий. География Северной Сибири и даже Таймырского полуострова была известна русским XVII столетия лучше, чем в позднейшее время. Но когда соболь и другие дорогие звери были истреблены на севере,

народонаселение начало подниматься вверх по рекам и основывать южные города.

Распространение русской власти в крае шло таким порядком. Укрепившись на Тоболе и его притоках, русские стали распространять свои владения в Сибири вниз по Иртышу и Оби. В 1593 году был основан город Березов на нижнем течении Оби. В том же году русские поднялись по Оби вверх от устья Иртыша и основали другой город, Сургут. Через год, в 1594 году, отряд из полутора тысяч военных людей поднялся по Иртышу выше устья Тобола и основал город Тару. У Тары военные предприятия вверх по Иртышу прекратились и начались вновь в этом направлении только после того уже, как вся Сибирь, вплоть до Тихого океана, и были завоеваны Камчатка и Амур. Омская крепость, лежащая всего в 400 верстах к югу от Тары, основана была только в 1817 году, следовательно, через 224 года после основания Тары.

Единственное завоевание, сделанное при помощи Тары, заключается в земле барабинских татар. Напротив, партии из северных городов заходили гораздо дальше на восток. Березовцы в 1600 году основали город почти у самого Ледовитого моря, на реке Тазе, и назвали его Мангазею; сургутские казаки пошли вверх по Оби и основали на ее притоке, реке Кети, Кетский острог; поднявшись еще выше по Оби, встретили реку Томь, и на ней, в 60 верстах выше устья, был основан в 1604 году город Томск; четырнадцать лет позже, т.е. в 1618 году, был основан город Кузнецк на той же реке Томи, но выше Томска.

Тут завоеватели Сибири впервые дошли до южносибирских гор, которые отделяют ее от Монголии. Основанием Кузнецка закончилось занятие обширной системы реки Оби; треть Сибири была занята; далее на восток оставались еще две такие же большие речные системы: Енисейская, к занятию которой тотчас же после завоевания Обской системы и было приступлено, и Ленская, лежащая восточнее Енисейской.

Занятие Енисейской системы началось с Крайнего Севера. В один год с тем, как в Обской системе был основан город Томск, мангазейские казаки, или промышленные люди, завели на Енисее зимовье, где ныне стоит город Туруханск. К 1607 году самоеды и остяки, жившие на Енисее и реке Пясида, были обложены ясаком; а в 1610 году русские, спускаясь вниз по Енисею на судах,

достигли его устья, т.е. вышли в Ледовитое море. Средние части Енисейской системы были открыты кетскими казаками, которые, облагая остяков вверх по Кети, в 1608 году дошли до Енисея в том месте, где ныне стоит город Енисейск, и оттуда поднялись до окрестностей нынешнего Красноярска. Около Енисейска они нашли остяков, которых за то, что они знали кузнечное дело, прозвали кузнецами. Вскоре после обложения ясаком остяки кузнечной волости подверглись нападению тунгусов, пришедших с реки Тунгуски. Русские, находившиеся в волости за сбором ясака, были также побиты. Это была первая встреча русских с новым племенем — тунгусами. Неприязненные действия последних против обложенных ясаком остяков вызвали построение около 1620 года города Енисейска на берегу реки Енисея. После этого в течение двух лет, были приведены в покорность как тунгусы, жившие по реке Тунгуске, так и татары, обитавшие вверх по Енисею, и обложены ясаком. В 1622 году было получено первое известие еще о новом народе — бурятах.

Именно енисейцы услышали, что на реку Кан, впадающую в Енисей справа, пришли буряты в числе 3000 человек. Это известие заставило русских подумать о более прочном положении на Верхнем Енисее, против Кана. С этой целью в 1623 году был заложен на Енисее в землях, принадлежащих татарам-аринам, при устье Качи, в 300 верстах выше Енисейска, новый город — Красноярск. Сфера действия красноярцев обращена была преимущественно на юг, где они встретили кочевое татарское племя киргизов, с которым уже ранее вели упорную борьбу томские казаки. На востоке красноярцы ограничились только исследованием долин рек Кана и Маны, в которых они нашли звероловные самоедо-остяцкие племена: камашей, котовцев, мозоров и тубинцев.

Открытия в восточном направлении были развиты с более существенными последствиями из Среднего и Нижнего Енисея. Одна из енисейских партий, отправленная вверх по Тунгуске и Ангаре под начальством Перфирьева, дошла до устья Ишима; другая, под начальством сотника Бекетова, поднялась еще выше, она перебралась через опасные пороги, дошла до реки Оки и обложила ясаком живущих тут тунгусов. Река Ишим, впадающая в Ангару выше Оки, открывала русским путь в новую, более восточную область, в

систему большой реки Лены. В 1628 году десятник Бугор с десятью казаками поднялся по Ишиму вверх, переволочился в долину реки Куты и по ней спустился в реку Лену, по которой проплыл до устья реки Чай. Высокое качество соболей, вывезенных этой партией в Енисейск, было заманчиво для енисейцев. Они в том же году отправили другую партию на Лену под начальством атамана Галкина, а в 1632 году послали прославившегося уже ловкостью и умением вести подобные предприятия Бекетова с наказом построить город Якутск в землях, занимаемых якутами. Эти партии, спускаясь по Лене, нашли уже здесь русских промышленных людей из города Мангазеи, которые через Туруханск достигли Лены и земли якутов десятью годами раньше енисейцев. Через пять лет после основания Якутска, именно в 1637 году, казаки под начальством десятника Бузы, спускаясь по Лене, впервые дошли до ее устья и вышли в Ледовитое море; отсюда они входили в реки Оленск и Яну, чтоб обложить ясаком живущих на них тунгусов и якутов. Года через два, в 1639 году, следовательно, спустя шестьдесят лет после взятия Сибири Ермаком, партия томских казаков, пришедших в Якутск с атаманом Копыловым, разыскивая новые земли и облагая инородцев ясаком, поднявшись вверх по Алдану и Мае, впервые увидели волны Тихого океана. Они вышли на берег там, где в океан впадает небольшая речка Улья.

Еще оставались незанятыми в Сибири прибайкальская страна, Забайкалье, Амур и крайний северо-восток с Камчаткою. К северным берегам Байкала русские подошли, постепенно расширяя свою власть вверх по реке Ангаре. В 1654 году на Ангаре был построен Балаганский острог, где ныне город Балаганск, 200 верст ниже Иркутска, а в 1661 году был построен и Иркутск, в 60 верстах от берегов Байкала. На южный берег Байкала русские явились, обойдя озеро с востока. Первый острог в Забайкалье, Баргузинский, был основан в 1648 году, т.е. за 13 лет ранее Иркутска и за 6 лет ранее Балаганска. Отсюда русская волна постепенно разлилась по Забайкалью на запад и юг, до Кяхты и Нерчинска. Партии, ходившие по южным притокам Лены, т.е. по Олекме и Алдану, узнали о существовании большой реки Амур, протекающей за хребтом с южной стороны. Первым отважился перевалить через хребет Поярков в 1643 году. Он спустился по реке Зее, проплыл

вдоль реки Амура до ее устья, вышел в море и, пробираясь на север возле берега, дошел до реки Ульи, откуда перешел на Алдан по той самой дороге, по которой томские казаки первые открыли Тихий океан. После 1648 года промышленник Хабаров, набрав на Лене дружину из охотников, явился на Амур, поднявшись по Олекме и Тугиру. Он вышел на Амур далеко выше устья Зеи и отсюда спустился до устья Сунгари и старой дорогой воротился назад с огромной добычей. Таков был в общих чертах географический ход завоевания Сибири.

Завоевание это было более делом мужиков, чем воевод. Дело обыкновенно происходило таким образом, Прежде чем появиться в новой стране казачьей партии, посланной из ближайшего острога или города, в ней появляются соболепромышленники и заводят в ней зимовья или звероловные избушки. Наловив соболей собственными ловушками или набрав их у местных жителей под предлогом сбора в ясак, они приносили добычу в город или острог, чтобы сбыть товар московским купцам. Известие о новой, богатой соболями стране доходило до воеводы или до атамана, заведывавшего острогом, и он посылал во вновь открытую страну казачью партию. Таким именно образом, задолго до появления казачьих партий, были открыты Енисей и Лена. Когда казачьи отряды явились в эти места, они нашли уже мангазейцев, которые позаводили здесь свои зимовья и ловили соболей. Под конец завоевательного периода Сибири походы для открывания новых земель обратились в очень выгодный промысел. Стали формироваться из частных лиц, из простых зверопромышленников небольшие партии с целью открытия земель, покорения их под государеву руку и обложения ясаком. Такие партии, набрав соболей с инородцев, меньшую часть отдавали казне, а большую часть, как об этом свидетельствуют сибирские летописцы, удерживали в свою пользу. В конце концов партии эти стали становиться многолюдными; простые зверопромышленники начали являться в качестве завоевателей обширных стран. Хабаров, простой зверопромышленник с реки Лены, занимавшийся варкою соли на Киренге, собрал дружину из полутора сот добровольцов и с нею погромил почти весь Амурский край. Казачьи поисковые партии, надо полагать, формировались не столько по почину воевод, сколько по собственной охоте казаков. Казаки

основывали артель, приступали к воеводе с просьбами снабдить их порохом, свинцом и припасами и отправлялись в поход в надежде вынести значительное число соболей и на свой пай. Казачьи завоевательные партии были по большей части немногочисленные: 20 и даже 10 человек.

Итак, главная роль в занятии и колонизации Сибири принадлежит простому народу. Крестьянство выделило из своей среды всех главнейших руководителей дела. Из его же среды вышли первый завоеватель Сибири Ермак, завоеватель Амура Хабаров, завоеватель Камчатки Атласов, казак Дежнев, обогнувший Чукотский мыс; простые промышленники открыли Мамонтову кость. Это были люди отважные, хорошие организаторы, самой природой созданные для управления толпой, находчивые в затруднительном положении, умевшие в случае нужды обернуться малыми средствами и изобретательные.

Первые партии русских переселенцев в Сибирь принесли с собой на новую почву первичные формы общественной организации: казаки — военный круг, соболепромышленники — артель, земледельцы — общину. Рядом с этими формами самоуправления в Сибири устраивалось и воеводское управление. Его вынужден был признать Ермак; он сознавал, что без присылки новых людей и “огненного боя”, словом, без поддержки Московского государства, ему со своей малочисленной казачьей артелью не удержать Сибири. В Сибири одновременно развивались две колонизации: вольнонародная, шедшая впереди, и правительственная, руководимая воеводами.

В первое время сибирской истории казачьи общины сохраняли свое самоуправление. Особенно они были независимы вдали от воеводских городов, на сибирских окраинах, где они содержали гарнизоны острогов, заброшенных среди враждебных племен. Если они сами, без воеводского почина, отправлялись на поиски новых данников, то все управление вновь занятым краем находилось в их руках. Первые сибирские города были не что иное, как оседлые казачьи дружины или артели, управлявшиеся “кругом”. Эти оседлые казачьи артели поделили между собой ясачную Сибирь, и каждая из них имела свой район для сбора ясака. Иногда выходили споры, кому собирать ясак с того или иного племени, и тогда один

казачий город ходил на другой войной. Старшим в ряду сибирских городов считался Тобольск, который настаивал, что он один имеет право принимать иноземных послов. В позднейшее время свобода и инициатива этих артелей и общин сократились, но еще в XVIII столетии многие дела, даже уголовные, отдаленные казачьи общины решали сами. В случае открытия заговора гарнизон отдаленного острога собирал сход, присуждал преступников к смертной казни и исполнял ее, давая потом только знать в ближайшую воеводскую канцелярию. Так, например, поступили жители города Охотска с мятежными коряками в конце прошлого столетия. Это самоуправление и самосуды, однако, постепенно исчезали перед распространившейся воеводской властью. Но изредка вспыхивали попытки восстановить сибирскую старину. Так остались рассказы о низложении воевод в Иркутске и Таре. Следы этой борьбы сохранились в сибирских архивах в небольшом числе; но в действительности их было больше. К прошлому столетию самоуправление в сибирских городах окончательно пало. Остатки самоуправления уцелели лишь в деревнях, заброшенных в тайгах, вдали от большого тракта.

Не только первые завоеватели, пришедшие с Ермаком, — казаки и сброд волжской вольницы, — но и позднейшие эмигранты, более мирные зверопромышленники, были люди или не расположенные к занятию земледелием, или никогда им не занимавшиеся. Эти партии занимались провизией, складывали ее на сани, или так называвшиеся чуницы, которые нужно было тащить на себе, и уходили на восток один за другими. Зачатки местного земледелия они нашли только там, где были заложены поселения татарской колонизацией. Разумеется, эти зачатки были ничтожны и не могли удовлетворять прибывавшие один за другой звероловные артели. Кроме хлеба эти последние нуждались еще в “огненном бое”. Оба эти обстоятельства ставили звероловные артели в зависимость от отдаленной метрополии. Так как соболиный промысел тотчас же был оценен Москвой по достоинству, то Московское государство приняло на себя заботу о снабжении промышленников провизией и снарядами. Вообще же, увлечение соболиным промыслом было для государства выгодно. Вся добыча зверовщиков была обращена в государственную казну. Соболиный промысел, как впоследствии золото, был признан государственной регалией; велено было, чтоб весь соболиный

уловленный в Сибири, сдавался в казну. Часть соболей поступала в нее как ясак; но и те соболи, которые поступали от инородцев в продажу или были изловлены русскими промышленниками и потом куплены скупщиками, не могли миновать казны. Скупщики под строгим наказанием обязаны были привезти их в Москву и сдать в Сибирский приказ, из которого им выдавали по оценке деньги, как теперь выдают их золотопромышленнику, когда он ссыпет добытое им золото в плавильную печь в Барнаул или Иркутск. В своих наказах или инструкциях сибирским воеводам московское правительство настаивало — всеми мерами стараться, “чтоб во всей Сибири соболи были в одной его Великого Государя казне”. В Китай был дозволен вывоз только худых мехов; бухарским купцам было вовсе запрещено вывозить меха в Туркестан; самим воеводам было строго-настроено запрещено носить соболями шубы и соболями шапки. Как невыделанные шкуры, так и сшитые меха воеводы должны были выбрать из края и отправить в Москву. Для этого им из Москвы присылали товар, который они должны были выдавать осяткам, якутам и тунгусам под добычу; им было разрешено также торговать от казны водкой по улусам, чтоб выменивать на нее пушнину.

Стараясь обратить всю добычу от собольего промысла в пользу казны, правительство должно было исполнить две задачи: обеспечить продовольствие промышленных партий и побороть контрабанду. Чтоб русские купцы не привозили соболей тайно, были учреждены таможенные заставы в городах по большому Московскому тракту. Но кроме русских купцов контрабандой в Сибири занимались бухарские купцы. Последние состояли частью из потомков тех туркестанцев, которые поселились в Сибири до Ермака, частью из выходцев, явившихся в Сибирь уже после завоевания ее русскими. Они имели в Сибири земли и были единственными землевладельцами в ней. Еще до появления русских они уже вели оживленную торговлю с сибирскими инородцами — брали у них соболей, а им давали бумажные ткани. Русские купцы в обмене на соболей стали предлагать сибирским жителям русский холст и крашенину; но русская материя была и хуже, и дороже, так что конкуренция с бухарцами была трудна. Кроме того что товар бухарца был выгоднее для инородца, бухарец брал перевес

над русским и давностью своих сношений с Сибирью; бухарцы имели в инородческих стойбищах жен и семейства, входили в родственные связи с местными князьками; наконец, они были более образованны, чем русские пришельцы. В XVII столетии они были единственными людьми в Сибири, в руках которых была книга. В XVIII столетии иностранцы, попавшие в Сибирь, нашли у них редкие рукописи. Так, например, пленный швед Страленберг у одного из тобольских бухарцев открыл туркестанскую летопись, написанную хивинским принцем Абульгази, под названием "Родословная о татарах". Русским нужно было выдержать в Сибири конкуренцию с ловкими в торговом отношении туркестанцами, славящимися древностью своей культуры, восходящей за христианскую эру. Борьба эта продолжалась в течение XVII и XVIII столетий и отчасти даже в XIX веке. Отатаривание инородцев продолжало совершаться и при русском владычестве; обращение язычников в ислам шло рядом с обращением в христианство, и некоторые племена, как, например, барабинские татары, только в половине прошлого столетия перешли из шаманства в магометанство, и тщетно раздавались голоса тобольских архиереев о принятии мер против мусульманской проповеди. Не менее была трудна борьба с бухарцами и в торговом отношении. Бухарцы в XVII столетии держали в руках всю внутреннюю торговлю в Сибири; в XVIII столетии в их руках осталась только азиатская торговля; но и вытесненные из внутреннего рынка, бухарцы представлялись серьезными соперниками устюжским купцам, державшим в своих руках торговлю Сибири с европейской Россией. Сибирские жители, как инородцы, так и русские, любили азиатские ткани более, чем русские. В прошлом столетии вся Сибирь, по словам известного Радищева, одевалась в белье из азиатской бязи, а в праздники надевала шелковые рубахи из китайской фанзы. Крестьянки по воскресеньям ходили в платках и чепцах из китайской шелковой материи — голи; священнические ризы также шились из китайской голи; вся корреспонденция из Сибири писалась китайской тушью; ею писал в Москву челобитную иркутский купец, ею же писались все бумаги в полковых канцеляриях на Иртыше.

И устюжскому купцу, и московскому правительству не могло нравиться это заполонение сибирского рынка азиатскими товарами и первенство бухарцев. Правительству оно тем менее могло нравиться, что бухарец за свои ткани требовал у инородцев мехов. Вопреки указам правительства в Сибири велась обширная контрабандная торговля мехами. Местной администрации трудно было уследить за ней, потому что все население было заинтересовано существованием контрабанды. Населению хотелось носить шелковые, а не холщовые рубашки, и потому все — и русские, и инородцы, и купцы, и казаки — занимались тайной продажей мехов бухарцам. Чтобы положить конец контрабанде и вывозу соболей в Туркестан, правительство совсем запретило въезд бухарцам в Сибирь. Такою мерою в начале XIX столетия правительству удалось дать перевес русскому купцу над бухарцем и водворить в Сибири русский фабрикат. Уже в конце прошлого столетия стала заметна эта перемена. Не только ввоз азиатских бумажных товаров в Сибирь уменьшился, но и начался вывоз русских бумажных тканей в Китай и Туркестан. А в первой половине XIX столетия вывоз этого товара взял перевес над ввозом.

Другая забота правительства по отношению к Сибири заключалась в снабжении ее продовольствием. Эти заботы продолжаются через все XVIII столетие, а частью и в нынешнем столетии. Зверопромышленники, увлекаясь легкостью наживы от соболяго промысла, не желали браться за соху. Правительство стало заводить в Сибири деревни, устраивать дороги, учреждать почтовые ямы, вербовать в России хлебопашцев и селить их вдоль сибирских дорог. Каждый переселенец по царскому указу должен был взять с собой положенное количество скота и домашней птицы, а также земледельческие орудия и семена. Воз переселенца походил на маленький Ноев ковчег. Иногда правительство вербовало в России лошадей и отправляло в Сибирь для раздачи переселенцам. Но этих мер было недостаточно. Правительство заводило казенные пашни в Сибири, обязывало крестьян обрабатывать их, заставляло их же строить дощаники и сплавать на них хлеб в бесхлебные места.

Заведение пашен, скотоводства, оседлых поселений требовало умножения женщин в Сибири, а в новую страну шло преимущественно мужское население. От недостатка женщин в первое время

Сибирь не отличалась нравственностью. За неимением русских женщин русские заводили жен из инородок и по обычаю бухарцев заводили их по нескольку, так что московский митрополит Филарет должен был проповедывать против сибирского многоженства. Жены-инородки добывались или покупкой, или захватом. Многочисленные бунты инородцев, которые вызывались несправедливыми поборами и притеснениями сборщиков ясака, давали повод к многочисленным военным походам в инородческие стойбища, причем мнимых слушников избивали, а жен и детей забирали в плен и затем продавали их в сибирских городах в рабство. Голод от бесхлебицы и неулова зверя заставлял часто и самих инородцев продавать своих детей в рабство. Кочевое племя киргизов, занимавшее южные степи Сибири, делая набеги на соседних с ними калмыков, всегда возвращалось с пленными и пленницами и также иногда сбывало их в сибирских пограничных городах.

Царским указом 1754 года было ограничено право винокурения одним сословием дворян; купцам курить вино было запрещено. Но так как в Сибири дворянства не было, то этот закон сначала не распространялся на Сибирь. Неожиданно в Иркутск спустя года два является некто Евреинов, доверенный генерал-прокурора Глебова, и требует сдачи винокуренных заводов, или по-сибирски "каштаков", во владение Глебову, которому они бы будто отданы казной в аренду. Купцы не поверили; сам иркутский вице-губернатор Вульф принял это за ошибку. Но это не была ошибка. Генерал-прокурор Глебов действительно снял в аренду кабаки и каштаки в Сибири, чтобы заняться прибыльною торговлею вином.

В следующем, после приезда Евреинова, году в Иркутск является присланный сенатом по ходатайству Глебова следователь Крылов. Прежде чем начать следствие, Крылов укрепляется в своей квартире; он устраивает у себя гауптвахту, окружает себя солдатами, стены своей спальни комнаты обвешивает разным оружием, спать ложится не иначе, как с заряженным пистолетом под подушкой. Все показывало, что Крылов замышляет против городского общества что-то недоброе, способное вызвать народную месть, и заблаговременно укрепляется в своей квартире.

Пока эта домашняя крепость не была готова, Крылов, появляясь в обществе, был очень ласков и приветлив, но потом внезапно

изменился и начал с того, что весь магистрат заковал в кандалы и посадил в тюрьму. Началось вымогательство с купцов денег; под пытками и плетями их заставляли признаться в злоупотреблениях по городскому управлению и в противозаконной торговле вином. Не только члены магистрата, но и множество других лиц из городского общества было припущено к этому делу посредством ложных доносов. Сделать это в Сибири всегда было легко. Стоило только человеку, облеченному властью, показать наклонность выслушивать доносы, как услужливых людей всегда оказывалось в количестве, превосходящем запрос начальства. Особенно недобрую память о себе оставил один из иркутских купцов — Елезов. Он с самого начала подслужился к Крылову и потом указывал ему, с кого и какую сумму можно получить посредством застенка и пыток. Устойчивее других оказался купец Бичевин. Это был богатый человек, который вел торговлю на Тихом океане и тем нажил большое состояние. Едва ли он, если судить по характеру его торговых занятий, был причастен к злоупотреблениям иркутского магистрата по виноторговле; но богатство его было приманкой для Крылова, и потому он был привлечен к делу и подвергнут пыткам. Его подняли на дыбы или на виску, т.е. к его ногам был привязан обрубок дерева или сырая колода вроде той, на которой наши мясники рубят говядину, весом от 5 до 12 пудов. Мученика поднимали по блоку вверх за веревки, привязанные к кистям рук, и быстро опускали, не давая бревну удариться о землю; потом с вывернутыми суставами в руках и ногах несчастный висел в продолжение времени, определенного мучителем, по временам получая по телу удары плетью. Подвешенный на виске, Бичевин крепился и отказывался признать за собою вину. Не сняв его с виски, Крылов уехал к купцу Глазунову на закуску. Там он пробыл три часа. Бичевин все это время провисел на дыбе. Когда Крылов вернулся, Бичевин почувствовал приближение смерти и дал согласие подписаться в 15000 рублей. Его сняли с дыбы и отвезли домой. И здесь Крылов не оставил его в покое. Он приехал к нему в дом и перед смертью еще вымучил такую же сумму. Подобным зверским образом было вымучено с иркутских купцов и мещан около 150000 рублей. Кроме того, Крылов под предлогом вознаграждения казны за убытки конфисковал купеческие имущества. Особенно

же отбирал драгоценные вещи, которые частью прямо, без околичностей, присваивал себе, частью продавал с аукциона, причем сам был и оценщиком, и продавцом, и покупателем. При таком порядке, разумеется, все ценное и лучшее переходило в сундуки самого следователя совсем за бесценок. Эти вымогательства и грабеж частных имуществ сопровождалось оскорбительным обращением Крылова с иркутскими жителями. В заседание Крылов являлся всегда пьяный и неистовствовал; бил купцов по лицу кулаками и тростью, вышибал им зубы, таскал за бороды. Пользуясь своей властью, Крылов посылал за дочерьми купцов своих гренадеров и бесчестил их. Когда же отцы жаловались вице-губернатору Вульффу, тот только разводил руками и говорил, что Крылов прислан сенатом и ему не подчинен. Ни возраст, ни недостаток красоты не гарантировали иркутских женщин от насилий Крылова. Он хватал десятилетних девочек. Старухи также не были избавлены от его преследований. Один из сибирских бытописателей рассказывает, как Крылов вынуждал любовь купчихи Мясниковой. Ее хватали гренадеры, приводили к Крылову, били, заковывали в кандалы, запирали; но женщина героически переносила побои и отказывалась от его ласк. Наконец, Крылов призвал мужа этой женщины, дал ему в руки палку и заставлял бить свою жену — и муж бил, уговаривая собственную жену нарушить брак...

Сибирское купечество вело себя в этой истории невероятно трусливо. Никто не решался пожаловаться и разоблачить перед высшим начальством насилия бешеного человека, которому случайно попала в руки власть над краем вследствие корыстолюбия такого важного государственного чиновника, как генерал-губернатор Глебов. В Иркутске был богатый купец Алексей Сибиряков, сльвиший законником в городе. Он любил изучать законы, собирал указы и инструкции по управлению Сибирских краем, так как свода законов тогда еще не существовало, и составил полное собрание этих государственных актов. Вместо того чтобы, вооружась знанием, выступить на защиту своего города, Сибиряков бежал и где-то в глухой деревне или просто в лесу проживал в зверопромышленной избушке. Крылов испугался, подумав, что Сибиряков укатил в Петербург с доносом, и послал нарочного вдогонку, чтобы воротить беглеца. Нарочный доехал до Верхотурья и возвратился ни с чем.

Беглец бросил в городе свою жену с семейством и брата. Тотчас же Крылов заковал их в кандалы и потребовал указания, куда скрылся Сибиряков. Но, несмотря на плети, ни жена, ни брат беглеца ничего не могли сказать, потому что Сибиряков бежал украдкой даже от своих домашних. В довершение надругательств над иркутским обществом Крылов предложил иркутским купцам отправить депутацию в Петербург с целью просить у Глебова милостивого снисхождения к обвиненным купцам, в числе которых было много и мнимовиновных, и депутатом по желанию Крылова был избран его любимец и изветчик Елезов.

Два года Крылов бесчинствовал таким образом в крае. Представитель власти вице-губернатор Вульф молчал и не имел мужества не только собственной властью остановить его, но даже и донести о бесчинствах. Архиерей Софроний также притаился и старался сделать свое существование незаметным для Крылова, который начал вмешиваться во все части управления. Однажды, подгуляв на одном собрании, Крылов в пьяном виде хотел пощеголять перед Вульфом своим могуществом и стал распекать его за упущения по службе. Хотя Вульф возражал ему робко, стараясь опровергнуть обвинение, Крылов под влиянием опьянения разгорячился, приказал отобрать у Вульфа шпагу, объявил его арестованным и отставленным от должности и сам вступил в управление краем. Только тогда, испугавшись за свою свободу, а, может быть, и за жизнь, Вульф решился известить свое начальство о событиях в Иркутске. Втихомолку он и архиерей Софроний обдумали это дело. Архиерей написал донос, а Вульф с секретным нарочным отправил его в Тобольск. Из Тобольска последовало приказание арестовать Крылова. Вульф, однако, не решился сделать это открыто; он предпринял это дело с большими предосторожностями. Ночью команда из двадцати отборных казаков подступила к квартире следователя, захватила сначала ружья, стоявшие в сошках перед гауптвахтой, потом сменила караул. Затем казачий урядник Подкорытов, славившийся своей удалью, вошел с несколькими товарищами в комнату буйного администратора. Крылов, увидев его, схватил со стены ружье и хотел защищаться, но Подкорытов предупредил его и одолел. На Крылова надели кандалы и отправили в тюрьму, а затем по распоряжению высшего начальства — в Пе-

тербург, где он должен был предстать перед судом. Императрица Елисавета, узнав об этом деле, приказала, чтоб с “сим злодеем несмотря ни на какие персоны поступлено было”. Сенат, игнорируя все злодеяния Крылова, вменил ему в вину только арест Вульфа и оскорбление государственного герба, который Крылов имел неосторожность прибить к воротам своей квартиры вместе с дощечкой, на которой было выставлено его собственное имя, и лишил его чинов. “Через сто лет даже, — говорит один сибирский бытописатель, — трудно судить хладнокровно об этом отвратительном событии, особенно нам, сибирякам, предки которых умерли или разорились под кнутом Крылова; но чем должен был казаться этот палач для тех, кто испытал его пытки и насильства?..”

Беспорядки в Сибири росли; известия о них чаще стали доходить до верховной власти. Чтобы помочь делу, увеличили полномочия главного начальника края. Таким обширным полномочием был облечен генерал-губернатор Селифонтов, кончивший опалою — увольнением от службы с запрещением въезда в столицы. Затем генерал-губернатором в Сибири является Пестель. Это был болезненно-подозрительный человек. При самом назначении на этот высокий пост Пестель трепетной рукой написал, между прочим, государю: “Боюсь, Государь, этого места. Сколько моих предшественников было сломлено сибирской ябедой! Не надеюсь и я благополучно оставить эту должность; лучше отмените Вашу волю — сибирские доносчики меня погубят”. Государь не согласился отменить свой приказ, и Пестель должен был отправиться в Сибирь. По вступлении в должность он заявил, что приехал сокрушить ябеду. Впрочем, он непосредственно не управлял Сибирью: он передал дела управления в руки своих ближайших родственников и фаворитов, а сам уехал в Петербург и больше не возвращался. Одиннадцать лет управлял он Сибирью, живя в Петербурге, переиначивал Высочайшие повеления, обходил их и подменял сенатскими распоряжениями. С одной стороны, он обманывал правительство ложными представлениями; с другой — обманывал местное население запугиваниями, что в Петербурге от него отвернулось высшее начальство и презирает его за ябедничество.

Наконец, противникам Пестеля удалось убедить государя произвести ревизию Сибири. Рассказывают, что однажды император

Александр I смотрел из окна Зимнего Дворца и заметил на шпиге Петропавловского собора что-то черное. Он подозвал славившегося своим остроумием графа Растопчина и спросил, не рассмотрит ли он, что это такое. Растопчин отвечал: “Надо позвать Пестеля. Он отсюда видит, что делается в Сибири”. А в Сибири действительно творилось нечто ужасное. Государь послал в Сибирь Сперанского. При одном слухе об этом сибирская администрация обезумела от страха. Один из самодурных деспотических воротил Сибири впал в дикое сумасшествие, от которого вскоре и умер; другой разом осунулся и состарился; третий повесился перед самым началом следствия Сперанского.

Явился Сперанский в Сибирь. Его управление было собственно только “административное путешествие” по Сибири. Через два года он оставил край и вернулся в Петербург. Настрадавшаяся Сибирь встретила его, посланника Божия. “Бысть человет послан свыше!” — писал его современник, образованный сибиряк Словоцов. И сам Сперанский понимал, что его приезд в Сибирь — эпоха для сибирской истории. Он называл себя вторым Ермаком за то, что он открыл общественно-живущую Сибирь, или, как он выражался, “открыл Сибирь в ея политических отношениях”.

Один из сибирских писателей, г-н Вагин, рассказывает такой анекдот. В каком-то глухом городе в Забайкалье ждали Сперанского. Чиновники были в своре, а генерал-губернатор не едет. Компания соскучилась, уселась за карты, подвыпила, потом и заснула. Генерал-губернатор приехал ночью и разбудил это общество словами: “Се жених грядет в полунощи!”. Результаты были таковы: генерал-губернатор, два губернатора и шесть сот чиновников подлежали суду за злоупотребления; сумма расхищенных денег простиралась до трех миллионов рублей! Представляя свой отчет о ревизии, Сперанский ходатайствовал перед государем ограничиться наказанием только наиболее крупных виновников. К этому побуждала, во-первых, необходимость, так как изгнать шестьсот чиновников из службы значило оставить Сибирь без чиновников; во-вторых, в злоупотреблениях сибирских чиновников не столько были виноваты люди, сколько сама система управления. Пострадали только двести человек; из них только сорок человек постигла более суровая кара.

Обнаружив злоупотребления чиновничества и покарвав важнейших виновников, Сперанский изменил самую систему управления Сибири, даровав ей известное особое “Сибирское Уложение”. К каждому сибирскому губернатору и генерал-губернатору приставлен совет, состоящий из чиновников, назначаемых министерствами. Ввести в эти советы выборных от местного общества помешала Сперанскому аракеевская партия. Практика последующих лет доказала, что это новое “Уложение” весьма мало способствовало уменьшению административного произвола в Сибири.

Благодетельные последствия пребывания Сперанского в Сибири заключаются скорее в том обаятельном впечатлении, которое он произвел на местное население своей личностью. “В вельможе, — говорит Вагин, — сибиряки в первый раз увидели человека”. Вместо прежних правителей в Иркутск явился человек простой, доступный, приветливый, высоко образованный, с широким государственным взглядом, словом, человек, какого Сибирь никогда раньше не выдала. Сперанский держал себя в обществе чрезвычайно просто. Он входил в приятельские отношения с старожилками, выказывал любовь и покровительство к наукам. Правитель обширного края, реформатор его, заваленный делами по ревизии, забрасываемый тысячами прошений, составляющий разом несколько проектов по управлению отдельными частями, он в то же время с живейшим интересом следит за текущею русскою литературою, изучает немецкую литературу, учится английскому языку и сам преподает латинский язык одному молодому студенту. Пребывание Сперанского в Сибири — светлый эпизод в истории этой страны, сплошная, так сказать, картина торжества правды над произволом. Кара, постигшая виновников злоупотреблений, и, главное, личное влияние Сперанского сделали на некоторое время невозможными беспорядки в прежних размерах. Потом развитие просвещения в метрополии, откуда являлись управители края, изменение взглядов на управление вообще и управление окраинами в частности, смягчение нравов правителей сделали наконец совершенно невозможным повторение в Сибири крыловщины и пестелевщины. Особое “Сибирское Уложение” имело целью ослабить беспорядки управления, происшедшие от отдаленности края, ограничением власти начальников края посредством советов, думали, что это ограничение сделает

сибирские порядки похожими на русские. Однако этого равенства “Сибирское Уложение” не доставило. Сибирские порядки все-таки постоянно хуже тех, которые существуют в европейской России. Правда, они лучше тех, которые были до Сперанского, но и люди в Сибири не те уже. Сибирь, вступившая уже в четвертое столетие своего существования под владычеством России, ждет новой, более коренной реформы в управлении.

По поводу трехсотлетнего юбилея Сибири с высоты трона раздалось Державное слово, дающее право надеяться, что в недалеком, вероятно, будущем те реформы, которыми пользуется европейская Россия, будут распространены и на Сибирь. О безотлагательной важности и необходимости этого заявлено наконец сибирскою администрациею, и к этому заявлению высшая правительственная власть отнеслась с особенным вниманием и заботливостью.

Действительно, приведение Сибири в одно целое с европейскою Россиею установлением единства в системе управления обеими этими русскими территориями — это первое, что необходимо для того, чтобы сделать Сибирь не только окончательно русскою страной, но и органическою частью государственного нашего организма — в сознании как европейско-русского, так и сибирского населения. Затем необходимо окончательно закрепить связь Сибири с европейскою Россиею железнодорожным путем, пролегающим через всю сибирскую территорию. Тогда само собою, совершенно естественно установится должный прилив населения из европейской России в Сибирь, и обилие естественных богатств сибирских получит соответствующий сбыт на русском и западноевропейском рынках. Только при этом условии и может явиться для Сибири возможность оправдать свою старинную репутацию “золотого дна”.

Живописная Россия. СПб.; М., 1884. Т. 11. С. 31–48.

Указатель имен

- Абак 167, 168, 239
Абакты 240
Абдрахим, сын Муссы 241
Абдулкарим (Абдулкарым) 368
Абдулхаир хан (Абулхаир-хан)
346, 350, 380
Абдильмамбет хан (Абулмамбет-
хан) 350
Абень 244
Абиш 242
Аблай, казахский султан 86, 162,
348, 350, 369, 380
Аблай, ойратский тайджи 132,
431, 440
Аблай, сын Бая 242
Аблай, сын Кыркыза 225
Аблин Сейткул, бухарец 432,
Аблязов Федор 363, 368, 372,
374, 376, 377, 384
Абляхов, поручик 349, 352
Абулмамбет (Абдильмамбет), хан
Среднего жуза 350
Абулхаир хан (Абдулхаир хан,
Абулхайр хан) 348, 346, 350,
380
Абульгази, хивинский хан 222,
545
Авазбай, посланец 405, 406,
407, 408, 410
Аверкиев Степан, торговый чело-
век 282
Агачанглы 485
Агыс 245
Адам 228
Аджи, казахский султан 55,
225, 226
Адрианов 251
Ажукожа, персонаж сказки
457, 458
Азарутов 356
Азарутол Иван, пограничный
дозорщик 354
Аз-джанибек (Ас-джанибек,
Ос-джанибек), казахский хан
199, 230, 508
Азейка Бабасеитов, бухарец
274
Азраил 457, 458
Азретсултан, племянник бия
Тана Тлемисова 37, 292
Айбике 242
Айдабул 243, 245
Айдос 241
Аймас 242
Айрақпан 244
Айт 239
Айтқоджа 244
Айтюмбек 245
Айча 243
Акай 243
Акан 243
Акбарак 181
Акбас 244
Акбура 246
Акдербис 243

- Ақджигит 169, 171
Ақджол 239, 240
Ақкошкар 169
Ақксы 242
Ақкуль 245
Ақмурза 171
Ақмурзин Бекберда, казах 348
Ақпадша 222
Ақполат 181
Аксақтимур (Тамерлан) 506
Ақсары 240, 245
Ақсофы 240, 241
Ақтай 243
Ақчабай 244
Ақша 245
Алагошёк 246
Алаша-хан (Аласа, Аласакан, Алача-хан, Алаша хан) 170, 221, 222, 248, 264, 265
Албан 239
Албасты, мать Эдиге 484, 485
Алдар-косе (Алдар-косэ) 231, 246, 247
Алдияр 242
Алейников, исследователь 485
Александр I, российский император 552
Алексеев Алимпейко 266
Алексей Михайлович, русский царь (князь) 423, 435
Алибек, сын Тэкэбая 245
Алике 245
Алимбетъ 242, 243
Алимэ, киргизка 78
Алимэн 244
Алиострог, царь 511
Алтай, сын Куандыка
Алтан 175, 176, 186, 191, 213, 222, 223, 224, 226, 229, 233, 232
Алтпыс, киргиз 56
Алтуфеев 385
Алтынмоко 420
Алтынторо 243
Алыги-угур-хара-батыр 417
Алысай 242, 245
Альджан 239, 244
Альчин, богатый человек 167, 181, 222, 239
Альчипбай 242
Алэ 241
Аманбай 242
Амангельды 242
Аманкул 245
Америго Веспуччи, путешественник 434
Амурсана, джунгарский нойон 133, 134
Андреев Иван, сын Панов 385
Андреев, капитан 14, 15, 160, 161, 162, 163, 164
Андрей, тарский человек 345, 385, 386
Анебу (Анпу) 494
Анисим (Аньсисим), русский богатырь 481, 495, 497, 508
Анна Иоанновна, русская императрица 343
Анненков, исследователь 200, 201
Анпу, персонаж египетского романа 494, 507, 508, 509, 510, 511, 515
Аоз 242
Апай 243
Аптыш 355
Апшигарим-бек 347
Аракшян 245, 246
Аралбай 246

- Араньтайджи (Арантайджи) 194, 420
Араху, мифическое существо 195
Араша 246
Аргын, сын Акджола 167, 240, 245, 264
Ардабай 242
Арджиборджи 487
Арджиманджарджаман, имя женщины в якутской сказке 487
Аредын 184
Арецат, швед 86
Арсеньев Ю.В., полковник 423, 432, 433
Арсланзеби 415
Арслынтэригутэй 416
Артык 243
Архайхасар 493
Арысланды 295
Арьябало, божество 500
Асат 245, 265
Асока, персонаж легенды
Атагай, сын Кенджесофы 240, 242, 244
Атагозы 179, 242
Атамкул 239
Атантай 169
Атка 240
Атласов 542
Атюке, дочь Тохтомыса 476
Ауата 234
Ауэнэ 234
Афанасий, тарский житель 385
Ахмет, купец 249, 298
Ахсахал, пастух 412
Ачкил 488, 489
Аширбек 242
Аширов Реймбаб, бухаретин 144
Аю (Аюбодисятва, Аюбодисатва) 244, 417, 418, 419
Аюжанов Иптыш, караульный есаул 354, 355
Баасуновы Итигильта и Шонхур (братья Баасуновы), калмыки 142
Бабай, ойратский зайсан 257
Бабай, персонаж сказки 456
Бабакан 176
Бабасан 241
Бабатуклас (Бабатукляс, Бабатукты), святой 463, 485, 491, 505
Бабушкин Иван, купец 106, 384, 385
Бабык 246
Багай 245
Багмахатун 417
Багыс 241
Бадан 168, 186, 188, 291
Базаркул 169
Баимбет 241
Баинцаган, джунгар из племени дэрбет 250
Баис 174, 175, 178
Байбек 242
Байбосун, бий 166
Байбура (Байбурэ) 242, 246
Байгабыл 172, 180, 241
Байгозы (Байгыз) 242, 244
Байгутту 244
Байдалы 245
Байдаулет 246
Байджуман, казахский рыболов 80, 81
Байкара 245
Байков Федор Исакович (Бай-

- ков Ф. И.), русский посол в Китае 86, 131, 132, 133, 424, 425, 439, 521
- Байкушук 241
- Байляукуйляу 168
- Баймамбет, сын Муссы 241
- Баймурат 178, 243
- Баймуратов Ахмет 100
- Баймурза, сын Алагошёка
- Баймурун 243
- Байсиэк 178, 179
- Байтайляк 174, 178
- Байтеке 239
- Байтерек 244
- Байтока (Байтыкей) 239, 246
- Байшуме (Байшума) 243, 245
- Бакал 242
- Бакша, урянхаец 396
- Бакыр 241
- Баламерген 249
- Балдорчжи (Бохоли), шаман 513, 514, 518
- Балкашин, исследователь 240, 245, 261, 265
- Балтагара (Балта) 175, 245
- Бальчик 246
- Банзаров Доржи, бурятский историк и этнограф 262, 492, 516
- Барак, казахский султан 350, 369, 380
- Баргана 244
- Барка 169, 184, 303
- Барьманбек 245
- Бата, персонаж египетского романа 507, 508
- Батин, торговый человек 275
- Батма-Цэрен (Батмацырен), нойон 377
- Батур, зайсан 398
- Бая 242
- Баян, сын Акша 245
- Бегендык (Козган) 243, 245
- Бегувейдер-хан 411
- Беис 245
- Бекбулат, сын Казибека 242
- Бекетов, сотник 539, 540
- Бекмурза 171
- Бектас, сын Алагошёка 246
- Бектемир 242
- Беянана 265
- Бердалы 244
- Бердыкул, сарт 57
- Бердыс 242
- Березин 167, 171, 172, 174, 181, 233, 234, 238, 495
- Березов 50, 51, 143, 266, 275, 302, 308, 309, 436, 532, 538
- Беэр, бригадир 342, 395
- Биджи, сарт 114, 119, 136, 137, 138, 139, 140, 198, 201, 332
- Бийсенбе (Бийсень), киргиз 466
- Бикджан 244
- Бикше 246
- Бильдяга 381
- Битью (Сату), персонаж монгольской сказки 494, 507, 509, 510, 511
- Бичаган Цаган 363, 368
- Бичевин, купец 548
- Боб (Боба), зайсан 241, 396
- Боборькин, посол 432
- Богаевский Тимофей 147
- Богородица 420
- Бокай 174, 243
- Бокан 243
- Болуспай 242
- Болховской воевода 535

- Большой Савва, доктор 157, 158
Борисов Помаскин Пятой, таможенный голова 251, 266
Бороул 182, 232, 490, 491
Босой Андрей, купец 273, 277, 282
Босой Василий, купец 273
Босой Кирил 277
Ботага 170
Ботпанай 243
Ботубай (Ботя-пай) 181
Бохак, персонаж из бурятского предания 517
Бохан, персонаж в калмыцких преданиях 488, 514, 517
Боходи, шаман у бурят 517
Бохоли (Балдорчжи) 514
Бохолихара, шаман в бурятских преданиях 518
Бошян (Бочян) 241, 243
Бөкобай 241
Брагин Андрей, солдат 386
Броневский, гвардейский капитан 314
Брэтшнэйдер, исследователь 200
Брюхов Иван 106
Бугор, десятник 299, 540
Будрина, артели 91
Будэнэтай 223
Буза, десятник 216
Бузым 239
Бука 197, 241
Булатходжа (Каракисек) 241
Булганана 265, 442
Бургултай 223
Бурёши 245
Бурин Нефед, купец 106, 385
Бурте (Гурте) 517, 518
Бурханбакши (Барханбакши) 420
Буслаев, исследователь 265
Бутин Михаил, капрал 388, 391, 392
Бутурлин, бригадир 409
Буур 182, 183
Буханоин 514, 515, 516
Бухар, сын Калкамана 243, 245, 275
Бухгольц 433
Бушуев, директор Ямышевской таможни 9, 107
Бушухту-хан (Галдан-Бошахту-хан) 438, 440
Бызаубай 243
Былбыл 242
Бэгень, сын Исагасы 171, 195
Бэсень, сын Баимбета 241
Бюркутпай 242
Бюрө 241
- Валиханов Чокан (Валиханов Чекан) 6, 37, 48, 131, 167, 239, 300, 478, 484, 488, 507**
Ван, князь булугунских торговцев 225, 226, 233, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 504, 508, 509, 519, 520
Васильев В.П., исследователь 177, 181, 193, 262
Васильев Ефим, беглый человек 387
Васильев Иван, купец 106, 345, 385
Васильев Нечайко 266
Васильев сын Бурин Невед 385
Ватулин Иван, толмач 395
Вейсилькоран, пастух, персонаж сказки 264
Венюков, писатель 88

- Верзеллий, библейский персонаж 500
- Верхотуров Алексей, русский купец 105, 106, 345, 379, 381, 384, 385
- Веселовский А.Н., исследователь 224, 487
- Вишневецкий Михаил, польский король 424
- Влангали, путешественник, горный инженер 18, 19, 20
- Волков Савва, казачий капрал 348
- Воложенин, купец 106, 385
- Волохов Иван 385
- Вольнцов Васька 285
- Воробьев, воевода 404, 406
- Востоков 434, 435
- Вреде, путешественник 259
- Вульф, иркутский вице-губернатор 547, 550, 551
- Вяземский Ефим, мастер плавиной колыванского завода 345, 346, 384
- Гавриил (Джебраил) 457
- Гайперды 244
- Галдан-Цэрен (Галдан-Церен, Галдан Чирин, Голдан Чирин, Галдан Чирень) 86, 87, 106—108, 111, 342—347, 349, 350, 353—356, 358—361, 363, 365, 366, 398—371, 373—376, 378, 380—383, 386—388, 390—392, 395—410
- Галкин, атаман 540
- Галдын Тенгри (Голдун-Тенгри) 419
- Гари, персонаж сказки 509, 510, 512
- Гариде, хан, персонаж сказки 412
- Гедройд 264
- Геккель, исследователь 52
- Ген 259
- Генин, мещанин 71
- Генс Г.Ф., председатель Оренбургской пограничной комиссии, исследователь 88
- Георги И. Г., ученый, академик 259
- Гепхали, зайсанг (зайсанец) 142
- Герберштейн, посол 532
- Герман, персонаж русской сказки 511
- Геродот 532
- Глазунов, купец 548
- Глебов, генерал-прокурор 547, 550
- Годунов Петр Иванович, воевода 435
- Голдунтенгри (Гальдынтенгри) 420
- Голиаф 500, 501
- Голицын В. В., князь 424
- Голубев, путешественник-исследователь 30
- Голяков Дмитрий, казачий сотник 346
- Гостев Андрей, вятчанин 277
- Григорьев, торговый человек 275
- Губюр 241
- Гульбаки, аксуский акимбек 106
- Гумбольдт А. фон, исследователь, ученый 428
- Гунфальви, венгерский ученый 432
- Гурбельджингоа, жена царя Шидургу 496

- Гурбесу, жена Таянхана 496
Гурте (Бурте) 517
Гучин-губу-хурмустан-хан (Гучин-губу-хормусту) 414, 416
- Даба, халхасец 235
Давацн (Дебачн), джунгарский нойон 105, 133, 134, 144, 374, 376, 377, 378, 379, 381, 383
Давид, библейский персонаж 486, 487, 494, 497, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 519, 520
Давыдко, крестьянин-эмигрант 92
Даинтере (Даин-тере-тархан-бо), шаман в алтайских преданиях 516, 517
Даинтирхин, шаман в халхасских преданиях 514
Данияр (Данияр Мендыбаич, Мендыбай), киргизский рыбовлов 37, 46, 73, 75, 76, 88, 89, 90
Дауд 241
Даулет 242, 243
Даулетбикэ 174
Даулетенбет 243
Дебачн (Давацн) 144, 374, 376, 377, 378, 379, 381
Дебедей (Дегедей), персонаж из преданий баргузинских бурят 517, 518
Девятнйоровский Фома, толмач 376, 407
Дежнев, казак 542
Делиль, астроном 53, 532
Дементнй Обухов, устюжанин 282
- Джаба (Джабага) 225, 242
Джавотэй 242
Джадык 168, 169, 172, 173, 177, 178, 243
Джаик, мэргэн 226
Джайляу 8, 242
Джайрау 245
Джаксыбай, киргиз 236
Джаксылык 240
Джаламан 243
Джалмаус-пэйгамбар (Джалмаус, Джебраил-джалмаус-пэйгамбар) 217, 218, 219, 220
Джамак, сын Алимбетя 242
Джаман 245
Джаманай 241
Джанабай 245
Джанабатыр 242
Джанабыл 243
Джанай 241, 244
Джаналы, хан 473
Джанана 265
Джанат 175
Джанбазар 246
Джанбай (Джамбай, Цанпай, Цзанпай) 459, 462, 470—473, 476, 479, 480, 481, 483, 486, 489, 493, 494, 507—509
Джангабыл 172
Джангельды 244
Джангыз-хан 473
Джандост (Джандос) 241, 243
Джанибек, киргиз кокбектинского округа 155, 168, 230, 489, 508, 509, 510
Джанибек, сын Отэза 175
Джанибек, сын Тэкэбая 245
Джанибек, сын Чанчара 242
Джанкара 243

- Джанкошёк 242
Джанксы 242
Джанмурза, сын Алагошёка 246
Джанта 243
Джантык 243
Джантыкэй 168, 177, 178, 243
Джанузак 242
Джанчузъ 244
Джаныс 241
Джапту 242
Джарканат (Джерканат) 517
Джарылгап 243
Джастабан 168, 177, 179, 227, 228, 230, 237
Джауар 240
Джафар 302
Джахебаба 264
Джебраил (Гавриил), персонаж сказки 457
Джерканат (Джарканат) 421, 517
Джетпыс, мурун 103
Джиданойон 233, 498, 504
Джииналы 243
Джилкышата, святой 248
Джирэншэ-шэшэн (Джиренше-шешен) 199, 230, 231, 246, 247, 509, 512
Джитыхан 193
Джолумбет 243
Джонтай 173
Джуанана 265
Джультымсоф 243
Джуман 246
Джумарт 244
Джугкара 245
Джучи-хан, сын Чингиз-хана 265
Дзасаку (Дзасаку-хан) 183, 207
Дзурхайчибакши 418
Дмитрев Терентий 345
Добрыня, богатырь 486, 499, 502, 503, 520
Докшин-хара-куруль, богатырь 416
Долонбурхан 193, 194
Дондугул, мэргэн 186, 226, 492
Допдук 242
Досан 245
Доскан 241
Дота, калмык 387
Дөрбоуль 183
Дуайсохор, охотник 226
Дука Александр 423, 424
Дулак 242
Дулат 174, 239
Дундук Оибо (Василий) 343
Дюйсембэ 242
Дюйсенбай 245
Евдокимов сын Иван 385
Евреинов, доверенный 547
Евсевьев Иван, купец 106, 345, 385
Едиге (Едигей, Идику) 192, 484, 502, 503, 504, 505, 506
Едигер, князь 533, 534
Екечерян 509
Елгинин Микишка, пашенный крестьянин 268
Елезов, иркутский купец 548, 550
Елисавета, императрица 551
Елисеев, прокурор 344
Ельджигенчикту-хан, персонаж монгольских сказок 508
Ельчибай 241
Еманкул (Еманхули), нойон 365, 366, 370, 379, 382
Епанчи, князь 534

- Еремин, казачий офицер 26, 28, 29, 30
- Ереньчичен, персонаж тюркских сказок 512, 513
- Ермак, казачий атаман 104, 334, 434, 534, 535, 536, 537, 540, 542, 543, 552
- Ерьгокчу 191, 232, 233
- Есипов Савва 433
- Есугай (Исуге, Исунке) 171, 223, 491, 516
- Есуп коджи, калмыцкий зайсан 383
- Жаравин** 347
- Жданов Лука 345, 385
- Жуков, кантенармус 372
- Жулистов Григорий, работник 106, 385
- Журавин Лука, устюжский купец 106
- Загвоздин**, торговый казак 29, 72
- Зандындагны 419, 420
- Зара 512, 513
- Зенгбаба, святой 228, 248, 262, 264
- Зенгет 293
- Зенков Герасим, тарский разночинец 348, 351, 363, 364
- Золотницкий Н.И. (Зол.), исследователь-путешественник 187, 188, 190, 192, 193, 195, 208–213, 215, 216, 217, 221
- Зунду Замсу (Зонду Замсу Розу), посланец 357, 359, 399, 402, 403, 405, 408
- Ибнарабшах**, арабский автор 506
- Ибрагимов А. А., исследователь 163
- Иван (Иван Пономаревич) персонаж русской сказки 510, 511
- Иван, краснаярепц 346
- Иванов Алексей, дворовый чело-век 385
- Иванов Ивашка 267
- Иванов Михайло, сын Греченин 385
- Иванов Федор, тюменский 267, 385
- Ивановский, миссионер 455
- Идику (Едиге) 506
- Идыге, Идыге-би, Идыгэ (Едиге) 173, 193, 233, 249, 455, 475, 477, 478–499, 502–505, 507, 508, 509
- Избас 241
- Илекей 243
- Ильаман 177
- Ильгельды 242
- Ильминский И. О., исследова-тель 171, 250, 251
- Ильток 174
- Ильтузёр 243
- Ильяс, святой 236
- Иманалы 240
- Именджирау, старик (персонаж сказки) 473
- Имка 396
- Индра, божество у индийцев 512
- Иоанн, царь 519
- Ионафан, библейский персонаж 486
- Ирай 396
- Ирджоко, калмыцкий болван (великан) 474, 475

- Ирин-сайн (Ирин-шайна, Ирин-шайн-гечирге, Ирин-шайн-чигири, Ирин-сайн-гунык-астай-мекель, Ирин-сайн-гунын-настой-микел, Ирин-сайн-гунын-хара, Ирин-сайн-китын-харадуши, Ирин-сайн-мерин, Ирин-сайн-микеле) 411, 415, 416, 417, 420, 421
- Иркэбай, Иркэ 242, 244
- Ирназар 245
- Исагасы 170, 171
- Исатай, сын Таттимбетя 242
- Исебек 246
- Исенбай 245
- Исенгул 244, 245
- Исентай 169, 243
- Исень (Исеньгельды), сын Токбуры 242, 246
- Исмаил 229, 482, 483
- Истуге, сын Толубая 466, 467, 468, 469
- Исым-хан 473
- Итаяк 242
- Ители 168, 174, 177, 178, 237
- Иткара 169
- Итқуста 242
- Итпасар 244
- Итыгиль, персонаж сказки 151, 152, 153, 154
- Итэнгмян (Куттукадан) 168, 176, 177
- Ишиданжин, нойон 386
- Кабыл** 175, 242, 245
- Кадыр 173
- Кадырбек 243
- Казангап 242
- Казбек (Казибек), сын Кельдибека 170, 171, 242
- Казы 246
- Казыкурт-Ата 294
- Кайбулин Сафарка, бухарец 268, 274, 275
- Какабай 242
- Калазов А.А. 476
- Калбутана-лама 105
- Калженяев Каржегаш, белтир 355
- Калибек 246
- Калимэ, киргизка 78
- Калкаман, сын Куандыка 245
- Камалай Хаджа, купец 404
- Кангильды 170
- Канджикей, персонаж сказки 152, 153, 154
- Канкере 420
- Капцевич П. М., генерал 93
- Кара хан (Карасакан) 350, 381
- Карабай 245
- Карабий 167, 168
- Карабута 199, 223
- Карагай 151, 168, 175, 203
- Карагыз 244
- Каракас 26, 27, 69, 161, 166, 168, 174, 178
- Каракирей 114, 163, 167, 178, 180, 181, 182, 184
- Каракисек (Булатходжа), сын Мийрямсофы 241, 242
- Каракожембет 178
- Карасакан (Кара хан, Карасакал) 350, 381, 369
- Карасофы 240
- Караул 240, 244
- Карачакан 222
- Карача, татарский князь 536
- Карджас 243, 245

- Карике 245, 246
Карпык 245
Карташев Бажен, посол 432
Карунбай 227
Касимов Афанасий, толмач 392
Каскарау 239
Кастрен, исследователь 179, 212, 432
Кастык 239
Катунэрь 222
Катыс 241
Качай, калмык 387
Кашкаров Степан, секретарь 145
Кедей 243
Кейкуват (Кейкюват) 466, 477
Кекдженбай (Кекджембай), персонаж сказки 464, 465
Келиш (Келишей), калмык 387
Кельдибек (Кельдибек-Айбике) 242, 245
Кенгирбай 244
Кенджебай 243, 244
Кендзегара 245
Кенес, персонаж сказки 464, 465
Кенесары, казахский султан 302
Кетеджан 242
Кечубай 243
Кийсыкпек 246
Киндерман, генерал 107, 108, 313, 342, 343, 344, 347, 349, 352, 353, 356, 363, 364, 371, 375, 376, 377, 386, 394, 395, 396
Кипчак, сын Акджола 239, 240
Кипчак-пи, персонаж сказки 480
Кирей, сын Акджола 239, 240
Кирилло, крестьянин 431
Китат, зайсан 378, 382
Китын Зеби (Китин Зеби) 412, 413
Клапрот, исследователь 24, 42, 66, 115, 118, 135, 184
Клопский Езник, армянский писатель 519
Кнер, исследователь 52
Кобеш, бий 166, 169
Кобынтай, стрелок 190
Кобэк (Кобок) 170, 244, 245
Кобюн, посланец 392
Когедай 225
Коджагул 241
Коджан 245
Коджеберген, казахский батыр 178, 243
Коджемдзар, султан 166
Коджос 171
Коджобай 242
Кожемберды 244
Козган (Козгак) 241, 243, 244, 245
Козыбак 241
Койбагар 242
Койсары 241, 243
Койсоймас 243
Койчубай 459, 460, 461, 491
Коковинский Богдан Андреевич, член воеводской канцелярии 268, 269
Кокочу 191, 232, 233, 490, 491
Кокхан 420
Кокчукуз 241
Колмогоров, купец 401
Кольца, атаман 334
Комбай, слуга Тохтомыса 476
Конай 244
Конграт, сын Акджола 239, 240
Кондратьев Резвой, работник

- 384
Кондубай 169, 241
Конур 239
Копылов, атаман 540
Коран 246
Коровинский Нагдей 277
Кортес 434
Косаткин, купец 53
Косубай, сын Бабыка 246
Косутай 242
Котан 239
Котовщиков 133
Котогор 395
Коттубай 242
Коттумбетъ 242
Котурак 169
Кочень 241
Кошкар (Кошкарбай) 242, 244
Кошөк (Кошяк), сын Мулку
174, 243
Кошян, сын Алагөшөка 246
Коянбай 241
Көпөджан 242
Красильников, поручик 67
Красовский, исследователь 162
Крупеников 398
Крылов, следователь 547, 548,
549, 550, 551, 553
Крымходжа 245
Куандык, сын Мучеке 242, 245
Куанш 242
Кубек 242
Кудайбергень (Кудайберды)
241, 242, 244
Кузнецовы Герасим и Федор,
тарские купцы 106, 345, 385
Кулан 246
Кулатай 242
Кулике, потомок султана Аджи
55, 56, 224
Кулкара 245
Кулубай 245
Кулюкэ (Кулюк) 243, 245
Кумыспай 242
Кундыкер 242
Куник, академик 519
Куньсадак 171, 177
Куран Кычин (Курен Кучин)
376
Кураш 242
Курдум 223
Курен Кучин (Курень, Куран
Кычин), калмык 371, 373,
374, 375, 376
Курманалы 243
Курсары 240, 244
Кустай 174
Кутайменды 249
Кутлукай, отец Эдиге 484, 485
Куттукадан (Итэнгмян) 176
Куттумбет 246
Кутчан 246
Кучюм, царь 334
Кушук 242
Кыдырата, персонаж сказки 457
Кызданбек 242
Кызылборк 239
Кызылгурт 223, 225, 240, 242
Кылды 240
Кыркыз 223, 225
Кыстаубай 169, 170
Кытакулов Кутук, ясашный
сборщик 355
Кытакулов Мамант, сборщик
355
Кэмпыр 172, 469
Кэнгджалы 171
Кэникэ, девица 484

- Кюйчу 232, 490, 491
- Лазарев Петр, сержант 405
- Лалетин, торговый человек 274
- Лама Даши, джунгарский посол 362
- Лама Дорджи (Лама Доржи), сын Галдан-Цэрена, джунгарский хан 133, 374
- Ландарм, персонаж тибетского сказания 508, 509, 510, 513
- Лаптев, урядник 71
- Ласса, персонаж тибетского предания 487, 499, 509
- Лебедев, подполковник 360, 407
- Левашев Александр, поручик 343, 344, 392
- Лепехин, исследователь 259
- Лесток, комендант, полковник 9, 107, 144
- Литвинцев Иван, купец 106
- Лихарев, полковник 104, 433
- Лоскутов Яков, тарский купец 106
- Лосунай-хан 415
- Лукьянов сын Плотников Невед 385
- Лэпис (Лэпыш) 176
- Ляпунов Александр, крестьянин 92
- Магди** 249
- Мадаярхан 301, 302
- Маджик 245
- Майкабий 223
- Майков Л. М. 411
- Майкы 241
- Майлибалта 241
- Майма 174
- Макошѣк 242
- Максимов, сибирский казак 292, 294, 299, 301, 302
- Малбакты 245
- Малгыз 244
- Малжак 387
- Малик, капыр 225
- Малкар 243
- Маллябек, хаким 294
- Мальшев Федор, купец 106, 385
- Мальцев, торговый казак 29
- Маман 244
- Мамбеталы 243
- Мамбетпай 242
- Мамут, зайсан 380
- Мамыт 169
- Манас 245
- Манат 131, 173
- Мангыс (Харамангыс) 414, 415, 508
- Мандай 241
- Мансор 243
- Мансуров, воевода 535
- Марко Поло 193, 503
- Маскут 243
- Маслаков, башлык 355
- Матакпай 246
- Матвеев А. С., боярин 429
- Матвеев Данила 267, 277
- Матвеев Клишко 268
- Матень 184
- Матханов, бурят 251
- Мачан (Мошан) 174
- Мѣитук 240
- Мейер 41, 42, 68, 88, 210, 240
- Мелхола, дочь Саула, библейский персонаж 500
- Мельников, купец 106

- Менглибай (Менджебай) 171, 244
Мендыбай (Данияр) 37, 73
Менебай, сын Байтерека 245
Менку Тургель, царица 411
Менку, зайсан 387
Мететь, посланец 403
Мету 396
Миддендорф А. Ф., академик 434, 437
Мийрямсофы 240, 241, 243, 245
Микгонбурхых (Чиланмонгус) 420
Милеску Николай (Николай Спафарий) 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434
Миллер Фердинанд, путешественник 193, 222, 285, 433, 437
Милованов 432
Мильников Ив., 106
Миметбай, посланец 360
Минглы 176
Митриев Иван 346, 385
Михаил Федорович, царь 424
Михайло, краноярец 106, 385
Михайлов Иван, служитель 345, 346, 381
Михайлов Фочка, крестьянин 269
Михаленков, казак 250
Моисей, пророк 219, 227, 233, 519
Мокыш, киргиз из рода таукэ 78, 81, 82
Момын, сарт 56, 114, 116, 137
Мочалы 242
Мсолоков Маюгаш, башлык 354
Мугамедали, сын Кутчана 246
Муин 245
Мулку 168, 174
Мурат, сын Муина 245
Мурза Паяс 301
Мурзагул 243
Муромский Дмитрий, торговый человек 273
Муса, сын Утёмыса 241
Муса-пейгамбар 219, 227, 233
Мусатай 242
Мустафа, англичанин 301
Мусулманкул 242
Мухамедсултан, племянник бия Тана Тлемисова 36, 37, 46, 60
Мучеке 242
Мыльников Иван 345, 385
Мынбай 245
Мынджян 242
Мырадыл (Мыратым), сын Эдиге 193, 481, 482, 483, 477, 484, 487, 496, 497
Мырджикпай 246
Мырзагельды 243
Мырзанбек 242
Мэркит 168, 175, 176, 178, 184, 237, 490
Мяникин 133
Мясникова, купчиха 549
Мятедь 244
Набоков, войсковой атаман 314
Наглангоо 412, 413, 414
Надырсофы 240, 241
Назар 172, 243
Назаров Мулла, купец 296, 300, 398
Назбикэ 174

- Назикпай (Назыкпай) 242, 244, 245
- Найман, сын Акджола 239, 240
- Намакай 242
- Нанбай 244
- Нарбай 245
- Нарынкугумюн 412
- Наурзэк 246
- Науруз Хазы (Науруз Хозы, Наурус Хаза), джунгарский посланец 362, 368, 369, 376, 388
- Некрасов Н., русский поэт 531
- Нелюбов, майор 373
- Ненилин Лука 347
- Нефедьев Лука 347
- Никитин Томилко 266
- Нифантьев, офицер корпуса топографов 27
- Новосильцев Михалко 285
- Ногай 240, 485, 497, 503
- Носонов, казак 53, 54
- Ноурузбай 241
- Нуралы, сын Кирея 82, 240
- Нурбай 245
- Нурбике 242, 243
- Нурзеин, сын Нуралы 466
- Нурилай, сын Эдыгэ 477
- Нурмат, рысалачи (военный чин) 301
- Нусабай 242
- Обак (Обаккнязь), князь белых колмаков 285**
- Одоян 395
- Одюгэ (Одюгахогорбо), персонаж бурятской сказки, шаман 505
- Ойскара (Ойсулкара), святой 229, 248
- Окуньков, полковник 349, 351, 371
- Олёкёй, богатырь 420
- Олин, директор 145
- Олиус 395
- Ольджегельды 246
- Омар 241, 242
- Омба (Омбо), зайсан 387
- Омусур, зайсан 382
- Онсом (Онхан), сибирский хан 495, 520
- Опперт, исследователь, ассириолог 520
- Ораз 243
- Орбен 395
- Орус 169, 170, 244
- Ос-Джанибек (Аз-Джанибек) 508
- Осман 241, 242
- Остерман, министр 343
- Отёз 175
- Отён 246
- Очирвани-бог, божество 418
- Очукаракчи 420
- Оюм 243
- Павлуцкий, полковник 313, 347, 363, 364, 371, 373, 376, 377, 395**
- Паклин Иван, сержант 372
- Палкин В.А., приказчик 250, 251
- Палладий, исследователь 168, 180, 185, 200, 231
- Паллас, путешественник 259, 488, 521, 528
- Панов Иван, тарский купец 106, 344, 345, 385
- Певцов (Певц.), исследователь

- 215, 216
Пельымский Михайло 345
Перевозчиков, капитан 372
Перетяткович, исследователь 484
Перфильев, золотопромышленник 71
Пестель, генерал-губернатор Сибири 551, 552
Петр Великий (Петр Вел.) 104, 303
Петров Баженко 267, 277
Петров Елизарий 267
Петров Устин, торговый человек 275
Петров, казак 432
Плотников Алексей 388, 389, 391, 392
Плотников Федор, купец 106, 345, 385, 386, 388, 389, 391, 392
Подзоров Александр, прапорщик 386, 388
Подкорытов, казачий урядник 550
Позднеев 252
Поморцев Иван, казак 377
Пономарев, разночинец 106, 510
Попов А. 433
Попов Н. 259
Порт (Порта) 424
Посников, торговый казак 29
Потанин Г.Н. 48, 60, 70, 99, 165, 238, 265, 287, 291, 292, 293, 296–299, 302, 330, 411, 420, 421, 442, 443, 520, 530
Пржевальский Н. М., русский путешественник 424
Псурман 244
Путимцев, русский путешественник XIX века 20, 21
Пушкин А., поэт 17, 521
Пьянков Трапан, татарин, томский купец 106, 385
Пятков Иван 345
Рагозин Алексей, торговый человек 273, 282
Радде, исследователь 209–217, 226
Радищев 545
Радлов В.В. 176, 193, 210, 214, 215, 218, 221, 226, 231, 233, 252, 258, 411, 420, 477, 478, 485, 488
Раис, киргиз 234
Рай 244
Распутин, сын боярский 431
Растопчин, граф 552
Рахман Хули 384
Рашид-эддин 167, 168, 171, 172, 173, 174, 179, 181, 186, 191, 204, 218, 223, 224, 226, 230, 231, 233, 234, 238, 495, 506, 509
Ревякин Микифор, москвитин 267, 273, 277, 282
Ремезов 265, 423, 434–442
Рескин Игнатий, сержант 387
Риттер 20, 38, 62, 87, 99, 103, 131
Рихтфен 262
Рицпа, жена Саула, библейский персонаж 500
Родионов Лучка 267
Рудаков Федор, служивый человек 266
Руканбай, купчина 407

- Румянцев, граф 434
Рыс 244
Рысамбетъ 242
Рыспай (Ырспай) 242
Рыхторов Федор 345
- Сабаз, бий 81
Сабанеев (Саб.), исследователь
208, 211, 212, 216, 217, 219
Сагалан Табурчин, белтир 355
Садибек 245
Сазан 242
Саинбелек, нойон 105
Сайдалы 245
Сайн-галобин (Сайн-гальбин-
минган-бурхан), божество
417–418
Сакау 176
Сакей 246
Салам, толмач 105
Саламатов Яков 354, 355, 356
Саламджа (Соломон) 488
Салтан, татарский князь 536
Салтыков, тобольский воевода
424
Сальджибай 241
Самай 245
Самамбетъ 168, 169, 170
Самаркан, султан 166
Самрат 243
Самуил, библейский персонаж
486
Санкунь, сын Ванхана 493, 494
Сарбас 168, 177
Саргалтай 223
Саргылдак 183
Сарджан 241
Сарик (Сарике) 243, 244, 245
Сарисын, ойрат из племени
дэрбет 251
Сармантай 246
Сарт 244
Сары, сын Албана 239
Сары, сын Караула 240
Сарыкул 245
Сарысофы 240, 241
Сарытока 177
Сарыусун 167, 243
Сатемир (Сатимир, Саттимир),
хан 461, 462, 464, 465, 476,
481, 495, 508
Сату (Бата) 494
Сатылган 243
Саул, библейский персонаж 486,
487, 494, 497, 499, 500, 501,
503, 504
Сафар Абулин, бухаретин 277
Сафардау, старик, персонаж
сказки 480, 486
Сегизсары 239
Седенень 396
Сеит 246
Сейдяк, татарский князь 535,
536
Сексенбай 244
Селифонтов, сибирский генерал-
губернатор 551
Семенов, путешественник 6, 131,
385
Семириков Семен 384
Сенга (Сенгетайджи), ойратский
тайджи 132, 440
Сенкубай 242
Септень (Септен), джунгарский
нойон 143, 144
Сердыпгоджа 241
Серебряков Иван, купец 106, 345
Сибиряков, купец 6, 549, 550

- Сиверс, путешественник 23, 24, 41, 58, 62, 156
- Сиирбай, казах из Тарбагатая 190, 219, 220, 221, 233, 234, 236
- Ситников, капрал 348
- Скрипин, Андрей 277
- Словцов (Словц.), исследователь 210, 213, 215, 216, 552
- Соболев Савва, вахмистр 133, 347—348, 349, 353, 363, 364, 373
- Сойнак 396
- Соколов Пятой, посадский человек 274, 277
- Соксур 170
- Соломон, библейский персонаж 196, 295, 299, 487, 488, 500, 501
- Сортактай, богатырь 529
- Сосновский, исследователь 161
- Софроний, архиерей 550
- Сохор, персонаж из бурятского предания 517
- Спасский Г. И., исследователь 434, 435
- Спафарий Николай (Николай Милеску), русский посол в Китае 423—434
- Сперанский М. М., сибирский губернатор 531, 552, 553, 554
- Сронцзан (Сронцзон, Сронцзангамбо), тибетский царь 489, 509—510, 512
- Старков Василий, Старков Роман, послы 432, 438
- Степановы Иван и Лука 385
- Степановы Трошко и Захар 266
- Страленберг (Штраленберг), исследователь 428, 545
- Стрелков Михай, солдат 377
- Строганов, Строгановы, купцы 534
- Струве К.В. 6, 7, 8, 10, 18, 35, 37, 38, 60, 76, 99, 131, 224
- Суан 155, 239
- Судаков Терентий, русский купец 106
- Сулейман, хан 247, 248
- Султангазин Д. Х., казахский султан 463, 464, 466, 507
- Сумин Кузьма (Козьма), тарский купец 106, 345, 385
- Сухарев А. М., сибирский губернатор 344, 394
- Сухтелен П.П., генерал-адъютант, оренбургский военный губернатор 88
- Сыздык 242
- Сыромятников Василий 398
- Сыхторов Федор, купец 106
- Сэкэль 170
- Сэмэн 225
- Сюегэгайчжэун 493
- Сютенген 245
- Сююндук 241, 242, 243, 245, 261
- Сябыр 241
- Сятий 243
- Табылды 242
- Таз 242
- Таирберген 243
- Тайляк 170
- Таймас 246
- Тайтеке 244
- Такаджаран 509
- Там 245

- Тамерлан (Тимур, Аксактимур) 506
- Танатар 241
- Танграк 242
- Танибэк 170
- Таныркул 245
- Тапчибай 242
- Тарак 239
- Таракты, сын Ақджола 239, 240
- Тархандачи, тайша 440
- Тасдулат 243
- Тасемир-хан 473, 474, 475
- Тасы-хан 473
- Татан 176
- Татаринов, горный инженер 102, 141
- Татищев В.Н. 259
- Таттимбетъ, сын Казангапа 242
- Таттыбай 169
- Тауасар 171, 172
- Тауко-хан, казахский хан 473
- Таянхан (Таян) 231, 496, 497, 499
- Твердышев Илья, купец 106, 345
- Текутьев Матвей 395
- Текутьев, переводчик 24
- Телятников, войсковой атаман 314
- Темешь 245
- Темирбек 245
- Темирбоко (Темирбось), персонаж сказки 421, 514
- Темирсофы 240
- Тенибек 244
- Терентий 106, 345, 385
- Терехин Семен (Семен Терентьев сын Терехин), тарский казак 344, 346, 347
- Тизенгаузен В. 506
- Тилли, жена Мадаяр-хана 302
- Тимур (Тамерлан) 184, 506
- Тлеке 173, 174
- Тлемис 242
- Тлемисов Тана (Тана Тлемисович) 7, 18–19, 28, 36–37, 54–56, 138
- Тлеу, сын Тулекэ 158, 245
- Тлеубек 242
- Тлеуке 242, 243
- Тлеулы, бий 166
- Тлянчи 242
- Тобуклы 241
- Тогайбьюбю, жена Тохтомыса 476
- Тогрул, кераитский хан 519
- Тогуз 181
- Тогураслан 239
- Тоймас 241
- Тока 183
- Токан 243
- Токбура 246
- Токкоджа (Токтакоджа) 179, 244
- Токсан 246
- Токтас 244
- Токтогул (Тохтогул, Тортоул), мэргэн 171, 174, 178, 180, 181, 226, 227, 244, 245
- Токубай 169
- Токюй, сын Эдыге 475, 476
- Толи-зандын-дагине 415, 419, 420, 421
- Толточи, белтир 355
- Толубай, бай 169, 466, 468, 469
- Толумгоджу 175

- Тон, архитектор 523
 Тортоул (Токтогул) 171, 178, 180, 181, 182, 245
 Тотурхай-илгысан-хан (Тотурхай Илгыстын-хан) 415, 416
 Тохтамыш (Тохтамыш-хан, Тохтомыс, Тохтамыс, Тохта), ногайский хан 153, 154, 233, 459—466, 470—483, 485—489, 491—494, 496—498, 502, 503, 504, 507, 508
 Тохтогул (Токтогул) 174, 226, 227
 Тохтугул (Тухтабики) 226, 227, 492, 498, 503, 504, 508
 Треченин Михайло, томский купец 106
 Трипольский Вильгельм 519
 Тубут, имя Чингисхана в легендах и поверьях монгол 502, 517, 518, 519
 Тубуттэнгри, имя шамана у жителей Передней Азии 491, 492, 517, 520
 Тугус 395
 Тукей 245
 Тусултан, сын Аблай-хана 162
 Тукты, персонаж сказки 456
 Тулёк (Тулёкпай) 175, 244, 245
 Тулекэ 245
 Тума 100, 155, 178
 Турдубек 242, 243
 Туркобай 244
 Турсун 249
 Турсунбек 246
 Турунтай 177
 Тутурхайилгы 421
 Тухтабики, (Тухты, Тохтугул), хан меркитов 223, 226, 227, 486, 488, 492, 497, 498, 503, 504, 508
 Тшян 242
 Тэкэбай 245
 Тэлэ 243
 Тэнгисбай 169, 170, 175
 Тэнгисбай, киргиз 234
 Тэнебек 243
 Тэнес 241
 Тюлюгун, киргиз 114, 119, 138, 139, 218
 Тюлюнгут, сын Акджола 240
 Тюменц, казак 432
 Тютихе, дочь Тохтомыса 476
 Тянибек 242
 Уак, сын Акджола 239, 240
 Угримов, майор 358, 359, 360, 397, 398, 399, 402, 403
 Уденько Салимов, бухаретин 275
 Улбаба, султан 37
 Уликчин 420
 Ултарак, киргиз 77
 Ульянов Климка, казак 270
 Ульянов Соменка 267
 Умурзак 242
 Уразайбай, башлык бухарский 383
 Уралтай Мамырхан, дворянин (тюрэ) 223, 224, 225
 Урасанбай 407
 Уркез, сын Тагхана 238
 Урус 172, 292, 497
 Усён 242
 Ускузбуль 421
 Усмамбет 242
 Утебай, сын Бабыка 243, 246
 Утёмыс 241

- Утеуло 242
 Утэнь 243
 Учжа, торгоут 236
 Учюрта, тайша 438
 Ушаков Иван, тарский разночи-
 нец 106, 344, 345, 346
 Ушаков Семен, тарский казак
 106
 Уягхан 520
- Ф**едоров Михаил 269, 424
 Федотов Василий 277
 Филарет, московский митропо-
 лит 325
 Фишер, исследователь 86, 432,
 438, 441
 Фридрих Вильгельм, бренден-
 бургский курфирст 424
- Х**абаров 250, 251
 Хабкан-шюдун-хартхарь-кукуль
 415
 Хаджирчингис (Хаджир Чин-
 гис-тенгри), шаман 492, 516,
 518
 Халатьянц Г., исследователь 519
 Ханбури, жена Мадаярхана 302
 Хангалов, учитель 251
 Харагырген 517
 Харамангыс (Мангыс), мифи-
 ческое существо 414, 415, 508
 Хараморгона 517
 Хардак 412
 Хархурмукин (Хатын-хара-хур-
 мукин, Хара-хурмукин,
 Хурмукин, Хара Эрень) 251,
 413, 412, 413—414, 417—418
 Хмелев 347
 Ходжаберген (Кожаберген) 225
- Ходжагул 195, 244
 Хозинский Матвей, сын бояр-
 ский 282
 Хоренский Моисей 519
 Хоридой, предок Чингисхана
 505
 Хорису, найман 496, 497, 498
 Хормуста, божество у монголов
 414, 512, 516
 Хоэлунь, мать Чингисхана 490,
 491
 Худоногов Кирилл 354
- Ц**агандарек (Цагандарих, Ца-
 гандарэкэ, Цаган-хан) 251,
 411, 417, 418, 419, 420
 Цанпай (Цзанпай, Джанбай)
 479, 480, 481, 487, 488,
 489, 493—494, 498
 Цебен Доржи Намжи (Цебель
 Доржи, Цэван-Доржи-Намд-
 жи-Аджил), джунгарский хан
 371, 374, 375, 378
 Цедея 389
 Цезеван-арабдан 86
 Цорос (Чорос) 488, 497
 Цырин Доржи, ойратский зайсан
 383
- Ч**авдара, военачальник 134
 Чагантай, сын Танграка 242
 Чагыр 176, 178
 Чадвакас 243
 Чадыр, калмык 387, 388
 Чакабай, предок абакиреев 169,
 178, 241
 Чакчай, киргиз из рода таукэ
 78, 80, 820
 Чанчар 242, 243

- Чанчунь, китайский путешественник XIII века 200
Чапгаран, белтир 355
Чапрашты 239
Чахдор (Чахдур), племяник
Галдан-Цэрена 365, 366, 367
Чегендык 245
Чекановский, путешественник
121, 437
Чельбедень 420
Ченбай 477, 484
Чередов, адъютант 372, 395
Черкасов Андрей, солдат 385
Чернышев Андрей 345
Чивалков Ив., миссионер 250,
251
Чиймоин 168, 177
Чиланмонгус 420
Чиликпай 246
Чиман 245
Чимыр 239
Чингиз-хан (Чингизхан, Чингис,
Шингыс) 37, 171, 182, 186,
218, 222–223, 226–227,
231–233, 235, 240, 483, 485,
486, 489–499, 502–505,
509, 514–520
Чинтемир 242
Чинчий, татарин 495
Чиреучи 468, 174, 177, 178
Чириндорчжи, халха 250
Чистохин, бурят 251
Чиунчалы 169, 170
Члёнбай 246
Чока 241
Чон, сын Корана 246
Чопаната (Чапаната) 229, 248,
262
Чорёк 241
Чорман, сын Кошека 243
Чорманов Муса (Муса Чер-
манович Черманов; Муса, сын
Чормана), султан Каркаралин-
ского округа 193–194, 231,
239, 243, 249
Чрён 243
Чулков, воевода 536
Чумат, султан 35
Чуюнгулак (Чуюнкулакдяу),
великан 465, 495
Чэбиль 239
Чяльча 243
- Шабан** 245
Шанаура Ивашко, служилый
275
Шангин, исследователь 265
Шапкин, купец 106
Шапочников, майор 343, 353
Шарьджатым 241
Шахназаров Байназар, бухарец
143
Шаштазы, персонаж сказки 456,
457, 458
Шедегин Петр 342
Шейкин Василий, солдат 385
Шешехатун 512
Шигиканьхухудуху 490, 491
Шидургу, царь 396, 397, 398
Шидырван (Шадырубан, Шу-
дурман), персонаж монгольских
преданий 496, 498, 520
Шикджи-мини, божество 418
Ширяев Петр, купец 345
Шихов Мирзали, тарский юртов-
ский татарин 111
Шмаков Василий, тарский жи-
тель 344

- Шоян 420
Шөн-би 249
Шренк 99, 113
Шубин Иван, русский купец
106, 345, 385
Шубуртбалы 241
Шуко 381
Шуманак 245
Шунобатыр (Карасакал) 265
Шякан 243
Шякшак 241
Шапов, исследователь 433
Шукин Федор, ефрейтур 386
- Ы**рскул (Рыскул) 241
Ырсыпбет 243
- Эджэнхан (Эдженьхан) 222,
225
Эдигэ (Идыге, Эдыгэ, Идыгэ,
Идыге-би) 173, 193, 233,
249, 455, 457–466, 475–499,
502–505, 507–509
Эмиль 180–181
Энкетургель, царь 411
Эрлик-хан (Эрлик-номын-хан,
Эрлик Номон-хан) 411, 415,
416, 417, 419, 421
Эрман, исследователь 428
Эрс 244, 245
Эсекень-батырь 223, 225
Эсэгэмалан, божество бурят 500,
512, 513, 514, 515, 516, 518
- Ю**дин, путешественник-исследо-
ватель 439, 485
Юль 503
Юрюньхатун 512
Юсун, сын Котана 239
Юсупбек, управитель в Ташкен-
те 301
Юсуп-ходжа, торговец 110
- Я**коби, сибирский губернатор 14,
160
Яковлев Замятенко 275
Якшимбетъ 242
Янсык-улакчин 419
Яриов Ширип, бухарец 104,
275, 286
Ярцов Иван 160
Ярышкин, купец 401
Яулубай 240

Указатель географических названий

- Абдар-модогол, Абдараммодогол, Абдарамодун (Кокбекты) 24
- Абдорам Уду, река 364
- Аблайкит, буддийский монастырь 521, 528
- Аблайкитские горы 71, 528
- Аблакет 396,
- Аблакетка (Бешку), река 163
- Аджибогдо 187, 199, 204
- Аджинынкаюк 185
- Адил, Акадиль (Волга) 479, 495
- Адкаш, государство 105
- Азия 23, 38, 62, 131, 168, 173, 177, 231, 252, 253, 303, 438, 501, 532
- Азретидрисаулье 294
- Аиртау, горы 527
- Ақджал 114, 115, 129, 136, 137, 140
- Ақджар 293, 295, 301
- Акимбек, город 385
- Акмечеть 440
- Акмолинская (Акмолдинская) область 217, 227, 232, 245, 443, 466
- Акс, город 385
- Аксуат, река 83, 118
- Аксумя, город 440
- Актас, утес 42, 43, 59, 140
- Актюбек 77, 78, 80
- Алакуль, озеро 30, 99, 102, 103, 181
- Алакульская равнина 99, 113, 117, 124
- Алатау 118, 297, 298, 328, 330, 332
- Алдан, река 540, 541
- Алдашь, река 441
- Алее, Алис (Алей?), река 396, 441
- Александровка, деревня 53
- Алет, ущелье Тарбагатай 102, 113, 129, 158
- Алжирия, страна 329
- Алкабек, река 45, 47
- Алматинская колония 329
- Алтай 13, 18, 27, 28, 32, 35–36, 39, 41–44, 46, 48, 52–55, 61–64, 78, 81, 90, 116, 123–124, 130, 134, 142, 155–157, 165–166, 173, 176–179, 183–184, 187, 189–193, 197–199, 201–206, 208–217, 226, 230–231, 245, 249, 254–261, 277, 288–291, 304–305, 317, 421, 430, 476, 478, 523, 525, 527–529
- Алтантагисун, Алтынхатысын 438
- Алтуайт, гора 129–131, 135–136
- Алтыннор, озеро 505
- Альпы 48, 51, 63, 288
- Амар (Обь) 432
- Америка 433
- Амударья (Амундарья), река 264

- Амур 223, 262, 435, 538, 540—542
Амурский край 436, 541,
Ангар, река 257, 425, 428, 539—540
Андиджан, Андыджан 294, 299, 302
Антиохия 519
Антуй, хребет 438
Аравия 259
Арало-Каспийская низменность 124, 257
Арбатай, река 439
Аргилынты 183
Аргунь, река 425
Аркарлы, горы 130
Аркаул, гора 27, 42, 57, 67, 69, 90
Армения 105, 519
Арсланбапаулье 295
Арслынол, гора 420
Архангельская губерния 537
Арысу, река 297
Ассирия 501
Астрахань, Астраханская губерния 344, 484
Атбасарский округ 261
Атикин, городок 535
Аулиебулак 42
Ачаирский рудник 387
Ачинск 286
Ачудасть, Ашудас, предгорье Тарбагатая 91, 103, 119,
Аюкеткен 58—59, 61—62,
Аягуз 23, 155, 161—162, 327—329
Аяккараул 161
Бадпакбулак 47, 49
Базар, река 81—83, 104, 117, 120, 131
Базаркышлак, деревня 294
Базуг, река 122
Баинбулык 183
Байджигит (Б.), волость 155
Байкал 180, 427, 434, 505, 515—516, 540
Баканас, река 134, 161, 176
Бакланий (Бакланьи, Бакланий), мыс 8, 35, 73, 77, 80, 91—92
Бакты 100—103, 113
Балаиртыш, река 166
Балакальджир, река 44—46, 63—65
Балаганск, Балаганский острог 429, 431, 540
Балджиун (Балчжун) 495
Баллакчилик (Тулакчилик), долина 41
Балхаш (Тениз), озеро 23, 104, 162, 257, 327, 438, 440
Балхашская низменность 104, 124, 127
Балчжун, озеро 494, 495
Бараба (Чанов), озеро 432
Баркуль, город 166
Барлы, Барлук, Барлытюбе, Борлытюбэ 34, 67, 103, 119
Барнаул, город 291, 544
Баронаул, река 441
Бархот, мыс 30—31, 34—35, 77
Басентинская волость 162
Баш 161
Башкирия, Бесгерт 105, 255, 350, 381
Бесгерт (Башкирия) 105
Баянаул, Баянаульский округ 6,

- 194, 239, 247–249, 261, 264, 443
- Бейкем, река 256
- Бекончюбеляк, река 24
- Белезек, река 90
- Белтирская волость 353–354
- Белуха, гора 288
- Бельды Даван, хребет 299
- Березов, город 266, 275, 302, 436, 532, 538
- Бескэ (Дебискэ), река 81, 83, 86, 115–118
- Бечища, река 441
- Бешку (Аблакетка) 132
- Биджи, река 198, 201, 332
- Бий (Би), река 230, 429, 441
- Бийсимас, гора 129
- Бийск, Бийский округ 223, 290, 307, 310, 429
- Бикатунская крепость 112
- Бисбуун, горная местность 44–46, 48–49, 57, 64
- Бишарык, город 293
- Богдо, гора 101, 186–187
- Бодулуол, Бодулынгол 418
- Божье, озеро 441
- Большие ворота 76
- Боргуссугай 102, 127, 130–131, 135
- Боротала, река 103, 144, 437
- Борохуджир 133
- Бохан, гора в Иркутской губернии 514
- Бугуж (Бугуш), река 379, 382, 386
- Бугухайрхан 203
- Букеевская орда 169, 171, 176, 222, 240, 255
- Буконбай, гора 41–43, 46, 59, 65, 116
- Буконь (Буконьберень), река 20, 27–28, 41–43, 46, 54, 59, 65, 69, 81, 83, 92, 438
- Булгун (Булаган, Булыган), река 166, 178, 183–184, 201, 203, 439
- Булунытохой 166
- Бура, местность 201
- Бурчум, река 90, 185
- Буурал, горы 142
- Буурул, река 142
- Бухара, город 275, 293, 296–297, 300–301
- Бухтарма (Бахтарма, Бахтурма), река 75, 182, 261, 310, 382–383, 396, 476, 478, 525, 527
- Быково, деревня 53
- Былкалам, приток 294, 302
- Бэлягач, местность 523
- Бэсчана, мыс 77
- Вавилон** 501
- Варна, река 428
- Великопермское поморье 436
- Верхотурь 549
- Вершинин мыс 29, 31–32, 77
- Вилюй, река 428
- Витим, река 427
- Вихарева, река 427
- Волга (Акадиль, Адил, Эдиль, Идиль), река 338, 484, 536, 473, 476, 479, 481, 495, 496, 508
- Вологодская губерния 537
- Волоская земля 429
- Волчий мыс 77, 81
- Вонт 427
- Восточный Саян (Мунгальской камень) 425

- Вохая, река 334
Вятская губерния 244, 255
- Галчагышлак, город 293
Ганьсу 255
Гашиун (Гашиундзюх) 201
Гималаи 39
Глубокая, деревня 91–92
Гоби, пустыня 165–166, 176, 178, 229, 235, 412, 419
Голодаевский, мыс 29, 77
Гольй, мыс 77
Гольцовский рудник 395–396
Гороховец, город 106, 345
Горькая линия 309
Грустинец, город 104
Гуньтамга, местность 201
Гурбань-джиргылынты, река 183
Гучен 166, 183
- Дабысынтуз, озеро 440
Далай, озеро 257, 427–428
Дальний Восток 501
Дастар, горы 135
Дебискэ (Тебискэ, Бескэ), река 81, 83, 86, 115–118
Демьянский ям 429
Джайтюрэ, гора 99–101, 117
Джаксы, гора 115, 119
Джаланаштюбек, мыс 34
Джалпаккаин 43–44, 65
Джаманарганаты, гора 115
Джаманкуль, озеро 32–33, 36
Джангубек Суан (Дж.-Суан, Дж. С.), волость 155
Джангызагач, мыс 77
Джапрак, болото 58
Джеланаш-Тюбек, мыс 77
Джеланашкуль, озеро 30
- Джелаулы, вершина 140–141
Джеман, гора 119
Джилыбулак 77
Джимтау (Джилытау), горный хребет 43–44, 65–66
Джинджилик 198, 203
Джитыгузун 118
Джунгария (Зенгорская земля, Зенгория, Зенгорское владение, Зенгоры, Зарга) 86, 99, 105–109, 111, 113, 123, 131, 133–134, 142–143, 157, 161, 163, 225, 258, 262, 286–287, 313, 344–347, 349, 362–364, 368–383, 386–387, 389–391, 395, 402, 431, 438
- Джункэ 328
Джусагач 19–24, 69, 75–76
Дзабхын, река 179, 197, 200, 205, 207, 257
Дзерге 201
Дзонмудун, река 132
Дикан, город 239
Долонкара, гора 42, 67
Долонкарагайская (Долонская), станка, станица 68, 89
Долонуту, река 142
Дон, река 306, 339
Дунай, река 172, 429
Дюль, река 441
- Европа 200, 253, 255, 433–434, 521, 532
Евфрат, река 501
Египет 467
Екатеринбург 106
Еланга, река 387
Емиль (Эмиль, Имель, Имели,

- Имиль), река 104–105, 119, 133, 135, 142–144, 180–181, 438–440
- Енисей 172–173, 175, 181, 193, 256, 429, 431, 442, 538–539, 541
- Енисейск 269, 276, 278, 283–285, 425, 429, 436, 442, 539–540
- Енисейская губерния 441–442, 478
- Енисейский край 429
- Ергенехон 262
- Еркень, Еркенд, Иркен (Яркенд) 103–104, 106, 375, 381, 384–386, 438
- Еркетъ, река 438
- Железинск** 145, 148
- Железенская (Железинская), крепость 67, 313
- Жорнокопка, река 431
- Забайкалье** 210, 540, 552
- Заволжье 451
- Заир, гора 8, 142–143, 144
- Заир 143
- Зайсан (Кокотунор, Нордзайсан, Норзайсан), озеро 6, 10, 18, 22–26, 28–32, 34–35, 40–41, 52, 63, 66–67, 69–70, 72, 74–78, 81, 86–87, 89–92, 101, 104, 114, 116–117, 119, 122, 127, 131, 134–135, 157–158, 230, 257, 364, 432–433, 439–440, 529
- Зайсанская равнина 8, 18, 28, 56, 113, 161, 261
- Зайсанский пост 525
- Замин, город 293
- Звериноголовская крепость 307–308
- Зевакина, деревня 92
- Зея, река 541
- Золотая Орда 486, 504, 506
- Ибиджилъ**, котловина озера Зайсан 30
- Ибинынджилъ (Кузгундегень) 90
- Идиль (Волга) 496, 508
- Иерусалим 519
- Известковая станица 303
- Или (Илю, Иле, Илей), река 99, 127–128, 142, 173, 329, 381, 386, 440
- Илийский пикет 127–128
- Илимск 436
- Ильинская слобода 429
- Имиль (Емиль) 142, 144, 438–439
- Ирбит, город 105, 386
- Иренхабирга (Иренхабирган, Иреньхабарга) 8, 131, 142–144
- Иркута, река 441
- Иркутск, город 106, 108, 425, 429, 436, 540, 543–544, 547, 549, 550, 553
- Иркутская губерния 174, 256, 400, 441, 514
- Иркутский острог 425
- Иртыпча (Улюнгур) 439
- Иртыш (Черный Иртыш), река 9–10, 13, 15, 18, 24–29, 31, 36–39, 46, 54, 62–63, 66–69, 71–77, 88–92, 102, 104–105, 110, 131–132, 134, 138, 142–143, 145–146, 161–162,

- 165–167, 177–178, 181, 184–185, 198, 211, 213–214, 223, 232, 257, 261, 303–307, 309–310, 312, 327, 332–333, 335, 341, 370–371, 373, 382, 387, 425–427, 430–433, 435, 438–440, 442, 477–478, 521–529, 535–536, 538, 545
- Иртышско-Зайсанская впадина 167
- Исе (Иси, Ись), река 355
- Искер, Искерь 533, 535
- Иссык-Куль 132, 173, 508
- Исык, ущелье 127–128, 131
- Итыкчи, горная цепь 120–121, 135–136
- Ишим, река 113, 162, 309, 332, 441–442, 477–478, 539–540
- Ишимско-Барабинская степь 105, 308
- Кааба** 484
- Каба, приток Черного Иртыша 90, 92, 185, 223
- Кабалгасун 442
- Кавказ 255, 484–485
- Казанская губерния 255
- Казань 187, 198, 216, 250, 484–485, 522, 534
- Казачья орда (Киргизская земляца, Киргизская орда) 160, 222, 240, 329, 331, 401, 440
- Казыкты, река 101, 102, 115, 119
- Каинавадам, город 293,
- Каинсу (Каинды), река 49–50, 81, 83, 310
- Кайлару, река 427
- Кайсак, город 379
- Кайчи, река 114–116, 118
- Кайчитюбэ, возвышенность 115
- Калба (Калма, Калбинский), горный хребет 19, 28, 42, 70, 81, 104, 178, 182, 257, 330, 332, 521, 524–525, 528
- Калгутты, река 65–66
- Калмыктологой (Калмык Тологой, Калмы Тологой, Калмык Талогой) 18, 24, 70, 36, 104, 363–364, 367, 370, 374, 382, 521, 529–530
- Кальджир 8, 44–52, 56, 59, 81, 83, 89, 102, 184
- Камартабан 144
- Камбала 104
- Камчатка 434, 538, 540, 542
- Камышкорган 295
- Кан 387, 539
- Канас, озеро 54–55, 74, 134, 156, 224
- Кандысу, река 122, 127–128, 130, 132
- Канкарагайская земляца 431
- Капсихор, деревня 264
- Карабас 89
- Карабирук, возвышенность 36, 39
- Карабуга, река 81, 83, 86, 104, 118, 132
- Карабулак, ключ 116–118
- Карагантюбек (Карагандытубек), мыс 31, 77
- Карагаш, река 63–64
- Караджал, горная вершина 19, 528–529
- Каракас 26–27, 69
- Каракенгир, река 265
- Каракитэт, река 102

- Каракол, река 162
Каракучир (Каракучур), река 132, 439
Каракчикурган, город 293
Караоткель (Карауткуль), река 22–23, 46, 49
Карасак-Кирейская волость 161
Карасу, река 19
Каратал, река 332, 442
Каратау, горы 296, 298, 301
Каратыгин, земляца 299
Караунгур, река 119
Карауткуль (Караоткель) 76, 302
Карачоку (Карачеку), гора 66, 122, 332
Карачик, река 292, 298
Каргата, река 477
Каркаралинский округ 181, 231
Каркаралы 249
Карнак 292
Кас, река 428
Касмала, деревня 104, 107
Каспий, Каспийское море 230, 255
Катунь (Катынсу), река 99–101, 118
Каш 427
Кашгар (Кашкар), город 103–104, 297, 299–300, 438, 521
Кашкардаван, хребет 296, 299
Кемерчик, река 161
Кенгир, река 265, 439
Кендом, река 441
Кендсуат 25–26
Кендыкты 20
Кендыртау 297
Кент 249
Кер 191
Кетский острог 538
Кеть, река 425–427, 429, 431, 538–539
Кизылчиликская котловина 135
Киндер, Киндерлик 439–440
Киргизнор, озеро 165–166, 173, 178
Киргизнорская низменность (равнина) 257
Киргизская земляца, Киргизская орда (Казачья орда) 222, 240, 329, 331
Китай 11, 13, 86–87, 111, 122, 132, 179–180, 255, 260, 283, 380, 421, 423–425, 432, 435, 486, 488–490, 494, 498–500, 502, 507–508, 521, 525, 544, 546
Китой, река 425, 442
Киттынгара, гора 122, 126–128, 132
Кихта 283
Кичубайкарасу, 19, 21
Кия, река 441
Клы, устье р. Кокбекты 20–23, 25, 27, 69, 76–77
Кобдо, город 165–166, 183, 202–203, 207–208, 237, 250–251, 254–256, 437–440
Кобек, река 439
Кобокзаур 86, 134
Когодай 90
Коджур 118–122, 124, 133, 136
Кокай, хребет 105
Кокан (Коканд, Кокания) 91, 129, 242, 275, 292, 293–302, 332–333
Кокбектинская станица (Кокбектинский округ) 67, 71, 155,

- 163
Кокбекты, населенный пункт 18,
20, 68–72, 76, 88, 161,
328–329, 530
Кокбекты (Кокбектинка), река
18–19, 24, 27, 81–82, 364
Кокенов Койтас 130
Кокджурек, горы 183
Кокон, горы 332
Коконахой, река 134
Кокотунор (Зайсан) 439
Коксу, река 295, 338
Коксун, горы 178
Коктебе, река 438
Коктерек 18, 36
Кокуйкуль, озеро 249
Кокчетавский округ (волость
Кокчетау) 158, 163, 466, 478
Колгуты (Колсуты), река 105,
384
Колыванская губерния (намест-
ничество) 110–111, 145, 147,
160, 431
Командинская волость 342
Кондома, река 254,
Конкайбаш (Сарытарбагатай)
48, 51, 62, 69
Конратская волость 302
Конурлень 332
Копал, город 105, 328–329, 339
Копалка, река 328
Коряков, Коряковская станица 11
Косарал, дельта р. Каба 90, 92
Косогол 172, 203–204, 207–
209, 211–215, 225, 254, 258,
261
Котемир(?)-цорг, река 133
Кошелев 431,
Кран, река 90, 161, 197, 200,
202
Красноярск (Красноярский го-
род) 257, 344, 436, 539
Красный Яр (Красные Ярки)
75, 90
Крым 198, 244, 264
Кряж, яр 427
Кубадонг, холм 457
Кужант, город 293–295
Кузгунь (Кузгундеген, Иби-
нынджил, Кызыгундеген),
гора 90, 127
Кузнецк (Кузнецкий округ),
город 107, 179, 269, 275–
277, 282, 284, 286, 343, 431,
436, 441, 523, 538
Кузнецкий остров 267
Куйтун, вершина р. Бухтармы
525
Кукунор, озеро 438
Кулундинская степь 330
Кулункеткен, река 57–58, 63
Кульдененсу, река в ущелье
Тарбагатая 102, 140
Кульджа, китайский город 328,
521–522
Кумгель (Кумгуль) 118, 457
Кумкент, город 488
Кумынская волость 254
Кунгурбей, река 439
Кунгыалатау, хребет 327, 329,
332
Кунегуя, скалы 140
Курама 293
Кургалчин (Кургальджин), озе-
ро 332, 440
Курджумсал 185
Курджунтюбек, мыс 77
Курмул 124
Курту (Курты) 90, 160, 166
Курумту, река 166

- Курчум, река 27, 57, 62, 69, 74, 81–82
Курчумский хребет 48, 57
Куча, город 438
Кушкар, город 106
Куштыермень, название местности 299
Кызыгундеген (Кузгунь) 90
Кызылбаш (Улюнгур), озеро 133, 439
Кызылджингыл, мыс 77
Кызылкаин 118
Кызылсай 136
Кызылчилик 41, 102, 122–124, 127, 130–132
Кызылчоку (Кызылчеку), горы 122, 136
Кынырбай (Кенгирь) 439
Кырья, река 439–440
Кяхта, город 111, 400, 540
- Лайбулак, река 101, 140
Лакманская волость 381
Ласты, река 81, 82, 101, 102, 119, 122
Лебутино, деревня 430
Лебяжья станица 303, 332
Ледовитый океан 537, 538, 539, 540
Лена, река 429, 541
Лепсинская станица 328
Лепша, река 439
Лоб, река 438
Лобы, городок 132
Лопта, река 438
Лурянга (Урунгу) 439
- Майчилик, урочище 41, 116
Малые ворота, устье р. Кылы 76
Мальшева (Мальшевая) слобода 106, 385, 395
Мамонтова кость 542
Манастынасу 131
Мангазая, город 277, 537, 538, 540
Манрак, горная вершина 26, 35, 62, 90, 102, 119, 122, 127, 130, 131
Маны, река 441, 539
Маоуньдур, гора 494
Марглан 300
Марка, озеро 45, 46, 47, 48, 50, 52, 53, 55, 59, 62, 64, 89, 178
Мекка 482, 484
Мелесцы, населенный пункт 287
Мерв, город 254
Мечеть, деревня 28
Миясская крепость 346
Могилки 26, 29, 31, 66, 69, 73, 91
Молдавия 423
Монастырь, гора 527
Монголия 11, 12, 13, 165, 167, 174, 175, 176, 181, 200, 212, 214, 218, 220, 232, 238, 239, 244, 249, 252, 255, 256, 257, 258, 262, 265, 421, 425, 437, 487, 488, 489, 494, 498, 499, 502, 504, 507, 508, 511, 512, 514, 516, 529, 538
Москва 275, 277, 282, 285, 287, 357, 358, 360, 361, 362, 376, 383, 388, 390, 391, 392, 394, 400, 402, 424, 425, 431, 432, 436, 533, 534, 535, 536, 537, 543, 544, 545
Московское государство 435,

- 533, 542, 543
Мрассы, река 254
Муқанчи, ключи 99, 100, 118
Мунгальской камень (Восточный Саян) 425
Муниолы 262
Мурожная, река 427
Мурун (М.), волость 155, 156, 157, 158
Мухорчар, река 377
Мухурцаганбургассу 208
Мысыр (Египет) 467
Мяконько, деревня 53
- Найзагара**, гора 129
Намангын 294, 295, 296, 298
Нань-Шань, горы 254
Нарыл, река 310
Нарым (Нарын), река 29, 91, 117, 134, 141, 161
Нарым, город 273, 283, 425, 427, 429, 436
Нарымский хребет 62
Нарынгыр, деревня 200
Нарынский острог 276
Наун, река 425
Нерчинск 423, 425, 436, 540
Нижегородская губерния 255
Нипон, остров 438
Новая Голландия 329
Новгородская область 537
Норишим (Нура) 440
Нордзайсан, Норзайсан (Зайсан) 24, 142
Норук, гора 207
Нура (Норишим, Нуры), река 265, 440
- Обкеты**, горы 122
- Обь (Амар, Умар), река 106, 210, 212, 213, 223, 273, 287, 307, 385, 425, 426, 427, 429, 430, 432, 434, 436, 441, 536, 538
Одесса 521
Ойджайляу, котловина 114, 119, 122, 130, 139
Ойчилик 41, 116, 117, 122, 130, 137
Ока, река 254, 256, 539, 540
Олекма, река 540, 541
Оленек 437
Оленск, река 540
Олонцкая губерния 537
Омск, город 6–8, 11, 12, 14, 24, 142, 162, 213, 240, 261, 303, 304, 307, 308, 309, 324, 373, 389, 538
Оренбург 88, 173, 262, 485
Оренбургская губерния 307
Оренбургская линия 293
Орхон, река 181, 494
Ослянка, река 428
Осмарыжский форпост 68
Охотск 543
Охотское море 532
- Палестина** 501, 502
Пекин (Камбала), город 104, 168, 174, 175, 179, 180, 181, 182, 184, 185, 191, 192, 201, 226, 231, 232, 233, 234, 438
Пельым, город 436
Пензенская губерния 255
Передняя Азия 501, 502, 519, 520
Переяславль Залесский 133
Перовский, форт 85, 88

- Персия 231, 299, 352
Песчаный мыс 81
Петербург 6, 11, 67, 357,
550, 551, 552
Петропавловск 6, 105, 261,
297, 307
Печерское Поморье 436
Пихтовка, река 526
Пишкек 293
Полтава 86
Поярков хребет 541
Прапорщикова, деревня 91
Пресногорьковская крепость
68
Пресный редут 107
Пригонная сопка, гора 527
Проходная, река 525, 526
Пыгма, река 427
- Р**ачевское городище 431
Ргайлы, горы 115
Риддерские белки 527
Россия 8, 9, 12, 54, 86, 87,
88, 104–107, 134, 142,
143, 145, 162, 183, 191, 244,
253, 262, 266, 279, 281,
283, 284, 296, 309, 312,
320, 344, 353, 361, 363–
365, 367–372, 374–377,
379–383, 385, 390, 392,
399, 423, 424, 431, 435,
437, 484, 485, 497, 503,
504, 525, 530, 533, 545,
546, 554
Русь 276, 339, 346, 423
- С**аабанак, хребет 438
Сабинский (Себинский) пикет
70, 71
Савры, горная вершина 35
Сагашудж, Тангат, Тлангетль
(Иртыш, Черный Иртыш),
река 24–29, 36–39, 46, 54,
62, 63, 66–69, 71–77, 87–92,
102, 104, 105, 110, 131–134,
138, 142, 143, 145, 161, 162,
165–167, 177, 178, 181, 184,
185, 198, 211, 213, 214, 223,
232, 257, 261, 303–307, 309,
310, 312–314, 327, 332, 333,
335, 341, 370, 371, 373, 382,
387, 425–427, 430–433, 435,
438, 439, 440, 442, 477, 478,
521–529, 535, 536, 538, 545
Сайасу, горный проход 115
Сайкан, гора 127, 135
Саксай, приток р. Кобдо 166,
237
Салар, река 292
Салкынчоко (Салкынчоку), гора
44, 64, 65
Самарканд 229, 262
Самаров, Самарово, город 425,
427, 434, 536
Самаровский ям 425
Сангиндалай (Сангип Далай)
205, 214, 257
Сандыбаев Ердень, батыр 265
Сантаху, китайская деревня 201,
204
Саргатская волость 477
Сарджинтюпе, гора 292
Сартау, горы 39, 42, 44–46, 48,
49, 56–64, 129, 155
Сартологой, гора 115–117, 129,
130
Сарчиганак, горный проход в
ущелье Тарбагатай 102

- Сарыкенгир, река 265
Сарысу, река 265, 439, 442, 478
Сарытарбагатай (Конкайбаш, Хангай), горный хребет 48, 51, 62, 69, 168, 178, 182, 187, 193, 198, 199, 202, 203, 204, 205, 207–212, 214, 215, 256, 439, 529
Сарычеку (Сарычоку), гора 113–115, 117–119, 121, 129, 130, 136
Саяны, горный хребет 13, 166, 214, 254, 257, 258, 425, 439
Себеты, река 136
Себинка, река 71
Селенга, река 165, 172, 257, 425, 428, 438
Селенгинск 428, 429
Селенгинский острог 425, 428
Семейтау, горы 522
Семипалатинск (Семипалатинская крепость, Семипалатная, Семиполатная) 24, 27, 54, 67, 107–110, 112–114, 143–145, 148, 157, 160, 161, 163, 225, 232, 295, 296, 303, 304, 307, 313, 327, 328, 341, 348, 349, 351, 353, 357, 359, 363, 364, 371, 374, 377, 379, 380, 383, 384, 386, 389, 396, 399, 400, 401, 402, 404, 405, 407, 410, 443, 521, 522, 526
Семипалатинская область 239, 250, 258, 264, 327, 455, 521
Семиреченский край 332
Семиарск (Семиарская, Семиарский) 67, 68
Сенкуль, река 255, 256
Сергиополь, город 37, 161, 162
Серембетъ 466
Сибирское царство 285, 433
Сибирь 48, 54, 72, 77, 86, 103, 104, 106–111, 223, 228, 252, 254, 255, 257, 259, 263, 265, 266, 270, 276, 283, 284, 286, 291, 294, 304, 307–309, 312, 319, 334, 337, 352, 358, 362, 394, 400, 401, 421, 423, 425, 427–429, 431–437, 440, 442, 443, 451, 477, 478, 489, 530–538, 540–542, 544–548, 551–554
Сиверный бор 68
Симбирск, город 345
Симбирская губерния 255
Сирия 83
Солоновка, деревня 53
Сочюр, река 427
Спуску, станица 67
Средиземное море 434, 531
Средняя Азия 19, 30, 38, 87, 109, 167, 182, 218, 225, 254, 296, 327, 442, 487, 504
Становая, крепость 107
Субту, река 166
Сузак 293, 299
Сумдайрык, река 166
Сунгар, река 541
Сургут, город 273, 436, 538
Сучжеу 255
Сырдарья (Сыр, Сырт) 157, 158, 173, 294, 295, 298, 437, 440
Сычуан, китайская провинция 255
Табак Темурлян 381

- Табынбэльчир, горы 166
 Тагапская волость 342
 Таймур, река 428
 Таймырский полуостров 537
 Такар, северная покатошь Бу конбая 59
 Такмыцкая слобода 104
 Такыр, река 42, 43, 44, 65, 66
 Талас, река 104, 257, 294, 300, 440
 Талмасана 265
 Тальмытологой, гора 24
 Тамырсык, река 115, 118
 Тангнуолой (Тангнуолы, Тани уолы, Таннуоль), горный хребет 13, 166, 176, 198, 199, 203, 204, 254
 Таптыш, река 355
 Тара (Тары), город 105, 286, 313, 344, 345, 353, 372, 377, 389, 436, 538, 543
 Тара, река 432, 433
 Тарбагатай, Тарбагатайский хребет 19, 26, 41, 81, 87, 99, 101, 102, 103, 113–115, 117–120, 122, 126, 129–131, 133–136, 139–142, 155, 166, 178, 181, 183, 184, 190–192, 198, 202, 206, 208, 215, 216, 219–221, 223, 224, 229, 233, 232, 234, 235, 236, 328, 330, 332, 455, 478, 529
 Тасеевая, река 428
 Таскайнадбулак, горный поток 57
 Тассай, сухое русло, приток р. Кылы 22, 23, 24, 27
 Тастау, гора 117, 129, 140, 141
 Ташкент 228, 249, 292, 293, 294, 295, 297–299, 301, 375, 485
 Тека (Тек), озеро 298
 Текес, река 103, 105, 106
 Телекуль, озеро 265
 Телеское (Телецкое) озеро 342, 354, 441
 Темерчинская волость 254
 Темирчерга (Темирцорг, Темир-корга, Темиршорбя, Темир чергу, чергу), река 131, 132, 133, 438, 439
 Темирчи, горы 332
 Тенгис, река 172, 256
 Тениз (Балхаш) 438, 440
 Терсайрык, река 117, 119, 121, 122, 124–133, 136, 139
 Тёрткуль, возвышенность 39, 40, 41
 Теса (Тэс), река 165, 199, 204, 205, 207–212, 214, 215, 254
 Тесиргор, река 442
 Тибет 11, 12, 260, 263, 438, 500, 509, 513, 514
 Тигр, река 298, 501
 Тихий океан 538, 540, 541, 548
 Тлеу (Тляу), волость 158, 293
 Тобольск (Тоболск), город 104, 105, 108, 254, 266, 268, 270, 273, 274, 277, 281, 282, 284, 286, 287, 294, 302, 303, 313, 352, 353, 356–362, 374, 384, 386, 388–392, 394, 396, 398–402, 404–410, 423–425, 429, 435, 436, 442, 477, 536, 543, 550
 Тобольская губерния 160, 477
 Токрау, река 463, 478

- Томск, Томский город 104, 105, 107, 111, 254, 266–270, 274, 275, 278, 281, 284–288, 313, 344, 379, 384, 386, 396, 427, 436, 538
- Томская губерния 170, 179, 283, 284, 291, 303, 305, 307, 310, 341, 441, 477
- Томь, река 426, 441, 538
- Топольевый мыс 21, 22, 76, 77, 91, 92
- Торгай, река 442
- Тортогул (Торт.), волость 155, 156
- Троицк, город 107
- Туба, река 441
- Тугир, река 541
- Тугул, мыс 77
- Тузтау 293, 299
- Тулакчилик (Баллакчилик) 41
- Тулубулак, река 144
- Тума (Т.), волость 100, 155
- Тунгуска, река 427, 539
- Тунка, река 441, 442
- Тункинская долина (Тункинский острог) 257, 442
- Тура, река 429, 534
- Турай 332
- Турангыкул, озеро 67
- Тургай, река 332, 440, 441
- Туринск 534
- Туринский острог 436
- Туркестан (Туркустан) 85, 86, 103, 105, 163, 167, 200, 216, 228, 245, 261, 262, 264, 292, 293, 296, 297, 298, 299, 301, 381, 424, 425, 438, 440, 485, 521, 522, 532, 533, 544, 546
- Туркмения 264
- Турунгыкуль 90
- Туруханск 436, 538, 540
- Турфан, город 383
- Тылкара, река 442
- Тьянь-Шань (Тянь-Шань) 99, 103, 166, 168, 199–205, 209, 211, 254–256, 258
- Тюемуйнак 19
- Тюмень, город 105, 254, 284, 313, 432, 436
- Тюменьское княжество 533
- Тюс 296
- Уба, река 104, 105, 107
- Убинская станица 309, 310
- Убса, озеро 165, 178, 185, 186, 189
- Уваккирейская волость 68
- Угуркузун 143
- Узбой, река 264
- Уйгенташ 105
- Укэк, плоскогорье 525
- Улав 290
- Улангом, город 250, 251, 411
- Уланкучир, река 439
- Уланусун, река 142
- Уланхудук 208
- Уласты, река 133
- Ултарак, мыс 77
- Улукан, деревня 483, 488
- Улутау, горы 478
- Улuxeма, река 250
- Ульба, река 523, 524
- Улькункальджир (Ульконканджир), река 44, 45, 46, 64
- Улья, река 540, 541
- Улюнгур, озеро 439
- Улюнгур (Кызылбаш) 439
- Уляссутай, город 166, 201, 207,

- 213
Умар (Обь) 432
Унгурбей, река 440
Урал, река 27, 216, 219, 255,
288, 433, 435, 532, 534, 535
Урга, город 106, 108, 207, 209,
343, 344, 346, 363, 368, 370,
374, 375, 377, 378, 381–383,
387, 389, 398–402
Урджар, Урджарская станция
99, 102, 328
Урта, урочище 161, 186
Урентау, горы 18
Урунгу, река 166, 177, 157, 439
Урунхайка (Урянхайка), река 71,
527, 528
Урунхайский пикет 71
Урютюпе, город 293
Усолка, река 428
Усолье 534
Усть-Каменогорск 67, 70, 74,
75, 91, 92, 112, 142, 145, 148,
160, 163, 258, 290, 303, 307,
308, 310, 313, 328, 379, 382,
383, 386, 431, 521, 523, 525,
526
Устюг (Устюг Великий), город
106, 347
Учкачар, хребет 103
Уш 296, 299, 300
Ушкара, возвышенность 39, 40,
41
Ушкашар, хребет 135

Хабарасу (Хабар, Хамартабан,
Хамардабан), горный проход
101–104, 113, 133, 135, 139,
143, 144
Хабаргабазар, река 134, 143
Халдзынэлисын, местность 197
Халма (Халм), гора 142, 143
Халтарьшига (Халтыраш Ичкэ,
Халтырашичкэнор), озеро 144,
184, 197
Хами, город 166, 173, 192, 193,
196, 202, 204, 205, 208, 213,
255
Хангай, горы 48, 168, 178, 182,
187, 193, 198, 199, 202–205,
207–212, 214, 215, 256, 439,
529
Хантыкметы, река 184
Хан-Тэнгри, гора 103
Ханхухей, хребет 257
Хара, река 208
Хараусу, озеро 165, 297, 438
Харашар, город 184
Харихту, верхнее течение
р. Иртыш 439
Хобок, река 132
Холзун 525
Хониусу, озеро 201
Хорек, река 439
Хотонаши, долина 122, 123, 124,
130
Хоурлюкона орда 441
Хоэбин, река 208
Хуахема, река 250
Хульета 293
Хухунор, озеро 262

Царгурбан (Чар) 24, 104, 143
Цастубогдо, гора 198, 205, 207,
235
Цахирхудук 208
Цейлон, остров 127
Центральная Азия 104, 105,
253, 502, 521
Цзусылан, город 250

- Цынгага (Цынгиль), река 439
- Чабашу**, река 354
- Чаган (Чаган Махана, Чагангол, Чаганусун), река 89, 183, 354, 439
- Чаганчиль, горы 166
- Чаи, река 540
- Чакыльмыс (Чакылмыс), гора 30, 32, 34, 35, 36, 41, 80, 81, 134
- Чакырский рудник 112, 387
- Чакыртай 166
- Чанглыбулак, приток р. Кальджир 46, 47
- Чанов (Бараба) 432
- Чар (Чаргурбан, Чар Гурбан, Царгурбан), река 24, 104, 131, 132, 134, 143, 161, 163, 225, 377, 380
- Чарачемегень 387
- Чаргурбан (Чар Гурбан), гора 370, 374
- Чарым (Чарыш), река 123, 387, 431, 441
- Чаусков, селение 385
- Чахдур 366
- Чебуляк, Чегулян (Чигилек), река 24, 364, 365–366
- Чемкет, река 301
- Черга (Чорга), река 81, 82, 118, 119, 122, 131, 439
- Череевская волость 161
- Черлаковский форпост 67
- Черлацкая станица 303
- Черная речка 526
- Черное море 255, 427
- Чернолуцкая крепость 389
- Чернорецкий форпост (Черно-
речная станица) 53, 68
- Чертов ключ, река 524
- Черышский рудник 387
- Чесноковка, река 441
- Чигилек (Чегулян, Чегуляк, Чо-
гуляк), приток р. Кокбекты 24, 82, 104, 132, 364, 366
- Чилик, город 30, 90, 130, 293
- Чимкент, город 293, 295
- Чимырысык, река 101
- Чингиль, река 38, 183, 184, 203, 208
- Чингильды 37, 38, 39
- Чингистау, гора 160, 162
- Чирик 382
- Чирчик, река 292, 302
- Чолак 293
- Чорга (Черга) 81, 82, 118
- Чу (Чуи, Чюя), река 123, 230, 249, 298, 299, 301, 302, 440
- Чубсуат, мыс 77
- Чугучак, китайский город 99, 100, 101, 102, 114, 118, 135, 522
- Чудургатылган 184
- Чукотский мыс 542
- Чулым 286
- Чумек, река 51
- Чурчутоткель 22
- Чюлым, река 441
- Шабина дабага**, горный хребет 354
- Шагарская волость 254
- Шайдан, город 293
- Шарахулусун, река 103, 144, 183
- Шарихандарья 294
- Швейцария 51, 63
- Шелкалская волость 342

- Шилка, река 431
Шишкит, река 172, 255
Шуйская волость 254
Шушкурган, город 293
Шягрисябзь 262
- Эг, река 207
Эдиль (Волга) 473, 476, 481
- Ю**лдус 184
Юрлуково городище 431
Юсы Белые, река 442
Юсы Черные, река 442
Юшкаюк 298
- Я**кутск 436, 540
Ялуторовск 533
- Ям Курган 295
Ямыш (Ямышев, Ямышево, Ямышевское), озеро 67, 104, 110, 257, 286, 428, 432, 433, 440, 522
Ямышев, Ямышевская (город, крепость, станица) 6, 9, 67, 104, 107, 108, 109, 111, 112, 113, 145, 147, 148, 161, 307, 313, 347, 349, 357, 359, 360, 364, 371, 372, 373, 374, 377, 382, 384, 389, 396, 398—405, 407—410
Яна, река 540
Яркен (Яркендарья), река 104, 346
Яркенд (Яркен, Еркен), город 103, 104, 106, 345, 438, 521

Түйін

“Қазақстан тарихы орыс деректемелерінде” атты серияның VII томы. “Г. Н. Потанин. Зерттеулер мен материалдар”.

VII том XX ғасырдың көрнекті ғалымы және саяхатшысы Г. Н. Потаниннің (1835–1920) еңбектеріне арналды. Барынша мұқияттылықпен жинақталған тарихи-этнографиялық материалдар оқырманға Орталық Азияның тайпалары мен халықтарының салт-дәстүрі мен тұрмысын толық суреттеп береді. Ғалымның ақпараттық деректердің барынша шынайылығына, түпнұсқалық толықтығына терең мән беруі оның зерттеушілік принципіне айналған. Мұндағы бұрын жарияланбаған рецензиялар, аннотациялар, эссе, география мен тарихқа қатысты көптеген мәліметтері бар ғылыми экспедиция материалдары назар аудартады.

Көп жылғы еңбегінің нәтижесі түркі тайпаларының этникалық құрамы, орналасуы, шаруашылығы, мәдениеті және діни наным-сенімдері туралы сараптамалық зерттеулерге арқау болған. Ғалымның фольклортанулық ізденістері Орталық Азияны өзінше мәдени құбылыс ретінде пайымдауға құрылғаны байқалады. Қазақтың ауызша халық шығармашылығының көптеген үлгілерінің ғылыми айналымға тартылуы тікелей осы Г. Н. Потанинге байланысты. Ғалым жинаған тарихи-этнографиялық және фольклорлық мұралар терең зерттеулерді қажет етеді. Әлі де осы бағыттағы ғалым мұралары іздеуді қажет ететінін атап кеткен жөн.

Қазақ қоғамының өмірі, шаруашылығы, әлеуметтік құрылымы жайындағы бай фактілік материалдар тарихшы-мамандарды, Отанының тарихын білуге құмар жалпы оқырман қауымды қызықтырары сөзсіз.

Summary

On VII-th volume “G. N. Potanin. The Researches and materials” of “The History of Kazakhstan in Russian sources” series. The seventh volume includes famous scientist’s and traveller’s works of XIX century G. N. Potanin (1835–1920). Scrupulously collected by him historian-ethnographic material presents to reader the full picture of mode of life, tribe’s and folk’s customs of Central Asia. The striving to get information “from the first hands” appears as exploratory credo of scientist, who realizes urgency and value of the revealed information for his time. The broadly not published before reviews, summaries, compositions and, certainly, narrative materials of scientific expeditions, which consist in extensive data of Geography and History of outfields are little known before, have meaningful interest.

The results of long standing journey have got the expression in analytical reviews about ethnic structure, settling, farm, culture and faith confession of Turkic tribes. Scientist’s folklore researches demonstrate the process of the comprehension of Central Asia as special cultural phenomenon. Just G. N. Potanin belongs to merit of introduction in broad scientific turn many samples of Kazakh oral public creative activity. Today the gathered unique collection of historian-ethnographic and folklore legacy needs for special profound study and first of all - in discovering not yet published material.

The rich truthful material and unique information about life, farm, and social structure of Kazakh society will be in the interests of both historian-specialists and the most broad readership, are interesting in past of native land.

Содержание

Историко-этнографическое наследие Г. Н. Потанина (К. Ш. Алимгазинов).....	5
Путешествие на озеро Зайсан и речную область Черного Иртыша до озера Маркакуль и горы Сарытау летом 1863 года Карла Струве и Григория Потанина.....	18
Зимняя поездка на озеро Зайсан (зимой 1863–1864 гг.) Григория Потанина.....	70
Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 года Карла Струве и Григория Потанина.....	99
О рукописи капитана Андреева о Средней киргизской орде, писанной в 1785 году.....	160
Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником одного Г. Н. Потаниным.....	165
Племена и поколения, населяющие Северо-Западную Монголию (вып. 2).....	165
Племена и поколения, населяющие Северо-Западную Монголию (вып. 4).....	239
Привоз и вывоз товаров города Томска в половине XVII столетия.....	266
Алтай.....	288
Показание сибирского казака Максимова о Коканском владении.....	292
Заметки о Сибирском казачьем войске.....	303
Заметка о хлебопашестве в киргизской степи.....	331
[Летописный рассказ о гибели Ермакова отряда].....	334
Наши сношения с джунгарскими владельцами.....	342
Этнографические исследования, добытые экспедицией Г. Н. Потанина.....	411

Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году	423
О скотоводстве у киргизов Западной Сибири.....	443
Тюркская сказка о Идыге.....	455
Семипалатинск и другие города Семипалатинской области.....	521
Завоевание и колонизация Сибири	531
Указатель имен.....	555
Указатель географических названий.....	578
Түйін	595
Summary	596

ББК 63.3 (5 Каз)

П 64

**История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков.
Том VII.**

П 64 Потанин Г. Н. Исследования и материалы / Составление тома и указателей, транскрипция текстов, историографический очерк К. Ш. Алимгазинова. — Алматы: Дайк-Пресс, 2006. — 600 с.

ISBN 9965-798-26-5

В седьмой том вошли труды видного ученого и путешественника XIX века Г. Н. Потанина (1835–1920). Скрупулезно собранный им историко-этнографический материал дает читателю полную картину быта и обычаев племен и народов Центральной Азии. Стремление получить информацию из первых рук выступает исследовательским кредо ученого, осознающего актуальность и значимость для своего времени выявляемых сведений. Значительный интерес представляют ранее широко не публиковавшиеся рецензии, аннотации, эссе и, безусловно, материалы научных экспедиций, в которых собраны обширные данные по географии и истории до этого малоизвестных и неизученных областей.

Результаты многолетних путешествий получили выражение в аналитических обзорах об этническом составе, расселении, хозяйстве, культуре и вероисповедовании тюркских племен. Фольклорные изыскания ученого демонстрируют процесс осмысления Центральной Азии как особого культурного феномена. Именно Г. Н. Потанину принадлежит заслуга введения в широкий научный оборот многих образцов казахского устного народного творчества. Собранный уникальная коллекция историко-этнографического и фольклорного наследия сегодня нуждается в специальном углубленном изучении и прежде всего — в выявлении еще не опубликованных материалов.

Богатый фактологический материал и уникальные сведения о жизни, хозяйстве, социальной структуре казахского общества будут интересны как историкам-специалистам, так и самому широкому кругу читателей, интересующихся прошлым Отечества.

П 0503020905
00 (05) — 06

ББК 63.3 (5 Каз)

Научное издание

Серия

**“ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ
XVI–XX ВЕКОВ”**

VII

том

Потанин Г. Н. Исследования и материалы

Составление тома и указателей, транскрипция текстов,
историографический очерк К. Ш. Алимгазинова

Редактор Н. В. Леонова

Корректор Н. М. Галкина

Дизайнер К. К. Карпун

Компьютерная верстка Г. К. Шаккозовой

Подписано в печать 19.12.06. Формат 60x90¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 37,5.

Тираж 3000 экз.

Издательство ТОО “Дайк-Пресс”,
050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29.

Тел.: 61-28-35, 61-32-75

E-mail: daik@mail.ru, daiksof@mail.ru

Директор Б. А. Казгулов

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика на Полиграфкомбинате
ТОО “Корпорация Атамур” Республики Казахстан,
050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41

ISBN 9965-798-26-5

9 789965 798269